P. o. rel. 2857

Afanasjew

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ СКАЗКИ.

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ СКАЗКИ.

А. Н. АѲАНАСЬЕВА.

ВЫПУСКЪ VIII.

Изданіе К. Солдатенкова.

ЦѢНА 1 Р. 50 К. СЕР.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Дозволено ценсурой. Москва, сентября 7-го, 1863 года.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

1.

ПЕРУШКО ФИНИСТА-ЯСНА СОКОЛА [1]).

Былъ-жилъ старикъ со старухою. У нихъ было три дочери, меньшая была такая красавица, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Разъ собрался старикъ въ городъ на ярманку, и говоритъ: «дочери мои любезныя! что̀ вамъ надобно, приказывайте—все искуплю на ярманкѣ.» Старшая проситъ: «купи мнѣ, батюшко, новое платье.» Середняя: «купи мнѣ, батюшко, шалевой платочекъ.» А меньшая говоритъ: «купи мнѣ аленькой цвѣточекъ.» Засмѣялся старикъ надъ меньшою дочкою: «ну что тебѣ, глупенькая, въ аленькомъ цвѣточкѣ? много ли въ немъ корысти! Я тебѣ лучше нарядовъ накуплю.» Только что̀ ни говорилъ, никакъ не могъ уговорить ее: купи аленькой цвѣточекъ — да и только! Поѣхалъ старикъ на ярманку, купилъ старшей дочери платье, середней — шалевой платокъ, а цвѣточка аленькаго во всемъ городѣ не нашелъ. Ужь на самомъ выѣздѣ попадается ему незнакомой старичокъ — несётъ въ рукахъ аленькой цвѣточекъ. «Продай мнѣ, старинушка, твой цвѣтокъ!»—Онъ у меня не продажной, а завѣтной: буде младшая дочь твоя пойдетъ за моего сына Финиста-ясна сокола [2]), такъ отдамъ тебѣ цвѣтокъ даромъ. Призадумался отецъ: не взять цвѣточка — дочку огорчить, а

[1]) См. вып. VII, № I.

[2]) Въ другомъ спискѣ: Фифилиста-ясна сокола.

взять — надо будетъ замужъ ее выдать, и Богъ знаетъ за кого! Подумалъ-подумалъ, да таки взялъ аленькой цвѣточекъ; «что за бѣда! думаетъ, послѣ присватается да коли нехорошъ, такъ и отказать можно!» Пріѣхалъ домой, отдалъ старшей дочери платье, середней шаль, а меньшухѣ отдаетъ цвѣточекъ и говоритъ: «не любъ мнѣ твой цвѣточекъ, дочь моя любезная, больно не любъ!» а самъ шепчетъ ей потихоньку на̀ ухо: «вѣдь цвѣточекъ-то завѣтной былъ, а не продажной; взялъ я его у незнакомаго старика съ условіемъ отдать тебя замужъ за его сына Финиста-ясна сокола.» — Не печалься, батюшко! отвѣчаетъ дочка; вѣдь онъ такой доброй да ласковой; яснымъ соколомъ летаетъ по поднебесью, а какъ ударится о сырую землю — такъ и станетъ молодѐцъ молодцо̀мъ! «Да ты развѣ его знаешь?» — Знаю, знаю, батюшко! въ прошлое воскресенье онъ у обѣдни былъ, все на меня смотрѣлъ; я и говорила съ нимъ... вѣдь онъ любитъ меня, батюшко! Старикъ покачалъ головой, посмотрѣлъ на дочь таково пристально, перекрестилъ ее, и говоритъ: «поди въ свѣтёлку, дочка моя милая! ужь спать пора; утро вечера мудренѣе — послѣ разсудимъ!» А дочка заперлась въ свѣтёлкѣ, опустила аленькой цвѣточекъ въ воду, отворила окошко да и смотритъ въ синюю даль. Откуда ни возьмись — взвился передъ ней Финистъ-ясёнъ соколъ-цвѣтныя пёрушки, впорхнулъ въ окошечко, ударился о̀бъ полъ и сталъ мо̀лодцемъ. Дѣвушка было испугалась; а потомъ, какъ заговорилъ онъ съ нею, и не вѣсть какъ стало весело и хорошо на̀ сердцѣ. До зари они разговаривали — ужь не вѣдаю о чемъ; знаю только, что какъ начало свѣтать, Финистъ-ясёнъ соколъ-цвѣтныя пёрушки поцѣловалъ ее, да и говоритъ: «каждую ночь, какъ только поставишь ты аленькой цвѣточекъ на окно, стану прилетать къ тебѣ, моя милая! Да вотъ тебѣ пёрушко изъ моего крыла; если понадобятся тебѣ какіе наряды, выйди на крылечко да только махни имъ въ правую сторону—

и вмигъ передъ тобой явится все, что душѣ угодно!» Поцѣловалъ ее еще разъ, обернулся яснымъ соколомъ и улетѣлъ за темный лѣсъ. Дѣвушка посмотрѣла вслѣдъ своему суженому, затворила окно и легла почивать. Съ той поры каждую ночь, лишь поставитъ она аленькой цвѣточекъ на растворенное окошечко, прилетаетъ къ ней доброй мòлодецъ Финистъ-ясёнъ соколъ.

Вотъ наступило воскресенье. Старшія сестры стали къ обѣднѣ наряжаться; «а ты что надѣнешь? у тебя и обновокъ-то нѣту!» говорятъ младшей. Она отвѣчаетъ: «ничего, я и дома помолюсь!» Старшія сестры ушли къ обѣднѣ, а меньшуха сидитъ у окна вся запачканная, да смотритъ на православной народъ, чтò идетъ къ церкви божіей. Выждала время, вышла на крылечко, махнула цвѣтнымъ пёрушкомъ въ правую сторону, и откуда ни возьмись — явились передъ ней и карета хрустальная, и кони заводскіе, и прислуга въ золотѣ, и платья и всякіе уборы изъ дорогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ. Въ минуту одѣлась красная дѣвица, сѣла въ карету и понеслась въ церковь. Народъ смотритъ да красотѣ ея дивуется; «видно, какая-нибудь царевна пріѣхала!» говорятъ промежъ себя люди. Какъ запѣли «Достойно», она тотчасъ вышла изъ церкви, сѣла въ карету и укатила назадъ. Людъ православной вышелъ было поглазѣть, куда она поѣдетъ; да не тутъ-то было! давно и слѣдъ простылъ. А наша красавица лишь подъѣхала къ своему крылечку, тотчасъ махнула цвѣтнымъ пёрушкомъ въ лѣвую сторону: вмигъ прислуга ее раздѣла и карета изъ глазъ пропала. Сидитъ она по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывала, да смотритъ въ окошечко, какъ православные изъ церкви по домамъ расходятся. Пришли и сестры домой: «ну, сестрица! говорятъ, какая красавица была нонче у обѣдни! просто заглядѣнье, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Должно быть, царевна изъ иныхъ земель пріѣзжала—

такая пышная, разодѣтая!» Наступаетъ другое и третье воскресенье; красная дѣвица знай морочитъ народъ православной, и сестеръ своихъ, и отца съ матерью. Да въ послѣдній разъ стала раздѣваться, и позабыла вынуть изъ косы бриллiантовую булавку. Приходятъ изъ церкви старшiя сестры, разсказываютъ ей про царевну-красавицу, да какъ взглянутъ на сестру-меньшуху, а бриллiантъ такъ и горитъ у нея въ косѣ. «Ахъ, сестрица! что это у тебя? закричали дѣвушки; вѣдь точь-въ-точь эдакая булавка была сегодня на головѣ у царевны. Откуда ты достала ее?» Красная дѣвица ахнула и убѣжала въ свою свѣтёлку. Распросамъ, догадкамъ, перешептываньямъ конца не было; а меньшая сестра молчитъ себѣ да потихоньку смѣется. Вотъ большiя сестры стали замѣчать за нею, стали по ночамъ у свѣтёлки подслушивать, и подслушали одинъ разъ разговоръ ея съ Финистомъ-яснымъ соколомъ, а на зарѣ своими глазами увидѣли, какъ выпорхнулъ онъ изъ окна и полетѣлъ за темный лѣсъ. Злыя, видно, были дѣвушки—большiя сестрицы! Уговорились онѣ поставить на̀ вечеръ потаенные ножи на окнѣ сестриной свѣтёлки, чтобы Финистъ-ясёнъ соколъ подрѣзалъ свои цвѣтныя крылушки. Вздумали — сдѣлали, а меньшая сестра и не догадалась, поставила свой аленькой цвѣточекъ на окно, прилегла на постель и крѣпко заснула. Прилетѣлъ Финистъ-ясёнъ соколъ да какъ порхнетъ въ окошко и обрѣзалъ свою лѣвую ножку; а красная дѣвица ничего не вѣдаетъ, спитъ себѣ такъ сладко, такъ спокойно! Сердито взвился ясёнъ соколъ въ поднебесье и улетѣлъ за темный лѣсъ.

Поутру проснулась красавица, глядитъ во всѣ стороны—ужь свѣтло, а добра мо̀лодца нѣтъ какъ нѣтъ! Какъ взглянетъ на окно, а на окнѣ крестъ-на̀-крестъ торчатъ ножи острые и каплетъ съ нихъ алая кровь на цвѣтокъ. Долго дѣвица заливалась горькими слезами, много безсонныхъ ночей провела у окна

своей свѣтёлки, пробовала махать цвѣтнымъ пёрушкомъ — все напрасно: не летитъ ни Финистъ-ясёнъ соколъ, ни слугъ не шлётъ! Наконецъ со слезами на глазахъ пошла она къ отцу, выпросила благословеніе: «пойду, говоритъ, куда глаза глядятъ!» Приказала себѣ сковать три пары желѣзныхъ башмаковъ, три костыля желѣзные, три колпака желѣзные и три просвиры желѣзныя; пару башмаковъ нà ноги, колпакъ нà голову, костыль въ руки и пошла въ ту сторону, откуда прилеталъ къ ней Финистъ ясёнъ соколъ. Идетъ лѣсомъ дремучимъ, идетъ черезъ пни-колоды; ужь желѣзные башмаки истаптываются, желѣзной колпакъ изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная дѣвица все идетъ да идетъ, а лѣсъ все чернѣе, все чаще. Вдругъ видитъ: стоитъ передъ ней чугунная избушка на курьихъ ножкахъ и безпрестанно повертывается. Дѣвица говоритъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка повернулась къ ней передомъ. Вошла въ избушку, а въ ней лежитъ баба-яга — изъ угла въ уголъ, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ [1]). «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ не слыхать, а нынче русской духъ по вольному свѣту ходитъ, въ очью является [2]), въ носъ бросается! Куда путь, красная дѣвица, держишь? отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — Былъ у меня, бабуся, Финистъ-ясёнъ соколъ-цвѣтныя пёрушки; сестры мои ему зло сдѣлали. Ищу теперь Финиста-ясна сокола. «Далеко-жъ тебѣ идти, малютка! надо пройдти еще тридевять земель. Финистъ-ясёнъ соколъ-цвѣтныя пёрушки живетъ въ пятидесятомъ царствѣ, въ осьмидесятомъ государствѣ, и ужь сосватался на царевнѣ.» Баба-яга накормила-напоила дѣвицу, чѣмъ Богъ послалъ, и спать уложила, а на утро, только свѣтъ началъ брезжиться, разбудила ее, дала дорогой

[1]) *Вар.* а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, въ чугунной ступѣ.

[2]) *Вар.* въ-явѣ видится.

подарокъ — золотой молоточекъ да десять брилльянтовыхъ гвоздиковъ, и наказываетъ: «какъ прійдешь къ синему морю, невѣста Финиста-ясна сокола выйдетъ на берегъ погулять, а ты возьми золотой молоточекъ въ ручки и поколачивай бриллъянтовые гвоздики; станетъ она ихъ покупать у тебя, ты, красная дѣвица, ничего не бери, только проси посмотрѣть Финиста-ясна сокола. Ну, теперь ступай съ Богомъ къ моей середней сестрѣ!» Опять идетъ красна дѣвица темнымъ лѣсомъ — все дальше и дальше, а лѣсъ все чернѣе и гуще, верхушками въ небо вьётся. Ужь другіе башмаки истаптываются, другой колпакъ изнашивается, желѣзной костыль ломается и желѣзная просвира изгрызена — и вотъ стоитъ передъ дѣвицей чугунная избушка на курьихъ ножкахъ и безпрестанно повертывается. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; мнѣ въ тебя лѣзти — хлѣба ѣсти.» Избушка повернулась къ лѣсу задомъ, къ дѣвицѣ передомъ. Входитъ туда, а въ избушкѣ лежитъ баба-яга — изъ угла въ уголъ, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ. «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ не слыхать, а нынче русской духъ по вольному свѣту сталъ ходить! Куда, красная дѣвица, путь держишь?» — Ищу, бабуся, Финиста-ясна сокола. «Ужь онъ жениться хочетъ! нонче у нихъ дѣвишникъ», сказала баба-яга, накормила-напоила и спать уложила дѣвицу, а на утро чуть свѣтъ будитъ ее, даетъ золотое блюдечко съ бриллъянтовымъ шарикомъ и крѣпко-накрѣпко наказываетъ: «какъ пріидешь на берегъ синя моря да станешь катать бриллъянтовой шарикъ по золотому блюдечку, выйдетъ къ тебѣ невѣста Финиста-ясна сокола, станетъ покупать блюдечко съ шарикомъ; а ты ничего не бери, только проси посмотрѣть Финиста-ясна сокола-цвѣтныя пёрушки. Теперь ступай съ Богомъ къ моей старшей сестрѣ!» Опять идетъ красна дѣвица темнымъ лѣсомъ — все дальше и дальше, а

лѣсъ все чернѣе и гуще. Ужь третьи башмаки истаптываются, третій колпакъ изнашивается, послѣдній костыль ломается и послѣдняя просвира изглодана. Стоитъ чугунная избушка на курьихъ ножкахъ—то и дѣло поворачивается. «Избушка, избушка! повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; мнѣ въ тебя лѣзти—хлѣба ѣсти.» Избушка повернулась. Въ избушкѣ опять баба-яга, лежитъ изъ угла въ уголъ, губы на грядкѣ, носъ въ потолокъ. «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу видомъ было не видать, слыхомъ было не слыхать, а нынче русской духъ по вольному свѣту ходитъ! Куда, красная дѣвица, путь держишь?»—Ищу, бабуся, Финиста-ясна сокола. «Ахъ, красна дѣвица, ужь онъ на царевнѣ женился! вотъ тебѣ мой быстрой конь, садись и поѣзжай съ Богомъ!» Дѣвица сѣла на коня и помчалась дальше, а лѣсъ все рѣже да рѣже.

Вотъ и синё море — широкое и раздольное — разлилось передъ нею, а тамъ вдали какъ жаръ горятъ золотыя маковки на высокихъ теремахъ бѣлокаменныхъ. «Знать это царство Финиста-ясна сокола!» подумала дѣвица, сѣла на сыпучій песокъ и поколачиваетъ золотымъ молоточкомъ брилльянтовые гвоздики. Вдругъ идетъ по берегу царевна съ мамками, съ няньками, съ вѣрными служанками, остановилась и ну торговать брилльянтовые гвоздики съ золотымъ молоточкомъ. «Дай мнѣ, царевна, только посмотрѣть на Финиста-ясна сокола, я тебѣ ихъ даромъ уступлю», отвѣчаетъ дѣвушка.—Да Финистъ-ясёнъ соколъ теперь спитъ, никого не велѣлъ пускать къ себѣ; ну, да отдай мнѣ свои прекрасные гвоздики съ молоточкомъ — ужь я, такъ и быть! покажу его тебѣ. Взяла молоточекъ и гвоздики, побѣжала во дворецъ, воткнула въ платье Финиста-ясна сокола волшебную булавку, чтобы онъ покрѣпче спалъ да побольше отъ сна не вставалъ; послѣ приказала мамкамъ проводить красну дѣвицу во дворецъ къ своему мужу-ясну соколу, а сама гулять пошла. Долго

дѣвица убивалась, долго плакала надъ милымъ; никакъ не могла разбудить его... Нагулявшись вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала ее и вынула булавку. Финистъ-ясёнъ соколъ проснулся: «ухъ, какъ я долго спалъ! Здѣсь, говоритъ, кто-то былъ, все надо мной плакалъ да причитывалъ; только я никакъ не могъ глазъ открыть — такъ тяжело мнѣ было!» — Это тебѣ во снѣ привидѣлось! отвѣчаетъ царевна; здѣсь никто не бывалъ! На другой день красная дѣвица опять сидитъ на берегу синяго моря и катаетъ брилльянтовой шарикъ по золотому блюдечку. Вышла царевна гулять, увидала и проситъ: «продай мнѣ!» — Позволь только посмотрѣть на Финиста-ясна сокола, я тебѣ и даромъ уступлю! Царевна согласилась, и опять приколола платье Финиста-ясна сокола булавкою. Опять красна дѣвица горько плачетъ надъ милымъ, и не можетъ разбудить его. На третій день она сидитъ на берегу синяго моря такая печальная, грустная, и кормитъ своего коня калёными угольями. Увидала царевна, что конь жаромъ кормится, и стала торговать его. «Позволь только посмотрѣть на Финиста-ясна сокола, я тебѣ его и даромъ отдамъ!» Царевна согласилась, прибѣжала во дворецъ, и говоритъ: «Финистъ-ясёнъ соколъ! дай я тебѣ въ головѣ поищу.» Сѣла въ головѣ искать и воткнула ему въ волосы булавку — онъ тотчасъ заснулъ крѣпкимъ сномъ; послѣ посылаетъ своихъ мамокъ за красной дѣвицей. Та пришла, будитъ своего милаго, обнимаетъ, цѣлуетъ, а сама горько-горько плачетъ; нѣтъ, не просыпается! Стала ему въ головѣ искать и выронила нечаянно волшебную булавку — Финистъ-ясёнъ соколъ-цвѣтныя пёрушки тотчасъ проснулся, увидѣлъ красну дѣвицу и такъ-то обрадовался! Она ему разсказала все, какъ было: какъ позавидовали ей злыя сестры, какъ она странствовала и какъ торговалась съ царевною. Онъ полюбилъ ее больше прежняго, поцѣловалъ въ уста сахарныя, и велѣлъ

не мѣшкая созвать бояръ и князей и всякаго чину людей. Сталъ у нихъ спрашивать: «какъ вы разсудите, съ которой женою мнѣ вѣкъ коротать — съ этой-ли, что̀ меня продавала, или съ этою, что̀ меня выкупала?» Всѣ бояре и князья и всякаго чину люди въ одинъ голосъ рѣшили: взять ему ту, которая выкупала, а ту, что̀ его продавала, повѣсить на воротахъ и разстрѣлять. Такъ и сдѣлалъ Финистъ-ясёнъ соколъ-цвѣтныя пёрушки! [1])

(Записана въ вологодской губерніи.)

2.

БУРЯ-БОГАТЫРЬ ИВАНЪ-КОРОВІЙ-СЫНЪ [2]).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ король съ своей королевою; не имѣли они дѣтей, а жили вмѣстѣ годовъ до десяти, такъ что король послалъ по всѣмъ царямъ, по всѣмъ городамъ, по всѣмъ народамъ — по чернети [3]): кто бы могъ полѣчить, чтобъ королева забеременила? Съѣхались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормилъ ихъ до̀сыта, напоилъ всѣхъ до̀пьяна, и

[1]) *Варіантъ:* Финистъ-ясёнъ соколъ, узнавши, что царевна продавала его за бриліанты, за золото, велѣлъ своимъ слугамъ согнать ее со двора; а самъ обвѣнчался на душѣ-красной дѣвицѣ. Нечего и говорить, какъ было весело на этой свадьбѣ; много было тутъ и царей и царевичей, и королей и королевичей, и всякаго люду православнаго. Я и самъ тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

[2]) См. вып. II, № 30; вып. III, № 2; вып. V, № 54; вып. VII, № 3, и въ этомъ вып. № 9. — [3]) Че́рнеть — простой народъ, чернь (Дополн. къ Опыту областн. великор. словаря, стр. 299).

началъ выспрашивать. Никто не знаетъ-не вѣдаетъ, никто не берется сказать, отъ чего-бъ королева могла плодъ понести; только взялся крестьянской сынъ. Король вынимаетъ и даетъ ему полну̀ горсть червонцевъ, и назначаетъ сроку три дня. Ну, крестьянской сынъ взяться-взялся, а что́ сказать — того ему и во снѣ не снилося; вышелъ онъ изъ города и задумался крѣпко. Попадается ему на встрѣчу старушка: «скажи мнѣ, крестьянской сынъ, о чемъ ты задумался?» Онъ ей отвѣчаетъ: «молчи, старая хрычовка, не досаждай мнѣ!» Вотъ она впередъ забѣжала, и говоритъ: «скажи мнѣ думу свою крѣпкую; я человѣкъ старой, все знаю.» Онъ подумалъ: «за что я ее избранилъ? можетъ быть, что̀ и знаетъ. Вотъ, бабушка, взялся я королю сказать, отъ чего бы королева плодъ понесла; да самъ не знаю.» — То-то! а я знаю; поди къ королю и скажи, чтобъ связали три невода шелковые; которое море подъ окошкомъ — въ немъ есть щука златокрылая, противъ самаго дворца завсегда гуляетъ. Когда поймаетъ ее король да изготовитъ, а королева покушаетъ, тогда и понесетъ дѣтище. Крестьянской сынъ самъ поѣхалъ ловить на́ море; закинулъ три невода шелковые — щука вскочила и порвала всѣ три невода. Въ другой разъ закинулъ — тожъ порвала. Крестьянской сынъ снялъ съ себя поясъ и съ шеи шелковой платочекъ, завязалъ эти невода, закинулъ въ третій разъ — и поймалъ щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взялъ и понёсъ къ королю. Король приказалъ эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королевѣ. Повара щуку чистили да мыли, помои за окошко лили; пришла корова, ополощины [1]) выпила. Какъ скоро повара щуку изжарили, прибѣжала дѣвка-чернавка, положила ее на блюдо понесла къ королевѣ, да доро́гой оторвала крылышко и попробовала. Всѣ три

[1]) Помои (Дополн. къ Опыту обл. словаря, стр. 161).

понесли въ одинъ день, въ одинъ часъ: корова, дѣвка-чернавка и королева. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ со скотнаго двора скотница, докладываетъ королю, что корова родила человѣка. Король весьма удивился; не успѣлъ онъ принять эти рѣчи, какъ бѣгутъ сказать ему, что дѣвка-чернавка родила мальчика точь-въ-точь, какъ коровій сынъ; а вслѣдъ за тѣмъ приходятъ докладывать, что и королева родила сына точь-въ-точь, какъ коровій — голосъ въ голосъ и волосъ въ волосъ. Чудные уродились мальчики! Кто ростетъ по годамъ, а они ростутъ по часамъ; кто въ годъ — они въ часъ таковы, кто въ три года — они въ три часа. Стали они на возрастѣ, заслышали въ себѣ силу могучую, богатырскую, приходятъ къ отцу-королю и просятся въ городъ погулять, людей посмотрѣть и себя показать. Онъ имъ позволилъ, наказалъ гулять тихо и смирно, и далъ денегъ столько, сколько взять смогли. Пошли добрые мòлодцы: одинъ назывался Иванъ-царевичъ, другой Иванъ-дѣвкинъ сынъ, третій Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ; ходили-ходили, ничего не купили. Вотъ Иванъ-царевичъ завидѣлъ стеклянные шарики, и говоритъ братьямъ: «давайте, братцы, купимъ по шарику да станемъ вверхъ бросать; кто броситъ выше, тотъ у насъ будетъ старшій.» Братья согласились; кинули жеребій — кому бросать впередъ? вышло Ивану-царевичу. Онъ кинулъ высоко, а Иванъ-дѣвкинъ сынъ еще выше, а Буря-богатырь-коровій сынъ такъ закинулъ, что̀ изъ виду пропалъ, и говоритъ: «ну теперь я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «какъ-такъ коровій сынъ, а хочетъ быть старшимъ!» На то Буря-богатырь ему отвѣчалъ: «видно такъ Богу угодно, чтобъ вы меня слушались.» Пошли они путемъ-дорогою, приходятъ къ Черному морю, въ морѣ клохчетъ гадъ. Иванъ-царевичъ говоритъ: «давайте, братцы! кто этотъ гадъ уйметъ, тотъ изъ насъ будетъ большой!» Братья

согласились. Буря-богатырь говоритъ: «унимай ты, Иванъ-царевичъ! уймешь — будешь надъ нами старшій.» Онъ началъ кричать, унимать, гадъ пуще разозлился. Потомъ началъ унимать Иванъ-дѣвкинъ сынъ—тоже ничего не сдѣлалъ. А Буря-богатырь закричалъ да свою тросточку въ воду бросилъ — гаду какъ не бывало! и опять говоритъ: «я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «не хотимъ быть меньшими братьями!» — Ну такъ оставайтесь сами по себѣ! сказалъ Буря-богатырь и воротился въ свое отечество; а тѣ два брата пошли—куда глаза глядятъ. Король узналъ, что Буря-богатырь одинъ пришелъ, и приказалъ посадить его въ крѣпость; не даютъ ему ни пить, ни ѣсть трое сутокъ. Богатырь застучалъ кулакомъ въ каменную стѣну и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «доложите-ка своему королю, а моему названному отцу, за что-про что онъ меня не кормитъ? мнѣ ваши стѣны не стѣны и рѣшотки не рѣшотки, захочу—все кулакомъ разшибу!» Тотчасъ докладываютъ все это королю; король приходитъ къ нему самъ и говоритъ: «что ты, Буря-богатырь, похваляешься?» — Названной мой батюшка! за что-про что ты меня не кормишь, трое сутокъ голодною смертью моришь? я не знаю за собой никакой вины. «А куда ты дѣвалъ моихъ сыновей, а своихъ братьевъ?» Буря-богатырь-коровій сынъ разсказалъ ему, какъ и что было: «братья живы, здоровы, ничѣмъ невредимы, а пошли—куда глаза глядятъ.» Король спрашиваетъ: «отчего-же ты самъ съ ними не пошелъ?»—Отъ того, что Ивану-царевичу хочется быть старшимъ, а по жеребью мнѣ достается. «Ну, хорошо! я пошлю воротить ихъ.» Буря-богатырь говоритъ: «никто, окромя меня, не догонитъ ихъ; они пошли въ такія мѣста — въ змѣиные края, гдѣ выѣзжаютъ изъ Чернаго моря три змѣя шести, девяти и двѣнадцати-главые.» Король началъ его просить; Буря-богатырь-коровій сынъ собрался во путь-во дороженьку, взялъ палицу бое-

вую и мечь-кладенецъ, и пошелъ. Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается; шелъ-шелъ, и догналъ братьевъ близь Чернаго моря у калиноваго моста; у того моста столбъ стоитъ, на столбѣ написано, что тутъ выѣзжаютъ три змѣя. «Здравствуйте, братцы!» Они ему обрадовались, и отвѣчаютъ: «здравствуй, Буря-богатырь, нашъ старшій братъ!» — Что, видно, не вкусно вамъ—что̀ на столбѣ написано? Осмотрѣлся кругомъ — около моста избушка на курьихъ ножкахъ, на пѣтуховой головкѣ, къ лѣсу передомъ, а къ нимъ задомъ; Буря-богатырь и закричалъ: «избушка, избушка! устойся да улягся къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ.» Избушка перевернулась; взошли въ нее, а тамъ столъ накрытъ, на столѣ всего много—и кушаньевъ и напитковъ разныхъ; въ углу стоитъ кровать тесовая, на ней лежитъ перина пуховая. Буря-богатырь говоритъ: «вотъ, братцы! еслибъ не я, вамъ бы ничего этого не было.» Сѣли, пообѣдали, потомъ легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь сказываетъ: «ну, братцы! сегоднишнюю ночь будетъ выѣзжать змѣй шестиглавой; давайте кидать жеребій, кому караулить?» Кинули — досталось Ивану-дѣвкину сыну; Буря-богатырь ему и говоритъ: «смотри-же, выскочитъ изъ моря кувшинчикъ и станетъ передъ тобой плясать, ты на него не гляди, а возьми-наплюй на него да и разбей.» Дѣвкинъ сынъ какъ пришелъ, такъ и уснулъ. А Буря-богатырь, зная, что его братья — люди ненадёжные, самъ пошелъ; ходитъ по̀ мосту, да тросточкой постукиваетъ. Вдругъ выскочилъ передъ нимъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ; Буря-богатырь наплевалъ-нахаркалъ на него и разбилъ на мелкія части. Тутъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лѣзетъ чудо-юда-мосальская гу̀ба змѣй шестиглавой, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Конь бѣ-

житъ, только земля дрожитъ, изъ-подъ ногъ ископыть по сѣнной копнѣ летитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ валитъ. Чудо-юда сѣлъ на него и поѣхалъ на калиновой мостъ; конь подъ нимъ спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь, али недруга?» Отвѣчаетъ доброй конь: «есть намъ недругъ—Буря-богатырь-коровій сынъ.»—Врёшь, воронье мясо! его костей сюда ворона въ пузырѣ не занашивала, не только ему самому быть! «Ахъ ты, чудо-юда! отозвался Буря-богатырь-коровій сынъ, ворона костей моихъ не занашивала, я самъ здѣсь погуливаю.» Змѣй его спрашиваетъ: «зачѣмъ ты пріѣхалъ? сватать моихъ сестеръ, али дочерей?» — Нѣтъ, братъ! въ полѣ съѣзжаться, родней не считаться; давай воевать. Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся—три головы ему снёсъ; въ другой разъ остальныя снёсъ. Взялъ туловище разсѣкъ да и въ море бросилъ, головы подъ калиновой мостъ спряталъ, а коня привязалъ къ ногамъ дѣвкину сыну, мечь-кладенецъ положилъ ему въ головы; самъ пошелъ въ избушку и легъ спать, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Иванъ-дѣвкинъ сынъ проснулся, увидѣлъ коня и очень обрадовался, сѣлъ на него, поѣхалъ къ избушкѣ и кричитъ: «вотъ Буря богатырь не велѣлъ мнѣ смотрѣть на кувшинчикъ, а я посмотрѣлъ, такъ Господь и коня мнѣ далъ!» Тотъ отвѣчаетъ: «тебѣ далъ, а намъ еще посулилъ!» На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить; Буря-богатырь и ему тоже сказалъ объ кувшинчикѣ. Царевичъ сталъ по мосту похаживать, тросточкой постукивать — выскочилъ кувшинчикъ и началъ передъ нимъ плясать; онъ на него засмотрѣлся и заснулъ крѣпкимъ сномъ. А Буря-богатырь, не надѣясь на брата, самъ пошелъ; по мосту похаживаетъ, тросточкой постукиваетъ—выскочилъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ. Буря богатырь наплевалъ-нахаркалъ на него и разбилъ въ дребезги. Вдругъ утка крякнула, берега звякнули,

море взболталось, море всколыхалось—лѣзетъ чудо юда-мосальская гу̀ба, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта огненное пламя пышетъ; сталъ передъ нимъ какъ вкопаной. Сѣлъ на него чудо-юда змѣй девятиглавой, поѣхалъ на калиновой мостъ; нà мостъ въѣзжаетъ, подъ нимъ конь спотыкается. Бьетъ его чудо-юда по крутымъ бедрамъ: «что, воронье мясо, спотыкаешься —слышишь друга, али недруга?» — Есть намъ недругъ Буря-богатырь-коровiй сынъ. «Врёшь ты! его костей ворона въ пузырѣ не занашивала, не только ему самому быть!» — Ахъ ты, чудо-юда-мосальская гу̀ба! отозвался Буря-богатырь, самъ я здѣсь другой годъ разгуливаю. «Что-же, Буря-богатырь, на сестрахъ моихъ али на дочеряхъ сватаешься?»—Въ полѣ съѣзжаться, не родней считаться; давай воевать! Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся—три головы, какъ кочки, снёсъ; въ другой размахнулся—еще три головы снёсъ, а въ третiй и остальныя срубилъ. Взялъ туловище разсѣкъ да въ Черное море бросилъ, го̀ловы подъ калиновой мостъ запряталъ, коня привязалъ къ ногамъ Ивана-царевича, а мечь-кладенецъ положилъ ему въ головы; самъ пошелъ въ избушку и легъ спать, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Утромъ Иванъ-царевичъ проснулся, увидѣлъ коня еще лучше перваго, обрадовался, ѣдетъ и кричитъ: «эй, Буря-богатырь, не велѣлъ ты мнѣ смотрѣть на кувшинчикъ, а а мнѣ Богъ коня далъ лучше перваго.» Тотъ отвѣчаетъ: «вамъ Богъ далъ, а мнѣ только посулилъ!» Подходитъ третья ночь, сбирается Буря-богатырь на караулъ; поставилъ столъ и свѣчку, воткнулъ въ стѣну ножикъ, повѣсилъ на него полотенце, далъ братьямъ колоду картъ, и говоритъ: «играйте, ребята, въ карты, да меня не забывайте; какъ станетъ свѣча дого-

рать, а съ этого полотенца будетъ въ тарелкѣ кровь прибывать, то бѣгите скорѣй на̀ мостъ ко мнѣ на подмогу.» Буря-богатырь по̀ мосту похаживаетъ, тросточкой постукиваетъ—выскочилъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ; онъ на него наплевалъ-нахаркалъ и разбилъ на мелкія части. Вдругъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось—лѣзетъ чудо-юда-мосальская гу̀ба змѣй двѣнадцатиглавой, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта огненное пламя пышетъ; прибѣжалъ и сталъ передъ нимъ какъ вкопаной. Чудо-юда сѣлъ на него и поѣхалъ; въѣзжаетъ на̀ мостъ, конь подъ нимъ спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? или почуялъ недруга?»—Есть намъ недругъ Буря-богатырь-коровій сынъ. «Молчи, его костей сюда ворона въ пузырѣ не занашивала!»—Врёшь ты, чудо-юда-мосальская гу̀ба! я самъ здѣсь третій годъ погуливаю. «Что-же, Буря-богатырь, на моихъ сестрахъ али дочеряхъ хочешь жениться?» — Въ полѣ съѣзжаться, родней не считаться; давай воевать. «А, ты убилъ моихъ двухъ братьевъ, такъ думаешь и меня побѣдить!» — Тамъ что Богъ дастъ! только послушай, чудо-юда-мосальская гу̀ба, ты съ конемъ, а я пѣшкомъ; уговоръ лучше всего: лежачаго не бить. Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся—и съ разу снёсъ три головы; въ другой разошелся — змѣй его сшибъ. Богатырь кричитъ: «стой, чудо-юда! уговоръ былъ: лежачаго не бить.» Чудо-юда далъ ему справиться; тотъ всталъ—и сразу три головы полетѣли, какъ кочки. Начали они биться; нѣсколько часовъ возились, оба изъ силъ выбились: у змѣя еще три головы пропали, у богатыря палица лопнула. Буря-богатырь-коровій сынъ снялъ съ лѣвой ноги сапогъ, кинулъ въ избушку—поло-

вину ея долой снёсъ, а братья его спятъ, не слышутъ; снялъ съ правой ноги сапоґъ, бросилъ — избушка по бревну раскатилася, а братья все не просыпаются. Буря-богатырь взялъ обломокъ палицы, пустилъ въ конюшню, гдѣ два жеребца стояли, и выломилъ изъ конюшни дверь; жеребцы прибѣжали нà мостъ и вышибли змѣя изъ сѣдла вонъ. Тутъ богатырь обрадовался, подбѣжалъ къ нему и отсѣкъ ему остальные три головы; змѣиное туловище разсѣкъ да въ Черное море кинулъ, а гòловы подъ калиновой мостъ засунулъ. Послѣ взялъ трехъ жеребцовъ, свелъ въ конюшню, а самъ подъ калиновой мостъ спрятался, на мосту и кровь не подтёръ. Братья поутру проснулись, смотрятъ—избушка вся разсыпалась, тарелка полнà крови; вошли въ конюшню—тамъ три жеребца; удивляются, куда дѣлся старшій братъ? искали его трое сутокъ—не нашли, и говорятъ промежъ себя: «видно, они убили другъ друга, а тѣла ихъ пропали; поѣдемъ теперь домой!» Только чтò коней осѣдлали, приготовились было ѣхать, Буря-богатырь проснулся и выходитъ изъ-подъ моста: «что-же вы, братцы, товарища своего покидаете? я васъ отъ смерти избавлялъ, а вы все спали и на пòмочь ко мнѣ не приходили.» Тутъ они пали передъ нимъ на колѣни: «виноваты, Буря-богатырь, большой нашъ братъ!» — Богъ васъ проститъ! Пошепталъ онъ надъ избушкою: «какъ прежде была, такъ и нынѣ будь!» Избушка явилась по прежнему—и съ кушаньемъ, и съ напитками. «Вотъ, братцы, пообѣдайте, а то безъ меня, чай, замерли; а потомъ и поѣдемъ.» Пообѣдали и поѣхали въ путь-въ дорожку; отъѣхавши версты двѣ, говоритъ Буря-богатырь-коровій сынъ: «братцы! я забылъ въ избушкѣ плёточку; поѣзжайте шажкомъ, пока я за ней слетаю.» Пріѣхалъ онъ къ избушкѣ, слѣзъ съ своего коня, пустилъ его въ заповѣдные луга: «ступай, доброй конь, пока не спрошу тебя.» Самъ оборотился мушкой, полетѣлъ въ избушку и сѣлъ на печку. Немного погодя пришла туда баба-

яга и сѣла въ передній уголъ; приходитъ къ ней молодая невѣстка: «ахъ, матушка! вашего сына, а моего мужа, погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: забѣгу впередъ и пущу ему день жаркой, а сама сдѣлаюсь зеленымъ лугомъ; въ этомъ зеленомъ лугу оборочусь я колодцемъ, въ этомъ колодцѣ станетъ плавать серебреная чарочка [1]); да еще оборочусь я тесовой кроваткою. Захотятъ братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тутъ-то и разорветъ ихъ по макову зёрнышку!» Говоритъ ей матка: «такъ ихъ злодѣевъ и надобно!» Приходитъ вторая невѣстка: «ахъ, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: забѣгу напередъ, оборочусь прекраснымъ садомъ, черезъ тынъ будутъ висѣть плоды разные—сочные, пахучіе! Захотятъ они сорвать—что кому понравится; тутъ-то ихъ и разорветъ по макову зёрнышку!» Отвѣчаетъ ей матка: «и ты хорошо вздумала.» Приходитъ третья меньшая невѣстка: «ахъ, матушка, погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ вашего сына, а моего мужа. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: оборочусь старой избушкою; захотятъ они обночевать въ ней, только взойдутъ въ избушку — тотчасъ и разорветъ ихъ по макову зёрнышку!»—Ну, невѣстки мои любезныя! если вы ихъ не сгубите, то завтрашній день сама забѣгу напередъ, оборочусь свиньею, и всѣхъ троихъ проглочу. Буря-богатырь, сидя на печи, выслушалъ эти рѣчи, вылетѣлъ на улицу, ударился оземь и сдѣлался опять молодцемъ; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Буря-богатырь сѣлъ на него и поѣхалъ; навязалъ на палочку мочалочку, до-

[1]) *Вар.* ковшъ.

гоняетъ своихъ товарищей и говоритъ имъ: «вотъ, братцы, безъ какой плёточки я жить не могу!»—Эхъ, братъ, за какою дрянью ворочался! съѣхали бы въ городъ, купили бы новую. Вотъ ѣдутъ они степями, долинами; день такой жаркой, что терпѣнья нѣтъ, жажда измучила! Вотъ и зеленой лугъ, на лугу трава муравая, на травѣ кровать тесовая. «Братъ Буря-богатырь! давай лошадей накормимъ на этой травкѣ и сами отдохнемъ на тесовой кроваткѣ; тутъ и колодезь есть — холодной водицы попьемъ.» Буря-богатырь говоритъ своимъ братьямъ: «колодезь стоитъ въ степяхъ и въ даляхъ; никто изъ него воды не беретъ-не пьетъ.» Соскочилъ съ своего коня добраго, началъ этотъ колодезь сѣчь и рубить — только кровь брызжетъ; вдругъ сдѣлался день туманной, жара спала и пить не хочется. «Вотъ видите, братцы! какая вода настойчивая, словно кровь.» Поѣхали они дальше. Долго ли, коротко ли—ѣдутъ мимо прекраснаго сада. Говоритъ Иванъ-царевичъ старшему брату: «позволь намъ сорвать по яблочку.» —Эхъ, братцы! садъ стоитъ въ степяхъ-въ даляхъ; можетъ быть, яблоки-то старинныя да гнилыя; коли съѣшь—еще хворь нападетъ. Вотъ я пойду, посмотрю наперёдъ! Сошелъ онъ въ садъ и началъ сѣчь и рубить, перерубилъ всѣ деревья до единаго. Братья на него разсердились, что по ихному не дѣлаетъ. Ѣдутъ они путемъ дорогою, пристигаетъ ихъ темная ночь; подъѣзжаютъ къ одной хижинѣ: «братъ Буря-богатырь! вишь дождикъ заходитъ, давай обночуемъ въ этой хижинкѣ.» — Эхъ, братцы! лучше раскинемъ палатки и въ чистомъ полѣ обночуемъ, чѣмъ въ этой хижинѣ; эта хижина старая, взойдемъ въ нее — она насъ задавитъ; вотъ я сойду да посмотрю. Сошелъ онъ въ эту избушку, и началъ рубить ее—только кровь прыщетъ! «Сами видите, какая это избушка—совсѣмъ гнилая! поѣдемте лучше впередъ.» Братья ворчатъ про себя, а виду не подаютъ, что сердятся. Ѣдутъ дальше;

вдругъ дорога расходится на̀двое. Буря-богатырь говоритъ: «братцы! поѣдемте по лѣвой дорогѣ.» Они говорятъ: «поѣзжай — куда хочешь, а мы съ тобой не поѣдемъ.» И поѣхали они вправо, а Буря-богатырь влѣво. Пріѣзжаетъ Буря-богатырь, Иванъ-коровій сынъ, въ деревню; въ этой деревнѣ двѣнадцать кузнецовъ работаютъ. Вотъ онъ крикнулъ-свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «кузнецы, кузнецы! подите всѣ сюда.» Кузнецы услыхали, всѣ двѣнадцать къ нему прибѣжали: «что тебѣ угодно?» Обтягивайте кузницу желѣзнымъ листомъ. Они кузницу ду̀хомъ обтянули. «Куйте, кузнецы, двѣнадцать прутьевъ желѣзныхъ, да накаливайте клещи до̀красна! Прибѣжитъ къ вамъ свинья и скажетъ: кузнецы, кузнецы! подайте мнѣ виноватаго; не подадите мнѣ виноватаго, я васъ всѣхъ и съ кузницей проглочу. А вы скажѝте: ахъ, матушка свинья! возьми отъ насъ этого дурака, онъ давно надоѣлъ намъ; только высунь языкъ въ кузницу, такъ мы его на языкъ тебѣ посадимъ.» Только успѣлъ Буря-богатырь имъ приказъ отдать, вдругъ является къ нимъ свинья большущая и громко кричитъ: «кузнецы, кузнецы! подайте мнѣ виноватаго.» Кузнецы всѣ вразъ отвѣчали: «матушка свинья! возьми ты отъ насъ этого дурака, онъ намъ давно надоѣлъ; только высунь языкъ въ кузницу, мы тебѣ на языкъ его и посадимъ.» Свинья была проста, недогадлива, высунула языкъ на цѣлую сажень; Буря-богатырь схватилъ ее за языкъ горячими клещами и вскричалъ кузнецамъ: «возьмите прутья желѣ́зные, катайте ее хорошенечко!» До тѣхъ поръ ее колотили, пока рёбра оголились. «А ну, сказалъ Буря-богатырь, возьмите-ка ее - подержите, дайте я ее попотчую!» Схватилъ онъ желѣзной прутъ, какъ ударитъ ее—такъ всѣ рёбра пополамъ. Взмолилась ему свинья: «Буря-богатырь! пусти мою душеньку на покаяніе.» Буря-богатырь говоритъ: «а зачѣмъ моихъ братьевъ проглотила?»—Я твоихъ братьевъ

сейчасъ отдамъ. Онъ схватилъ ее за̀ уши; свинья харкнула— и выскочили оба брата и съ лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнялъ ее и со всего размаху ударилъ о сырую землю; свинья разсыпалась аредомъ [1]). Говоритъ Буря-богатырь своимъ братьямъ: «видите ли, глупцы, гдѣ вы были?» Они пали на колѣни: «виноваты, Буря-богатырь-коровій сынъ!» — Ну, теперь поѣдемте во путь-во дороженьку; помѣхи намъ никакой не будетъ. Подъѣзжаютъ они къ одному царству—къ индѣйскому королю, и раскинули въ его заповѣдныхъ лугахъ палатки. Король поутру проснулся, поглядѣлъ въ подзорную трубу, увидалъ палатки, и призываетъ къ себѣ перваго министра: «поди, братецъ! возьми съ конюшни лошадь, поѣзжай въ заповѣдные луга и узнай: что тамъ за невѣжи пріѣхали, безъ моего позволенія палатки раскинули и огни разложили въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ?» Пріѣхалъ министръ и спрашиваетъ: «что вы за̀ люди, цари ли-царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучіе богатыри?» Отвѣчаетъ Буря-богатырь-коровій сынъ: «мы сильномогучіе богатыри, пріѣхали на королевской дочери свататься; доложи своему королю, чтобъ отдавалъ свою дочь за Ивана-царевича въ супружество; а коли не отдастъ дочери—чтобы высылалъ войско.» Спрашиваетъ король у своей дочери, пойдетъ ли она за Ивана-царевича?—Нѣтъ, батюшка, я за него идти не хочу; высылайте войско. Сейчасъ въ трубы затрубили, въ тимпаны забили, войско скопилось и отправилось въ заповѣдные луга; столько выпало войска, что̀ Иванъ-царевичъ и Иванъ-дѣвкинъ сынъ испугались. Въ то время Буря-богатырь-коровій сынъ варилъ

[1]) Аредъ—нечистой духъ, колдунъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 3). Въ другомъ спискѣ: свинья глотаетъ коня Ивана-коровьина сына; онъ, съ помощію кузнецовъ, хватаетъ ее за языкъ раскаленными клещами, запрягаетъ въ соху и начинаетъ пахать землю. Свинья провела борозду до самаго моря и бросилась пить воду, пила-пила, пока лопнула. Кузнецы сковали Ивану-коровьину сыну желѣзнаго коня, на которомъ онъ и поѣхалъ дальше.

пустоварку къ завтраку, и мѣшалъ поварёшкой [1]) эту кашицу; вышелъ, какъ махнулъ поварёшкою—такъ половину войска и положилъ; вернулся, помѣшалъ кашицу, вышелъ да махнулъ—и другую половину на мѣстѣ положилъ, только оставилъ одного криваго да другаго слѣпаго. «Доложите, говоритъ, королю, чтобы выдавалъ свою дочь Марью-королевну за Ивана-царевича замужъ; а не отдастъ, такъ войско бы высылалъ, да и самъ выѣзжалъ.» Кривой и слѣпой приходятъ къ своему королю и говорятъ: «государь! Буря-богатырь приказалъ тебѣ доложить, чтобы отдавалъ свою дочь за Ивана-царевича въ замужство; а самъ-то онъ больно сердитъ былъ, всѣхъ насъ поварёшкою перебилъ.» Приступалъ король къ своей дочери: «дочь моя любезная! ступай за Ивана-царевича замужъ.» Дочь ему отвѣчаетъ: «дѣлать нечего, надо будетъ идти за него. Прикажи, батюшка, за нимъ карету послать.» Король тотчасъ карету послалъ, а самъ у воротъ стоитъ-дожидается. Иванъ-царевичъ пріѣхалъ съ обоими братьями; король принялъ ихъ съ музыкой, съ барабаннымъ боемъ, учтиво и ласково посадилъ за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Тутъ Буря-богатырь шепнулъ Ивану-царевичу: «смотри, Иванъ-царевичъ! королевна подойдетъ и спросится у тебя: позволь мнѣ уйдти на одинъ часокъ! а ты скажи: ступай хоть на два!» Посидѣвши нѣсколько времени, подходитъ королевна къ Ивану-царевичу и говоритъ: «позволь мнѣ, Иванъ-царевичъ, выйдти въ другую горницу—переодѣться.» Иванъ-царевичъ отпустилъ ее; она вышла изъ комнатъ вонъ, а Буря-богатырь за ней въ-зади тихимъ шагомъ идетъ. Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетѣла на̀ море; Буря-богатырь ударился о̀земь, оборотился соколомъ и полетѣлъ за ней слѣдомъ. Королевна прилетѣла на̀ море,

[1]) Уполовникъ (ibidem, стр. 161).

ударилась ὀземь, оборотилась красной дѣвицей, и говоритъ: «дѣдушка-дѣдушка, золотая головушка, серебреная бородушка! поговоримъ-ка съ тобою.» Дѣдушка высунулся изъ синя моря: «что тебѣ, внученка, надобно?»—Сватается за меня Иванъ-царевичъ, не хотѣлось бы мнѣ за него замужъ идти, да все наше войско побито. Дай мнѣ, дѣдушка, съ твоей головы три волоска; такъ я покажу Ивану-царевичу: узнай де, Иванъ царевичъ, съ какого корешка эта травка? Дѣдушка далъ ей три волоска; она ударилась ὀземь, оборотилась голубкой и полетѣла домой; а Буря-богатырь ударился ὀземь, оборотился такой-же дѣвицей и говоритъ: «дѣдушка-дѣдушка! выйди еще, поговори со мною; позабыла тебѣ словечко сказать.» Только дѣдушка высунулъ изъ воды свою голову, Буря-богатырь схватилъ и сорвалъ ему голову, ударился ὀземь, оборотился орломъ и прилетѣлъ во дворецъ скорѣй королевны. Вызываетъ Ивана-царевича въ сѣни: «нà тебѣ, Иванъ-царевичъ, эту голову; подойдетъ къ тебѣ королевна, покажетъ три волоса: узнай де, Иванъ-царевичъ, съ какого корешка эта травка? Ты и покажъ ей голову.» Вотъ подходитъ королевна, показываетъ Ивану-царевичу три волоса: «угадай, царевичъ, съ какого корешка эта травка? если узнаешь, то пойду за тебя замужъ, а не узнаешь — не прогнѣвайся!» А Иванъ-царевичъ вынулъ изъ-подъ полы голову, ударилъ объ столъ: «вотъ тебѣ и корень!» Королевна сама про себя подумала: «хороши молодцы!» Просится: «позволь, Иванъ-царевичъ, пойдти переодѣться въ другой горницѣ.» Иванъ-царевичъ ее отпустилъ; она вышла на крыльцо, ударилась ὀземь, оборотилась голубкою и опять полетѣла нà море. Буря-богатырь взялъ у царевича голову, вышелъ на дворъ, ударилъ эту голову объ крыльцо, и говоритъ: «гдѣ прежде была, тамъ и будь!» Голова полетѣла, прежде королевны на мѣсто поспѣла и срослась съ туловищемъ. Королевна остановилась у моря, ударилась ὀземь, оборотилась красной

дѣвицей: «дѣдушка-дѣдушка! выйди, поговори со мною.» Тотъ вылѣзаетъ: «что, внученка, тебѣ надобно?»—Никакъ твоя голова тамъ была? «Не знаю, внученка! никакъ я крѣпко спалъ.» —Нѣтъ, дѣдушка, твоя голова была тамъ. «Знать, какъ была ты въ послѣдній разъ да хотѣла мнѣ словечко молвить, втѣпоры, видно, мнѣ и сорвали голову.» Ударилась она оземь, оборотилась голубкою и полетѣла домой; переодѣлась въ другое платье, пришла и сѣла съ Иваномъ-царевичемъ рядомъ. На другой день поѣхали они къ вѣнцу законъ принять; какъ скоро отъ вѣнца пріѣхали, Буря-богатырь повелъ Ивана-царевича показывать — гдѣ ему спальня приготовлена, подаетъ ему три прута: одинъ желѣзной, другой мѣдной, а третій оловянной, и говоритъ: «коли хочешь быть живъ, позволь мнѣ лечь съ королевною на твое мѣсто.» Царевичъ согласился. Повелъ король молодыхъ въ постель укладывать. Въ то время Буря-богатырь-коровій сынъ смѣнилъ царевича, и какъ лёгъ, такъ и захрапѣлъ; наложила королевна на него ногу, наложила и другую, потомъ взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочилъ изъ-подъ нея, взялъ желѣзной прутъ и началъ ее бить; до тѣхъ поръ билъ, пока весь прутъ изломалъ; потомъ принялся за мѣдной, и тотъ весь изломалъ; послѣ мѣднаго началъ бить оловяннымъ. Замолилась королевна, великими клятвами заклялась, что не станетъ эдакихъ дѣлъ дѣлать. Поутру всталъ Буря-богатырь, пошелъ къ Ивану-царевичу: «ну, братъ, ступай-посмотри: какъ твоя жена у меня выучена; которые были приготовлены три прута, всѣ объ нее изломалъ. Теперь живите благополучно, любите другъ друга и меня не забывайте.» [1])

(Записана въ оренбургской губерніи.)

[1]) Въ другомъ спискѣ сказка оканчивается такъ: Поутру всталъ Буря-богатырь и говоритъ царевичу: «теперь ничего не бойся! твоя жена выучена.

3.

ПОЙДИ ТУДА—НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО—НЕ ЗНАЮ ЧТО [1]).

а. Пошелъ отставной солдатъ Тарабановъ странствовать; шелъ онъ недѣлю, другую и третью, шелъ цѣлой годъ, и попалъ за тридевять земель, въ тридесятое государство — въ такой дремучій лѣсъ, что̀ кромѣ неба да деревьевъ ничего не видать. Долго ли, коротко ли — выбрался онъ на чистую поляну, на полянѣ огромной дворецъ выстроенъ. Смотритъ на дворецъ да дивуется — эдакаго богатства не вздумать, не взгадать, только въ сказкѣ сказать! Обошелъ кругомъ дворца — нѣтъ ни воротъ, ни подъѣзда, нѣтъ ходу ни

Только смотри, какъ пойдешь съ нею въ баню париться, не моги ахать!» Пришло время, пошелъ Иванъ-царевичъ съ королевною въ баню; глянулъ онъ на ея тѣло бѣлое, такъ и ахнулъ: «ахъ, какіе рубцы значатся!» — А, думаетъ королевна, такъ это не ты меня билъ, а твой братъ Буря-богатырь. Съ той поры стала она приставать къ царевичу: «отруби своему старшему брату ноги; вѣдь онъ надо мной насмѣялся!» Иванъ-царевичъ отрубилъ ему сонному ноги. Буря-богатырь взялъ свои отрубленыя ноги, выбрался ползкомъ въ чистое поле, натянулъ тугой лукъ, пустилъ калену стрѣлу и убилъ своего коня; выпотрошилъ, залѣзъ въ лошадиное брюхо, и сидитъ-дожидается. Прилетѣлъ воронъ съ воронятами и спустился падали поклевать. Бу̀ря-богатырь хвать — и поймалъ воронёнка. «Отдай, богатырь, мое дѣтище!» кричитъ воронъ. «Принеси мнѣ живой и мертвой воды, тогда отдамъ.»—Хорошо, отвѣчаетъ воронъ; только привяжи мнѣ на хвостъ два пузырёчка. Скоро слеталъ воронъ и принесъ живой и мертвой воды. Буря-богатырь выпустилъ воронёнка, брызгнулъ тою водой себѣ на̀ ноги — и хоть сейчасъ бѣжать готовъ; брызгнулъ на коня — и конь ожилъ. Воротился домой, а Иванъ-царевичъ свиней пасетъ: такъ ему жена присудила Какъ увидѣла королевна, что Буря-богатырь - коровій сынъ, опять съ ногами сталъ, тотчасъ повинилася. Съ того времени жила она съ Иваномъ-царевичемъ въ любви и совѣтѣ, никакого дурна не дѣлала.

[1]) См. вып. VII, № 4.

откудова. Какъ быть? глядь — длинная жердь валяется, поднялъ ее, приставилъ къ балкону, напустилъ на себя смѣлость и полѣзъ по той жерди; взлѣзъ на балконъ, растворилъ стеклянныя двери и пошелъ по всѣмъ покоямъ—вездѣ пусто, ни одна душа не попадается! Входитъ солдатъ въ большую залу — стоитъ круглой столъ, на столѣ двѣнадцать блюдъ съ разными кушаньями и двѣнадцать графиновъ съ сладкими винами. Захотѣлось ему голодъ утолить: взялъ съ каждаго блюда по куску, отлилъ изъ каждаго графина по рюмкѣ, выпилъ и закусилъ; залѣзъ за печку, ранецъ въ голова положилъ и легъ отдыхать. Не успѣлъ задремать хорошенько — какъ вдругъ прилетаютъ въ окно двѣнадцать лебёдушекъ [1]), ударились о̀бъ полъ и сдѣлались красными дѣвицами — одна другой лучше; крылушки свои на печь положили, сѣли за столъ и начали угощаться — каждая съ своего блюда, каждая изъ своего графина. «Послушайте, сестрицы! говоритъ одна, у насъ что-то неладно. Кажись, ви̇на отпиты и кушанья по̀чаты.» — Полно, сестрица! ты завсегда больше всѣхъ знаешь! Солдатъ запримѣтилъ, куда онѣ положили крылушки; то̀тчасъ тихонько поднялся и взялъ пару крылушекъ той самой дѣвицы, которая была всѣхъ догадливѣе; взялъ и спряталъ. Красныя дѣвицы пообѣдали, встали изъ-за стола, подбѣжали къ печкѣ и ну разбирать свои крылушки. Всѣ разобрали, только одной не хватаетъ. «Ахъ, сестрицы, моихъ крылушекъ нѣту!» — Ну, что-жъ? за то ты больно хитра! Вотъ одиннадцать сестеръ ударились о̀бъ полъ, обернулись бѣлыми лебёдушками и улетѣли въ окно; а двѣнадцатая какъ была, такъ и осталась, и горько-горько заплакала. Солдатъ вылѣзъ изъ-за печки; увидала его красная дѣвица и начала жалостно упрашивать, чтобы отдалъ ей крылушки. Говоритъ ей солдатъ:

[1]) *Вар.* голубушекъ.

«сколько ни проси, сколько ни плачь — ни за что не отдамъ твоихъ крылушекъ! Лучше согласись быть моей женою, и станемъ жить вмѣстѣ.» Тутъ они межъ собой поладили, обнялись и крѣпко поцѣловались. Повела красная дѣвица своего нарѣченнаго мужа въ подвалы глубокіе, отперла большой сундукъ, желѣзомъ окованной, и говоритъ: «забирай себѣ золота, сколько снести можешь, чтобъ было чѣмъ жить-не прожить, было бы на что хозяйство водить!» Солдатъ насыпалъ себѣ полны карманы золота, выбросилъ изъ ранца старыя заслужо̀нныя рубашки, набилъ и его золотомъ. Послѣ собрались они и пошли вдвоемъ въ путь-дорогу дальнюю. Долго ли, коротко ли — пришли въ славной столичной городъ, наняли себѣ квартиру и расположились на житьё. Въ одинъ день говоритъ солдату его жена: «нà тебѣ сто рублей, поди въ лавки, и какъ есть на всю сотню купи мнѣ разнаго шелку.» Солдатъ пошелъ въ лавки, смотритъ — на дорогѣ кабакъ стоитъ: «неужли, думаетъ, изъ сотни рублей нельзя выпить и на гривенникъ? дай зайду!» Зашелъ въ кабакъ, выпилъ косушку, заплатилъ гривенникъ, и отправился за шелкомъ; сторговалъ большой свёртокъ, приноситъ домой и отдаетъ женѣ. Она спрашиваетъ: «на сколько тутъ?» — На сто рублей. «Анъ неправда! ты купилъ на сто рублей безъ гривенника. Куда-жъ, говоритъ, ты гривенникъ дѣвалъ? вѣрно, въ кабакѣ пропилъ!» — Ишь какая хитрая! думаетъ солдатъ про себя; всю подноготную знаетъ. Изъ того шелку вышила солдатская жена три чудныхъ ковра и послала мужа продавать ихъ; богатой купецъ далъ за каждой коверъ по три тысячи, дождался большаго праздника и поднесъ тѣ ковры самому королю въ подарокъ. Король какъ взглянулъ, такъ и ахнулъ отъ удивленія: «что за искусныя руки работали!» — Это, говоритъ купецъ, простая солдатская жена вышила. «Быть не можетъ! гдѣ она живетъ; я самъ къ ней поѣду.» На другой-

же день собрался и поѣхалъ къ ней новую работу заказывать; пріѣхалъ, увидалъ красавицу и по уши въ нее врѣзался. Вернулся во дворецъ и задумалъ думу нехорошую, какъ-бы отъ живаго мужа жену отбить. Призываетъ къ себѣ любимаго генерала: «выдумай, говоритъ, какъ извести солдата; награжу тебя и чинами, и деревнями, и золотой казной» — Ваше величество! задайте ему трудную службу: пусть пойдетъ на край свѣта да Сауру-слугу достанетъ; тотъ Саура слуга можетъ въ карманѣ жить, и что ему ни прикажешь — живо все сдѣлаетъ! Король послалъ за солдатомъ, и какъ скоро привели его во дворецъ, тотчасъ на него накинулся: «ахъ ты, неразумная голова! по кабакамъ, по трактирамъ ходишь, да все хвастаешь, что Сауру-слугу достать — для тебя плёвое дѣло. Что жъ ты напередъ ко мнѣ не пришелъ, ни единаго слова про то не сказалъ? у меня вѣдь двери никому не заперты.» — Ваше величество! мнѣ такой похвальбы и на умъ не всходило. «Ну, братъ Тарабановъ! не моги запираться; ступай на край свѣта и добудь мнѣ Сауру-слугу. Не добудешь — злой смертью казню!» Прибѣжалъ солдатъ къ женѣ и разсказалъ свое горе; она вынула колечко: «нà, говоритъ, колечко; куда оно покатится, туда и ступай — ничего не бойся!» Наставила его на умъ-на разумъ и отпустила въ дорогу. Кольцо катилось-катилось, докатилось до избушки, вспрыгнуло на крылечко, въ дверь да подъ печку. Солдатъ за нимъ вошелъ въ избушку, залѣзъ подъ печь, и сидитъ-дожидается. Вдругъ приходитъ туда старикъ-самъ съ ноготь, борода съ локоть, и сталъ кликать: «эй, Саура! покорми меня.» Только приказалъ, въ ту-жъ минуту передъ нимъ является быкъ печòной, въ боку ножъ точòной, въ заду чеснокъ толчòной, и сороковая бочка хорошаго пива. Старикъ-самъ съ ноготь, борода съ локоть сѣлъ возлѣ быка, вынулъ ножъ точоной, началъ мясо порѣзывать, въ чеснокъ помакивать, покушивать да

похваливать. Обработалъ быка до послѣдней косточки, выпилъ цѣлую бочку пива и вымолвилъ: «спасибо, Саура! хорошо твое кушанье; черезъ три года я опять къ тебѣ буду.» Попрощался и ушелъ. Солдатъ вылѣзъ изъ-подъ печки, напустилъ на себя смѣлость и крикнулъ: «эй, Саура! ты здѣсь?» — Здѣсь, служивой! «Покорми, братъ, и меня.» Саура подалъ ему жаренаго быка и сороковую бочку пива; солдатъ испугался: «что ты, Саура, столько подалъ! мнѣ этого и въ годъ не съѣсть, не выпить.» Съѣлъ куска два, выпилъ съ бутылку, поблагодарилъ за обѣдъ, и спрашиваетъ: «не хочешь ли Саура, у меня служить?» — Да коли возьмешь, я съ радостью пойду; старикъ мой такой обжора, что̀ иной разъ изъ силъ выбьешься, пока его до̀сыта учествуешь. «Ну, пойдемъ! полѣзай въ карманъ.» — Я давно, сударь, тамъ. Тарабановъ вышелъ изъ той избушки; кольцо покатилось, стало путь показывать, и долго ли, коротко ли — привело солдата домой. Онъ тотчасъ явился къ государю, кликнулъ Сауру и оставилъ его при королѣ служить. Опять призываетъ король генерала: «вотъ ты сказывалъ, что солдатъ Тарабановъ самъ пропадетъ, а Сауры ни за что не добудетъ; а онъ вернулся цѣлёхонекъ и Сауру принесъ!» — Ваше величество! можно выискать потруднѣй того службу: прикажите-ка ему на тотъ свѣтъ идти да узнать, какъ поживаетъ тамъ вашъ покойной батюшка? Король не сталъ долго раздумывать и въ ту-жъ минуту послалъ курьера, чтобъ представили къ нему солдата Тарабанова. Курьеръ поскакалъ. «Эй, служба! одѣвайся; король тебя требуетъ.» Солдатъ почистилъ на шинели пуговицы, одѣлся, сѣлъ съ курьеромъ и поѣхалъ во дворецъ. Является къ королю; король ему и говоритъ: «послушай, неразумная голова! что ты по всѣмъ трактирамъ, по кабакамъ хвастаешь, а мнѣ не доложишься, будто можешь ты на тотъ свѣтъ дойтить и узнать, какъ поживаетъ мой покойной батюшка?» — Помилуйте, ваше величество! такой похвальбы

мнѣ и въ голову не всходило, чтобъ на тотъ свѣтъ попасть. Окромя смерти, иной дороги туда — какъ передъ Богомъ! — не вѣдаю. «Ну, какъ хочешь, такъ и дѣлай; а непремѣнно сходи и узнай про моего батюшку; не то мой мечь, твоя голова съ плечъ!» Тарабановъ воротился домой, повѣсилъ свою буйную голову ниже могучихъ плечъ и сильно запечалился; спрашиваетъ его жена: «о чемъ пріунылъ, любезной другъ? скажи мнѣ сущую правду.» Онъ ей разсказалъ все попорядку. «Ничего, не печалься! Ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе.» На другой день поутру только проснулся солдатъ, посылаетъ его жена: «ступай къ государю и проси себѣ въ товарищи того самаго генерала, которой на тебя короля наущаетъ.» Тарабановъ одѣлся, приходитъ къ королю и проситъ: «ваше королевское величество! дайте мнѣ генерала въ товарищи; пусть онъ будетъ свидѣтелемъ, что я взаправду на томъ свѣтѣ побываю и про вашего родителя безо всякаго обману провѣдаю.» — Хорошо, братецъ! ступай домой, собирайся; я его къ тебѣ пришлю. Тарабановъ воротился домой и началъ въ дорогу собираться; а король потребовалъ къ себѣ генерала: «ступай, говоритъ, и ты съ солдатомъ; а то ему одному повѣрить нельзя.» Генералъ струхнулъ, да дѣлать нечего — королевскаго слова нельзя ослушаться: нѐхотя побрёлъ на солдатскую квартиру. Тарабановъ наклалъ сухарей въ ранецъ, налилъ воды въ манерку, попрощался съ своей женою, взялъ у нея колечко, и говоритъ генералу: «ну, теперь съ Богомъ въ путь!» Вышли они на дворъ; у крыльца стоитъ дорожная коляска—четвернёй запряжена. «Это кому?» спрашиваетъ солдатъ. — Какъ кому? мы поѣдемъ. «Нѣтъ, ваше превосходительство! коляски намъ не потребуется; на тотъ свѣтъ надо пѣшкомъ идти.» Кольцо впереди катится, за кольцомъ солдатъ идетъ, а за нимъ генералъ тащится. Путь далёкой, захочется солдату ѣсть — вынетъ изъ ранца су-

харикъ, помочетъ въ водѣ и кушаетъ; а товарищъ его только посматриваетъ да зубами пощолкиваетъ. Коли дастъ ему солдатъ сухарикъ—такъ и ладно, а не дастъ—и такъ идетъ. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ скоро сказка сказывается—пришли они въ густой, дремучій лѣсъ и спустились въ глубокой-глубокой оврагъ. Тутъ кольцо остановилося. Солдатъ съ генераломъ сѣли наземь и принялись сухари глодать; не успѣли покушать, какъ глядь—мимо ихъ на старомъ королѣ два чорта дрова везутъ — большущій возъ! и погоняютъ его дубинками: одинъ съ праваго боку, а другой съ лѣваго. «Смотрите, ваше превосходительство! никакъ это старой король?» — Да, твоя правда! говоритъ генералъ; это онъ самой дрова везетъ. «Эй, господа нечистые! закричалъ солдатъ, ослободите мнѣ этого покойника хоть на малое время; нужно кой о чемъ его распросить.» — Да, есть намъ время дожидаться! Пока ты будешь съ нимъ разговаривать, мы за него дрова не потащимъ. «Зачѣмъ самимъ трудиться! вотъ возьмите у меня свѣжаго человѣка на смѣну.» Черти мигомъ отпрягли стараго короля, а на его мѣсто заложили въ телегу генерала и *давай* съ обѣихъ сторонъ нажаривать; тотъ гнётся, а везетъ. Солдатъ спросилъ стараго короля про его житье-бытье на томъ свѣтѣ. «Ахъ, служивой! плохое мое житье. Поклонись отъ меня сыну да попроси, чтобы служилъ по моей душѣ панихиды: авось Господь меня помилуетъ — свободитъ отъ вѣчной муки. Да накрѣпко ему моимъ именемъ закажи, чтобы не обижалъ онъ ни черни, ни войска; не то Богъ заплатитъ!» — Да вѣдь онъ, пожалуй, вѣры не дастъ моему слову; дай мнѣ какой-нибудь знакъ. «Вотъ тебѣ ключъ! какъ увидитъ его — всему повѣритъ.» Только успѣли они разговоръ покончить, какъ ужь черти назадъ ѣдутъ. Солдатъ попрощался съ старымъ королемъ, взялъ у чертей

генерала, и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ обратной путь. Приходятъ они въ свое королевство, являются во дворецъ. «Ваше величество! говоритъ солдатъ королю; видѣлъ вашего покойнаго родителя — плохое ему на томъ свѣтѣ житье. Кланяется онъ вамъ и проситъ служить по его душѣ панихиды, чтобы Богъ помиловалъ — свободилъ его отъ вѣчной му̀ки; да велѣлъ заказать вамъ на̀крѣпко: пусть де сынокъ не обижаетъ ни черни, ни войска! Господь тяжко за то наказываетъ.» — Да взаправду ли вы на тотъ свѣтъ ходили, взаправду ли моего отца видѣли? Генералъ говоритъ: «на моей спинѣ и теперь знаки видны, какъ меня черти дубинками погоняли.» А солдатъ ключъ подаетъ; король глянулъ: «ахъ, вѣдь это тотъ самой ключъ отъ тайнаго кабинета, что̀ какъ хоронили батюшку, такъ позабыли у него изъ кармана вынуть!» Тутъ король увѣрился, что солдатъ сущую правду говорилъ, произвелъ его въ генералы, и пересталъ думать объ его женѣ-красавицѣ.

Ѣ. Жилъ-былъ нѣкоторой купецъ, весьма богатъ; имѣлъ при себѣ сына на возрастѣ. Вскорѣ купецъ померъ. Оставался сынъ съ матерью, сталъ торговать, и пошли его дѣла худо: ни въ чемъ-то ему счастья не было; что̀ отецъ три года наживалъ, то онъ въ три дня терялъ; совсѣмъ проторговался, только и осталось отъ всего богатства — одинъ старой домъ. Знать ужь такой бездольной уродился! Видитъ доброй мо̀лодецъ, что жить и питаться стало нечѣмъ, сѣлъ подъ окномъ на лавочку, расчесалъ буйну голову, и думаетъ: «чѣмъ мнѣ кормить будетъ свою голову и родную матушку?» Посидѣлъ немного и сталъ просить у матери благословленія: «пойду, говоритъ, наймусь къ богатому мужику въ казаки (батраки).» Купчиха его отпустила. Вотъ онъ пошелъ и нанялся къ богатому мужику — на все лѣто порядился за пятьдесятъ рублевъ; сталъ работать — охоты хоть много, да нечего не умѣетъ: что̀ то-

поровъ, что̀ косъ приломалъ, привелъ хозяина въ убытокъ рублевъ на тридцать. Мужикъ насилу додержалъ его до половины лѣта и отказалъ. Пришелъ доброй мо̀лодецъ домой, сѣлъ на лавочку подъ окошечко, расчесалъ буйну головушку и горько заплакалъ: «чѣмъ-же мнѣ кормить будетъ свою голову и матушкину?» Мать спрашиваетъ: «о чемъ, дитя мое, плачешь?» — Какъ мнѣ не плакать, матушка, коли нѣтъ ни въ чемъ счастья? Дай мнѣ благословеніе; пойду, гдѣ-нибудь въ пастухи наймусь. Мать отпустила его. Вотъ онъ нанялся въ одной деревнѣ стадо пасти и рядился на лѣто за сто рублевъ; не дожилъ и до половины лѣта, а ужь больше десятка коровъ растерялъ; и тутъ ему отказали. Пришелъ опять домой, сѣлъ на лавочку подъ окошечко, расчесалъ буйну головушку и заплакалъ горько; поплакалъ-поплакалъ, и сталъ просить у матери благословенія: «пойду, говоритъ, куда голова понесетъ!» Мать насушила ему сухарей, наклала въ мѣшокъ, и благословила сына идти на всѣ четыре стороны. Онъ взялъ мѣшокъ и пошелъ — куда глаза глядятъ; близко ли, далеко ли—дошелъ до другаго царства. Увидалъ его царь той земли и сталъ спрашивать: «откуда и куда путь держишь?» — Иду работы искать; все равно—какая-бъ ни попалася, за всякую радъ взяться. «Наймись у меня на винномъ заводѣ работать; твое дѣло будетъ дрова таскать да подъ котлы подкладывать.» Купеческой сынъ и тому радъ, и срядился съ царемъ за полтараста рублевъ въ годъ. До половины года не дожилъ, а почти весь заводъ сжогъ. Призвалъ его царь къ себѣ и сталъ допытываться: «какъ это сдѣлалось, что у тебя заводъ сгорѣлъ?» Купеческой сынъ разсказалъ, какъ прожилъ онъ отцовское имѣніе и какъ ни въ чемъ таки ему счастья нѣтъ: «гдѣ ни наймусь, дальше половины срока не удается мнѣ выжить!» Царь пожалѣлъ его, не сталъ за вину наказывать; назвалъ его Бездольнымъ, велѣлъ приложить ему въ

самой лобъ печать, ни подати-ни пошлины съ него не спрашивать, и куда бы онъ ни явился — накормить его, напоить, на ночлегъ пустить, но больше однихъ сутокъ нигдѣ не держать. Тотчасъ, по царскому приказу, приложили купеческому сыну печать ко̀ лбу; отпустилъ его царь: «ступай, говоритъ, куда знаешь! никто тебя не захватитъ, ничего съ тебя не спросятъ, а сытъ будешь.» Пошелъ Бездольной путемъ-дорогою; куда ни явится — никто у него ни билета, ни пашпорта не спрашиваетъ, напоятъ, накормятъ, дадутъ ночь переночевать, а наутро со двора въ шею гонятъ. Долго ли, коротко ли бродилъ онъ по бѣлу свѣту, случилось ему въ темной лѣсъ зайдти; въ томъ лѣсу избушка стоитъ, въ избушкѣ старуха живетъ. Приходитъ къ старухѣ; она его накормила-напоила и добру научила: «ступай-ка ты по этой дорожкѣ, дойдешь до синя̀ моря — увидишь большой домъ; зайди въ него и сдѣлай вотъ такъ-то и такъ-то.» По сказанному, какъ по писанному, пустился купеческой сынъ по той дорожкѣ, добрался до синя̀ моря, увидалъ славной, большой домъ; входитъ въ переднюю комнату — въ той комнатѣ столъ накрытъ, на столѣ краюха бѣлаго хлѣба лежитъ. Онъ взялъ ножъ, отрѣзалъ ломоть хлѣба и закусилъ немножко; пото̀мъ взлѣзъ на̀ печь, заклался дровами, сидитъ — вечера дожидается. Только вечерѣть стало — приходятъ туда тридцать три дѣви̇цы-родныя сестрицы, всѣ въ одинъ ростъ, всѣ въ одинаковыхъ платьяхъ и всѣ равно хороши. Большая сестра впереди выступаетъ, на краюху поглядываетъ: «кажись, говоритъ, здѣсь русской духъ побывалъ?» А меньшая назади отзывается: «что ты, сестрица! это мы по Руси ходили, да русскаго духу и нахватались.» Сѣли дѣвицы за столъ, поужинали, побесѣдовали, и разошлись по разнымъ покоямъ; въ передней комнатѣ осталась одна меньшая, то̀тчасъ она раздѣлась, легла на постель и уснула крѣпкимъ сномъ. Тѣмъ

временемъ унесъ у нея доброй мо̀лодецъ платье. Рано поутру встала дѣвица, ищетъ — во чтобы одѣться; и туда, и сюда бросится — нѣтъ нигдѣ платья. Прочія сестры ужь давно одѣлись, обернулись голу̀бками и улетѣли на синё море, а ее одну покинули. Говоритъ она громкимъ голосомъ: «кто взялъ мое платье, озовись, не бойся! если ты старой старичокъ — будь мой дѣдушка, если старая старушка—будь моя бабушка, если пожилой мужичокъ — будь мой дядюшка, если пожилая женщина—будь моя тетушка, если-же молодой молодѐцъ —будь мой суженой.» Купеческой сынъ слѣзъ съ печки и подалъ ей платье; она тотчасъ одѣлась, взяла его за̀ руку, поцѣловала въ уста и промолвила: «ну, сердечной другъ! не время намъ здѣсь сидѣть, пора въ путь-дорогу собираться, своимъ домкомъ заводиться.» Дала ему сумку на плечи, себѣ другую взяла, и повела къ погребу; отворила двери — погребъ былъ биткомъ набитъ мѣдными деньгами. Бездольной обрадовался и ну загребать деньги пригоршнями да въ сумку класть. Красная дѣвица разсмѣялася, выхватила сумку, вывалила всѣ деньги вонъ, и затворила погребъ. Онъ на нее покосился: «зачѣмъ назадъ выбросила? намъ бы это пригодилося.» — Это что за деньги! станемъ искать получше. Привела его къ другому погребу, отворила двери — погребъ былъ сполна серебромъ наваленъ. Бездольной пуще прежняго обрадовался, давай хватать деньги да въ сумку класть; а дѣвица опять смѣется: «это что за деньги! пойдемъ, поищемъ чего получше.» Привела его къ третьему погребу — весь золотомъ да жемчугомъ наваленъ: «вотъ это такъ деньги, бери, накладывай обѣ сумки.» Набрали они золота и жемчуга и пошли въ путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣется — приходятъ въ то самое царство, гдѣ купеческой сынъ на заводѣ жилъ, вино курилъ. Царь его узналъ: «ахъ, да это

ты Бездольной! никакъ ты женился — ишь какую красавицу за себя выискалъ! Ну, коли хочешь — живи теперь въ моемъ царствѣ.» Купеческой сынъ сталъ съ своей женой совѣтоваться; она ему говоритъ: «на честь не гребись, съ чести не вались! Намъ все равно — гдѣ не жить; пожалуй, и здѣсь останемся.» Вотъ они и остались жить въ этомъ царствѣ, завелись домкомъ и зажили ладкомъ. Прошло немного времени, позавидовалъ ихъ житью-бытью ближній царской воевода, пошелъ къ старой колдуньѣ и говоритъ ей: «послушай, бабка! научи, какъ-бы извести мнѣ купеческаго сына; называется онъ Бездольнымъ, а живетъ вдвое богаче меня, и царь его жалуетъ больше бояръ и думныхъ людей, и жена у него красота ненаглядная.» — Ну, что-жъ! пособить этому дѣлу можно: ступай къ самому царю и оговори передъ нимъ Бездольнаго: такъ и такъ, дескать, обѣщается онъ сходить въ городъ Ничто, принести невѣдомо что. Ближній воевода—къ царю, царь — за купеческимъ сыномъ: «что ты, Бездольной, по сторонамъ хвастаешь, а мнѣ ни гу-гу! Завтра же отправляйся въ дорогу: сходи въ городъ Ничто, принеси невѣдомо что! Если не сослужишь этой службы, то жены лишо̀нъ.» Приходитъ Бездольной домой и горько-горько плачетъ. Увидала жена и спрашиваетъ: «о чемъ плачешь, сердечной другъ! развѣ кто тебѣ обиду нанесъ, али государь чарой обнесъ, не на то мѣсто посадилъ, трудную службу наложилъ?»—Да такую службу, что̀ трудно и выдумать, а не то что̀ исполнить: вишь, приказалъ мнѣ сходить въ городъ Ничто, принести невѣдомо что! «Нечего дѣлать, съ царемъ не поспоришь; надо идти!» Принесла она ширинку да клубочекъ, отдала мужу и наказала, какъ и куда идти. Клубочекъ покатился прямёхонько въ городъ Ничто; катится онъ и полями чистыми, и мхами-болотами, и рѣками-озерами, а слѣдомъ за нимъ Бездольной шагаетъ. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли

— стоитъ избушка на курьей ножкѣ, на собачьей голяшкѣ. «Избушка, избушка! повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка повернулась; онъ отворилъ двери на пяту, зашелъ въ избушку — сидитъ на скамьѣ сѣдая старуха: «фу-фу! доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынче русской духъ самъ пришелъ. Ну, доброй мо̀лодецъ! во время явился; я вѣдь голодна, ѣсть хочу; убью тебя да скушаю, а живаго не спущу.» — Что ты, старая чертовка! какъ станешь ѣсть дорожнаго человѣка? Дорожной человѣкъ и костоватъ, и чо̀ренъ; ты наперёдъ баньку истопи, меня вымой-выпари, да тогда и ѣшь на здоровье. Старуха истопила баню; Бездольной вымылся, выпарился, досталъ женину ширинку и сталъ лицо утирать. «Откуда у тебя эта ширинка? вѣдь это моя племянница вышивала!»—Я твою племянницу замужъ взялъ. «Ахъ, зять возлюбленной! чѣмъ же тебя подчивать?» Наставила старуха всякихъ кушаньевъ, всякихъ винъ и медовъ; зять не чванится, не ломается, сѣлъ за столъ и давай уплетать. Вотъ старуха накормила его, напоила, спать повалила; сама возлѣ сѣла и стала выспрашивать: «куда идешь, доброй мо̀лодецъ — по охотѣ, аль по неволѣ?» — Ужь что за охота! царь велѣлъ сходить въ городъ Ничто, принести — невѣдомо что. Поутру рано разбудила его старуха, кликнула собачку: «вотъ, говоритъ, тебѣ собачка; она доведетъ тебя въ тотъ городъ.» Цѣлой годъ странствовалъ Бездольной, пришелъ въ городъ Ничто —нѣтъ ни души живой, всюду пусто! забрался онъ во дворецъ и спрятался за печку. Вечеромъ приходитъ туда старикъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ: «эй, Никто! накорми меня.» Вмигъ все готово; старикъ наѣлся-напился и ушелъ. Бездольной тотчасъ вылѣзъ изъ-за печки и крикнулъ: «эй, Никто! накорми меня.» Никто накормилъ его. «Эй, Никто! напой меня.» Никто напоилъ его. «Эй, Никто! пойдемъ со мной.» Никто не отказывается.

Повернулъ Бездольной въ обратной путь; шелъ-шелъ, вдругъ на встрѣчу ему человѣкъ идетъ, дубинкою подпирается. «Стой! закричалъ онъ купеческому сыну; напой-накорми дорожнаго человѣка.» Бездольной отдалъ приказъ: «эй, Никто! подавай обѣдъ. Въ ту-жъ минуту въ чистомъ полѣ столъ явился, на столѣ всякихъ кушаньевъ, винъ и медовъ—сколько душѣ угодно. Встрѣчной наѣлся-напился и говоритъ: «промѣняй своего Никто на мою дубинку.» — А на что твоя дубинка пригожается? «Только скажи: эй, дубинка! догони того то и убей дò смерти; она тотчасъ настигнетъ и убьетъ хочь какого силача.» Бездольной помѣнялся, взялъ дубинку, отошелъ шаговъ съ пятьдесятъ и вымолвилъ: «эй, дубинка! нагони этого мужика, убей его дò смерти и отыми моего Никто.» Дубинка пошла колесомъ — съ конца на конецъ повертывается, съ конца на конецъ перекидывается; нагнала мужика, ударила его пò лбу, убила и назадъ вернулась. Бездольной взялъ ее и отправился дальше; шелъ-шелъ, попадается ему на встрѣчу другой мужикъ, въ рукахъ гусли несетъ. «Стой! закричалъ встрѣчной купеческому сыну; напой-накорми дорожнаго человѣка.» Тотъ накормилъ его, напоилъ дòсыта. «Спасибо, доброй мòлодецъ! промѣняй своего Никто на мои гусли.» — А на что твои гусли пригожаются? «Мои гусли не простые: за одну струну дернешь — синë море станетъ, за другую дернешь — корабли поплывутъ, а за третью дернешь — будутъ корабли изъ пушекъ палить.» Бездольной крѣпко на свою дубинку надѣется: «пожалуй, говоритъ, помѣняемся!» Помѣнялся и пошелъ своей дорогою; отошелъ шаговъ съ пятьдесятъ и скомандовалъ своей дубинкѣ; дубинка завертѣлась колесомъ, догнала того мужика и убила дò смерти. Сталъ Бездольной подходить къ своему государству и вздумалъ сыграть шутку: открылъ гусли, дернулъ за одну струну — синë море стало, дернулъ за другую — корабли

подъ стольной городъ подступили, дернулъ за третью — со всѣхъ кораблей изъ пушекъ пальба началась. Царь испугался, велѣлъ собирать рать-силу великую, отбивать отъ города непріятеля. А тутъ и Бездольной явился: «ваше царское величество! я знаю, чѣмъ отъ бѣды избавиться; прикажите у своего ближняго воеводы отрубить правую ногу да лѣвую руку — сейчасъ корабли пропадутъ.» По царскому слову отрубили у воеводы и руку и ногу; а тѣмъ временемъ Бездольной закрылъ свои гусли — и въ ту-жъ минуту куда что дѣвалося: нѣтъ ни моря, ни кораблей! Царь на радостяхъ задалъ большой пиръ; только и слышно: «эй, Никто! подай то, принеси другое!» Съ той поры воевода пуще прежняго не взлюбилъ купеческаго сына и всячески сталъ подъ него подыскиваться; посовѣтовался съ старою колдуньею, пришелъ на костылѣ во дворецъ и сказываетъ: «ваше величество! Бездольной опять похваляется, будто можетъ онъ сходить за тридевять земель, въ тридесятое царство, и добыть оттуда кота-баюна, что̀ сидитъ на высокомъ столбѣ въ двѣнадцать сажонъ и многое множество всякаго люду на смерть побиваетъ.» Царь позвалъ къ себѣ Бездольнаго, поднесъ ему чару зелена вина: «ступай, говоритъ, за тридевять земель, въ тридесятое царство и достань мнѣ кота-баюна. Если не сослужишь этой службы, то жены лишонъ!» Купеческой сынъ горько-горько заплакалъ и пошелъ домой; увидала его жена и спрашиваетъ: «о чемъ плачешь? развѣ кто тебѣ обиду нанесъ, али государь чарой обнесъ, не на то мѣсто посадилъ, трудную службу наложилъ?» — Да, задалъ такую службу, что̀ трудно и выдумать, не то что̀ выполнить: приказалъ добыть ему кота баюна. «Добро! молись Спасу да ложись спать; утро вечера мудренѣе живетъ.» Бездольной легъ спать, а жена его сошла въ кузницу, сковала ему на̀ голову три колпака желѣзные, приготовила три прос-

виры желѣзныя, клещи чугунные, да три прута: одинъ желѣзной, другой мѣдной, третій оловянной. Поутру разбудила мужа: «вотъ тебѣ три колпака, три просвиры и три прута; ступай за тридевять земель, въ тридесятое царство, за котомъ-баюномъ. Трехъ верстъ не дойдешь, какъ станетъ тебя сильной сонъ одолѣвать — котъ-баюнъ напуститъ! Ты смотри — не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногой волочи, а индѣ и каткомъ катись; а если уснешь, котъ-баюнъ убьетъ тебя!» Научила его, какъ и что дѣлать, и отпустила въ дорогу. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — пришелъ Бездольной въ тридесятое царство; за три версты сталъ его сонъ одолѣвать, онъ надѣваетъ три колпака желѣзные, руку за руку закидываетъ, ногу за ногой волочетъ, а то и каткомъ катится; кое-какъ выдержалъ, и очутился у самаго столба. Котъ-баюнъ прыгъ ему нà голову, одинъ колпакъ разбилъ, и другой разбилъ, взялся было за третій — тутъ доброй мòлодецъ ухватилъ его клещами, сволокъ нàземь и давай сѣчь прутьями; нàперво сѣкъ желѣзнымъ прутомъ, изломалъ желѣзной — принялся угощать мѣднымъ, изломалъ мѣдной — пустилъ въ дѣло оловянной: этотъ гнется-не ломится, вкругъ хребта увивается. Котъ-баюнъ началъ сказки сказывать про поповъ, про дьяковъ, про поповыхъ дочерей; а купеческой сынъ не слушаетъ, знай его нажариваетъ. Не въ моготу коту стало; видитъ, что заговорить нельзя, и возмолился: «покинь меня, доброй человѣкъ! чтò надо, все тебѣ сдѣлаю.» — А пойдешь со мною? «Куда хошь — пойду!» Бездольной выпустилъ кота-баюна; котъ позвалъ его въ гости, посадилъ за столъ, и наклалъ хлѣба цѣлые вороха. Бездольной съѣлъ ломтя три-четыре, да и будетъ! въ горло не лѣзетъ. Заворчалъ на него котъ, зауркалъ: «какой-же ты богатырь, коли не сможешь супротивъ меня хлѣба съѣсть?» Отвѣчаетъ Бездольной: «я къ вашему хлѣбу не привыкъ; а есть у меня въ

сумкѣ дорожные русскіе сухарики—взять было ихъ да закусить на голодное брюхо!» Вынулъ желѣзную просвиру и словно глодать собирается. «А ну, проситъ котъ-баюнъ, дай-ка мнѣ отвѣдать, каковы русскіе сухари?» Купеческой сынъ далъ ему желѣзную просвиру—онъ всю до̀чиста сглодалъ, далъ ему другую—и ту изгрызъ, далъ ему третью—онъ грызъ-грызъ, зубы поломалъ, бросилъ просвиру на столъ и говоритъ: «нѣтъ, не смогу! больно крѣпки русскіе сухари.» Послѣ того собрался Бездольной и пошелъ домой; вмѣстѣ съ нимъ и котъ отправился. Шли-шли, шли-шли, и добрались куда надо; приходятъ во дворецъ, царь увидалъ кота-баюна и приказываетъ: «а ну, котъ-баюнъ! покажи мнѣ большую страсть.» Котъ свои когти точитъ, на царя ихъ ладитъ; хочетъ у него бѣлу грудь раздирать, изъ живаго сердце вынимать. Царь испугался и сталъ молить Бездольнаго: «уйми пожалуста кота-баюна! все для тебя сдѣлаю.» — Закопай воеводу живьёмъ въ землю, такъ сейчасъ уйму. Царь согласился; тотчасъ подхватили воеводу за̀ руку да за̀ ногу, потащили на дворъ и живьёмъ закопали въ сырую землю. А Бездольной остался жить при царѣ; котъ-баюнъ ихъ обоихъ слушался; Никто имъ прислуживалъ, и жили они долго и весело. Вотъ и сказка вся, больше сказывать нельзя.

4.

МОЛОЖАВЫЯ ЯБЛОКИ И ЖИВАЯ ВОДА [1]).

а. Жилъ да былъ царь; у царя было три сына: Ѳедоръ, Егоръ да Иванъ; Иванъ былъ не совсѣмъ уменъ. Посылаетъ царь старшаго сына по живую воду, по сладкія моложавыя яблоки; онъ поѣхалъ, и доѣзжаетъ до растанья [2]). Тутъ столбъ

[1]) См. выпускъ II, № 27, и вып. VII, № 5.

[2]) Мѣсто, гдѣ дорога раздѣляется и идетъ въ разныя стороны.

стоитъ, на столбѣ роспись (надпись): вправо идти — попить да поѣсть, влѣво идти — головушку погубить; онъ поѣхалъ вправо, и пріѣзжаетъ къ дому; заходитъ въ избу, а тутъ дѣвица говоритъ ему: «Ѳедоръ-царевичъ! ложись со мной спать.» Онъ легъ; она взяла да и спихнула его невѣдомо куда. Царь, не дождавшись его долго, другаго сына посылаетъ. Этотъ поѣхалъ, и до того-же мѣста пріѣзжаетъ; входитъ въ избу. Дѣвица и этого также уходила. Царь посылаетъ третьяго сына: «поѣзжай ты!» Младшій сынъ поѣхалъ, доѣзжаетъ до того-же растанья и говоритъ: «для отца поѣду голову губить!» и поѣхалъ влѣво; доѣзжаетъ до избушки, входитъ туда, а въ избушкѣ ягишна (баба-яга)—сидитъ за праслицей, прядетъ шелкову кудельку на золотое веретёнце, и говоритъ: «куда, русска коска Иванъ-царевичъ, поѣхалъ?» Онъ отвѣчаетъ: «напой-накорми, тожно (тогда) все распроси.» Она напоила-накормила и спрашиваетъ; онъ говоритъ: «я поѣхалъ по живую воду, по сладкія моложавыя яблоки — туда, гдѣ живетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна. Ягишна говоритъ: «едва-ли достанешь! развѣ я помогу» и даетъ ему своего коня. Онъ сѣлъ и поѣхалъ; доѣзжаетъ до другой сестры ягишны. Взошелъ въ избу, она ему говоритъ: «фу-фу, русской коски слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ сама на дворъ пришла; куда, Иванъ-царевичъ, поѣхалъ?» Онъ отвѣчаетъ: «прежде напой-накорми, тожно распроси.» Она напоила-накормила его; онъ и говоритъ: «я поѣхалъ добывать живую воду, сладкія моложавыя яблоки — туда, гдѣ живетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна.» — Едва-ли достанешь! сказала баба и дала ему своего коня. Царевичъ поѣхалъ до третьей ягишны; входитъ въ избу, та говоритъ: «фу фу, русской коски слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, нынѣ русская коска сама на дворъ пришла; куда, Иванъ-царевичъ, поѣхалъ?» — Прежде напой-накорми, тожно распроси. Она напоила-

накормила его; онъ и говоритъ: «я поѣхалъ по живую воду, по сладкія моложавыя яблоки.» —Трудно, царевичъ! едва ли достанешь. Потомъ даетъ ему своего коня, семисотную палицу, и наказываетъ: «когда станешь подъѣзжать къ городу, то ударь коня палицей, чтобы онъ перескочилъ за симу̀ (крѣпость).» Такъ онъ и сдѣлалъ: перескочилъ за симу̀, поставилъ своего коня къ столбу, и идетъ въ палаты Бѣлой Лебеди Захарьевны. Слуги его не пускаютъ; а онъ сквозь пробивается: «я, говоритъ, Бѣлой Лебеди записку несу.» Добился до покоевъ Бѣлой Лебеди Захарьевны; въ то время она крѣпко спала, на пуховой на постелѣ разметалася, а живая вода стояла у ней подъ зголовьемъ. Онъ взялъ воды, поцѣловалъ дѣвицу и пошутилъ съ ней негораздо; потòмъ, набравши моложавыхъ яблоковъ, поѣхалъ назадъ. Конь его скочилъ чрезъ симу̀ и задѣлъ за край. Вдругъ зазвенѣли всѣ колокольчики, всѣ прозвончики, весь городъ пробудился. Бѣлая Лебедь Захарьевна забѣгалась—ту няньку бьетъ, другую колотитъ, кричитъ: «вставайте! кто-то въ домѣ былъ, воды испилъ, колодезь не закрылъ.» Между̀ тѣмъ царевичъ пригналъ къ первой ягишнѣ, перемѣнилъ лошадь; а Лебедь Захарьевна за нимъ гонится, пріѣхала къ той ягишнѣ, у которой царевичъ только что коня смѣнилъ, и спрашиваетъ: «куда ты ѣздила? у тебя лошадь потна.» Та отвѣчаетъ: «ѣздила въ поле скота выгонять.» Иванъ-царевичъ перемѣнилъ у второй ягишны коня; а Лебедь Захарьевна вслѣдъ за нимъ пріѣзжаетъ и говоритъ: «куда, ягишна, ѣздила? у тебя лошадь потна.» — Я ѣздила въ поле скота выгонять, отъ того у меня и лошадь спотѣла. Иванъ-царевичъ доѣхалъ до послѣдней ягишны, перемѣнилъ лошадь; а Лебедь Захарьевна все гонится, пріѣзжаетъ послѣ него, спрашиваетъ ягишну: «что у тебя лошадь потна?» Та отвѣчаетъ: «въ поле ѣздила скота выгонять.» Отселя она домой воротилась; а Иванъ-царевичъ поѣхалъ къ

братьямъ. Приходитъ къ дому, гдѣ они были; дѣвица выскочила на крыльцо, говоритъ: «добро пожаловать!» Потомъ зоветъ его спать съ собою. Царевичъ говоритъ: «напой-накорми, тожно спать клади.» Она напоила-накормила, и опять говоритъ: «ложись со мной!» Отвѣчаетъ царевичъ: «напередъ ты ложись!» Она легла напередъ, онъ ее и спихнулъ; дѣвица полетѣла невѣдомо куда. Иванъ-царевичъ думаетъ: «ну-ка вскрою эту западню; не тамъ-ли мои братья?» Вскрылъ — они тутъ и сидятъ; говоритъ имъ: «выходите, братья! что вы тутъ дѣлаете? не стыдно ли вамъ.» Собрались и поѣхали всѣ вмѣстѣ домой къ отцу. Вотъ дорòгою старшіе братья вздумали убить младшаго; Иванъ-царевичъ узналъ ихъ думу и говоритъ: «не бейте меня; я вамъ все отдамъ!» Они на то не согласилися, убили его и косточки разбросали по чистому полю. Конь Ивана-царевича собралъ его косточки въ одно мѣсто, вспрыснулъ живою водой; у него коска съ коской, суставчикъ съ суставчикомъ срослися; царевичъ ожилъ и говоритъ: «долго я спалъ, да скоро всталъ!» Приходитъ къ своему отцу въ чежелкѣ [1]); отецъ, увидавши, говоритъ ему: «ты куда ходилъ? поди нужныя мѣста очищать.» Между тѣмъ выѣзжаетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна на заповѣдные луга царскіе, и посылаетъ къ царю письмо, чтобы онъ выдалъ ей виноватаго. Царь посылаетъ старшаго сына. Дѣтки Бѣлой Лебеди, завидя его, кричатъ: «вонъ нашъ батюшка идетъ! чѣмъ мы будемъ его подчивать?» А мать говоритъ: «нѣтъ, это не отецъ, а дядюшка вашъ; подчуйте его тѣмъ, чтò у васъ въ рукахъ.» А у нихъ было по дубинкѣ; они такъ ему бокà навохрили (наколотили), что едва дошелъ дò дому. Потòмъ царь посылаетъ втораго сына; этотъ идетъ, дѣтки обрадовались и кричатъ: «вонъ нашъ батюшка идетъ!» А мать говоритъ:

[1]) Чежелкò—кафтанъ или полушубокъ, обшитый снаружи холстомъ (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 255).

«нѣтъ, это вашъ дядюшка.» — Чѣмъ же мы его будемъ подчивать? «А что у васъ въ рукахъ, тѣмъ и подчуйте!» Они также ему бока навохрили, какъ и старшему брату. Тожно посылаетъ Бѣлая Лебедь Захарьевна къ царю сказать, чтобы выслалъ виноватаго. Царь наконецъ посылаетъ младшаго сына; онъ бредетъ — на немъ лаптишки худые, чежелко худое. Дѣти кричатъ: «вонъ нищій какой-то идетъ!» А мать говоритъ: «нѣтъ, это вашъ батюшка.» — Чѣмъ мы будемъ его подчивать? «А чѣмъ Богъ послалъ!» Когда Иванъ царевичъ пришелъ, она надѣла на него хорошую лопоть (одежду), и поѣхали они къ царю. По пріѣздѣ Иванъ-Царевичъ разсказалъ отцу свое похожденіе: какъ онъ изъ лоушки братьевъ добылъ и какъ они убили его. Отецъ разсердился, взялъ ихъ разжаловалъ и приставилъ къ низкимъ должностямъ, а младшаго сына взялъ къ себѣ въ наслѣдники.

ѣ. Бывало-живало — въ нѣкоторомъ чарствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, у чаря Ефимьяна было три сына: первой сынъ—Павелъ, второй сынъ—Ѳедоръ и третій сынъ—Иванъ Запечной. Чарь Ефимьянъ сталъ стариться, и собравъ свою силу, спросилъ: «кто бы съѣздилъ за молодою и живою водою, я бы тому добро сдѣлалъ.» И удумали бара (бояре): «опричио твоего сына Павла-чаревича некому ѣхать.» Чарь даетъ ему тысячу рублей и своего добраго коня. Павелъ-чаревичъ садится на того добраго коня и стежитъ; немало времени ѣхавъ, попалъ на ростань — на ростанѣ стоитъ дубъ, на дубу подписано: вправо ѣхать — мертвому быть, а влѣво ѣхать — къ Иринѣ-мягкой перинѣ попадешь, спать мягко и хлебать кисель! Ирина-мягкая перина встрѣчаетъ Павла-чаревича: «поди-тко ты, Павелъ-чаревичъ, разболокайся и разувайся, клади свое цвѣтное платье — хоть тысяча рублей или двѣ будь, ничто твое не утеряется!» Напоила накормила, на пу-

ховикъ спать повалила: «ложись къ стѣнкѣ, а я ле(я)гу на крайчикъ!» Она его подъ серёдку подхватила, прошибла имъ полъ, и улетѣлъ онъ въ погребъ, а погребъ тридцать сажо̀нъ глубины; бросила къ нему кудельки: «когды̀ научисся пресь (прясть), въ ту пору дамъ тебѣ jись (ѣсть)!» Чарь Ефимьянъ не могъ своего сына дождаться, и сталъ собирать опеть свою силу; спрашиваетъ: «кто бы съѣздилъ по живую и молодую воду? я бы тому добро сдѣлалъ.» Думали-подумали бара и возговорили: «опрично твоего сына Өедора-чаревича некому ѣхать.» Чарь Ефимьянъ даетъ ему двѣ тысячи рублей и своего добраго коня; Өедоръ-чаревичъ садился на того коня, немало времени ѣхалъ, когды̀ попалъ на ту-же ростань — на ростанѣ стоитъ дубъ, на дубу подписано: вправо ѣхать—дакъ мертву быть, а влѣво ѣхать — дакъ попасть къ Иринѣ-мягкой profile перинѣ, спать мягко и хлебать кисель. Ирина-мягкая перина, встрѣчая, мурлычетъ: «поди-тко ты, Өедоръ-чаревичъ, и куды ты, родимой, поѣхалъ? куды тя Богъ понесъ!» Накормила-напоила, на пуховикъ спать повалила: «ложися къ стѣнкѣ, а я легу на край!» подхватила его подъ серёдку и прошибла сквозь полъ; онъ валился въ тотъ-же демонской погребъ. Чарь Ефимьянъ не могъ дождаться своего сына Өедора, сталъ собирать свою силу: «кто бы съѣздилъ по живую, по молодую воду — я бы тому сдѣлалъ добро.» И собранъ былъ большой совѣтъ, на которомъ тоже положили, что опрично твоего сына Ивана-чаревича некому ѣхать. Иванъ-чаревичъ затужился и запечалился, приходитъ повечеру къ бабушкѣ-задворенкѣ. Бабушка-задворенка говоритъ: «что, Иванъ-чаревичъ, затужился и запечалился?» — Какъ мнѣ не тужить и не печалиться? бачко посылаетъ по живую, по молодую воду за тридевять земель, въ тридесятую землю, за бѣлое море — въ дивье чарство; а нѣтъ у моего батюшка добраго коня. «Какъ нѣтъ у твоего батюшка добраго коня?

есть доброй конь, запертъ за трема дверьми, третьи двери ужо̀ копытомъ пробиваетъ! этотъ конь будетъ тебѣ служить вѣрою и правдою. А караулитъ коня плѣхатый [1]) старикъ; приди, старика по плѣшѣ(и) больно хлопни — отдастъ тебѣ добраго коня.» По сказанному, какъ по писанному, схватилъ Иванъ-чаревичъ коня подъ поводъ, и троижда около себя обернулъ; конь (в)змолился человѣчьимъ гласомъ Ивану-чаревичу, что я буду тебѣ служить вѣрою и правдою. У коня этого изъ ушей дымъ валитъ, изъ ноздрей искры сыпются, изъ рота пламя пышетъ. Иванъ-чаревичъ садится на добра коня, стежитъ его по толстымъ рёбрамъ, и скачетъ конь выше лѣсу стое(я)чаго, ниже облака ходе(я)чаго, горы, рѣки и озера межъ ногъ пропускаетъ, поля-луга хвостомъ устилаетъ. Немало времени ѣхалъ чаревичъ и доѣхалъ до того-жъ дубу — стоитъ дубъ на ростанѣ и подписано на дубу: вправо ѣхать — мертву быть, а влѣво ѣхать — къ Иринѣ-мягкой station перинѣ попасть, спать мягко и хлебать кисель. Онъ и говоритъ: «видно, мои братья уѣхали киселя хлебать!» Самъ поѣзжаетъ вправо по живую и по молодую воду; ѣхалъ немало времени, доѣхалъ до бабушки-задворенки. Бабушка-задворенка встрѣчаетъ Ивана чаревича: «куды ты, бажо̀ной [2]), поѣхалъ?» — Бабушка-задворенка! напой, накорми, на пуховикъ спать повали, въ головушки сѣдешь и спрашивать станешь. Она его накормила, напоила, спать положила. «Я, говоритъ чаревичъ, поѣхалъ по живую и по молодую воду за тридевять земель, въ тридесятую землю—въ дивье чарство.» — Иванъ-чаревичъ! не быть тебѣ живому. «Авось Богъ и пособитъ!» Иванъ-чаревичъ поутру встаетъ ранёхонько, умывается бѣлёхонько; бабушка-задворенка накормила его завтрекомъ и даетъ ему коня еще лучше того [3]), и говоритъ:

[1]) Плѣшивой. — [2]) Милой (Опыт. обл. велик. словаря, стр. 5).

[3]) *Вар.* Царь собралъ къ себѣ разныхъ королей и королевичей и сильномогу-

«полтора часа только караулы спятъ въ дивьемъ чарствѣ; не зѣвай!» Пріѣхалъ онъ въ то чарство; конь разбѣжался и перескочилъ чрезъ каменную стѣну; чаревичъ поставилъ коня къ столбу—къ золочену кольцу и набралъ воды̀ живыя и молодыя, и подумалъ умомъ: «времени еще четверть часа нѣтъ, схожу-ка я къ дѣвицѣ—посмотрѣть.» И видитъ: спятъ двѣнадцать дѣвицъ, всѣ какъ одна; чарь-дѣвицу потому могъ узнать

чихъ богатырей; сѣли за столы дубовые, за скатерти браныя, ѣли-пили, веселилися. Стали говорить гости хозяину: «ваше величество! говорятъ: старость — не радость, а за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ есть чудной садъ, въ томъ саду яблоня, а на яблонѣ ростутъ моложавыя яблоки; кто съѣстъ хоть единое яблочко, тотъ отбудетъ своей старости.» Царь посылаетъ за тѣми яблоками двухъ старшихъ сыновей: «кто изъ васъ достанетъ, тому при жизни половину царства отдамъ, а по смерти сдѣлаю своимъ наслѣдникомъ.» Наперёдъ вызвался ѣхать старшій сынъ; говоритъ ему отецъ: «выбирай себѣ изъ моихъ лошадей — какая люба будетъ и бери денегъ — сколько надобно: казна моя тебѣ не закрыта!» Поѣхалъ царевичъ, а на встрѣчу ему — отколь ни взялась — идетъ старуха: «здравствуй, русской царевичъ! куда Богъ несетъ?» — А тебѣ что за дѣло, старая чертовка! сказалъ царевичъ и поскакалъ дальше. Старуха перекинулась лютымъ звѣремъ, забѣжала впередъ и перешла ему дорогу. «Не хороша встрѣча, недоброе вѣщаетъ!» подумалъ царевичъ, повернулъ коня назадъ и воротился въ ближній городъ. Тоже случилось и съ среднимъ братомъ. Сталъ собираться меньшой Иванъ-царевичъ: «любезной мой батюшка! не прикажи казнить, прикажи рѣчь говорить.» — Говори, милой сынъ! «Благослови въ тридесятое государство ѣхать — моложавыхъ яблоковъ достать и братьевъ розыскать.» — Съ Богомъ, поѣзжай! Иванъ-царевичъ пошелъ въ бѣлокаменныя конюшни и выбралъ себѣ добраго жеребца: на шести верстахъ жеребецъ одинъ разъ ноги перемѣняетъ! Надѣлъ збрую богатырскую, опоясалъ вкругъ себя мечь-кладенецъ, въ одну руку копье взялъ, а въ другую желѣзной молотъ въ сорокъ пудъ; тѣмъ молотомъ коня осаживать, чтобъ не занёсъ на край свѣта. Сѣлъ на коня — и ужь нѣтъ его! Не поймать буйнаго вѣтра во чистомъ полѣ, не нагнать добра молодца! Ѣдетъ царевичъ дорогою, а на встрѣчу ему старуха: «куда Богъ несетъ?» — А тебѣ что за дѣло, старая вѣдьма! отвѣчалъ Иванъ-царевичъ и поскакалъ было мимо, да чрезъ минуту одумался: «за что я ее выругалъ?» Повернулъ коня, нагналъ старуху и сталъ говорить: «прости меня, бабушка! съ глупаго разума злое слово молвилось.» — Богъ тебя проститъ! куда ѣдешь? «За моложавыми яблоками, отецъ послалъ.» — Ну слушай, я тебя научу...

—спитъ, пышетъ, будто съ дубу листъ бруснетъ [1]). И удумалъ смѣняться съ нею имянными перстенями: ея перстень къ себѣ взялъ, а свой перстень ей отдалъ, и приходитъ къ коню. Конь говоритъ человѣчьимъ языкомъ: «ой, Иванъ-чаревичъ! мнѣ тебя не увезти; поди на росѣ выкатайся, самоцвѣтное платье выхлопай.» [2]) Сдѣлалъ то Иванъ-чаревичъ, [3]) и садился на своего добраго коня; конь разбѣжался, перескочилъ чрезъ городскую стѣну, да задней ногой за струну задѣлъ; струны запѣли, колокола загудѣли, караулы сбунтовались [4]), что̀ за муха въ городу была? По времени чарь-дѣвица пробужается и своихъ карауловъ посылаетъ: «подите-состижите!» [5]) а онъ впромежъ прiѣзжаетъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. «Что, Иванъ-чаревичъ, долго призамѣшкался?» Даетъ ему щетку, кремешокъ, площадку [6]): «станутъ тебя состигать, ты брось щетку и проговори троижды: стань чаща отъ земли до неба, чтобы конному проѣзда, пѣшому проходу и птицѣ пролёта не было!» Караулы, наѣхавъ на чащу, взадь воротилися къ кузнецу, топоровъ наковали, прискакали и хотѣли было эту чащу разсѣкать, смотрятъ — нѣтъ ничего: «морочитъ, видно!» и всё тутъ покинули. Стали опеть состигать; чаревичъ кинулъ кремешокъ и проговорилъ тро́ижды: «стань гора кременная отъ земли до неба, отъ востоку до западу!» Караулы, наѣхавъ на гору̀, взадь воротились къ

[1]) Падаетъ, осыпается. — [2]) Выбей.

[3]) *Вар.* Иванъ-царевичъ напустилъ на себя смѣлость, вошелъ въ спаленку царь-дѣвицы, прельстился на ея красоту дѣвичью и сотворилъ съ нею грѣхъ; спитъ царь-дѣвица крѣпкимъ богатырскимъ сномъ и очнуться не можетъ! А Иванъ-царевичъ хочетъ домой ѣхать; подошелъ къ своему доброму коню, говоритъ ему конь человѣческимъ голосомъ: «не могу поднять тебя, доброй мо́лодецъ! согрѣшилъ ты съ царь-дѣвицею и сталъ больно-тяжелъ...» Царевичъ побѣжалъ къ колодцу, обмылся. Тогда говоритъ ему вѣрной конь: «хоть теперь и подниму тебя, доброй молодецъ! а все тяжелъ ты—за одну струну задѣну.»

[4]) Засуетились, взволновались. — [5]) Настигните. — [6]) Огниво (Опытъ обл. великъ. слов., стр. 160).

кузнецу, молотовъ наковали, прискакали — нѣтъ ничего: «морочитъ окаянной!» Туть и молоты пометали. Въ третей разъ, когды стали состигать, бросилъ онъ площадку и проговорилъ троижды: «расплывись рѣка огненная!» и сдѣлалась рѣка, за кою караулы мостъ смостили. Въ ту пору чаревичъ далеко уѣхалъ. Не догнавъ за тою промѣшкою, караулы воротились назадъ; а Иванъ-чаревичъ пріѣхалъ къ дубу на ростанѣ: «съѣздить мнѣ-ка къ братьямъ; живы они или нѣтъ?» Пріѣзжаетъ къ Иринѣ-мягкой перинѣ, и встрѣчаетъ Ирина-мягкая перина Ивана-чаревича: «куды, говоритъ, поѣхалъ? куды тебя Богъ понесъ? раздѣвайся, разболокайся, свое цвѣтное платье на столъ клади — хоть тысяча, хоть двѣ будь, ничто твое не утеряется!» Напоила-накормила, на пуховикъ спать повалила: «ложись къ стѣнкѣ!» Онъ говоритъ: «я не сплю у стѣнки, а сплю на крайчику.» Нужно было ей самой у стѣнки лечь; чаревичъ ее подхватилъ подъ серёдку и прошибъ сквозь полъ, и улетѣла Ирина-мягкая перина въ погребъ, а онъ опустилъ конецъ веревки, вытащилъ своего брата и сказалъ: «волочите другъ по дружкѣ всѣхъ и отправляйтесь по домамъ!» Самъ садится на своего добраго коня; доѣхавъ до стараго дубу, спускаетъ коня въ чистое поле кормиться, и ложится спать. Приходитъ къ нему старичокъ и говоритъ: «ой, Иванъ-чаревичъ, тебя убьютъ!» — Врёшь, старой; згинь съ глазъ! Старшіе братья, идучи домой, согласились между собою и убили Ивана-чаревича, живую и молодую воду отобрали; приходятъ къ своему отцу, и дали ему той воды живыя и молодыя. Онъ испилъ и сталъ лучше старины [1]). Вотъ приходитъ старичокъ къ Ивану-чаревичу — только оставалась одна хребетная кость; садится онъ подъ хребетную кость, прилетѣлъ воронъ клевать, онъ вòрона захватилъ зà ногу и сказалъ: «черное во-

[1]) Т. е. сталъ лучше, чѣмъ былъ въ прежнее время — въ молодости.

роньё! къ этой тушѣ собирите косье (кости); буде не собирёте, то весь родъ вашъ выведу.» Черно вороньё заревѣло, стали со всѣхъ сторонъ косье снашивать; старичокъ сталъ складывать костычку къ костычкѣ, косье склалъ, дунулъ — стало тѣло, другожды дунулъ—зашевелился, троижды дунулъ—вскочилъ доброй мòлодецъ: «ну, старичокъ! какъ я призаспался.»—Кабы да не я, ты бы все еще спалъ! Очнулся чаревичъ чтò нагой, и говоритъ старичку: «одѣнь меня!» Старичокъ дунулъ—онъ и одѣлся. Приходитъ Иванъ-чаревичъ въ Ефимьянское чарство, нанялся въ чаревѣ кружалѣ сороковки [1]) катать, рядилъ за работу себѣ два ведра въ сутки вина зеленаго, и живетъ такъ больно весело немало времени. Чарь-дѣвица приходитъ подъ Ефимьянское чарство на караблѣ, состроила мосты калиновые—на три грани испротесанные, по три гвоздя заколоченные; на концахъ были гульбища, по гульбищамъ были пташицы, пѣли-выпѣвали всякими словесами, разными голосами; поверхъ моста краснымъ сукномъ устлано. И пишетъ она чарю Ефимьяну: «подай виноватаго человѣка!» Чарь посылаетъ своего сына Павла: «поди съ отвѣтомъ.» Онъ разулся и пошелъ босикомъ — надо сукна не замарать; идетъ пòдъ гору. У чарь-дѣвицы было два сына — отъ Ивана-чаревича народилися; говорятъ они: «вотъ тотъ чаревичъ идетъ, чтò живую воду взялъ!»—Нѣтъ, не тотъ! накормите его морскою кашею: не виноватъ — дакъ не ходи! Взяли его о корабль хлопонули; Павелъ-чаревичъ едва съ корабля ушелъ. Вторично пишетъ къ чарю Ефимьяну: «подай виноватаго человѣка!» Чарь Ефимьянъ посылаетъ другаго сына Өедора; этотъ, пойдя, черевички съ ногъ снялъ: «надоть, говоритъ, краснаго сукна не замарать!» Завидя его, чарь-дѣвица тотъ-же приказъ отдала накормить морскою кашею: «не виноватъ—дакъ не ходи!» Едва

[1]) Сороковыя бочки.

съ корабля живой ушелъ. И грозно въ-третьяжды пишетъ чарю Ефимьяну: «чарь Ефимьянъ! подай виноватаго человѣка.» Онъ не знаетъ кого послать, затужился, и велѣлъ ярыжкамъ искать вездѣ виноватаго; а Иванъ-чаревичъ, гуляя на кружалѣ, говоритъ: «видно моя вина, нужна и моя голова! пойдемте со мною, всѣ пропоицы! еще васъ угощу и потѣшу. Во имя мое сукна рвите, пташицъ берите и мосты ломите!» Отъ того подъ горою гамъ сдѣлался; у чарь-дѣвицы дѣти устрашилися и сказали ей, что непріятель подступаетъ. А она въ отвѣтъ: «какой непріятель! то идётъ вашъ тятька, у него такая ухватка!» Иванъ-чаревичъ пришелъ на корабль, съ чарь-дѣвицею обнялся, въ уста поцѣловался; она корабль отъ берегу отвалила и пошла въ дивье чарство, вышла за него тамъ замужъ, и стали они жить да быть, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

(Обѣ записаны въ архангельской губерніи.)

с. Жилъ царь, у этого царя было три сына; говоритъ царь дѣтямъ своимъ: «привидѣлось мнѣ во снѣ, что въ нѣкоторомъ царствѣ, за триста земель — въ трехсотенномъ государствѣ, есть Елена Прекрасная и есть у ней живая и мертвая вода и моложавыя яблоки; не можете ли вы, дѣтки, достать?» Старшіе два сына и говорятъ: «благослови насъ, батюшка! мы пойдемъ доставать.» Онъ ихъ и благословилъ, и пошли они; а третій сынъ восьмилѣтній остался дома. Черезъ два года сталъ и послѣдній сынъ проситься, что «и я поѣду за своими братьями; что-нибудь и я имъ помогу.» И говоритъ отецъ: «гдѣ-же тебѣ съ молодыхъ лѣтъ идти на чужую сторону?» Потомъ подумалъ царь и отпустилъ его, и сталъ ему сынъ говорить: «батюшка! пожалуйте мнѣ лошадку.» Царь говоритъ: «ну, поди-выбирай: у меня въ конюшнѣ пятьсотъ лошадей.» Онъ пошелъ; которую лошадь

ударитъ по крестцу, такъ и съ ногъ долой упадетъ; изъ пятисотъ лошадей не выбралъ ни одной по себѣ лошади, и сказываетъ своему отцу, что «я, батюшка, у тебя не выбралъ ни одной лошади; теперь пойду въ чистое поле, въ зеленые луга—не выберу-ль по себѣ лошади въ табунахъ?» Пошелъ въ чистое поле; долго-долго шелъ, на пустомъ мѣстѣ стоитъ изопка [1]), а въ изопкѣ сидитъ старая старуха. Спрашиваетъ ее Иванъ-царевичъ: «что, бабушка, не знаешь ли ты гдѣ табуновъ, и нѣтъ ли въ табунахъ хорошихъ лошадей?» Отвѣтъ держитъ старуха: «на что-же лучше—у твоего батюшки пятьсотъ лошадей!» Говоритъ Иванъ-царевичъ, что «у моего отца нѣту по мнѣ ни одной лошади.»—Коли такъ, поди-же ты, Иванъ-царевичъ! вотъ здѣсь есть село, около села есть гора, на этой горѣ валяется богатырь замѣсто собаки; возьми ты-спросись у поповъ: можно ли похоронить этого богатыря? Есть у богатыря конь за двѣнадцатью дверьми желѣзными, за двѣнадцатью замками мѣдными, на двѣнадцати цѣпяхъ; одинъ мечь у него четыре человѣка на носилкахъ носятъ.» Попы взялись и похоронили этого богатыря; а Иванъ-царевичъ собралъ поминальной столъ и накупилъ всякаго припасу изъ харчеваго, винъ, водокъ, столовъ и стульевъ, ножей и ложекъ. И отобѣдалъ народъ православной; говоритъ Иванъ-царевичъ: «бери, народъ православной, что̀ кому надобно!» Тотчасъ зачали тащить что̀ кому надобно и разнесли по домамъ; остался одинъ Иванъ-царевичъ на горѣ и гласитъ ему мертвой богатырь: «благодарю тебя, младъ Иванъ-царевичъ! что похоронилъ меня въ честности, и дарю тебѣ своего коня: стоитъ онъ въ казенномъ погребѣ за двѣнадцатью дверьми желѣзными, за двѣнадцатью замками мѣдными, на двѣнадцати цѣпяхъ; дарю тебѣ и мечь и латы мои. Если сможешь, владѣй

[1]) *Изба.*

на здоровье!» Иванъ-царевичъ пошелъ въ казенной погребъ и началъ двери ломать; онъ кулакомъ дверь проломитъ, а лошадь цѣпь перерветъ. Такъ Иванъ-царевичъ всѣ двери переломалъ, а лошадь всѣ цѣпи перервала. И хотѣла эта лошадь на волю уйтить; но Иванъ-царевичъ ухватилъ ее за гриву и говоритъ: «стой, конь-волчье мясо, сорокà-алтынная кляча! кому-же на васъ и ѣздить, какъ не намъ добрымъ мòлодцамъ?» Надѣлъ на коня узду, осѣдлалъ его; на себя наложилъ латы гогатырскія, въ правую руку мечь взялъ и началъ мечемъ помахивать, ровно какъ гусинымъ перомъ. Отправляется онъ въ путь-дорогу; ѣхалъ много ли, мало ли время, всѣ земли проѣхалъ, и попалъ въ трехсотенное государство, гдѣ только лѣсъ да вода. Въ лѣсу тропинка есть — только пѣшему пройдти да верхомъ проѣхать; Иванъ-царевичъ пустился по той тропинкѣ и пріѣхалъ къ избушкѣ. Вошелъ въ эту избушку; тамъ живетъ красная дѣвушка. Говоритъ ему дѣвушка: «куда тебя Богъ несетъ?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «къ твоей сестрѣ Еленѣ Прекрасной—достать живой и мертвой воды и моложавыхъ яблоковъ да ея портретъ.» — Садись же ты, доброй мòлодецъ, на моего летучаго сокола; а своего коня у меня оставь. Сѣлъ онъ на сокола и полетѣлъ. Летѣлъ-летѣлъ, стоитъ еще избушка; вошелъ — въ избушкѣ сидитъ красная дѣвушка. Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: «какъ-бы мнѣ проѣхать къ твоей сестрѣ Еленѣ Прекрасной?» Говоритъ дѣвушка: «садись на моего сокола, а своего у меня оставь, и прилетишь ты къ ея дому; тамъ стоятъ двѣнадцать церквей, и отъ всякой церкви все шнуры натянуты. Постарайся ты, какъ можно, чтобы живо перелетѣть, за шнуры не зацѣпить.» Иванъ-царевичъ прилетѣлъ къ дому Елены Прекрасной; вошелъ въ одну горницу, потòмъ въ другую: въ обѣихъ дѣвушки почиваютъ — одна другой краше! Ступилъ въ третью горницу, а тамъ почиваетъ сама Елена Прекрасная, и стоитъ

у ней на столѣ живая и мертвая вода и портретъ ея тутъ-же; а изъ этой горницы ходъ въ садъ, гдѣ моложавыя яблоки. Иванъ-царевичъ взялъ живую и мертвую воду и портретъ Елены Прекрасной, самоё ее облюбилъ; потòмъ вскочилъ въ садъ, сорвалъ пять яблоковъ, завязалъ въ платокъ, и вышелъ изъ дому; сѣлъ на сокола и полетѣлъ, да какъ сталъ перелетать черезъ шнуры, и говоритъ самъ себѣ: «что я за воинъ храброй! дай зацѣплю за шнуры.» Зацѣпилъ за шнуры, и во всѣхъ церквахъ колокола зазвонили, и проснулась Елена Прекрасная и говоритъ: «что такой за невѣжа былъ, квашню раскрылъ и двѣ полушки нà смѣхъ положилъ!» Сейчасъ крикнула: «подавайте моего добраго коня, я его на дорогѣ догоню.» А Иванъ-царевичъ прилетѣлъ въ избушку къ Елениной сестрѣ, перемѣнилъ одного сокола на другаго, и опять впередъ полетѣлъ. Вслѣдъ за нимъ и Елена Прекрасная къ своей сестрѣ пріѣхала, и говоритъ ей: «для чего вы приставлены? ничего не видите! какой-то невѣжа былъ, мою квашню раскрылъ, на покрышкѣ двѣ полушки положилъ.» Отвѣчаетъ сестра: «я сама въ дорогѣ была, своего сокола запарила, и здѣсь никого не видала.» Елена Прекрасная опять поѣхала догонять Ивана-царевича; а Иванъ-царевичъ пріѣхалъ въ другую изопку и перемѣнилъ сокола на богатырскаго коня. Пріѣзжаетъ Елена Прекрасная къ другой сестрѣ и говоритъ: «что вы смотрите, для чего вы здѣсь приставлены? у меня какой-то невѣжа былъ, квашню раскрылъ - не покрылъ, нà смѣхъ двѣ полушки положилъ.» Отвѣчаетъ сестра: «изволь посмотрѣть моего сокола, весь въ поту! я сама изъ дороги сейчасъ пріѣхала.» Иванъ-царевичъ пріѣхалъ въ третью изопку, и дала ему старуха платочекъ: «если за тобой будутъ гнаться, то брось этотъ платочекъ.» Пріѣзжаетъ къ старухѣ Елена Прекрасная и говоритъ: «что вы смотрите, для чего вы приставлены? у меня какой-то невѣжа былъ, квашню раскрылъ-

не покрылъ, на̀ смѣхъ двѣ полушки положилъ.» Отвѣчаетъ старуха: «я сама сейчасъ изъ дороги пріѣхала.» Елена Прекрасная опять погналась въ погонь за Иваномъ-царевичемъ, и какъ стала догонять его, Иванъ-царевичъ бросилъ платочекъ — и сдѣлалось ужасное море, что̀ нельзя ни пройтить, ни проѣхать. Подъѣхала Елена Прекрасная къ берегу и закричала черезъ море: «кто такой въ моемъ царствѣ былъ, царь-царевичъ или король-королевичъ?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «я ни царь, ни король, а малолѣтной царской сынъ.»—Дожидайся-жъ меня! сказала Елена Прекрасная; черезъ двѣнадцать лѣтъ я къ тебѣ буду на двѣнадцати корабляхъ. Иванъ-царевичъ повернулъ прочь отъ моря и попалъ другою доро̀гою— не тамъ, гдѣ прежде ѣхалъ, и прискакалъ къ большому дому; въѣхалъ на дворъ, на дворѣ стоитъ столбъ точеной, у столба прибито кольцо золоченое; привязалъ своего коня къ золоченому кольцу, далъ ему бѣлоярой пшеницы, и пошелъ въ горницу. Сидитъ въ горницѣ красная дѣвица и говоритъ ему: «неладно, православной, ты сюда попалъ! здѣсь живетъ вѣдьма, летаетъ она по дорогамъ на соколѣ и ловитъ крещеной народъ къ себѣ на мытарства. Я сама заполонена здѣсь двѣнадцатой годъ; если ты возьмешь меня съ собою, то я тебя добру научу: какъ прилетитъ вѣдьма да станетъ класть тебя на кровать, то смотри — къ стѣнкѣ не ложись!» Вотъ прилетѣла вѣдьма и стала его къ стѣнкѣ класть; а онъ къ стѣнкѣ не ложится: «мнѣ, говоритъ, надо выходить къ лошади.» Вѣдьма сама легла къ стѣнкѣ, а Иванъ царевичъ съ краю, да тотчасъ отвинтилъ всѣ три винта — вѣдьма и попала въ погребъ.» Взялъ онъ съ собой красну дѣвицу и поѣхалъ; много ли, мало ли мѣсто отъѣхалъ—видитъ на дорогѣ яма, и лежатъ около этой ямы два человѣка. Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: «что вы за̀ люди и чего дожидаетесь?» — Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь мы твои братья. «Что-жъ вы,

братцы, высматривали?»—Да вотъ здѣсь прекрасная дѣвушка посажена. Сказалъ имъ Иванъ-царевичъ: «возьмите-ка, братцы, у меня да подержите живую и мертвую воду и моложавыя яблоки, а меня опустите въ эту яму; я вамъ достану оттудова прекрасную дѣвушку. Какъ скоро вы дѣвушку вытащите, опущайте за мной веревку.» Тотчасъ опустился Иванъ-царевичъ въ яму, добылъ тамъ прекрасную дѣвушку и привязалъ ее за веревку. Большіе братья-царевичи начали тащить, вытащили дѣвушку и говорятъ: «не станемъ къ нему опущать веревку; теперь у насъ все есть: живая и мертвая вода, моложавыя яблоки и портретъ Елены Прекрасной, и по невѣстѣ на каждаго.» Задумали они взять и коня Ивана-царевича; стали его ловить, а конь имъ не дается; такъ и не поймали! Вотъ старшіе братья пошли къ своему отцу домой; а Иванъ-царевичъ въ той ямѣ такъ слезьми и обливается. Ходилъ онъ тамъ много ли, мало ли время, и пришелъ на нижній свѣтъ. Усмотрѣлъ избушку, въ той избушкѣ сидитъ старая старуха, и говоритъ Иванъ-царевичъ: «нельзя ли какъ-нибудь, бабушка, доставить меня на верхній свѣтъ?» Отвѣчаетъ ему старуха: «нѣтъ, батюшка Иванъ-царевичъ, нельзя никакъ! Развѣ вотъ какъ: у нашего царя есть три дочери, и берутъ его дочерей змѣямъ на съѣденіе; коли ты царю поможешь, онъ тебя тожъ не оставитъ. Поѣзжай съ Богомъ; я тебѣ дамъ свою лошадь, и латы, и мечь.» Иванъ-царевичъ осѣдлалъ быстраго коня, надѣлъ на себя чугунныя латы, взялъ въ руки мечь, и поѣхалъ къ тому мѣсту, куда змѣй прилетаетъ. Пріѣхалъ, а тамъ ужь давно сидитъ царевна на камушкѣ и лютаго змѣя дожидается. Спрашиваетъ ее Иванъ-царевичъ: «что ты, царевна, здѣсь дожидаешься?» Говоритъ она печально: «уйди, доброй молодецъ! привезли меня сюда змѣю на съѣденіе.» — А ну, поищи у меня въ головѣ; а какъ только въ морѣ волны заколыхаются, сейчасъ меня разбуди. Легъ

къ ней на колѣни и заснулъ; волны въ морѣ заколыхалися, красная дѣвица начала будить Ивана-царевича, и никакъ не можетъ его разбудить. Съ великаго горя капнула у ней слеза изъ глазъ и попала царевичу на щеку; онъ проснулся и говоритъ: «ахъ, какъ ты меня своей слезой обожгла!» Прилетѣлъ змѣй осьмиглавой поѣдать царскую дочь, и говоритъ Ивану-царевичу: «ты зачѣмъ здѣсь, блоха рубашная?» А Иванъ-царевичъ говоритъ змѣю: «а ты зачѣмъ, гнида головная? крещеной народъ поѣдаешь, а сытъ не бываешь!»—Я и тебя съѣмъ! «Нѣтъ, попробуй прежде съ сильными, могучими плечьми побарахтаться.» Говоритъ змѣй: «дѣлай мостъ по̀ морю и пойдемъ съ тобой воевать.» — Экой! вѣдь я крещеной человѣкъ, а ты некрещеной; дѣлай ты мостъ. Змѣй только дунулъ, и сдѣлался по̀ морю ледяной мостъ. Поѣхали они воевать. Змѣй разъѣхался и ударилъ Ивана-царевича — только шапку ему съ головы свалилъ; а Иванъ-царевичъ разъѣхался на своемъ богатырскомъ конѣ и ударилъ змѣя — съ разу его убилъ. Сейчасъ соскочилъ съ своего коня и положилъ этого змѣя подъ камень; подъѣхалъ къ красной дѣвицѣ прощаться, и дала ему царская дочь на память свое кольцо золотое. Въ то самое время былъ отъ царя посланъ Макарка плѣшивой, косорукой — убрать дочернія косточки, когда змѣй улетитъ. Макарка видѣлъ, какъ Иванъ-царевичъ змѣя убилъ; прибѣжалъ къ царевнѣ и говоритъ: «скажи своему отцу, что я тебя отъ смерти спасъ; а не то—сейчасъ тебя убью!» Она испугалась и сказала: «хорошо, будь по твоему!» Пріѣхали во дворецъ; говоритъ царю Макарка: «я твою дочь спасъ, змѣя, убилъ и подъ камень положилъ.» Спустя нѣсколько времени присылаетъ другой змѣй къ царю приказъ, чтобы привозилъ свою дочь къ нему на съѣденіе. Макарка говоритъ царю: «дайте мнѣ саблю хорошую, я опять змѣя убью!» И повёзъ онъ другую царскую дочь змѣю на съѣденіе; привёзъ и посадилъ ее на камень, а самъ взлѣзъ на

самую высокую сосну. Сидитъ она на камнѣ да слезьми обливается; пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ, слѣзъ съ коня, сѣлъ около дѣвушки и говоритъ: «поищи у меня въ головѣ, а какъ только въ морѣ волны заколыхаются, сейчасъ меня разбуди!» Вотъ заколыхались въ морѣ волны, стала она будить его и не могла добудиться, покуда ни капнула ему на щеку горячая слеза. Онъ проснулся и говоритъ: «какъ ты меня долго не будила!» Прилетѣлъ змѣй десятиглавой, и говоритъ Ивану-царевичу: «что ты, блоха рубашная, поворачиваещься?» А Иванъ-царевичъ говоритъ змѣю: «а ты что, гнида головная, сюда пріѣзжаешь да народъ крещеной поѣдаешь?»—Я и тебя съѣмъ! «Нѣтъ, попробуй сперва повоевать со мной!»—Ну, дѣлай мостъ по̀ морю. «Я человѣкъ крещеной, а ты некрещеной —дѣлай ты!» Змѣй только дунулъ, и сдѣлался ледяной мостъ. Вотъ они поѣхали воевать. Змѣй разъѣхался и ударилъ Ивана-царевича—онъ только пошатнулся, сидя на лошади; а Иванъ-царевичъ какъ ударилъ змѣя своимъ мечемъ, такъ и снёсъ ему пять головъ долой; потòмъ еще ударилъ — и убилъ змѣя дò смерти. Дала ему царевна золотое кольцо; онъ взялъ, и уѣхалъ домой къ старушкѣ. Тутъ Макарка плѣшивой, косорукой слѣзъ съ сосны, взялъ свою саблю, объ камень билъ-билъ, билъ-билъ, до самой ручки изломалъ; пришелъ къ царевнѣ и говоритъ: «смотри, ты скажи своему отцу, что я тебя отъ смерти спасъ, а не то — убью тебя!» Пріѣхали они во дворецъ, и говоритъ Макарка царю: «я твою дочку отъ смерти спасъ; вотъ какъ я постарался, всю саблю изломалъ!» Царь обѣщался отдать за него свою младшую дочь замужъ. Потòмъ пишетъ двѣнадцатиглавой змѣй, требуетъ царскую дочь на съѣденіе. Макарка повёзъ третью царевну змѣю на съѣденіе, посадилъ ее на камень, а самъ со страстей взлѣзъ выше прежняго на дерево. Царевна сидитъ да горько плачетъ; пріѣзжаетъ къ ней Иванъ-царевичъ и говоритъ: «поищи у

меня въ головѣ, а какъ въ морѣ волны заколыхаются, сейчасъ меня разбуди!» Вотъ волны заколыхалися, стала она будить его; онъ вскочилъ и сѣлъ на своего добраго коня. Прилетѣлъ змѣй о двѣнадцати головъ и говоритъ: «ты что здѣсь, блоха рубашная, толкаешься?» — А ты что, гнида головная, сюда прилетаешь, только народъ поѣдаешь? «Я и тебя съѣмъ!» — Нѣтъ, давай-ка могучими богатырскими плечьми побарахтаемся. Говоритъ змѣй: «ты думаешь: моихъ братьевъ убилъ, такъ и меня убьешь. Нѣтъ, братъ, не таковской я!» Вышли они на поле и зачали воевать. Иванъ-царевичъ какъ разъѣхался на своемъ конѣ, такъ змѣю и снёсъ шесть головъ; змѣй и проситъ: «дай мнѣ отдохнуть!» а лошадь Ивана-царевича говоритъ: «не давай ни одной минуты отдыхать!» Онъ еще мечемъ ударилъ, и убилъ змѣя до̀ смерти. Царевна подарила ему свое золотое кольцо; Иванъ-царевичъ взялъ, змѣя положилъ подъ камень, а самъ къ старухѣ поѣхалъ. Макарка мигомъ слѣзъ съ дерева, взялъ царевну и повелъ къ царю. Царь такъ возрадовался, что̀ и сказать нельзя; благодаритъ Макарку, созываетъ къ себѣ весь народъ православной и съ музыкою, и говоритъ: «кто будетъ играть, тому на радостяхъ много пожалую.» Собралися весь народъ и всѣ музыканты; а Иванъ-царевичъ купилъ себѣ трехъалтынную балалайку, пришелъ къ царю въ домъ и такъ заигралъ, что весь міръ-народъ удивился; его балалайка бренчитъ-выговариваетъ: «дѣвушка, дѣвушка! не забудь же меня на чужой сторонѣ.» Стали ему царскія дочери водку подносить; онъ выпилъ у одной царевны и бросилъ въ стаканъ золотое кольцо — то самое, что̀ она подарила; выпилъ у другой—тоже сдѣлалъ; выпилъ у третьей, сталъ кольцо вынимать... Тутъ царевны его признали, въ одинъ голосъ закричали: «вотъ кто насъ избавилъ, а не Макарка плѣшивой!» Макарка заспорилъ, говоритъ, что «это я всѣхъ змѣевъ убилъ;

пойдемте, я вамъ покажу: куда змѣиныя тѣла поклалъ.» Пошли смотрѣть; Макарка хотѣлъ камень поднять, силился-силился, и не могъ поднять; «ахъ, говоритъ, какъ камень-то сѣлъ!» А Иванъ-царевичъ подошелъ, сейчасъ камень поднялъ и тѣла и головы змѣиныя показалъ. Царь приказалъ Макарку изъ пушекъ разстрѣлять. Тогда Иванъ-царевичъ сталъ царя просить, чтобы доставилъ его на верхній свѣтъ; царь приказалъ позвать птицу-сокола, и велѣлъ соколу Ивана-царевича на тотъ свѣтъ доставить. Соколъ говоритъ царю: «давай мнѣ четыре дощана [1]) говядины, чтобы во всякомъ дощанѣ было сто пудовъ.» Царь заготовилъ говядины; соколъ привязалъ къ себѣ четыре дощана говядины, посадилъ на себя Ивана-царевича и полетѣлъ; летѣлъ-летѣлъ, и зачалъ просить ѣсть. Иванъ-царевичъ и началъ ему кидать, всю говядину раскидалъ, а онъ опять проситъ; царевичъ зачалъ ему кидать пустые дощаны, покидалъ и тѣ—онъ все проситъ; началъ кидать свое платье, и то раскидалъ, нечего стало бросать больше, а соколъ все-таки проситъ: «не то, говоритъ, на-низъ опущусь!» Иванъ-царевичъ оторвалъ свои икры и бросилъ ему, соколъ съѣлъ и вылетѣлъ съ царевичемъ на верхній свѣтъ; тутъ соколъ кашлянулъ и выкинулъ его икры и платье. Вотъ Иванъ-царевичъ пришелъ къ своему отцу, поздоровался; отецъ и говоритъ: «что, сынокъ, я тебѣ говорилъ: не ходи! а вотъ старшіе твои братья принесли мнѣ всего: и живой воды и мертвой, и моложавыхъ яблоковъ, и портретъ Елены Прекрасной.» Иванъ-царевичъ отвѣчаетъ своему отцу: «что-же дѣлать? ихъ счастье!» Прошло двѣнадцать лѣтъ, пріѣзжаетъ Елена Прекрасная по̀ морю на двѣнадцати корабляхъ, и два сына съ собой привезла. Какъ только приплыла она, зачала въ пушки палить, и говоритъ: «подавайте мнѣ виноватаго!»

[1]) Большія кадки.

Дунула Елена Прекрасная, и сдѣлался отъ ея кораблей и до царскаго дворца хрустальной мостъ. Говоритъ царь своимъ большимъ сыновьямъ: «ступайте, дѣти! должно быть вы виноваты.» Вотъ они и пошли по хрустальному мосту; посмотрѣла Елена Прекрасная въ подзорную трубку, и говоритъ своимъ дѣтямъ: «подите, дѣтушки, проводите вы своихъ дядюшекъ въ два прутика желѣзные.» Они пошли, какъ зачали ихъ прутьями пороть, только дай Богъ ноги унести! насилу царевичи до своего дворца дошли. Елена Прекрасная опять зачала изъ пушекъ бить: «подавайте, говоритъ, виноватаго!» Вотъ царь сталъ посылать меньшаго сына: «должно быть это ты, Иванъ-царевичъ, начудилъ!» Иванъ царевичъ пошелъ по хрустальному мосту; смотритъ Елена Прекрасная въ подзорную трубку и говоритъ: «подите, дѣтушки, возьмите вы своего батюшку подъ ручки и ведите сюда съ честію.» Послѣ того вышла Елена Прекрасная за Ивана-царевича замужъ, и разсказалъ Иванъ-царевичъ своему отцу: какъ братья опустили его въ яму и какъ взяли у него живую и мертвую воду, моложавыя яблоки и портретъ Елены Прекрасной. Царь приказалъ ихъ сейчасъ изъ пушекъ убить; вывели ихъ рабовъ божіихъ въ чистое поле и казнили. А Иванъ-царевичъ сталъ жить съ Еленой Прекрасною.

(Записана въ тверской губерніи, зубцовскомъ уѣздѣ.)

d. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у него было три сына: Дмитрій, Иванъ и Василій-царевичи. Отецъ у нихъ ослѣпъ, и говорилъ своимъ сыновьямъ: «дѣти мои возлюбленные! сходите къ Сонькѣ-боготворкѣ [1]) за живой водой и мертвою — мнѣ глаза лѣчить.»

[1]) Игра словъ: имя *Сонька*, уменьшительное отъ *Софья*, дано въ сказкѣ красной дѣвицѣ съ умысломъ, потому что она проспала и живую воду и свою дѣвичью честь. *Боготворка*, кажется, испорченное слово: богатырка.

Старшій и середній сыновья пошли доставать живой и мертвой воды, а младшій сынъ дома остался. Отецъ долго ждалъ своихъ старшихъ сыновей, но никакъ не могъ дождаться, и сталъ говорить младшему: «сынъ мой любезной! я теперь сталъ старъ и слѣпъ, а твоихъ братьевъ никакъ не могу дождаться.» То младшій сынъ Василій-царевичъ сталъ говорить отцу: «батюшка! благослови меня, я пойду братьевъ искать.» Отвѣчалъ на то царь: «нѣтъ, другъ мой, ты еще молодъ; да притомъ-же съ кѣмъ я останусь? всѣхъ я распустилъ, только ты одинъ у меня и остался.» — Ну, батюшка! хоть благословишь, хоть нѣтъ, а я всячески пойду. Отецъ благословилъ егó, и онъ отправился во путь-дороженьку отыскивать своихъ братьевъ. Долго ли, коротко ли — приходитъ Василій-царевичъ къ кузницѣ; въ той кузницѣ восемь мастеровъ работаютъ—молодѐцъ къ молодцу̀! Василій-царевичъ говоритъ имъ: «Богъ пòмочь, добрые ребята!»— Добро жаловать, Василій-царевичъ! «Скуйте-ка мнѣ, добрые мòлодцы, палицу въ двадцать пудовъ.» Мòлодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ четыре часа. Василій царевичъ взялъ палицу, вышелъ за кузницу, бросилъ вверхъ и подставилъ мизинецъ—палица пополамъ сломилася; пришелъ въ кузницу и говоритъ: «нѣтъ, братцы, эта палица мнѣ не по рукѣ! скуйте мнѣ палицу въ сорокъ пудовъ.» Мòлодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ шесть часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и подставилъ колѣно—палица пополамъ переломилася. Онъ приходитъ въ кузницу и опять говоритъ: «эта палица, братцы, мнѣ не по рукѣ! скуйте мнѣ палицу въ шестьдесятъ пудовъ.» Мòлодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ восемь часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и подставилъ голову — палица толь-

ко погнулась; пришелъ въ кузницу и говоритъ: «ну, братцы, палица эта мнѣ по рукѣ!» Выбросилъ деньги за палицу и пошелъ во путь-дороженьку; шелъ-шелъ низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, приходитъ къ мостику. Ходитъ тутъ пò лугу конь; взялъ Василій-царевичъ разсолилъ воду въ рѣкѣ, сталъ конь пить, и до половины не выпилъ. «Нѣтъ, говоритъ царевичъ, этотъ конь не по мнѣ!» Пошелъ Василій-царевичъ близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, приходитъ опять къ мостику. Ходитъ пò лугу другой конь; Василій-царевичъ разсолилъ въ рѣкѣ воду, конь сталъ пить и выпилъ до половины. «Нѣтъ, говоритъ, и этотъ конь мнѣ не по плечу!» Пошелъ Василій-царевичъ въ путь-дорожку, шелъ низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, и опять приходитъ къ мостику. Ходитъ пò лугу конь необыкновенной красоты, чтò ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Василій-царевичъ взялъ-разсолилъ воду въ рѣкѣ, и конь выпилъ всю дò-суха. Ну, этотъ конь ему очень понравился; подбѣжалъ Василій-царевичъ и вскочилъ на него верхомъ. Конь началъ возить его по мхамъ, по болотамъ, хочетъ совсѣмъ свалить; а Василій-царевичъ знай бьетъ его своей палицей. Вотъ конь усмирился и вымолвилъ: «за что, доброй молодецъ, бьешь меня? чего тебѣ отъ меня хочется?» — Сослужи мнѣ службу, свези меня къ Сонькѣ-боготворкѣ — достать живой и мертвой воды. Сталъ говорить доброй конь: «гой еси Василій царевичъ! дай мнѣ погулять трое сутокъ, да три зари вечернихъ, три зари утренихъ покататься по свѣжей травѣ.» Василій-царевичъ отпустилъ коня, а самъ спать лёгъ, и проспалъ три зари утренихъ, да три зари вечернихъ. Прибѣжалъ конь, сталъ будить его: «что ты такъ долго спишь, Василій-царевичъ? пора въ дорогу ѣхать.» Онъ всталъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ; прiѣзжаетъ къ Сонькѣ-боготворкѣ — надо подняться на сто сажень вверхъ. «Смотри, любезной конь, не

зацѣпи копытомъ ни за одну струну!» Конь поднялся, перескочилъ черезъ стѣны, ни одной струны не задѣлъ. Василій-царевичъ слѣзъ съ коня и пошелъ въ домъ; входитъ въ спальную, Сонька-боготворка спитъ крѣпкимъ сномъ. Онъ взялъ-вынулъ изъ-подъ подушки ключи, досталъ воды и живой и мертвой: два пузырька мертвой воды положилъ въ карманъ, а два пузырька живой воды подвязалъ себѣ подъ мышки. Вышелъ на дворъ, сѣлъ на коня и сказалъ: «любезной конь! поднимись выше, ни за одну струну не зацѣпи, только зацѣпи за послѣднюю.» Конь зацѣпилъ за послѣднюю струну — тотчасъ струна забренчала и колокола зазвенѣли. Сонька-боготворка проснулась и говоритъ: «какой это невѣжа у меня былъ?» Василій-царевичъ пріѣхалъ къ морю; видитъ, что его братья корабли строютъ, и спрашиваетъ: «что вы, братцы, здѣсь дѣлаете?» — Строимъ корабли, чтобы ѣхать за живой водой и мертвою. «Воротитесь лучше домой! я везу отцу и живой воды и мертвой.» Сказалъ это Василій-царевичъ, лёгъ отдохнуть, да и заснулъ; братья взяли у него изъ кармана два пузырька, а его спихнули въ помойную яму. Прошло два-три часа, Василій-царевичъ проснулся и думаетъ: «Господи! гдѣ я нахожусь?» Увидѣлъ при себѣ свою палицу, и сказалъ: «ну, слава Богу, еще не совсѣмъ пропалъ!» Взялъ-поставилъ палицу, уперся на неё и выскочилъ вонъ изъ ямы. Пошелъ доброй молодецъ путемъ-дорогою къ своему царству; между тѣмъ его братья домой пріѣхали и принялись отца мертвой водой вспрыскивать, сколько ни прыскали — нѣтъ *толку* и на копѣйку! Старшіе царевичи не знали, что̀ и дѣлать. Послѣ того пришелъ меньшой царевичъ, вспрыснулъ отца живой водой — и онъ сталъ видѣть лучше прежняго, началъ благодарить Василья-царевича, и отказалъ ему все свое царство.

(Записана въ новгородской губерніи.)

е. На водахъ, на земляхъ, на русскихъ городахъ былъ царь; у него было три сына, послѣдній сынъ Иванъ-царевичъ. При томъ царствѣ была гора, на которую никто не могъ ни сходить, ни съѣздить. Слышитъ царь: на горѣ стукъ стучитъ и громъ гремитъ, а отчего? неизвѣстно, и посылаетъ своего перваго сына узнать, отчего на горѣ стукъ стучитъ и громъ гремитъ? Взъѣхалъ первой сынъ только до треть горы и воротился назадъ; пріѣхалъ къ отцу и говоритъ: «государь мой батюшка! ѣздилъ я по твоему наказу, насилу могъ подняться до треть горы.» Спустя нѣсколько времени отправлялъ царь средняго сына, которой доѣхалъ до половины горы, а болѣе не смогъ и воротился назадъ. Потомъ посылаетъ царь меньшаго сына Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ выбралъ себѣ на царскихъ конюшняхъ добраго коня, простился съ отцомъ, и въ минуту изъ глазъ скрылся; взъѣхалъ на̀ гору, словно соколъ взлетѣлъ, и увидѣлъ тамъ — дворъ стоитъ. Слѣзаетъ Иванъ-царевичъ съ своего добраго коня и входитъ въ избу; сидитъ въ избѣ на стулѣ старая баба-яга и прядетъ тонкой шелкъ. «Здравствуй, старая баба-яга!» говоритъ Иванъ-царевичъ. «Здравствуй, доброй мо̀лодецъ! доселева русской коски видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а теперечи сама на дворъ пришла.» И стала его спрашивать: какихъ ты родовъ, какихъ городовъ и какого отца сынъ? Отвѣчаетъ ей Иванъ-царевичъ: «я русскаго царя сынъ Иванъ-царевичъ; ѣду на ваши горы узнать, что за стукъ стучитъ и громъ гремитъ?» Сказала ему баба-яга: «то у насъ на горахъ стукъ стучитъ и громъ гремитъ, что̀ красная краса-черная коса царь-дѣвица катается.»—Далеко ли до той царь-дѣвицы? спросилъ Иванъ-царевичъ. «Еще два столька, сколько ты проѣхалъ!» сказала баба-яга, напоила его-накормила и спать повалила; а поутру Иванъ-царевичъ вставалъ ранёхонько, простился съ старой ягой-бабой и поѣхалъ впередъ. Ѣхалъ онъ ровно четыре

мѣсяца, видитъ—дворъ стоитъ; сошелъ съ своего коня, вошелъ въ избу, а въ избѣ сидитъ старая баба яга. «Здравствуй баба-яга!» сказалъ Иванъ-царевичъ. «Здорово, дитятко! далеко ли твой путь? какъ тебя Богъ занёсъ?» Онъ ей все разсказалъ; баба-яга его напоила-накормила и спать повалила, а поутру Иванъ-царевичъ встаетъ ранёхонько, простился съ бабой-ягой и поѣхалъ впередъ. Опять ѣхалъ ровно четыре мѣсяца, и видитъ — стоитъ дворъ; слѣзаетъ съ своего добраго коня, входитъ въ избу, а въ избѣ сидитъ баба-яга. «Здравствуй, старая баба-яга!» сказалъ Иванъ-царевичъ. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! куда тебя Богъ понёсъ?» Онъ ей все разсказалъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ. «Были къ нашей царь-дѣвицѣ многіе цари и царевичи, сказала баба-яга, а назадъ въ живыхъ не выѣзжали! У нея кругъ града стѣны высокія, а на стѣнахъ натянуты струны, и ежели ты задѣнешь хоть за одну струну, то вдругъ струны запоютъ, барабаны забьютъ, возмутятся всѣ богатыри и караульные и тебя убьютъ.» Выждавши темной ночи, садился Иванъ-царевичъ на своего коня, и скакалъ его доброй конь за стѣны высокія, не задѣвалъ ни за одну струну. Сошелъ Иванъ-царевичъ съ коня, а богатыри и караульные въ то время всѣ спали, и пошелъ прямо въ палаты царскія—въ спальню царь-дѣвицы; царь-дѣвица тожъ спала. Засмотрѣлся доброй молодецъ на ея красоту неописанную, и забывая, что смерть за плечами, сладко поцѣловалъ ее. Вышелъ изъ спальни вонъ, сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ изъ града вонъ; конь поднялся и задѣлъ за натянутыя струны. Тотчасъ струны запѣли, барабаны загремѣли, богатыри, караульные и вся армія возмутилися, а красная краса-черная коса царь-дѣвица пробудилась и узнала, что кто-то у ней въ спальнѣ былъ, и что отъ того она сдѣлалась беременною. Приказываетъ она заложить карету, беретъ провіанта на цѣлой годъ, и поѣхала вслѣдъ за Иваномъ-цареви-

чемъ. Доѣхала до старой яги-бабы и весьма сердито ей говорила: «зачѣмъ ты эдакаго человѣка не хватала? заѣхалъ онъ въ мое царство, осмѣлился ко мнѣ въ спальню зайдти да меня цѣловать.» Отвѣчаетъ ей баба-яга: «я этого человѣка сдержать не могла, да и тебѣ едва-ль его схватать!» Царь-дѣвица поѣхала дальше достигать, и доѣхала до средней яги-бабы: «для чего ты эдакаго человѣка не держала?» Отвѣчала ей старая баба-яга: «гдѣ мнѣ старой бабѣ добраго мо̀лодца удержать? да и ты едва ли можешь его догнать!» Опять пустилась въ дорогу царь-дѣвица; не доѣхала немного до старщей бабы-яги и родила сына. Росъ ея сынъ не по годамъ, а по часамъ: у кого трехъ мѣсяцевъ, у нея такой трехъ часовъ; у кого трехъ годовъ, у нея такой трехъ мѣсяцевъ. Пріѣхала до послѣдней яги-бабы и спрашивала: «почто ты добраго мо̀лодца не хватала?» — Гдѣ мнѣ старой бабѣ добраго мо̀лодца схватать? Не маня [1]) нисколько, бросилась царь-дѣвица впередъ, доѣхала до горы и увидѣла, что Иванъ-царевичъ спускается въ половинѣ горы, и сама опустилась за нимъ по̀дъ гору. Подъѣзжаетъ подъ его царство—разставляла шатры бѣлые, устилала всю дорогу къ городу сукнами красными, и посылала къ царю посланника съ просьбою: «кто бы ни былъ изъ его царства, кто въ ночное время зашелъ къ ней въ палаты, чтобы таковаго царь ей выдалъ. Ежели не выдашь, то все твое царство поплѣню, огнемъ сожгу, головнёй покачу.» Призываетъ царь своего старшаго сына, посылаетъ его на отвѣтъ къ царь-дѣвицѣ. Пошелъ царевичъ и доходитъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ постланы были сукна красныя, вымываетъ ноги бѣлёхонько и идетъ босикомъ. Увидалъ его сынъ царь-дѣвицы, и говоритъ своей матери: «вонъ идетъ мой батюшка!» — Нѣтъ, любезной сынъ! то идетъ твой дядюшка. Какъ ско-

[1]) Не медля.

ро старшій царевичъ пришелъ къ царь-дѣвицѣ, она дала ему одну стежь [1]) и вышибла изъ спины два сустава: зачѣмъ де идетъ невинно отвѣчать? На другой день опять потребовала отъ царя виноватаго; царь посылаетъ средняго своего сына. Царевичъ доходитъ до суконъ красныхъ, скидаетъ съ ногъ сапоги и идетъ босикомъ. Царь-дѣвица дала ему стежь и вышибла изъ спины два сустава. На третій день посылаетъ царь меньшаго своего сына Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ садится на своего добраго коня, доѣзжаетъ до тѣхъ суконъ красныхъ, и всѣ сукна въ грязь вбиваетъ. Увидалъ его сынъ царь-дѣвицы, и говоритъ своей матери: «что за дуракъ ѣдетъ!» — Любезной сынъ! ѣдетъ-то твой батюшка, отвѣчала царь-дѣвица; выходила сама на встрѣчу, брала его за руки бѣлыя, цѣловала его во уста сахарныя и вела его въ шатры бѣлые, садила за столы дубовые, кормила и поила досыта. Потомъ поѣхали они къ царю и приняли законный бракъ, и побывъ недолгое время въ этомъ царствѣ, отправились на корабляхъ во владѣнье царь-дѣвицы; тамъ они царствовали долго и благополучно.

(Записана въ архангельской губерніи.)

5.

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНОЙ [2]).

Жилъ-былъ царь, у него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, то мамки и няньки его прибаюкивали: «баю-баю, Иванъ-царевичъ! выростишь большой, найдешь себѣ не-

[1]) Ударъ прутомъ или плетью (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 215).
[2]) См. вып. II, № 24 и вып. VII. № 6.

вѣсту: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитьевна—изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается.» Минуло царевичу пятьнадцать лѣтъ, сталъ у отца проситься поѣхать-поискать свою невѣсту. «Куда ты поѣдешь? ты еще слишкомъ малъ!»—Нѣтъ, батюшка! когда я малъ былъ, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, гдѣ живетъ моя невѣста; а теперь я поѣду ее розыскивать. Отецъ благословилъ его и далъ знать по всѣмъ государствамъ, что сынъ его Иванъ-царевичъ поѣхалъ за невѣстою. Вотъ пріѣзжаетъ царевичъ въ одинъ городъ, отдалъ убрать свою лошадь, а самъ пошелъ по улицамъ погулять. Идетъ и видитъ—на площади человѣка кнутомъ наказываютъ. «За что, спрашиваетъ, вы его кнутомъ бьете?» — А за то, говорятъ, что задолжалъ онъ одному именитому купцу десять тысячъ, да въ срокъ не выплатилъ; а кто его выкупитъ, у того Кощей Безсмертной жену унесетъ. Вотъ царевичъ подумалъ-подумалъ, и прочь пошелъ. Погулялъ по городу, выходитъ опять на площадь, а того человѣка все бьютъ; жалко стало Ивану-царевичу, и рѣшился онъ его выкупить: «у меня, думаетъ, жены нѣту; отнять у меня некого.» Заплатилъ десять тысячъ и пошелъ домой; вдругъ бѣжитъ за нимъ тотъ самой человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и кричитъ ему: «спасибо, Иванъ-царевичъ! еслибъ ты меня не выкупилъ, ввѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу; купи мнѣ скорѣе лошадь и сѣдло.» Царевичъ купилъ ему и лошадь и сѣдло, и спрашиваетъ: «а какъ твое имя?»—Меня зовутъ Булатъ-молодецъ. Сѣли они на коней и поѣхали въ путь-дорогу; какъ только пріѣхали въ тридесятое государство, говоритъ Булатъ молодецъ: «ну, Иванъ-царевичъ! прикажи купить да нажарить куръ, утокъ, гусей — чтобъ всего было довольно! а я пойду твою невѣсту доставать. Да смотри: всякой разъ, какъ я забѣгу къ тебѣ, ты рѣжь у любой птицы правое кры-

лушко и подавай на тарелочкѣ.» Пошелъ Булатъ-молодецъ прямо къ высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитьевна; бросилъ полегоньку камушкомъ и сломилъ у башни золоченой верхъ. Прибѣгаетъ къ Ивану-царевичу, говоритъ ему: «что ты спишь? подавай курицу.» Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подалъ на тарелочкѣ. Булатъ-молодецъ взялъ тарелочку, побѣжалъ къ башнѣ и закричалъ: «здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и просилъ меня отдать вамъ эту курочку.» Она испугалась, сидитъ — ничего не говоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: «здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли Иванъ-царевичъ? — Слава Богу, здоровъ! — А что-же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмку водочки, и ступай съ Богомъ.» Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ къ Ивану-царевичу: «что сидишь? говоритъ, подавай утку.» Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, подалъ на тарелочкѣ. Булатъ взялъ тарелочку и понёсъ къ башнѣ: «здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ эту уточку.» Она сидитъ—ничего не говоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: «здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли царевичъ?—Слава Богу, здоровъ!—А что-же ты, Булатъ молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмочку, и ступай съ Богомъ.» Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ домой и опять говоритъ Ивану-царевичу: «что сидишь? подавай гуся.» Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, положилъ на тарелочку и подалъ ему. Булатъ-молодецъ взялъ и понёсъ къ башнѣ: «здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ гуся.» Василиса Кирбитьевна тотчасъ беретъ ключъ, отпираетъ шкапъ и подаетъ ему рюмку водочки. Булатъ-молодецъ не берется за рюмку, а хватаетъ дѣвицу за правую руку; вытащилъ ее изъ башни, посадилъ къ Ивану-царевичу на лошадь, и поска-

кали они, добрые мо̀лодцы, съ душой-красной дѣвицей во всю конскую прыть. Поутру встаетъ-просыпается царь Кирбитъ, видитъ, что у башни верхъ сломанъ, а дочь его похищена, сильно разгнѣвался и приказалъ послать погоню по всѣмъ путямъ и дорогамъ. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи—Булатъ-молодецъ снялъ съ своей руки перстень, спряталъ его и говоритъ: «поѣзжай, Иванъ-царевичъ! а я назадъ ворочусь, поищу перстень.» Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать: «не оставляй насъ, Булатъ-молодецъ! хочешь, я тебѣ свой перстень подарю.» Онъ отвѣчаетъ: «никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна! моему перстню цѣны нѣтъ—мнѣ дала его родная матушка; какъ давала—приговаривала: носи-не теряй, мать не забывай!» Поскакалъ Булатъ-молодецъ назадъ и повстрѣчалъ на дорогѣ погоню; онъ тотчасъ всѣхъ перебилъ, оставилъ только единаго человѣка, чтобъ было кому царя повѣстить; а самъ поспѣшилъ нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ѣхали — Булатъ-молодецъ запряталъ свой платокъ и говоритъ: «ахъ, Иванъ-царевичъ! я платокъ потерялъ; поѣзжайте вы путемъ-дорогою, я васъ скоро опять нагоню.» Повернулъ назадъ, отъѣхалъ нѣсколько верстъ и повстрѣчалъ погоню вдвое больше, перебилъ всѣхъ и вернулся къ Ивану-царевичу. Тотъ спрашиваетъ: «нашелъ ли платокъ?» — Нашелъ. Настигала ихъ темная ночь; раскинули они шатёръ, Булатъ-молодецъ лёгъ спать, а Ивана-царевича на караулъ поставилъ, и говоритъ ему: «каковъ случай — разбуди меня!» Тотъ стоялъ-стоялъ — утомился, началъ клонить его сонъ, онъ присѣлъ у шатра и заснулъ. Откуда ни взялся Кощей Безсмертной—унёсъ Василису Кирбитьевну. На зарѣ очнулся Иванъ-царевичъ; видитъ, что нѣтъ его невѣсты, и горько заплакалъ. Просыпается и Булатъ-молодецъ, спрашиваетъ его: «о чемъ плачешь?»—Какъ мнѣ не плакать? кто-то унёсъ Василису Кирбитьевну. «Я-же

тебѣ говорилъ: стой на караулѣ! Это дѣло Кощея Безсмертнаго; поѣдемъ искать.» Долго-долго они ѣхали, смотрятъ — два пастуха стадо пасутъ. «Чье это стадо?» Пастухи отвѣчаютъ: «Кощея Безсмертнаго.» Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ выспросили пастуховъ: далеко ль Кощей живетъ, какъ туда проѣхать, когда они со стадомъ домой ворочаются и куда его запираютъ? потомъ слѣзли съ лошадей, свернули пастухамъ головы, нарядились въ ихъ платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у воротъ. У Ивана-царевича былъ на рукѣ золотой перстень — Василиса Кирбитьевна ему подарила; а у Василисы Кирбитьевны была коза — отъ той козы молокомъ она и утромъ и вечеромъ умывалась. Прибѣжала дѣвушка съ чашкою, подоила козу, и несетъ молоко; а Булатъ-молодецъ взялъ у царевича перстень и бросилъ въ чашку. «Э, голубчики! говоритъ дѣвушка, вы озорничать стали!» Приходитъ къ Василисѣ Кирбитьевнѣ и жалуется: «ноничe пастухи надъ нами насмѣхаются, бросили въ молоко перстень!» Та отвѣчаетъ: «оставь молоко, я сама процѣжу.» Стала цѣдить, увидала свой перстень, и велѣла послать къ себѣ пастуховъ. Пастухи пришли. «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна!» говоритъ Булатъ-молодецъ. — Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здравствуй, царевичъ! какъ васъ Богъ сюда занёсъ? «За вами, Василиса Кирбитьевна, пріѣхали; вы отъ насъ нигдѣ не скроетесь: хоть на днѣ моря, и то отыщемъ!» Она ихъ за столъ усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говоритъ ей Булатъ-молодецъ: «какъ пріѣдетъ Кощей съ охоты, распросите его, Василиса Кирбитьевна: гдѣ его смерть? А теперь нехудо намъ спрятаться.» Только что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ съ охоты Кощей Безсмертной: «фу-фу! говоритъ, прежде русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а ноничe русской духъ въ-очью является, въ уста бросается.» Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна: «самъ

ты по Руси налетался, русскаго духу нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!» Кощей пообѣдалъ и легъ отдыхать; пришла къ нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-цѣловала, сама приговаривала: «другъ ты мой милой! насилу дождалась тебя; ужь не чаяла въ живыхъ увидать — думала, что тебя лютые звѣри съѣли!» Кощей засмѣялся: «дура-баба! волосъ долгъ, да умъ коротокъ; развѣ могутъ меня лютые звѣри съѣсть?» — Да гдѣ-жъ твоя смерть? «Смерть моя въ голикѣ, подъ порогомъ валяется.» Какъ скоро Кощей улетѣлъ, Василиса Кирбитьевна побѣжала къ Ивану-царевичу. Спрашиваетъ ее Булатъ-молодецъ: «ну, гдѣ смерть Кощеева?» —Въ голикѣ подъ порогомъ валяется. «Нѣтъ, это онъ нарочно врётъ! надо распросить его похитрѣе.» Василиса Кирбитьевна тотчасъ придумала: взяла голикъ-вызолотила, разными лентами украсила и положила на столъ. Вотъ прилетѣлъ Кощей Безсмертной, увидалъ на столѣ вызолоченной голикъ, и спрашиваетъ, зачѣмъ это сдѣлано? — Какъ-же можно, отвѣчала Василиса Кирбитьевна, чтобъ твоя смерть подъ порогомъ валялась; пусть лучше на столѣ лежитъ! «Ха-ха-ха, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; развѣ здѣсь моя смерть?»—А гдѣ-же? «Моя смерть въ козлѣ запрятана.» Василиса Кирбитьевна, какъ только Кощей на охоту уѣхалъ, взяла-убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидалъ, опять разсмѣялся: «эхъ, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; моя смерть далеча: на морѣ на окіанѣ есть островъ, на томъ островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, а въ яйцѣ — моя смерть!» Сказалъ и улетѣлъ. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли съ собой запасу и пошли отыскивать Кощееву смерть. Долго ли, коротко ли шли, запасъ весь прієли и начали голодать. Попадается имъ соба-

ка со щенятами. «Я ее убью, говоритъ Булатъ-молодецъ; намъ ѣсть больше нечего.» — Не бей меня, проситъ собака, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами; я тебѣ сама пригожусь! «Ну, Богъ съ тобой!» Идутъ дальше — сидитъ на дубу орелъ съ орлятами [1]). Говоритъ Булатъ-молодецъ: «я убью орла!» Отвѣчаетъ орелъ: «не бей меня, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами; я тебѣ самъ пригожусь!» — Такъ и быть, живи на здоровье! Подходятъ къ окіанъ-морю широкому; на берегу ракъ ползетъ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «я его пришибу!» Отвѣчаетъ ракъ: «не бей меня, доброй мо̀лодецъ! во мнѣ корысти немного, хоть съѣшь — сытъ не будешь. Прійдетъ время — я самъ тебѣ пригожусь!» — Ну, ползи съ Богомъ! сказалъ Булатъ-молодецъ, посмотрѣлъ на̀ море, увидалъ рыбака въ лодкѣ и крикнулъ: «причаливай къ берегу!» Рыбакъ подалъ лодку; Иванъ-царевичъ да Булатъ-молодецъ сѣли и поѣхали къ острову; добрались до острова и пошли къ дубу. Булатъ-молодецъ ухватилъ дубъ могучими руками и съ корнемъ вырвалъ; досталъ изъ-подъ дуба сундукъ, открылъ его — изъ сундука заяцъ выскочилъ и побѣжалъ что̀ есть духу. «Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ, еслибъ на эту по̀ру да собака была, она-бъ зайца поймала!» Глядь—а собака ужь тащитъ зайца. Булатъ-молодецъ взялъ его-разорвалъ — изъ зайца вылетѣла утка и высоко поднялась въ поднебесье. «Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ, еслибъ на эту по̀ру да орелъ былъ, онъ бы утку поймалъ!» а орелъ ужь несетъ утку. Булатъ-молодецъ разорвалъ утку — изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море. «Ахъ, сказалъ царевичъ, еслибъ ракъ его вытащилъ!» а ракъ ужь ползетъ, яйцо тащитъ. Взяли они яйцо, пріѣхали къ Кощею Безсмертному, ударили его тѣмъ яйцомъ въ лобъ — онъ тотчасъ растянулся и умеръ. Бралъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну, и поѣхали въ дорогу.

[1]) *Вар.* Соколъ съ соколятами.

Ѣхали-ѣхали; настигала ихъ темная ночь, раскинули шатёръ, Василиса Кирбитьевна спать легла. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «ложись и ты, царевичъ; а я буду на часахъ стоять.» Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ: «ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у псаря и разорветъ царевича на мелкія части; а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной!» Поутру Булатъ-молодецъ разбудилъ царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поѣхали въ путь-дорогу. Настигала ихъ вторая ночь; раскинули шатёръ въ чистомъ полѣ. Опять говоритъ Булатъ-молодецъ: «ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я буду караулить.» Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: «ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести своего любимаго коня, на которомъ съизмала привыкъ кататься; конь вырвется у конюха и убьетъ царевича дò смерти. А кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ будетъ по поясъ каменной!» Настало утро, опять поѣхали. Настигала ихъ третья ночь; разбили шатёръ и остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я караулить буду.» Опять въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: «ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну, да и вамъ добра не

нажить: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой съизмала молочкомъ питался; она вырвется у скотника и подниметъ царевича на рога [1]). А кто насъ видитъ и слышитъ, да ему скажетъ, тотъ весь будетъ каменной.» Сказали, обернулись голубицами и улетѣли. Поутру проснулся Иванъ-царевичъ съ Василисой Кирбитьевной, и отправились въ дорогу. Пріѣхалъ царевичъ домой, женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ, и спустя день или два говоритъ ей: «хочешь, я покажу тебѣ мою любимую собачку? когда я былъ маленькой — все съ ней забавлялся.» Булатъ-молодецъ взялъ свою саблю, наточилъ остро остро, и сталъ у крыльца. Вотъ ведутъ собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бѣжитъ, а Булатъ-молодецъ махнулъ саблею и разрубилъ ее пополамъ. Иванъ-царевичъ на него разгнѣвался, да за старую службу промолчалъ—ничего не сказалъ. На другой день приказалъ онъ вывесть своего любимаго коня; конь перервалъ арканъ, вырвался у конюха и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ коню голову. Иванъ-царевичъ еще пуще разгнѣвался, приказалъ было схватить его и повѣсить; да Василиса Кирбитьевна упросила: «еслибъ не *онъ*, говоритъ, ты-бъ меня никогда не досталъ!» На третій день велѣлъ Иванъ-царевичъ вывесть свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бѣжитъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ и ей голову [2]). Тутъ Иванъ царевичъ такъ

[1]) ***Вар*** какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, перевѣнчается и ляжетъ спать съ Василисой Кирбитьевной, втѣпоры прилетитъ двѣнадцатиглавой змѣй и унесетъ ихъ обоихъ въ свое царство.

[2]) ***Варіантъ:*** Воротился Иванъ-царевичъ домой и женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ; говоритъ ему Булатъ-молодецъ: «не спи, царевичъ, первую ночь съ женой — худо будетъ! лучше пусти меня на свое мѣсто.» Царевичъ согласился, а самъ думаетъ: вѣрить или не вѣрить ему? и приставилъ онъ слугу вѣрнаго присматривать, что будетъ дѣлать Булатъ-молодецъ. Наступила полночь, вдругъ зашумѣли вѣтры — прилетаетъ двѣнадцатиглавой змѣй; Булатъ-

озлобился, что никого и слушать не сталъ; приказалъ позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца. «Ахъ, Иванъ-царевичъ! коли ты хочешь меня палачомъ казнить, такъ лучше я самъ помру. Позволь только три рѣчи сказать...» Разсказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что̀ ему говорили—и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про другую ночь — и окаменѣлъ по поясъ. Тутъ Иванъ-царевичъ началъ его упрашивать, чтобъ до конца не договаривалъ. Отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ: «теперь все равно — на половину окаменѣлъ, такъ не сто̀итъ жить!» Разсказалъ про третью ночь, и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ, и каждой день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ, и слышитъ—изъ камня голосъ раздается: «что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!» — Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ. «Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей—сынъ да дочь, возьми ихъ-зарѣжь, нацѣди крови, и той кровью помажь камень.» Иванъ-царевичъ разсказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ, потужили они-погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ-зарѣзали,

молодецъ началъ съ нимъ сражаться, срубилъ всѣ двѣнадцать головъ и выкинулъ въ окно. Какъ рубилъ онъ змѣю послѣднюю голову, брызгнула змѣиная кровь прямо Василисѣ Кирбитьевнѣ на лицо. Увидалъ это Булатъ-молодецъ, думаетъ: что дѣлать? такъ оставить — спросятъ: отчего кровь показалася? платкомъ обтереть — пожалуй, Василису Кирбитьевну разбудишь: дѣло непригожее! Взялъ да языкомъ и слизнулъ кровь съ ея лица бѣлаго. А слуга Ивана-царевича только и видѣлъ, какъ Булатъ-молодецъ свою саблю точилъ да кровь слизывалъ; поутру докладываетъ онъ: «такъ и такъ, съ вечера Булатъ-молодецъ свою саблю точилъ, а ночью Василису Кирбитьевну въ уста цѣловалъ.» Иванъ-царевичъ разгнѣвался, приказалъ Булата-молодца въ желѣза заковать, злой смерти предать.

нацѣдили крови и только помазали камень—какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены: «что вамъ жалко своихъ дѣтокъ?»—Жалко, Булатъ-молодецъ! «Ну, пойдемте въ ихъ комнатку.» Пришли, смотрятъ—а дѣти живы [1])! Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ. На томъ пиру и я былъ, медъ и вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сытно стало.

6.

МЕДВѢДКО, УСЫНЯ, ГОРЫНЯ И ДУБЫНЯ-БОГАТЫРИ [2]).

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою; дѣтей у нихъ не было. Говоритъ разъ старикъ: «старуха! поди, купи рѣпку — за обѣдомъ съѣдимъ.» Старуха пошла, купила двѣ рѣпки: одну кое-какъ изгрызли, а другую въ печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного, слышутъ — что-то въ печи кричитъ: «бабушка! откутай; тутъ жарко!» Старуха открыла заслонку, а въ печи лежитъ живая дѣвочка. «Что тамъ такое?» спрашиваетъ старикъ. — Ахъ, старикъ! Господь далъ намъ дѣвочку. И старикъ и старуха крѣпко обрадовались и назвали эту дѣвочку Рѣпкою. Вотъ Рѣпка росла-росла, и выросла большая. Въ одно время приходятъ деревенскія дѣвки и просятъ: «бабушка! отпусти съ нами Рѣпку въ лѣсъ за ягодами [3]).»

[1]) Въ другомъ спискѣ: Булатъ-молодецъ разрѣзалъ себѣ палецъ и своею кровью помазалъ дѣтей царевича накрестъ — и они въ ту-жъ минуту ожили.
[2]) См. выпускъ VII, № 8. — [3]) *Вар.* за грибами.

— Не пущу, к...... дѣти! вы ее въ лѣсу покинете. «Нѣтъ, бабушка! ни за̀ что не кинемъ.» Старуха отпустила Рѣпку. Собрались дѣвки, пошли за ягодами и зашли въ такой дремучій лѣсъ, что̀ зги не видать. Глядь—стоитъ въ лѣсу избушка, вошли въ избушку, а тамъ на столбѣ медвѣдь сидитъ. «Здравствуйте, красныя дѣвицы! сказалъ медвѣдь; я васъ давно жду.» Посадилъ ихъ за столъ, наклалъ имъ каши и говоритъ: «кушайте, хорошія-пригожія! которая есть не будетъ, тоё замужъ возьму.» Всѣ дѣвки кашу ѣдятъ, одна Рѣпка не ѣстъ. Медвѣдь отпустилъ дѣвокъ домой, а Рѣпку у себя оставилъ; притащилъ сани, прицѣпилъ къ потолку, лёгъ въ эти сани и заставилъ себя качать. Рѣпка стала качать, стала приговаривать: «бай-бай, старой хрѣнъ!»—Не такъ! говоритъ медвѣдь; сказывай: бай-бай, милой другъ! Нечего дѣлать, стала качать да приговаривать: «бай-бай, милой другъ!» Вотъ такъ-то прожилъ медвѣдь съ нею близко года; Рѣпка забрюхатѣла и думаетъ: какъ-бы выискать случай да уйдти домой. Разъ медвѣдь пошелъ на добычу, а ее въ избушкѣ оставилъ и заклалъ дверь дубовыми пнями. Рѣпка давай выдираться, силилась-силилась, кое-какъ выдралась и убѣжала домой. Старикъ со старухой обрадовались, что она нашлась; живутъ они мѣсяцъ, другой и третій; а на четвертой Рѣпка родила сына — половина человѣчья, половина медвѣжья; окрестили его и дали имя Ивашко-Медвѣдко[1]). Зачалъ Ивашко рости не по годамъ, а по часамъ: что̀ часъ, то на вершокъ выше подается, словно кто его въ-гору[2]) тащитъ. Стукнуло ему пятьнадцать лѣтъ, сталъ онъ ходить съ ребятами на игры и шутить шутки нехорошія: кого ухватитъ за̀ руку—рука прочь, кого за̀ голову — голова прочь. Пришли мужики жаловаться, говорятъ старику: «какъ хочешь, землякъ, а чтобъ сына твоего здѣсь не

[1]) *Вар.* Максимъ-семи аршинъ. — [2]) Т. е. вверхъ.

было! намъ для его удали не погубить своихъ дѣтокъ!» Старикъ запечалился-закручинился. «Что ты, дѣдушка, такъ невеселъ? спрашиваетъ Ивашко-Медвѣдко; али кто тебя обездолилъ?» Старикъ трудно воздохнулъ: «ахъ, внучекъ! одинъ ты у меня былъ кормилецъ, и то велятъ тебя изъ села выслать.» — Ну что-жъ, дѣдушка! это еще не бѣда; а вотъ бѣда, что нѣтъ у меня обороны. Поди-ка, сдѣлай мнѣ желѣзную дубинку въ двадцать пять пудъ. Старикъ пошелъ и сдѣлалъ ему двадцатипяти-пудовую дубинку. Ивашко простился съ дѣдомъ, съ бабою, взялъ свою дубинку и пошелъ — куда глаза глядятъ.

Идетъ путёмъ-дорогою, пришелъ къ рѣкѣ шириной въ три версты; на берегу стоитъ человѣкъ, спёръ рѣку ртомъ, рыбу ловитъ усомъ, на языкѣ варитъ да кушаетъ. «Здравствуй, Усыня-богатырь!» — Здравствуй, Ивашко-Медвѣдко! куда идешь? «Самъ не вѣдаю; иду—куда глаза глядятъ.»—Возьми и меня съ собой. «Пойдемъ, братъ! я товарищу радъ.» Пошли двое и увидали богатыря — захватилъ тотъ богатырь цѣлую гору, понёсъ въ логъ, и верстаетъ дорогу. Ивашко удивился: «вотъ чудо, такъ чудо! ужь больно силёнъ ты, Горынюшка!»—Охъ, братцы! какая во мнѣ сила? Вотъ есть на бѣломъ свѣтѣ Ивашко-Медвѣдко, такъ у того и впрямь сила великая! «Да вѣдь это я!»—Куда-жъ ты идешь? «А куда глаза глядятъ.»—Возьми и меня съ собой. «Ну, пойдемъ; я товарищамъ радъ. Пошли трое, и увидѣли чудо — богатырь дубьё верстаетъ: которой дубъ высокъ, тотъ въ землю пихаетъ, а которой низокъ, изъ земли тянетъ [1]). Удивился Ивашко: «что за сила, за могута великая!» — Охъ, братцы! какая во мнѣ сила? Вотъ есть на бѣломъ свѣтѣ Ивашко-Медвѣдко, такъ тотъ и впрямь силёнъ! «Да вѣдь это я!»—Куда-жъ тебя Богъ несетъ? «Самъ

[1]) *Вар.* богатырь въ лѣсу работаетъ: возьмется за ель — тотчасъ съ корнемъ вонъ, за сосну — и ту выдернетъ.

не знаю, Дубынюшка! [1]) иду—куда глаза глядятъ.» — Возьми и меня съ собой. «Пойдемъ; я товарищамъ радъ.» [2]) Стало ихъ четверо. Пошли они путемъ-дорогою, долго ли, коротко ли — зашли въ темной, дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу стоитъ малая избушка на курячей ножкѣ и все повертывается. Говоритъ Ивашко: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ.» Избушка поворотилась къ нимъ пере-

[1]) *Вар.* Лѣсиня-богатырь (отъ слова *лѣсъ*), или Еленя-богатырь (отъ слова *ель*).

[2]) *Варіантъ:* Ростетъ Ивашко не по годамъ, а по часамъ, ѣстъ по цѣлой квашнѣ на день; не донялся тѣмъ, что по цѣлой квашнѣ съѣдалъ, и сталъ говорить старику со старухою: «вы мнѣ больше не кормильцы; пойду по дорогамъ гулять.» — Что ты, дитятко! живи съ нами. «Нѣтъ, коли съ вами жить, надо мной смѣяться будутъ: въ лѣсу де родился, пнямъ Богу молился!» Сковалъ себѣ палицу въ девяносто пудъ, подбросилъ ее высоко вверхъ и подставилъ свой лобъ; палица упала — чуть-чуть погнулась. «Годится!» сказалъ Ивашко, взялъ эту палицу и пошелъ — куда самъ зналъ. Идетъ онъ путемъ-норогою и видитъ: въ нѣкоторомъ царствѣ, въ чужой сторонѣ, противъ неба да землѣ, одинъ богатырь горохъ вѣетъ. «Богъ помочь, богатырь-Горошникъ!» — Спасибо, Ивашко-Медвѣдко! «Нѐчто пособить тебѣ?» — Пожалуй, пособи! Ивашко началъ горохъ вѣять, броситъ одну горсть — сдѣлается четверть, броситъ другую горсть — двѣ четверти; живо весь горохъ перевѣялъ. Спрашиваетъ его богатырь-Горошникъ: «возьми меня съ собой; я твоимъ меньшимъ братомъ буду.» — Ладно, и мнѣ веселѣй съ товарищемъ! Чѣмъ эдакимъ богатырямъ дома сидѣть, лучше по бѣлу свѣту погулять, себя показать, людей посмотрѣть. Пошли вмѣстѣ. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли—доходятъ до высокой горы; ту гору богатырь копаетъ. «Здравствуй, богатырь-Горникъ! зачѣмъ гору копаешь?» — Отъ скуки; нонче время мирное, воевать не съ кѣмъ, дѣлать нечего — хоть надъ горою потѣшиться! «Что-жь ты долго возишься? аль пособить тебѣ?» сказалъ Ивашко, схватилъ гору и разомъ съ мѣста сдвинулъ. «Пойдемъ лучше съ нами!» Пошли трое. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — пришли къ озеру; на томъ озерѣ богатырь усами рыбу ловитъ. «Здравствуй, Усыня-богатырь! что дѣлаешь?» — Отъ скуки рыбу ловлю. «А много поймалъ?» — Нѣтъ, братцы, еще и почину не сдѣлалъ. «Плохо твое дѣло! сказалъ Ивашко; нѐчто пособить тебѣ?» Нагнулъ голову къ озеру и давай тянуть воду; вытянулъ все озеро дòсуха, вся рыба на днѣ оказалася: сколько хошь, руками бери! Просится Усыня-богатырь: «возьмите и меня съ собой!» — Пойдемъ!

домъ, двери сами растворилися, окна открылися; богатыри въ избушку — нѣтъ никого, а на дворѣ и гусей, и утокъ, и индѣекъ — всего вдоволь! «Ну, братцы! говоритъ Ивашко-Медвѣдко, всѣмъ намъ сидѣть дома не годится; давайте, кинемъ жеребей: кому дома оставаться, а кому на охоту идти.» Кинули жеребей; палъ онъ на Усыню-богатыря. Названные братья его на охоту ушли, а онъ настряпалъ-наварилъ, чего только душа захотѣла, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечко и началъ гребешкомъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень выходитъ, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, ж... жиленая, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачемъ погоняетъ [1]), сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-поѣсть у Усыни-богатыря!» — Милости прошу, баба-яга, костяная нога! Посадилъ ее за столъ, подалъ часточку; она съѣла. Подалъ другую, она собачкѣ отдала: «такъ-то ты меня подчуешь!» Схватила толкачъ, начала бить Усынюшку, била-била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все до̀чиста и уѣхала. Усыня очнулся, повязалъ голову платочкомъ, сидитъ да охаетъ. Приходитъ Ивашко-Медвѣдко съ братьями: «ну-ка, Усынюшка! дай намъ пообѣдать, что̀ ты настряпалъ.» — Ахъ, братцы! ничего не варилъ, не жарилъ; такъ угорѣлъ, что насилу избу прокурилъ. На другой день остался дома Горыня-богатырь, наварилъ-настряпалъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ гребнемъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачемъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ.

[1]) *Вар.* пестомъ упираетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ.

«Тутъ мнѣ попить-погулять у Горынюшки!» — Милости прошу, баба-яга, костяная нога! Она сѣла, Горыня подалъ ей часточку—баба-яга съѣла; подалъ другую—собачкѣ отдала: «такъ-то ты меня подчуешь!» Схватила желѣзной толкачъ, била его-била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все до послѣдней крошки и уѣхала. Горыня опомнился, повязалъ голову, и ходя охаетъ. Воротился Ивашко-Медвѣдко съ братьями: «ну-ка, Горынюшка! что ты намъ на обѣдъ сготовилъ?» — Ахъ, братцы! ничего не варилъ; печь угарная, дрова сырые, насилу прокурилъ. На третій день остался дома Дубыня-богатырь, настряпалъ-наварилъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила—становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачемъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Дубынюшки!» — Милости прошу, баба-яга, костяная нога! Баба-яга сѣла, часточку ей подалъ — она съѣла; другую подалъ — собачкѣ бросила: «такъ-то ты меня подчуешь!» Ухватила толкачъ, била его-била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все и уѣхала. Дубыня очнулся, повязалъ голову, и ходя охаетъ. Воротился Ивашко: «ну-ка, Дубынюшка! давай намъ обѣдать.»—Ничего не варилъ, братцы! такъ угорѣлъ, что насилу избу прокурилъ. На четвертой день дошла очередь до Ивашки; остался онъ дома, наварилъ-настряпалъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ гребнемъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачемъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Ивашки-Медвѣдка!» — Милости прошу, баба-яга, костяная но-

га! Посадилъ ее, часточку подалъ — она съѣла; другую подалъ — она сучкѣ бросила: «такъ-то ты меня подчуешь!» Схватила толкачъ и стала его осаживать; Ивашка осердился, вырвалъ у бабы-яги толкачъ и давай ее бить изо всей мочи, билъ-билъ, до полусмерти избилъ, вырѣзалъ со спины три ремня, взялъ-засадилъ въ чуланъ и заперъ. Приходятъ товарищи: «давай, Ивашко, обѣдать!» — Извольте, други! садитесь. Они сѣли, а Ивашко сталъ подавать: всего много настряпано. Богатыри ѣдятъ, дивуются да промежъ себя разговариваютъ: «знать у него не была баба-яга!» Послѣ обѣда Ивашко-Медвѣдко истопилъ баню, и пошли они париться. Вотъ Усыня съ Дубынею да съ Горынею моются, и все норовятъ стать къ Ивашкѣ передомъ. Говоритъ имъ Ивашко: «что вы, братцы, отъ меня свои спины прячете?» Нечего дѣлать богатырямъ, признались, какъ приходила къ нимъ баба-яга да у всѣхъ по ремню вырѣзала. «Такъ вотъ отъ чего угорѣли вы!» сказалъ Ивашко, сбѣгалъ въ чуланъ, отнялъ у бабы-яги тѣ ремни, приложилъ къ ихнимъ спинамъ, и тотчасъ все зажило. Послѣ того взялъ Ивашко-Медвѣдко бабу-ягу, привязалъ веревкой за̀ ногу и повѣсилъ на воротахъ: «ну, братцы! заряжайте ружья да давайте въ цѣль стрѣлять: кто перешибетъ веревку пулею — молодѐцъ будетъ!» Первой выстрѣлилъ Усыня—промахнулся, второй выстрѣлилъ Горыня — мимо далъ, третій Дубыня — чуть-чуть зацѣпилъ, а Ивашко выстрѣлилъ — перешибъ веревку; баба-яга упала на̀земь, вскочила и побѣжала къ камню, приподняла камень и ушла подъ землю. Богатыри бросились въ догонку; тотъ попробуетъ, другой попробуетъ — не могутъ поднять камня, а Ивашко подбѣжалъ, какъ ударитъ ногою—камень отвалился и открылась норка. «Кто, братцы, туда полѣзетъ?» Никто не хочетъ. «Ну, говоритъ Ивашко-Медвѣдко, видно мнѣ лѣзть приходится!» Принёсъ столбъ, уставилъ на краю пропасти, на

столбѣ повѣсилъ колоколъ и прицѣпилъ къ нему одинъ конецъ веревки, а за другой конецъ самъ взялся: «теперь опускайте меня, а какъ ударю въ колоколъ—назадъ тащите.» Богатыри стали спускать его въ нору; Ивашко видитъ, что веревка вся, а до дна еще не хватаетъ; вынулъ изъ кармана три большихъ ремня, что̀ вырѣзалъ у бабы-яги, привязалъ ихъ къ веревкѣ, и опустился на тотъ свѣтъ. Увидалъ дорожку торную и пошелъ по ней, шелъ-шелъ—стоитъ дворецъ, во дворцѣ сидятъ три дѣвицы, три красавицы, и говорятъ ему: «ахъ, доброй мо̀лодецъ! зачѣмъ сюда зашелъ? вѣдь наша мать — баба-яга; она тебя съѣстъ!» — Да гдѣ она? «Она теперь спитъ, а въ головахъ у ней мечь-кладенецъ лежитъ; ты меча не трогай, а коли дотронешься — она въ ту-жъ минуту проснется, да на тебя накинется. А вотъ лучше возьми два золотыхъ яблочка на серебреномъ блюдечкѣ, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки и проси отвѣдать ласково; она подниметъ свою голову, разинетъ пасть и какъ только станетъ ѣсть яблочко — ты выхвати мечь-кладенецъ и сруби ей голову за одинъ разъ, а въ другой не руби; если ударишь въ другой разъ—она тотчасъ оживетъ и предастъ тебя злой смерти.» Ивашко такъ и сдѣлалъ, отсѣкъ бабѣ-ягѣ голову [1]),

[1]) *Вар*. «Баба-яга теперь больна, въ своей спальнѣ спитъ, а какъ проснется — станетъ съ тобой бороться. Ступай на погребъ, тамъ есть двѣ бочки пива: въ одной пиво сильное, въ другой безсильное; переставь ихъ съ мѣста на мѣсто, коли это сдѣлаешь — твой верхъ будетъ!» Ивашко переставилъ бочки. Вотъ проснулась баба-яга, увидала его и говоритъ: «здравствуй, Ивашко-Медвѣдко! зачѣмъ сюда зашелъ?» — Въ гости, баба-яга! «Ну, пойдемъ пиво пить.» Пошли на погребъ; баба-яга пьетъ пиво безсильное, а Ивашко сильное. «Ну, Ивашко-Медвѣдко! давай бороться.»—Давай, баба-яга! Схватились они руками, ходили-ходили, Ивашко приподнялъ бабу-ягу и ударилъ такъ сильно, что насилу на̀ ноги встала. «Пойдемъ, еще пива выпьемъ!» Припали къ бочкамъ: баба-яга пьетъ пиво безсильное, а Ивашко сильное. Стали бороться, Ивашко опять поборолъ бабу-ягу; снова бросилась баба-яга пить пиво, припала къ безсильной бочкѣ, а Ивашко подкрѣпилъ себя изъ сильной бочки

забралъ красныхъ дѣвицъ и повелъ къ норѣ; привязалъ старшую сестру къ веревкѣ, ударилъ въ колоколъ и крикнулъ: «вотъ тебѣ, Усыня, жена!» Богатыри ее вытащили, и опустили веревку на-низъ; Ивашко привязалъ другую сестру: «вотъ тебѣ, Горыня, жена!» И ту вытащили. Привязалъ меньшую сестру и крикнулъ: «а это моя жена!» Дубыня разсердился, и какъ скоро потащили Ивашку-Медвѣдка, онъ взялъ палицу и разрубилъ веревку надвое. Ивашко упалъ и больно зашибся; очнулся доброй молодецъ и не знаетъ, какъ ему быть; день, другой и третій сидитъ не ѣвши-не пивши, отощалъ съ голоду и думаетъ: «пойду-ка, поищу въ кладовыхъ у бабы-яги, нѣтъ ли чего перекусить.» Пошелъ по кладовымъ, наѣлся-напился, и напалъ на подземной ходъ; шелъ-шелъ и выбрался на бѣлой свѣтъ. Идетъ чистымъ полемъ, и видитъ — красная дѣвица скотину пасетъ; подошелъ къ ней поближе и узналъ свою невѣсту. «Что, умница, дѣлаешь?»—Скотину пасу; сестры мои за богатырей замужъ идутъ, а я не хочу идти за Дубынюшку, такъ онъ и приставилъ меня за коровами ходить. Вечеромъ красная дѣвица погнала стадо домой; а Ивашко-Медвѣдко за нею идетъ. Пришелъ въ избу; Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри сидятъ за столомъ да гуляютъ. Говоритъ имъ Ивашко: «добрые люди! поднесите мнѣ хоть одну рюмочку.» Поднесли ему рюмку зелена вина; онъ выпилъ и другую запросилъ; дали ему другую, выпилъ и запросилъ третью, а какъ выпилъ третью — распалилось въ немъ богатырское сердце: выхватилъ онъ боевую палицу, убилъ всѣхъ трехъ богатырей и выбросилъ ихъ тѣла въ чистое поле лютымъ звѣрямъ на съѣденіе. Послѣ того взялъ свою нарѣченную невѣсту, воротился къ старику и къ старухѣ и сыгралъ веселую свадьбу; много тутъ было выпито, много

и когда стали бороться — такъ хватилъ бабу-ягу, что она тутъ-же упала мертвая.

было съѣдено. И я на свадьбѣ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту сухо было; дали мнѣ пива корецъ, моей сказкѣ конецъ.

Ь. Жила-была старуха, дѣтей у нея не было. Въ одно время пошла она щепки собирать и нашла сосновой чурбанъ; воротилась, затопила избу, а чурбанъ положила на печку и говоритъ сама съ собою: «пускай высохнетъ, на лучину годится!» А изба у старухи была чорная; скоро щепки разгорѣлися и пошелъ дымъ по всей избѣ. Вдругъ старухѣ послышалось, будто на печи̂ чурбанъ кричитъ: «матушка, дымно! матушка, дымно!» Она сотворила молитву, подошла къ печкѣ и сняла чурбанъ, смотритъ — что за диво? былъ чурбанъ, а сталъ мальчикъ. Обрадовалась старуха: «Богъ сынка далъ!» И началъ тотъ мальчикъ рости не по годамъ, а по часамъ, какъ тѣсто на опарѣ киснетъ; выросъ и сталъ ходить на дворы боярскіе и шутить шуточки богатырскія: кого схватитъ за̀ руку—рука прочь, кого за̀ ногу—нога прочь, кого за̀ голову—голова долой! Стали бояре старухѣ жаловаться; она позвала сынка и говоритъ ему: «что ты задумалъ? живи, батюшка, потише.» А онъ въ отвѣтъ: «если я тебѣ неугоденъ, я совсѣмъ уйду!» Вышелъ изъ города и пошелъ доро̀гою; на встрѣчу ему Дугиня-богатырь—хоть какое дерево, такъ въ дугу согнётъ! Спрашиваетъ Дугиня: «куда идешь, Соска-богатырь?»—Куда глаза глядятъ! «Возьми меня съ собой.» — Пойдемъ. Пошли вдвоемъ; повстрѣчался имъ Горыня-богатырь: «куда идёте?» —А куда глаза глядятъ! «Возьмите и меня съ собой.»—Ладно, иди. Прошли еще сколько то верстъ; попадается имъ у большой рѣки Усыня-богатырь — сидитъ на берегу, однимъ усо̀мъ рѣку запрудилъ, а по его усу, словно по̀ мосту, пѣшіе идутъ, конные скачутъ, обозы ѣдутъ. Спрашиваетъ Усыня: «куда идешь, Соска-богатырь?»—Куда глаза глядятъ! «Возь-

ми и меня съ собой.» — Ладно, будь товарищъ. Вотъ идутъ они четверо, долго ли, коротко ли — подходятъ къ синю морю; хочется имъ попасть на ту сторону, а какъ? — не знаютъ. Усыня-богатырь раскинулъ свои усы и по тѣмъ усамъ перебрались всѣ на другую сторону. Шли-шли и очутились въ дремучемъ лѣсу. «Стой, ребята! говоритъ Соска-богатырь; что намъ по бѣлу свѣту шататься? не лучше ли здѣсь на житье остаться?» Принялись за работу, срубили избу и стали ходить охотиться, а дòма оставляютъ одного по очереди — обѣдъ стряпать, за хозяйствомъ смотрѣть. На первой день была очередь Дугинина, изготовилъ онъ попить-поѣсть и лёгъ на лавку отдохнуть немножко. Стукъ-стукъ! приходитъ баба-яга: «подавай, говоритъ, обѣдъ! пить-ѣсть хочу.» Дугиня поставилъ на столъ хлѣбъ-соль и жареную утку; она все сожрала да еще спрашиваетъ. — Больше нѣтъ ничего! отвѣчаетъ Дугиня; мы сами люди заѣзжіе. Баба-яга ухватила его зà волосы, принялась таскать пò полу, таскала-таскала, еле живаго оставила. Воротились съ охоты товарищи: «что лежишь, Дугиня?» — Угорѣлъ, братцы! изба новая, сырая... На другой день тоже самое случилось съ Горынею, а на третій день — съ Усынею. Дошла очередь до Соски-богатыря; приходитъ къ нему баба-яга, требуетъ: «подавай пить-ѣсть!» Онъ поставилъ на столъ хлѣбъ-соль и жаренаго гуся. Баба-яга съѣла и еще спрашиваетъ. — Больше нѣтъ ничего! мы сами люди заѣзжіе. Она кинулась на богатыря, да Соска богатырь самъ силёнъ, ухватилъ ее за сѣдыя космы, оттаскалъ и выкинулъ изъ избы еле живую. Баба-яга поползла на корачкахъ и ушла подъ большой камень. Воротились съ охоты товарищи; Соска-богатырь повёлъ ихъ къ этому камню, и говоритъ: «надобно, ребята, поднять его.» Они пробовали-пробовали — никто своротить не можетъ; а Соска-богатырь кулакомъ ударилъ — камень за версту отлетѣлъ. Глянули, а на томъ мѣстѣ, гдѣ камень

лежалъ, пропасть оказалася. «Ну, ребята, надо звѣрьё бить да веревки вить.» Набили звѣрей, нарѣзали кожъ, связали длинной ремень, прицѣпили къ нему сѣтку, и въ той сѣткѣ спустили Соску-богатыря въ подземельное царство. Началъ онъ ходить по подземельному царству, набрёлъ на избушку, взошелъ туда—въ избушкѣ сидитъ дочь бабы-яги да ковёръ вышиваетъ. Увидала гостя и вскрикнула: «ахъ, Соска-богатырь! сейчасъ моя матушка прійдетъ; куда тебя спрятать отъ нея?» Взяла-оборотила его въ булавку и воткнула въ пяльцы. Приходитъ баба-яга и спрашиваетъ: «кто у тебя въ избѣ?» — Никого, матушка! «Что-же русскимъ духомъ пахнетъ?» Кинулась искать, искала-искала, никого не нашла. Какъ только баба яга ушла, красная дѣвица бросила булавочку ȍбъ полъ— изъ булавочки явился Соска-богатырь; повела его въ чуланъ, въ томъ чуланѣ два кувшина стоятъ: въ синемъ — сильная вода, въ бѣломъ — безсильная. «Когда будешь съ матушкой драться, выскочи скорѣй въ двери да въ чуланъ, выпей всю воду изъ синяго кувшина и перелей въ него изъ бѣлаго.» Только успѣла это разсказать, какъ прибѣгаетъ баба-яга и хочетъ въ богатыря вцѣпиться. «Постой, матушка! говоритъ ей дочь; сдѣлай прежде уговоръ: если онъ тебя сшибетъ, пускай дастъ тебѣ духъ перевести; а если ты его сшибешь, тогда ему просить отдыху.» Соска-богатырь и баба-яга сдѣлали такой уговоръ и бросились другъ на друга; яга-баба ударила его ȍбъ полъ. Красная дѣвица сейчасъ закричала: «матушка! дай ему отдохнуть.» Соска-богатырь побѣжалъ въ чуланъ, выпилъ изъ синяго кувшина всю воду, перелилъ въ него изъ бѣлаго, воротился въ избу, ухватилъ бабу-ягу и ударилъ ȍбъ полъ. «Дай духъ перевести!» закричала старуха, вскочила, побѣжала въ чуланъ и напилась безсильной воды. Стали они опять драться; Соска-богатырь ударилъ ее такъ сильно, что дȍ смерти убилъ; положилъ мертвую на огонь, сжогъ и развѣялъ пе-

пелъ по вѣтру. Потомъ взялъ онъ красную дѣвицу, посадилъ въ сѣтку и затрёсъ ремнемъ; богатыри: Дугиня, Горыня да Усыня тотчасъ ее вытащили, опустили опять канатъ, подняли Соску-богатыря до половины и оборвали ремень. (Соска-богатырь упалъ; его выноситъ на Русь огромная птица, онъ женится на дочери бабы-яги, а богатыри, его товарищи, съ испугу разбѣгаются въ разныя чужедальнія земли.)

7

ТРИ ЦАРСТВА [1]).

Въ то давнее время, когда міръ божій наполненъ былъ лѣшими, вѣдьмами да русалками, когда рѣки текли молочныя, берега были кисельные, а по полямъ летали жареныя куропатки, въ то время жилъ-былъ царь по имени Горохъ съ царицею Анастасьей Прекрасною; у нихъ было три сына-царевича. Сотряслась бѣда немалая — утащилъ царицу нечистой духъ. Говоритъ царю большой сынъ: «батюшка! благослови меня, поѣду отыскивать матушку.» Поѣхалъ и пропалъ, три года про него ни вѣсти, ни слуху не было. Сталъ второй сынъ проситься: «батюшка! благослови меня въ путь-дорогу; авось мнѣ посчастливится найдти и брата и матушку.» Царь благословилъ; онъ поѣхалъ и тоже безъ вѣсти пропалъ —словно въ воду канулъ. Приходитъ къ царю меньшой сынъ Иванъ-царевичъ: «любезной батюшка! благослови меня въ путь-дорогу; авось розыщу и братьевъ, и матушку.» — Поѣзжай, сынокъ! [2]) Иванъ-царевичъ пустился въ чужедальнюю

[1]) См. вып. I, № 5, и вып. VII, № 9.

[2]) *Варіантъ 1-й:* Въ нѣкоторомъ государствѣ пропала у царя царица. Кликнулъ царь кличь: не вызовется ли кто розыскать царицу? Вызвались два ге-

сторону; ѣхалъ ѣхалъ и прiѣхалъ къ синю морю, остановился на бережку и думаетъ: «куда теперь путь держать?» Вдругъ прилетѣли на̀ море тридцать три колпицы, ударились о̀земь и стали красныя дѣвицы — всѣ хороши, а одна лучше всѣхъ; раздѣлись и бросились въ воду. Много ли, мало ли онѣ купались — Иванъ-царевичъ подкрался, взялъ у той дѣвицы, что̀

нерала, забрали царской казны несчетное число, и уѣхали невѣдомо куда. Царь ждалъ ихъ-ждалъ, и ждать пересталъ; вздумалъ онъ нарядиться въ простое платье, пойдти-потолкаться промежъ чорнаго народа да послушать людскихъ рѣчей: «можетъ, что доброе услышу!» Вотъ заходитъ онъ въ кабакъ— въ кабакѣ гуляетъ съ своими однокашниками, веселой, разухабистой солдатъ: вино пьетъ, пѣсни поетъ, да быль съ небылицей мѣшаетъ. Царь тотчасъ выставилъ полштофа водки, присталъ къ нимъ въ товарищи, и завелъ рѣчь про тѣхъ генераловъ, что̀ взялись розыскать царицу. Солдатъ опьянѣлъ порядкомъ, да съ-пьяну и вымолвилъ: «хороши генералы! царскую казну огребли, изъ столицы ушли, засѣли въ чужестранномъ городѣ, и кутятъ себѣ съ утра до вечера, да по трактирамъ денежки переводятъ. Правду-матку сказать: и царь-то глупъ! ну, какъ такимъ плутамъ повѣрить было? Еслибъ онъ догадался да пожаловалъ мнѣ хоть десятую часть этихъ денегъ, такъ я бы ему давнымъ-давно отыскалъ царицу!»—Что-жъ ты хвастаешь? говоритъ ему царь; пошелъ бы во дворецъ, явился бы государю и доложилъ все, какъ слѣдуетъ... «Э, любезной! куда намъ грѣшнымъ къ праведникамъ? Во дворецъ меня на сто шаговъ не подпустятъ; а пойдешь—шею накостыляютъ, да пожалуй еще подъ судъ попадешь!» На другой день царь отдалъ приказъ взять этого солдата и представить къ себѣ. Привели солдата. Говоритъ ему царь: «вчера въ кабакѣ ты при всемъ народѣ похвалялся, что можешь царицу отыскать. Сказывай: станетъ ли тебя съ эдакое дѣло?» — Станетъ, ваше величество! Царь далъ ему денегъ сорокъ тысячей и открытой листъ за своей рукою: куда хошь — туда и ступай! (Солдатъ отправляется искать царицу и совершаетъ тѣ-же самые подвиги, что̀ и Иванъ-царевичъ.)

Варiантъ 2-й: Сдѣлалъ царь кличь по всему государству: «кто найдетъ мою царицу, того чинами пожалую, деревнями надѣлю, золотомъ съ ногъ до головы осыплю.» Никто не вызывается; старой за малаго хоронится, а отъ малаго отвѣту нѣтъ. На ту пору жилъ у царя на кухнѣ поваренокъ— мальчикъ невеличекъ, лѣтъ десяти—не больше; завсегда сидѣлъ онъ на печкѣ да въ золѣ валялся, и прозвали его Иванъ Затрубникъ. Услыхалъ Иванъ Затрубникъ, что на царской кличь никто не вызывается, и сталъ поварамъ сказывать: «кто царицу унёсъ — я не вѣдаю, а розыскать ее да назадъ привести — дѣло плёвое! хоть сейчасъ готовъ!» На̀большой поваръ разсердился:

всѣхъ краше, кушачокъ и спряталъ за пазуху. Искупались дѣвицы, вышли на̀ берегъ, начали одѣваться — одного кушачка нѣтъ. «Ахъ, Иванъ-царевичъ! говоритъ красавица, отдай мой кушачокъ.» — Скажи прежде, гдѣ моя матушка? «Твоя матушка у моего отца живетъ — у Во̀рона Вороновича. Ступай вверхъ по̀ морю, попадется тебѣ серебреная птичка-золотой хохолокъ; куда она полетитъ, туда и ты иди.» Иванъ-царевичъ отдалъ ей кушачокъ и пошелъ вверхъ по̀ морю; тутъ повстрѣчалъ своихъ братьевъ, поздоровался съ ними и взялъ съ собою. Идутъ они вмѣстѣ берегомъ, увидали серебреную птичку-золотой хохолокъ и побѣжали за ней слѣдомъ. Птичка летѣла-летѣла и бросилась подъ плиту железную, въ яму подземельную. «Ну, братцы! говоритъ Иванъ-царевичъ, благословите меня вмѣсто отца, вмѣсто матери; опущусь я въ эту яму и узнаю, какова земля иновѣрная? не тамъ ли наша матушка?» Братья его благословили, онъ сѣлъ на рели, полѣзъ въ ту яму глубокую и спущался ни много,

«экой дуракъ расхвастался!» схватилъ чумичку и ударилъ его по̀ лбу. Съ того горя закричалъ-заревѣлъ Иванъ Затрубникъ громкимъ голосомъ; отъ его крику дѣтскаго съ царскихъ теремовъ крыша свалилася. Царь всполошился: «кто, говоритъ, крышу повалилъ?» Тотчасъ доложили царю про Ивана Затрубника. Спрашиваетъ его царь: «съ-дуру ты похвалялся, али впрямь сказывалъ?»—Что сказалъ, отъ того не отрекаюся; дай мнѣ три года сроку, подросту да въ силу войду—твою царицу достану. Далъ ему царь три года сроку. Предъ царскимъ дворцомъ былъ зеленой лугъ, на томъ лугу три дуба стояло: одинъ дубъ въ пятьнадцать обхватовъ, другой въ двадцать, а третій въ двадцать пять. Прошелъ первой годъ, Иванъ Затрубникъ побѣжалъ на лугъ силу пробовать, ухватился своими богатырскими руками за дубъ въ пятьнадцать обхватовъ, вырвалъ его съ кореньемъ, ударилъ о землю — только щепки посыпались. Еще годъ совершился — Иванъ Затрубникъ вырвалъ дубъ въ двадцать обхватовъ и разбилъ его въ дребезги. На исходѣ третьяго года сталъ онъ силу пробовать, взялся за дубъ въ двадцать пять обхватовъ, выдернулъ совсѣмъ съ кореньемъ поднялъ вверхъ и ударилъ о землю — лѣсъ зашумѣлъ, земля затряслась, синё море взволновалося, а дубъ пепломъ разсыпался. «Теперь никого не убоюсь!» сказалъ Иванъ Затрубникъ и пошелъ добывать царицу...

ни мало — ровно три года; спустился и пошелъ путемъ-дорогою. Шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, увидалъ мѣдное царство; во дворцѣ сидятъ тридцать три дѣвицы-колпицы, вышиваютъ полотенцы хитрыми узорами — городками съ пригородками. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! говоритъ царевна мѣднаго царства; куда идешь, куда путь держишь?» — Иду свою матушку искать. «Твоя матушка у моего отца у Вòрона Вороновича; онъ хитёръ и мудёръ, по горамъ, по доламъ, по вертепамъ, по облакамъ леталъ! онъ тебя добра мòлодца убьетъ! Вотъ тебѣ клубочекъ, ступай къ моей середней сестрѣ — что она тебѣ скажетъ? А назадъ пойдешь, меня не забудь.» Иванъ-царевичъ покатилъ клубочекъ и пошелъ вслѣдъ за нимъ. Приходитъ въ серебреное царство; тамъ сидятъ тридцать три дѣвицы-колпицы. Говоритъ царевна серебренаго царства: «доселева русскаго духа было видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, а нонче русской духъ въ-очью проявляется! Что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — Ахъ, красная дѣвица! иду искать матушку. «Твоя матушка у моего отца у Вòрона Вороновича; и хитёръ онъ, и мудёръ, по горамъ, по доламъ леталъ, по вертепамъ, по облакамъ носился! эхъ, царевичъ, вѣдь онъ тебя убьетъ! Вотъ тебѣ клубочекъ; ступай-ка ты къ меньшой моей сестрѣ — что она тебѣ скажетъ: впередъ ли идти, назадъ ли вернуться?» Приходитъ Иванъ-царевичъ къ золотому царству; тамъ сидятъ тридцать три дѣвицы-колпицы, полотенцы вышиваютъ. Всѣхъ выше, всѣхъ лучше царевна золотаго царства — такая краса, чтò ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Говоритъ она: «здравствуй, Иванъ-царевичъ! куда идешь, куда путь держишь?» — Иду матушку искать. «Твоя матушка у моего отца у Вòрона Вороновича; и хитёръ онъ, и мудёръ, по горамъ, по доламъ леталъ, по вертепамъ, по облакамъ носился! Эхъ, царевичъ, вѣдь онъ тебя убьетъ! Нà тебѣ клубо-

чекъ, ступай въ жемчужное царство; тамъ твоя мать живетъ. Увидя тебя, она возрадуется и тотчасъ прикажетъ: няньки-мамки! подайте моему сыну зеленà вина. А ты не бери; проси, чтобъ дала тебѣ трехъгодовалаго вина, чтò въ шкапу стоитъ, да горѣлую корку на закусочку. Не забудь еще: у моего батюшки есть на дворѣ два чана воды: одна вода сильная, а другая малосильная; переставь ихъ съ мѣста на мѣсто, и напейся сильной воды.» Долго царевичъ съ царевною разговаривали и такъ полюбили другъ друга, что и разставаться имъ не хотѣлося; а дѣлать было нечего—попрощался Иванъ-царевичъ и отправился въ путь-дорогу. Шелъ-шелъ, приходитъ къ жемчужному царству. Увидала его мать, обрадовалась и крикнула: «мамки-няньки! подайте моему сыну зеленà вина.» — Я не пью простаго вина, подайте мнѣ трехъгодовалаго, а на закуску горѣлую корку. Выпилъ трехъгодовалаго вина, закусилъ горѣлою коркою, вышелъ на широкой дворъ, переставилъ чаны съ мѣста на мѣсто, и принялся сильную воду пить. Вдругъ прилетаетъ Воронъ Вороновичъ: былъ онъ свѣтелъ, какъ ясный день, а увидалъ Ивана-царевича—и сдѣлался мрачнѣй темной ночи; опустился къ чану и сталъ тянуть безсильную воду. Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ палъ къ нему на крылья; Воронъ Вороновичъ взвился высоко-высоко, носилъ его и по доламъ и по горамъ, и по вертепамъ и облакамъ, и началъ спрашивать: «что тебѣ нужно, Иванъ-царевичъ? хочешь—казной надѣлю?» — Ничего мнѣ не надобно, только дай мнѣ посошокъ-пёрушко. «Нѣтъ, Иванъ-царевичъ! больно въ широкѝ сани садишься.» И опять понёсъ его Воронъ по горамъ и по доламъ, по вертепамъ и облакамъ. Иванъ-царевичъ крѣпко держится; налёгъ всею своей тяжестью и чуть-чуть ни обломилъ ему крылья. Вскрикнулъ тогда Воронъ Вороновичъ: «не ломай ты мои крылушки, возьми посошокъ-пёрушко!» Отдалъ царевичу посошокъ-пёрушко, самъ

сдѣлался простымъ ворономъ и полетѣлъ на крутыя горы. А Иванъ царевичъ пришелъ въ жемчужное царство, взялъ свою матушку и пошелъ въ обратной путь; смотритъ — жемчужное царство клубочкомъ свернулося да вслѣдъ за нимъ покатилося. Пришелъ въ золотое царство, потомъ въ серебреное, а потомъ и въ мѣдное; взялъ-повёлъ съ собою трехъ прекрасныхъ царевенъ, а тѣ царства свернулись клубочками да за ними-жъ покатилися. Подходитъ къ релямъ и затрубилъ въ золотую трубу: «братцы родные! если живы, меня не выдайте.» Братья услыхали трубу, ухватились за рели и вытащили на бѣлой свѣтъ душу-красную дѣвицу, мѣднаго царства царевну; увидали ее и начали межъ собой ссориться: одинъ другому уступить ее не хочетъ. «Что вы бьетесь, добрые молодцы! тамъ есть еще лучше меня красная дѣвица.» Царевичи опустили рели и вытащили царевну серебренаго царства. Опять начали спорить и драться; тотъ говоритъ: «пусть мнѣ достанется!» а другой: «не хочу! пусть моя будетъ!»—Не ссорьтесь, добрые молодцы! тамъ есть краше меня дѣвица. Царевичи перестали драться, опустили рели и вытащили царевну золотаго царства. Опять было принялись ссориться, да царевна-красавица тотчасъ остановила ихъ: «тамъ ждетъ ваша матушка!» Вытащили они свою матушку и опустили рели за Иваномъ-царевичемъ; подняли его до половины и обсѣкли веревки. Иванъ-царевичъ полетѣлъ въ пропасть, крѣпко ушибся и полгода лежалъ безъ памяти; очнувшись, посмотрѣлъ кругомъ, припомнилъ все, что съ нимъ сталося, вынулъ изъ кармана посошокъ-пёрушко и ударилъ имъ о землю. Въ ту-жъ минуту явилось двѣнадцать молодцевъ: «что, Иванъ-царевичъ, прикажите?» — Вынесть меня на вольной свѣтъ. Молодцы подхватили его подъ руки и вынесли на вольной свѣтъ. Сталъ Иванъ-царевичъ про своихъ братьевъ развѣдывать, и узналъ, что они давно поженились: царевна изъ мѣд-

наго царства вышла замужъ за середняго брата, царевна изъ серебренаго царства — за старшаго брата, а его нарѣченная невѣста ни за кого не йдетъ. И вздумалъ на ней самъ отецъ-старикъ жениться; собралъ думу, обвинилъ свою жену въ совѣтѣ съ злыми духами, и велѣлъ отрубить ей голову; послѣ казни спрашиваетъ онъ царевну изъ золотаго царства: «идешь за меня замужъ?» — Тогда пойду за тебя, когда сошьешь мнѣ башмаки безъ мѣрки. Царь приказалъ кличь кликать, всѣхъ и каждаго выспрашивать: ни сошьётъ ли кто царевнѣ башмаковъ безъ мѣрки? На ту пору приходитъ Иванъ-царевичъ въ свое государство, нанимается у одного старичка въ работники, и посылаетъ его къ царю: «ступай, дѣдушка! бери на себя это дѣло. Я тебѣ башмаки сошью, только ты на меня не сказывай.» Старикъ пошелъ къ царю: «я де готовъ за эту работу взяться.» Царь далъ ему товару на пару башмаковъ, и спрашиваетъ: «да потрафишь ли ты, старичокъ?» — Не бойся, государь! у меня сынъ чеботарь [1]. Воротясь домой, отдалъ старичокъ товаръ Ивану-царевичу; тотъ изрѣзалъ товаръ въ куски, выбросилъ за окно, потòмъ растворилъ золотое царство и вынулъ готовые башмаки: «вотъ, дѣдушка! возьми, отнеси къ царю.» Царь обрадовался, пристаетъ къ невѣстѣ: «скоро ли къ вѣнцу ѣхать?» Она отвѣчаетъ: «тогда за тебя пойду, когда сошьешь мнѣ платье безъ мѣрки.» Царь опять хлопочетъ, сбираетъ къ себѣ всѣхъ мастеровыхъ, даетъ имъ большія деньги, только чтобъ платье безъ мѣрки сшили. Иванъ-царевичъ говоритъ старику: «дѣдушка! иди къ царю, возьми матерію; я тебѣ платье сошью, только на меня не сказывай.» Старикъ поплёлся во дворецъ, взялъ атласовъ и бархатовъ, воротился домой и отдалъ царевичу. Иванъ-царевичъ тотчасъ за нож-

[1]) Сапожникъ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MÜNCHEN

ницы, изрѣзалъ на клочки всѣ атласы и бархаты и выкинулъ за окно; растворилъ золотое царство, взялъ оттуда чтò ни есть лучшее платье и отдалъ старику: «неси во дворецъ!» Царь радёхонекъ: «что, невѣста моя возлюбленная, не пора ли намъ къ вѣнцу ѣхать?» Отвѣчаетъ царевна: «тогда за тебя пойду замужъ, когда возьмешь старикова сына да велишь въ молокѣ сварить.» Царь не задумался, отдалъ приказъ — и въ тотъ-же день собрали со всякаго двора по ведру молока, налили большой чанъ и вскипятили на сильномъ огнѣ. Привели Ивана-царевича; началъ онъ со всѣми прощаться, въ землю кланяться; бросили его въ чанъ: онъ разъ нырнулъ, другой нырнулъ, выскочилъ вонъ—и сдѣлался такимъ красавцемъ, чтò ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Говоритъ царевна: «посмòтри-ка, царь! за кого мнѣ замужъ идти: за тебя ли стараго, или за него добраго мòлодца?» Царь подумалъ: «если и я въ молокѣ искупаюся, такимъ-же красавцемъ сдѣлаюся!» Бросился въ чанъ и сварился въ молокѣ. А Иванъ-царевичъ поѣхалъ съ царевной изъ золотаго царства вѣнчаться; обвѣнчались, и стали жить-поживать, добра наживать.

8.

МАРЬЯ-МОРЕВНА [1]).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Иванъ-царевичъ; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отецъ и мать у нихъ померли; умирая, они сыну наказывали: «кто

[1]) См. вып. I, № 14.

первой за твоихъ сестеръ станетъ свататься, за того и отдавай — при себѣ не держи долго!» Царевичъ похоронилъ родителей, и съ горя пошелъ съ сестрами во зеленой садъ погулять. Вдругъ находитъ на небо туча чорная, встаетъ гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» говоритъ Иванъ-царевичъ. Только пришли во дворецъ — какъ грянулъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ къ нимъ въ горницу ясёнъ соколъ; ударился соколъ о̀бъ полъ, сдѣлался добрымъ мо̀лодцемъ и говоритъ: «здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я ходилъ гостемъ, а теперь пришелъ сватомъ; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.» — Коли любъ ты сестрицѣ, я ее не унимаю — пусть съ Богомъ идетъ! Марья-царевна согласилась; соколъ женился и унёсъ ее въ свое царство. Дни идутъ за днями, часы бѣгутъ за часами — цѣлаго года какъ не бывало; пошелъ Иванъ-царевичъ съ двумя сестрами во зеленой садъ погулять. Опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. «Пойдемте, сестрицы, домой!» говоритъ царевичъ. Только пришли во дворецъ—какъ ударилъ громъ, распалася крыша, раздвоился потолокъ и влетѣлъ орелъ; ударился орелъ о̀бъ полъ и сдѣлался добрымъ мо̀лодцемъ: «здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ.» И посваталъ Ольгу-царевну. Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «если ты любъ Ольгѣ-царевнѣ, то пусть за тебя идетъ; я съ нея воли не снимаю.» Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замужъ; орелъ подхватилъ ее и унёсъ въ свое царство. Прошелъ еще одинъ годъ; говоритъ Иванъ-царевичъ своей младшей сестрицѣ: «пойдемъ, во зеленомъ саду погуляемъ!» Погуляли немножко; опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успѣли сѣсть — какъ ударилъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ воронъ; ударился воронъ о̀бъ полъ и сдѣлался добрымъ мо̀лодцемъ: прежніе были хороши

собой, а этотъ еще лучше. «Ну, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ; отдай за меня Анну-царевну.» — Я съ сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идетъ за тебя. Вышла за вòрона Анна-царевна, и унёсъ онъ ее въ свое государство. Остался Иванъ-царевичъ одинъ; цѣлой годъ жилъ безъ сестеръ, и сдѣлалось ему скучно. «Пойду, говоритъ, искать сестрицъ.» Собрался въ дорогу, шелъ-шелъ, и видитъ — лежитъ въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: «коли есть тутъ живъ человѣкъ — озовися! кто побилъ это войско великое?» Отозвался ему живъ человѣкъ: «все это войско великое побила Марья-Моревна, прекрасная королевна.» Пустился Иванъ-царевичъ дальше, наѣзжалъ на шатры бѣлые, выходила къ нему на встрѣчу Марья-Моревна, прекрасная королевна: «здравствуй, царевичъ! куда тебя Богъ несетъ — по волѣ, аль по неволѣ?» Отвѣчалъ ей Иванъ-царевичъ: «добрые мòлодцы по неволѣ не ѣздятъ!» — Ну, коли дѣло не къ спѣху, погости у меня въ шатрахъ. Иванъ-царевичъ тому и радъ, двѣ ночи въ шатрахъ ночевалъ, полюбился Марьѣ-Моревнѣ и женился на ней. Марья-Моревна, прекрасная королевна, взяла его съ собой въ свое государство; пожили они вмѣстѣ сколько-то времени, и вздумалось королевнѣ на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: «вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чуланъ не моги заглядывать!» Онъ не вытерпѣлъ; какъ только Марья-Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чуланъ, отворилъ дверь, глянулъ — а тамъ виситъ Кощей Безсмертной, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Проситъ Кощей у Ивана-царевича: «сжалься надо мной, дай мнѣ напиться! десять лѣтъ я здѣсь мучуюсь, не ѣлъ-не пилъ — со всѣмъ въ горлѣ пересохло!» Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: «мнѣ однимъ ведромъ не

залить жажды; дай еще!» Царевичъ подалъ другое ведро; Кощей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро — взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ. [1]) «Спасибо, Иванъ-царевичъ! сказалъ Кощей Безсмертной, теперь тебѣ никогда не видать Марьи-Моревны, какъ ушей своихъ!» и страшнымъ вихремъ вылетѣлъ въ окно, нагналъ на дорогѣ Марью-Моревну, прекрасную королевну, подхватилъ ее и унёсъ къ себѣ. А Иванъ-царевичъ горько-горько заплакалъ, снарядился и пошелъ въ путь-дорогу: «что̀ ни будетъ, а розыщу Марью-Моревну!» Идетъ день, идетъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ чудесной дворецъ, у дворца дубъ стоитъ, на дубу ясёнъ соколъ сидитъ. Слетѣлъ соколъ съ дуба, ударился о̀земь, обернулся добрымъ мо̀лодцемъ и закричалъ: «ахъ, шуринъ мой любезной! какъ тебя Господь милуетъ?» Выбѣжала Марья-царевна, встрѣла Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье распрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Погостилъ у нихъ царевичъ три дня, и говоритъ: «не могу у васъ гостить долго; я иду искать жену мою Марью-Море́вну, прекрасную королевну.» — Трудно тебѣ сыскать ее, отвѣчаетъ соколъ; оставь здѣсь на всякой случай свою серебреную ложку: будемъ на нее смотрѣть, про тебя вспоминать. Иванъ-царевичъ оставилъ у сокола свою серебреную ложку, и пошелъ въ дорогу. Шелъ онъ день, шелъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ еще лучше перваго, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу орелъ сидитъ. Слетѣлъ орелъ съ дерева, ударился о̀земь, обернулся добрымъ мо̀лодцемъ и закричалъ: «вставай,

[1]) *Вар.* глянулъ—а тамъ змѣй о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хоботахъ на желѣзныхъ крюкахъ виситъ, изъ его ранъ кровь течетъ. Говоритъ змѣй Ивану-царевичу: «ахъ, доброй человѣкъ! обмокни въ мою кровь свой палецъ и дохни (дунь) на меня; за твою услугу я тебя три раза отъ смерти избавлю.» Иванъ-царевичъ обмочилъ свой палецъ въ кровь и дохнулъ на змѣя; змѣй рванулся, поломалъ крюки и улетѣлъ.

Ольга царевна! милой нашъ братецъ идетъ.» Ольга-царевна тотчасъ прибѣжала на встрѣчу, стала его цѣловать-обнимать, про здоровье распрашивать, про свое житье бытье разсказывать. Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька, и говоритъ: «дольше гостить мнѣ некогда; я иду искать жену мою Марью-Моревну, прекрасную королевну.» Отвѣчаетъ орелъ: «трудно тебѣ сыскать ее; оставь у насъ серебреную вилку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать.» Онъ оставилъ серебреную вилку, и пошелъ въ дорогу. День шелъ, другой шелъ, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ лучше первыхъ двухъ, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу воронъ сидитъ. Слетѣлъ воронъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: «Анна-царевна! поскорѣй выходи, нашъ братецъ идетъ.» Выбѣжала Анна-царевна, встрѣла его радостно, стала цѣловать-обнимать, про здоровье распрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька, и говоритъ: «прощайте! пойду жену искать — Марью-Моревну, прекрасную королевну.» Отвѣчаетъ воронъ: «трудно тебѣ сыскать ее; оставь-ка у насъ серебреную табакерку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать.» Царевичъ отдалъ ему серебреную табакерку, попрощался и пошелъ въ дорогу [1]). День шелъ, другой шелъ, а на третій добрался до Марьи-Моревны. Увидала она своего милаго, бросилась къ нему на шею, залилась слезами и промолвила: «ахъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты меня не послушался — посмотрѣлъ въ чуланъ и выпустилъ Кощея Безсмертнаго?» — Прости, Марья-Моревна! не поминай стараго, лучше поѣдемъ со мной, пока не видать Кощея Безсмертнаго; авось

[1]) *Вар.* «оставь у насъ свое золотое кольцо; будемъ на него смотрѣть, тебя вспоминать: если кольцо свѣтло — значитъ, ты и живъ и здравъ; а если потускнетъ — тотчасъ увѣдаемъ, что съ тобой бѣда приключилася.» Иванъ-царевичъ оставилъ свое золотое кольцо и пошелъ въ змѣиное царство.

не догонитъ! Собрались и уѣхали. А Кощей на охотѣ былъ; къ вечеру онъ домой ворочается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» Отвѣчаетъ конь: «Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью-Моревну увезъ.» — А можно ли ихъ догнать? «Можно пшеницы насѣять, дождаться, пока она выростетъ, сжать ее, смолотить, въ муку̀ обратить, пять печей хлѣба [1]) наготовить, тотъ хлѣбъ поѣсть, да тогда въ догонь ѣхать — и то поспѣемъ!» Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: «ну, говоритъ, первой разъ тебя прощаю за твою доброту, что̀ водой меня напоилъ; и въ другой разъ прощу, а въ третій берегись—на куски изрублю!» Отнялъ у него Марью-Моревну и увезъ; а Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень и заплакалъ. Поплакалъ-поплакалъ, и опять воротился назадъ за Марьей Моревною; Кощея Безсмертнаго дома не случилося. «Поѣдемъ, Марья-Моревна!» — Ахъ, Иванъ-царевичъ! онъ насъ догонитъ. «Пускай догонитъ; мы хоть часокъ-другой проведемъ вмѣстѣ.» Собрались и уѣхали. Кощей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» —Иванъ царевичъ приходилъ, Марью-Моревну съ собой взялъ. «А можно ли догнать ихъ?» — Можно ячменю насѣять, подождать, пока онъ выростетъ, сжать-смолотить, пива наварить, до̀пьяну напиться, до отвалу выспаться, да тогда въ догонь ѣхать—и то поспѣемъ!» Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: «вѣдь я-жъ говорилъ, что тебѣ не видать Марьи-Моревны, какъ ушей своихъ!» Отнялъ ее и увезъ къ себѣ. Оставался Иванъ-царевичъ одинъ, поплакалъ-поплакалъ, и опять воротился за Марьей-Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. «Поѣдемъ, Марья-Моревна!» — Ахъ, Иванъ-царе-

[1]) *Вар.* пироговъ.

вичъ! вѣдь онъ догонитъ, тебя въ куски изрубитъ. «Пускай изрубитъ! я безъ тебя жить не могу.» Собрались и поѣхали. Кощей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?»—Иванъ-царевичъ приходилъ. Марью-Моревну съ собой взялъ. Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича, изрубилъ его въ мелкіе куски и поклалъ въ смоленую бочку; взялъ эту бочку-скрѣпилъ желѣзными обручами и бросилъ въ синее море, а Марью-Моревну къ себѣ увёзъ. Въ то самое время у зятьевъ Ивана-царевича серебро почернѣло. «Ахъ, говорятъ они, видно бѣда приключилася!» Орелъ бросился на синё море, схватилъ и вытащилъ бочку на̀ берегъ, соколъ полетѣлъ за живой водою, а воронъ за мертвою. Слетѣлись всѣ трое въ одно мѣсто, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали—какъ надобно. Воронъ брызнулъ мертвой водою — тѣло срослось, съединилося; соколъ брызнулъ живой водою — Иванъ-царевичъ вздрогнулъ, всталъ и говоритъ: «ахъ, какъ я долго спалъ!» — Еще-бы дольше проспалъ, еслибъ не мы! отвѣчали зятья; пойдемъ теперь къ намъ въ гости. «Нѣтъ, братцы! я пойду искать Марью-Моревну.» Приходитъ къ ней и проситъ: «разузнай у Кощея-Безсмертнаго, гдѣ онъ досталъ себѣ такого добраго коня?» Вотъ Марья-Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказалъ: «за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, за огненной рѣкою живетъ баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждой день вокругъ свѣта облетаетъ. Много у ней и другихъ славныхъ кобылицъ; я у ней три дня пастухомъ былъ, ни одной кобылицы не упустилъ, и за то баба-яга дала мнѣ одного жеребеночка.» — Какъ-же ты черезъ огненную рѣку переправился? «А у меня есть такой платокъ — какъ махну въ правую сторону три раза, сдѣлается высокой-высокой мостъ, и огонь его не

достанетъ!» Марья-Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу, и платокъ унесла да ему отдала [1]). Иванъ-царевичъ переправился черезъ огненную рѣку, и пошелъ къ бабѣ-ягѣ. Долго шелъ онъ не пивши-не ѣвши. Попалась ему на встрѣчу заморская птица съ малыми дѣтками. Иванъ-царевичъ говоритъ: «съѣмъ-ка я одного цыплёночка.»—Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! проситъ заморская птица; въ нѣкоторое время я пригожусь тебѣ. Пошелъ онъ дальше; видитъ въ лѣсу улей пчелъ. «Возьму-ка я, говоритъ, сколько-нибудь медку.» Пчелиная матка отзывается: «не тронь моего меду, Иванъ-царевичъ! въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь.» Онъ не тронулъ и пошелъ дальше; попадаетъ ему на встрѣчу львица со львёнкомъ. «Съѣмъ я хоть этого львёнка; ѣсть такъ хочется, ажно тошно стало!» — Не тронь, Иванъ-царевичъ! проситъ львица; въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь. «Хорошо, пусть будетъ по твоему!» [2]) Побрёлъ голодной, шелъ-шелъ — стоитъ домъ бабы-яги, кругомъ дома двѣнадцать

[1]) *Вар.* Орелъ Орловичъ полетѣлъ нà море и поднялъ сильные вѣтры, море взволновалось и выкинуло бочку нà берегъ; Соколъ Соколовичъ схватилъ бочку въ когти, занесся высоко-высоко за облаки и бросилъ ее оттуда нàземь — бочка упала и разбилась въ дребезги; а Воронъ Вороновичъ принесъ воды цѣлющей да живущей, и вспрыснулъ Ивана-царевича. Послѣ всѣ трое подхватили его и понесли за тридевять земель, въ тридесятое государство. Принесли въ тридесятое государство и говорятъ: «ступай къ синему морю, тамъ гуляетъ чудная кобылица; впереди ея двѣнадцать косарей сѣно косятъ да двѣнадцать гребцовъ сѣно гребутъ — она за ними идетъ да все поѣдаетъ; когда станетъ кобылица воду пить — синё море волнуется и листъ съ деревъ опадаетъ, а станетъ у столѣтнихъ дубовъ чесаться — тѣ дубы, словно овсяные снопы, нàземь валятся. Каждой мѣсяцъ выкидываетъ она по одному жеребенку; а слѣдомъ за ней ходятъ двѣнадцать волковъ, да тѣхъ жеребятъ пожираютъ. Улучи время, и какъ только выкинетъ кобылица жеребенка со звѣздой на лбу — скорѣй хватай его да отъ волковъ отбивай: то тебѣ будетъ конь богатырской! Съ нимъ не догонитъ тебя и Кощей Безсмертной.» Иванъ-царевичъ сдѣлалъ такъ, какъ научили его зятья...

[2]) Вмѣсто пчелинаго улья, по другому списку, Иванъ-царевичъ встрѣчаетъ рака.

шестовъ, на одиннадцати шестахъ по человѣчьей головѣ, только одинъ незанятой. «Здравствуй, бабушка!» — Здравствуй, Иванъ-царевичъ! почто пришелъ — по своей доброй волѣ, аль по нуждѣ? «Пришелъ заслужить у тебя богатырскаго коня.» — Изволь, царевичъ! у меня вѣдь не годъ служить, а всего-то три дня: если упасешь моихъ кобылицъ—дамъ тебѣ богатырскаго коня, а если нѣтъ, то не гнѣвайся—торчать твоей головѣ на послѣднемъ шестѣ. Иванъ-царевичъ согласился; баба-яга его накормила-напоила и велѣла за дѣло приниматься. Только что выгналъ онъ кобылицъ въ поле, кобылицы задрали хвосты и всѣ врозь по лугамъ разбѣжались; не успѣлъ царевичъ глазами вскинуть, какъ онѣ совсѣмъ пропали. Тутъ онъ заплакалъ-запечалился, сѣлъ на камень и заснулъ. Солнышко уже на закатѣ, прилетѣла заморская птица и будитъ его: «вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы теперь дома.» Царевичъ всталъ, воротился домой; а баба-яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: «зачѣмъ вы домой воротились?» — Какъ-же намъ было не воротиться? налетѣли птицы со всего свѣта, чуть намъ глазъ не выклевали. «Ну, вы завтра по лугамъ не бѣгайте, а разсыптесь по дремучимъ лѣсамъ.» Переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро баба-яга ему говоритъ: «смотри, царевичъ! если не упасешь кобылицъ, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!» Погналъ онъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты и разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ. Опять сѣлъ царевичъ на камень, плакалъ-плакалъ да и уснулъ. Солнышко сѣло за лѣсъ; прибѣжала львица: «вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы всѣ собраны.» Иванъ-царевичъ всталъ и пошелъ домой; баба-яга пуще прежняго и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: «зачѣмъ домой воротились?» — Какъ-же намъ было не воротиться? набѣжали лютые звѣри со всего свѣта, чуть насъ совсѣмъ не разорвали. «Ну, вы завтра за-

бѣгите въ синё море.» Опять переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро посылаетъ его баба-яга кобылицъ пасти: «если не упасешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!» Онъ погналъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты, скрылись съ глазъ и забѣжали въ синё море: стоятъ въ водѣ по шею. Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень, заплакалъ и уснулъ. Солнышко за лѣсъ сѣло, прилетѣла пчелка и говоритъ: «вставай, царевичъ! кобылицы всѣ собраны; да какъ воротишься домой, бабѣ-ягѣ на глаза не показывайся, пойди въ конюшню и спрячься за яслями. Тамъ есть поршивой жеребенокъ—въ навозѣ валяется; ты украдь его и въ глухую полночь уходи йзъ дому.» Иванъ-царевичъ всталъ, пробрался въ конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: «зачѣмъ воротились?»—Какъ-же намъ было не воротиться? налетѣло пчелъ видимо-невидимо со всего свѣта, и давай насъ со всѣхъ сторонъ жалить дȍ крови! [1]) Баба-яга заснула, а въ самую полночь Иванъ-царевичъ укралъ у нея поршиваго жеребенка, осѣдлалъ его, сѣлъ и поскакалъ къ огненной рѣкѣ. Доѣхалъ до той рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону—и вдругъ, откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку высокой, славной мостъ. Царевичъ переѣхалъ пȍ мосту и махнулъ платкомъ въ лѣвую сторону только два раза — остался черезъ рѣку мостъ тоненькой-тоненькой! Поутру пробудилась баба-яга—поршиваго жеребенка видомъ не видать! бросилась въ погоню: во весь духъ на желѣзной ступѣ скачетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Прискакала къ огненной рѣкѣ, взглянула и думаетъ: «хорошъ мостъ!» Поѣхала пȍ мосту, только добралась до средины—мостъ обломился и баба-яга чубурахъ въ рѣку: тутъ

[1]) *Вар.* Какъ намъ было не воротиться? приползли раки со всего моря, начали въ насъ впиваться да клещами пощипывать — рады были на край свѣта бѣжать!

ей и лютая смерть приключилась! Иванъ-царевичъ откормилъ жеребенка въ зеленыхъ лугахъ; сталъ изъ него чудной конь. Пріѣзжаетъ царевичъ къ Марьѣ-Моревнѣ; она выбѣжала, бросилась къ нему на шею: «какъ тебя Богъ воскресилъ?» — Такъ и такъ, говоритъ; поѣдемъ со мной. «Боюсь, Иванъ-царевичъ! если Кощей догонитъ, быть тебѣ опять изрублену. «Нѣтъ, не догонитъ! теперь у меня славной богатырской конь, словно птица летитъ.» Сѣли они на коня и поѣхали. Кощей-Безсмертной домой ворочается, подъ нимъ конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» — Иванъ-царевичъ пріѣзжалъ, Марью-Моревну увёзъ. «А можно ли ихъ догнать?» — Богъ знаетъ! теперь у Ивана-царевича конь богатырской лучше меня. «Нѣтъ, не утерплю! говоритъ Кощей Безсмертной, поѣду въ погоню.» Долго ли, коротко ли—нагналъ онъ Ивана-царевича, соскочилъ нàземь и хотѣлъ было сѣчь его острой саблею; втѣпоры конь Ивана-царевича ударилъ со всего размаху копытомъ Кощея Безсмертнаго и размозжилъ ему голову, а царевичъ доконалъ его палицей [1]). Послѣ того наклалъ царевичъ груду дровъ, развелъ огонь, спалилъ Кощея Безсмертнаго на кострѣ и самой пепелъ его пустилъ по вѣтру. Марья-Моревна сѣла на кощеева коня, а Иванъ-царевичъ на своего, и поѣхали они въ гости сперва къ вòрону, потомъ къ орлу, а тамъ и къ соколу. Куда ни пріѣдутъ, всюду встрѣчаютъ ихъ съ радостью: «ахъ, Иванъ-царевичъ! а ужь мы не чаяли тебя видѣть. Ну, да не даромъ-же ты хлопоталъ:

[1]) *Вар.* «А можно ли ихъ догнать?» — Если сейчасъ поѣдемъ, то авось нагонимъ; у Ивана-царевича конь — мой меньшой братъ. Кощей погналъ вслѣдъ за Иваномъ-царевичемъ; вотъ-вотъ нагонитъ. «Ахъ, братъ! говоритъ конь Ивана-царевича коню кощееву, зачѣмъ ты служишь такому нечистому чудищу? сбрось его нàземь да ударь копытомъ!» Конь послушался, сбросилъ Кощея и убилъ его дò смерти.

такой красавицы, какъ Марья-Моревна, во всемъ свѣтѣ поискать — другой не найдти!» Погостили они, попировали, и поѣхали въ свое царство; пріѣхали и стали себѣ жить-поживать, добра наживать да медокъ попивать.

9.

ИВАНЪ-КРЕСТЬЯНСКОЙ СЫНЪ И МУЖИЧОКЪ-САМЪ СЪ ПЕРСТЪ, УСЫ НА СЕМЬ ВЕРСТЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этого царя на дворѣ былъ столбъ, а въ этомъ столбѣ три кольца: одно золотое, другое серебреное, а третье мѣдное. Въ одну ночь царю привидѣлся такой сонъ: будто у золотаго кольца былъ привязанъ конь—что̀ ни шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ. Поутру всталъ онъ и приказалъ кличь кликать: кто этотъ сонъ разсудитъ, и коня того достанетъ, за того свою дочь отдамъ и половину царства въ придачу. Собралось на царской кличь множество князей, бояръ и всякихъ господъ; думали-думали—никто не можетъ сна растолковать, никто не берется коня достать. Наконецъ доложили царю, что у такого-то нищаго-старичка есть сынъ Иванъ, которой можетъ сонъ растолковать и коня достать. Царь приказалъ призвать его. Призвали Ивана. Спрашиваетъ его царь: «разсудишь ли ты мой сонъ, и достанешь ли коня?» Иванъ отвѣчаетъ: «разскажи напередъ, что̀ за сонъ и какой тебѣ конь надобенъ?» Царь говоритъ: «въ прошлой ночи привидѣлось мнѣ: будто у золотаго кольца на моемъ дворѣ былъ привязанъ конь—что̀ ни шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ.» — Это не сонъ, а быль; пото-

му что въ прошлую ночь на этомъ конѣ пріѣзжалъ къ тебѣ двѣнадцатиглавой змѣй и хотѣлъ царевну украсть. «А можно ли достать этого коня?» Иванъ отвѣчаетъ: «можно—только тогда, какъ минетъ мнѣ пятьнадцать лѣтъ.» Въ то время было Ивану только двѣнадцать годочковъ; царь взялъ его во дворецъ, кормилъ и поилъ до пятьнадцати. Вотъ какъ минуло Ивану пятьнадцать лѣтъ, сказалъ онъ царю: «давай, государь, мнѣ коня, на которомъ можно-бъ доѣхать до того мѣста, гдѣ змѣй находится.» Царь повёлъ его въ конюшни и показалъ всѣхъ своихъ лошадей; только онъ не могъ ни одной выбрать по своей силѣ и тяжести: какъ наложитъ на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадетъ. И сказалъ онъ царю: «пусти меня въ чистое поле поискать себѣ подъ силу коня.» Царь его отпустилъ. Иванъ-крестьянской сынъ три года искалъ, нигдѣ не могъ сыскать. Идетъ со слезами обратно къ царю, попадается ему на встрѣчу старичокъ и спрашиваетъ: «что ты, парень, плачешь?» Онъ ему на спросъ грубо отвѣчалъ, просто-нȁпросто отъ себя прогналъ; старикъ молвилъ: «смотри, малой! не помяни меня.» Иванъ немного отошелъ отъ старика, подумалъ самъ съ собою: «за что я старика обидѣлъ? стары люди много знаютъ.» Воротился, догналъ старика, упалъ ему въ ноги и сказалъ: «дѣдушка! прости меня, со кручины тебя обидѣлъ. Я плȁчу вотъ о чемъ: три года ходилъ я пȍ полю по разнымъ табунамъ—нигдѣ не могъ сыскать по себѣ коня.» Старикъ отвѣчаетъ: «поди въ такое-то село, тамъ у мужичка на конюшнѣ стоитъ кобыла, а отъ той кобылы народился поршивой жеребенокъ; ты возьми его и выкорми: онъ тебѣ будетъ подъ силу.» Иванъ поклонился старику и пошелъ въ село. Приходитъ къ мужику прямо въ конюшню, увидалъ кобылу съ поршивымъ жеребенкомъ, и наложилъ на того жеребенка руку. Жеребенокъ нимало не поробилъ; онъ взялъ его у крестьянина, покормилъ нѣсколько времени,

пріѣхалъ къ царю и разсказалъ ему, какъ добылъ себѣ коня. Потòмъ сталъ сряжаться въ гости къ змѣю. Царь спросилъ: «сколько тебѣ, Иванъ-крестьянской сынъ, надобно силы?» Отвѣчаетъ Иванъ: «на что мнѣ твоя сила? я одинъ могу достать; развѣ только для посылокъ дай человѣкъ шесть.» Далъ ему царь шесть человѣкъ; вотъ они собрались и поѣхали. Долго ли, коротко ли они ѣхали?—никому невѣдомо; вѣдомо только то, что пріѣхали они къ огненной рѣкѣ, черезъ рѣку мостъ лежитъ, а кругомъ рѣки огромной лѣсъ. Въ томъ лѣсу раскинули они шатёръ, достали разныхъ напитковъ, начали пить, ѣсть, веселиться. Иванъ-крестьянской сынъ говоритъ товарищамъ: «давайте, ребята, каждую ночь поочерёдно караулить: не будетъ ли кто проѣзжать черезъ эту рѣку?» И случилось такъ: кто ни пойдетъ изъ его товарищей караулъ держать, всякой напьется съ вечера пьянъ и ничего не видитъ. Наконецъ пошелъ караулить Иванъ-крестьянской сынъ; смотритъ: въ самую полуночь ѣдетъ черезъ рѣку змѣй о трехъ головахъ и подаетъ голосъ: «нѣтъ мнѣ ни спорщика, ни наговорщика; есть развѣ одинъ спорщикъ и наговорщикъ—Иванъ-крестьянской сынъ, да и того вòронъ въ пузырѣ костей не заносилъ!» Иванъ-крестьянской сынъ изъ-подъ моста выскочилъ: «врёшь ты! я здѣсь.»—А если здѣсь, то давай поспоримъ! И выѣхалъ змѣй противъ Ивана на конѣ, а Иванъ выступилъ пѣшій, размахнулся своей саблею и срубилъ змѣю всѣ три головы, а коня себѣ взялъ и привязалъ у шатра. На другую ночь Иванъ-крестьянской сынъ убилъ шестиглаваго змѣя, на третью ночь девятиглаваго, и побросалъ ихъ въ огненную рѣку. А какъ пошелъ караулить на четвертую ночь, то пріѣхалъ къ нему двѣнадцатиглавой змѣй и сталъ говорить гнѣвно: «кто таковъ Иванъ-крестьянской сынъ? сейчасъ выходи ко мнѣ! зачѣмъ побилъ моихъ сыновей?» Иванъ-крестьянской сынъ выступилъ и сказалъ: «поз-

воль мнѣ напередъ сходить къ своему шатру; а послѣ сражаться будемъ.» — Хорошо, ступай! Иванъ побѣжалъ къ товарищамъ: «ну, ребята, вотъ вамъ тазъ! смотрите въ него; когда онъ полонъ нальется крови, пріѣзжайте ко мнѣ.» Воротился и сталъ противъ змѣя, и когда они разошлись и ударились, то Иванъ съ перваго раза срубилъ у змѣя четыре головы, а самъ по колѣна въ землю ушелъ; во второй разъ разошлись — Иванъ три головы срубилъ, а самъ по̀ поясъ въ землю ушелъ; въ третій разъ разошлись — еще три головы отсѣкъ, самъ по грудь ушелъ; наконецъ одну срубилъ —по шейку ушелъ. Тогда только вспомянули про него товарищи, посмотрѣли въ тазъ, и увидѣли, что кровь черезъ край льется; прибѣжали и срубили у змѣя послѣднюю голову, а Ивана изъ земли вытащили. Иванъ-крестьянской сынъ взялъ змѣинаго коня и увелъ къ шатру. Вотъ прошла ночь, настаетъ утро; начали добрые мо̀лодцы пить, ѣсть, веселиться. Иванъ-крестьянской сынъ всталъ отъ веселья и сказалъ своимъ товарищамъ: «вы, ребята, меня подождите!» а самъ оборотился котомъ, пошелъ по̀ мосту черезъ огненную рѣку, пришелъ въ тотъ домъ, гдѣ змѣи жили, и сталъ дружиться съ тамошними кошками. А въ цѣломъ домѣ осталось въ живыхъ только сама змѣиха да три ея снохи; сидятъ они въ горницѣ и говорятъ между собою: «какъ-бы намъ злодѣя Ивана-крестьянскаго сына сгубить?» Малая сноха говоритъ: «куда-бъ ни поѣхалъ Иванъ-крестьянской сынъ, сдѣлаю на пути голодъ, а сама оборочусь яблоней; какъ онъ съѣстъ яблочко, сейчасъ разорветъ его!» Средняя сказала: «а я на пути ихъ сдѣлаю жажду, и оборочусь колодцемъ; пусть попробуетъ выпить!» Старшая сказала: «а я наведу сонъ, а сама сдѣлаюсь кроватью; если Иванъ-крестьянской сынъ ляжетъ, то сейчасъ помрётъ!» Наконецъ сама свекровь сказала: «а я разину пасть свою отъ земли до неба и всѣхъ ихъ пожру!» Иванъ-крестьянской сынъ

выслушалъ все, что они говорили, вышелъ изъ горницы, оборотился человѣкомъ, и пришелъ къ своимъ товарищамъ: «ну, ребята! сряжайтесь въ путь.» Собрались, поѣхали въ путь, и въ первой разъ на пути сдѣлался ужасной голодъ, такъ что нечего было перекусить; видятъ они — стоитъ яблоня; товарищи Ивановы хотѣли нарвать яблоковъ, но Иванъ не велѣлъ. «Это, говоритъ, не яблоня!» и началъ ее рубить; изъ яблони кровь пошла. Во второй разъ напала на нихъ жажда; Иванъ увидалъ колодецъ, не велѣлъ пить, началъ его рубить — изъ колодца кровь потекла. Въ третій разъ напалъ на нихъ сонъ; стоитъ на дорогѣ кроват, Иванъ и ее изрубилъ. Подъѣзжаютъ они къ пасти, разинутой отъ земли до неба; что дѣлать? вздумали съ разлёту черезъ пасть скакать. Никто не могъ перескочить; только перескочилъ одинъ Иванъ-крестьянской сынъ: вынесъ его изъ бѣды чудесной конь — что̀ не шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ. Пріѣхалъ онъ къ одной рѣкѣ; у той рѣки стоитъ избёнка. Тутъ попадается ему на встрѣчу мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ, и говоритъ ему: «отдай мнѣ коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!» Отвѣчаетъ Иванъ: «отойди отъ меня, проклятой гадъ, покудова тебя конемъ не раздавилъ!» Мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ, сшибъ его на̀земь, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Входитъ Иванъ въ избёнку и сильно о конѣ тужитъ. Въ той избёнкѣ лежитъ на печи̇ безногой-безрукой и говоритъ Ивану: «послушай, доброй мо̀лодецъ — не знаю, какъ тебя по имени назвать: зачѣмъ ты связывался съ нимъ бороться? Я не эдакой былъ богатырь, какъ ты; да и то онъ у меня и руки, и ноги отъѣлъ!» — За что? «А за то, что я у него на столѣ хлѣбъ поѣлъ!» Иванъ началъ спрашивать, какъ-бы назадъ коня достать? Говоритъ ему безногой-безрукой: «ступай на такую-то рѣку, сними перевозъ, три года перевози, ни съ кого денегъ не бери;

развѣ тогда достанешь!» Иванъ-крестьянской сынъ поклонился ему, пошелъ на рѣку, снялъ перевозъ и цѣлыхъ три года перевозилъ безденежно. Однажды случилось ему перевозить трехъ старичковъ; они даютъ ему денегъ, онъ не беретъ. «Скажи, доброй молодецъ, почему ты денегъ не берешь?» Онъ отвѣчаетъ: «по обѣщанію.»—По какому? «У меня ехидной человѣкъ коня отбилъ; такъ меня добрые люди научили, чтобъ я перевозъ снялъ да три года ни съ кого денегъ не бралъ. Старички сказали: «пожалуй, Иванъ-крестьянской сынъ, мы готовы тебѣ услужить—твоего коня достать.»—Помогите, родимые! Старички были не простые люди; это были: Студенецъ [1]), Обжора и колдунъ. Колдунъ вышелъ на берегъ, нарисовалъ на пескѣ лодку, и говоритъ: «ну, братцы! видите вы эту лодку?» — Видимъ! «Садитесь въ нее.» Сѣли всѣ четверо въ эту лодку. Говоритъ колдунъ: «ну, легкая лодочка! сослужи мнѣ службу, какъ прежде служила.» Вдругъ лодка поднялась по воздуху и мигомъ, словно стрѣла, изъ лука пущенная, привезла ихъ къ большой каменистой горѣ. У той горы домъ стоитъ, а въ домѣ живетъ самъ съ пёрстъ, а усы на семь вёрстъ. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иванъ началъ коня просить; мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ сказалъ ему: «украдь у царя дочь и привези ко мнѣ, тогда отдамъ коня.» Иванъ сказалъ про то своимъ товарищамъ, и тотчасъ они его оставили, а сами къ царю отправились. Прiѣзжаютъ; царь узналъ, почто они прiѣхали, и приказалъ слугамъ баню истопить, докрасна накалить: пусть де задохнуться! Послѣ попросилъ гостей въ баню; они поблагодарили и пошли. Колдунъ велѣлъ напередъ Студенцу идти. Студенецъ взошелъ въ баню и прохладилъ; вотъ они вымылись, выпарились, и пришли къ царю. Царь приказалъ

[1]) *Вар*. Морозъ.

большой обѣдъ подавать; множество всякихъ ѣствъ на столъ было подано. Обжора принялся и всё поѣлъ. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли къ мужичку-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ; царевну ему отдавали, а коня выручали. Иванъ-крестьянской сынъ поклонился старичкамъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ царю. Ѣхалъ-ѣхалъ, остановился въ чистомъ полѣ отдохнуть, разбилъ шатёръ и легъ опочивъ держать. Проснулся, хвать—подлѣ него царевна лежитъ. Онъ обрадовался, началъ ее спрашивать: «какъ сюда угодила?» Царевна сказала: «я оборотилась булавкою, да въ твой воротникъ воткнулась.» Въ ту-жъ минуту оборотилась она опять булавкою; Иванъ-крестьянской сынъ воткнулъ ее въ воротникъ и поѣхалъ дальше. Пріѣзжаетъ къ царю; царь увидалъ чуднаго коня, принимаетъ добраго мо́лодца съ честію и разсказываетъ, какъ у него дочь украли. Иванъ говоритъ: «не горюй, государь! я ее назадъ привезъ.» Вышелъ въ другую комнату; царевна оборотилась красной дѣвицей. Иванъ взялъ ее за̀ руку и привелъ къ царю. Царь еще больше возрадовался, взялъ себѣ коня, а дочь отдалъ замужъ за Ивана-крестьянскаго сына. Иванъ и понынѣ живетъ съ молодой женою.

(Записана въ саратовской губерніи г. Гуськовымъ.)

10.

НЕЗНАЙКО [1]).

Въ нѣкоторомъ селѣ, не далеко, не близко, не высоко, не низко—жилъ-былъ старикъ, имѣлъ у себя три сына: Гришка да Мишка, третій Ванюшка. Ванюшка не хитёръ, не му-

[1]) См. вып. VII, № 10.

дёръ, а куды смысловатъ! работàть не работàлъ, все на печкѣ лежалъ; отлежалъ бока и говоритъ братьямъ: «эхъ вы, тетери! отпирайте-ка двери; хочу идти туда — самъ не знаю куда.» И присталъ онъ къ отцу-къ матери: «выдѣлите меня совсѣмъ, а что̀ за выдѣломъ останется, въ тотъ братнинъ животъ [1]) я вступаться не буду.» Старикъ выдѣлилъ, далъ ему триста рублевъ. Ванюшка взялъ денежки, дому поклонъ, изъ села бѣгомъ, пришелъ въ столицу и началъ по городу бродить, по трактирамъ ходить, по кабакамъ гулять да пьяницъ созывать. Спрошàли его пьяницы: «какъ тебя по имени зовутъ?» А онъ въ отвѣтъ: «право, братцы, не знаю! когда попъ крестилъ да имя нарѣкалъ — втѣпоры я былъ глупъ и малъ.» Съ того самого и прозвали его Незнайкою. Прогулялъ Незнайко всѣ свои деньги съ тѣми пьяницами и сталъ думать, какъ ему горемыкѣ жить да какъ-бы пущей бѣды не нажить. Пошелъ наниматься къ прасоламъ. «А что возьмешь?» спрашиваютъ прасолы. Незнайко подумалъ, что хлѣбъ-то годомъ, а деньги переходомъ, и отвѣчалъ: «не прошу съ васъ за работу деньгами, только кормите меня до̀сыта да поите до̀пьяна; мнѣ на васъ не просить, вамъ съ меня не спрашивать!» Прасолы на то согласились — любо имъ, что работникъ безденежной; тотчасъ договоромъ утвердили, судомъ закрѣпили. А Незнайко радъ вину-хлѣбу даровому; началъ жить-не тужить, порядкомъ ежедёнъ напиваться, безъ памяти валяться; чуть проспится — опять за вино, и много время такъ провождалъ, никогда не работàлъ. Стали его наряжать, на работу посылать, а онъ въ отвѣтъ: «ну васъ къ Богу! чего пристали? вѣдь у насъ ряжено: кормить меня до̀сыта, поить до̀пьяна; мнѣ на васъ не просить, вамъ съ меня не спрашивать!» Рады прасолы отъ него отстать: «пропадай

[1]) Имущество, богатство.

наши и хлѣбъ и вино, только-бъ по суду не сыскивалъ!» Пошелъ Незнайко отъ нихъ къ царскимъ садовникамъ, нанимается сады караулить; садовники живо его порядили и на томъ-же договоръ учинили: за работу ничего не платить, а кормить его до̀сыта и поить до̀пьяна. Принялся Незнайко сады караулить, и днемъ-и ночью гуляетъ, трезвой николи не бываетъ. Случилось по одну ночь — садовниковъ до̀ма не было, и удумалъ Незнайко яблони, винограды и прочія древеса пересадить. А у царя было три дочери; двѣ на спокоѣ были, а меньшая за цвѣтами сидѣла, во всю ночь не сыпа̀ла и видѣла, какъ Незнайко сады пустошилъ, свою силу объявилъ: старыя деревья съ корня вырывалъ, да за тынъ металъ. Утромъ пришли садовники, закричали-заругалися: «что ты за дуракъ такой! ни зачѣмъ усмотрѣть не сможешь! Говори, кто это сдѣлалъ?» — Не знаю! Тотчасъ его нечестно брали, передъ царя поставляли. Очутился Незнайко въ царскихъ палатахъ, крестъ клалъ по писанному, поклонъ велъ по ученому, приступилъ близко, поклонился низко, сталъ прямо, говорилъ смѣло: «ваше величество! твои сады не порядкомъ были высажены; не бѣда, коли деревья повырваны, за тынъ побросаны! Позволь, я все поправлю; а меня со всякое дѣло станетъ!» Царь позволилъ; по другую-ночь взялся̀ Незнайко сады ровнять, цвѣты-деревья разсаживать: котораго дерева двадцат человѣкъ не поднимутъ, то онъ единой *рукою* подхватываетъ! Къ утру всѣ сады готовы, по порядку высажены. Царь Незнайку къ себѣ призываетъ, чару зелена вина ему наливаетъ; а Незнайко правой рукой чару принимаетъ, за единой духъ выпиваетъ. Послѣ того вынулъ Незнайко три яблочка и подноситъ царевнамъ: старшей даетъ перезрѣлое, середней спѣлое, а меньшой—зеленое; царь смотритъ да умомъ смекаетъ, что царевны его на возрастѣ: старшей давно время быть замужемъ, и середней пора пришла, да и

самой меньшой недолго ждать [1]). Въ тотъ-же день собралъ онъ князей и бояръ и думныхъ совѣтниковъ; начали они думу думать, какъ тѣхъ царевенъ замужъ отдать. Вотъ и придумали — напечатали именные указы, разослали во всѣ державы: такой-то де царь хочетъ своихъ дочерей замужъ вы-

[1]) *Варіантъ*: Жилъ-былъ богатырь крестьянской сынъ, пошелъ къ царю наниматься. «Чей ты?» спрашиваетъ царь. — Не знаю! «Откуда?» — Не знаю! «Какъ тебя зовутъ?»—Не знаю! Царь было разгнѣвался, да подумалъ, что иная простота бываетъ не безъ хитрости, а хитрые люди подъ-часъ пригожаются, и рѣшилъ взять крестьянскаго сына на службу; прозвалъ его Незнайкою и поставилъ водовозомъ. На утро поѣхалъ Незнайко за водою, выѣхалъ въ чистое поле, взялъ коня за хвостъ и стащилъ съ него кожу; идетъ домой, кожу на спинѣ тащитъ. Увидалъ его царь: «гдѣ-же твой конь, Незнаюшко?» — Какой конь! просто кляча негодная; еще до рѣки не добрелъ, а ужь съ натуги издохъ! «Нѣтъ, думаетъ царь, къ этому дѣлу онъ не годится; пожалуй, всѣхъ лошадей у меня изведетъ! пусть будетъ садовникомъ.» Ночью вышелъ Незнайко въ садъ, свистнулъ громкимъ посвистомъ — его богатырской конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ; сѣлъ на коня, поскакалъ, весь садъ повалялъ; а меньшая царевна подъ окномъ сидитъ, все видитъ да никому не говоритъ. На утро царь спрашиваетъ: «отчего такъ, Незнаюшко, съ моимъ садомъ сталося?» — Вихрь набѣжалъ, весь садъ поломалъ! На другую ночь вышелъ Незнайко въ садъ, свистнулъ громкимъ посвистомъ — его богатырской конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ; сѣлъ на коня — куда поскачетъ, тамъ деревья лучше прежнихъ ростутъ и цвѣты цвѣтутъ. На утро проснулся царь, смотритъ — новой садъ готовъ, веселѣй и краше стараго. Призываетъ царь Незнайка-садовника, даетъ ему три арбузныхъ зерна: «вотъ тебѣ три зерна, сегодня посади, а чтобъ завтра арбузы выросли; да съумѣешь ли?» — Не знаю! «Ну, у меня знай-не знай, а дѣло дѣлай!» Только солнышко взошло, ужь Незнайко къ царю пришелъ, три арбуза принесъ. Собралъ царь бояръ и генераловъ: «кто, говоритъ, разгадаетъ, какую я надъ этими арбузами думу думаю?» Никто не разгадалъ; велѣлъ царь, чтобъ Незнайко разгадывалъ. Незнайко говоритъ: «смотришь ты, царь, на арбузы: одинъ совсѣмъ поспѣлъ, другой чуть-чуть недозрѣлъ, а третій зеленой, и думаешь: есть де у тебя три дочери—старшую хоть сейчасъ замужъ, середняя тожъ въ порѣ, а меньшой царевнѣ можно и обождать.» — Молодецъ Незнайко! угадалъ мою думу, сказалъ царь...

Въ другомъ спискѣ Незнайко поломалъ въ саду всѣ деревья, а потомъ вызвалъ своего богатырскаго коня, наточилъ крови изъ его задней ноги, и тою кровью весь садъ окропилъ—тотчасъ выросли цвѣты и деревья лучше прежнихъ.

давать, дакъ на тотъ случай чтобы женихи со всего свѣту съѣзжалися. Вотъ и собрались на царской дворъ царевичи, королевичи и сильномогучіе богатыри; задалъ имъ царь великой пиръ, всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивалися, и сидѣли пьяны и веселы. Царь приказалъ своимъ дочерямъ снарядиться въ платья разноцвѣтныя, выступить изъ теремовъ и выбирать себѣ суженыхъ по душѣ-по нраву. Царевны снарядились въ платья разноцвѣтныя, выступили на посмотрѣніе, подошли къ гостямъ близко, поклонились низко: собой онѣ статны, умомъ сверстны, очи ясныя какъ у сокола, брови чорныя какъ у соболя; наливали чаши зелена вина и пошли по ряду избирать себѣ супружниковъ. Большая подавала чашу царевичу, середняя королевичу, а малая сестра носила-носила, на столъ постановила, и говоритъ отцу: «государь-батюшка! здѣсь мнѣ жениха нѣту.» — Ахъ, дочь моя милая! эдакіе молодцы сидятъ, а тебѣ не по нраву! Послѣ пира гости разъѣхались. Во второй разъ собралъ царь княжескихъ, боярскихъ и богатыхъ купеческихъ дѣтей, приказалъ своей малой дочери снарядиться въ цвѣтное платье и идти— себѣ жениха выбирать. Снарядясь она выступила, наливала чашу зелена вина, ходила-ходила, чашу на столъ постановила, отдала отцу поклонъ и сказала: «государь-батюшка! здѣсь нѣтъ по мнѣ жениха.» Отвѣчалъ на то отецъ: «ахъ ты, дочь моя разборчивая! изъ какихъ же людей тебѣ жениха надобно? Коли такъ, соберу теперь мѣщанъ да крестьянъ, дураковъ-голь кабацкую, скомороховъ, плясуновъ да пѣсельниковъ; хочешь-не хочешь — выбирай себѣ мужа!» Разослалъ царь свое повелѣніе по всѣмъ городамъ, деревнямъ и селамъ; собралось на царской дворъ мѣщанъ и крестьянъ, дураковъ-пьяницъ кабацкихъ, плясуновъ и пѣсельниковъ многое множество; въ томъ числѣ и Незнайко былъ. Снарядилась царевна въ цвѣтное платье, выступила на красное крыльцо, нали-

вала чашу зелена вина и смотрѣла на тотъ простой народъ. Увидала Незнайка: ростомъ онъ всѣхъ больше, туловомъ толще, кудри—словно золото, по плечамъ разсыпаются; подошла къ нему близко, поклонилась низко, подала ему чашу заздравную и таково слово молвила: «пей, мой суженой! тебя со всякое дѣло станетъ.» Незнайко принималъ чашу правой рукой, выпивалъ за единой духъ, бралъ царевну за руки бѣлыя, цѣловалъ въ уста сахарныя, и пошли они къ самому царю. Царь приказалъ всѣмъ троимъ зятьямъ свадьбы играть; свадьбы сыграли, пиры отпировали, и стали царевны съ мужьями жить-ни о чемъ не тужить.

За тѣми свадьбами захлопотался царь и позабылъ воротить назадъ своихъ посланниковъ, что̀ поѣхали съ его указами — изъ чужихъ странъ жениховъ сзывать. А посланники вътѣпоры успѣли до срацынскаго королевства добраться; кликнули кличь по торгамъ, по рынкамъ, и повѣстили царской указъ. Вотъ и собралось трое братьевъ; были то храбрые борцы, сильные богатыри, много земель на своемъ вѣку изъѣздили, много державъ покорили. Сперва отправился въ путь меньшой братъ, а за нимъ пошло войско несчетное. Подошелъ онъ къ столицѣ этого царя и узналъ, что царевны ужь замужемъ; очень разсердился и послалъ къ царю грозное письмо: «пріѣхалъ де я отъ срацынскаго королевства съ добрымъ дѣломъ — сватовствомъ, проѣзжалъ для того многія земли и области, а ты дочерей замужъ отдалъ, своихъ посланниковъ не закликнулъ [1]); заплати теперь мнѣ за протори, за убытки. Ежели не заплатишь, весь городъ пожгу, весь народъ прибью, и тебя самого при старости лютой смерти предамъ!» Говоритъ тогда царь: «зятья мои милые! какъ намъ быть, что дѣлать?» Отвѣчали королевичъ съ царевичемъ: «мы той грозы не бо-

[1]) Т. е. не отозвалъ.

имся, сами съ богатыремъ сразимся! собирай-ка, батюшко, силу-армію и конную гвардію.» По тѣмъ словамъ собиралось войско немалое: царевичъ устроилъ пѣхотные полки, королевичъ — конные; выѣхали оба въ чистое поле далекимъ-далеко, увидали храбраго борца, сильнаго богатыря, убоялись и уѣзжали въ господскія дачи, за лѣса дремучи, за болота зыбучи: не найдти ихъ-не сыскать! Оставались полки безъ начальства; что дѣлать — не вѣдаютъ, страшнаго суда ждутъ. А Незнайко на печкѣ лежитъ, его богатырское сердце кипитъ; говоритъ своей женѣ: «жена моя милая! пойдемъ-ка въ деревню; того и смотри, что городъ сожгутъ, людей прибьютъ, отца твоего въ полонъ возьмутъ, а мы этому дѣлу невиновны, этой бѣдѣ непричинны.»—Нѣтъ, отвѣчала царевна, я лучше умру, отъ отца-отъ матери не уйду. Простилась она съ Незнайкою, и пошла къ отцу на балх(к)онъ; царь на балхонѣ стоитъ, во чистое поле въ подзорную трубку глядитъ [1]). Незнайко срядился по деревенски — надѣлъ шляпу, кафтанъ, рукавицы, вышелъ за̀ городъ никому невидимо, никому незнаемо, пришелъ на высокой холмъ и скричалъ тутъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ. На тотъ его крикъ да бѣжитъ изъ чиста поля доброй конь со всѣми доспѣхами: изо рта у него огонь-пламя пышетъ, изъ ушей дымъ кудрявъ валитъ, изъ ноздрей искры сыплются; хвостъ у коня въ три сажени, грива до копытъ легла. Незнайко-дуракъ подошелъ поближе, накладывалъ на

[1]) *Варіантъ:* Уѣхали на войну два зятя, а третій Незнайко въ саду прохлаждается. Говорятъ старшія царевны своей младшей сестрѣ: «эхъ, какого ты муженька подцѣпила! наши-то мужья давно въ полѣ скачутъ, за собой войска ведутъ, всему царству помочь даютъ: а твой въ саду валяется!» Не стерпѣла меньшая царевна, побѣжала къ Незнайкѣ: «что ты, нарѣченной другъ, все въ саду прохлаждаешься? хоть бы въ чистое поле поѣхалъ да посмотрѣлъ, какъ люди воюютъ, коли самъ воевать не гораздъ!» Собрался Незнайко...

коня потники, войлоки, сѣдельце черкасское; подтянулъ двѣнадцать подпругъ, тринадцатую нагрудную: подпруги были бѣлошелковыя, пряжицы краснаго золота, спѣнки (?) были булатныя—то не для басы [1]) ихъ, для крѣпости богатырскія, что шолкъ не рвется, булатъ не гнется, красное золото въ землѣ не ржавѣетъ. На себя накладывалъ все доспѣхи военные: латы желѣзныя, щитъ булатной, копье долгомѣрное, мечь-палицу боевую и саблю вострую; садился да на добра коня, билъ коня по крутымъ бедрамъ, просѣкалъ мясо до бѣлыхъ костей. Его доброй конь возъяряется, отъ сырой земли кверху подымается, что̀ повыше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго; началъ скакать—по мѣрной верстѣ за единой скокъ; ископыть коня богатырскаго—цѣлыя печи земли выворачивались[2]), подземные ключи воздымалися, во озерахъ вода колебалася, съ желтымъ пескомъ помѣшалася, во лѣсахъ деревья пошаталися, къ землѣ приклонялися. Скричалъ Незнайко богатырскимъ голосомъ, сосвисталъ молодецкимъ посвистомъ — звѣри на цѣпяхъ заревѣли, соловьи въ садахъ запѣли, ужи-змѣи зашипѣли. Такова была поѣздка Незнайкина! Ѣхалъ онъ н(м)имо дворца государева, нимо крыльца краснаго, говорилъ: «здравствуй, великой государь, со всей свитой царскою!» Перескочилъ чрезъ тѣ стѣны бѣлокаменныя, чрезъ тѣ башни наугольныя, да во чисто̀ поле, гдѣ стояла сила-армія и конная гвардія; скричалъ: «здравствуйте, ребята! гдѣ ваши начальники?» Увидалъ да во чистомъ полѣ храбраго борца, сильнаго богатыря: на добрѣ конѣ разъѣзжаетъ, какъ орелъ воспархиваетъ, силу-армію устрашиваетъ; закричалъ Незнайко зычнымъ голосомъ, аки трубою громкою, и начали они въ одно мѣсто съѣзжатися, подняли палицы желѣзныя въ пятьдесятъ пудовъ. И какъ съѣхались, словно горы скатилися,

[1]) Красоты. — [2]) Сравни Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 1, стр. 46.

палицами ударились — палицы поломалися, одни чивья въ рукахъ ихъ осталися. Разскочились еще нȁдвое далекимъ-далеко да пó чистому полю, добрыхъ коней обворачивали, въ одно мѣсто съѣзжалися; копьями ткнулися — ихъ копья до рукъ погнулися, а латъ проколоть не смогли; срацынской богатырь во сѣдлѣ пошатнулся. Еще разскочилися да по чистому полю; какъ въ третій разъ съѣхались—ударились мечами вострыми, и вышибъ Незнайко срацынскаго рыцаря изъ сѣдла на сыру землю: во глазахъ ему свѣтъ смѣнился [1]), изо рта изъ носу кровь потекла! Соскочилъ Незнайко да со своего коня, прижалъ богатыря да къ сырой землѣ, выхватилъ изъ кармана чинбалишшо [2])-булатной ножъ въ полтора пуда, распоролъ у срацынскаго рыцаря платье его цвѣтное, (в)скрылъ его груди бѣлыя, досмотрѣлъ его сердце ретивое, пролилъ его кровь горячую, выпустилъ его силу богатырскую; отрубилъ потомъ ему буйну голову, подымалъ на то копье долгомѣрное и скричалъ по богатырскому: «ай вы, други мои милые! выѣзжайте, зятья, изъ дубровы да забирайте войска—всѣ живы, здоровы.»—Потóмъ обворачивалъ Незнайко своего добраго коня; его конь какъ ясёнъ соколъ летитъ, до земли не дотыкается; скоро подъѣзжаетъ онъ къ городу. Государь, и вся свита, и жена его Незнайкина — всѣ съ балхона бѣгутъ, на встрѣчу спѣшатъ; а Незнайко лицо свое закрываетъ: «пусть де никто меня не признаетъ!» Говоритъ ему государь таково слово: «храброй, молодой рыцарь! коихъ ты родовъ, какого отца матери, и кто тебя изъ какихъ городовъ послалъ въ пȍмочь намъ? Чѣмъ тебя дарить — не знаю, чѣмъ наградить — не вѣдаю; милости просимъ къ намъ во дворецъ!» Отвѣчалъ на то доброй мȍлодецъ: «не вашъ хлѣбъ кушаю, не васъ и слушаю!» Уѣзжалъ зȁ городъ въ зелену дуброву, разсѣдлалъ своего ко-

[1]) Помутился. — [2]) Чингалище — кинжалъ.

ня, отпускалъ на волю; сымалъ съ себя латы булатныя, кольчуги желѣзныя, прибиралъ доспѣхи богатырскіе въ свое мѣсто до времени, самъ домой пошелъ. Какъ пришелъ въ свою хату — въ старое платье снарядился, на печку спать повалился. Прибѣжала его жена молодая, говорила таково слово: «ахъ, мужъ ты мой Незнаюшко! ничего ты не знаешь - не вѣдаешь. Выѣзжалъ изъ дубровы молодой боецъ, кричалъ зычнымъ голосомъ — ажъ граждàне всѣ убоялися; перескочилъ черезъ тѣ стѣны бѣлокаменныя, черезъ тѣ башни наугольныя, да во чистò поле, гдѣ стояла сила - армія и конная гвардія — едва устранилися! Затрубилъ онъ въ трубу громкую; услыхалъ то срацынской рыцарь, скоро своего коня обворачивалъ. Стали они во единое мѣсто съѣзжаться, словно тучи грозныя скатàться; съѣхались, палицами ударились — ихъ палицы поломалися, только чивья въ рукахъ оставалися; во второй разъ съѣхались, копьями ткнулися—ихъ копья до рукъ погнулися; въ третій разъ еще съѣхались, мечами сразилися, и упалъ срацынской рыцарь на сырую землю, а молодой боецъ выпрянулъ изъ своего сѣдла, наскочилъ ему на груди на богатырскія, спородъ у него тѣло бѣлое, досмотрѣлъ у него сердце ретивое, снялъ со плечъ голову буйную, поднялъ на то копье долгомѣрное, и уѣзжалъ во чистò поле.»

—Ахъ ты, глупая женщина! не видала ты на міру людей, въ темномъ лѣсѣ звѣрей; эдакіе ли богатыри на бѣломъ свѣтѣ водятся! Тѣмъ временемъ царскіе зятья изъ лѣсовъ - изъ дубровы воздымалися, въ чистомъ полѣ собиралися, забирали свою силу - армію и конную гвардію и погнали въ городъ; въ городѣ звоны зазвонили, въ полкахъ въ барабаны забили, въ трубы заиграли и пѣсни запѣли. Государь на радостяхъ скоро имъ ворота отпираетъ, силу-армію въ городъ запускаетъ, во всѣхъ трактирахъ и кабакахъ солдатъ виномъ угощаетъ, а на весь честнòй народъ задаетъ великой пиръ. Цѣлыя шесть недѣль

пировали, всѣ у царя да напивалися, всѣ у него да наѣдалися, всѣ въ городѣ были и пьяны и веселы; только малой зять его Незнайко малоздоровъ съ таковыхъ ударовъ: никто про то дѣло не вѣдаетъ, сколько плечи его вынесли! Говоритъ онъ женѣ своей: «жена моя милая, отцу своему постылая! поди-тка, попроси у царя чашу зелена вина выпить, да свиной окорокъ на закуску.» Пошла царевна къ отцу, подходила къ нему близко, поклонялась низко, смотрѣла прямо, говорила смѣло: «государь ты мой батюшко! прошу твоей милости— дай мужу моему, а твоему зятю, Незнайку-дураку чашу зелена вина выпить, да свиной окорокъ на закуску.» Отвѣчалъ ей царь: «подъ лежачій камень и вода не йдетъ! Вотъ твой мужъ, а нашъ зять, когда было скучно-печально, такъ онъ — всѣмъ людямъ на посмѣхъ — въ деревню убѣжалъ; а теперь, какъ мы побѣдили, назадъ воротился да на печку повалился. Кабы, дочь моя милая, вышла ты за такого мо̀лодца, что̀ на брань выѣзжалъ да вражью силу побивалъ, и намъ бы любо и тебѣ не подло (не обидно) было! Ну, такъ и быть: какъ со стола понесутъ, тогда и вамъ остаточки подадутъ.» Говорила на то царевна: «не всѣмъ таковымъ быть, какъ твои старшіе зятья, что̀ въ боевое время въ заповѣдныхъ лѣсахъ пролежали, а теперь на пиръ прибѣжали — пьютъ да веселятся! а намъ съ мужемъ послѣ ихъ блюдолизничать — статошное-ль дѣло?»

Еще пиръ не скончался, а кул(р)ьеръ ужь догналъ во срацынское королевство; скоро къ сильнымъ богатырямъ пріѣзжалъ, скорѣе того несчастіе объявлялъ: «наѣзжалъ де молодой боецъ, убилъ брата вашего, на̀ полѣ трупло его валяется, горячая кровь проливается, сила-армія и конная гвардія вся въ плѣнъ ушла.» Тутъ братья-богатыри разсердилися, скорёхонько на коней садилися, накладывали на себя латы булатныя, кольчуги желѣзныя, прибирали оружіе военное: мечи-кладенцы, боевыя палицы, сабли вострыя, копья долгомѣрныя, и отправлялись

во путь-во дорогу; напередъ себя посылали къ царю посланника съ таковымъ письмомъ: «отдай де того мòлодца, чтò пролилъ кровь нашего брата; ежели не отдашь, то всю силу твою мечемъ побьемъ, стольной городъ на огонь пустимъ, народъ въ плѣнъ возьмемъ, а тебя самого при старости горькой смерти предадимъ.» Пріѣзжаетъ посланникъ въ царской дворецъ и подаетъ то письмо государю; царь взялъ, распечаталъ, и какъ сталъ читать — его рѣзвыя ножки подломилися, его бѣлыя ручки подрогнули, ясныя очи смотрѣть не могутъ — катятся слезы горючія... Здумалъ царь, велѣлъ послать во всѣ стороны кульеровъ, собирать думныхъ людей, генераловъ и начальныхъ офицеровъ; отъ малаго до великаго началъ выспрашивать: кто изъ нихъ вѣдаетъ про того мòлодца, чтò срацынскаго рыцаря на бою побѣдилъ? Никто не знаетъ, не вѣдаетъ; большіе чины за среднихъ хоронятся, средніе за малыхъ прячутся, а отъ малыхъ отвѣту нѣтъ. Такъ ни съ чѣмъ и отпустилъ царь посланника. Подступили срацынскіе богатыри [1]), начали города-села разбивать, огню предавать. Незнайко на печкѣ лежитъ, его ретивое сердце кипитъ; говоритъ онъ женѣ таковую рѣчь: «жена моя милая, у отца постылая! пойдемъ со мной въ деревню, здѣсь жить тѣсно стало.» Отвѣчаетъ царевна: «я въ деревню не йду, лучше здѣсь помру!» Сошелъ Незнайко съ печки, воздохнулъ тяжело: «прощай, говоритъ, жена моя милая! коли отца твоего побьютъ, и тебѣ живой не остаться.» Бралъ на плечи деревенское платье, на голову шляпу, въ руки батогъ [2]), вышелъ — самъ осматривается: не увидалъ бы кто! Запримѣтилъ его царь съ балхона —

[1]) Разскащикъ разомъ вывелъ на сцену обоихъ богатырей и середняго и старшаго, и тѣмъ нарушилъ строй сказки; обычный эпическій пріемъ требуетъ, чтобы сказочные герои *три раза* сражались съ своими врагами, съ каждымъ порознь. — [2]) Палку (Опыт. областн. великор. словаря, стр. 8).

богоданной батюшко: «что это за дуракъ такой! убѣжать хочетъ, а того не вѣдаетъ: коли что̀ случится, всѣхъ найдутъ...» Старшіе зятья возлѣ стоятъ, думаютъ — какъ-бы честь свою показать: «государь нашъ батюшко! собирай-ка силу-армію и конную гвардію; мы тебѣ въ бѣдѣ помога!» Началъ царь силу собирать, полки устроивать; зятья свои рати прибавили и пошли на брань. Напустились срацынскіе богатыри на тѣ передовые полки, страшно мечами бьютъ, вдвое конями мнутъ; потекла кровь ручьями, раздались стоны раненныхъ. Незнайко услыхалъ, на по̀мочь поспѣшалъ, пришелъ на высокой холмъ и скричалъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ. На тотъ его крикъ бѣжитъ изъ чиста̀ поля доброй конь, бѣжитъ - спотыкается. «Ахъ ты, волчья сыть, травянной мѣшокъ! что бѣжишь - спотыкаешься? аль несчастье слышишь?» Отвѣчаетъ доброй конь: «будетъ кровь на обоихъ— на конѣ и на хозяинѣ!» Накладывалъ Незнайко на своего коня узду тесмянную, потники, войлоки, сѣдельце нѣмецкое; подтягивалъ двѣнадцать подпругъ, тринадцатую нагрудную: подпруги всѣ были бѣлошелковыя—того шолку чистаго [1]), пряжицы были краснаго золота—того золота аравицкаго, спѣнки были булатныя — того булата заморскаго, и то не для басы добра мо̀лодца, а для крѣпости богатырскія, потому—шолкъ не рвется, булатъ не гнется, красное золото не ржавѣетъ. Снарядилъ коня, началъ себя снаряжать: накладывалъ платье рыцарское, латы булатныя, въ руки бралъ желѣзной щитъ, боевую палицу, къ ногамъ прицѣплялъ копье крѣпкое, долгомѣрное, на бедрѣ саблю вострую, позади себя мечь-кладенецъ. Садился Незнайко на добра коня, вкладывалъ ноги рѣзвыя въ стремена нѣмецкія, еще бралъ плёточку шелковую, билъ коня по крутымъ бедрамъ, разсѣкалъ кожу лошадиную. Его

[1]) *Вар.* шемаханскаго.

конь возъяряется, отъ сырой земли подымается, что̀ повыше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго; скакалъ съ горы на̀ гору, рѣки-озера промежъ ногъ пропускалъ, зыбучія болота хвостомъ устилалъ; изо рта коня огонь-пламя пышетъ, изъ ноздрей искры сыплются, изъ ушей дымъ кудрявъ валитъ; ископыть того коня — цѣлыя печи земли выворачивались, подземные ключи воздымались. Скричалъ Незнайко богатырскимъ голосомъ, сосвисталъ молодецкимъ посвистомъ — въ озерахъ вода (в)сколебалася, съ желтымъ пескомъ помѣшалася, старые дубы пошаталися, верхушками до земли догибалися. Въ чистомъ полѣ — срацынской богатырь [1]), на конѣ какъ копна сидитъ; его конь какъ соколъ летитъ, до сырой земли не дотыкается, самъ богатырь похваляется — хочетъ Незнайка цѣлкомъ проглотить. Какъ скоро они съѣхались, проговорилъ Незнайкинъ конь: «ну, хозяинъ! преклони свою голову на мою гриву—можетъ быть, спасешься.» Только Незнайко головой прикорнулъ, какъ срацынской богатырь мечемъ махнулъ, лѣвую руку съ плеча ему повредилъ, у коня лѣвое ухо срубилъ; а Незнайко тѣмъ часомъ угодилъ ему копьемъ въ самую пельку [2]) и обворотилъ его, какъ ржанаго снопа. Упалъ срацынецъ на сырую землю, и лежало тутъ трупло богатырское—валялося, горячая кровь проливалася. Скоро сила-армія надвигала, конная гвардія наскакала, а Незнайко уѣзжалъ на своемъ добромъ конѣ къ царскимъ паламъ и кричалъ зычнымъ голосомъ: «люди добрые! не предайте меня смерти напрасныя, захватите мою кровь горячую.» Побѣжала съ балхону вся свита царская, впереди всѣхъ царевна — жена Незнайкина, именнымъ платкомъ лѣвую руку ему завязала, а своего мужа не признала: онъ потъ съ лица

[1]) Незнайко сражается съ однимъ срацынскимъ богатыремъ, о другомъ умолчано. — [2]) Пе́лька — часть всякой одежды, находящаяся на груди у горла (Опытъ обл. словаря, стр. 154).

утиралъ, себя добра мо̀лодца укрывалъ. Поѣхалъ Незнайко къ своей хатѣ, бросилъ коня безъ привязи, вошелъ въ сѣни, на̀ полъ свалился и покрылъ лице свое рукою. А царь ничего не вѣдаетъ, стоитъ на балхонѣ да смотритъ, какъ зятья его управляются. Вотъ жена Незнайкина подошла къ хатѣ, глядь — у крыльца стоитъ лошадь богатырская со всѣми доспѣхами, а въ сѣняхъ богатырь лежитъ; на̀скоро побѣжала, про все отцу разсказала. Въ тотъ часъ государь поспѣшилъ туда со всей свитою, дверь отворяетъ, на колѣни припадаетъ, говоритъ рѣчь умильно: «ты скажись, доброй мо̀лодецъ, ты какого роду-племени? какъ тебя по имени будетъ звать, по отечеству величать?» Отвѣчаетъ Незнайко: «ахъ ты, богоданной мой государь-батюшко; аль меня не признаешь? ты-жъ меня завсегда дуракомъ называешь.» Тутъ всѣ его признали, за сильномогучаго богатыря почитали; а старшіе зятья, какъ прослышали про то дѣло, тотчасъ съ женами своими сряжались да по своимъ домамъ убирались. Незнайко скоро поправлялся, зелена вина напивался, заводилъ пиръ на весь міръ; а по смерти царя началъ самъ царствовать, и житіе его было долгое и счастливое.

(Записана въ архангельской губерніи.)

11.

КУПЛЕННАЯ ЖЕНА. [1]

Въ нѣкоторомъ городѣ жилъ-былъ купецъ, имѣлъ у себя много казны и двѣнадцать лавокъ, и было у него дѣтей все-

[1] См. вып. VII, № 13.

го нàвсего одинъ сынъ Иванъ. Вотъ захворалъ этотъ купецъ, призываетъ къ себѣ сына и говоритъ: «сынъ мой любезной! я теперь хворъ, и скоро помру; послѣ моей смерти оставляю тебѣ все мое имѣніе [1]); живи честно, никого не обижай и меня поминай!» Вскорѣ купецъ умеръ; сынъ похоронилъ его, сдѣлалъ богатыя поминки, и принялся самъ за дѣла: торгуетъ-не плошаетъ, покупателей въ лавки зазываетъ, всѣмъ умѣетъ услужить, всѣмъ умѣетъ удружить; народъ къ нему такъ и валитъ! Видя то, старые купцы начали говорить своимъ сыновьямъ: «вотъ Иванъ-купеческой сынъ такъ торгуетъ! послѣ отцовой смерти новой капиталъ пріобрѣлъ, а вы только изъ дому въ домъ, изъ трактира въ трактиръ бѣгаете.» Вотъ вся молодёжь—купеческіе сыновья разсердились: «черезъ него де родители намъ нагоняй задали!» и стали подзывать съ собой Ивана въ трактиръ идти. Онъ никакъ не могъ отговориться, и пошелъ съ ними. Вотъ они пришли въ трактиръ, начали пить-гулять, въ карты играть, и пробыли тамъ до полуночи. Воротился Иванъ домой, мать у него и спрашиваетъ: «гдѣ, сынокъ, такъ долго былъ?»—Охъ, матушка! все въ лавкѣ сидѣлъ, страхъ какъ много покупщиковъ было!» Настаетъ другой день; полюбилось Ивану въ трактирѣ сидѣть, ждётъ-не дождётся своихъ товарищей, чтобъ туда идти. Вотъ пришли за нимъ товарищи; «ахъ, друзья мои любезные! я давно васъ дожидаюся.» Прогулялъ Иванъ въ трактирѣ дольше вчерашняго, воротился домой и говоритъ матери: «ходилъ де сбирать съ должниковъ деньги, отъ того и запоздалъ маленько!» На третій день онъ самъ пошелъ зазывать товарищей; прогулялъ въ трактирѣ и день и ночь; приходитъ домой ужь на разсвѣтѣ, стучится въ вороты—они заперты, сильнѣе стучится—ему

[1] *Вар.* Есть у меня двѣнадцать боченковъ серебра, двѣнадцать—золота, да столько же боченковъ самоцвѣтныхъ каменьевъ; послѣ моей смерти, половину возьми себѣ, а другую раздай по церквамъ да по нищьей братіи.

отвѣчаютъ: «ступай прочь! намъ не надо пьяницы.» Приходитъ онъ въ лавки, и лавки всѣ заперты, запечатаны. Что ему дѣлать? Видитъ, что мать все узнала; съ горя пошелъ въ кабакъ, прокутилъ съ себя верхнее платье, и до того напился, что его въ шею вытолкали. Пришлось доброму молодцу голодать да по улицамъ скитаться. Въ то самое время двое дядей его сбирались ѣхать въ иные города за разными товарами; купеческой сынъ кинулся на дворъ къ одному дядѣ. Тётка его спрашиваетъ: «зачѣмъ пришелъ?» Онъ и говоритъ: «не возьметъ ли меня дядюшка къ себѣ въ работники?»—Не знаю, его дома нѣтъ; приходи завтра, я его спрошу. На утро приходитъ за отвѣтомъ; тётка ему сказываетъ: «говорила про тебя мужу, да онъ не беретъ; все ему думается, что ты и себя и его пропьешь!» Онъ бѣдной заплакалъ и пошелъ къ другому дядѣ. Тотъ подумалъ-подумалъ: «авось изъ племянника и человѣкъ выйдетъ!» и принялъ его въ работники: «завтра, говоритъ, выѣзжаю; будь готовъ!» На другой день они выѣхали. Дядя ему и говоритъ: «мать тебя благословляетъ тремя стами рублями; коли будешь хорошо себя вести, то и деньги получишь.» Вотъ они ѣдутъ путемъ-дорогою, торгуютъ разными товарами, и племянникъ такъ себя хорошо ведетъ, что даже другой дядя скаялся, зачѣмъ не взялъ его въ работники, и началъ его переманивать: «перейди ко мнѣ жить; я тебѣ вдвое дамъ жалованья!» Отвѣчаетъ купеческой сынъ: «эхъ, дядинька! вѣдь ты самъ говорилъ, что я и тебя и себя пропью.» Пріѣзжаютъ въ большой городъ товары закупать; дядя даетъ ему сто рублевъ: «купи и себѣ что-нибудь!» Племянникъ пошелъ въ ряды, ходилъ-ходилъ, не нашелъ по мысли товара, и повернулъ назадъ на квартиру; попадается ему старичокъ [1]) и спраши-

[1]) *Вар.* Попадается на встрѣчу старикъ о трехъ зубахъ, ведетъ на обрывкѣ красную дѣвицу, и спрашиваетъ...

ваетъ: «куда идешь, доброй мо̀лодецъ?»—Да вотъ ходилъ по вашему городу, искалъ для себя товару, только не нашелъ по мысли. «А много-ль у тебя денегъ?» — Сто рублевъ. «Ну, пойдемъ ко мнѣ; у меня есть какой хочешь товаръ!» Приводитъ его въ бѣлокаменныя палаты: «давай, говоритъ, деньги; сейчасъ тебѣ чудной товаръ покажу!» Взялъ старикъ сто рублевъ и выводитъ къ нему дѣвицу красоты неописанной. Купеческой сынъ разсердился: «чортъ тебя возьми съ этимъ товаромъ! не надо мнѣ ни денегъ, ни дѣвицы.» Такъ и ушелъ съ пустыми руками. Приходитъ на квартиру, дядя и спрашиваетъ: «купилъ ли что?» Онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, дядюшка! на сто рублевъ ничего не купишь.» Дядя далъ ему еще сотню: «теперь у тебя двѣсти рублевъ; есть на что купить!» На другой день пошелъ племянникъ въ лавки; попадается ему среднихъ лѣтъ человѣкъ: «куда ты, доброй мо̀лодецъ?»—Ищу себѣ товару, да ничего нѣтъ по мысли въ вашемъ городѣ. «Пойдемъ ко мнѣ; у меня есть товары хорошіе.» Приводитъ его въ бѣлокаменныя палаты и спрашиваетъ: «а много ли денегъ у тебя?» — Сто рублевъ. «Давай ихъ сюда!» Взялъ деньги, и выводитъ ему красную дѣвицу. Купеческой сынъ разсердился, покинулъ свои деньги, и вернулся домой не при чемъ; дядя сталъ допытываться: «купилъ ли что?» — Нѣтъ, дядюшка! много ли купишь на двѣсти рублевъ! Онъ ему отдалъ послѣднюю сотню: «на̀, любезной племянничекъ! авось теперь купишь; на триста рублевъ можно товару найдти.» Поутру отправился купеческой сынъ товару искать; всѣ лавки, всѣ рынки обошелъ, а по мысли ничего не нашелъ; поворотилъ назадъ на квартиру, а на встрѣчу ему молодой парень идетъ и спрашиваетъ: «куда идешь?» — Да вотъ по всѣмъ лавкамъ, по всѣмъ рынкамъ ходилъ; нигдѣ не нашелъ товару по мысли. «Пойдемъ ко мнѣ; у меня есть хорошій товаръ.» Приходятъ они въ бѣлокаменныя палаты; спрашиваетъ хозяинъ

купеческаго сына: «а много ли денегъ у тебя?»—Сто рублевъ. «Подавай сюда.» Взялъ деньги и вывелъ ему красную дѣвицу. «Что у васъ за городъ — только и торгуютъ что̀ дѣвицами!» сказалъ купеческой сынъ, подумалъ-подумалъ, взялъ эту дѣвицу и повелъ съ собою. Она ему говоритъ дорòгою: «отчего ты не бралъ меня съ перваго разу? только даромъ двѣсти рублевъ потерялъ. Я — королевна Елена Прекрасная, а купецъ, что̀ меня продалъ, злой колдунъ; какъ гуляла я въ зеленòмъ саду, онъ укралъ меня у батюшки-у матушки и унёсъ къ себѣ.» Иванъ-купеческой сынъ нанялъ особой домъ, и перешелъ туда на житье вмѣстѣ съ королевною. Елена Прекрасная дала ему три копѣйки: «вотъ, говоритъ, поди—купи мнѣ на три копѣечки разноцвѣтнаго шолку.» Приходитъ онъ въ лавку, спрашиваетъ всѣхъ цвѣтовъ шолку, купилъ, и приноситъ домой. Елена Прекрасная сѣла ковёръ вышивать, а Иванъ-купеческой сынъ спать залёгъ [1]); поутру проснулся, она подаетъ ему ковёръ и говоритъ: «поди-продай мое рукодѣлье.» — А много ли просить? «Да ты не торгуйся; что̀ дадутъ, то и бери.» Вотъ приходитъ онъ въ лавки, всѣ купцы въ одно слово говорятъ: «нѣтъ, этотъ ковёръ не по нашимъ деньгамъ. Ступай-ка ты къ богатѣйшему, именитому купцу; развѣ только ему осилить, а мы не можемъ купить.» Бросился Иванъ къ именитому купцу, показываетъ ему ковёръ; тотъ спрашиваетъ: «что тебѣ за него?»—Да что толковать? Товаръ не худъ, купецъ не глупъ; чай, самъ цѣну знаешь. «Возьми три тысячи.»—Давай! Продалъ ковёръ за три тысячи, взялъ деньги и вернулся домой. Даетъ ему Елена Прекрасная шесть копѣечекъ: «поди-

1) *Вар.* Ночью встала Елена Прекрасная съ своей постели, вышла на дворъ и махнула платочкомъ — тотчасъ прилетѣли къ ней одиннадцать голубокъ, ударились о сырую землю и обратились дѣвицами. «Ахъ, сестрицы! пособите мнѣ.» Онѣ сѣли за работу и за единую ночь вышили два полотенца золотое да серебреное, да третью палатку узорчатую.

купи мнѣ разноцвѣтныхъ шелковъ.» Иванъ-купеческой сынъ купилъ ей разноцвѣтныхъ шелковъ; сѣла она за работу и въ одну ночь вышила такой ковёръ, что̀ всѣмъ на удивленіе. Поутру говоритъ Ивану: «неси ковёръ продавать.» Онъ спрашиваетъ: «а что за него просить?»—Продавай безъ торгу; что́ дадутъ—то и бери. Приходитъ онъ къ купцамъ; они всѣ отъ ковра отказываются: «не по нашимъ деньгамъ! отнеси къ первостатейному купцу — можетъ онъ осилѣетъ.» Приноситъ къ первостатейному купцу; тотъ спрашиваетъ: «сколько тебѣ за ковёръ надо?» — Товаръ не худъ, купецъ не глупъ; чай, самъ цѣну знаешь. «Возьми шесть тысячъ.»—Давай! говоритъ Иванъ; взялъ за ковёръ шесть тысячъ и вернулся домой. Въ третій разъ даетъ ему Елена Прекрасная девять копѣекъ и посылаетъ за шолкомъ; опять вышила чудной ковёръ: «поди, говоритъ, продай!» Вотъ онъ приходитъ къ первостатейному купцу, и взялъ съ него безъ торгу-безъ ряду двѣнадцать тысячъ.

«Ну, думаетъ Елена Прекрасная, теперь у насъ денегъ довольно!» и велѣла Ивану-купеческому сыну, чтобы онъ заказалъ обѣдню за упокой души его батюшки да сдѣлалъ бы обѣдъ на всю нищую братію. На другой же день, вставши пораньше, Иванъ-купеческой сынъ заказалъ отслужить обѣдню и сдѣлалъ богатыя поминки; на тѣхъ поминкахъ и самъ подпилъ, охмѣлѣлъ и свалился прямо въ грязь. Подхватили его нищіе и повели по̀дъ руки. Въ это время проходилъ мимо молодой купецъ съ женою-красавицей и сталъ насмѣхаться: «вотъ каково безъ молодой жены на свѣтѣ жить!» — Врёшь ты! отозвался Иванъ; у меня жена получше твоей; хочешь, объ закладъ побьемся? Слово за̀ слово, и побились они объ закладъ: у кого жена лучше — тотъ беретъ у спорщика все его имѣніе. Только по рукамъ ударили, вдругъ прикатила карета; изъ кареты вышла Елена Прекрасная, подбѣжала къ Ивану-

купеческому сыну и всю грязь съ него вычистила. Тутъ всѣ въ одинъ голосъ закричали, что у Ивана жена лучше купеческой, и купецъ принужденъ былъ отдать свое имѣніе. Елена Прекрасная увезла Ивана купеческаго сына съ собою, и говоритъ ему: «вотъ придетъ купецъ и станетъ тебя упрашивать, чтобъ пустилъ его на житье въ старую баню; ты отдай ему назадъ и домъ, и лавки, и все его имѣніе, а себѣ возьми помойную яму, куда всякой соръ убираютъ. На другой день приходитъ купецъ и просится на житье въ старую баню; Иванъ-купеческой сынъ отдалъ ему и домъ, и лавки, и все его имѣніе, а себѣ выговорилъ одну помойную яму. Купецъ обрадовался, поблагодарилъ его и побѣжалъ къ женѣ съ радостной вѣсточкой: «экой чудакъ! думаетъ, нашелъ на что польститься!» А Иванъ нанялъ работниковъ и велѣлъ вычистить яму; вотъ они начали чистить и дорылись до бочекъ; тѣ бочки были крѣпко заколочены, златомъ, сѣребромъ и драгоцѣнными камнями насыпаны. Купеческой сынъ обмазалъ бочки дёгтемъ, навалилъ на подводы и повёзъ къ дядѣ, у котораго жилъ за работника. Дядя уже къ отъѣзду готовился, увидалъ племянника и спрашиваетъ: «какихъ накупилъ товаровъ?» Иванъ отвѣчалъ, что купилъ нѣсколько бочекъ дёгтю. «Вотъ нашелъ нѣвидаль! ну, зачѣмъ ты купилъ дёгтю? чай, самъ не вѣдаешь!» — Что ты, дядюшка! говоритъ Иванъ, я купилъ по денежкѣ фунтъ, а въ нашемъ городѣ даютъ по семи копѣекъ; вотъ почему, я дёгтю купилъ. «Ну, братъ! я твоего товару не могу нагружать на одно судно съ моимъ; нужно тебѣ нанять другое.» Иванъ-купеческой сынъ нанялъ подъ свою кладь другое судно; не забылъ взять и Елену Прекрасную. Долго ли, коротко ли — пріѣхали они со всѣми прочими купцами въ свое государство; тутъ купцы стали готовить подарки царю. Иванъ взялъ хрустальную миску и наложилъ полную бриллiантовъ; а Елена Прекрасная сдѣлала ковёръ, на которомъ вышила все

какъ есть царство, и этимъ ковромъ миску покрыла. Вотъ купцы собрались и пошли къ царю; понёсъ и Иванъ свой подарокъ. Идутъ они путемъ-дорогою и разсказываютъ—кто какой даръ изготовилъ; спрашиваютъ у Ивана: «а ты что несешь?» —Дёготь, отвѣчаетъ онъ. Всѣ купцы такъ и прыснули, начали надъ нимъ смѣяться да подшучивать. Пришли, стали въ царскихъ чертогахъ; Иванъ позади всѣхъ. Черезъ полчаса времени выходитъ царь и отбираетъ у всѣхъ подарки съ благодарностью; тутъ толкаютъ Ивана, чтобы и онъ подносилъ свой подарокъ. Иванъ только подошелъ къ царю, такъ всѣ купцы, не удержась, громко расхохотались. Царь спрашиваетъ: «ты что принёсъ?»—Миску дёгтю, ваше величество! «Ничего, подавай! говоритъ царь, годится и дёготь кареты смазывать.» Иванъ развязалъ платокъ; царь, увидя полную миску бриллiантовъ да ковёръ, на которомъ все его царство вышито, обнялъ купеческаго сына, поцѣловалъ въ уста и говоритъ: «спасибо тебѣ! выбирай за то любую невѣсту у трехъ богатѣйшихъ купцевъ. Иванъ отговорился: «ваше величество! я привёзъ себѣ невѣсту изъ чужихъ земель.» Царь приказалъ Ивану сдѣлать вечерины: «я де самъ у тебя побываю.» На другой день все было приготовлено; собрались на вечерину гости; прiѣхалъ и царь, и какъ только увидалъ Елену Прекрасную, тотчасъ въ нее влюбился. Вызвалъ Ивана и велѣлъ ему на слѣдующее утро придти къ себѣ. Вечерины пропировали, ночь проспали, а на утро отправился Иванъ къ царю; приходитъ, царь ему и говоритъ: «иди въ такое-то государство, и выпроси у тамошняго короля чтобы онъ приказалъ три моихъ корабля отпустить, а свадьбу свою отложи до прiѣзду.» Иванъ вернулся домой невеселъ; спрашиваетъ его невѣста: «что ты, голубчикъ мой, кручиненъ?» Онъ ей сказалъ: «царь велѣлъ мнѣ отправиться въ такое-то государство и выпросить у тамошняго короля, чтобы онъ отпустилъ три его корабля.» — Не кручинься попусту;

этотъ король мой отецъ. Вотъ возьми мой именной перстень; если понадобится, чтобы я къ тебѣ пріѣхала, напиши письмо и запечатай этимъ перстнемъ. Иванъ взялъ перстень, и отправился въ дорогу. Пріѣхалъ Иванъ къ королю, разсказалъ ему: кто онъ, на комъ сосватался и зачѣмъ его царь прислалъ. Какъ услыхалъ король про свою дочь, сейчасъ написалъ къ ней письмо, чтобы она немедля къ нему пріѣхала; ждалъ-ждалъ: дочь и сама не ѣдетъ, и вѣстей не присылаетъ. «Чтобъ это значило?» думаетъ король; вышелъ изъ терпѣнія, напоилъ нарѣченнаго зятя дòпьяна и началъ допытываться, отчего дочь и сама не ѣдетъ, и вѣстей не шлётъ. Иванъ-купеческой сынъ съ-пьяну и проговорился, что есть у него такой перстень, которымъ коли запечатать письмо, такъ она навѣрно явится. Король положилъ въ вино сонныхъ капель; Иванъ выпилъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Тѣмъ временемъ король написалъ письмо къ Еленѣ Прекрасной, запечаталъ тѣмъ перстнемъ и послалъ съ легкимъ гонцомъ. На другой день только Иванъ проснулся, король ему и говоритъ: «поѣзжай, любезной зять! въ свое отечество и скажи царю, что три корабля его будутъ вскорѣ отпущены.» Иванъ-купеческой сынъ собрался и поѣхалъ нàскоро; пріѣзжаетъ домой—а его невѣсты давно нѣту! Спрашиваетъ: гдѣ она? Ему сказали, что какъ получила письмо за такой-то печатью, такъ и уѣхала въ свое королевство. Спрашиваетъ про царя; царь (говорятъ) умеръ, и теперь люди думаютъ, кого бы царемъ выбрать. Въ тотъ-же день выбрали царемъ Ивана-купеческаго сына. Онъ устроилъ свое царство и опять къ тому королю отправился. А Елена Прекрасная какъ только къ отцу пріѣхала, тотчасъ и въ бѣду попала. Закричалъ на нее король: «что ты задумала за купеческаго сына замужъ выходить!» Посадилъ ее въ теремъ на хлѣбъ-на воду и велѣлъ въ заперти держать, никуда не выпускать; только позволилъ въ праздники въ малой лодочкѣ пò морю кататься. Иванъ-ку-

печеской сынъ пріѣхалъ, узналъ про все, побѣжалъ на взморье и подкупилъ лоцмана, чтобы онъ взялъ его къ себѣ въ работники. Въ первой воскресной день вышла Елена Прекрасная пò морю покататься; смотритъ — за весломъ новой гребецъ сидитъ, на рукѣ у него золотой перстень горитъ; ухватила его зá руку: «гдѣ взялъ этотъ перстень?» и тотчасъ своего суженаго узнала. Тутъ они обнялись, поцѣловались и вернулись во дворецъ рука òбъ руку. А король ужь прослышалъ, что купеческой сынъ царемъ сдѣланъ, ну и смиловался и принялъ ихъ ласково. Вотъ они обвѣнчались, погостили тутъ нѣсколько времени, и уѣхали въ свое государство, и начали житьпоживать да добра наживать.

(Записана въ новгородской губерніи.)

12.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА. [1]

Въ нѣкоемъ королевствѣ служилъ у короля солдатъ въ конной гвардіи, прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою; за его честное поведеніе приказалъ король отпустить его въ чистую отставку и отдать ему въ награду ту самую лошадь, на которой въ полку ѣздилъ, съ сѣдломъ и со всею збруею. Простился солдатъ съ своими товарищами и поѣхалъ на родину; день ѣдетъ, и другой, и третій... вотъ и вся недѣля прошла, и другая, и третья — не хватаетъ у солдата денегъ, нечѣмъ кормить ни себя, ни лошади, а дò дому далеко-далеко! Видитъ, что дѣло-то больно плохо, сильно

[1]) См. вып. VII, № 16.

ѣсть хочется; сталъ по сторонамъ глазѣть, и увидѣлъ въ сторонѣ — большой зàмокъ. «Ну-ка, думаетъ, не заѣхать ли туда; авось хоть на время въ службу возьмутъ — что-нибудь да заработаю.» Поворотилъ къ зàмку, взъѣхалъ на дворъ, лошадь на конюшню поставилъ и задалъ ей корму, а самъ въ палаты пошелъ. Въ палатахъ столъ накрытъ, на столѣ и вѝна и ѣства, чего только душа хочетъ! Солдатъ наѣлся-напился; «теперь, думаетъ, и соснуть можно!» Вдругъ входитъ медвѣдица: «не бойся меня, доброй мòлодецъ! ты на добро сюда попалъ; я не лютая медвѣдица, а красная дѣвица—заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здѣсь три ночи, то колдовство рушится — я сдѣлаюсь по прежнему королевною, и выйду за тебя замужъ.» [1]) Солдатъ согласился,

[1]) *Варіантъ 1-й*: Жилъ-былъ царь Долматъ, набралъ себѣ войска три тысячи и все изъ солдатскихъ дѣтей — лѣтъ по шестьнадцати отъ роду, и помѣстилъ всѣхъ въ дворцовыя роты. Прошло лѣтъ десятокъ — солдатскія дѣти въ чины выслужились: кто въ офицеры, кто въ полковники, а кто и въ генералы попалъ! Только одинъ изо всѣхъ товарищей Семёнъ Ерофѣевъ рядовымъ остался; сталъ онъ царю жаловаться: «такъ и такъ, говоритъ, не могъ себѣ заслужить никакого чинишка; людямъ счастье, а я не при чемъ!» Царь Долматъ приказалъ дать ему отставку и надѣлить тремя десятинами земли. Семенъ нанялъ работника, вспахалъ и засѣялъ землю пшеницею; выросла пшеница чудесная! Вотъ какъ-то вышелъ нà поле, смотритъ—одна десятина совсѣмъ вытоптана, нѣтъ на ней ни былинки, только чорная земля виднѣется. Крѣпко жаль ему стало, что такой уронъ приключился; тотчасъ нарядилъ мужиковъ караульныхъ и строго наказалъ, чтобъ они всю ночь не спали, да хлѣбъ берегли. Пошли мужики въ поле, принялись караулить, и въ самую полночь, только двѣнадцать часовъ ударило, ни одинъ изъ нихъ не могъ выдержать, чтобы не уснуть; гдѣ кто стоялъ—на томъ мѣстѣ и повалился, напалъ на нихъ крѣпкой, тяжелой сонъ, и проспали они вплоть до бѣлаго дня. Поутру глядь—еще десятина вытоптана. Семенъ больше прежняго нарядилъ караульныхъ—и верховыхъ, и пѣшихъ, и самъ съ ними въ поле поѣхалъ. «Ну, говоритъ, братцы! раздѣлимся пополамъ; одна половина пусть караулъ держитъ съ вечера до полуночи, а другая со полуночи до утра.» Такъ и сдѣлали. Стало время подходить къ полуночи, началъ первыхъ караульщиковъ сонъ одолѣвать; разбудили они новыхъ на смѣну, да тутъ-же и повалились спать; а новые караульщики

медвѣдица ушла, и остался онъ одинъ. Тутъ напала на него такая тоска, что на свѣтъ бы не смотрѣлъ, и чѣмъ дальше — тѣмъ сильнѣе; еслибъ не вино, кажись бы одной ночи не выдержалъ! На третьи сутки до того дошло, что рѣшился солдатъ бросить все и бѣжать изъ зáмка; только какъ ни бился, какъ ни старался — не нашелъ выхода. Нечего дѣлать, по неволѣ пришлось оставаться. Переночевалъ и третью ночь; поутру является къ нему королевна красоты неописанной, благодаритъ его за услугу и велитъ къ вѣнцу наряжаться. Тотчасъ они свадьбу сыграли, и стали вмѣстѣ жить, ни о чемъ не тужить.

сами еле могутъ вытерпѣть: такъ сномъ и качаетъ ихъ во всѣ стороны! Семенъ Ерофѣевъ видитъ—дѣло неладно, и велѣлъ имъ почáсту бить другъ дружку пò уху и кричать: слушáй! Принялись мужики другъ дружку хлестать пò уху; тѣмъ только и сонъ отъ себя отвáдили. Вдругъ поднялась сильная буря— катитъ огромная колесница, въ двѣнадцать лошадей запряжена, лошади словно змѣи извиваются, а позади двѣнадцать волковъ, да столько-жъ медвѣдей на желѣзныхъ цѣпяхъ прикована. Быстро пронеслась колесница пò полю: гдѣ росла-зеленѣла пшеница, тамъ чорная земля повыступила; не осталось ни единой былинки! Семенъ вскочилъ на коня и поскакалъ за колесницею; а слѣдомъ за нимъ одиннадцать мужиковъ пріударили. Долго ли, коротко ли — наѣхали они на огромной дворецъ; вошли въ бѣлокаменныя палаты, видятъ—столъ накрытъ, на столѣ двѣнадцать приборовъ и всякихъ винъ и закусокъ вдоволь наготовлено; поѣли-выпили и собираются назадъ уйдти, только куда не сунутся — не могутъ дверей найдти. Входитъ къ нимъ древняя старушка и говоритъ: «что вы понапрасну трудитесь? войдти-то къ намъ легко, а выйдти трудно; сюда ворота широкія, а отсюда узкія. Вотъ скоро прійдутъ сюда двѣнадцать медвѣдицъ, пообѣдаютъ и опять уйдутъ; а то не медвѣдицы, а заклятыя красныя дѣвицы: одиннадцать—боярскія дочери, а двѣнадцатая—царевна; если вы переночуете здѣсь три ночи, то всѣхъ ихъ избавите, и себѣ счастье добудете!»

Варіантъ 2-й: Жилъ-былъ богатой купецъ, померъ — и остался у него молодой сынъ. Напала на него грусть тоска, и вздумалъ онъ въ трактиръ пойдти да разгуляться промежъ добрыхъ людей. Приходитъ въ трактиръ — сидитъ тамъ кабачной ярыга да пѣсни поетъ. Спрашиваетъ его купеческой сынъ: «скажи, отчего такъ веселъ?»—А чего мнѣ печалиться? вѣдь я косушку вина выпилъ, съ того и веселъ сталъ. «Будто и взаправду?» — Попро-

Черезъ сколько-то времени вздумалъ солдатъ объ своей родной сторонѣ, захотѣлъ туда побывать; королевна стала его отговаривать: «оставайся, другъ! не ѣзди; чего тебѣ здѣсь не хватаетъ?» Нѣтъ, не могла отговорить. Прощается она съ мужемъ, даетъ ему мѣшочекъ—сполна сѣмечкомъ насыпанъ, и говоритъ: «по какой дорогѣ поѣдешь, по обѣимъ сторонамъ кидай это сѣмя: гдѣ оно упадетъ, тамъ въ ту-же минуту деревья повыростутъ; на деревьяхъ станутъ дорогіе плоды красоваться, разныя птицы пѣсни пѣть, а заморскіе коты

буй, самъ узнаешь! Купеческой сынъ выпилъ рюмку, другую — стало повеселѣй; «дай-ка еще попробую!» Осушилъ полштофа, опьянѣлъ и затянулъ пѣсню. «Что такъ сидѣть? говоритъ кабацкой ярыга; давай перекинемъ въ карты.» — Изволь! Сѣли играть въ карты; въ короткое время купеческой сынъ проигралъ всѣ свои деньги. «Больше, говоритъ, играть нѐ на что!» —Не все на деньги, играй подъ домъ да подъ лавки! отвѣчаетъ кабацкой ярыга; можетъ, отыграешься. Не прошло и полчаса, какъ купеческой сынъ не при чемъ остался: и домъ, и лавки — все спустилъ. На утро проснулся — голъ, какъ соколъ! что тутъ дѣлать? Пошелъ, съ горя въ солдаты нанялся. Служилъ - служилъ; солдатская служба — нелегкая, за все - про все спина отвѣчаетъ! и задумалъ онъ бѣжать. Убѣжалъ въ густой, дремучій лѣсъ, выбрался на одну полянку и сѣлъ отдохнуть. Откуда ни взялись—летятъ три голубки, а за ними три змѣя несутся; прилетѣли на ту полянку и принялись драться. «Служивой! помоги намъ, говорятъ змѣи; мы тебѣ много денегъ подаримъ.» — Нѣтъ, служивой! лучше намъ помоги, говорятъ голубки; мы тебѣ сами годимся! Купеческой сынъ обнажилъ свою острую саблю, порубилъ трехъ змѣевъ дȯ смерти; а голубки взмахнули крылушками и улетѣли. Отдохнулъ купеческой сынъ и пошелъ дальше, куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ и набрёлъ на землянку, входитъ — въ землянкѣ столъ стоитъ, на столѣ три прибора съ ѣствами; онъ взялъ со всякаго прибора съѣлъ по кусочку, забился подъ кровать и лежитъ себѣ, духъ притаивши. Вдругъ прилетѣли туда три голубки, ударились о сырую землю и сдѣлались красными дѣвицами. «Ахъ! говорятъ къ намъ кто-то въ гости пожаловалъ, и кажись — человѣкъ доброй, никого не обидѣлъ, со всякаго прибора по кусочку взялъ.» Купеческой сынъ услыхалъ эти рѣчи, вылѣзъ изъ-подъ кровати и говоритъ: «здравствуйте, красныя дѣвицы!» — Ахъ, доброй молодецъ! сослужилъ ты намъ одну службу — убилъ трехъ змѣевъ, сослужи и другую: перебудь здѣсь три ночи! Чтȯ бы кругомъ тебя ни дѣлалось: будутъ ли громы гремѣть, вѣтры свистать, страхи страшить— стой крѣпко, не бойся и читай вотъ эту книгу...

сказки сказывать.» Сѣлъ доброй молодецъ на своего заслужоннаго коня и поѣхалъ въ дорогу; гдѣ ни ѣдетъ, по обѣимъ сторонамъ сѣмя бросаетъ, и слѣдомъ за нимъ лѣса подымаются: такъ и ползутъ изъ сырой земли! Ѣдетъ день, другой, третій, и увидалъ: въ чистомъ полѣ караванъ стоитъ, на травкѣ-на муравкѣ купцы сидятъ, въ карты поигрываютъ, а возлѣ нихъ котёлъ виситъ; хоть огня и нѣтъ подъ котломъ, а варево ключемъ кипитъ. «Экое диво! подумалъ солдатъ, огня не видать, а варево въ котлѣ такъ и бьетъ ключемъ; дай поближе взгляну.» Своротилъ коня въ сторону, подъѣзжаетъ къ купцамъ: «здравствуйте, господа честные!» а того и не въ домёкъ, что это не купцы, а все нечистые. «Хороша ваша штука: котёлъ безъ огня кипитъ! да у меня лучше есть.» Вынулъ изъ мѣшка одно зёрнышко и бросилъ наземь —въ ту-жъ минуту выросло вѣковое дерево, на томъ деревѣ дорогіе плоды красуются, разныя птицы пѣсни поютъ, заморскіе коты сказки сказываютъ. По той похвальбѣ узнали его нечистые: «ахъ, говорятъ межъ собой, да вѣдь это тотъ самой, что̀ королевну избавилъ; давайте-ка, братцы, опоімъ его за то зельемъ и пусть онъ полгода спитъ.» Принялись его угощать и опоили волшебнымъ зельемъ; солдатъ упалъ на траву и заснулъ крѣпкимъ, безпробуднымъ сномъ; а купцы, караванъ и котёлъ вмигъ исчезли. Вскорѣ послѣ того вышла королевна въ садъ погулять; смотритъ—на всѣхъ деревьяхъ стали верхушки сохнуть: «не къ добру! думаетъ, видно съ мужемъ что̀ худое приключилося.» Три мѣсяца прошло, пора бы ему и назадъ вернуться, а его нѣтъ какъ нѣту! Собралась королевна и поѣхала его розыскивать. Ѣдетъ по той дорогѣ, по какой и солдатъ путь держалъ; по обѣимъ сторонамъ лѣса̀ ростутъ, и птицы поютъ, и заморскіе коты сказки мурлыкаютъ. Доѣзжаетъ до того мѣста, что деревьевъ не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думаетъ:

«куда-жъ онъ дѣвался? не сквозь землю же провалился!» Глядь —стоитъ въ сторонкѣ такое-же чудное дерево и лежитъ подъ нимъ ея милой другъ. Подбѣжала къ нему и ну толкать-будить — нѣтъ, не просыпается; принялась щипать его, колоть подъ бока булавками, колола-колола — онъ и боли не чувствуетъ, точно мертвой лежитъ — не ворохнется. Разсердилась королевна и съ-сердцо̀въ проклятье промолвила: «чтобъ тебя, соню негоднаго, буйнымъ вихремъ подхватило, въ безвѣстныя страны занесло!» Только успѣла вымолвить, какъ вдругъ засвистали-зашумѣли вѣтры, и въ одинъ мигъ подхватило солдата буйнымъ вихремъ и унесло изъ глазъ королевны. Поздно одумалась королевна, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинёхонька.

А бѣднаго солдата занесло вихремъ далеко-далеко, за тридевять земель, въ тридесятое государство, и бросило на косѣ промежъ двухъ морей; упалъ онъ на самой узенькой клинушекъ: направо-ли сонной оборотится, налѣво-ли повернется —то̀тчасъ въ море сва̀лится, и поминай какъ звали! Полгода проспалъ доброй мо̀лодецъ, ни пальцемъ не шевельнулъ; а какъ проснулся —сразу вскочилъ прямо на̀ ноги, смотритъ— съ обѣихъ сторонъ волны подымаются, и конца не видать морю широкому; стоитъ да въ раздумьи самъ себя спрашиваетъ: «какимъ чудомъ я сюда попалъ? кто меня затащилъ?» Пошелъ по косѣ и вышелъ на островъ; на томъ островѣ—гора высокая да крутая, верхушкою до облаковъ хватаетъ, а на горѣ лежитъ большой камень. Подходитъ къ этой горѣ и видитъ — три чорта дерутся, кровь съ нихъ такъ и льется, клочья такъ и летятъ! «Стойте, окаянные! за что вы деретесь?» — Да вишь третьего дня померъ у насъ отецъ, и осталось послѣ него три чудныя вещи: ковёръ-самолётъ, сапоги-скороходы да шапка-невидимка; такъ мы подѣлить не можемъ. «Эхъ вы, про-

клятые! изъ такихъ пустяковъ бой затѣяли. Хотите, я васъ раздѣлю; всѣ будете довольны, никого не обижу.» — А ну, землякъ, раздѣли пожалуста! «Ладно! бѣгите скорѣй по сосновымъ лѣсамъ, наберите смолы по сту пудовъ и несите сюда.» Черти бросились по сосновымъ лѣсамъ, набрали смолы триста пудовъ и принесли къ солдату. «Теперь притащите изъ пекла самой большой котёлъ.» Черти приволокли большущій котёлъ — бочекъ сорокъ войдетъ! и поклали въ него всю смолу. Солдатъ развелъ огонь, и какъ только смола растаяла, приказалъ чертямъ тащить котёлъ на гору и поливать ее сверху до низу. Черти мигомъ и это исполнили. «Нука, говоритъ солдатъ, пихните теперь вонъ энтотъ камень; пусть онъ съ горы катится, а вы трое за нимъ въ догонку пріударьте: кто прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выбирай себѣ любую изъ трехъ диковинокъ; кто второй догонитъ, тотъ изъ двухъ остальныхъ бери—какая покажется; а затѣмъ послѣдняя диковинка пусть достанется третьему.» Черти пихнули камень, и покатился онъ съ горы шибко-шибко; бросились всѣ трое въ догонку; вотъ одинъ чортъ нагналъ, ухватился за камень — камень тотчасъ повернулся, подворотилъ его подъ себя и вогналъ въ смолу. Нагналъ другой чортъ, а потомъ и третій, и съ ними—тоже самое! Прилипли крѣпко-накрѣпко къ смолѣ! Солдатъ взялъ подъ мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сѣлъ на ковёръ-самолётъ, и полетѣлъ искать свое царство. Долго ли, коротко ли — прилетаетъ къ избушкѣ, входитъ—въ избушкѣ сидитъ баба-яга, костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! скажи, какъ бы мнѣ отыскать мою прекрасную королевну?» — Не знаю, голубчикъ! видомъ ее не видала, слыхомъ про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — тамъ живетъ моя середняя сестра, она знаетъ больше моего; можетъ, она тебѣ скажетъ. Солдатъ сѣлъ на

ковёръ-самолётъ и полетѣлъ; долго пришлось ему по бѣлу свѣту странствовать. Захочется ли ему ѣсть-пить, сейчасъ надѣнетъ на себя шапку-невидимку, спустится въ какой-нибудь городъ, зайдетъ въ лавки, наберетъ — чего только душа пожелаетъ, на ковёръ и летитъ дальше. Прилетаетъ къ другой избушкѣ, входитъ — тамъ сидитъ баба-яга, костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! не знаешь ли, гдѣ найдти мнѣ прекрасную королевну?» — Нѣтъ, голубчикъ! не знаю; поѣзжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — тамъ живетъ моя старшая сестра; можетъ, она вѣдаетъ. «Эхъ ты, старая хрычовка! сколько лѣтъ на свѣтѣ живешь, всѣ зубы повывалились, а добраго ничего не знаешь.» Сѣлъ на ковёръ-самолётъ и полетѣлъ къ старшей сестрѣ. Долго-долго странствовалъ, много земель и много морей видѣлъ, наконецъ прилетѣлъ на край свѣта: стоитъ избушка, а дальше никакого ходу нѣтъ — одна тьма кромѣшная! ничего не видать. «Ну, думаетъ, коли здѣсь не добьюсь толку, больше летѣть некуда!» Входитъ въ избушку — тамъ сидитъ баба-яга, костяная нога, сѣдая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! скажи, гдѣ мнѣ искать мою королевну?» — Подожди немножко; вотъ я созову всѣхъ своихъ Вѣтровъ и у нихъ спрошу. Вѣдь они по всему свѣту дуютъ, такъ должны знать, гдѣ она теперь проживаетъ. Вышла старуха на крыльцо, крикнула громкимъ голосомъ, свистнула молодецкимъ посвистомъ; вдругъ со всѣхъ сторонъ поднялись-повѣяли *Вѣтры* буйные, только изба трясётся! «Тише, тише!» кричитъ баба-яга, и какъ только собрались Вѣтры, начала ихъ спрашивать: «Вѣтры мои буйные! по всему свѣту вы дуете; *не видали-ль* гдѣ прекрасную королевну?» — Нѣтъ, нигдѣ не видали! отвѣчаютъ Вѣтры въ одинъ голосъ. «Да всѣ ли вы на лицо?» — Всѣ, только Южнаго Вѣтра нѣтъ. Немного *погодя, прилетѣлъ* Южный Вѣтеръ. Спрашиваетъ его старуха:

«гдѣ ты пропадалъ до сихъ поръ? еле дождалась тебя!» —Виноватъ, бабушка! я зашелъ въ новое царство, гдѣ живетъ прекрасная королевна; мужъ у ней безъ вѣсти пропалъ, такъ теперь сватаютъ ее разные цари и царевичи, короли и королевичи. «А сколь далеко до новаго царства?»—Пѣшему тридцать лѣтъ идти, на крыльяхъ десять лѣтъ нестись; а я повѣю—въ три часа доставлю. Солдатъ началъ со слезами молить, чтобы Южный Вѣтеръ взялъ его и донёсъ въ новое царство. «Пожалуй, говоритъ Южный Вѣтеръ, я тебя донесу, коли дашь мнѣ волю погулять въ твоемъ царствѣ три дня и три ночи.» — Гуляй хоть три недѣли! «Ну, хорошо; вотъ я отдохну денька два-три, соберусь съ силами, да тогда и въ путь.» Отдохнулъ Южный Вѣтеръ, собрался съ силами, и говоритъ солдату: «ну, братъ! собирайся, сейчасъ отправимся; да смотри — не бойся, цѣлъ будешь!» Вдругъ зашумѣлъ-засвисталъ сильной вихорь, подхватило солдата на воздухъ и понесло черезъ горы и моря—подъ самыми облаками, и ровно черезъ три часа былъ онъ въ новомъ царствѣ, гдѣ жила его прекрасная королевна. Говоритъ ему Южный Вѣтеръ: «прощай, доброй мѝлодецъ! жалѣючи тебя, не хочу гулять въ твоемъ царствѣ.» — Что такъ? «Потому — если я загуляю, ни одного дома въ городѣ, ни одного дерева въ садахъ не останется; все вверхъ дномъ поставлю!» — Ну, прощай! спасибо тебѣ, сказалъ солдатъ, надѣлъ шапку-невидимку и пошелъ въ бѣлокаменныя палаты. Вотъ пока его не было въ царствѣ, въ саду всѣ деревья стояли съ сухими верхушками; а какъ онъ явился, тотчасъ ожили и начали цвѣсть. Входитъ онъ въ большую комнату, тамъ сидятъ за столомъ разные цари и царевичи, короли и королевичи, что̀ пріѣхали за прекрасную королевну свататься; сидятъ да сладкими винами угощаются. Какой женихъ ни нальетъ стаканъ, только къ губамъ поднесетъ— солдатъ то̀тчасъ хвать кулакомъ по стакану и сразу выши-

бетъ. Всѣ гости тому удивляются, а прекрасная королевна въ ту-жъ минуту догадалася: «вѣрно, думаетъ, мой другъ воротился!» Посмотрѣла въ окно — въ саду на деревьяхъ всѣ верхушки ожили, и стала она своимъ гостямъ загадку загадывать: «была у меня шкатулочка самодѣльная съ золотымъ ключемъ; я тотъ ключъ потеряла и найдти не чаяла, а теперь тотъ ключъ самъ нашелся. Кто отгадаетъ эту загадку, за того замужъ пойду.» Цари и царевичи, короли и королевичи долго надъ тою загадкою ломали свои мудрыя головы, а разгадать никакъ не могли. Говоритъ королевна: «покажись, мой милой другъ!» Солдатъ снялъ съ себя шапку-невидимку, взялъ ее за бѣлыя руки и сталъ цѣловать въ уста сахарныя. «Вотъ вамъ и разгадка! сказала прекрасная королевна, самодѣльная шкатулочка — это я, а золотой ключикъ — это мой вѣрной мужъ.» Пришлось женихамъ оглобли поворачивать; разъѣхались они по своимъ дворамъ, а королевна стала съ своимъ мужемъ жить-поживать да добра наживать.

13.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. [1])

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь съ царицею; у нихъ былъ сынъ Василій-царевичъ, и былъ къ нему дядька приставленъ. Померлà царица, остался царевичъ сиротою. Думаетъ царь: не то сына женить, не то самому жениться? вздумалъ самъ жениться. Взялъ за себя молодую жену, и сдѣлалась она въ дому̀ полной хозяйкою, Василью-царевичу злою мачихой. Пожилъ царь съ нею нѣ-

[1]) См. вып. V, № 42.

сколько времени, заболѣлъ и померъ; а царица связалась съ дядькою. Разъ зоветъ Василій-царевичъ своего дядьку: «пойдемъ, по городской стѣнѣ погуляемъ.» — Пойдемъ, царевичъ! Пошли, гуляли-гуляли, стали съ городской стѣны спускаться, вдругъ изъ каменной башни окликаютъ царевича три голоса— левъ, змѣй и воронъ: «выпусти насъ, Василій-царевичъ, изъ неволи! мы тебя отъ трехъ смертей избавимъ.» Спрашиваетъ царевичъ дядьку: «слышишь, что у насъ на городской стѣнѣ дѣется?»—Нѣтъ, Василій-царевичъ! ничего не слышу. «А коли не слышишь, чтобъ тебѣ и во вѣкъ не слыхать!» Воротились они домой. Вечеромъ рано ложится Василій-царевичъ спать, а дядьку отъ себя отсылаетъ; дядька тому и радъ, побѣжалъ съ мачихой тѣшиться. Вотъ царевичъ переждалъ сколько-то времени, всталъ потихоньку, взялъ желѣзной ломъ въ двадцать пять пудовъ, вылѣзъ въ окошко и пошелъ къ городской стѣнѣ. Ударилъ разъ-другой и разбилъ башню; вышли оттуда левъ, змѣй и воронъ, обступили кругомъ царевича и стали ему наказывать: «слушай, Василій царевичъ, нашего наказу! Какъ были у тебя отецъ да мать родные, долго они искали тебѣ невѣсту и таки выискали—за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ высватали за тебя Царь-дѣвицу, и такой уговоръ съ нею сдѣлали: тебѣ на иной не жениться, ей за иного замужъ не выходить. Ужь скоро двѣнадцать лѣтъ, какъ она ждетъ тебя-не дождется. Возьми-ка ты завтра гусли, сядь на корабль и ступай по морю погулять. Какъ только выѣдешь въ море да заиграешь въ гусли, Царь-дѣвица сейчасъ къ тебѣ будетъ. Только смотри: станетъ тебя сонъ клонить, а ты спать не моги! коли уснёшь, она тебя не добудится и назадъ уѣдетъ. Да еще тебѣ скажемъ: берегись, Василій-царевичъ! заутро смерть тебя ожидаетъ.» — Какая смерть? спрашиваетъ царевичъ. «Твоя мачиха испечетъ на змѣиномъ салѣ три лепёшки и велитъ тебѣ подать; не моги ихъ кушать,

лучше въ карманъ положи—черезъ малое время все зло увѣдаешь.» Какъ сказано, такъ и сдѣлано: взялъ царевичъ лепёшки, положилъ въ карманъ и пошелъ за городскую стѣну; слышитъ—что-то въ карманѣ ползаетъ, сунулъ туда руку и вытащилъ ужа, сунулъ вдругорядь—вытащилъ змѣю, сунулъ въ третій разъ—вытащилъ лягушку. «Правду сказали левъ, змѣй и воронъ; съѣшь я лепёшки — все бы это у меня въ утробѣ народилося!» Ворочается царевичъ домой, беретъ гусли, и говоритъ дядькѣ: «пойдемъ на корабль, поплывемъ—по̀ морю погуляемъ.» Дядька побѣжалъ съ докладомъ къ мачихѣ: «царевичъ де хочетъ гулять по̀ морю, и гусли съ собою беретъ.» Говоритъ ему царица: «вотъ тебѣ мѣдная булавка, воткни ее царевичу въ воротъ кафтана; тогда онъ заснетъ крѣпкимъ сномъ, и кто-бъ ни пришелъ, кто-бы ни пріѣхалъ—ни за что его не разбудитъ!» Дядька взялъ булавку и пошелъ съ царевичемъ на пристань, сѣли на корабль и поѣхали въ открытое море. Василій-царевичъ заигралъ на гусляхъ; услыхала ту игру Царь-дѣвица изъ-за тридевяти земель, подымала шесть полковъ, поспѣшала на свои корабли легкіе и пускалась въ путь — къ Василью-царевичу. Царевичъ завидѣлъ паруса за три версты и возгласилъ дядькѣ: «это чьи корабли плывутъ?»—«А мнѣ почо̀мъ знать?» отвѣчалъ дядька, да тѣмъ временемъ вынулъ булавку и воткнулъ царевичу въ воротъ кафтана. «Ахъ! что-то мнѣ спать хочется», проговорилъ царевичъ, лёгъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вотъ наѣхала Царь-дѣвица, спустила съ своего корабля сходни на корабль Василья-царевича, сошла къ нему, стала его будить-цѣловать, на *поло*тнахъ качать, нѣжныя рѣчи приговаривать; нѣтъ, не могла добудиться. Говоритъ она дядькѣ: «поклонись отъ меня Василью-царевичу, да скажи ему, чтобъ ложился спать съ *вечера*, обо мнѣ не печалился: завтра я опять пріѣду.» Сказала и уѣхала; какъ только отплыла Царь-дѣвица на версту

или на двѣ, дядька видитъ, что теперь до нея голосомъ кричать—не докричаться, рукою махать—не домахаться, взялъ да и выдернулъ булавку. Василій-царевичъ проснулся и сталъ дядькѣ разсказывать: «видѣлось мнѣ во снѣ, будто какая пичужечка вокругъ меня увивалася да такъ-то грустно щебетала, что у меня на душѣ и теперь тошно!» Отвѣчаетъ дядька: «не пичужечка то увивалася — увивалась прекрасная Царь-дѣвица, цѣловала тебя-миловала, на полотнахъ качала, никакъ не могла добудиться; уѣзжая, она приказывала, чтобы ты, доброй молодецъ, ложился спать съ вечера, поутру раненько вставалъ да опять сюда побывалъ.» Василій-царевичъ воротился домой и залёгъ спать съ вечера; только съ горя-со кручины не могъ уснуть крѣпкимъ сномъ; поутру всталъ ранымъ-рано и говоритъ дядькѣ: «поѣдемъ на кораблѣ прогуляться!» Дядька побѣжалъ къ мачихѣ докладывать, что Василій-царевичъ опять на̀ море собирается и беретъ съ собой гусли звонкія. «На̀ тебѣ другую булавку, говоритъ ему царица; сдѣлай нонче тоже самое, что и вчера дѣлалъ.» Дядька взялъ булавку, и пошелъ съ царевичемъ на пристань; сѣли на корабль и поѣхали въ море. Василій-царевичъ заигралъ на гусляхъ да такъ нѣжно, сладко, что̀ и сказать нельзя. Услыхала его игру Царь-дѣвица, не могла усидѣть на мѣстѣ, быстро вскочила и закричала громкимъ голосомъ: «ай вы, корабельщики! подымайте якори желѣзные, распускайте паруса тонкіе, и готовьтесь скорёхонько плыть къ Василью-царевичу: надо его пораньше застать, пока не заснулъ непробуднымъ сномъ.» Понеслись ея корабли по̀ морю, словно птицы быстролётныя; за три версты увидалъ Василій-царевичъ паруса бѣлые, и спросилъ у дядьки: «это чьи корабли плывутъ?» —А мнѣ почо̀мъ знать! отвѣчалъ дядька, вынулъ булавочку и воткнулъ царевичу въ воротъ кафтана. Начала дрёма одолѣвать Василья-царевича, умылся онъ водою холодною—думалъ

какъ-нибудь разгуляться! нѣтъ таки, не стерпѣлъ доброй молодецъ, повалился на палубу и заснулъ мертвымъ сномъ. Пріѣхала Царь-дѣвица, спустила сходни на корабль Василья-царевича, сошла къ нему, начала его будить-цѣловать, на полотнахъ качать; царевичъ спитъ - не пробуждается. Принялась на него брызгать, обливать холодной водою: авось проснется! нѣтъ, ничего не помогаетъ. Царь-дѣвица написала письмецо, положила царевичу на бѣлую грудь, ушла на свой корабль и поѣхала назадъ; а въ томъ письмецѣ было написано: «прощай, Василій-царевичъ! не ожидай меня въ третій разъ; кто меня любитъ, тотъ самъ найдетъ!» Какъ только отъѣхала Царь-дѣвица, а дядька увидалъ, что до нея крикомъ не докричаться, рукою не домахаться—тотчасъ взялъ да и выдернулъ булавку; Василій-царевичъ проснулся и говоритъ: «что̀-бъ это значило? во второй разъ мнѣ привидѣлось, будто какая пичужечка вокругъ меня долго увивалася.» Отвѣчаетъ дядька: «не пичужечка то увивалася, увивалась прекрасная Царь-дѣвица, цѣловала тебя-миловала, на полотнахъ качала, холодной водой обливала, никакъ не могла добудиться.»—А что у меня на груди за бумага? «Это она письмецо написала.» Василій-царевичъ раскрылъ письмецо, прочиталъ и слезно заплакалъ: «правду говорили мнѣ левъ, змѣй и воронъ, чтобъ я отъ сна воздержался; да видно—чему быть, того не миновать!» Приходитъ онъ домой въ сердца̀хъ великихъ, беретъ ружье въ бѣлыя руки и идетъ въ зеленой садъ горе размыкать. На любимой его яблонѣ сидитъ чорной воронъ да каркаетъ: «каръ-каръ, Василій-царевичъ! не послушался ты, не съумѣлъ отъ сна воздержаться — вотъ теперь и пѣняй на себя!» —Какъ, думаетъ царевичъ, ужь и птица надо мной смѣяться стала! тотчасъ навёлъ ружье, спустилъ курокъ и обломилъ ворону правое крыло. Еще тошнѣй у него на душѣ стало, вышелъ въ чистое поле, шелъ-шелъ, и попался ему пастухъ съ

табуномъ лошадей. «Богъ помочь тебѣ стадо пасти!» говоритъ Василій-царевичъ — Добро жаловать, Василій-царевичъ! «А ты какъ меня знаешь?»—Какъ-же мнѣ не знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лѣтъ въ пастухахъ служилъ. Зовутъ меня Ивашка-бѣлая рубашка, сорочинская шапка; допреждe того былъ я первымъ воеводою, да отецъ твой разгнѣвался и за провинокъ сослалъ меня въ пастухи. «Не вѣдаешь ли ты, Ивашка-бѣлая рубашка, коня по мнѣ? Если выищешь мнѣ добраго коня, я тебя по-вѣкъ не забуду, и коли буду во времени — опять первымъ воеводою сдѣлаю.» Говоритъ ему Ивашка: «не посмотря твоей силы, нельзя тебѣ и коня указать. Вонъ стоитъ ракитовой кустъ, попробуй—выдерни его съ корнемъ.» Василій-царевичъ ухватился за кустъ и выдернулъ его съ корнемъ—подъ тѣмъ кустомъ лежитъ мечъ-кладенецъ, боевая палица и вся богатырская збруя: узда въ три пуда, сѣдло въ двадцать пять пудовъ, боевая палица въ полтораста пудовъ. «Ну, царевичъ! дожидай меня здѣсь, говоритъ Ивашка-бѣлая рубашка, сорочинская шапка; поутру пригоню я стадо конинoe, впереди всѣхъ кобылица будетъ, а вслѣдъ за ней жеребецъ; кинутся они въ воду и поплывутъ далеко-далеко, а какъ солнышко съ полудня своротитъ да свалитъ жаръ, станетъ тотъ жеребецъ выгонять кобылицу въ зеленые луга. Втѣпоры смотри, не зѣвай: только ступитъ жеребецъ нà берегъ, тотчасъ и бей его промеждỳ ушей своей палицей.» Сказано—сдѣлано. На другой день выждалъ Василій-царевичъ удобной часъ, ударилъ жеребца боевой палицей промеждỳ ушей — жеребецъ на колѣни палъ; зауздалъ его доброй мòлодецъ уздой трехпудовою, надѣлъ на него сѣдельце черкасское и сѣлъ верхомъ. Какъ очнулся жеребецъ отъ удара богатырскаго, какъ понёсъ Василья-царевича по доламъ, по лугамъ, по высокимъ горамъ! трое сутокъ носилъ безъ роздыху, и не потъ съ коня, алая кровь капаетъ. Возгла-

силъ тутъ доброй конь человѣчьимъ голосомъ: «гой еси, Василій-царевичъ! отпусти меня погулять три зари утреннія; въ синёмъ морѣ я искупаюся, на росѣ поваляюся, и буду я твой вѣрной слуга.» Царевичъ отпустилъ коня; конь погулялъ три дня и воротился такимъ сильнымъ и бодрымъ, что̀ лучше того и не видано, и не слыхано. Сѣлъ Василій-царевичъ на коня и поѣхалъ за тридевять земель, въ тридесятое государство; долго ли, коротко ли—пріѣзжаетъ онъ въ царство львиное. Говоритъ царь-левъ: «эй, мои дѣтки семеры! берите вилы желѣзныя, подставляйте подъ мои очи старыя, дайте мнѣ посмотрѣть на добраго мо̀лодца.» Посмотрѣлъ, узналъ его и обрадовался: «добро жаловать, Василій-царевичъ! за твою услугу великую гости у меня, сколько надобно.» Накормилъ его, напоилъ, спать положилъ, а на утро въ путь-дорогу снарядилъ. Вотъ царевичъ ѣхалъ-ѣхалъ, и пріѣзжаетъ въ змѣиное царство; царь-змѣй обрадовался, ласково гостя встрѣтилъ и ласково проводилъ. Поѣхалъ царевичъ дальше — въ во̀роново царство. Встрѣчаетъ его царь-во̀ронъ и говоритъ: «хорошъ молодѐцъ! за что-про что обломилъ крыло у моего братца родимаго? За такой провинокъ надо-бъ съ тебя голову снять; да ужь такъ и быть — смертнымъ страхомъ отдѣлайся.» Взялъ-посадилъ царевича на крылья, полетѣлъ на синё море и сбросилъ его въ самую глубь. Василій-царевичъ упалъ-окунулся въ воду, и какъ скоро вынырнулъ — царь-во̀ронъ подхватилъ его и вынесъ на сушу: «поѣзжай теперь, куда вѣдаешь!» Опять сѣлъ на коня Василій-царевичъ, собирается дальше путь держать. Говоритъ ему доброй конь: «крѣпче держись, Василій-царевичъ! надо въ три часа, въ три минуточки поспѣть въ тридесятое царство. Подъ то царство подступилъ Иванъ-русской богатырь, рожа шитая, носъ плетёной, языкъ строчоной, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспѣемъ туда въ три часа, въ три мину-

точки, то возьметъ онъ Царь-дѣвицу за себя.» Пріѣхалъ Василій-царевичъ къ тридесятому царству, мимо Ивана-русскаго богатыря проскакалъ, словно мо̀ланьей просвѣтилъ; разъѣзжались они на двадцать верстъ, припускали, коней на встрѣчу, какъ ударились боевыми палицами — ажно громъ загремѣлъ! Бились-бились, никто не осилѣетъ; пріустали добрые витязи и условились дать другъ другу перемирье на три дня. Василій-царевичъ разбилъ шатёръ, лёгъ на отдыхъ и заснулъ крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ. Третьи сутки на исходѣ, а онъ все спитъ. Сталъ его будить доброй конь: «гой еси, Василій-царевичъ! не время спать, время вставать, съ Ивномъ-русскимъ богатыремъ бой начинать.» Разъѣзжались витязи на тридцать верстъ, разгоняли коней на встрѣчу, бились-бились—ни тотъ, ни другой не осилѣетъ; взяли перемирье еще на три дня. Царевичъ лёгъ въ шатрѣ и опять уснулъ. Третьи сутки на исходѣ, будитъ его доброй конь: «гой еси, Василій-царевичъ! полно спать, время вставать, Ивану-русскому богатырю голову сымать.» Вскакивалъ Василій-царевичъ, сѣдлалъ своего жеребца на̀скоро, подпруги подтягивалъ на̀туго— не для бодрости, а для крѣпости; ѣдетъ онъ, подъ нимъ конь пляшетъ, а Иванъ-русской богатырь ѣдетъ, подъ нимъ конь слезно плачетъ. Разъѣзжались они на пятьдесятъ верстъ, припускали коней на встрѣчу, какъ ударились—земля задрожала! Иванъ-русской богатырь промахъ далъ, не сдержалъ въ рукѣ боевую палицу, пала она остріемъ на̀земь и ушла въ глубину на три са̀жени; а Василій-царевичъ угодилъ его коню—прямо въ грудь, посадилъ того коня задомъ на сырую землю, самому Ивану-богатырю снялъ буйную голову. «Теперь путь мнѣ, доброму мо̀лодцу, не заказанъ; возьму-ка я гусли звончатыя да пойду въ любимой садъ Царь-дѣвицы.» Взялъ гусли, пришелъ въ садъ и заигралъ такъ нѣжно да сладко, что̀ и сказать нельзя! Услыхала ту игру Царь-дѣви-

ца, зоветъ своихъ нянюшекъ мамушекъ, даетъ имъ портретъ Василья-царевича, и посылаетъ въ свой любимой садъ: «бѣгомъ бѣгите, хорошенько разглядите, не пріѣхалъ ли Василій-царевичъ? не онъ ли въ саду на гусляхъ играетъ?» Нянюшки-мамушки побѣжали, посмотрѣли, съ портретомъ сличили, вернулись къ Царь-дѣвицѣ и докладываютъ: «нѣтъ, то не Василій-царевичъ на гусляхъ играетъ; хоть и схожъ на него, а все не онъ — Василій-царевичъ куда прекраснѣе!» Отвѣчаетъ имъ Царь-дѣвица: «ахъ вы, глупыя-неразумныя! вѣдь царевичъ теперь отъ великихъ трудовъ изнурился, оттого и портретъ не приходится.» Бросилась сама въ садъ, тотчасъ узнала своего сýженаго, брала его за руки бѣлыя и вела въ свои терема высокіе. Обвѣнчались они, отпраздновали свадьбу и поѣхали въ государство Василья-царевича. Мачиху и дядьку приказалъ царевичъ на воротахъ разстрѣлять, а самъ съ молодой женою сталъ жить-поживать, добра наживать.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

14.

ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ. [1]

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ купецъ съ купчихою; у него было двое дѣтей: сынъ и дочь; дочь была такая красавица, что̀ не вздумать, не взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать. Пришло время—заболѣла купчиха и померла; а вскорѣ послѣ того захворалъ и купецъ, да такъ сильно, что не чаетъ и выздоровѣть. Призвалъ онъ дѣтей и

[1]) См. вып. VII, № 19.

сталъ имъ наказывать: «дѣти мои милыя! скоро я бѣлой свѣтъ покину, ужь смерть за плечами стоитъ. Благословляю васъ всѣмъ моимъ добромъ; живите послѣ меня дружно и честно; ты, дочка, почитай своего брата, какъ отца роднаго, а ты, сынокъ, люби сестру, какъ мать родную.» Вслѣдъ затѣмъ купецъ померъ; дѣти похоронили его и остались одни жить. Все у нихъ идетъ ладно и любовно, всякое дѣло сообща дѣлаютъ. Пожили они эдакъ нѣсколько времени, и вздумалось купеческому сыну: «что я все дома живу? ни я людей, ни меня люди не знаютъ; лучше оставлю сестру — пусть одна хозяйничаетъ, да пойду въ военную службу. Коли Богъ дастъ счастья, да живъ буду — лѣтъ черезъ десять заслужу себѣ чинъ; тогда мнѣ отъ всѣхъ почётъ!» Призвалъ онъ свою сестру и говоритъ ей: «прощай, сестрица! я иду своею охотою служить Богу и великому государю.» Купеческая дочь горько заплакала: «Богъ съ тобой, братецъ! и не думала, и не гадала, что ты меня одну покинешь!» Тутъ они простились, помѣнялись своими портретами и обѣщались завсегда другъ друга помнить-не забывать. Купеческой сынъ опредѣлился въ солдаты и попалъ въ гвардію; служитъ онъ мѣсяцъ, другой и третій, вотъ ужь и годъ на исходѣ, а какъ былъ онъ доброй молодецъ собой статной, разумной да грамотной, то начальство скоро его узнало и полюбило. Не прошло и двухъ лѣтъ, произвели его въ прапорщики, а тамъ и пошли чины за чинами. Дослужился купеческой сынъ до полковника, сталъ извѣстенъ всей царской фамиліи; царь его жаловалъ, а царевичъ просто души въ немъ не чаялъ: называлъ своимъ другомъ и зачастую ѣздилъ къ нему въ гости погулять побесѣдовать. Въ одно время случилось царевичу быть у полковника въ спальнѣ, увидалъ онъ на стѣнѣ портретъ красной дѣвицы, такъ и ахнулъ отъ изумленія: «неужли, думаетъ, есть гдѣ-нибудь на бѣломъ свѣтѣ такая красавица?» Смотрѣлъ-

смотрѣлъ, и влюбился въ этотъ портретъ безъ памяти. «Послушай, говоритъ онъ полковнику, чей это портретъ?» — Моей родной сестры, ваше высочество! «Хороша твоя сестра! хоть сейчасъ бы на ней женился. Да подожди, улучу счастливую минутку, признаюсь во всемъ батюшкѣ и стану просить, чтобъ позволилъ мнѣ взять ее за себя въ супружество.» Съ той поры еще въ бо̀льшей чести сталъ купеческой сынъ у царевича: на всѣхъ смотрахъ и ученьяхъ кому выговоръ, кому арестъ, а ему завсегда благодарность. Вотъ другіе полковники и генералы удивляются: «что̀-бъ это значило? изъ простаго званія, чуть-чуть не изъ мужиковъ, а теперь почитай первой любимецъ у царевича! какъ-бы раздружить эту дружбу?» Стали развѣдывать, и по времени разузнали всю подноготную. «Ладно, говоритъ одинъ завистливой генералъ, недолго ему быть первымъ любимцемъ, скоро будетъ послѣднимъ прохвостомъ! Не я буду, коли его ни выгонятъ со службы съ волчьимъ паспортомъ!» Надумавшись, пошелъ генералъ къ государю въ отпускъ проситься: надо де по своимъ дѣламъ съѣздить; взялъ отпускъ и поѣхалъ въ тотъ самой городъ, гдѣ проживала полковничья сестра. Присталъ къ подгороднему мужику на дворъ и сталъ его разспрашивать: «послушай, мужичокъ! скажи мнѣ правду истинную: какъ живетъ такая-то купеческая дочь? принимаетъ ли къ себѣ гостей и съ кѣмъ знается? Скажешь правду, деньгами награжу.» — Не возьму грѣха на̀ душу, отвѣчалъ мужикъ, не могу ни въ чемъ ее покорить; худыхъ дѣлъ за нею не водится. Какъ жила прежде съ братомъ, такъ и теперь живетъ — тихо да скромно; все больше дома сидитъ, рѣдко куда выѣзжаетъ — развѣ въ большіе праздники въ церковь божію. А собой разумница да такая красавица, что̀ кажись другой подобной и въ свѣтѣ нѣтъ! — Вотъ генералъ выждалъ время, и наканунѣ большаго годоваго праздника, какъ толь-

ко зазвонили ко всеношной и купеческая дочь отправилась въ церковь, онъ приказалъ заложить лошадей, сѣлъ въ коляску и покатилъ къ ней прямо въ домъ. Подъѣхалъ къ крыльцу, выскочилъ изъ коляски, взбѣжалъ по лѣстницѣ и спрашиваетъ: «что сестра дома?» Люди приняли его за купеческаго сына; хоть на лицо и не схожъ, да они давно его не видали, а тутъ пріѣхалъ онъ вечеромъ, впотьмахъ, въ военной одёжѣ — какъ обманъ признать? Называютъ его по имени, по отечеству, и говорятъ: «нѣтъ, сестрица ваша ко всеношной ушла.» — Ну, я ее подожду; проведите меня къ ней въ спальню и подайте свѣчу. Вошелъ въ спальню, глянулъ туда сюда, видитъ—на столикѣ лежитъ перчатка, а рядомъ съ ней имянное кольцо купеческой дочери, схватилъ это кольцо и перчатку, сунулъ въ карманъ, и говоритъ: «ахъ, какъ давно не видалъ я сестрицы! сердце не терпитъ, хочется сейчасъ съ ней поздороваться; лучше я самъ въ церковь поѣду.» А самъ на умѣ держитъ: «какъ-бы поскорѣй отсюда убраться, не ровёнъ часъ — застанетъ! бѣда моя!» Выбѣжалъ генералъ на крыльцо, сѣлъ въ коляску и укатилъ изъ города. Приходитъ купеческая дочь отъ всеношной; прислуга ее и спрашиваетъ: «что видѣли братца?» — Какого братца? «Да что въ полку служитъ! онъ въ отпускъ выпросился, на побывку домой пріѣхалъ.» — Гдѣ же онъ? «Былъ здѣсь, подождалъ-подождалъ, да вздумалъ въ церковь ѣхать: смерть, говоритъ, хочется поскорѣй сестрицу повидать!» — Нѣтъ, въ церкви его не было; развѣ куда въ другое мѣсто заѣхалъ... Ждётъ купеческая дочь своего брата часъ, другой, третій; всю ночь прождала, а объ немъ ни слуху, ни вѣсти. «Что бы это значило? думаетъ она; ужь не воръ ли какой сюда заходилъ?» Стала приглядываться — такъ и есть! золотое кольцо пропало да одной перчатки нигдѣ не видно.

Вотъ генералъ воротился изъ отпуска въ столичной городъ, и на другой день вмѣстѣ съ другими начальниками явился къ царевичу. Царевичъ вышелъ, поздоровался, отдалъ имъ приказы и велѣлъ по своимъ мѣстамъ идти. Всѣ разошлись, одинъ генералъ остался: «ваше высочество! позвольте, говоритъ, секретъ разсказать.»—Хорошо, сказывай! «Слухъ носится, что ваше высочество задумали на полковничьей сестрѣ жениться; такъ смѣю доложить: она того не заслуживаетъ.»—Отчего такъ? «Да ужь поведенья больно зазорнаго: всѣмъ на шею такъ и вѣшается! Былъ я въ томъ городѣ, гдѣ она живетъ, и самъ прельстился—съ нею грѣхъ сотворилъ.» — Да ты врёшь! «Никакъ нѣтъ! вотъ не угодно-ль взглянуть? она дала мнѣ на память свое имянное колечко да пару перчатокъ; одну-то перчатку я на дорогѣ потерялъ, а другая цѣла...» Царевичъ тотчасъ послалъ за купеческимъ сыномъ-полковникомъ и разсказалъ ему все дѣло. Купеческой сынъ отвѣчалъ царевичу: «я головой отвѣчаю, что это неправда! позвольте мнѣ, ваше высочество, домой поѣхать и разузнать, какъ и что тамъ дѣлается. Если генералъ правду сказалъ, то не велите щадить ни меня, ни сестры; а если онъ оклеветалъ, то прикажите его казнить.»—Быть по сему! поѣзжай съ Богомъ. Купеческой сынъ взялъ отпускъ и поѣхалъ домой, а генералу нарочно сказали, что царевичъ его съ глазъ своихъ прогналъ. Пріѣзжаетъ купеческой сынъ на родину, кого ни спроситъ—всѣ его сестрой не нахвалятся. Увидался съ сестрою; она ему обрадовалась, кинулась на шею и стала спрашивать: «братецъ! самъ ли ты пріѣзжалъ ко мнѣ вотъ тогда-то, али какой воръ подъ твоимъ именемъ являлся?» Разсказала ему все подробно: «еще тогда, говоритъ, пропала у меня перчатка съ имяннымъ моимъ кольцомъ.» — А! теперь я догадываюсь; это генералъ схитрилъ! Ну, сестрица, завтра я назадъ поѣду; а недѣли черезъ двѣ и ты вслѣдъ за мной поѣзжай въ

столицу. Въ такой-то день и часъ будетъ у насъ большой разводъ на площади; ты будь тамъ непремѣнно къ этому сроку и явись прямо къ царевичу. Сказано—сдѣлано. Въ назначенной день собрались войска на площадь, прiѣхалъ и царевичъ; только было хотѣлъ разводъ дѣлать, вдругъ прикатила на площадь коляска, изъ коляски вышла дѣвица красоты неописанной и прямо къ царевичу, пала на колѣни, залилась слезами и говоритъ: «я сестра вашего полковника! прошу у васъ суда съ такимъ-то генераломъ, за что онъ меня опорочилъ?» Царевичъ позвалъ генерала: «знаешь ты эту дѣвицу? она на тебя жалуется.» Генералъ вытаращилъ глаза: «помилуйте, говоритъ, ваше высочество! я ее знать не знаю, въ первой разъ въ глаза вижу.»—Какъ-же ты мнѣ самъ сказывалъ, что она тебѣ перчатки и золотое кольцо подарила? Значитъ, ты эти вещи укралъ? Тутъ купеческая дочь разсказала царевичу, какъ пропали у ней изъ дому кольцо и одна перчатка, а другую перчатку воръ не примѣтилъ и не захватилъ: «вотъ она —не угодно-ль сличить?» Сличили обѣ перчатки—какъ разъ пара! Нечего дѣлать, генералъ повинился, и за ту провинность осудили его и повѣсили. А царевичъ поѣхалъ къ отцу, выпросилъ разрѣшенiе и женился на купеческой дочери, и стали они счастливо жить-поживать да добра наживать.

15.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА [1]).

На морѣ на окiянѣ, на островѣ-на Буянѣ стояла небольшая, ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха.

[1]) См. вып. VII, № 28.

Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ сѣть и сталъ ходить на̀ море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть и показалось ему такъ тяжело, такъ тяжело, какъ доселева никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотритъ, а сѣть пуста: всего-на̀всего одна рыбка попалась, за то рыбка не простая — золотая. Возмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: «не бери меня, старичокъ! пусти лучше въ синё море; я тебѣ сама пригожусь: что̀ пожелаешь, то и сдѣлаю.» Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: «мнѣ ничего отъ тебя не надобно; ступай-гуляй въ морѣ!» Бросилъ золотую рыбку въ воду и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха: «много ли поймалъ, старикъ?» — Да всего-на̀всего одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она возмолилась: отпусти, говорила, въ синё море; я тебѣ у(въ) пригоду стану: что̀ пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, нѐ взялъ съ нея выкупу, даромъ на волю пустилъ. «Ахъ ты, старой чортъ! попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владать не съумѣлъ.» Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему спокоя: «хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что̀ жрать-то станешь?» Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на̀ море и крикнулъ громкимъ голосомъ: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.» Рыбка приплыла къ берегу: «что тебѣ, старикъ, надо?» — Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала. «Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь.» Воротился старикъ: «ну что, старуха, есть хлѣбъ?» — Хлѣба-то вдоволь; да вотъ бѣда: корыто раскололось, нѐ въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала. Пошелъ старикъ на̀ море: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.» Приплыла золотая рыбка: «что тебѣ надо, ста-

рикъ?»—Старуха прислала, новое корыто проситъ. «Хорошо, будетъ у васъ и корыто.» Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: «ступай, говоритъ, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила; въ нашей жить нельзя, того и смотри, чтò развалится!» Пошелъ старикъ нà море: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.» Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ, и спрашиваетъ: «что тебѣ, старикъ, надо?»—Построй намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ спокою; не хочу, говоритъ, жить въ старой избушкѣ: она—того и смотри—вся развалится! «Не тужи, старикъ! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.» Воротился старикъ — на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзными узорами. Выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается: «ахъ ты, старой пёсъ! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и чай думаешь—дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись.» Пошелъ старикъ нà море, говоритъ громкимъ голосомъ: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.» Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: «что тебѣ, старикъ, надо?» Отвѣчаетъ старикъ: «не даетъ мнѣ старуха спокою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой. «Хорошо, не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.» Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменной домъ стоитъ, въ три этажа выстроенъ; пò двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучатъ, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказы отдаетъ. «Здравствуй, жена!» говоритъ старикъ. — Ахъ ты, невѣжа эдакой! какъ смѣлъ обозвать меня воеводиху своею женою? Эй, люди! взять

этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьми, какъ можно, больнѣе. Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетьми, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобъ дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику; цѣлой день дворъ убирай, а чуть гдѣ нечисто — сейчасъ на конюшню! «Экая вѣдьма! думаетъ старикъ; далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась; ужь и за мужа меня не считаетъ!» Ни много, ни мало прошло времени; придокучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: «ступай, старой чортъ, къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.» Пошелъ старикъ на море: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.» Приплыла золотая рыбка: «что тебѣ, старикъ, надо?» — Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею. «Не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.» Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокой дворецъ стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ — зеленой лугъ; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами, и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, солдаты «ура» кричатъ! Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухѣ быть царицею, велѣла розыскать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: «какой-такой старикъ?» Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. «Слушай, старой чортъ! говоритъ ему старуха; ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть

морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались.» Старикъ было отнѣкиваться; куда тебѣ! коли не пойдешь—голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на̀ море, пришелъ и говоритъ: «рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.» Золотой рыбки нѣтъ, какъ нѣтъ! Зоветъ старикъ въ другой разъ—опять нѣту! Зоветъ въ третій разъ—вдругъ море зашумѣло, взволновалося: то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу: «что тебѣ, старикъ, надо?»—Старуха еще пуще вздурилася: ужь не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать. Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить по прежнему; старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

16.

РАЗСКАЗЫ О ВѢДЬМАХЪ. [1]

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этого царя былъ сынъ. Когда царевичъ сталъ на возрастѣ, отецъ его женилъ; но жена его не любила: начиналъ ли онъ къ своей женѣ ласкаться, она сейчасъ его отталкивала. Царевичъ часто жаловался на нее своему отцу,

[1]) См. вып. VII, № 36.

и наконецъ сталъ съ горя проситься по чужимъ землямъ странствовать. Отецъ позволилъ. Вотъ онъ осѣдлалъ своего добраго коня и отправился въ путь-дорогу; долго ли, коротко ли — прiѣзжаетъ въ одно отдаленное государство. Тамошнiй царь увидалъ Ивана-царевича, обласкалъ его, и сталъ говорить: «послушай, Иванъ-царевичъ! будь мнѣ братъ, сослужи мнѣ службу: вызываетъ меня сосѣднiй король на войну, такъ помоги своей силою!» Иванъ-царевичъ не отказался, и какъ утро настало — оба они отправились на войну. Иванъ-царевичъ побилъ все непрiятельское войско и самого короля въ плѣнъ взялъ. Послѣ бою, воротившись домой, царь его угостилъ-уподчивалъ, и положилъ спать на свою постель. Только царевичъ улёгся и сталъ засыпàть, вдругъ прилетѣла колпица, сняла перья — сдѣлалась дѣвица; будитъ его, сама приговариваетъ: «возлюбленной мой царь! аль не хочешь для меня проснуться да поговорить со мной? Мой мужъ Ванька въ чистое поле уѣхалъ, ужь его давно собаки разорвали!» Не успѣла она рѣчь скончать, какъ Иванъ-царевичъ узналъ въ ней свою жену, вскочилъ съ постели, махнулъ мечемъ и отрубилъ ей правую руку. Вскрикнула она, обратилась колпицею и улетѣла домой. Долго ли, коротко ли — воротился Иванъ-царевичъ въ свое государство, и спрашиваетъ: «гдѣ моя жена?» Отецъ говоритъ: «дома.» — А коли дома, пусть ко мнѣ выйдетъ. Вышла она объ одной рукѣ. Иванъ-царевичъ *разс*казалъ отцу, отчего у ней рука отрублена; тотчасъ-же велѣлъ ее на воротахъ разстрѣлять, а самъ послѣ на другой женился.

(Записана въ архангельской губернiи, шенкурскомъ уѣздѣ.)

ѣ. Жила-была старуха — страшная колдунья, у нея были дочь да внучка. Пришло время помирать старухѣ: призываетъ

къ себѣ свою дочь и такъ наказываетъ: «смотри, дочка! какъ я помру — ты не обмывай мое тѣло теплою водицею, а возьми котёлъ, вскипяти самаго крутаго [1]) кипятку да тѣмъ кипяткомъ и ошпарь всеё меня.» Послѣ этого полежала колдунья хворою дня два-три и померла. Дочь побѣжала по сусѣдямъ съ просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а въ избѣ осталась одна малая внучка, и видится ей: вылѣзли вдругъ изъ-подъ печки два чорта — большой да крохотной, подбѣжали къ мертвой колдуньѣ; старой чортъ схватилъ ее за̀ ноги, какъ дёрнулъ — сразу всю шкуру сорвалъ! и говоритъ чертёнку: «возьми себѣ мясо, тащи подъ печку!» Чертёнокъ подхватилъ мясо въ охапку и унёсъ подъ печь. Оставалась одна старухина шкура; старой чортъ залѣзъ въ эту шкуру и лёгъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежала колдунья. Вотъ воротилась дочь, привела съ собой съ десятокъ бабъ, и принялись онѣ убирать покойницу. «Мама! говоритъ дѣвочка, а безъ тебя съ бабушки шкуру стащили.» — Что ты врёшь? «Право, мама! вылѣзъ изъ-подъ печки такой чорной-чорной, содралъ шкуру, да самъ въ нее и залѣзъ.»—Молчи, негодная! ишь что выдумала! закричала старухина дочь, принесла большой котёлъ, налила холодной воды, поставила въ печь и нагрѣла крутаго кипятку; потомъ подняли бабы старуху, положили въ корыто, взялись за котёлъ и разомъ весь кипятокъ на нее вылили. Чортъ не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ корыта, бросился въ дверь — и пропалъ совсѣмъ съ шкурою. Бабы смотрятъ: что за чудо? была покойница, да и нѣтъ ее! ни убирать, ни хоронить некого; въ глазахъ черти унесли!

[1]) Горячаго.

17.

ЦАРЕВНА-СѢРА УТИЦА. [1])

Жилъ царь съ царицею, у нихъ были дѣти: сынъ да дочь; сына звали Дмитрій-царевичъ, а дочь—Марья-царевна. Были приставлены къ царевнѣ и няньки, и мамки, и ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только братъ и умѣлъ это сдѣлать; бывало прійдетъ къ ея кроваткѣ и начнетъ припѣвать: «баю-баюшки, сестрица! баю-баюшки, родная! выростешь большая, отдамъ тебя замужъ — за Ивана-царевича.» Она закроетъ глазки и заснетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, собрался Дмитрій-царевичъ и поѣхалъ въ гости къ Ивану-царевичу; прогостилъ тамъ три мѣсяца — много играли, много гуляли; сталъ уѣзжать и зоветъ къ себѣ Ивана-царевича. «Хорошо, говоритъ, пріѣду!» Воротился домой, взялъ портретъ своей сестры и повѣсилъ надъ своею постелью, и такъ хороша была царевна, что все бы смотрѣлъ на ея портретъ: глазъ оторвать невозможно! Нежданно, негаданно пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ Дмитрію-царевичу, входитъ въ его комнату, а онъ спитъ себѣ крѣпкимъ сномъ. Увидалъ Иванъ-царевичъ портретъ Марьи-царевны—и въ ту-жъ минуту влюбился въ нее, выхватилъ свой мечъ и занёсъ на ея брата. Богъ не попустилъ грѣха, словно что̀ толкнуло Дмитрія-царевича—вмигъ проснулся и спрашиваетъ: «что ты дѣлать хочешь?» — Хочу тебя убить! «За что, Иванъ-царевичъ?» — Вѣдь это портретъ твоей невѣсты? «Нѣтъ, моей сестры Марьи царевны.»—Ахъ, что же ты мнѣ *никогда* объ ней не сказывалъ! я теперь жить безъ нея не могу! «Ну, что-жъ! женись на сестрѣ, будемъ братьями.» Иванъ-царевичъ бросился обнимать Дмитрія-царевича. Тутъ

[1]) См. вып. IV, № 46; вып. VII, № 27.

они и поладили, по рукамъ ударили. Иванъ-царевичъ домой уѣхалъ — къ свадьбѣ готовиться; а Дмитрій-царевичъ сталъ собираться съ своею сестрицею въ путь-дорогу, къ жениху въ гости. Снарядили два корабля: въ одномъ братъ плыветъ, въ другомъ сестра плыветъ, а при ней нянька съ дочкою. Вотъ какъ выѣхали корабли посерёдъ моря синяго, нянька и говоритъ Марьѣ царевнѣ: «скинь съ себя драгоцѣнное платье, да ложись на перину — тебѣ спокойнѣй будетъ!» Царевна скинула платье, и только легла на перину — нянька ударила ее слегка по бѣлому тѣлу, и сдѣлалась Марья-царевна сѣрой утицею, взвилась-полетѣла съ корабля на синё море. А нянька нарядила свою дочь въ царевнино платье, сидятъ обѣ да величаются. Пріѣхали въ землю Ивана-царевича; онъ тотчасъ выбѣжалъ на встрѣчу и портретъ Марьи-царевны съ собой захватилъ; смотритъ, а невѣста далеко на тотъ портретъ не похожа! Разгнѣвался на Дмитрія-царевича, велѣлъ посадить его въ темницу, въ день давать ему по куску чорстваго хлѣба да по стакану воды; кругомъ были часовые приставлены, и наказано имъ на́строго никого не пускать къ заключеннику. Приходитъ время къ полуночи, стала сѣра утица съ моря подыматься, полетѣла къ родимому братцу — все царство собой осіяла: крыльями машетъ, а съ нихъ словно жаръ сыпится! подлетѣла къ темницѣ да прямо въ окошечко, крылушки на гвоздикъ повѣсила, а сама къ брату пошла: «родимой мой братецъ, Дмитрій-царевичъ! тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть; а мнѣ, братецъ, тошнѣе того по синю морю плавать! Згубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоцѣнное платье — нарядила въ него свою дочку.» Братецъ съ сестрицею поплакали, погоревали вмѣстѣ; раннимъ утромъ улетѣла сѣра утица на синё море. Докладываютъ Ивану-царевичу: «такъ и такъ, прилетала къ заключеннику сѣра утица — все царство

собой осіяла!» Приказалъ онъ, чтобъ сейчасъ дали ему знать, какъ скоро та утица опять прилетитъ. Вотъ подходитъ время къ полуночи; вдругъ море заколыхалося, поднялась съ него сѣра утица, полетѣла — все царство собой освѣтила, крылушками машетъ, а съ нихъ словно жаръ сыпится. Прилетѣла къ темницѣ, крылушки свои на окнѣ оставила, а сама къ брату пошла. Тотчасъ-же разбудили Ивана-царевича, онъ побѣжалъ къ темницѣ, смотритъ: на окнѣ лежатъ крылушки, взялъ и велѣлъ ихъ на огнѣ спалить; а самъ приложилъ ухо да слушаетъ — про что говорятъ братецъ съ сестрицею. «Родимой мой братецъ! говоритъ Марья царевна, тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть; а мнѣ тошнѣе того по синю морю плавать! Згубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоцѣнное платье — нарядила въ него свою дочку... Ахъ, братецъ, что-то гарью пахнетъ!»—Нѣтъ, сестрица! я ничего не слышу. Иванъ-царевичъ отворилъ темницу, входитъ туда — Марья-царевна въ ту-жъ минуту бросилась къ окошечку, видитъ: крылушки ея до половины обожжены; тутъ ухватилъ ее Иванъ-царевичъ за бѣлыя руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иванъ-царевичъ не пугается, изъ рукъ ее не пущаетъ... Вотъ наконецъ она веретеномъ обратилась; царевичъ переломилъ веретено нáдвое, одинъ конецъ бросилъ впередъ, а другой назадъ, и говоритъ: «стань передо мной красна дѣвица, а за мной бѣлая береза!» Стала позади его бѣлая береза, а передъ нимъ явилась Марья-царевна во всей своей красотѣ. Иванъ царевичъ выпросилъ себѣ прощеніе у Димитрія-царевича, и всѣ трое во дворецъ пошли; а на другой день была свадьба: Иванъ-царевичъ женился на Марьѣ царевнѣ; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку съ дочкою отослали въ такое мѣсто, чтобъ объ нихъ ни слуху, ни духу не было!

18.

КОРОЛЕВИЧЪ И ДЯДЬКА [1]).

Жилъ былъ король, у него былъ сынъ-подростокъ. Королевичъ былъ всѣмъ хорошъ—и лицомъ, и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ-бы лишній барышъ взять да побольше оброку сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами. «Стой, старикъ! откудова ты?»—Родомъ изъ такой-то деревни, батюшка! а нынѣ служу у мужика-лѣшаго. «А какъ вы звѣрей ловите?»—Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы [2]), звѣрь глупъ — и попадётъ. «Ну слушай, старикъ! я тебя виномъ напою, и денегъ дамъ; укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите?» Старикъ соблазнился и указалъ. Король тотчасъ-же велѣлъ лѣшаго-мужика поймать и въ желѣзной столбъ заковать, а въ его заповѣдныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлалъ. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошечко поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вышелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣрными служанками погулять по саду; идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричитъ ему: «королевское дитя! выпусти меня; я тебѣ самъ пригожусь.» — Да какъ-же я тебя выпущу? «А пойди къ своей матери и скажи ей: матушка моя любезная! поищи у меня вшей въ головкѣ. Да головку-та положь къ ней на колѣни; она станетъ у тебя въ головѣ искать, а ты улучи минуту, вытащи ключъ у ней изъ кармана, да меня и выпусти.» [3]) Королевичъ такъ и сдѣлалъ; вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣ-

[1]) См. вып. V, № 37. — [2]) Сѣти, ловушки. — [3]) *Вар.* «Пойди къ матери и заплачь горькими слезами; будетъ она тебя по головушкѣ гладить, ты у ней ключъ изъ кармана и выкради.»

жалъ въ садъ, сдѣлалъ себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустилъ ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжалися; въ это время королевичъ отпёръ желѣзной столбъ и высвободилъ мужика-лѣшаго.

Пошелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы! Видитъ король, что звѣри больше не попадаются, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала, мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ: голову ли ей на плахѣ снять, али въ ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взгоревался король, что ему съ сыномъ дѣлать? — Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденные, на всѣ вьюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку [1]).

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говоритъ королевичъ дядькѣ: «ступай за водою!» — Не йду! отвѣчаетъ дядька. Пошли дальше, шли-шли — опять колодезь. «Ступай, принеси воды! мнѣ пить хочется», проситъ дядьку королевской сынъ въ другой разъ. — Не йду! говоритъ дядька. Вотъ еще шли-шли — попадается третій колодезь;

[1]) *Варіантъ*: Былъ-жилъ король, у него былъ одинъ сынъ Иванъ-королевичъ: сталъ онъ на возрастѣ, собралъ своихъ сверстниковъ и началъ съ ними погуливать и шутить шутки нехорошія: кого за руку ухватитъ — рука прочь! кого за голову — голова прочь! Пришли бояре и купцы и всякіе люди къ королю съ жалобами. Король только руками хлопнулъ: «экая напасть! говоритъ, одинъ блинъ, да и тотъ комомъ!» Созвалъ генераловъ и сенаторовъ: «куда мнѣ сына дѣвать? въ крѣпость посадить или повѣсить?» — Ваше королевское величество! отвѣчаютъ генералы и сенаторы; царскихъ сѣмянъ (т. е. дѣтей) не бьютъ, не куютъ, а на божью волю пускаютъ. (Записано въ архангельской губерніи.)

дядька опять не йдетъ, и пошелъ за водою самъ королевичъ. Спустился въ колодезь, а дядька захлопнулъ его крышкою и говоритъ: «не выпущу! будь ты слугой, а я—королевичемъ.» Нечего дѣлать, королевичъ согласился и далъ ему въ томъ росписку своей кровью; потомъ помѣнялись они платьями и отправились дальше.

Вотъ пришли они въ иное государство; идутъ къ царю во дворецъ—дядька впереди, а королевичъ позади. Сталъ дядька жить у того царя въ гостяхъ, и ѣстъ и пьетъ съ нимъ за единымъ столомъ. Говоритъ онъ ему: «ваше царское величество! возьмите моего слугу хоть на кухню.» Взяли королевича на кухню, заставляютъ его дрова носить, кострюли чистить. Немного прошло времени — выучился королевичъ готовить кушанье лучше царскихъ поваровъ. Узналъ про то государь, полюбилъ его и сталъ дарить золотомъ. Поварамъ показалось обидно, и стали они искать случая, какъ-бы извести его. Вотъ одинъ разъ сдѣлалъ королевичъ пирогъ и поставилъ въ печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирогъ. Сѣлъ царь обѣдать; подаютъ пирогъ, царь только было за ножъ взялся, какъ бѣжитъ главной поваръ: «ваше величество! не извольте кушать.» И насказалъ на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалѣлъ своей любимой собаки, отрѣзалъ кусокъ пирога и бросилъ наземь; собака съѣла да тутъ-же издохла. Призвалъ государь королевича, закричалъ на него грознымъ голосомъ: «какъ ты смѣлъ съ отравой пирогъ изготовить? сейчасъ велю тебя казнить лютою казнію!» — Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше величество! отвѣчаетъ королевичъ; видно, поварамъ въ обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня подъ отвѣтъ подвели. Царь его помиловалъ, велѣлъ конюхомъ быть.

Повёлъ королевичъ коней на водопой, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: «здорово, королевской сынъ! пойдемъ ко мнѣ

въ гости.» — Боюсь, кони разбѣгутся. «Ничего, пойдемъ!» Изба тутъ-же очутилась. У лѣшаго-мужика три дочери; спрашиваетъ онъ старшую: «а что̀ ты присудишь королевскому сыну за то, что меня изъ желѣзнаго столба выпустилъ?» Дочь говоритъ: «дамъ ему скатерть-самобранку.» Вышелъ королевичъ отъ лѣшаго-мужика съ подаркомъ, смотритъ — кони всѣ на лицо; развернулъ скатерть — чего хочешь, того просишь: и питье, и ѣда! На другой день гонитъ онъ царскихъ коней на водопой, а мужикъ-лѣшій опять на встрѣчу: «пойдемъ ко мнѣ въ гости!» Привелъ, и спрашиваетъ середнюю дочь: «а ты что королевскому сыну присудишь?» — Я ему подарю зеркальцо: что̀ захочешь, все въ зеркальцѣ увидишь! [1]) На третій день опять попадается королевичу мужикъ-лѣшій, ведетъ къ себѣ въ гости и спрашиваетъ меньшую дочь: «а ты что королевскому сыну присудишь?» — Я ему подарю дудочку — только къ губамъ приложи, сейчасъ явятся и музыканты, и пѣсельники. Весело стало жить королевскому сыну: ѣстъ-пьетъ хорошо, все знаетъ-все вѣдаетъ, музыка цѣлой день гремитъ. Чего лучше? А кони-то, кони-то! чудо да и только: и сыты, и статны, и на̀ ногу рѣзвы. Началъ царь хвалиться своей любимой дочери, что послалъ ему Господь славнаго конюха. А прекрасная царевна и сама давнымъ-давно конюха заприметила; да какъ и не замѣтить красной дѣвицѣ добра мо̀лодца! Любопытно стало царевнѣ: отчего у новаго конюха лошади и рѣзвѣе, и статнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ? «Дай, думаетъ, пойду въ его горницу, посмотрю: какъ онъ бѣдняжка поживаетъ?» А ужь извѣстно: чего баба захочетъ, то и сдѣлаетъ. Улучила время, когда королевичъ на водопой коней погналъ, пришла въ его гор-

[1]) *Вар.* Я ему подарю перстень: ночью и свѣчей зажигать не надобно — такъ свѣтитъ!

ницу, и какъ глянула въ зеркальцо—тотчасъ все смекнула, и унесла съ собой и скатерть-самобранку, и зеркальцо, и дудочку.

Въ это время случилась у царя бѣда: наступилъ на его царство семиглавый Идолище, проситъ себѣ царевну въ замужество; «а если не выдадутъ, такъ и силой возьму!» сказалъ онъ и разставилъ свое войско — тьму тьмущую. Плохо пришлось царю; дѣлаетъ онъ кличъ по всему своему царству, сзываетъ князей и богатырей: кто изъ нихъ побѣдитъ Идолища семиглаваго, тому обѣщаетъ дать половину царства и въ добавокъ дочь въ замужество. Вотъ собрались князья и богатыри, поѣхали сражаться противъ Идолища; отправился и дядька съ царскимъ войскомъ. И нашъ конюхъ сѣлъ на кобылу сиву и потащился вслѣдъ за другими. Ѣдетъ, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: «куда ты, королевской сынъ?»—Воевать. «Да на клячѣ далеко не уѣдешь! а еще конюхъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости.» Привелъ въ свою избу, налилъ ему стаканъ водки. Королевичъ выпилъ. «Много-ль въ себѣ силы чувствуешь?» спрашиваетъ мужикъ-лѣшій. — Да еслибъ была палица въ пятьдесятъ пудовъ, я-бъ ее вверхъ подбросилъ да свою голову подставилъ, а удара и не почуялъ бы! Далъ ему другой стаканъ выпить: «а теперь много ли силы?»—Да еслибъ была палица во сто пудовъ, я бъ ее выше облаковъ подбросилъ. Налилъ ему третій стаканъ: «а теперь какова твоя сила?» —Да если бы утвердить столбъ отъ земли до неба, я бы всю вселенную повернулъ! Мужикъ-лѣшій нацѣдилъ водки изъ другаго крану и подалъ королевичу; королевичъ выпилъ—и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть. Послѣ вывелъ его мужикъ-лѣшій на крыльцо, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: отколь ни взялся — вороной конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ-подъ копытъ искры сыплются. Прибѣжалъ къ крыльцу и палъ на

колѣнки. «Вотъ тебѣ конь!» Далъ ему еще палицу-буявицу да плеть шелковую. Выѣхалъ королевичъ на своемъ ворономъ конѣ супротивъ рати непріятельской; смотритъ, а дядька его на березу взлѣзъ, сидитъ да отъ страху трясется. Королевичъ стегнулъ его плёткою разъ-другой и полетѣлъ на вражее воинство; много народу мечемъ прирубилъ, еще больше конемъ притопталъ, самому Идолищу семь головъ снёсъ. А царевна все это видѣла; не утерпѣла, чтобъ не посмотрѣть въ зеркальцо, кому она достанется. Тотчасъ выѣхала на встрѣчу, спрашиваетъ королевича: «чѣмъ себя поблагодарить велишь?»—Поцѣлуй меня, красна дѣвица! Царевна не устыдилася, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня — и былъ таковъ! вернулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ разсказываетъ: «это я былъ, я Идолище побѣдилъ!» Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, сговорилъ за него свою дочь и задалъ великой пиръ. Только царевна не будь глупа—возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемитъ. Какъ быть, что дѣлать нарѣченному зятю? «Батюшка! говоритъ онъ царю, дай мнѣ корабль, я поѣду за лѣкарствами для своей невѣсты; да прикажи и конюху со мной ѣхать: я вить больно къ нему привыкъ!» Царь послушался, далъ ему и корабль и конюха. Вотъ *они* и поѣхали, близко ли, далеко-ль отплыли—дядька приказалъ сшить куль, посадить въ него конюха и пустить въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ — бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужь мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ. «Мужичокъ! помоги моему горю; злой дядька королевича утопилъ.» — Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! приложи-ка сама къ нему бѣлыя ручки. Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытя-

щила королевича и повезла съ собою; а дома все до̀чиста отцу разсказала. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку; у царя ни медъ варить, ни вино курить — всего вдоволь! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно: духомъ [1]) его на воротахъ разстрѣляли. Свадьба королевича была веселая; всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простаго народа безденежно. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

19.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО. [2])

Одинъ молодой промышленникъ остался зимовать на Грумантѣ. Каждой вечеръ ложился онъ въ своей гальётѣ и игралъ въ гусли, и какъ только заиграетъ—слышно было, что кто-то невидимкой передъ нимъ пляшетъ—только платье шумитъ. Захотѣлось ему увидать: кто такой пляшетъ? однако что̀ ни дѣлалъ, какъ ни ухитрялся — все даромъ! Разсказалъ про это диво своему товарищу. «Эхъ, пріятель! сказалъ ему товарищъ, да ты возьми сальну свѣчку, зажги и накрой ее черепкомъ, а самъ лягъ на койку и заиграй въ гусли; коли опять невидимка плясать станетъ — ты въ ту-же минуту открой свѣчку: ну, тогда и увидишь, кто пляшетъ!» Парень поблагодарилъ товарища за совѣтъ, вечеромъ пошелъ на гальёту и какъ сказано — такъ и сдѣлалъ: взялъ свѣчку, зажогъ и покрылъ черепкомъ, а самъ заигралъ въ гусли. Прислу-

[1]) Быстро, скоро. — [2]) См. вып. V, № 48.

шался — опять кто то пляшетъ подъ его музыку, только платье шумитъ! Открылъ огонь — а передъ нимъ дѣвица красоты неописанной. «Ну, доброй молодецъ! сказала она; догадался ты меня подсмотрѣть, буду-жъ я тебя любить по правдѣ.» Съ той самой поры зачала она приходить къ нему каждой вечеръ, и жили они въ любви цѣлыхъ три года. Подъ конецъ третьяго года говоритъ парню дѣвица: «ну, милой другъ! недолго осталось намъ съ тобою въ любви жить; приходитъ время совсѣмъ разставаться...» — Отчего такъ? «Да вишь, отдаютъ меня замужъ въ Питеръ, подъ калиновой мостъ, за чорта.» — Какъ за чорта! тебѣ что за дѣло до нечистой силы, али ты сама такая-жъ чертовка? «Нѣтъ, я родилась въ большомъ, славномъ городѣ; отецъ у меня былъ богатой купецъ; а попала я къ нечистымъ отъ того, что отецъ меня проклялъ. Какъ была я малыхъ лѣтъ, подавала ему въ одинъ жаркой день стаканъ меду, да нечаянно и уронила стаканъ на полъ; отецъ осерчалъ, прикрикнулъ на меня: экая дурища безрукая! хоть бы чортъ тебя взялъ! Только вымолвилъ онъ это слово — въ ту-жъ минуту очутилась я въ морской глубинѣ, въ каменномъ домѣ, у чертей подъ началомъ.» Попрощалась красная дѣвица съ парнемъ, и даетъ ему ширинку узорчатую: «возьми, говоритъ, сама вышивала; когда станешь ты по мнѣ скучать, найдетъ на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку — тебѣ веселѣй будетъ!» Остался доброй молодецъ одинъ, и какъ только прійдетъ ему на мысли прежняя любовь—тяжко ему сдѣлается, хоть руки на себя наложи! возьметъ онъ ширинку, взглянетъ—и тоска пройдетъ. Протекло съ годъ времени; сказалъ онъ про ту ширинку своему товарищу, а тотъ и укралъ ее. Съ этой самой поры началъ парень тосковать, да съ горя запоемъ пить, и до того дошелъ, что совсѣмъ пропился. «Пойду, говоритъ, въ Питеръ на калиновой мостъ и брошусь въ воду; за одно про-

падать!» Пришелъ на калиновой мостъ и бросился въ воду. Въ ту-жъ минуту очутился онъ въ подводномъ царствѣ: кругомъ — зеленыя поля, сады и рощи. Идетъ дальше — стоитъ большой каменной домъ; въ окно смотритъ купеческая дочь, увидала его и кричитъ: «эй, милой! приворачивай сюда; я здѣсь живу.» Выбѣжала къ нему на встрѣчу: «здравствуй, голубчикъ! давно тебя не видала; ужь и видѣть-то не чаяла!» Начала его цѣловать-миловать, всякими закусками и напитками угощать; а послѣ спрятала его въ особую горницу, и говоритъ: «скоро мой мужъ прійдетъ и громкимъ голосомъ закричитъ: русакъ! зачѣмъ пришелъ? Ты разъ промолчи, и въ другой промолчи, а какъ въ третій разъ вскричитъ, ты ему отвѣчай: а что̀ въ зыбкѣ у тебя, то мое! Онъ станетъ тебѣ за ребёнка давать сто рублевъ — ты молчи, станетъ давать двѣсти — все молчи; а какъ закричитъ съ сердца: что, русакъ, молчишь? возьми триста рублевъ, тутъ ты и скажи: кабы жару кулёкъ — я бы взялъ!» Только успѣли разговоръ покончить, какъ пришелъ нечистой и громко закричалъ: «русакъ! зачѣмъ пришелъ?» Парень молчитъ; нечистой въ другой разъ еще громче закричалъ — тотъ все молчитъ; а на третій спросъ говоритъ: «что̀ въ зыбкѣ у тебя, то мое! хочу съ собой унести.» — Не уноси, братъ; возьми сто рублевъ! Русакъ молчитъ. «Возьми двѣсти!» Опять молчитъ. Нечистой осерчалъ: «что-жъ ты молчишь? хочешь триста рублевъ?» — Нѣтъ, не хочу; кабы жару кулёкъ — я бы взялъ, и то съ такимъ уговоромъ, чтобъ ты меня съ тѣмъ кулькомъ на Русь вынесъ. Чортъ тотчасъ притащилъ кулёкъ жару, посадилъ парня къ себѣ на плеча, и говоритъ ему: «закрой глаза!» Парень закрылъ глаза, и нечистой вихремъ вынесъ его на святую Русь: очутился доброй мо̀лодецъ опять на калиновомъ мосту, а подлѣ него кулёкъ съ золотомъ. Вотъ такъ-то разбогатѣлъ онъ, женился на хорошей дѣвицѣ и зажилъ себѣ

счастливо; а кабы польстился онъ на деньги—чортъ навѣрно обманулъ бы его: вмѣсто денегъ насыпалъ бы конскаго помёту и всякой дряни.

(Записана въ архангельской губерніи.)

20.

ТРИ КОПѢЕЧКИ. [1]

Жилъ-былъ мальчикъ-сиротинка, кормиться нечѣмъ, пошелъ къ богатому мужику и нанялся въ работники: въ годъ за одну копѣечку порядился. Цѣлой годъ работалъ, получилъ копѣйку, приходитъ къ колодезю и бросаетъ ее въ воду: «коли не потонетъ, такъ возьму! значитъ, я вѣрно служилъ хозяину!» Копѣечка потонула. Остался на другой годъ въ работникахъ, опять получилъ копѣйку, бросилъ ее въ колодезь — опять потонула. Остался на третій годъ; работалъ-работалъ, пришло время къ разсчету; хозяинъ даетъ ему рубль. «Нѣтъ, говоритъ сиротинка, мнѣ твоего не надобно; давай копѣечку!» Получилъ копѣечку, бросилъ ее въ колодезь, смотритъ—всѣ три копѣечки поверхъ воды плаваютъ; взялъ ихъ и пошелъ въ городъ. Идетъ по улицѣ, а малые ребятишки поймали котёнка и мучаютъ. Жалко ему стало: «продайте мнѣ, ребятки, этого котёнка.» — Купи! «Что возьмете?» — Давай три монетки. Вотъ сиротинка купилъ котёнка и нанялся къ купцу въ лавкѣ сидѣть; пошла у того купца торговля на диво: товару напастись не можетъ, покупщики живо все разбираютъ. Собрался купецъ за̀ море, снарядилъ корабль, и говоритъ сиротинкѣ: «дай мнѣ своего

[1] См. вып. V, № 32.

котика, пусть наораблѣ мышей ловитъ да меня забавляетъ.»—Пожалуй, хозяинъ! возьми; только коли загубишь, я съ тебя дешево не возьму... Пріѣзжаетъ купецъ въ чужестранное государство и остановился на постояломъ дворѣ. Хозяинъ запримѣтилъ, что у него денегъ-то много, и отвелъ ему такую комнату, гдѣ мышей да крысъ видимо-невидимо водилось: «пусть де его совсѣмъ съѣдятъ, мнѣ деньги достанутся!» А въ томъ государствѣ про кошекъ и не вѣдали, а мышь да крыса всѣхъ крѣпко одолѣвала. Купецъ пошелъ спать и котика съ собой взялъ; поутру хозяинъ входитъ въ эту комнату—купецъ живёхонекъ, держитъ въ рукахъ котика, гладитъ по шёрсткѣ; котикъ мурлыкаетъ да пѣсенки распѣваетъ; а на полу цѣлой ворохъ мышей да крысъ надавлено! «Господинъ купецъ! продай мнѣ этого звѣрька», говоритъ хозяинъ.—Купи. «Что возьмешь?»—Да недорого: на заднія лапки звѣрька поставлю, за переднія подниму, засыпь его кругомъ золотомъ—съ меня и того довольно! Хозяинъ согласился; купецъ отдалъ ему котика, забралъ цѣлой мѣшокъ золота, и справивши свои дѣла, поѣхалъ назадъ. Плыветъ онъ пò морю и думаетъ: «что мнѣ отдавать сиротѣ золото? за простаго котика да столько денегъ отдать—жирно будетъ! Нѣтъ, лучше все себѣ возьму.» Только рѣшился на грѣхъ, вдругъ и поднялась буря, да такая сильная—вотъ-вотъ корабль потонетъ! «Ахъ, я окаянной! на чужое польстился. Господи, прости меня грѣшнаго! не копѣйки не утаю.» Сталъ купецъ молитву творить—и тотчасъ вѣтры стихли, море успокоилось и приплылъ корабль благополучно къ пристани. «Здравствуй, хозяинъ! говоритъ сиротинка; а гдѣ мой котикъ?»—Продалъ, отвѣчаетъ купецъ; вотъ твои деньги, бери всѣ сполна. Сиротинка взялъ мѣшокъ съ золотомъ, распрощался съ купцомъ и пошелъ на взморье къ корабельщикамъ; сторговалъ у нихъ за свое золото цѣлой корабль ладону, свалилъ ладонъ на берегу и зажогъ во славу

божію: пошло по всему царству благоуханіе, и явился вдругъ старичокъ: «чего хочешь, спрашиваетъ сиротинку, богатства или жену добрую?»—Не знаю, старичокъ! «Ну, ступай ты въ поле; тамъ три брата землю пашутъ; спроси у нихъ, что тебѣ скажутъ.» Пошелъ сиротинка въ поле; видитъ—мужики землю пашутъ: «помогай Богъ!»—Спасибо, доброй человѣкъ! что тебѣ надо? «Послалъ меня старикъ, велѣлъ спросить у васъ, чего пожелать мнѣ: богатства, али доброй жены?»—Спроси у большаго брата; вонъ на той телегѣ сидитъ. Подходитъ сиротинка къ телегѣ и видитъ ребёнка малаго—какъ-бы трёхлѣтка. «Ужли-жъ это старшій братъ!» подумалъ сиротинка, и спрашиваетъ у него: «что повелишь мнѣ взять: богатство, али добрую жену?»—Возьми добрую жену! Сиротинка воротился къ старику: «велѣно, говоритъ, жену просить.»—Ну, и ладно! сказалъ старикъ и съ глазъ пропалъ. Сиротинка оглянулся, а возлѣ него стоитъ красавица. «Здравствуй, доброй мо̀лодецъ! я, говоритъ, твоя жена; пойдемъ искать мѣста, гдѣ бы можно жить намъ.» Пришли они въ деревню и нанялись работа̀ть у одного помѣщика. Баринъ какъ увидалъ эдакую красоту, сейчасъ въ нее влюбился и задумалъ, какъ-бы извести ея мужа.... (Конецъ такой-же, какъ въ сказкѣ: «Мудрая жена». [1])

21.

ДОБРОЕ СЛОВО. [2])

Жилъ-былъ Иванъ Несчастной: куда не пойдетъ работа̀ть — другимъ даютъ по рублю да по два, а ему все двугривен-

[1]) См. вып. VII, № 22. — [2]) См. вып. V, № 31.

ной. «Ахъ, говоритъ онъ, али я не такъ уродился, какъ другіе люди? Пойду-ка я къ царю да спрошу: отчего мнѣ счастья нѣтъ?» Вотъ приходитъ къ царю. «Зачѣмъ, братъ, пришелъ?» — Такъ и такъ, разсудите: отчего мнѣ ни въ чемъ счастья нѣтъ?» Царь созвалъ своихъ бояръ и генераловъ, сталъ ихъ спрашивать; они думали-думали, ломали-ломали свои головы, ничего не придумали. А царевна выступила, да и говоритъ отцу: «а я такъ думаю, батюшка: коли его женить, то можетъ и ему Господь пошлетъ иную долю.» Царь разгнѣвался, закричалъ на дочь: «когда ты лучше насъ разсудила, такъ ступай за него замужъ!» Тотчасъ взяли Ивана Несчастнаго, обвѣнчали съ царевною, и выгнали обоихъ вонъ изъ города, чтобъ объ нихъ и помину не было.

Пошли они на взморье. Говоритъ царевна своему мужу: «ну, Иванъ Несчастной! намъ не царевать, не торговать, надо о себѣ промышлять. Сдѣлай-ка ты на этомъ мѣстѣ пустыньку, станемъ жить съ тобой, Богу молиться, да на людей трудиться.» Иванъ Несчастной сдѣлалъ пустыньку, и остался въ ней жить съ молодой женою. На другой день даетъ ему царевна копѣечку: «поди, купи шолку!» Изъ того шолку она важной ковёръ вышила и послала мужа продавать. Идетъ Иванъ Несчастной съ ковромъ въ рукахъ, а на встрѣчу ему старикъ: «что продаешь ковёръ?» — Продаю. «Что просишь?» — Сто рублевъ «Ну, что тебѣ деньги! возьмешь—потеряешь; лучше отдай ковёръ за доброе слово.» — Нѣтъ, старичокъ! я человѣкъ бѣдной, деньги надобны. Старикъ заплатилъ сто рублей; а Иванъ Несчастной пошелъ домой, приходитъ, хвать— денегъ нѣту, дорогою выронилъ. Царевна другой ковёръ сдѣлала; понёсъ Иванъ Несчастной продавать его и опять повстрѣчалъ старика. «Что за ковёръ просишь?» — Двѣсти рублевъ. «Ну, что тебѣ деньги! возьмешь—потеряешь; отдай лучше за доброе слово.» Иванъ Несчастной подумалъ-подумалъ:

«такъ и быть, сказывай!» — Подними руку да не опусти, а сердце скрѣпи! сказалъ старикъ, взялъ ковёръ и ушелъ. «Что-же мнѣ дѣлать теперь съ этимъ добрымъ словомъ? какъ покажусь къ женѣ съ пустыми руками? думаетъ Иванъ Несчастной; лучше пойду—куда глаза глядятъ!»

Шелъ-шелъ, далеко зашелъ, и услышалъ, что въ той землѣ двѣнадцатиглавой змѣй людей пожираетъ; сѣлъ Иванъ Несчастной на дорогѣ—отдохнуть вздумалъ, и говоритъ самъ съ собой вслухъ: «эхма! будь у меня деньги, съумѣлъ бы я съ этимъ змѣемъ справиться; а теперь что? — безъ денегъ и разума нѣтъ!» [1]) Шелъ мимо купецъ, услыхалъ эти рѣчи, что безъ денегъ и разума нѣтъ; «а что? думаетъ, вить и правда! дай-ка я ему помогу.»—Сколько тебѣ, спрашиваетъ, денегъ надобно? «Дай пятьсотъ рублевъ.» Купецъ далъ ему взаймы пятьсотъ рублевъ, а Иванъ Несчастной бросился на пристань, нанялъ работниковъ и началъ корабль строить. Издержалъ всѣ деньги, а дѣло еще въ началѣ; какъ быть? Пошелъ къ купцу: «давай, говоритъ, еще пятьсотъ; не то работа остановится и твои деньги задармà пропадутъ!» Купецъ далъ ему другія пятьсотъ рублевъ; онъ и тѣ въ корабль всадилъ, а дѣло еще на половинѣ. Опять приходитъ Иванъ Несчастной къ купцу: «давай, говоритъ, еще тысячу; не то работа остановится и твои деньги задармà пропадутъ!» Купецъ хоть не радъ, а далъ ему тысячу. Иванъ Несчастной выстроилъ корабль, нагрузилъ его угольемъ, забралъ съ собой кирки, лопатки, мѣха, рабочихъ людей, и поплылъ въ открытое море.

Долго ли, коротко ли—приплываетъ онъ къ тому острову, гдѣ было змiиное логовище. Змѣй только что нажрался и залёгъ въ своей норѣ спать. Иванъ Несчастной засыпалъ его кругомъ угольемъ, развелъ огонь и давай раздувать мѣ-

[1]) *Вар.* ума много, да денегъ нѣтъ!

хами: пошелъ великой смрадъ по всему морю! Змѣй лопнулъ... Иванъ Несчастной взялъ тогда острой мечъ, отрубилъ ему всѣ двѣнадцать головъ и въ каждой змѣиной головѣ нашелъ по драгоцѣнному камушку. Вернулся изъ похода, продалъ эти камушки за несчетныя суммы—такъ разбогатѣлъ, что и сказать не можно! Заплатилъ купцу свой долгъ и поѣхалъ къ женѣ. Вотъ пріѣзжаетъ Иванъ Несчастной въ пустыньку и видитъ: жена его живетъ съ двумя мòлодцами, а то были его законные сыновья-близнецы (безъ него родились). Пришла ему въ голову худая мысль, схватилъ онъ острой мечъ и поднялъ на жену руку... Вмигъ припомнилось ему доброе слово: подними руку да не опусти, а сердце скрѣпи! Иванъ Несчастной скрѣпилъ свое сердце, спросилъ царевну про тѣхъ мòлодцевъ, и начался у нихъ пиръ-веселье. На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, калачами заѣдалъ.

(Записана г. Гуськовымъ въ саратовской губерніи.)

22.

ДИВО.

а. Жилъ-былъ рыбакъ. Разъ поѣхалъ онъ на озеро, закинулъ сѣть и вытащилъ щуку; вылѣзъ нà берегъ, развелъ огонёкъ и началъ эту щуку поджаривать: одинъ бокъ поджарилъ, поворотилъ на другой. Вотъ и совсѣмъ готово—только бы съѣсть, а щука какъ прыгнетъ съ огня да прямо въ озеро. «Вотъ диво! говоритъ рыбакъ, жареная рыба опять въ воду ушла...»—Нѣтъ, мужичокъ! отзывается ему щука человѣчьимъ голосомъ; это что за диво! вотъ въ эдакой-то деревнѣ живетъ охотникъ, такъ съ нимъ точно было диво: сходи къ нему, онъ самъ тебѣ скажетъ.» Рыбакъ пошелъ въ деревню, розыскалъ охотника,

поклонился ему: «здравствуй, доброй человѣкъ!»—Здравствуй, землякъ! зачѣмъ пришелъ? «Да вотъ такъ и эдакъ, разскажи: какое съ тобой диво было?»—Слушай, землякъ! Было у меня три сына и ходилъ я съ ними на охоту. Разъ мы цѣлой день охотились и убили три утки; ввечеру пришли въ лѣсъ, развели огонь, ощипали у́токъ и стали варить ихъ къ ужину; сварили и усѣлись было за трапезу. Вдругъ старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мо̀лодцы!—Милости просимъ, старичокъ! Старикъ подсѣлъ, всѣхъ утокъ съѣлъ, да на закуску старшаго сына моего проглотилъ. Остался я съ двумя сыновьями. На другой день встали мы поутру и пошли на охоту; цѣлой день исходили, трехъ утокъ убили, а ввечеру́ развели въ лѣсу огонёкъ и готовимъ ужинъ. Опять старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мо̀лодцы! —Милости просимъ, старичокъ! Онъ сѣлъ, всѣхъ утокъ съѣлъ, да середнимъ сыномъ закусилъ. Остался я съ однимъ сыномъ; вернулись домой, переспали ночь, а утромъ опять на охоту. Убили мы трехъ утокъ, развели огонёкъ, живо сварили ихъ, и только было ужинать собрались, какъ тотъ-же самой старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мо̀лодцы! — Милости просимъ, старичокъ! Онъ сѣлъ, всѣхъ утокъ съѣлъ, да меньшимъ сыно́мъ закусилъ. Остался я одинъ, какъ пёрстъ; переночевалъ ночь въ лѣсу, на другой день сталъ охотиться и столько настрѣлялъ птицы, что едва домой дотащилъ. Прихожу въ избу, а сыновья мои лежатъ на полатяхъ — всѣ трое живы и здоровы! Рыбакъ выслушалъ и говоритъ: «вотъ это диво, такъ диво!» — Нѣтъ, землякъ! отвѣчаетъ охотникъ; это что за диво! вотъ въ такомъ-то селѣ у такого-то мужика такъ подлинно диво сотворилося; пойди къ нему, самъ узнаешь. Рыбакъ пошелъ въ село, розыскалъ этого мужика, поклонился ему: «здравствуй, дядинька!»— Здравствуй, землякъ! зачѣмъ пришелъ? «Такъ и такъ, разскажи: какое съ тобой диво приключилося?»

—Слушай! говоритъ. Съ молодыхъ лѣтъ моихъ жилъ я съ женою, и что-же? Завела она полюбовника. Мнѣ-то самому и не въ домёкъ это, да люди сказали. Вотъ одинъ разъ собрался я въ лѣсъ за дровами, запрёгъ лошадь, выѣхалъ за околицу; постоялъ съ полчаса времени, вернулся потихоньку и спрятался на дворѣ. Какъ стемнѣло, слышу я, что моя хозяйка съ своимъ другомъ въ избѣ гуляетъ; побѣжалъ въ избу, и только было хотѣлъ проучить жену маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спинѣ и сказала: «доселева былъ ты мужикъ, а теперь стань чорнымъ кобелемъ!» Въ ту-жъ минуту обернулся я собакою; взяла она ухватъ и давай меня возить по бокамъ; била-била и выгнала вонъ. Выбѣжалъ я на улицу, сѣлъ на завалинку и думаю: авось жена опомнится да сдѣлаетъ меня по старому человѣкомъ. Куда тебѣ! сколько ни тёрся я около избы, не могъ дождаться отъ злой бабы милости. Бывало—откроетъ окно да горячимъ кипяткомъ такъ и обдастъ всего, да все норовитъ, какъ-бы въ глаза попасть! а кормить совсѣмъ не кормитъ, хоть съ голоду околѣвай! Нечего дѣлать, побѣжалъ я въ чистое поле; вижу—мужикъ стадо быковъ пасётъ. Присталъ я къ этому стаду, началъ за быками ходить: которой отъ стада отобьется — я сейчасъ пригоню; а волкамъ отъ меня просто житья не стало — ни одного не подпущу. Увидалъ мужикъ мое стараніе, началъ меня кормить и поить, и такъ онъ на меня положился, что не сталъ и за стадомъ ходить: заберется, бывало, въ деревню и гуляетъ себѣ, сколько хочется. Говоритъ ему какъ-то баринъ: «послушай, пастухъ! ты все гуляешь, а скотъ одинъ въ полѣ ходитъ; эдакъ не годится! Пожалуй, воръ прійдетъ, быковъ уведетъ.» — Нѣтъ, баринъ! я на своего пса крѣпко надѣюсь; никого не подпуститъ. «Разсказывай! хочешь, я сейчасъ любаго быка уведу?» — Нѣтъ, не уведешь! Поспорили они, ударились объ закладъ о трехъ стахъ рубляхъ, и отдали деньги за̀ руки. Ба-

ринъ пошелъ въ поле и только за быка — какъ я кинуся, всю одёжу на немъ въ клочки изорвалъ, такъ-таки и не подпустилъ его. Мой хозяинъ получилъ закладъ и съ той поры возлюбилъ меня пуще прежняго: иной разъ самъ не доѣстъ, а меня непремѣнно накормитъ. Прожилъ я у него цѣлое лѣто и захотѣлъ домой побывать: «посмотрю, думаю себѣ, не смилуется ли жена, не сдѣлаетъ ли опять человѣкомъ?» Прибѣжалъ къ избѣ, началъ въ дверь царапаться; выходитъ жена съ палкою, ударила меня по спинѣ и говоритъ: «ну, бѣгалъ ты чорнымъ кобелемъ, а теперь полети дятломъ.» Обернулся я дятломъ и полетѣлъ по лѣсамъ, по рощамъ. Пристигла холодная зима; ѣсть крѣпко хочется, а корму нѣту и достать негдѣ. Забрался я въ одинъ садъ, вижу — стоитъ на деревѣ птичья принада [1]). «Дай полечу въ эту принаду; пусть меня ребятишки поймаютъ, авось кормить станутъ, да въ избѣ и теплѣй зимовать будетъ!» Вскочилъ въ западню, дверцы захлопнуло; взяли меня ребятишки, принесли къ отцу: «посмотри, татя, какого мы дятла поймали!» А ихній отецъ самъ былъ знахарь; тотчасъ узналъ, что я человѣкъ, не птица, вынулъ меня изъ клѣтки, посадилъ на ладонь, дунулъ на меня—и обернулся я по прежнему мужикомъ. Даетъ онъ мнѣ зеленой прутикъ и сказываетъ: «дождись, братъ, вечера и ступай домой, да какъ войдешь въ избу—ударь свою жену этимъ прутикомъ и скажи: была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Взялъ я зеленой прутикъ, прихожу домой вечеромъ, потихохоньку подкрался къ своей хозяйкѣ, ударилъ ее прутикомъ и говорю: «была ты, жена, бабою, а теперь будь *козою!»* Въ ту-жъ минуту сдѣлалась она козою; скрутилъ я ее за рога веревкою, привязалъ въ сараѣ и сталъ кормить ржаною соломою. Такъ цѣлой годъ и держалъ ее на соломѣ;

[1]) Приманка для птицъ, западня.

а потомъ пошелъ къ знахарю: «научи, землякъ, какъ обернуть мою козу бабою.» Онъ далъ мнѣ другой прутикъ: «на, братъ! ударь ее этимъ прутикомъ и скажи: была ты козою, а теперь стань бабою!» Я воротился домой, ударилъ мою козу прутикомъ: «была ты, говорю, козою, а теперь стань бабою!» Обернулась коза бабою; тутъ хозяйка моя бросилась мнѣ въ ноги, стала плакать, просить прощенія, заклялась-забожилась жить со мною по божьему. Съ тѣхъ поръ живемъ мы съ нею благополучно въ любви и согласіи.—Спасибо, сказалъ рыбакъ, это подлинно диво дивное!

Ђ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жила-была старуха; у нея былъ сынъ, занимался охотою, бродилъ по разнымъ мѣстамъ да стрѣлялъ разныхъ птицъ и звѣрей — тѣмъ и себя и мать кормилъ. Въ одно время взялъ онъ ружье, надѣлъ сумку и пошелъ въ поле. Недолго ходилъ, застрѣлилъ зайца, содралъ съ него шкурку и принёсъ матери. Старуха разрубила зайца пополамъ, задокъ зажарила да на столѣ поставила, а передокъ подъ лавку припрятала. Вотъ пока они ѣли задокъ, передокъ-то заячій выскочилъ вонъ изъ избы да ну улепётывать! «Матушка! посмотри-ка, говоритъ мужикъ, экое чудо: мы съ тобой задокъ ѣдимъ, а передокъ въ поле ушелъ!» — Эхъ, дитятко! такое ли чудо бываетъ?

[1]) *Варіантъ:* Пошелъ мужикъ на охоту, забрался въ дремучій лѣсъ, и попадается ему большущій медвѣдь; выстрѣлилъ мужикъ изъ ружья и убилъ медвѣдя наповалъ. Съ утра вышелъ изъ дому, а дорога была дальняя—крѣпко ему ѣсть захотѣлось; вотъ онъ вынулъ ножъ, отрѣзалъ медвѣжью лапу, развёлъ огонь и сталъ варить ее въ походномъ котелкѣ. Вода вскипѣла, обѣдъ поспѣлъ, вынулъ мужикъ хлѣба и только было за ѣду принялся — вдругъ лиса бѣжитъ. Мужикъ схватилъ ружье да за нею, выпалилъ — а лиса увернулась и была такова! «Ну, чортъ съ нею! только даромъ зарядъ потерялъ; пойду-ка лучше, пообѣдаю.» Подходитъ къ старому мѣсту, а возлѣ котелка медвѣдь стоитъ — совсѣмъ живёхонекъ и всѣ лапы цѣлы. «Что за чудо, говоритъ мужикъ, вѣдь звѣрь-то ожилъ!» — Это что за чудо! отвѣчаетъ ему звѣрь; а ты пойди на село...

Ты поди-ка на село да спроси мужика Арефія; вотъ съ нимъ было чудо, такъ чудо! Сынъ всталъ изъ-за стола и пошелъ искать мужика Арефія. Идетъ по дорогѣ и видитъ — сѣдой старикъ землю пашетъ. «Богъ помочь, старичокъ!»—Спасибо! куда идешь, доброй человѣкъ? — «Ищу мужика Арефія; съ нимъ, сказываютъ, чудо было.» — Правда, доброй человѣкъ! Былъ я женатъ; была у меня баба собой красивая, да за то гульливая. Какъ-то я и засталъ ее съ милымъ дружкомъ; а онъ былъ большой колдунъ, ухватилъ плеть, стегнулъ меня и говоритъ: «былъ ты мужикъ, а будь пёсъ поганой!» Обернулъ меня псомъ и выгналъ на дворъ; наутро, слышу я, колдунъ сказываетъ моей женѣ: «знаешь что, Аксинья? зачѣмъ намъ пса кормить? лучше удушить его.» — И то правда! говоритъ баба. А у меня хоть видъ собачій, да умъ человѣчій; какъ почуялъ бѣду, сейчасъ улизнулъ со двора и давай Богъ ноги! Присталъ я къ одному барину, долго служилъ ему вѣрою-правдою, всячески ему угождалъ и разныя штуки выкидывалъ. Заставитъ, бывало, меня баринъ гостей виномъ угощать; а у меня хоть видъ собачій, да умъ человѣчій—стану я на заднія лапы, а въ переднія возьму подносъ съ чарками и стану гостей обносить, а самъ-то кланяюсь. Что тутъ смѣху было! И любилъ же меня хозяинъ: завсегда въ холѣ держалъ и съ своего стола кормилъ. [1]) А все соскучилось. Вздумалъ на жену посмотрѣть. Убѣжалъ отъ барина и пустился въ деревню. Три дня не ѣлъ не пилъ, — все домой спѣшилъ, и

[1]) *Варіантъ:* Однова ѣхали мы съ бариномъ нашею деревнею; захотѣлось мнѣ посмотрѣть, какъ моя жена съ своимъ другомъ поживаетъ. Прибѣжалъ я въ избу. Увидалъ меня колдунъ, ударилъ плетью: «былъ ты, говоритъ пёсъ поганой, а теперь будь воробей!» Сдѣлался я воробьемъ, вылетѣлъ въ окно и присталъ къ другимъ воробьямъ. Лѣтомъ мы въ поляхъ кормились, а зимой повадились летать въ анбаръ къ богатому мужику — въ слуховое окно; а въ анбарѣ было всякаго зерна заготовлено! Тутъ меня изловили... (Конецъ такой-же, какъ въ первомъ спискѣ подъ буквою а.)

пришло мнѣ не въ моготу: такъ на ѣду и позываетъ! Глядь — а на кустѣ чорной воронъ сидитъ. Вотъ я подкрался да и сцапалъ его. Говоритъ мнѣ воронъ человѣчьимъ голосомъ: «не ѣшь меня, отпусти на волю; я самъ тебѣ пригожуся!» Пожалѣлъ я во̀рона, пустилъ его на волю и побѣжалъ дальше. Кое-какъ добрался до деревни, прихожу на свой дворъ, смотрю въ и̂збу: жена возлѣ печки стоитъ да блины печетъ, а колдунъ на лавкѣ сидитъ, да такъ-то ихъ уписываетъ. Увидалъ онъ меня, ухватилъ плеть: «ишь, говоритъ, опять проклятой пёсъ воротился; а ужь я чаялъ—ты совсѣмъ пропалъ!» Да какъ стеганётъ меня плетью: «былъ ты, говоритъ, псомъ, теперь стань чорнымъ ворономъ!» Обернулся я чорнымъ ворономъ, взвился и полетѣлъ въ темный лѣсъ. «Ну, думаю, пришла на меня бѣда хуже первой: жилъ я собакою, завсегда сытъ былъ; а теперь еще какъ-то Богъ пошлетъ! Чего добраго, еще охотникъ изъ ружья пристрѣлитъ!» Вдругъ прилетѣлъ ко мнѣ воронъ и кричитъ: «каръ-каръ! ты меня пожалѣлъ, а я тебя добру научу: полетай назадъ въ свою избу, заберись потихоньку подъ лавку и перекинь плеть черезъ себя—опять человѣкомъ сдѣлаешься; тогда возьми эту плеть и проучи колдуна и свою жену вотъ такъ-то и эдакъ-то.» Тотчасъ снялся я съ дерева и полетѣлъ въ деревню, прилетѣлъ, ударился со всего размаху въ окно, стекло разбилось, а я поскорѣй въ избу. Время было послѣобѣденное, колдунъ съ моею хозяйкою ушли въ клѣть и легли спать; вижу я—въ избѣ пусто, залѣзъ подъ лавку, отыскалъ плеть, ухватилъ ее клювомъ за одинъ конецъ и насилу-насилу черезъ себя перекинулъ: въ ту-жъ минуту обернулся я попрежнему человѣкомъ. Взялъ плеть въ руки и пошелъ расправляться. Колдунъ спитъ, жена храпитъ; вотъ я ударилъ сперва его, и говорю: «былъ ты доброй молодѐцъ, а теперь стань вороной жеребецъ!» Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалось. Послѣ того уда-

рилъ бабу: «была ты, говорю, молодицею, а теперь стань кобылицею!» Глядь—стоитъ передо мной славная пара лошадей: жеребецъ хорошъ, а кобыла и того лучше!.. Съ тѣхъ поръ на этой парѣ я и землю пашу, и въ извозъ хожу. Вотъ оно какое чудо-то бываетъ!

23.

БЕЗНОГОЙ И СЛѢПОЙ БОГАТЫРИ. [1])

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ грозной царь — славенъ во всѣхъ земляхъ, страшенъ всѣмъ королямъ и королевичамъ. Задумалъ царь жениться и отдалъ такой указъ по всѣмъ городамъ и селамъ: «кто найдетъ ему невѣсту краснѣе солнца, яснѣе мѣсяца и бѣлѣе снѣгу, того наградитъ онъ несмѣтнымъ богатствомъ.» Пошла о томъ слава по всему царству; отъ малаго до великаго всѣ судятъ, толкуютъ, а ни единой человѣкъ не вызывается отыскать такую красавицу. Недалеко отъ царскаго дворца стоялъ большой пивовареный заводъ. Собрался какъ-то рабочій народъ и завелъ разговоръ, что вотъ де можно бы много денегъ отъ царя получить, да гдѣ эдакую невѣсту достать! «Да, братцы! говоритъ одинъ мужикъ — по имени Никита Колтома, безъ меня никому не найдти для царя невѣсты; а коли я возьмусь, такъ навѣрно найду!» — Что ты, дурень, разхвастался! гдѣ тебѣ къ чорту это дѣло сдѣлать? Есть люди знатные, богатые — не намъ чета, да и тѣ хвосты прижали! Тебѣ и во снѣ этого не приснится, а не то что на яву... «Да ужь тамъ какъ хотите, а я на себя надѣюсь; сказалъ:

[1]) См. вып. V, № 35.

достану — и достану!» — Эхъ, Никита, не хвались! Самъ вѣдаешь, царь у насъ грозной; за пустую похвальбу велитъ казнить тебя. «Небось, не казнитъ, а деньгами наградитъ!» Тотчасъ доложили эти рѣчи самому царю; царь обрадовался и велѣлъ представить Никиту передъ свои свѣтлыя очи. Набѣжали солдаты, схватили Никиту Колтому и потащили во дворецъ; а товарищи ему вслѣдъ кричатъ: «что, братъ, договорился? ты думаешь — съ царемъ шутки шутить! ну-ка ступай теперь на расправу!» Приводятъ Никиту въ большія палаты; говоритъ ему грозной царь: «ты, Никита, похваляешься, что можешь достать мнѣ невѣсту краше солнца, яснѣй мѣсяца и бѣлѣе снѣгу?» — Могу, ваше величество! «Хорошо, братецъ! коли ты мнѣ заслужишь — награжу тебя казною несмѣтною и поставлю первымъ министромъ; а коли совралъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» — Радъ стараться, ваше величество! прикажите напередъ погулять мнѣ одинъ мѣсяцъ. Царь на это былъ согласенъ и далъ Никитѣ открытой листъ за своимъ подписомъ, чтобы во всѣхъ трактирахъ и харчевняхъ отпущали ему безденежно всякіе напитки и кушанья. Никита Колтома пошелъ по столицѣ гулять: въ какой трактиръ ни зайдетъ — только покажетъ открытой листъ, тотчасъ несутъ ему все, чего душа требуетъ. Гулнетъ онъ день, два и три, гуляетъ недѣлю, и другую, и третью; вотъ и срокъ вышелъ. Время къ царю являться; попрощался Никита съ своими пріятелями, приходитъ во дворецъ и проситъ у царя собрать ему двѣнадцать добрыхъ мѡлодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ и голосъ въ голосъ, да приготовить еще тринадцать бѣлотканныхъ шатровъ съ золотыми узорами. У царя живо готово: вмигъ собраны мѡлодцы и шатры подѣланы «Ну, ваше величество! говоритъ Никита; теперь собирайтесь да поѣдемте за невѣстою.» Осѣдлали они своихъ добрыхъ коней, навьючили шатры; послѣ того отслужили напут-

ственной молебенъ, простились съ градскими жителями, сѣли на коней и поскакали — только пыль столбомъ! Ѣдутъ день, и два, и три — стоитъ въ чистомъ полѣ кузница. Говоритъ Никита: «поѣзжайте съ Богомъ прямо, а я пока забѣгу въ кузницу да закурю трубку.» Входитъ въ кузницу, а въ ней пятьнадцать кузнецовъ желѣзо куютъ, молотами постукиваютъ. «Богъ помочь, братцы!» — Спасибо, доброй человѣкъ!» Сдѣлайте мнѣ прутъ въ пятьнадцать пудъ.» — Сдѣлать-то мы не прочь, да кто станетъ желѣзо поворачивать? Пятьнадцать пудъ — не шутка! «Ничего, братцы! вы бейте молотами, а я стану поворачивать.» Кузнецы принялись за работу и сковали желѣзной прутъ въ пятьнадцать пудъ. Никита взялъ этотъ прутъ, вышелъ въ поле, подбросилъ его вверхъ на пятьнадцать сажо̀нъ и подставилъ свою руку: желѣзной прутъ упалъ ему на̀ руку, богатырской крѣпости не выдержалъ — пополамъ переломился. Никита Колтома заплатилъ кузнецамъ за труды, бросилъ имъ изломанной прутъ и уѣхалъ. Нагоняетъ своихъ товарищей; ѣдутъ они еще три дня — опять стоитъ въ чистомъ полѣ кузница. «Поѣзжайте впередъ, а я зайду въ кузницу», говоритъ Никита. Вошелъ въ кузницу, а въ ней двадцать пять кузнецовъ желѣзо куютъ, молотами постукиваютъ. «Богъ помочь, ребята!» — Спасибо, доброй человѣкъ! «Скуйте мнѣ прутъ въ двадцать пять пудъ.» — Сковать—неважное дѣло, да гдѣ тотъ силачъ, что̀ столько желѣза ворочать будетъ? «Я самъ буду ворочать.» Взялъ онъ двадцать пять пудъ желѣза, раскалилъ до̀красна и сталъ на наковальнѣ поворачивать, а кузнецы знай молотами бьютъ. Сдѣлали прутъ въ двадцать пять пудъ. Никита взялъ тотъ желѣзной прутъ, вышелъ въ поле, подкинулъ его вверхъ на двадцать пять сажо̀нъ и подставилъ свою руку. Прутъ ударился о богатырскую руку и разломился на̀двое. «Нѣтъ, не годится!» сказалъ Никита, заплатилъ за работу, сѣлъ на коня и уѣхалъ.

Нагоняетъ своихъ товарищей. Ѣдутъ они день, другой и третій — опять стоитъ въ чистомъ полѣ кузница. Говоритъ Никита товарищамъ: «поѣзжайте впередъ, а я зайду въ кузницу — трубку закурю.» Вошелъ въ кузницу, а въ ней пятьдесятъ кузнецовъ старика мучаютъ: на наковальнѣ сѣдой старикъ лежитъ, десять человѣкъ держатъ его клещами за̀ бороду, а сорокъ молотами по бокамъ осаживаютъ. «Братцы, помилуйте! кричитъ старикъ во весь голосъ; отпустите душу на покаяніе!» —Богъ помочь! говоритъ Никита. «Спасибо, доброй человѣкъ!» отвѣчаютъ кузнецы. «За что вы старика мучаете?» — А вотъ за что: долженъ онъ намъ всѣмъ по рублю, да не отдаетъ; какъже не бить его? «Экой несчастной! думаетъ Никита; за пятьдесятъ рублевъ да эдакую казнь принимаетъ.» И говоритъ кузнецамъ: «послушайте, братцы! я вамъ за него плательщикъ, отпустите старика на волю.» — Изволь, доброй человѣкъ! для насъ все равно — съ кого ни получить, лишь бы деньги были. Никита Колтома вынулъ пятьдесятъ рублевъ; кузнецы взяли деньги и только выпустили старика изъ желѣзныхъ клещей — какъ онъ въ ту же минуту съ глазъ пропалъ! Смотритъ Никита: «да куда же онъ дѣвался?» — Вона! ищи его теперь, говорятъ кузнецы; вѣдь онъ — колдунъ! Заказалъ Никита сковать желѣзной прутъ въ пятьдесятъ пудъ; взялъ его, подбросилъ вверхъ на пятьдесятъ сажо̀нъ и подставилъ свою руку: прутъ выдержалъ, не изломался. «Вотъ этотъ годится!» сказалъ Никита, и поѣхалъ догонять товарищей. Вдругъ слышитъ позади себя голосъ: «Никита Колтома, постой!» Оглянулся назадъ и видитъ — бѣжитъ къ нему тотъ самой старикъ, котораго онъ отъ казни выкупилъ. «Спасибо тебѣ, доброй человѣкъ! говоритъ старикъ, что ты меня отъ злой му̀ки избавилъ. Вѣдь я ровно тридцать лѣтъ терпѣлъ эдакое горе! Вотъ тебѣ на память подарокъ: возьми—пригодится.» И даетъ ему шапку-невидимку: «только надѣнь на̀ голову—ни-

кто тебя не увидитъ!» Никита взялъ шапку-невидимку, поблагодарилъ старика и поскакалъ дальше. Нагналъ своихъ товарищей, и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли—подъѣзжаютъ они къ одному дворцу. Кругомъ тотъ дворецъ обнесенъ высокою желѣзною оградою: ни войдти на дворъ, ни въѣхать добрымъ мо̀лодцамъ. Говоритъ грозной царь: «ну, братъ Никита! вить дальше вамъ ходу нѣтъ.» Отвѣчаетъ Никита Колтома: «какъ не быть ходу, ваше величество! я всю вселенную изойду, а вамъ невѣсту найду. Эта*я* ограда намъ не у̀держа... Ну-ка, ребята! ломайте ограду, дѣлайте воро̀та на широкой дворъ.» Добрые мо̀лодцы послѣзали съ коней, принялись за ограду, только что̀ ни дѣлали — не могли сломать: стоитъ ограда, не рушится. «Эхъ, братцы! говоритъ Никита, всѣ-то вы мелко плаваете, нечего на васъ мнѣ надѣяться, приходится самому хлопотать.» Соскочилъ Никита съ своего коня, подошелъ къ оградѣ, ухватился богатырскими руками за рѣшотку, дёрнулъ разъ—и повалилъ всю ограду на̀земь. Въѣхали грозной царь и добрые мо̀лодцы на широкой дворъ, и тамъ на зеленомъ лугу разбили свои шатры бѣлотканные съ золотыми узорами; закусили чѣмъ Богъ послалъ, легли спать и съ устатку [1]) заснули крѣпкимъ сномъ. Всѣмъ по шатру досталося; только нѣтъ шатра Никитѣ Колтомѣ. Отыскалъ онъ три рогожи дырявыя, сдѣлалъ себѣ шалашъ, лёгъ на голой землѣ, а спать не спитъ, дожидается что̀ будетъ. На зарѣ на утренней проснулась въ своемъ теремѣ царевна Елена Прекрасная, выглянула въ косящетое окошечко и усмотрѣла: стоятъ на зеленомъ лугу тринадцать бѣлотканныхъ шатровъ, золотыми цвѣтами вышиты, а впереди всѣхъ стоитъ шалашъ—изъ рогожъ сдѣланъ. «Что такое? думаетъ царевна, откудова эти

[1]) Съ усталости.

гости понаѣхали?» Глядь — а желѣзная ограда разломана; крѣпко разгнѣвалась Елена Прекрасная, призываетъ къ себѣ сильномогучаго богатыря и приказываетъ: «сейчасъ на коня садись, поѣзжай къ этимъ шатрамъ и предай всѣхъ ослушниковъ злой смерти; трупы за ограду повыбросай, а шатры ко мнѣ представь.» Сильномогучій богатырь осѣдлалъ своего добраго коня, одѣлся въ доспѣхи воинскіе, и напущается на незванныхъ гостей. Усмотрѣлъ его Никита Колтома, сталъ опрашивать: «кто ѣдетъ?»—А ты чтò за невѣжа опрашиваешь? Тѣ слова Никитѣ не показалися, выскочилъ онъ изъ своего шалаша, ухватилъ богатыря зà ногу и стащилъ съ лошади на сырую землю, поднялъ желѣзной прутъ въ пятьдесятъ пудъ, отвѣсилъ ему единой ударъ, и говоритъ: «теперь ступай къ своей царевнѣ обратно да скажи ей, чтобы долго не спѣсивилась, своего бы войска не тратила, а выходила бы замужъ за нашего грознаго царя.» Богатырь поскакалъ назадъ — радъ, что Никита живаго его на свѣтъ пустилъ! пріѣхалъ во дворецъ и сказываетъ царевнѣ: «это на вашъ дворъ заѣхали непомѣрные силачи, сватаютъ васъ за своего грознаго царя и велѣли мнѣ говорить, чтобъ вы не спѣсивились, понапрасну войска не тратили, а выходили бы за того царя замужъ.» Какъ услыхала Елена Прекрасная такія смѣлыя рѣчи, тотчасъ взволновалася, созвалà всѣхъ своихъ сильномогучихъ богатырей и стала приказывать: «слуги мои вѣрные! соберите войско несмѣтное, разорите шатры бѣлотканные, избейте незванныхъ гостей, чтобъ и праху ихнего не было!» Сильномогучіе богатыри, долго не думавши, собрали войско несмѣтное, сѣли на своихъ богатырскихъ коней и понеслись на шатры бѣлотканные съ золотыми узорами. Только поровнялись съ рогожаннымъ шалашикомъ, выскочилъ передъ ними Никита Колтома, взялъ свой желѣзной прутъ въ пятьдесятъ пудъ и началъ имъ въ разныя стороны помахивать; въ короткое

время перебилъ все войско и сильномогучихъ богатырей, только одного богатыря въ живыхъ оставилъ: «поѣзжай, говоритъ, къ своей царевнѣ Еленѣ Прекрасной, да скажи ей, чтобъ она больше войска не тратила; насъ войскомъ не испугаешь! Теперь я съ вами одинъ сражался; что̀ же будетъ съ вашимъ царствомъ, какъ проснутся мои товарищи? Камня на камнѣ не оставимъ, все по чисту полю разнесемъ!» Богатырь воротился къ царевнѣ, разсказалъ, что войско побито, что на такихъ витязей никакой силы не хватитъ. Елена Прекрасная послала звать грознаго царя во дворецъ, да тутъ-же приказала каленую стрѣлу изготовить; а сама вышла встрѣчать гостей съ ласкою, съ честію. Идетъ царевна на встрѣчу, а за ней пятьдесятъ человѣкъ лукъ и стрѣлу несутъ. Никита Колтома увидалъ богатырской лукъ, тотчасъ догадался, что тою стрѣлою хотятъ ихъ подчивать, надѣлъ на̀ голову шапку-невидимку, подскочилъ, натянулъ лукъ и направилъ стрѣлу въ царевнины терема—въ одну минуту весь верхній этажъ сшибъ! Нечего дѣлать, беретъ Елена Прекрасная грознаго царя за̀ руку, ведетъ въ бѣлокаменныя палаты, сажаетъ за столы дубовые, за скатерти браныя; стали пить, ѣсть, веселиться. Въ палатахъ убранство чудное: весь свѣтъ обойди, такого нигдѣ не найдешь! Послѣ обѣда говоритъ Никита грозному царю: «нравится ли вашему величеству невѣста? аль за другою ѣхать?» — Нѣтъ, Никита, нечего по̀ пусту ѣздить; лучше этой въ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ! «Ну, и женитесь; теперь она въ нашихъ рукахъ. Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первыя три ночи станетъ она вашу силу пытать, наложитъ свою руку и станетъ крѣпко-крѣпко давить; вамъ ни за что не стерпѣть! втѣпоры уходите поскорѣй изъ комнаты, а я на ваше мѣсто приду и живо ее усмирю.» Вотъ и принялись за свадьбу; у царей ни медъ варить, ни вино курить — все готово. Сыграли свадьбу, и пошелъ грозной

царь съ Еленою Прекрасною опочивъ держать. Лёгъ на мягкую постель и притворился, будто спать хочетъ. Елена Прекрасная наложила ему на грудь свою руку и спрашиваетъ: «тяжела ли моя рука?» — Такъ тяжела, какъ перо на водѣ! отвѣчаетъ грозной царь, а самъ еле духъ переводитъ: такъ ему грудь сдавило! «Постой-ка, Елена Прекрасная; вѣдь я позабылъ назавтра приказъ отдать, надо теперь пойдти...» Вышелъ изъ спальни, а у дверей Никита стоитъ: «ну, братецъ! правду ты сказалъ; чуть-чуть меня совсѣмъ не удушила.» —Ничего, ваше величество! постойте здѣсь, я это дѣло сдѣлаю. Сказалъ Никита, пошелъ къ царевнѣ, лёгъ на постель и захрапѣлъ. Елена Прекрасная подумала, что то грозной царь воротился, наложила на него свою руку, давила-давила—нѣтъ толку! наложила обѣ руки, и ну давить пуще прежняго... А Никита Колтома ухватилъ ее будто во снѣ да какъ броситъ объ полъ—всѣ терема такъ и затряслись! Царевна поднялась, легла потихоньку и заснула. Тутъ Никита всталъ, вышелъ къ царю и говоритъ: «ну теперь смѣло ступайте, до другой ночи ничего не будетъ!» Вотъ такъ-то, съ помощію Никиты Колтомы, отбылъ грозной царь три первыя ночи и сталъ жить съ своею царевною Еленою Прекрасною, какъ слѣдуетъ мужу съ женою.

Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозной царь ее обманомъ взялъ, что сила у него не великая, что люди надъ нею насмѣхаются: Никита де съ царевною три ночи спалъ! Страшно она озлобилась и затаила на сердцѣ жестокую месть. Вздумалъ царь въ свое государство ѣхать, говоритъ Еленѣ Прекрасной: «полно намъ здѣсь проживать, пора и домой побывать; собирайся-ка въ дорогу.» И собрались они моремъ ѣхать; нагрузили корабль разными драгоцѣнными вещами, сѣли и пустились по морю. Плывутъ день, и другой, и третій; царь веселъ, не нарадуется, что

везётъ къ себѣ царевну краше солнца, яснѣй мѣсяца, бѣлѣй снѣга; а Елена Прекрасная свою думу думаетъ: какъ-бы отплатить за обиду. На ту пору одолѣлъ Никиту богатырской сонъ, и уснулъ онъ на всѣ на двѣнадцать сутокъ. Какъ увидала Елена Прекрасная, что Никита богатырскимъ сномъ спитъ, тотчасъ кликнула своихъ вѣрныхъ слугъ, приказала отрубить ему ноги по колѣна, послѣ положить его въ шлюбку и пустить въ открытое море. Тутъ-же при ея глазахъ отрубили сонному Никитѣ ноги по колѣна, положили въ шлюбку и пустили въ море. На тринадцатые сутки пробудился бѣдной Никита, смотритъ — кругомъ вода, самъ безъ ногъ лежитъ, а корабля и слѣдъ простылъ...

Между тѣмъ корабль плылъ да плылъ; вотъ и пристань. Загремѣли пушки, сбѣжались горожане, и купцы, и бояре, встрѣчаютъ царя съ хлѣбомъ-солью, поздравляютъ съ законнымъ бракомъ. Царь началъ пиры пировать, гостей созывать; а про Никиту и думать позабылъ. Да недолго пришлось ему веселиться; Елена Прекрасная скоро лишила его царства, стала всѣмъ сама заправлять, а его заставила свиней пасти. Не уходилось и этимъ царевнино сердце: приказала по всѣмъ сторонамъ розыскъ учинить, не остались ли гдѣ у Никиты Колтомы родичи? коли кто найдется, того во дворецъ представить. Поскакали гонцы, начали всюду розыскивать и нашли роднаго брата Никиты — Тимоѳея Колтому; взяли его, привезли во дворецъ. Царевна Елена Прекрасная приказала выколоть ему глаза и потомъ выгнать вонъ изъ города. Въ ту-жъ минуту выкололи Тимоѳею глаза, вывели его за̀ городъ и оставили въ чистомъ полѣ. Потащился слѣпой ощупью; шелъ-шелъ и пришелъ на взморье; ступилъ еще шагъ-другой и чуетъ—подъ ногами вода; остановился, стоитъ на одномъ мѣстѣ—ни взадъ, ни впередъ! боится идти. Вдругъ принесло къ берегу шлюбку съ Никитою. Увидалъ Никита человѣка,

обрадовался и подаетъ ему голосъ: «эй, доброй человѣкъ! помоги мнѣ на землю выйдти.» Отвѣчаетъ слѣпой: «радъ бы тебѣ пособить, да не могу; я самъ безъ глазъ — ничего не вижу.» — Да ты откудова и какъ тебя по имени зовутъ? «Я—Тимоѳей Колтома; выколола мнѣ глаза новая царица Елена Прекрасная и выгнала изъ своего царства.» — Ахъ, да вѣдь ты мнѣ братъ родной; я—Никита Колтома. Ступай же ты, Тимоша, въ правую сторону — тамъ ростетъ высокой дубъ, вывороти этотъ дубъ, притащи сюда и брось съ берега на воду: я по немъ къ тебѣ вылѣзу. Тимоѳей Колтома повернулъ направо, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, нащупалъ высокой старой дубъ, обхватилъ его обѣими руками и сразу выворотилъ съ корнемъ, приволокъ тотъ дубъ и бросилъ въ воду: однимъ концомъ на землѣ легло дерево, а другимъ возлѣ шлюбки угодило. Никита выкарабкался кое-какъ на берегъ, поцѣловался съ своимъ братомъ и говоритъ: «какъ-то теперь нашъ грозный царь поживаетъ?» — Эхъ, братъ! отвѣчаетъ Тимоѳей Колтома, нашъ грозный царь теперь въ великомъ безсчастьи: пасетъ свиней въ полѣ, каждое утро получаетъ фунтъ хлѣба, кружку воды да три розги въ спину. Послѣ того стали они разговаривать, какъ имъ жить и чѣмъ кормиться? Говоритъ Никита: «слушай, братъ, мой совѣтъ! ты меня носить будешь, потому что я безъ ногъ; а я на тебѣ сидѣть буду да сказывать, въ какую сторону идти надо.» — Ладно! быть по твоему; хоть оба увѣчные, а двое за одного здороваго сойдемъ. Вотъ Никита Колтома сѣлъ своему брату на шею и сталъ дорогу показывать; Тимоѳей шелъ-шелъ, и пришелъ въ дремучій лѣсъ. Въ томъ лѣсу стоитъ избушка бабы-яги. Вошли братья въ избушку — нѣтъ ни души. «А ну-ка, братъ! говоритъ Никита, пощупай-ка въ печкѣ: нѣтъ ли ѣды какой?» Тимоѳей полѣзъ въ печку, вытащилъ оттуда всякихъ кушаньевъ, поставилъ на столъ, и начали они оба

уписывать; съ голоду все на̀чисто прiѣли. Послѣ того сталъ Никита избушку оглядывать; увидалъ на окошкѣ небольшой свистокъ, взялъ его, приложилъ къ губамъ и давай насвистывать. Смотритъ: что за диво? слѣпой братъ пляшетъ, изба пляшетъ, и столъ, и лавки, и посуда — все пляшетъ! горшки въ дребезги поразбивались! «Полно, Никита! перестань играть, проситъ слѣпой; силъ моихъ не хватаетъ больше!» Никита пересталъ насвистывать, и въ ту-жъ минуту все прiутихло. Вдругъ отворяется дверь, входитъ баба-яга и кричитъ громкимъ голосомъ: «ахъ вы, бродяги бездомные! доселева тутъ птица не пролётывала, звѣрь не прорыскивалъ, а вы забрались, всѣ кушанья прiѣли, всѣ горшки перебили. Хорошо-же, вотъ я съ вами раздѣлаюсь!» Отвѣчаетъ Никита: «молчи, старое стерво! мы и сами съумѣемъ раздѣлаться. Эй, братъ Тимоха, подержи ее вѣдьму да покрѣпче!» Тимоѳей схватилъ бабу ягу въ охапку, стиснулъ крѣпко-на̀крѣпко, а Никита сейчасъ ее за косы и давай по избѣ возить. «Батюшки! не бейте, просится баба-яга; я вамъ сама въ пригодѣ буду: что̀ хотите, все вамъ достану.» — А ну, старая, говори: можешь ли достать намъ цѣлющей и живущей воды? коли достанешь, пущу живую на бѣлой свѣтъ; а нѣтъ, такъ лютой смерти предамъ. Баба-яга согласилась и привела ихъ къ двумъ родникамъ: «вотъ вамъ цѣлющая, а вотъ и живущая вода!» Никита Колтома почерпнулъ цѣлющей воды, облилъ себя—и выросли у него ноги: ноги совсѣмъ здоровыя, а не двигаются. Почерпнулъ онъ живущей воды, помочилъ ноги — и сталъ владѣть ими. Тоже было и съ Тимоѳеемъ Колтомою: помазалъ онъ глазныя ямки цѣлющей водой — появились у него очи — совсѣмъ такѝ невредимыя, только ничего не видятъ; помазалъ ихъ живущей водой — и сталъ видѣть лучше прежняго. Поблагодарили братья старуху, отпустили ее домой, и пошли выручать грознаго царя изъ бѣды-напасти. Приходятъ

въ столичной городъ и видятъ — грозной царь передъ самымъ дворцемъ свиней пасетъ. Никита Колтома заигралъ въ свистокъ; и пастухъ, и свиньи пошли плясать! Елена Прекрасная увидала это изъ окошечка, осердилась и тотчасъ приказала принести пуки розогъ и высѣчь и пастуха и музыканта. Прибѣжала стража, схватила ихъ и повела во дворецъ угощать розгами. Никита Колтома, какъ пришелъ во дворецъ къ Еленѣ Прекрасной, не захотѣлъ дольше мѣшкать, схватилъ ее за бѣлыя руки, и говоритъ: «узнаешь ли меня, Елена Прекрасная? вѣдь я — Никита Колтома. Теперь, грозной царь, она въ твоей волѣ; чтò захочешь, то и сдѣлаешь!» Грозной царь приказалъ ее растрѣлять, а Никиту сдѣлалъ своимъ первымъ министромъ, всегда его почиталъ и во всемъ слушался.

ѣ. Задумалъ царевичъ жениться, и невѣста есть на примѣтѣ—прекрасная царевна, да какъ достать ее? Много королей и королевичей и всякихъ богатырей ее сватали, да ничего нè взяли, только буйныя головы на плахѣ сложили: и теперь еще торчатъ ихъ головы на оградѣ вокругъ дворца гордой невѣсты. Закручинился, запечалился царевичъ; не вѣдаетъ, кто бы помогъ ему? А тутъ и выискался Иванъ Голой — мужикъ былъ бѣдной, ни ѣсть-ни пить нечего, одёжа давно съ плечъ свалилася. Приходитъ онъ къ царевичу и говоритъ: «самому тебѣ не добыть невѣсты, и коли одинъ поѣдешь свататься — буйну голову сложишь! А лучше поѣдемъ вмѣстѣ; я тебя изъ бѣды выручу и все дѣло устрою; только обѣщай меня слушаться!» Царевичъ обѣщалъ ему исполнять всѣ его совѣты, и на другой же день отправились они въ путь-дорогу. Вотъ и пріѣхали въ иное государство, и стали свататься. Царевна говоритъ: «надо напередъ у жениха силы пытать.» Позвала царевича на пиръ, угостила-уподчивала; послѣ обѣда начали гости разными играми забавляться. «А принесите-

ка мое ружье, съ которымъ я на охоту ѣзжу», приказываетъ царевна. Растворились двери и несутъ сорокъ человѣкъ ружье не ружье, а цѣлую пушку. «Ну-ка, нарѣченной женихъ! выстрѣли изъ моего ружьеца.» — Иванъ Голой! крикнулъ царевичъ; посмотри, годится ли это ружье? Иванъ Голой взялъ ружье, вынесъ на крылечко, пнулъ ногою — ружье полетѣло далеко-далеко и упало въ синё море. «Нѣтъ, ваше высочество! ружье ледащее, куда изъ него стрѣлять такому богатырю!» докладываетъ Иванъ Голой. «Что-жъ это, царевна? али ты надо мной смѣешься? приказала принести такое ружье, что̀ мой слуга ногой пнулъ — оно въ море упало!» Царевна велѣла принести свой лукъ и стрѣлу. Опять растворились двери, сорокъ человѣкъ лукъ со стрѣлой принесли. «Попробуй, нарѣченной женихъ! пусти мою стрѣлку.» — Эй, Иванъ Голой! закричалъ царевичъ; посмотри, годится ли лукъ для моей стрѣльбы? Иванъ Голой натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу: полетѣла стрѣла за сто верстъ, попала въ богатыря Марка-Бѣгуна и отбила ему обѣ руки. Закричалъ Марко-Бѣгунъ богатырскимъ голосомъ: «ахъ ты, Иванъ Голой! отшибъ ты мнѣ обѣ руки; да и тебѣ бѣды не миновать!» Иванъ Голой взялъ лукъ на колѣно и переломилъ на̀двое: «нѣтъ, царевичъ! лукъ ледащій — не годится такому богатырю, какъ ты, пускать съ него стрѣлы.» — Что-же это, царевна! али ты надо мной потѣшаешься? какой лукъ дала — мой слуга сталъ натягивать да стрѣлу пускать, а онъ тутъже пополамъ изломился! Царевна приказала вывести изъ конюшни своего ретиваго [1]) коня. Ведутъ коня сорокъ человѣкъ, едва на цѣпяхъ сдержать могутъ: столь золъ, неукротимъ! «Ну-ка, нарѣченной женихъ! прогуляйся на моемъ конѣ; я сама на немъ каждое утро катаюся.» Царевичъ крикнулъ:

[1]) *Вар.* волшебнаго.

«эй, Иванъ Голой! посмотри, годится ли конь подъ меня?» Иванъ Голой прибѣжалъ, началъ коня поглаживать, гладилъ-гладилъ, взялъ за хвостъ, дёрнулъ — и всю шкуру содралъ: «нѣтъ, говоритъ, конь ледащій! чуть-чуть за хвостъ пошевелилъ, а съ него и шкура слетѣла.» Царевичъ началъ жаловаться: «эхъ, царевна! ты все надо мной насмѣшку творишь; вмѣсто богатырскаго коня клячу вывела.» Царевна не стала больше пытать царевича, и на другой день вышла за него замужъ. Обвѣнчались они и легли спать; царевна положила на царевича руку—онъ еле выдержать смогъ, совсѣмъ задыхаться сталъ. «А! думаетъ царевна, такъ ты эдакой богатырь! хорошо же, будете меня помнить.»

Черезъ мѣсяцъ времени собрался царевичъ съ молодой женою въ свое государство ѣхать. Ѣхали день, и два, и три, и остановились лошадямъ роздыхъ дать. Вылѣзла царевна изъ кареты, увидала, что Иванъ Голой крѣпко спитъ, тотчасъ отыскала топоръ, отсѣкла ему обѣ ноги, потомъ велѣла закладывать лошадей, царевичу приказала на запятки стать и воротилась назадъ въ свое царство; а Иванъ Голой остался въ чистомъ полѣ. Вотъ однажды пробѣгалъ по этому полю Марко-Бѣгунъ, увидѣлъ Ивана Голаго, побратался съ нимъ, посадилъ его на себя и пустился въ дремучій, темной лѣсъ. Стали богатыри въ томъ лѣсу жить, построили себѣ избушку, сдѣлали тележку, добыли ружье и зачали за перелётной птицей охотиться. Марко-Бѣгунъ тележку возитъ, а Иванъ Голой сидитъ въ тележкѣ да птицъ стрѣляетъ: той дичиною круглой годъ питались. Скучно имъ показалося, и вздумали они украсть гдѣ-нибудь дѣвку отъ отца-отъ матери; поѣхали къ одному священнику и стали просить милостинку. Поповна вынесла имъ хлѣба и только подошла къ тележкѣ, какъ Иванъ Голой ухватилъ ее за руки, посадилъ рядомъ съ собой, а Марко-Бѣгунъ во всю прыть побѣжалъ, и черезъ минуту

очутились они дома въ своей избушкѣ. «Будь ты, дѣвица, намъ сестрицею, готовь намъ обѣдать и ужинать да за хозяйствомъ присматривай.» Жили они втроемъ тихо и мирно, на судьбу не жаловались. Разъ какъ-то отправились богатыри на охоту, цѣлую недѣлю домой не бывали, а воротившись — едва свою сестру узнали: такъ она исхудала! «Что съ тобой сдѣлалось?» спрашиваютъ богатыри. Она въ отвѣтъ разсказала имъ, что каждый день летаетъ къ ней змѣй; отъ того и худа стала. «Постой же, мы его поймаемъ!» Иванъ Голой лёгъ подъ лавку, а Марко-Бѣгунъ спрятался въ сѣняхъ за двери. Прошло съ полчаса, вдругъ деревья въ лѣсу зашумѣли, крыша на избѣ пошатнулася—прилетѣлъ змѣй, ударился о сырую землю и сдѣлался добрымъ молодцемъ, вошелъ въ избушку, сѣлъ за столъ и требуетъ закусить чего-нибудь. Иванъ Голой ухватилъ его за ноги, а Марко-Бѣгунъ навалился на змѣя всѣмъ туловищемъ и сталъ его давить; порядкомъ ему бока намялъ! Притащили они змѣя къ дубовому пню, раскололи пень надвое, защемили тамъ его голову и начали стегать прутьями. Просится змѣй: «отпустите меня, сильномогучіе богатыри! я вамъ покажу, гдѣ мертвая и живая вода.» Богатыри согласились. Вотъ змѣй привелъ ихъ къ озеру; Марко-Бѣгунъ обрадовался, хотѣлъ было прямо въ воду кинуться, да Иванъ Голой остановилъ: «надо прежде, говоритъ, испробовать.» Взялъ зеленой прутъ и бросилъ въ воду — прутъ тотчасъ сгорѣлъ. Принялись богатыри опять за змѣя; били его-били, едва жива оставили. Привелъ ихъ змѣй къ другому озеру; Иванъ Голой поднялъ гнилушку и бросилъ въ воду—она тотчасъ пустила ростки и зазеленѣла листьями. Богатыри кинулись въ это озеро, искупались и вышли на берегъ молодцы молодцами: Иванъ Голой съ ногами, Марко-Бѣгунъ съ руками. Послѣ взяли змѣя, притащили къ первому озеру и бросили прямо въ глубь—только дымъ отъ него по-

шелъ! Воротились домой; Марко-Бѣгунъ былъ старъ, отвёзъ поповну къ отцу-къ матери и остался жить у этого священника, потому что священникъ объявилъ еще прежде: кто мою дочь привезетъ, того буду кормить и поить до самой смерти. А Иванъ Голой добылъ богатырскаго коня и поѣхалъ искать своего царевича. Ѣдетъ чистымъ полемъ, а царевичъ свиней пасетъ. «Здорово, царевичъ!» — Здравствуй! а ты кто такой? «Я — Иванъ Голой.» — Что ты завираешься! еслибъ Иванъ Голой живъ былъ, я бы не пасъ свиней. «И то конецъ твоей службѣ!» Тутъ они помѣнялись одёжею; царевичъ поѣхалъ впередъ на богатырскомъ конѣ; а Иванъ Голой вслѣдъ за нимъ свиней погналъ. Царевна увидала его, выскочила на крыльцо: «ахъ ты, неслухъ! кто тебѣ велѣлъ свиней гнать, когда еще солнце не сѣло?» и стала приказывать, чтобъ сейчасъ-же взяли пастуха и выдрали на конюшнѣ. Иванъ Голой не сталъ дожидаться, самъ ухватилъ царевну за косы и до тѣхъ поръ волочилъ ее по двору, пока ни покаялась и ни дала слова слушаться во всемъ мужа. Послѣ того царевичъ съ царевною жили въ согласіи долгіе годы, и Иванъ Голой при нихъ служилъ.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

24.

СКОРОЙ ГОНЕЦЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ были болота непроходимыя; кругомъ ихъ шла дорога окольная: скоро ѣхать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ѣхать —и пяти мало! Возлѣ самой дороги жилъ убогой старикъ; у

него было три сына: перваго звали Иванъ, втораго—Василій, а третьего — Семёнъ-малой юнышъ. Вздумалъ убогой расчистить эти болота, проложить тутъ дорогу прямохожую-прямоѣзжую и намостить мосты калиновые, чтобы пѣшему можно было пройдти въ три недѣли, а конному въ трое сутокъ проѣхать. Принялся за работу вмѣстѣ съ своими дѣтьми, и не по маломъ времени все было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоѣзжая. Воротился убогой въ свою избушку и говоритъ старшему сыну Ивану: «поди-ка ты, мой любезной сынъ, сядь подъ мостомъ и послушай: что̀ про насъ будутъ добрые люди говорить — добро или худо?» По родительскому приказанію пошелъ Иванъ и сѣлъ въ скрытномъ мѣстѣ подъ мостомъ. Идутъ по тому мосту калиновому два старца и говорятъ промежъ себя: «кто этотъ мостъ мостилъ да дорогу расчищалъ —чего бы онъ у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и даровалъ!» Иванъ какъ скоро услыхалъ эти слова, тотчасъ вышелъ изъ-подъ моста калиноваго: «этотъ мостъ, говоритъ, мостилъ я съ отцемъ да съ братьями.» — Чего-же ты просишь у Господа? спрашиваютъ старцы. «Вотъ кабы Господь далъ мнѣ денегъ на вѣкъ!»—Хорошо, ступай въ чистое поле: въ чистомъ полѣ есть сырой дубъ, подъ тѣмъ дубомъ глубокой погребъ, въ томъ погребѣ множество и злата и сѐребра и каменья драгоцѣннаго. Возьми лопату и рой — дастъ тебѣ Господь денегъ на цѣлой вѣкъ! Иванъ пошелъ въ чистое поле, вырылъ подъ дубомъ много и злата и сѐребра и каменья драгоцѣннаго, и понёсъ домой. «Ну, сынокъ! спрашиваетъ убогой, видѣлъ ли кого, что̀ бы шелъ али ѣхалъ по̀ мосту, и что про насъ люди говорятъ?» Иванъ разсказалъ отцу, что видѣлъ двухъ старцевъ и чѣмъ они его наградили на цѣлой вѣкъ.

На другой день посылаетъ убогой середняго сына Василія.

Пошелъ Василій, сѣлъ подъ мостомъ калиновымъ и слушаетъ. Идутъ по̀ мосту два старца, поровнялись супротивъ того мѣста, гдѣ онъ спрятался, и говорятъ: «кто этотъ мостъ мостилъ — чего бы у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и далъ!» Какъ скоро услыхалъ Василій эти слова, вышелъ къ старцамъ и сказалъ: «этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями.» — Чего-же ты у Бога просишь? «Вотъ кабы Господь далъ мнѣ хлѣба на вѣкъ!» — Хорошо, поди домой, выруби новину и посѣй: дастъ тебѣ Господь хлѣба на цѣлой вѣкъ! Василій пришелъ домой, разсказалъ про все отцу, вырубилъ новину и засѣялъ хлѣбомъ.

На третій день посылаетъ убогой меньшаго сына. Семенъ-малой юнышъ сѣлъ подъ мостомъ и слушаетъ. Идутъ по̀ мосту два старца; только поровнялись съ нимъ, и говорятъ: «кто этотъ мостъ мостилъ—чего бы у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и далъ!» Семенъ-малой юнышъ услыхалъ эти слова, выступилъ къ старцамъ и сказалъ: «этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями.» — Чего-же ты у Бога просишь? «А прошу у Бога милости: послужить великому государю въ солдатахъ.» — Проси другаго! солдатская служба тяжелая; пойдешь въ солдаты, къ Морскому Царю въ полонъ попадешь, и много будетъ твоихъ слёзъ пролито! «Эхъ, люди вы—старые, сами вы вѣдаете: кто на семъ свѣтѣ не плачетъ, тотъ будетъ плакать въ будущемъ вѣкѣ.»—Ну, коли ужь ты похотѣлъ идти въ царскую службу — мы тебя благословляемъ! сказали старцы Семену, наложили на него свои руки и обратили въ оленя быстроногаго. Побѣжалъ олень къ своему дому; усмотрѣли его изъ окошечка отецъ и братья, выскочили изъ избушки и хотѣли поймать. Олень повернулъ и назадъ; прибѣжалъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ зайца. Заяцъ пустился къ своему дому; усмотрѣли его отецъ и братья, выскочили изъ избушки и хотѣли было

изловить; да онъ назадъ повернулъ. Прибѣжалъ заяцъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ маленькую птичку-золотая головка. Птичка прилетѣла къ своему дому, сѣла у открытаго окошечка; усмотрѣли ее отецъ и братья, бросились ловить — птичка вспорхнула и назадъ. Прилетѣла къ двумъ старцамъ, старцы сдѣлали ее по прежнему человѣкомъ, и говорятъ: «теперь, Семенъ-малой юнышъ! иди на царскую службу. Если тебѣ понадобится сбѣгать куда наскоро, можешь ты обращаться оленемъ, зайцемъ и птичкою-золотая головка; мы тебя научили!»[1]) Семенъ-малой юнышъ пришелъ домой и сталъ у отца проситься на царскую службу. «Куда тебѣ идти? отвѣчалъ убогой; ты еще малъ и глупъ!» — Нѣтъ, батюшка, отпусти; на то божья воля есть. Убогой отпустилъ; Семенъ-малой юнышъ срядился, съ отцемъ, съ братьями простился, и пошелъ въ дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришелъ онъ на царской дворъ прямо къ царю, и сказалъ: «ваше царское величество! не велите казнить, велите слово вымолвить.» — Говори, Семенъ-малой юнышъ! «Ваше величество! возьмите меня въ военную

[1]) *Варіантъ:* Жилъ-былъ царевичъ, пошелъ въ лѣсъ на охоту, заблудился и набрёлъ на большой домъ; вошелъ — въ комнатахъ пусто, а стоитъ столъ, на столѣ три прибора; царевичъ спрятался за дверь. Вдругъ прилетаютъ соколъ и воронъ, а за ними слѣдомъ входитъ медвѣдь; ударились всѣ трое ôбъ полъ и сдѣлались добрыми мôлодцами. «Сослужи, говорятъ царевичу, намъ великую службу; стой цѣлую ночь на караулѣ, какъ услышишь шумъ и громъ — разбуди насъ.» Царевичъ сталъ на караулѣ; въ самую полночь раздался шумъ и громъ — прилетѣлъ трехглавой змѣй: «а, говоритъ, попался въ мои руки!» Царевичъ не сталъ будить добрыхъ молодцевъ, выхватилъ мечъ, сразился съ змѣемъ и отсѣкъ ему три головы. На утро благодарятъ его добрые молодцы: соколъ, воронъ и медвѣдь. «Ударься о сырую землю, царевичъ!» сказалъ соколъ. Царевичъ ударился — и обернулся яснымъ соколомъ. Другой молодецъ научилъ его оборачиваться чорнымъ ворономъ, а третій—медвѣдемъ. Царевичъ пошелъ въ иное государство и поступилъ тамъ на службу...

службу.» — Что ты! вѣдь ты малъ и глупъ; куда тебѣ идти въ службу? «Хоть я малъ и глупъ, а служить буду не хуже другихъ: въ томъ уповаю на Бога.» Царь согласился, взялъ его въ солдаты и велѣлъ быть при своемъ лицѣ. Прошло нѣсколько времени, вдругъ объявилъ царю нѣкоторой король жестокую войну. Царь началъ въ походъ сряжаться; въ урочное время собралось все войско въ готовности. Семенъ-малой юнышъ сталъ на войну проситься; царь не могъ ему отказать, взялъ его съ собою и выступилъ въ походъ. Долго-долго шелъ царь съ воинствомъ, много-много земель за собой оставилъ, вотъ ужь и непріятель близко — дня черезъ три надо и бой зачинать. Втѣпоры хватился царь своей боевой палицы и своего меча остраго — нѣтъ ни той, ни другаго! во дворцѣ позабылъ; нечѣмъ ему себѣ оборону дать, непріятельскія силы побивать [1]). Сдѣлалъ онъ кличъ по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворецъ на̀скоро да принести ему боевую палицу и острой мечъ; кто сослужитъ эту службу, за того обѣщалъ отдать въ супружество дочь свою Марью-царевну, въ приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство. Начали выискиваться охотники; кто говоритъ: я могу въ три года сходить, кто говоритъ: въ два года, а кто — въ одинъ годъ; а Семенъ-малой юнышъ доложилъ государю: «я, ваше величество, могу сходить во дворецъ и принести боевую палицу и острой мечъ въ три дня.» Царь обрадовался, взялъ его за̀ руку, поцѣловалъ въ уста, и тотчасъ-же написалъ къ Марьѣ-царевнѣ грамотку, чтобъ она гонцу тому повѣрила и выдала ему мечъ и палицу. Семенъ-малой юнышъ принялъ отъ царя грамотку и пошелъ въ путь-дорогу.

[1]) Въ другомъ спискѣ царь посылаетъ гонца принести забытыя грамоты.

Отойдя съ версту, обернулся онъ въ оленя быстроногаго и пустился, словно стрѣла изъ лука пущенная, бѣжалъ-бѣжалъ, усталъ и обернулся изъ оленя въ зайца; припустилъ во всю заячью прыть, бѣжалъ-бѣжалъ, всѣ ноги прибилъ и обратился изъ зайца въ маленькую птичку-золотая головка; еще быстрѣй полетѣлъ, летѣлъ-летѣлъ и въ полтара дня поспѣлъ въ то царство, гдѣ Марья-царевна находилась. Обернулся человѣкомъ, вошелъ во дворецъ и подалъ царевнѣ грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала, и говоритъ: «какъ-же это съумѣлъ ты столько земель и такъ скоро пробѣжать?»—А вотъ какъ! отвѣчалъ гонецъ—обратился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по царевниной палатѣ, подошелъ къ Марьѣ-царевнѣ и положилъ къ ней на колѣни свою голову; она взяла ножницы и вырѣзала у оленя съ головы клокъ шерсти. Олень обратился въ зайца, заяцъ попрыгалъ немного по комнатѣ и вскочилъ къ царевнѣ на колѣни; она вырѣзала у него клокъ шерсти. Заяцъ обратился въ маленькую птичку съ золотой головкою, птичка полетала немного по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на̀ руку; Марья-царевна срѣзала у ней съ головы золотыхъ пёрушковъ, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотыя пёрушки завязала въ платокъ и спрятала къ себѣ [1]). Птичка-золотая головка обратилась въ гонца. Царевна накормила его, напоила, въ путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острой мечъ; послѣ они простились, на прощаньи крѣпко поцѣловались, и пошелъ Семенъ-малой юнышъ обратно къ царю. Опять побѣжалъ онъ оленемъ быстроногимъ, поскакалъ косымъ заяцемъ, полетѣлъ маленькой птичкою, и къ концу третьяго дня усмотрѣлъ царской лагерь вблизи. Не доходя до войска шаговъ

[1]) Въ другомъ спискѣ царевна даетъ гонцу на память свой платокъ, по которому послѣ и узнаетъ настоящаго своего жениха.

съ триста, лёгъ онъ на морскомъ берегу, подлѣ ракитова куста, отдохнуть съ дороги; палицу боевую и острой мечъ около себя положилъ. Отъ великой усталости онъ скоро и крѣпко уснулъ; въ это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидалъ онъ гонца, тотчасъ столкнулъ его въ море [1]), взялъ боевую палицу и острой мечъ, принёсъ къ государю и сказалъ: «ваше величество! вотъ вамъ боевая палица и острой мечъ, я самъ за ними ходилъ; а тотъ пустохвалъ Семенъ-малой юнышъ вѣрно года три проходитъ!» Царь поблагодарилъ генерала, началъ воевать съ непріятелемъ и въ короткое время одержалъ надъ нимъ славную побѣду. А Семенъ-малой юнышъ, какъ сказано, упалъ въ море. Въ ту-жъ минуту подхватилъ его Морской Царь и унёсъ въ самую глубину. Жилъ онъ у того царя цѣлой годъ, стало ему скучно, запечалился онъ и горько заплакалъ. Пришелъ къ нему Морской Царь: «что, Семенъ-малой юнышъ, скучно тебѣ здѣсь?»—Скучно, ваше величество! «Хошъ (хочешь) на русской свѣтъ?»—Хочу, если ваша царская милость будетъ. Морской Царь вынесъ его въ самую полночь, оставилъ на берегу, а самъ ушелъ въ море. Семенъ-малой юнышъ началъ Богу молиться: «дай, Господи, солнышка!» Передъ самымъ восходомъ краснаго солнца явился Морской Царь, ухватилъ его опять и унёсъ въ морскую глубину. Прожилъ тамъ Семенъ-малой юнышъ еще цѣлой годъ; сдѣлалось ему скучно, и онъ горько-горько заплакалъ. Спрашиваетъ Морской Царь: «что, али тебѣ скучно?» —Скучно! молвилъ Семенъ-малой юнышъ. «Хошъ на русской

[1]) Въ другомъ спискѣ генералъ отрубилъ гонцу голову, захватилъ принесенныя имъ грамоты и представилъ ихъ государю. Узнали про то два старца, добыли воды мертвой, живущей и трепетущей: взбрызнули гонца мертвою водою—голова приросла къ шеѣ, взбрызнули живущей водою — кровь полилась по жиламъ и явился румянецъ въ лицѣ, взбрызнули трепетущей водою — гонецъ встрепенулся и всталъ, словно отъ долгаго сна пробудился.

свѣтъ!»—Хочу, ваше величество! Морской Царь вынесъ его въ полночь на̀ берегъ, самъ ушелъ въ море. Началъ Семенъ-малой юнышъ со слезами Богу молиться: «дай, Господи, солнышка!» Только чуть-чуть разсвѣтать стало, пришелъ Морской Царь, ухватилъ его и унёсъ въ морскую глубину. Прожилъ Семенъ-малой юнышъ третій годъ въ морѣ, стало ему скучно — и онъ горько, неутѣшно заплакалъ. «Что, Семенъ, скучно тебѣ? спрашиваетъ Морской Царь; хошъ на русской свѣтъ?»—Хочу, ваше величество! Морской Царь вынесъ его на̀ берегъ, самъ ушелъ въ море. Семенъ-малой юнышъ началъ со слезами Богу молиться: «дай, Господи, солнышка!» Вдругъ солнце осіяло своими лучами, и ужь Морской Царь не смогъ больше взять его въ полонъ.

Семенъ-малой юнышъ отправился въ свое государство; оборотился сперва оленемъ, потомъ зайцемъ, а потомъ маленькой птичкой-золотая головка; въ короткое время очутился у царскаго дворца. А покуда все это сдѣлалось, царь успѣлъ съ войны воротиться, и засваталъ свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семенъ-малой юнышъ входитъ въ ту самую палату, гдѣ за столомъ сидѣли женихъ да невѣста. Увидала его Марья-царевна и говоритъ царю: «государь-батюшка! не вели казнить, позволь рѣчь говорить.» — Говори, дочь моя милая! что тебѣ надобно? «Государь-батюшка! не тотъ мой женихъ, что̀ за столомъ сидитъ, а вотъ онъ — сейчасъ пришелъ! Покажи-ка, Семенъ-малой юнышъ, какъ втѣпоры ты на̀скоро сбѣгалъ за боевой палицей, за острымъ мечемъ.» Семенъ-малой юнышъ оборотился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по комнатѣ и остановился возлѣ царевны. Марья-царевна вынула изъ платочка срѣзанную оленью шерсть, показываетъ царю, въ коемъ мѣстѣ она ее срѣзала, и говоритъ: «посмотри, батюшка! вотъ мои примѣточки.» Олень обратился въ зайца; зайчикъ попрыгалъ-попры-

галъ по комнатѣ, и прискочилъ къ царевнѣ; Марья-царевна вынула изъ платочка заячью шерсть. Зайчикъ оборотился въ маленькую птичку съ золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на колѣни; Марья-царевна развязала третій узелокъ въ платкѣ и показала золотыя пёрушки. Тутъ царь узналъ всю правду истинную, приказалъ генерала казнить, Марью-царевну выдалъ за Семена-малаго юнышу, и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ.

(Записана въ архангельской губерніи.)

25.

РОГА [1]).

а. Бывалъ-живалъ старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ Мартышка, а работы никакой не работалъ; отецъ никуда его нарядить не можетъ, и съ того отдалъ онъ сына своего Мартышку въ солдаты. Мартышкѣ въ солдатахъ ученьё не далось: поставили одинъ разъ его на цясы (часы), а онъ ушолъ съ цясовъ домой и положилъ свое оружьё на грядку [2]); взялъ палку да шаръ и пошолъ на парат(д)ноё мѣсто, сдѣлалъ буй [3]), сталъ играть шаромъ и щолконулъ шарикомъ федьфебелю въ лобъ. Говоритъ федьфебель: «что ты, Мартышка, робишь?» — Я вѣть жилъ у своего батюшка, и все шаромъ игралъ! «Гдѣ-жъ у тебя оружьё?» — У моего батюшка десять оружьёвъ, и всѣ на грядкѣ; и я свое оружьё на грядку снёсъ! Нацели (начали) его за это розгами бить; послѣ битья заснулъ онъ крѣпко, и привидѣлось Мартышкѣ во снѣ: «сбѣжи, Мартышка, въ иное королевство—тамъ тебѣ жира [4]) будетъ до-

[1]) См. вып. V, № 36. — [2]) Полка въ избѣ наравнѣ съ полатями (Опытъ обл. великор. слов., стр. 43). — [3]) Черта, проводимая для игры. — [4]) Хорошее житье, довольство (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 57).

брая! Дойдешь ты до этого королевства, и будетъ тутъ рѣчка, черезъ рѣчку мостъ, а подлѣ моста трёхъэтажной каменной домъ; зайди въ этотъ домъ—въ томъ дому никого нѣтъ, а стоитъ столъ, на столѣ довольно всякаго кушанья и разныхъ напитковъ; наѣшься ты, напейся и въ столъ загляни; въ томъ столѣ въ ящикѣ лежатъ карты однозолотныя и кошелёкъ съ деньгами. Однозолотными картами хоть кого обыграешь, а изъ кошелька хоть полную гору насыпь золота—изъ него все не убудетъ!» Пробудился Мартышка отъ сна, наладилъ сухарей и сбѣжалъ изъ полку вонъ. Шолъ онъ дорòгою, а больше стороною три мѣсяца и пришолъ къ иному королевству; вотъ и рѣчка, черезъ рѣчку мостъ, подлѣ моста трёхъэтажной каменной домъ. Зашолъ въ этотъ домъ; въ домѣ стоитъ столъ, на столѣ всякаго кушанья и питья довольно. Мартышка сѣлъ, напился-наѣлся, заглянулъ въ ящикъ, взялъ однозолотныя карты и кошелёкъ съ деньгами, положилъ къ себѣ въ карманъ, и опять въ дорогу. Пришолъ въ чужестранное королевство и забрался въ трактиръ; встрѣчаетъ его маркитантъ, камзолъ на немъ красной, колпакъ на головѣ красной, и сапоги на ногахъ красные. Говоритъ Мартышка тому маркитанту: «а ну, подай мнѣ съ устатку [1]) крѣпкой водки рюмку.» Глянулъ маркитантъ на солдата и налилъ рюмку воды. Мартышка покушалъ — въ рюмкѣ вода, осердился и стегнулъ его пò носу, и расшибъ дò крови. Завопилъ маркитантъ: «господа генералы! вотъ этотъ солдатъ меня всего прибилъ.» Тутъ прибѣжали генералы, говорятъ Мартышкѣ: «зачѣмъ въ нашъ трактиръ пришолъ? Сюда простые люди не ходятъ, а ходятъ министры да генералы, да самъ король прiѣзжаетъ.» Отвѣчаетъ солдатъ: «я, братцы, вашего заведенiя не знаю; я человѣкъ русской и зашолъ въ вашъ трактиръ съ устатку выпить рюм-

[1]) Съ усталости (ibidem, стр. 241).

ку водки; попросилъ у маркитанта крѣпкой водки, а онъ подалъ мнѣ рюмку воды. За это я осердился, ударилъ его въ лицо, а попало пò носу.» — Экой ты — весь въ рямкахъ! [1]) гдѣ тебѣ деньги взять? говоритъ ему маркитантъ; у меня рюмка водки рублемъ пахнетъ. Мартышка вынялъ свой кошелёкъ и насыпалъ изъ кошелька золота съ сѣнную кучу: «бери, говоритъ, сколько надобно за водку!» Всѣ генералы тутъ обвинили маркитанта: зачѣмъ воду продаетъ? взяли этого солдата къ себѣ и стали попаивать. И говоритъ имъ Мартышка: «пейте, братцы, и мою водку! денегъ моихъ вамъ не пропить... да не угодно ли вамъ со мной въ карты поиграть?» И вынялъ изъ кармана свои однозолотныя карты, чтò эдакихъ картъ господа и на вѣку не видали. Начали въ карты играть. Мартышка у нихъ всѣ деньги выигралъ, и лошадей, и повозки, и кучеровъ и фалетуровъ; да опосля̀ взать [2]) воротилъ, еще своихъ денегъ подарилъ имъ сколько-та. Вотъ напился Мартышка дò пьяна; генералы видятъ, что онъ хмѣлёнъ сталъ, и приказали постлать подъ него постелю, а маркитанта заставили съ него мухъ опахивать: «да смотри, говорятъ ему, если возьмешь кошелёкъ у солдата или денегъ убавишь, и онъ на тебя пожалится (пожалуется), то ужь не прогнѣвайся!—быть тебѣ безъ головы.» Пріѣхали господа генералы къ самому королю, объявили, что «есть въ нашемъ трактирѣ русской солдатъ Мартышка, и у него такой кошелёкъ съ золотомъ — полны твои палаты засыплетъ, а изъ кошелька все не убудетъ! да есть еще у Мартышки однозолотныя карты—на вѣку ты эдакихъ не видывалъ!» Король приказалъ шестёрку лошадей подъ карету заложить, взялъ кучера, фалетура и запятника [3]), и самъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ трактиръ. Какъ пріѣхалъ—

[1]) Въ лохмотьяхъ (оборвышъ) — ibidem, стр. 195. — [2]) Назадъ. — [3]) Слугу на запятки.

и скричалъ: «что за человѣкъ спитъ?» Мартышка скочилъ и говоритъ: «ваше королевское величество! я солдатъ Мартышка, а человѣкъ русской, и сбѣжалъ изъ команды.» Тутъ приказалъ король трактирщику принести графинъ водки, наливаетъ рюмку и подаетъ солдату: «опохмѣлься, служивой!» — Пейте сами, ваше величество! мнѣ своихъ денегъ не пропить будетъ. Король выпилъ самъ рюмку, а ему подалъ другую. И говоритъ ему король: «что, служивой! я слышалъ, ты мастеръ въ карты играть?» Вынимаетъ солдатъ однозолотныя карты, и дивится король, что эдакихъ картъ на вѣку не видалъ. Стали играть въ карты. Мартышка у короля всѣ деньги выигралъ, и платье, и лошадей съ каретою, и кучера съ фалетуромъ и запятникомъ; опосля ему все взать òтдалъ. Съ того король возлюбилъ Мартышку, пожаловалъ его нàбольшимъ министромъ и состроилъ ему трехъэтажной каменной домъ; живетъ солдатъ министромъ управно. И спросили короля на три года въ другую землю; то на мѣсто себя оставляетъ король новаго министра править его королевствомъ. И повелъ Мартышка по своему: приказалъ онъ шить на солдатъ шинели и мундиры изъ самаго царскаго сукна, чтò и офицеры посятъ, да прибавилъ всѣмъ солдатамъ жалованья — кому по рублю, кому по два, и велѣлъ имъ передъ каждою вытью [1]) пить по стакану вина и чтобъ говядины и каши было сдоволь! А чтобъ по всему королевству нищая братія не плакалась, приказалъ выдавать изъ казённыхъ магазейновъ по кулю и по два на человѣка мукѝ. И такъ-то за его солдаты и нищая братія Бога молятъ!

А у того короля осталась въ дому дочь Настасья-королевна, и посылаетъ она свою служанку позвать новаго министра Мартышку къ себѣ въ гости. Приходитъ служанка къ нему

[1]) Выть—время для ѣды (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 32).

въ домъ: «господинъ министръ! наша королевна Настасья зоветъ тебя въ гости.» Говоритъ Мартышка: «хорошо, сейчасъ одѣнусь!» Пришолъ къ королевнѣ. Проситъ она: «поиграй со мной въ карты!» Вынялъ Мартышка изъ кармана однозолотныя карты, что̀ эдакихъ картъ королевна на вѣку не видала. Стали играть; выигралъ онъ у королевны всѣ деньги и уборы, и говоритъ: «убери-ка, Настасья-королевна! всѣ свои деньги и уборы; у меня своихъ денегъ довольно—не прожить будетъ!» Настасья-королевна посадила его за столъ и сама съ нимъ сѣла; пили, ѣли, веселилися. И приказала она тайно служанкѣ поднести ему рюмку усыпающаго зелья; Мартышка выпилъ рюмку и уснулъ, и спалъ трои сутки. Тогда отобра̀ла она у него кошелёкъ съ золотомъ и карты однозолотныя, сняла съ него платье—въ одной рубашкѣ оставила, и приказала въ навозную яму бросить. Мартышка спалъ трои сутки въ навозной ямѣ, пробудился и говоритъ: «ви́дно, я въ добромъ мѣстѣ сплю!» Вылѣзъ вонъ на сходѣ солнца и пошолъ къ рѣчкѣ, вымылся бѣло; «куда-же мнѣ идти?» думаетъ. И нашолъ онъ старое солдатское платье, одѣлся и побрёлъ вонъ изъ того королевства.

Шолъ онъ долгое время, и похотѣлось ему jись (ѣсть); увидѣлъ яблоню, сорвалъ два яблока, съѣлъ, и съ того заболѣла у его голова и выросли на головѣ рога и такіе большіе, что̀ еле носить можетъ. Дошолъ до другой яблони, поѣлъ другихъ яблоковъ, и съ того отпали у него рога. Тутъ набралъ онъ этихъ яблоковъ обоихъ сортовъ, и воротился взать въ королевство: «ну, думаетъ, доберусь-же я до королевны, что̀ меня въ доброе мѣсто впястала!» Увидѣлъ Мартышка—сидитъ въ лавкѣ старая старушка, вся тре(я)сется, и сказалъ: «на-ко, бабушка! съѣшь яблу(о)чекъ.» Съѣла она яблучекъ хорошаго сорту, и стала молодая и толстая; спрашиваетъ: «гдѣ ты, дитятко, взялъ эти яблоки?» Говоритъ ей Мартышка: «это мое

дѣло! нѣтъ ли у тебя, бабушка, хорошаго маркитанскаго платья? пойду я этихъ яблоковъ продавать.»—Ну, служивой! я для тебя хоть всю лавку отдамъ. И дала ему чистое платье и однозолотную тарелку. Пошелъ Мартышка яблоковъ продавать; идетъ мимо королевскаго дома и громко кричитъ: «у меня сладкія яблочки! у меня сладкія яблочки!» Услышила Настасья-королевна, послала свою служанку: «спроси, почо̀мъ продаетъ яблоки?» Прибѣжала служанка; Мартышка ей говоритъ: «извольте, сударыня! покушайте моего яблочка.» Она съѣла, и сдѣлалась молодая, красивая и толстая; даже королевна ее не опознала: «да ты ли это?»—Я самая! отвѣчаетъ служанка. Настасья королевна дала ей двѣсти рублевъ: «ступай скорѣе, купи мнѣ парочку!» Служанка сбѣгала, купила яблоковъ и подала королевнѣ; она сейчасъ ихъ съѣла, и въ то время заболѣла у ней голова и выросли большіе рога. Лежитъ она на кровати, а надъ кроватью подѣланы грядки и на тѣхъ грядкахъ рога положены. А Мартышка побѣжалъ къ той-же старушкѣ, отдалъ ей прежнее платье и срядился дохтуромъ. Втѣпоръ пріѣзжаетъ король; объявили ему, что маркитантъ окормилъ Настасью-королевну, и приказалъ онъ собрать маркитантовъ со всего королевства и посадилъ ихъ въ тюрму.

Между тѣмъ идетъ мимо государева двора дохтуръ и кричитъ: «нѣтъ ли дохтуру работы?» Говоритъ король своимъ слугамъ: «зовите его скорѣе!» Мартышка пришолъ въ палаты: «что прикажите, ваше величество?» — Ты, видно, не нашего королевства; не знаешь ли, чѣмъ пособить моей дочери Настасьѣ-королевнѣ? окормилъ ее какой-то маркитантъ яблоками. Если пособишь, пожалую тебя первымъ министромъ и отдамъ за тебя дочь мою королевну въ замужество, а при старости лѣтъ моихъ поставлю тебя на свое королевское мѣсто. «Ваше величество! говоритъ дохтуръ, прикажите вытопить баню, а я въ(на) рынокъ пойду, искуплю

надобья.» [1]) Пошолъ Мартышка въ рынокъ, купилъ три прута: первой — мѣдной, другой — желѣзной, третій — оловянной, и приказалъ королевну въ баню вести. Какъ привели королевну въ баню — едва въ двери рога впихали. Мартышка отослалъ всю прислугу прочь, вынялъ мѣдной прутъ, взялъ Настасью-королевну за рога и началъ драть, приговаривая: «за грѣхи у тебя эти рога выросли! повинись: не обманывала ли кого, не обирала ли кого?» — Батюшко-дохтуръ! я на вѣку никого не обманывала и чужаго себѣ не присвоивала. Взялъ онъ другой прутъ желѣзной, билъ билъ — королевна все не признается. Изломалъ желѣзной прутъ, вынялъ третій—оловянной, и началъ подчивать. Тутъ Настасья-королевна и повинилася: «виновата, батюшко-дохтуръ! бросила я новаго министра въ навозную яму, содрала съ него платье, забрала однозолотныя карты и кошелёкъ съ деньгами.» — А гдѣ ты однозолотныя карты съ тѣмъ кошелькомъ дѣвала? «У меня въ любимомъ ящичкѣ.»—Отдай ихъ мнѣ! Говоритъ ему королевна: «я теперь вся твоя! что хочешь, то и дѣлай со мною.» Мартышка далъ ей хорошихъ яблоковъ; съѣла она одно—одинъ рогъ свалился, съѣла другое—и другой отпалъ, съѣла третье — и сдѣлалась лучше и красивѣй прежняго. Пришли въ королевской домъ; королю это возлюбилось, пожаловалъ онъ Мартышку опять нáбольшимъ министромъ и отдалъ за него дочь свою Настасью-королевну въ замужество. Стали они жить благополучно—въ радости и спокойствіи, и теперь живутъ да хлѣбъ жуютъ.

(Записана въ архангельской губерніи.)

ѣ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, за тридесять земель, жилъ король; у него была дочь красоты

[1]) Лѣкарства (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 121).

неописанной, звали ее по имени Марья-королевна. И была она большая мастерица играть въ карты. Изо всѣхъ странъ съѣзжались къ ней цари и царевичи, короли и королевичи, князья и бояре, но никто не съумѣлъ ее обыграть ни единаго разу. Въ томъ-же самомъ государствѣ проживалъ дохторъ, и имѣлъ при себѣ три волшебныя вещи: шапку-невидимку, неисчерпаемой кошелёкъ и тросточку [1]). Взялъ онъ ударилъ этой тросточкой въ землю — и тотчасъ явились передъ нимъ три мо̀лодца: «что велите, что прикажите?» — Чтобъ сейчасъ же супротивъ королевскаго дворца была палатка раскинута, а въ той бы палаткѣ музыка играла и пѣсельники пѣли. Не успѣлъ онъ проговорить всего, а ужь супротивъ королевскаго дворца знатная палатка стоитъ, и музыка гремитъ, и пѣсельники поютъ. Услыхалъ король, и посылаетъ узнать: кто, безъ его королевскаго позволенія, раскинулъ супротивъ дворца палатку и забавляется музыкой? Отвѣчаетъ дохторъ: «я де изъ дальнихъ странъ пріѣхалъ; хочу съ вашей королевною въ карты поиграть.» Доложили про то королю, и велѣлъ онъ позвать дохтора во дворецъ. Дохторъ ударилъ тросточкой — явились три мо̀лодца: «что велите, что прикажите?»—Убрать палатку и музыку! Тотчасъ все и пропало. Приходитъ дохторъ во дворецъ, король его встрѣчаетъ ласково, а Марья-королевна ужь карты готовитъ. Положили они промежъ себя такой уговоръ: если королевна да не сможетъ обыграть этого дохтора до̀чиста, то ей выходить за него замужъ, а ему на ней жениться. Сѣли играть; дохторъ все проигрываетъ да изъ кошелька золото вытрясываетъ, а Марья-королевна все выигрываетъ да къ себѣ забираетъ. Весь дворецъ завалила золотомъ, а дохторъ все не обыгранъ! Вызываетъ ее дѣвка-

[1]) *Варіантъ*: и кисетъ съ кремнемъ да огнивомъ: только ударь огнивомъ по кремню—тотчасъ выскочитъ мо̀лодецъ: «что велите, что прикажите?»

чернавка и говоритъ на̀ ухо: «ахъ, Марья-королевна, вѣдь вамъ его ни-за̀-что не обыграть!»—Отчего не обыграть? «Чай, сами видите: у него неисчерпаемой кошелёкъ; сколько не беретъ оттуда—онъ все полонъ!»—Что-жъ теперь дѣлать мнѣ? «А вотъ что̀! садитесь-ка опять играть въ карты, а я тѣмъ временемъ сошью точно такой-же кошелёкъ да насыплю въ него золота. Вотъ какъ подмѣнимъ у дохтора кошелёкъ, онъ тотчасъ проиграется!» Сказано—сдѣлано; Марья-королевна съ дохторомъ играетъ да все его сладкой водочкой подчуетъ, а дѣвка-чернавка живой рукой кошелёкъ шьетъ. Какъ скоро сшила, королевна взяла его подмѣнила, и не прошло полчаса, а ужь дохторъ совсѣмъ проигрался—нѣтъ въ кошелькѣ ни копѣечки! «Что за диво! думаетъ, дай стану играть на тросточку; авось отыграюся.» Куда тебѣ! проигралъ и тросточку, и шапку-невидимку—ни при чемъ остался! Выгнали его изъ дворца въ зашеи, и пошелъ дохторъ въ чистое поле. Шелъ-шелъ [1]) и пришелъ въ лѣсъ. Захотѣлось ему голодъ

[1]) *Варіантъ:* Жилъ-былъ мо̀лодецъ, нанялся королю служить; три года на него работа̀лъ, а пришло дѣло къ разсчету, король и говоритъ: «садись-поиграй съ моей дочерью въ карты!» Мо̀лодецъ сѣлъ съ королевною играть въ карты и проигралъ все свое жалованье. Пошелъ изъ дворца съ пустыми руками; идетъ да горько плачется, а на встрѣчу ему сѣденькой старичокъ: «послушай, доброй молодецъ, о чемъ плачешь?» — Какъ мнѣ не плакать? задарма̀ три года королю работа̀лъ! Старичокъ сжалился, даетъ ему неисчерпаемой кошелекъ и палку: впередъ махнешь палкою — явится большой городъ, а назадъ махнешь — станетъ болото непроходимое. Мо̀лодецъ поблагодарилъ старика, воротился въ королевскія земли, махнулъ палкою—и явился передъ нимъ большой городъ: живетъ онъ себѣ въ этомъ городѣ, печали не вѣдаетъ, денегъ куры не клюютъ! Прослышалъ король про его богатство несмѣтное, сталъ занимать у него денегъ по милліону и больше; много назанималъ, да отдать-то нечего! «Женись, говоритъ, на моей дочери; только долгъ прости!» Вотъ и женился мо̀лодецъ на прекрасной королевнѣ и увёзъ ее къ себѣ. Ночью уноситъ у него королевна тайкомъ и кошелекъ и палку; только махнула палкой назадъ —явилось болото непроходимое, призвала своихъ слугъ и велѣла бросить въ это болото мо̀лодца. Слуги ухватили его соннаго и бросили прямо въ трясину. Поутру про-

утолить, глядь-поглядь—передъ нимъ три куста съ ягодами: на одномъ кусту ягоды бѣлыя, на другомъ красныя, а на третьемъ чорныя. Попробовалъ-скушалъ чорныхъ ягодъ—выросли у него большіе рога, скушалъ красныхъ ягодъ — все тѣло шерстью обросло. Что тутъ дѣлать, какъ тутъ быть? «Эхъ, за одно пропадать! дай еще попробую.» Сорвалъ бѣлыхъ ягодъ, съѣлъ—и рога свалились, и шерсти какъ не бывало, да еще такимъ красавцемъ сдѣлался, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.... (Окончаніе такое-же, какъ и въ предыдущей сказкѣ; дохторъ продаетъ королевнѣ коробочку чорныхъ и красныхъ ягодъ, а послѣ вылѣчиваетъ ее и беретъ за себя замужъ.)

26.

ЧУДЕСНАЯ КУРИЦА. [1])

За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ старикъ со старухою въ нуждѣ и въ бѣдности; у нихъ было два сына — лѣтами малы, на работу идти не сдюжаютъ. Поднялся самъ старикъ, пошелъ на за̀работки, ходилъ-ходилъ по̀ людямъ, только и зашибъ что̀ двугривенной. Идетъ домой, а на встрѣчу ему горькой пьяница—въ рукахъ курицу [2]) держитъ. «Купи, старичокъ, ку-

снулся мо̀лодецъ, глянулъ—кругомъ вода, кочки да мохъ; насилу въ три дня оттудова вылѣзъ....

(Въ другомъ спискѣ мо̀лодецъ, проигравшись въ карты, идетъ по̀ полю и плачетъ; вдругъ въ-сторонѣ что-то краснымъ огонькомъ вспыхнуло — такъ и блеститъ и сіяетъ! Побѣжалъ туда, глядь—лежитъ самоцвѣтной камень; взялъ его, началъ съ руки на̀ руку перебрасывать, а червонцы такъ и сыплются, такъ и сыплются! Разбогатѣлъ мо̀лодецъ, и пріѣхалъ къ нему король въ займы просить...) — [1]) См. вып. V, № 53. — [2]) *Вар.* гуся.

рочку!» — А что стòитъ? «Давай полтину.» — Нѣтъ, братъ! возьми двугривенной; съ тебя и этого будетъ: выпьешь крючокъ, да и спать ложись! Пьянчужка взялъ двугривенной и отдалъ старику курицу. Вернулся старикъ домой, а дòма давно голодаютъ: нѣтъ ни куска хлѣба! «Вотъ тебѣ, старая, курочку купилъ!» Накинулась на него баба и давай ругать: «ахъ ты, старой чортъ! совсѣмъ изъ ума выжилъ! дѣти безъ хлѣба сидятъ, а онъ курицу купилъ; вѣдь ее кормить надо!» — Молчи, дура-баба! много ли курица съѣстъ? а вотъ она нанесетъ намъ яичекъ да цыплятъ высидитъ, мы цыплятъ-то продадимъ да хлѣба и купимъ... Сдѣлалъ старикъ гнѣздышко и посадилъ курочку подъ печкою. На утро смотритъ, а курочка самоцвѣтной камушекъ снесла. Говоритъ старикъ женѣ: «ну, старуха! у людей куры яйца несутъ, а у насъ — камушки; что теперь дѣлать?» — Неси въ городъ; можетъ, кто и купитъ! Пошелъ старикъ въ городъ; ходитъ по гостиному ряду и показываетъ самоцвѣтной камень. Со всѣхъ сторонъ сошлись къ нему купцы, начали цѣнить этотъ камушекъ, цѣнили-цѣнили и купили за пятьсотъ рублевъ. Съ того дня зачалъ старикъ торговать самоцвѣтными камнями, чтò несла ему курочка; живо разбогатѣлъ, выписался въ купечество, настроилъ лавокъ, нанялъ прикащиковъ и сталъ зà море съ кораблями ѣздить да въ иныхъ земляхъ торгъ вести. Уѣзжаетъ онъ какъ-то въ чужія страны и наказываетъ женѣ: «смотри, старая! соблюдай курочку, пуще глаза храни; а коли она утратится, твоя голова съ плечъ свалится!» Только уѣхалъ, а старуха сейчасъ-же худое задумала — съ молодымъ прикащикомъ связалась. «Гдѣ вы эти самоцвѣтные камни берете?» спрашиваетъ ее прикащикъ. — Да намъ курочка несетъ. Прикащикъ взялъ курочку, посмотрѣлъ, а у ней подъ правымъ крылушкомъ золотомъ написано: кто ея голову съѣстъ — тотъ королемъ будетъ, а кто потрохи — тотъ будетъ

золотомъ харкать. [1]) «Зажарь, говоритъ, эту курочку мнѣ на обѣдъ!» — Ахъ, любезной другъ! какъ можно? вѣдь мужъ воротится — казнитъ меня. Прикащикъ и слышать ничего не хочетъ: зажарь! — да и только. На другой день призвала старуха повара, приказала ему зарѣзать курочку и зажарить къ обѣду съ головкой и съ потрохами. Поваръ зарѣзалъ курочку и поставилъ въ печь, а самъ вышелъ куда-то. Тѣмъ временемъ прибѣжали изъ училища старухины дѣти, заглянули въ печь и захотѣлось имъ попробовать жаренаго: старшій братъ съѣлъ куриную голову, а меньшой скушалъ потрохи. Пришло время обѣдать, подаютъ за столъ курицу; прикащикъ какъ увидѣлъ, что нѣтъ ни головы, ни потроховъ, разсердился, разругался съ старухою и уѣхалъ домой. Старуха за нимъ —и такъ, и сякъ умасливаетъ, а онъ знай на одномъ стоитъ: «изведи своихъ дѣтей, говоритъ, вынь изъ нихъ потроха̀ и мозгѝ и сготовь мнѣ къ ужину; не то знать тебя не хочу!» Старуха уложила своихъ дѣтокъ спать, а сама призвала повара и велѣла везти ихъ сонныхъ въ лѣсъ; тамъ загубить ихъ до̀ смерти, а потроха̀, мозгѝ вынуть и сготовить къ ужину. Поваръ привёзъ мальчиковъ въ дремучій лѣсъ, остановился и принялся точить ножъ. Мальчики проснулись и спрашиваютъ: «зачѣмъ ты ножъ точишь?» — А затѣмъ, что мать ваша приказала мнѣ изъ васъ потроха̀ и мозгѝ добыть да къ ужину изготовить. «Ахъ, дѣдушка-голубчикъ! не убивай насъ [2]); *сколько* хочешь дадимъ тебѣ золота, только пожалѣй насъ — отпусти на волю.» Младшій братъ нахаркалъ ему цѣлую полу золота; поваръ и согласился отпустить ихъ на *вольной* свѣтъ. Бросилъ мальчиковъ въ лѣсу, вернулся

[1]) *Вар.* Кто съѣстъ правое крылушко — тотъ царемъ будетъ, а кто лѣвое крылушко—тотъ станетъ золотомъ плевать. — [2]) *Вар.* Поваръ сжалился и отдалъ ихъ къ одной бѣдной вдовѣ на пропитаніе; мальчики выросли, поумнѣли и пошли странствовать...

назадъ, а на его счастье дома сука ощенилася; вотъ онъ взялъ-зарѣзалъ двухъ щенковъ, вынулъ изъ нихъ потроха и мозги, зажарилъ и подалъ къ ужину на столъ. Прикащикъ такъ и кинулся на это кушанье, все сожралъ — и сдѣлался ни королемъ, ни королевичемъ, а напросто хамомъ!

Мальчики вышли изъ лѣсу на большую дорогу и пошли куда глаза глядятъ; долго ли, коротко ли шли они — только распадается дорога надвое и стоитъ тутъ столбъ, а на столбѣ написано: кто пойдетъ направо, тотъ царство получитъ, а кто пойдетъ налѣво, тотъ много зла и горя пріиметъ, да за то женится на прекрасной царевнѣ. Братья прочитали эту надпись и рѣшились идти въ разныя стороны: старшій пошелъ направо, младшій налѣво. Вотъ старшій-то шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и забрался въ незнамой столичной городъ; въ городѣ народа видимо-невидимо! только всѣ въ траурѣ, всѣ печалятся. Попросился онъ къ бѣдной старушкѣ на квартиру: «укрой, говоритъ, чужестраннаго человѣка отъ темной ночи.»—Рада бы пустить, да право некуды; и то тѣсно! «Пусти, бабушка! я такой-же человѣкъ мірской [1]), какъ и ты; мнѣ немного мѣста надобно—гдѣ-нибудь въ уголку ночую.» Старуха пустила его. Стали разговаривать. «Отчего, бабушка, спрашиваетъ странникъ, у васъ въ городѣ тѣснота страшная, квартиры дороги, а народъ весь въ траурѣ да въ печали?» — Да вишь король у насъ померъ; такъ бояре стали кличъ кликать, чтобъ собирались всѣ и старые и малые, и всякому даютъ по свѣчѣ, и съ тѣми свѣчами ходятъ въ соборъ: у кого свѣча сама собой загорится, тотъ и королемъ будетъ! На утро мальчикъ всталъ, умылся, Богу помолился, поблагодарилъ хозяйку за хлѣбъ, за соль, за мягкую постель и пошелъ въ соборную церковь; приходитъ — народу въ три года не сосчитать!

[1]) Т. е. простой, незнатной.

только взялъ свѣчу въ руки — она тотчасъ и загорѣлася. Тутъ всѣ на него бросились, стали свѣчу задувать, тушить, а огонь еще ярче горитъ. Нечего дѣлать, признали его за короля, одѣли въ золотную одёжу и отвели во дворецъ.

А меньшой братъ, что̀ повернулъ налѣво, услыхалъ, что въ нѣкоемъ царствѣ есть прекрасная царевна — собой прелесть неописанная, только на казну больно завистная, и пустила де она вѣсти по всѣмъ землямъ: за того пойду замужъ, кто сможетъ прокормить мое войско цѣлые три года. Какъ не попытать счастья? Пошелъ туда мальчикъ; идетъ онъ доро̀гою, идетъ широкою, а самъ все въ мѣшочикъ плюетъ да плюетъ чистымъ золотомъ. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приходитъ къ прекрасной царевнѣ и вызвался ея задачу исполнить. Золота ему не занимать стать: плюнетъ — и готово! Три года содержалъ онъ царевнино войско, кормилъ-поилъ, одѣвалъ. Пора бы веселымъ пиркомъ да за свадебку, а царевна — на хитрости: распросила-развѣдала, откуда ему такое богатство Богъ послалъ? зазвала его въ гости, угостила-уподчивала и поднесла рвотнаго. Стошнило до̀браго мо̀лодца и выблевалъ онъ куриной потрохъ; а царевна подхватила да въ ротъ. Съ того-же дня стала она золотомъ харкать; а женихъ ея не при чемъ остался. «Что мнѣ съ этимъ невѣжею дѣлать? спрашиваетъ царевна у своихъ бояръ, у генераловъ; вить зайдетъ же эдакая блажь въ голову — вздумалъ на мнѣ жениться!» Бояре говорятъ: надо его повѣсить; генералы говорятъ: надо его разстрѣлять; а царевна иное придумала — приказала бросить его въ н...... нужникъ?

Доброй мо̀лодецъ еле оттуда вылѣзъ, и снова отправился въ путь-дорогу, а самъ одно на умѣ держитъ: какъ-бы умудриться да отсмѣять царевнѣ эту шутку недобрую. Шелъ-шелъ и зашелъ въ дремучій лѣсъ; смотритъ — три человѣка дерутся, другъ дружку такъ кулаками и садятъ! «Что вы дере-

тесь?» — Да вотъ попались намъ въ лѣсу три находки, а раздѣлить не умѣемъ: всякой себѣ тащитъ! «А что за находки? есть ли изъ-за чего ссориться?»—Еще бы! вотъ боченокъ — только стукни, изъ него рота солдатъ выскочитъ; вотъ ковёръ-самолётъ—куда вздумалъ, туда и полетѣлъ [1]); а вотъ кнутъ-самобой — хлысни дѣвку да скажи: была дѣвица, а будь кобылица! сейчасъ кобылой и сдѣлается [2]). «Находки важныя — раздѣлить трудно! а я такъ думаю: давайте-ка сдѣлаю стрѣлу да пущу въ энту сторону, а вы вслѣдъ за ней припустите; кто первый добѣжитъ — тому боченокъ, кто второй добѣжитъ — тому ковёръ-самолётъ, кто назади останется — тому кнутъ-самобой.» — Ладно! пущай стрѣлу. Молодецъ сдѣлалъ стрѣлу и пустилъ далеко-далеко; трое бросились бѣжать на перегонки... бѣгутъ и назадъ не оглянутся! а доброй молодецъ взялъ боченокъ да кнутъ-самобой, сѣлъ на ковёръ-самолётъ, тряхнулъ за одинъ конецъ — и поднялся выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго, и полетѣлъ куда самъ желалъ. Опустился онъ на заповѣдныхъ лугахъ прекрасной царевны, началъ въ боченокъ поколачивать — и полѣзло оттуда войско несмѣтное: и пѣхота, и конница, и артиллерія съ пушками, съ пороховыми ящиками. Сила такъ и валитъ, такъ и валитъ! Доброй молодецъ спросилъ коня, сѣлъ верхомъ, объѣхалъ свою армію, поздоровался и скомандовалъ походъ. Барабаны бьютъ, трубы трубятъ, войско съ пальбою идетъ. Увидала царевна изъ своихъ теремовъ, страшно пере-

[1]) *Вар.* Еще бы! вотъ шапка-невидимка, вотъ сапоги-скороходы, а это кнутъ-самобой. (Молодецъ надѣлъ сапоги и ушелъ: что ни шагъ — то семь верстъ!) — [2]) Въ другомъ спискѣ, вмѣсто этой встрѣчи, доброй молодецъ находитъ кустъ ягодъ; съѣлъ одну ягодку—вдругъ ударило его со всѣхъ ногъ о сырую землю, и сдѣлался онъ жеребцомъ. Рыскалъ-рыскалъ по чистому полю, съѣлъ съ другаго куста ягодку — и сталъ по прежнему человѣкомъ. Нарвалъ ягодъ съ обоихъ кустовъ и пошелъ къ царевнѣ... (Далѣе сходно съ сказкою: «Рога».)

пугалась, и посылаетъ своихъ бояръ и генераловъ просить мира. Доброй мо̀лодецъ велѣлъ схватить этихъ посланныхъ, наказалъ ихъ грозно и больно, и отослалъ назадъ: «пускай де сама царевна пріѣдетъ да попроситъ замиренія.» Нечего дѣлать, пріѣхала къ нему царевна, вышла изъ кареты, подходитъ къ доброму мо̀лодцу, узнала его и обомлѣла, а онъ взялъ кнутъ-самобой, ударилъ ее по спинѣ: «была, говоритъ, дѣвица, будь теперь кобылица!» Въ ту-жъ минуту обратилась царевна кобылицею; онъ накинулъ ей узду, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ, и поскакалъ въ королевство своего старшаго брата. Скачетъ во всю прыть, шпорами въ бока садитъ, да тремя желѣзными прутьями погоняетъ, а за нимъ идетъ войско—сила несмѣтная. Долго ли, коротко ли — вотъ и граница; остановился доброй мо̀лодецъ, собралъ свое войско въ боченокъ и поѣхалъ въ столичной городъ. Ѣдетъ мимо королевскаго дворца; увидалъ его самъ король, засмотрѣлся на кобылицу: «что за витязь ѣдетъ! эдакой славной кобылицы въ жизнь свою не видывалъ!» Посылаетъ своихъ генераловъ торговать того коня. «Ишь, говоритъ мо̀лодецъ, какой король у васъ зоркой! эдакъ по вашему городу нельзя и съ женой молодой погулять: коли на кобылу позарился, такъ жену и подавно отыметъ!» Входитъ во дворецъ: «здорово, братецъ!» — Ахъ, а я тебя не узналъ! Пошло обниманье-цѣлованье. «Это что у тебя за боченокъ?» — Для питья, братецъ, держу; безъ воды въ дорогѣ нельзя. «А ковёръ?» — Садись, такъ узнаешь! Сѣли они на ковёръ-самолётъ; младшій братъ тряхнулъ за одинъ конецъ, и полетѣли выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго — прямо въ свое отечество.

Прилетѣли и наняли квартиру у роднаго отца; живутъ, а кто таковы—отцу съ матерью не сказываются. Вотъ вздумали они задать пиръ на весь крещеной міръ, собрали народу тьму тьмущую, трое сутокъ кормили-поили всѣхъ безданно, без-

пошлинно, а послѣ стали спрашивать: не знаетъ ли кто какой дивной исторіи? коли знаетъ, пусть сказываетъ. Никто не вызвался: «мы де люди небывалые!»—Ну, такъ я разскажу, говоритъ младшій братъ; только чуръ не перебивать! Кто три раза перебьетъ меня, того безъ пощады казнить. Всѣ согласились; вотъ онъ и началъ разсказывать, какъ жилъ старикъ со старухою, какъ была у нихъ курочка да несла самоцвѣтные камушки, какъ связалась старуха съ прикащикомъ... «Что ты врешь!» перебила хозяйка; а сынъ продолжаетъ дальше. Сталъ разсказывать, какъ курочку зарѣзали; мать опять его перебила. Дошло дѣло до того, какъ старуха хотѣла дѣтей извести; тутъ она снова не вытерпѣла: «неправда! говоритъ, можетъ ли это случиться, чтобы мать да на своихъ родныхъ дѣтей возстала?» — Видно, можетъ! узнай-ка насъ, матушка: вѣдь мы твои дѣти... Тутъ все открылось. Отецъ приказалъ изрубить старуху на мелкія части; прикащика привязалъ къ лошадинымъ хвостамъ: лошади бросились въ разныя стороны и разнесли его косточки по чисту полю. «Собакѣ собачья и смерть!» сказалъ старикъ, роздалъ все свое имѣніе нищимъ и поѣхалъ жить къ старшему сыну въ его королевство. А младшій сынъ ударилъ свою кобылицу наотмашъ кнутомъ-самобоемъ: «была кобылица, будь теперь дѣвица!» Кобылица обратилась прекрасною царевною; тутъ они помирились, поладили и повѣнчались. Свадьба была знатная, и я тамъ былъ, медъ пилъ, по бородѣ текло, да въ ротъ не попало.

27.

МУДРАЯ ДѢВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВЪ. [1]

Жилъ-былъ крестьянинъ, у него было два сына: меньшой былъ въ дорогѣ, старшой при домѣ. Сталъ отецъ помирать и

[1] См. вып. III, № 9.

оставилъ сыну при домѣ все наслѣдство, а другому ничего нѐ далъ; думалъ, что братъ брата не изобидитъ. Какъ отецъ-то померъ, старшо̀й сынъ его похоронилъ и все наслѣдство у себя удержалъ. Вотъ пріѣзжаетъ другой сынъ и горько плачетъ, что не засталъ отца въ живыхъ. Старшо̀й ему и говоритъ: «отецъ мнѣ все одному оставилъ!» И дѣтей-то у него не было, а у меньшаго былъ сынъ родной да дочь-пріёмышъ. Вотъ старшо̀й получилъ все наслѣдство, разбогатѣлъ и сталъ торговать дорогими товарами; а меньшой былъ бѣденъ, рубилъ въ лѣсу дрова да возилъ на рынокъ. Сосѣди, жалѣя его бѣдность, собрались и даютъ ему денегъ, чтобы онъ хоть мелочью торговалъ. Бѣднякъ боится, говоритъ имъ: «нѣтъ, добрые люди! не возьму я ваши деньги; неравно проторгуюсь— чѣмъ я вамъ долгъ заплачу̀?» И уговорились двое сосѣдей какъ-нибудь ухитриться да дать ему денегъ. Вотъ какъ поѣхалъ бѣдной за дровами, одинъ изъ нихъ настигъ его окольной доро̀гой и говоритъ: «поѣхалъ я, братецъ, въ дальній путь; на дорогѣ отдалъ мнѣ должникъ триста рублей — не знаю, куда ихъ дѣвать! Домой ворочаться не хочется; возьми пожалуй мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на нихъ; я пріѣду нескоро; послѣ выплатишь мнѣ по-немножку.» Бѣдной взялъ деньги, привёзъ домой и боится, какъ-бы ихъ не потерять, какъ-бы жена не нашла да не издержала замѣсто своихъ. Думалъ, думалъ, и спряталъ въ малёнку [1]) съ золой, а самъ ушелъ со двора. Пріѣхали безъ него мѣновщики—вотъ что скупаютъ золу да мѣняютъ ее на товаръ. Баба взяла и отдала имъ эту малёнку съ золой. Вернулся домой мужъ, видитъ—что малёнки нѣтъ, спрашиваетъ: «гдѣ зола?» Жена отвѣчаетъ: «я ее продала мѣновщикамъ.» Вотъ онъ испугался, тоскуетъ и горюетъ, а только все молчитъ. Видитъ жена,

[1]) Деревянная кадочка, мѣрка, пудовка (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 110).

что онъ печаленъ; приступила къ нему: «что за напасть съ тобой случилась? отчего такъ печаленъ?» Онъ и признался, что въ золѣ были спрятаны у него чужія деньги; разсердилась баба — и рвётъ, и мечетъ, и слезами заливается: «зачѣмъ ты мнѣ не повѣрилъ? я-бъ получше твоего припрятала!» Опять поѣхалъ мужикъ по дрова, чтобы потòмъ на рынкѣ продать да хлѣба купить. Настигаетъ его другой сосѣдъ, говоритъ ему тѣ-же самыя рѣчи и даетъ подъ сохрану пятьсотъ рублей. Бѣднякъ не беретъ, отказывается, а тотъ ему насильно всунулъ деньги въ руку и поскакалъ по дорогѣ. Деньги-то были бумажками; думалъ-думалъ: куда ихъ положить? взялъ да промежъ подкладки и спряталъ въ шапку. Пріѣхалъ въ лѣсъ, шапку повѣсилъ на ёлку и началъ рубить дрова. На его бѣду прилетѣлъ воронъ и унёсъ шапку съ деньгами. Мужикъ потужилъ, погоревалъ, да видно — такъ тому и быть! живетъ себѣ по прежнему, торгуетъ дровишками да мелочью, коё-какъ перебивается. Видятъ сосѣди, что времени прошло довольно, а у бѣднаго торгъ не прибываетъ; спрашиваютъ его: «что-жъ ты, братецъ, худо торгуешь? али наши деньги затратить боишься? коли такъ, лучше отдай наше добро назадъ.» Бѣдной заплакалъ и разсказалъ, какъ пропали у него ихнія деньги. Сосѣди не повѣрили и пошли просить на него въ судъ. «Какъ разсудить это дѣло? думаетъ судья; мужикъ — человѣкъ смирной, неимущій, взять съ него нечего; коли въ тюрму посадить — съ голоду помретъ!» Сидитъ судья, пригорюнясь, подъ окошкомъ, и взяло его большое раздумье. На то время какъ нарочно играли на улицѣ мальчишки. И говоритъ одинъ — такой бойкой: «я бурмистръ буду; стану васъ, ребята, судить, а вы приходите ко мнѣ съ просьбами.» Сѣлъ на камень; а къ нему подходитъ другой мальчишка, кланяется и проситъ: «я де вотъ этому мужичку далъ денегъ въ займы, а онъ мнѣ не платитъ; пришелъ къ твоей милости

суда на него просить.» — Ты бралъ въ займы? спрашиваетъ бурмистръ у виноватаго. «Бралъ.» — Почему-жъ не платишь? «Нечѣмъ, батюшка!» — Слушай, челобитчикъ! вѣдь онъ не отпирается, что бралъ у тебя деньги, а заплатить ему не въ моготу; такъ ты отсрочь ему долгъ лѣтъ на пять-на шесть, авось онъ поправится и отдастъ тебѣ съ лихвою. Согласны? Мальчишки оба поклонились бурмистру: «спасибо, батюшка! согласны.» Судья все это слышалъ, обрадовался и говоритъ: «этотъ мальчикъ ума мнѣ далъ! скажу и я своимъ челобитчикамъ, чтобъ отсрочили они бѣдному.» По его словамъ, согласились богатые сосѣди обождать года два-три: авось тѣмъ временемъ мужикъ поправится!

Вотъ бѣдной опять поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, полвоза нарубилъ — и сдѣлалось темно. Остался онъ на̀ ночь въ лѣсу: «утромъ де съ полнымъ возомъ ворочусь домой.» И думаетъ: гдѣ ему ночевать? Мѣсто было глухое, звѣрей много; подлѣ лошади лечь — пожалуй, звѣри съѣдятъ. Пошелъ онъ дальше въ чащу и взлѣзъ на большую ель. Ночью пріѣхали на это самое мѣсто разбойники — семь человѣкъ, и говорятъ: «дверцы, дверцы! отворитеся.» Тотчасъ отворились дверцы въ подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю, и приказываютъ: «дверцы, дверцы! затворитеся.» Дверцы затворились, а разбойники поѣхали снова на добычу. Мужикъ все это видѣлъ, и когда кругомъ его стихло — спустился съ дерева: «а ну-тка я попробую — не отворятся-ль и мнѣ эти дверцы?» И только сказалъ: «дверцы, дверцы! отворитеся» — онѣ въ ту-жъ минуту и отворилися. Вошелъ онъ въ подземелье, смотритъ — лежатъ кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бѣдной и на разсвѣтѣ принялся таскать мѣшки съ деньгами; дрова долой сбросилъ, нагрузилъ возъ серебромъ да золотомъ и поскорѣй домой. Встрѣчаетъ его жена: «охъ ты, мужъ-мужинёкъ! а я ужь съ горя пропа-

дала; все думала: гдѣ ты? либо деревомъ задавило, либо звѣрь съѣлъ!» А мужикъ веселёхонекъ: «не кручинься, жена! Богъ далъ счастья, я кладъ нашелъ; пособляй-ка мѣшки носить.» Кончили работу, и пошелъ онъ къ богатому брату; разсказалъ все, какъ было, и зоветъ съ собой ѣхать по счастье. Тотъ согласился. Пріѣхали вмѣстѣ въ лѣсъ, отыскали ель, крикнули: «дверцы, дверцы! отворитеся» — дверцы отворились. Начали они таскать мѣшки съ деньгами; бѣдной братъ наложилъ возъ—и доволенъ сталъ, а богатому все мало. «Ну ты, братецъ, поѣзжай! говоритъ богатой; а я за тобой скоро буду.» — Ладно! не забудь же сказать: дверцы, дверцы! затворитеся. «Нѣтъ, не забуду.» Бѣдной уѣхалъ, а богатой никакъ не можетъ разстаться: всего вдругъ не увезешь, а покинуть жаль! Тутъ его и ночь застигла. Пріѣхали разбойники, нашли его въ подземельи и отрубили ему голову; поснимали свои мѣшки съ возу, замѣсто того положили убитаго, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась изъ лѣсу и привезла его домой. Вотъ атаманъ разбойничій и бранитъ того разбойника, что̀ убилъ богатаго брата: «зачѣмъ ты убилъ его рано? надо было напередъ распросить, гдѣ онъ живетъ? Вѣдь у насъ много добра убыло; видно, онъ-же повыталкалъ! гдѣ теперь найдемъ?» Есаулъ говоритъ: «ну, пускай тотъ и доискивается, кто его убилъ!»

Недолго спустя сталъ тотъ убійца развѣдывать: не отыщется ли гдѣ ихъ золото? Приходитъ какъ есть къ бѣдному брату въ лавочку; то-другое поторговалъ, запримѣтилъ, что хозяинъ скученъ, задумывается, и спрашиваетъ: «что такъ пріунылъ?» А тотъ и говоритъ: «былъ у меня старшо̀й братъ, да бѣда стряслась: кто-то убилъ его, третьёва дни лошадь на дворъ привезла съ отрубленой головою, а сегодня похоронили.» Разбойникъ видитъ, что на слѣдъ попалъ, и давай распрашивать; притворился, будто очень жалѣетъ. Узналъ, что

послѣ убитаго вдова осталась, и спрашиваетъ: «хоть есть ли у сироты свой-то уголокъ?» — Есть — домъ важной! «А гдѣ? укажи мнѣ.» Мужикъ пошелъ, указалъ ему братнинъ домъ; разбойникъ взялъ кусокъ красной краски и положилъ на воротахъ замѣтку. «Это для чего?» спрашиваетъ его мужикъ. А тотъ отвѣчаетъ: «я де хочу помочь сиротѣ, а чтобъ легче домъ найдти — нарочно замѣтку сдѣлалъ.» — Э, братъ! моя невѣстка ни въ чемъ не нуждается; слава Богу, у нея всего довольно. «Ну, а ты гдѣ живешь?» — А вотъ и моя избушка. Разбойникъ и у него на воротахъ положилъ такую-жъ замѣтку. «А это для чего?» — Ты, говоритъ, мнѣ очень понравился; стану къ тебѣ на ночлегъ заѣзжать; повѣрь, братъ, для твоей же пользы! Вернулся разбойникъ къ своей шайкѣ, разсказалъ все по порядку, и уговорились они ѣхать ночью — ограбить и убить всѣхъ въ обоихъ домахъ, да воротить свое золото.

А бѣдной пришелъ ко двору и сказываетъ: «сейчасъ спознался со мной молодецъ, запятналъ мои ворота — стану, говоритъ, къ тебѣ завсегда на постой заѣзжать. Такой доброй! а какъ о братѣ сожалѣлъ, какъ хотѣлъ невѣсткѣ помочь!» Жена и сынъ слушаютъ, а дочь-пріёмышъ говоритъ ему: «батюшка! не ошибся ли ты? ладно ли эдакъ будетъ? Не разбойники-ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да насъ розыскиваютъ? Пожалуй, наѣдутъ, разграбятъ, и отъ смерти не уйдешь!» Мужикъ испугался: «а что дивить? вѣдь я его допрежде того никогда не видывалъ. Вотъ бѣда! что-же дѣлать-то станемъ?» А дочь говоритъ: «поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околодку и запятнай ворота такими-же мѣтками.» Мужикъ пошелъ и запятналъ ворота во всемъ околодкѣ. Пріѣхали разбойники и не могли ничего розыскать; воротились назадъ и приколотили развѣдчика: зачѣмъ неладно пятналъ? Наконецъ разсудили: «видно, мы на

хитраго напали!» и погодя немного приготовили семь бочекъ; въ шесть бочекъ посадили по разбойнику, а въ седьмую масла налили. Поѣхалъ прежній развѣдчикъ съ этими бочками прямо къ бѣдному брату, пріѣхалъ по̀дъ вечеръ и попросился ночевать. Тотъ и пустилъ его, какъ знакомаго. Дочь вышла на дворъ, стала осматривать бочки, одну открыла — въ ней масло, другую попробовала открыть — нѣтъ, не сможетъ; припала ухомъ и слушаетъ, а въ бочкѣ кто-то шевелится и здышетъ. «Э, думаетъ, да тутъ недобрая хитрость!» Пришла въ избу и говоритъ: «батюшка! чѣмъ будемъ гостя подчивать? семъ-ка я пойду-затоплю печку въ задней избѣ да изготовлю чего-нибудь поужинать.» — Ну, что-жъ! ступай. Дочь ушла, затопила печь, да между стряпнёй все воду грѣетъ, кипятокъ носитъ да въ бочки льётъ; всѣхъ разбойниковъ заварила. Отецъ съ гостемъ поужинали, а дочь сидитъ въ задней избѣ да караулитъ, что̀-то будетъ? Вотъ когда хозяева уснули, гость вышелъ на дворъ, свистнулъ — никто не откликается; подходитъ къ бочкамъ, кличетъ товарищей — нѣтъ отвѣту; открываетъ бочки — оттуда паръ валитъ. Догадался разбойникъ, запрёгъ лошадей и убрался со двора съ бочками. Дочь заперла ворота, пошла будить своихъ домашнихъ, и разсказала все, что сдѣлалось. Отецъ и говоритъ: «ну дочка! ты намъ жизнь спасла, будь же законной женой моему сыну.» Веселымъ пиркомъ и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердитъ, чтобы продалъ свой старой домъ, да другой купилъ: крѣпко боялась разбойниковъ! не ровёнъ часъ — опять пожалуютъ. Такъ и случилось. Чрезъ нѣкое время тотъ самой разбойникъ, что̀ пріѣзжалъ съ бочками, снарядился офицеромъ, пріѣхалъ къ мужику и просится ночевать; его пустили. Никому не въ домёкъ, только молодая признала и говоритъ: «батюшка! вѣдь это прежній разбойникъ!»—Нѣтъ, дочка, не тотъ! Она и замолчала; да какъ стала спать ложиться—принесла

вострой топоръ и положила подлѣ себя; всю ночь глазъ не смыкала, все караулила. Ночью офицеръ всталъ, беретъ свою саблю и хочетъ ея мужу голову отсѣчь; она не сробѣла, махнула топоромъ — и отрубила ему правую руку, махнула еще разъ—и голову снесла. Тутъ отецъ увѣрился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продалъ домъ и купилъ себѣ гостинницу. Перешелъ на новоселье, началъ жить, богатѣть, расторговываться.

Заѣзжаютъ къ нему сосѣди — тѣ самые, что̀ давали ему денегъ да послѣ на него въ судѣ просили. «Ба! ты какъ здѣсь?» — Это мой домъ, недавно купилъ. «Важной домъ! видно, у тебя деньга̀ водится. Что-жъ ты долгу не платишь?» Хозяинъ кланяется и говоритъ: «слава Богу! мнѣ Господь далъ, я кладъ нашелъ, и готовъ заплатить вамъ хоть втрое.»—Хорошо, братъ! Давай-же теперь новоселье праздновать. «Милости просимъ!» Вотъ погуляли, попраздновали; а при домѣ садъ куда хорошъ! «Можно садъ посмотрѣть?» — Извольте, честные господа! я и самъ съ вами пойду. Ходили, ходили по̀ саду, и нашли въ дальнемъ углу малёнку золы. Хозяинъ какъ увидалъ, такъ и ахнулъ: «честные господа! вѣдь это та самая малёнка, которую моя жена продала.»—А ну-тка, нѣтъ ли въ золѣ денегъ? Вытряхнули, а онѣ тутъ и есть. Тогда сосѣди повѣрили, что мужикъ имъ правду сказывалъ. «Станемъ, говорятъ, деревья осматривать; вѣдь шапку-то воронъ унёсъ—вѣрно, въ ней гнѣздо свилъ.» Ходили-ходили, увидали гнѣздо, стащили баграми—какъ есть та самая шапка! Выбросили гнѣздо и нашли деньги. Заплатилъ имъ хозяинъ долгъ свой и сталъ жить богато и счастливо.

(Записана въ пермской губерніи г. Александромъ Сергачевымъ.)

28.

БЕЗСТРАШНОЙ [1]).

а. Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ былъ баринъ — такой смѣлой, ничего не боялся, и былъ у него слуга Ѳомка. Собрались они и поѣхали въ путь-дороженьку. Долго ли, коротко ли они ѣхали; пристигала ихъ въ лѣсу темная ночь. Ѣдучи лѣсомъ, увидали они землянку, а въ землянкѣ огонь горитъ. «Ѳомка! сказалъ баринъ; поѣзжай къ огню.» Подъѣхали къ землянкѣ, вошли, смотрятъ—мертвецъ лежитъ. Баринъ говоритъ: «Ѳомка, давай здѣсь ночевать!» — Нѣтъ, баринъ! я боюсь; лучше дальше поѣдемъ. «Дуракъ! стану я для тебя по лѣсу плутать!» Взялъ баринъ плеть и лёгъ подлѣ мертвеца; а Ѳомка залѣзъ въ печь, изогнулъ заслонъ, протащилъ къ себѣ, послѣ опять расправилъ, закрылъ печь заслономъ и уперся въ него ногами. Ударило полночь—мертвецъ всталъ и напалъ на незваннаго сосѣда; баринъ не будь плохъ, ухватилъ плеть и ну его жарить. Долго бились они; наконецъ запѣлъ кочетъ — мертвецъ упалъ на свое мѣсто, а баринъ кричитъ: «Ѳомка! чего поробилъ? [2]) вылѣзай изъ печи, клади мертвеца въ повозку.» Ѳомка вылѣзъ и потащилъ мертвеца въ повозку. Сѣли и поѣхали дальше; цѣлой день были въ дорогѣ, а къ вечеру въ село пріѣхали. Смотрятъ: стоитъ народъ на улицѣ и горько плачетъ. «О чемъ, мужички, плачете?» спрашиваетъ баринъ.—Какъ намъ не плакать, батюшка? повадилась къ намъ ходить Смерть и ѣстъ нашихъ дѣтей кажную ночь по очереди. «А ну покажите мнѣ вашу Смерть.» — Да вотъ она въ этотъ домъ пріидетъ. Баринъ говоритъ:

[1]) См. вып. V, № 46. — [2]) Оробѣлъ.

«Өомка! поѣдемъ-ка на охоту, не удастся ли еще?» Подъѣхали къ тому дому и просятся ночевать. «Нѣтъ, баринъ! отвѣчаютъ хозяева, нельзя намъ тебя пустить, потому что ныня ночью къ намъ Смерть прійдетъ; мы ужь припасли ей мальчика.» — Пожалуста пустите! мнѣ посмотрѣть хочется, что за Смерть такая? Пустили его; баринъ взошелъ въ избу, взялъ въ руки плеть и сѣлъ на лавку. Въ самую полночь пришелъ мертвецъ. Баринъ спрашиваетъ: «кто пришелъ?»—Смерть! «А есть ли у тебя билетъ?» — Что за спросъ! развѣ у Смерти бываютъ билеты? Баринъ зачалъ его плетью дуть; насилу мертвецъ вырвался и пустился на кладбище — въ свою могилу; баринъ за нимъ, положилъ на той могилѣ примѣту и воротился въ избу. Тутъ ему большую честь воздали. На утро сказалъ баринъ: «Өомка! запрягай лошадей, поѣдемъ на могилы; я тамъ что-то забылъ.» Поѣхали. Баринъ нашелъ запримѣченную могилу, разрылъ и вытащилъ оттуда мертвеца. «Өомка! бери его, клади въ повозку.» Өомка положилъ, стало у нихъ два мертвеца. «Ну, говоритъ баринъ, теперь съ насъ довольно; есть и осётръ и бѣлуга!» Поѣхали дальше; пріѣзжаютъ въ другое село, и здѣсь народъ плачетъ. «Что, мужички, плачете?» спросилъ баринъ. — Какъ намъ, батюшка, не плакать? возлѣ насъ въ лѣсу живутъ разбойники, всячески насъ обижаютъ, грабятъ и до смерти побиваютъ. «А въ коемъ мѣстѣ живутъ разбойники?» Мужики указали. «Өомка! сказалъ баринъ, поѣдемъ на охоту, не будетъ ли еще удача?» Поѣхали; стоитъ въ лѣсу большой домъ, смотритъ въ окно атаманъ и говоритъ: «ну, ребята! ѣдетъ къ намъ какой-то баринъ; вотъ мы его поздравимъ съ пріѣздомъ!» Баринъ въѣхалъ на дворъ, взошелъ въ горницу, а тамъ двѣнадцать человѣкъ разбойниковъ, сидятъ за столомъ да обѣдаютъ. «Здорово, молодцы!» сказалъ баринъ и велѣлъ Өомкѣ тащить осетра да бѣлугу. Өомка притащилъ мертвецовъ и прямо на столъ.

«Ну, ребята! кушайте», угощаетъ баринъ разбойниковъ; они поробили, ничего не отвѣчаютъ. «Ѳомка! принеси-ка плеть, я ихъ заставлю ѣсть!» Ѳомка подалъ плеть, баринъ взялъ и началъ направо и налѣво разбойниковъ хлестать; тѣ вскочили да бѣжать! такъ всѣ и ушли. Баринъ говоритъ: «ну, Ѳомка, наша взяла! давай искать денегъ.» Забрали все, что нашли у разбойниковъ, и поѣхали дальше.

Пріѣзжаютъ къ морю-океану; стоитъ на берегу большой трехъэтажной домъ. «Ѳомка! выпрягай лошадей да пойдемъ въ домъ.» Взошли на самой верхній этажъ и увидѣли—сидитъ царевна и горькими слезами разливается. «Что, дѣвица, плачешь?» спрашиваетъ баринъ. — Какъ мнѣ не плакать, молодецъ! выпалъ мнѣ жребій быть взятой нечистыми; вотъ сейчасъ придутъ черти и потащутъ въ море! Баринъ сталъ дожидаться. Наперёдъ прибѣжалъ маленькой чертёнокъ. «Ты куда?» закричалъ на него баринъ. — За царевною; меня дѣдушка послалъ. «А есть ли у тебя билетъ?»—Что за билетъ, вѣдь мы — черти! «Знаю, что черти! а зачѣмъ живете безданно, безпошлинно?» Схватилъ плеть и зачалъ чертёнка бить. Чертёнокъ кое-какъ вырвался и безъ памяти убѣжалъ въ море; пересказалъ обо всемъ сатанѣ. Сатана послалъ много-много чертей; баринъ тѣхъ плетью повыгналъ, тѣхъ въ окно повыкидалъ. Прибѣжалъ самъ сатана: «что ты, братъ, буянишь? или хочешь быть больше меня?» — А ты кто таковъ? спрашиваетъ баринъ; есть ли у тебя билетъ? «Экой ты дуракъ! ну, какой тамъ билетъ? вѣдь я — сатана!» — Постой-же, вотъ я тебя умника! Ѳомка, подай плеть да щипцы раскалённые!— и ну его щипать да плетью бить. Сатана и такъ-и сякъ вертѣлся, не могъ скоро вырваться, началъ просить у барина милости. Баринъ отпустилъ его еле жива, и убѣжалъ онъ безъ оглядки въ море. Послѣ пріѣзжаетъ туда царь въ печальной ризѣ, увидѣлъ живую дочь—и возрадовался великою

радостію. Сталъ ее распрашивать; царевна разсказала, кто и какъ избавилъ ее отъ смерти. Царь возблагодарилъ барина и отдалъ за него дочь свою. Баринъ женился и поѣхалъ съ своею женою на старое жительство; случись ему ѣхать мимо того моря, гдѣ черти живутъ. Увидали его черти, собираются на встрѣчу бѣжать, хотятъ его въ воду столкнуть; но самъ сатана закричалъ: «не могите его трогать; онъ шутя прійдетъ, насъ всѣхъ перебьетъ!» Баринъ пріѣхалъ домой благополучно и понынѣ живетъ счастливо.

(Записана въ саратовской губерніи К. А. Гуськовымъ.)

ѣ. Жилъ на свѣтѣ безстрашной баринъ; захотѣлось ему странствовать, взялъ своего слугу и поѣхалъ въ дорогу. Ѣхали-ѣхали, добрались къ ночи въ одну деревеньку и остановились ночевать въ крайней избушкѣ. Входятъ въ избушку — никого нѣтъ, только лежитъ на столѣ мертвецъ, а передъ нимъ стоитъ закуска да штофъ съ водкою. Безстрашной сѣлъ съ своимъ слугою за столъ, поужинали, водочки испили и улеглись на лавкахъ. Въ самую полночь смотрятъ—мертвецъ пошевелился и закачалъ головою; а то былъ — колдунъ; давно ужь завладѣлъ онъ этой избушкою, всѣхъ жильцовъ разогналъ. Кажное утро приходили сюда его сродственники, наготовятъ ему кушаньевъ, поставятъ штофъ водки, и уйдутъ; ровно въ полночь колдунъ встанетъ, поѣстъ и выпьетъ все дочиста, а какъ прійдетъ время пѣтухамъ пѣть—ляжетъ на свое мѣсто, и лежитъ неживой цѣлые сутки. «Что, братъ, головой качаешь? спрашиваетъ колдуна безстрашной баринъ; али выспался?» Колдунъ молчитъ, не отвѣчаетъ; приподнялся и давай шарить водку да закуски. «Эхъ, землякъ! говоритъ безстрашной; ты, я вижу, ѣсть хочешь? ну, братъ, извини, мы все пріѣли и выпили; не вѣдали, что ты проснешься, а то-бъ

и тебѣ оставили.» Колдунъ бросился на барина и принялись драться; бились-бились, баринъ былъ сильной, прижалъ его къ самой двери, дверь отворилась — и колдунъ упалъ въ сѣни, такъ черезъ порогъ и брякнулся. Безстрашной заперся на крюкъ и лёгъ спать, а колдунъ разозлился и ну грызть дверь зубами. Долго возился, совсѣмъ было прогрызъ — какъ вдругъ пѣтухи запѣли и упалъ онъ наземь, окостенѣлъ, не движется: какъ есть мертвецъ! «Возьмемъ его съ собою, говоритъ баринъ своему слугѣ; намъ троимъ веселѣй въ дорогѣ будетъ!» Подняли они мертвеца, положили въ повозку, сѣли и поѣхали. Ѣдутъ дорогою, глядь — въ сторонѣ дерево, на деревѣ покойникъ виситъ, за ноги привязанъ. «Стой! закричалъ баринъ; видишь ли ты, братецъ, вонъ на деревѣ человѣкъ виситъ?» — Вижу, отвѣчаетъ слуга. «Надо его снять! можетъ, онъ безъ вины, напрасно повѣшенъ.» Положили и другаго мертвеца въ повозку, ударили по лошади и поѣхали дальше. Передъ вечеромъ остановились въ полѣ, покормили лошадь, отдохнули, а какъ стемнѣло — опять въ путь собрались. Ѣдутъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; въ полночь поднимается колдунъ, берется за барина, а другой мертвецъ схватилъ его самого за шиворотъ: «ахъ ты, разбойникъ! говоритъ; за что его терзаешь? Я три года висѣлъ на деревѣ, никто не хотѣлъ меня снять, а онъ, спасибо ему, пожалѣлъ меня!» Сцѣпились мертвецы другъ съ дружкою, давай барахтаться, и свалились съ повозки; идутъ по дорогѣ слѣдомъ за тою повозкою да все дерутся... Пришло время пѣтухамъ кричать — оба посерёдъ дороги такъ и повалились. «Останови-ка лошадь, сказалъ баринъ своему слугѣ; надо ихъ поднять.» — Ну, ихъ къ Богу! какъ-бы бѣды не нажить! «Ничего, они еще пригодятся намъ.» Взяли мертвецовъ, уложили и поѣхали.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — пріѣзжаютъ въ большой столичной городъ; въ томъ городѣ король жилъ,

у того короля былъ славной дворецъ выстроенъ, весь золотомъ изукрашенъ, а жить въ немъ нельзя было; ужь много-много лѣтъ пустой стоялъ. Поселилась во дворцѣ нечистая сила, и сколько ни вызывалось богатырей, храбрецовъ—никто не смогъ ее выжить оттуда; съ вечеру пойдетъ богатырь во дворецъ и здоровой и сильной, а къ утру однѣ косточки останутся. Вотъ приходитъ безстрашной къ королю: «прикажи де квартиру отвести; я—человѣкъ чужестранной.»—Есть у меня, сказываетъ король, отличной дворецъ, только нечистая сила имъ завладѣла; коли хочешь, остановись тамъ; отдаю тебѣ тотъ дворецъ въ вѣчное владѣніе. А выгонишь нечистыхъ, еще награжденіе пожалую. Безстрашной согласился. Пріѣхалъ въ пустой дворецъ, видитъ—покои большіе, убранство знатное. «Что, братецъ! говоритъ своему слугѣ, хороша квартира?» — Чего лучше! «Ну, теперь таскай дрова, какъ можно больше, накладывай полны печи и зажигай: пусть жарко горятъ!» Слуга натаскалъ цѣлые вороха дровъ и затопилъ печи: докраснà накалилъ. Вечеромъ пошелъ безстрашной къ повозкѣ, забралъ обоихъ мертвецовъ и тащитъ въ горницы. «Эхъ, баринъ! говоритъ слуга, что ты съ ними таскаешься? вѣдь отъ нихъ спокоя всю ночь не видать!»—Молчи, дуракъ! я самъ знаю, что̀ дѣлаю! отвѣчаетъ баринъ; положилъ мертвецовъ рядушкомъ на постель, а самъ лёгъ вмѣстѣ съ слугою подъ кровать. Въ двѣнадцать часовъ начался шумъ да гамъ, прибѣжали три чорта, глядь — на постели незванные гости лежатъ. «Это что зà люди? какъ вы смѣли сюда зайдти?» А безстрашной, лёжа подъ кроватью, озывается: «не все вамъ, проклятые, здѣсь жить! теперь нашъ черёдъ пришелъ — надо *намъ*, добрымъ мòлодцамъ, повеселиться! Аль не видите какъ печки натоплены?»—какъ не видать! «Ну, это для васъ, проклятые! всѣхъ сожжемъ, пепелъ по вѣтру пустимъ, будете *насъ* помнить!» Черти испугались и языки прикусили. Вдругъ

16*

вскакиваютъ два мертвеца и давай межъ собой драться, а черти стоятъ да смотрятъ: «за что-жъ, спрашиваютъ, вы сами-то деретесь?» Покойники услыхали и бросились на нечистыхъ, ну ихъ рвать и зубами терзать. Черти благимъ матомъ завопили: «охъ, отпустите живыхъ насъ! какъ хотите, такъ и бейте, только въ печь не бросайте!»—А, вы печи боитесь! Схватили двухъ чертей и бросились въ раскаленную печку, а третій пустился бѣжать. На встрѣчу ему валитъ толпа нечистыхъ. «Куда вы, братцы?» — Во дворецъ. «Что вы! коли хотите быть цѣлыми, лучше и не показывайтесь; не то прямо въ жаръ угодите! Я насилу ушелъ; сами видите, какъ изуродованъ!» Только успѣли переговорить, какъ закричали пѣтухи—черти пропали, а мертвецы на какомъ мѣстѣ стояли, на томъ и повалились словно колоды. Безстрашной баринъ и слуга его вылѣзли изъ-подъ кровати, убрали мертвецовъ, а сами легли на постель и проспали до свѣта. Утромъ посылаетъ король узнать: живъ ли безстрашной баринъ, али черти его замучили? Докладываютъ королю, что онъ живъ, ни въ чемъ невредимъ. «Хорошо, молвилъ король, посмотрю, что дальше будетъ.» На другую ночь случилось тоже самое, на третью опять тоже; видятъ черти, что дѣло-то плохо, всякой разъ своихъ не досчитываются, и говорятъ межъ собой: «какъ не вертись, братцы! а приходится намъ оставлять этотъ дворецъ; куда-жъ теперь сунемся?» И придумали они перебраться на тотъ на зеленой лугъ, что передъ самымъ королевскимъ дворцомъ разстилался. Далъ король безстрашному барину большое награжденіе, и зажилъ онъ въ богатствѣ и довольствѣ, а мертвецовъ своихъ уложилъ въ кибитку и поставилъ ее въ сарай — въ самой темной уголъ; день покойники смирно лежатъ, а прійдетъ глухая полночь — встанутъ, подерутся другъ съ дружкою, и опять на свое мѣсто лягутъ.

Немного прошло времени, заплѣнили черти зеленой лугъ и сдѣлали изъ него трясину да болото; прежде королевская семья тутъ гуляла, а теперь нельзя стало ни пройдти, ни проѣхати; сильно топко! курица — и та на другую сторону не переправится. Дивится король: «что̀ бы это значило?» а чѣмъ пособить—не знаетъ. Безстрашной баринъ сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло; разъ какъ-то позднимъ вечеромъ взялъ онъ своихъ мертвецовъ, потащилъ къ болоту, положилъ на видное мѣсто, а самъ тутъ-же за кустъ спрятался. Выскочили два чорта, увидали старыхъ знакомыхъ и говорятъ: «что вы, честные господа! зачѣмъ сюда пришли? Невжли (неужель) вамъ во дворцѣ мѣста мало, что хотите насъ изъ болота выживать?» На тѣ рѣчи отвѣчаетъ безстрашной изъ-за куста: «нѣтъ, за дворецъ вамъ спасибо! только лугъ-то зачѣмъ вы запакостили? по немъ ни пройдти теперь, ни проѣхати. Коли хотите быть съ нами въ миру, сдѣлайте такъ, чтобы намъ двоимъ можно было по этому болоту каждой день верхомъ кататься, и дайте въ томъ росписку.» Только что̀ успѣли бѣсы написать росписку, какъ пришло время мертвецамъ драться: какъ вскочатъ, какъ бросятся! Ничистые съ испугу въ болото покидались, въ самые глубокіе омуты провалились; а мертвецы-то сцѣпились другъ съ дружкою, до крови перецарапались... Закричали пѣтухи — и повалились они на землю бездыханные, неподвижные. Безстрашной баринъ схватилъ росписку и убралъ своихъ покойниковъ, а на утро вырылъ на дворѣ большую яму, положилъ ихъ туда лицомъ къ низу, заколотилъ каждому по осиновому колу въ спину и закидалъ землею: съ тѣхъ поръ полно вставать по ночамъ да царапаться! Въ скоромъ времени пустилъ король кличъ по всему своему государству: не сможетъ ли кто учинить, чтобы того болота не было, а былъ бы по прежнему зеленой лугъ? и обѣщалъ въ награду за то великой казной пожаловать. Нѣтъ,

никто не вызвался. Вспомнилъ король про безстрашнаго барина, посылаетъ за нимъ, и началъ накладывать на него ту службу нелегкую. «Ваше величество! отвѣчаетъ безстрашной, «я того болота не смогу сдѣлать по старому зеленымъ лугомъ; а смогу по немъ проѣхать верхомъ на лошади.» — Что ты! аль потонуть хочешь? «Небось, говоритъ, не потону!» Тотчасъ король собралъ свою свиту, и сказываетъ: «вотъ де безстрашной баринъ такъ и такъ похваляется!» Всѣ главные министры и сенаторы удивилися: «возьми съ насъ, говорятъ безстрашному, по пяти тысячъ, коли это сдѣлаешь!» Закрѣпили уговоръ, осѣдлали добраго коня, и пошли всѣ на то диво смотрѣть. Безстрашной баринъ сѣлъ на коня, напустилъ на себя смѣлость и поскакалъ прямо въ трясину; разъѣзжаетъ себѣ по болоту, словно по гладкому мѣсту, а народъ глядитъ — только ахаетъ! Вотъ зàбралъ онъ съ министровъ да съ сенаторовъ многое множество денегъ, и сталъ съ той поры-съ того времени кажной день по болоту разгуливать. Мало того, что самъ катается; и слугу съ собой беретъ! Просто нѣтъ чертямъ спокою: днемъ барина возятъ, а по ночамъ по бѣлу свѣту рыскаютъ да людей смущаютъ! Побѣжали они къ старой-старой вѣдьмѣ и давай ей кланяться, давай ее упрашивать: «бабушка голубушка! научи насъ пожалуста, какъ бы намъ безстрашнаго барина со свѣту сжить? Сокрушилъ насъ проклятой! кажной день разъѣзжаетъ по болоту; а мы повинны его поддерживать вмѣстѣ съ лошадью; нѣтъ намъ спокою ни на минуточку! Сколько хошь—золота притащимъ, только выручи изъ бѣды!»—Эхъ вы, дурные! сами не догадаетесь. Смотрите-жъ: завтра, какъ прiѣдетъ онъ гулять по болоту, вы допустите его до середины, да потомъ и бросьте; пусть провалится — будетъ вамъ баранъ! На другой день сѣлъ безстрашной на своего добраго коня и поѣхалъ на болото гулять; доскакалъ до середины — тутъ черти отступились, отско-

чили отъ него въ разныя стороны, и зашумѣлъ онъ совсѣмъ съ лошадью въ тартарары на самое дно.

29

ВѢЩІЙ СОНЪ [1].

Жили-были мужикъ да баба, и стало имъ по ночамъ чудиться, будто подъ печкою огонь горитъ и кто-то стонетъ: «ой, душно! ой, душно!» Мужикъ разсказалъ про то сосѣдямъ, а сосѣди присовѣтовали ему сходить въ ближній городъ: «тамъ де живетъ купецъ Асонъ, мастеръ разгадывать всякой сонъ.» Вотъ мужикъ собрался и пошелъ въ городъ; шелъ-шелъ и остановился на дорогѣ переночевать у одной бѣдной вдовы. У вдовы былъ сынъ — мальчишка лѣтъ пяти; глянулъ тотъ мальчикъ на мужика и говоритъ: «старичокъ! я знаю, куда ты идешь.» — А куда? «Къ богатому купцу Асону. Смотри-же, станетъ онъ тебѣ сонъ разгадывать и попроситъ половину того, что̀ лежитъ подъ печкою; ты ему половины не давай, давай одну четверть. А коли спроситъ, кто тебя научилъ? про меня не сказывай.» На другой день поутру всталъ мужикъ и отправился дальше; приходитъ въ городъ, розыскалъ Асоновъ дворъ и явился къ хозяину. «Что тебѣ надобно?» — Да вотъ, господинъ купецъ, чудится мнѣ по ночамъ: будто въ моей избушкѣ подъ печкою огонь горитъ и кто-то жалобно стонетъ: ой, душно! ой, душно! Нельзя ли разгадать мой сонъ? «Разгадать-*то* можно, только дашь ли мнѣ половину того, что̀ у тебя подъ печкою?» — Нѣтъ, половины не дамъ; будетъ съ тебя и четверти. Купецъ было заспорилъ, да видитъ, что мужикъ сто-

[1]) См. вып. VII, № 40.

итъ на своемъ крѣпко, и согласился; призвалъ рабочихъ съ топорами, съ лопатами, и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними къ старику въ домъ. Пріѣхалъ и велѣлъ ломать печь; какъ только печь была сломана, половицы подняты, сейчасъ и оказалась глубокая ямища — въ косую сажень будетъ, и вся то набита серебромъ да золотомъ. Старикъ обрадовался и принялся дѣлить этотъ кладъ на четыре части. А купецъ давай его выспрашивать: «кто тебя научилъ, старичокъ, давать мнѣ четверть, а не давать половины?»— Никто не училъ, самому въ голову пришло. «Врешь! не съ твоимъ умомъ догадаться. Слушай: коли признаешься—кто тебя научилъ, такъ всѣ деньги твои будутъ; не возьму съ тебя и четвертой доли.» Мужикъ подумалъ-подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ: «а вотъ какъ поѣдешь домой, увидишь на дорогѣ избушку; въ той избушкѣ живетъ бѣдная вдова, и есть у ней сынъ-малолѣтокъ— онъ самой и научилъ меня.» Купецъ тòтчасъ въ повозку и погналъ лошадей скорою рысью. пріѣхалъ къ бѣдной вдовѣ: «позволь, говоритъ, отдохнуть маленько да чайку испить.» —Милости просимъ! Асонъ усѣлся на лавку, началъ чай распивать, а самъ все на мальчика поглядываетъ. На ту пору прибѣжалъ въ избу пѣтухъ, захлопалъ крыльями и закричалъ: кукуреку! «Экой голосистой какой! сказалъ купецъ; хотѣлъ бы я знать, про что ты горланишь?»—Пожалуй, я тебѣ скажу, промолвилъ мальчикъ; пѣтухъ вѣщуетъ, что придетъ время — будешь ты въ бѣдности, а я стану владѣть твоими богатствами. Напился купецъ чаю, сталъ собираться домой, и говоритъ вдовѣ: «отдай мнѣ своего сынишку; будетъ онъ жить у меня на всемъ на готовомъ, въ довольствѣ, въ счастіи, и не узнаетъ, что такое бѣдность. Да и тебѣ лучше—лишняя обуза съ рукъ долой!» Мать подумала, что и въ самомъ дѣлѣ у купцовъ жизнь привольнѣе, благословила сына и отдала его Асону съ рукъ нà руки. Асонъ привёзъ мальчика въ свой

домъ и велѣлъ идти на кухню; потомъ позвалъ повара и отдалъ ему такой приказъ: «зарѣжь ты мнѣ того мальчика, вынь изъ него печень да сердце и приготовь къ обѣду.» Поваръ воротился на кухню, взялъ ножъ и принялся на брускѣ точить. Мальчикъ залился слезами и сталъ спрашивать: «дядюшка! для чего ты ножъ точишь?» — Хочу барашка колоть. «Неправда твоя! ты хочешь меня рѣзать.» У повара и ножъ изъ рукъ вывалился, жалко ему стало загубить душу человѣческую: «радъ бы, говоритъ, отпустить тебя, да боюсь хозяина.» — Не бойся! поди возьми у суки щенка, вынь изъ него печень да сердце, зажарь и подай своему хозяину. Поваръ такъ и сдѣлалъ, угостилъ Асона собачиной, а мальчика до поры-до времени у себя спряталъ.

Мѣсяца черезъ два, черезъ три приснился тамошнему королю такой сонъ: будто есть у него во дворцѣ три золотыя блюда, прибѣжали псы и зачали изъ тѣхъ блюдъ локать. Задумался король, что̀ бы такое тотъ сонъ значилъ? Кого ни спрашивалъ, никто ему не могъ разсудить. Вотъ вздумалъ онъ послать за Асономъ; разсказалъ ему свой сонъ и велѣлъ разгадывать, а сроку положилъ три дня: «если въ тотъ срокъ не отгадаешь, то все твое имѣніе на себя возьму.» Воротился Асонъ отъ короля самъ не свой; ходитъ пасмурной да сердитой, кого ни встрѣтитъ—всякому затрещину даетъ; а пуще всѣхъ на повара напустился: зачѣмъ де мальчишку со свѣту сжилъ? онъ бы теперь пригодился мнѣ! На тѣ рѣчи поваръ возьми да и признайся, что мальчикъ-то живёхонекъ. Асонъ тотчасъ потребовалъ его къ себѣ: «а ну, говоритъ, отгадай мой сонъ; снилось мнѣ нынѣшней ночью, будто есть у меня три золотыя блюда и будто изъ тѣхъ блюдъ золотыхъ псы локали.» Отвѣчаетъ ему мальчикъ: «это не тебѣ снилося, это снилося государю.»—Угадалъ, молодецъ! а что значитъ этотъ сонъ? «Знать-то я знаю, да тебѣ не скажу; вези меня къ королю, передъ

нимъ ничего не скрою.» Асонъ приказалъ заложить коляску, мальчика на запятки поставилъ, и поѣхалъ во дворецъ; подкатилъ къ высокому крыльцу, вошелъ въ бѣлокаменныя палаты и отдалъ королю поклонъ. «Здравствуй, Асонъ! отгадалъ ли мой сонъ?» спрашиваетъ король. — Эхъ, государь! твой сонъ небольно мудрёнъ; не то что я, его малой ребёнокъ разсудить можетъ. Коли хочешь, позови моего мальчика; онъ тебѣ все какъ по писанному разскажетъ. Король приказалъ привести мальчика, и какъ только привели его во дворецъ, началъ про свой сонъ выспрашивать. Отвѣчалъ мальчикъ: «пусть-ка напередъ Асонъ разсудитъ, а то, вишь, онъ какой! ничего не вѣдая, чужимъ разумомъ жить хочетъ.» — Ну, Асонъ! говори ты прежде.» Асонъ упалъ на колѣни и признался, что не можетъ отгадать королевскаго сна. Тогда выступилъ мальчикъ и сказалъ королю: «государь! сонъ твой правдивой: есть у тебя три дочери — три королевны прекрасныя; согрѣшили они передъ Богомъ и передъ тобою, и на дняхъ родятъ тебѣ по внуку.» Какъ сказалъ пятилѣтокъ, такъ и случилося; король отобралъ у Асона все его имѣніе и отдалъ тому мальчику. [1])

[1]) Сказки, напечатанныя въ этомъ выпускѣ, заимствованы изъ собранія В. И. Даля.

ПРИМѢЧАНІЯ

А) КЪ III-му ВЫПУСКУ.

4.

ЛИСА И ЖБАНЪ.

Варіантъ см. въ Сказкахъ, собранныхъ сельскими учителями, изд. Эрленвейна, № 34.

6. 13.

ЖЕНА БЕЗЪ РУКЪ. — КОСОРУЧКА.

Смотри варіантъ у Худякова, вып. I, № 22 («Безручка»). Сказка эта извѣстна и у финновъ, и у литовцевъ (Пантеонъ 1854 г., № 5, смѣсь, стр. 1—4; Матеріалы для изученія народной словесн., стр. 72—77; Litauische Märchen Шлейхера, стр. 20—22); у болгаръ и сербовъ она получила особенную поэтическую обработку и выразилась въ прекрасной легендарной формѣ (Калики перехожіе, ч. I, стр. 700—717; Песме Македонски Бугара, изд. Верковича, Бѣлградъ, 1860, стр. 311—3; Сербскія пѣсни Вука Караджича, т. II, стр. 14—18). У двухъ братьевъ, разсказываетъ болгарская пѣс-

ня, была любимая сестра; позавидовали молодыя братнины жены, задумали, какъ-бы сдѣлать ее немилою и отвратить отъ нея братьевъ. У одной молодицы былъ ребёнокъ, и вотъ когда отправились братья на охоту, жены ихъ утащили у любимой сестры фряжскіе ножички, загубили младенца, въ крови ножъ затопили и положили его въ карманъ къ сонной дѣвицѣ; а сами распустили косы и стали вопить да жаловаться, что сестра ребёнка убила. Братья присудили казнить ее, и повели въ лѣсъ — на то мѣсто, гдѣ стояло сухое дерево и былъ когда-то источникъ. Говоритъ имъ сестра: «братцы родные! если я ваше дитя загубила, пусть никогда источникъ воды не точитъ, сухое дерево пусть такъ сухо и будетъ; если же я права, да протечетъ теперь-же источникъ и сухое дерево одѣнется листьями.» Еще не скончала той рѣчи, а сухое дерево одѣлось листвою и ключевая вода зажурчала. «Милые братья! продолжала дѣвица, пусть сюда все больное приходитъ, и да получитъ исцѣленіе; а ваши жены пусть лежатъ девять лѣтъ больныя, пусть протрутъ девять постелей и не найдутъ себѣ цѣлебнаго снадобья.» Не повѣрили братья, загубили сестрицу: гдѣ кровь ея пролилася, тамъ церковь явилася; гдѣ голова упала, тамъ алтарь создавался; гдѣ она слёзы ронила, тамъ цѣлебная вода протекала. Младенецъ сотворился ангеломъ и ежедневно въ той церкви обѣдню служитъ. Воротились братья домой и нашли своихъ женъ больными; девять лѣтъ онѣ лежали, девять постелей протерли, прослышали про цѣлебный источникъ и пошли къ нему. Только было приблизились, тотчасъ церковь для нихъ затворилася, вода изсякла и дитя читать перестало. Братья раскаялись въ своемъ скоромъ судѣ и пошли въ чернецы. — Содержаніе сербской пѣсни слѣдующее: у Павла была сестра Олёнушка. Молодая жена Павлова зарѣзала сперва воронаго коня, потомъ сизаго сокола, наконецъ ребёнка въ колыбелѣ,

и все оговаривала Олёнушку. Павелъ взялъ сестру за бѣлую руку, вывелъ въ поле, привязалъ за конскіе хвосты и погналъ коней вдоль по широкому полю: гдѣ кровь землю оросила, тамъ выросли цвѣты пахучіе; гдѣ сама упала, тамъ церковь создалася. Спустя малое время разболѣлась молодица Павлова; лежала она девять лѣтъ, сквозь костей трава проростала, въ той травѣ такъ и кишатъ лютыя змѣи и пьютъ ея очи. Проситъ она, чтобъ повели ее къ золовкиной церкви; повели ее, но напрасно — не обрѣла она тутъ прощенія, и стала молить мужа, чтобъ привязалъ ее къ лошадинымъ хвостамъ. Павелъ исполнилъ ея просьбу и погналъ коней пò полю: гдѣ кровь ея пролилася, тамъ выросла крапива съ терновникомъ; гдѣ сама упала — тамъ озеро явилося, по озеру плыветъ конь вороной, за нимъ золотая колыбелка, на ней соколъ-птица сидитъ, а въ самой колыбелкѣ виденъ младенецъ и подъ горломъ у него рука матери.

8.

КОРОЛЕВНА И РАЗБОЙНИКИ.

Подобная сказка есть у нѣмцевъ (въ собраніи братьевъ Гриммовъ, т. I, № 40) и литовцевъ (Litauische Märchen, стр. 22—25).

11.

ИЛЬЯ-МУРОМЕЦЪ.

Для объясненія этой сказки мы во 1-хъ) привели отрывокъ изъ извѣстной муромской повѣсти о Петрѣ и Февроніи и во 2-хъ) перепечатали лубочную сказку о Силѣ-царевичѣ.

Замѣчательно сходство, представляемое сербскою пѣснею: «Царица Милица и змій отъ Ястребца» съ указаннымъ отрывкомъ муромской повѣсти. Не весела царица Милица, закручинилась, лицомъ пасмурна. Спрашиваетъ ее царь Лазарь: «что ты такъ не весела, моя царица? чего закручинилась? или чего не достаетъ тебѣ на нашемъ дворѣ?» — Всего вдоволь, отвѣчаетъ она; только полюбилъ меня змій отъ Ястребца и повадился летать ко мнѣ въ теремъ. Лазарь совѣтуетъ ей лестью вывѣдать отъ змія, кого изъ юнаковъ онъ больше всѣхъ на свѣтѣ страшится? Вотъ прилетѣлъ змій въ теремъ, палъ на мягкую постель, *сбросилъ съ себя огненную одежду* и лёгъ съ царицею на подушкахъ. Лаская, выпытала у него Милица тайну, что страшится онъ одного юнака въ цѣломъ свѣтѣ—Змѣя-Деспота-Вука. На другой день дано знать этому витязю; тотъ пріѣзжаетъ и поражаетъ змія отъ Ястребца (Српске песме, изд. Вука Караджича, ч. II, № 43). — Въ прекрасномъ трудѣ своемъ о муромской легендѣ г. Буслаевъ сближаетъ ее съ пѣснею древней Эдды о Зигурдѣ (Атеней 1858 г., № 30, стр. 212—3, 221—3; статья эта вошла и въ «Историч. очерки русской народ. словесности и искусства»); только въ муромской легендѣ древнѣйшему сказанію придана позднѣйшая историческая обстановка, и событія и лица возведены въ область христіанскихъ понятій. Какъ муромской князь Петръ добываетъ себѣ славный Агриковъ мечъ изъ стѣны храма, такъ въ сагѣ о Вёльзунгахъ Зигмундъ вытаскиваетъ чудесный мечъ изъ священнаго дерева, въ которое глубоко врубилъ его самъ Одинъ.

Сказкѣ о Силѣ-царевичѣ соотвѣтствуютъ очень многіе сходные разсказы у другихъ народовъ; сравни Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 243—250; въ собраніи Гальтриха, № 9; Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. II, вып. 4, стр. 367—377; Ungarische Volksmärchen, № 15; Закав-

казск. край, барона Гакстгаузена, ч. II, стр. 71—72. Сила-царевичъ встрѣчаетъ на морѣ пловучій гробъ, обитый желѣзными обручами, въ которомъ былъ заключенъ вѣщій мертвецъ Ивашка-бѣлая рубашка; этотъ послѣдній помогаетъ царевичу жениться на прекрасной королевнѣ, убивая шестиглаваго змѣя, — подобно Аполлону, который поразилъ змѣй, недопускавшихъ царя Адмета войдти въ брачный покой съ Альцестою: эпизодъ, отзывающійся значительною древностью! Плавающій гробъ есть метафора тучи, а заключенный въ немъ силачъ—олицетвореніе скрывающейся тамъ всесокрушительной молніи; отъ того такъ легко и свободно поражаетъ онъ змѣя своимъ чудеснымъ мечемъ. По древнѣйшимъ арійскимъ воззрѣніямъ облака и тучи представлялись кораблями, плавающими по воздушному океану (см. примѣчаніе къ сказкѣ о летучемъ кораблѣ, вып. VI, № 27). Души усопшихъ, отправляясь на тотъ свѣтъ, летѣли небесными пространствами въ видѣ птицъ или переплывали въ страну блаженныхъ на воздушныхъ корабляхъ (см. Нѣмец. миѳологію Якова Гримма), т. е. на облакахъ. Отсюда возникло множество преданій о перевозѣ душъ на ладьѣ или кораблѣ миѳическимъ кормчимъ (у грековъ Харономъ), и въ этомъ смыслѣ корабль-облако уподобился гробу. Народная загадка: «*гробъ плыветъ, мертвецъ реветъ*, ладонъ пышетъ, *свѣчи горятъ*» (или: «на полѣ царинскомъ въ дубу *гробница*, въ гробницѣ дѣвица, *огонь высѣкаетъ*, сыру землю зажигаетъ») означаетъ *тучу, громъ и молнію*. Малороссійское *нáва* (греч. ναῦς, лат. *nawis*) означаетъ вмѣстѣ и корабль (судно) и гробъ; старинное слово, встрѣчающееся въ лѣтописяхъ: *навье*—мертвецъ (Пословицы Даля, стр. 1064; Старосв. бандуриста, стр. 403). На этихъ основаніяхъ, сблизившихъ понятія: облако, корабль и гробъ, возникъ обычай давать гробамъ форму лодокъ. Эдда, разсказывая о погребеніи Бальдура, засвидѣтельствовала, что тѣло его было сожжено на

кораблѣ; Ибнъ-Фоцланъ описываетъ обрядъ сожженія покойника въ лодкѣ (Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, изд. Френа); наши раскольники до сихъ поръ не употребляютъ гробовъ, сколоченныхъ изъ досокъ, а выдалбливаютъ ихъ изъ цѣльнаго дерева — подобно тому, какъ дѣлались въ старину лодки.

14.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ.

Слѣды преданія о Полифемѣ Вильгельмъ Гриммъ указываетъ въ сказкахъ и поэмахъ не только нѣмецкихъ, романскихъ, славянскихъ, но и финскихъ, татарскихъ (или тюркскихъ) и арабскихъ, заимствованныхъ изъ древне-персидскихъ источниковъ (см. Abhandlungen берлинской академіи наукъ 1857 года). Сверхъ сдѣланныхъ нами сравненій, можно указать еще на сказки венгерскую (стр. 148—150) и нѣмецкую (Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 36). Въ послѣдней общее преданіе нарушено тѣмъ, что великану даны два глаза; но это очевидно позднѣйшая неточность. Въ старое время жилъ овчаръ, у него было три сына и большое стадо овецъ. Одинъ изъ сыновей ходилъ по очереди пасти стадо, а два другіе оставались дома и работали съ отцемъ. Когда пришло время старику умирать, онъ увѣщевалъ дѣтей, чтобы они жили вмѣстѣ. Сыновья дали ему обѣщаніе и сдержали свое слово. Случилась засуха, и у нихъ не было достаточнаго для овецъ пастбища. Тогда меньшой братъ сказалъ (онъ былъ и малъ и слабъ, но хитрѣе старшихъ): «остается намъ перебраться по ту сторону большаго лѣса; тамъ долженъ быть широкой лугъ—

зеленой, невытолченой.» Старшіе братья согласились; цѣлыя семь недѣль пробирались они лѣсомъ и напослѣдокъ пришли на большой прекрасной лугъ. Вдали увидѣли они зàмокъ; тамъ жилъ могучій великанъ, считавшій себя господиномъ всей окрестной страны. Нѣсколько дней прошло спокойно; двое братьевъ строили возлѣ лѣса избушку, а третій оставался при стадѣ, доилъ овецъ и дѣлалъ сыры. Однажды, когда старшій братъ стерёгъ стадо, съ ужасомъ увидѣлъ онъ, что со стороны зàмка подвигается къ нему что-то громадное, словно гора. Это былъ великанъ; изъ окна онъ примѣтилъ, какъ распоряжаются на его лугу маленькія твари, казавшіяся ему червями, но не довѣряя своимъ глазамъ, хотѣлъ убѣдиться на дѣлѣ. Онъ сдѣлалъ пару шаговъ и уже стоялъ передъ бѣднымъ пастухомъ. «Га, мелкая тварь! сказалъ великанъ; такъ это ты опустошаешь мое поле? Подожди, ты мнѣ за все заплатишь!» Голосъ его звучалъ, какъ буря; овчаръ упалъ на землю и весь дрожа отвѣчалъ: «господинъ! насъ трое братьевъ, мы недавно сюда прибыли и не знали, что эта земля принадлежитъ кому-нибудь.» — «Такъ! трое братьевъ, они не знали... Гмъ! Пожалуй, мы можемъ заключить дружбу; но приготовь наперёдъ мнѣ завтракъ.» Бѣдной пастухъ зарѣзалъ семь овецъ, и великанъ тотчасъ-же проглотилъ ихъ, какъ-будто семь кусковъ; потòмъ выпилъ все молоко, стоявшее въ семи кадкахъ, и закусилъ семью сырами. Насытившись, онъ сказалъ пастуху: «теперь я хорошо закусилъ; такъ ты приходи на утро въ зàмокъ къ самому завтраку. Но помни: если не явишься, горе тебѣ!» Затѣмъ великанъ повернулся, шагнулъ разъ-два и скрылся въ своемъ зàмкѣ. Когда пастухъ оправился отъ страха, онъ погналъ стадо къ стоянкѣ, гдѣ оставались его братья, и разсказалъ имъ все, что съ нимъ приключилося. Братья ужаснулись; но что было дѣлать? Назадъ они не могли уйдти, потому что великанъ догналъ бы ихъ. На другое утро старшій братъ отправился въ

за̀мокъ; когда онъ пришелъ, великанъ лежалъ на постели, но уже проснулся. «Ступай, велѣлъ онъ, разведи огонь подъ большимъ котломъ, и скажи мнѣ, какъ только вода закипитъ.» Бѣднякъ сдѣлалъ, что̀ ему было приказано. Великанъ всталъ съ постели, поднялъ котёлъ съ огня и сказалъ: «попробуй, довольно ли вода горяча?» Когда тотъ нагнулся, великанъ оторвалъ ему голову и бросилъ ее на̀ полъ, а туловище положилъ въ котёлъ; одѣлся и позавтракалъ пастухомъ. Потомъ взялъ свой посохъ и пошелъ къ овечью стаду, при которомъ на этотъ разъ былъ середній братъ. «Ты братъ того, что̀ сегодня ко мнѣ приходилъ?»—Да! отвѣчалъ пастухъ печально. «Зарѣжь для меня семь овецъ, приготовь семь кадокъ молока и семь сыровъ; сегодня я плохо позавтракалъ.» Съ середнимъ братомъ случилось тоже самое, что̀ и съ старшимъ. На третій день меньшой братъ былъ при овцахъ. Пришелъ великанъ и спросилъ: «эй, малышъ! ты братъ тѣхъ, что̀ ко мнѣ приходили?» Отъ звуковъ его голоса маленькой пастухъ отлетѣлъ въ сторону, точно вѣтеръ его отнёсъ; онъ ухватился за кустъ терновника, и держась крѣпко, отвѣчалъ: «я самой меньшой, но не такъ простоватъ!» Великанъ велѣлъ ему зарѣзать семь овецъ и приготовить семь кадокъ молока и семь сыровъ. «Какъ скоро прика̀жите, господинъ Мясная Башня (Herr Fleischthurm)! есть ли въ вашемъ брюхѣ горячія уголья?»—Сейчасъ же, маленькой карапузикъ! иначе я стисну тебя между моими пальцами и выжму изъ тебя сокъ. Съѣлъ великанъ семь овецъ, выпилъ молоко, закусилъ семью сырами и приказалъ пастуху приходить наутро въ за̀мокъ. «Подожди, сказалъ тотъ про себя, не поможетъ тебѣ и твоя страшная сила!» Онъ тотчасъ обдумалъ планъ. При стадѣ было три пса: Зоркой, Чуткой и́ Цапкой (Siehegut, Höregut, Packegut); они были такъ сильны, что могли съ волкомъ сладить, и такъ были пріучены, что понимали всякой жестъ: только кивни, а они ужь знаютъ! Пастухъ

взялъ семь овечьихъ шкуръ, сшилъ вмѣстѣ и придалъ имъ видъ воронки съ двумя отверстіями. Когда все было готово, онъ кликнулъ своихъ собакъ и пораньше отправился въ за̀мокъ. Великанъ еще спалъ и такъ сильно храпѣлъ, что двѣ тополи, стоявшія передъ окнами, гнулись туда и сюда, будто отъ вихря. Овчаръ оставилъ собакъ за воротами, а самъ тихо вошелъ въ за̀мокъ. Когда онъ отворилъ дверь, великанъ потянулъ въ себя духъ—и привлекъ къ себѣ маленькаго пастуха, словно пухъ; выпустилъ воздухъ изъ себя—и отбросилъ его назадъ къ двери. Пастухъ ухватился за дверной косякъ и закричалъ изо всѣхъ силъ: «господинъ Faulpelz! завтракъ готовъ, я здѣсь.» Великанъ открылъ глаза: «это ты разбудилъ меня, мышиной король (Mäusekönig)?»—Да, господинъ Klumpenmann! «Разведи огонь подъ большимъ котломъ, и какъ скоро вода закипитъ, то скажи мнѣ.»—Хорошо, отвѣчалъ пастухъ и принялся за дѣло; а великанъ тотчасъ же опять заснулъ. Когда вода закипѣла, пастухъ взялъ свою кожаную воронку и большой горшокъ съ кипяткомъ, согнулся и подползъ потихоньку къ постели великана; приставилъ воронку съ двумя отверстіями къ его глазамъ и сталъ лить въ нее кипятокъ. Оба глаза лопнули. Великанъ подпрыгнулъ въ страшномъ бѣшенствѣ; а пастухъ скорѣй въ двери и насмѣшливо закричалъ: «вкусенъ ли завтракъ? не слишкомъ ли горячъ?» Великанъ направилъ шаги въ ту сторону, откуда раздавался голосъ; но маленькой врагъ его уже спускался съ лѣстницы. Преслѣдуя его, слѣпой гигантъ полетѣлъ съ лѣстницы внизъ, и отъ этого паденія все кругомъ затрещало, какъ будто рухнула громадная гора. Внизу за̀мка была большая зала, гдѣ лежали цѣлые вороха орѣховъ. Пастухъ вошелъ туда, зарылся въ орѣхи и сталъ разбрасывать ихъ во всѣ стороны; на тотъ шумъ поспѣшилъ великанъ, и думая изловить своего противника, онъ только спотыкался о разбросанные орѣхи и падалъ

на̀земь. Насмѣявшись вдоволь, увертливой пастухъ выбѣжалъ на дворъ и приманилъ туда великана. Онъ, какъ кузнечикъ, прыгалъ съ мѣста на мѣсто и кричалъ: «я здѣсь! я здѣсь!» Напрасно слѣпой великанъ гонялся за нимъ по голосу; онъ не могъ поймать его; наконецъ ему пришло на мысль воспользоваться чародѣйнымъ колечкомъ; онъ бросилъ на траву прекрасное золотое колечко и сказалъ: «дарю его тебѣ!» Пастухъ поднялъ кольцо и надѣлъ на палецъ; но сдѣлавши это, онъ не могъ уже двинуться съ мѣста и только восклицалъ: «ахъ!» Хотѣлъ было снять кольцо — оно не снималось; тогда онъ вынулъ ножъ, отрѣзалъ палецъ вмѣстѣ съ кольцомъ и забросилъ въ глубокой прудъ, а самъ обѣжалъ кругомъ на ту сторону пруда и закричалъ: «я здѣсь! я здѣсь!» Великанъ пустился на голосъ и завязъ въ пруду; вода ему доходила до самаго рта. «Ты въ моихъ рукахъ! закричалъ пастухъ; если ты не воротишь мнѣ братьевъ, то будешь стоять здѣсь до страшнаго суда!» — Твоими братьями, отвѣчалъ великанъ, я позавтракалъ; ихъ головы валяются на полу въ за̀мкѣ. Тамъже найдешь ты яйцо и прутъ; помажь трижды головы около шеи и ударь прутомъ—они опять будутъ живы. Пастухъ пошелъ въ за̀мокъ и съ помощію своихъ псовъ нашелъ братнины головы, яйцо и прутъ; онъ сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ великанъ, и оба брата стали передъ нимъ живые; они чувствовали небольшую боль въ затылкахъ, впрочемъ были здоровы.

Геродотъ въ своей Скиѳіи говоритъ о цѣломъ народѣ одноглазыхъ. Украинцы до сихъ поръ сохраняютъ воспоминаніе объ этомъ народѣ: по ихъ разсказамъ, *едноокіе* обитаютъ гдѣ-то далёко, за морями; татары при своихъ нашествіяхъ палили города и села, старыхъ и малыхъ рубили, а молодыхъ забирали съ собой и болѣе дородныхъ сбывали людоѣдамъ съ однимъ глазомъ во лбу, а тѣ гнали ихъ, какъ овецъ, въ свою

землю, откармливали, рѣзали и съѣдали (Lud Ukraiński, т. I, стр. 352). Между уральскими казаками живетъ тоже преданіе (Уральцы, очерки быта уральск. казаковъ, соч. Іоасафа Желѣзнова, ч. I, стр. 87—89).

Единственный, огромный глазъ во лбу великана есть ничто иное, какъ солнце, подобно тому, какъ у персовъ солнце представлялось глазомъ Ормузда, у египтянъ — Деміурга, у грековъ — Зевса, у скандинавовъ — Одина. Основа такого представленія подробно указана и объяснена въ статьѣ о миѳической связи понятій свѣта и зрѣнія въ Архивѣ г. Калачова (т. II, половина 2-я). Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь слѣдующая норвежская сказка: Когда-то давно у одного бѣдняка было двое дѣтей; были они юны, но хорошо знали пути и дороги, потому что вездѣ бѣгали, собирая милостину. Однажды, заплутавшись въ лѣсу, дѣти разложили огонь и сѣли грѣться. Вдругъ послышался страшной трескъ, и затѣмъ явились трое великановъ, вышиной съ дерево; у всѣхъ трёхъ былъ одинъ глазъ, и они пользовались имъ по очереди: у каждаго великана было во лбу отверстіе, куда и вставлялся общій всѣмъ глазъ. Ловкія дѣти успѣли одного изъ великановъ ранить въ ногу, а другихъ напугать, такъ что тотъ, который держалъ во лбу глазъ, уронилъ его нечаянно наземь; а мальчикъ подхватилъ его. Глазъ былъ такъ великъ, что не уложить и въ котёлъ, и такъ прозраченъ, что мальчикъ *видѣлъ сквозь него все будто яснымъ днемъ, хотя и была темная ночь.* Послѣ онъ возвратилъ глазъ великанамъ за два лука, серебро и золото (Отечеств. Зап. 1860 г., № X, стр. 662, статья г. Буслаева). Въ другой норвежской сказкѣ (ч. I, № 24) говорится о старой одноокой бабѣ, у которой сказочной герой два раза похищаетъ глазъ, и она принуждена выкупать его за дорогія диковинки. Русская сказка о коровѣ-бурёнушкѣ и совершенно сходная съ нею нѣмецкая говорятъ

про сестёръ *Одноглазку* и *Триглазку* (см. примѣчаніе къ вып. VI, № 54 и 55). Греческій миѳъ знаетъ трехглазаго Зевса (Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, т. III, стр. 213): два глаза составляютъ здѣсь естественную принадлежность человѣческаго образа, въ которомъ является божество олицетвореннымъ; третій же, во лбу, есть собственно — солнце.

15.

ЕРШЪ ЩЕТИННИКОВЪ.

См. варіантъ въ Пермскомъ сборникѣ, кн. I, стр. 125—6.

16.

ТЕРЕМОКЪ МУХИ.

См. варіанты въ Сказкахъ, собранн. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, № 105, и въ Пермскомъ сборникѣ, стр. 121—2 (здѣсь встрѣчаются дѣйствующія лица: муха-камуха, комаръ-пискунъ, слѣпень-жигунъ, лягушка-по водамъ вахта, мышь-по угламъ мухта, лисица-красавица, заяцъ-изъ-за куста хва́тень, медвѣдь-изъ берлоги валень).

17.

МЕДВѢДЬ.

См. варіантъ у Худякова, вып. II, № 72.

18.

КОТЪ И БАРАНЪ.

Приводимъ малорусскую редакцію этой сказки, заимствуя изъ «Черниговскихъ губерск. вѣдомостей» 1860 г., № 21, часть неоффиціал., стр. 159—161:

КАЗКА ПРО КОЗЛА И БАРАНА.

Бувъ соби чоловикъ та жинка; мали вони козла й барана. «Охъ, жинко! каже чоловикъ, проженемо ми цёго барана и козла, а то вже вони у насъ дурно хлибъ јидять. А вберай(те)сь, козелъ и баранъ, соби з'Богомъ, шобъ ви не були у мене и въ двори!» Пошили вони соби торбу, та-й пишли. Идуть, та идуть. Посередъ поля лежить вовча голова. Отъ баранъ дужій та не смиливій, а козелъ смиливій та не дужій. «Бери, баране, голову! бо ти дужій.» — Охъ, бери ти, козле! бо ти смиливій. Узяли вдвохъ и вкинули въ торбу. Идуть, та идуть — коли горить вогонь: «ходимо-й ми туди! тамъ переночуемо, шобъ насъ вовки не зъјили.» Приходять туда, ажъ то вовки кашу варять: «а, здорови, молодци!» — А, драствуйте, братци, драствуйте! ше каша не кипить, мясо буде з' васъ. Отъ тутъ баранъ уже злякавсь, а козелъ давно уже злякавсь. Козелъ и одумавсь: «а подай лишень, баране, отую вовчу голову!» Отъ баранъ и принисъ. «Та не цю, а подай бильшу!» каже козелъ. Баранъ зновъ цупить ту-жъ саму. «Та подай ще бильшу!» Отъ тутъ уже вовки злякались; стали вони думати-гадати, якъ-би видциля удрати. «Славная, братци, кумпанія и каша гарна кипить, та ничимъ долѝть; пиду

я пѝ воду.» Якъ пишовъ вовкъ пѝ воду: «хай вамъ обищо з' вашою кумпаніею!» Якъ зачавъ другій того дожидати, ставъ думати-гадати, якъ-би-й соби видтиля удрати: «э, вражій синъ! пишовъ та-й сидить, ничимъ каши долить. Ось визьму я ломаку, та прижену јого якъ собаку!» Якъ побигъ, такъ и той не вернувся. А третій сидивъ, сидивъ: «ось пиду лишень я, такъ я ихъ прижену!» Якъ побигъ, такъ и той радъ, шо втикъ. «Охъ, нумъ [1]), брате, скорійше хвататьця, шобъ намъ оцю кашу појисти, та з' куреня убратьця!» Отъ якъ одумавсь вовкъ: «э, шобъ намъ троимъ та козла и барана боятьця! ось ходимъ ми ихъ појимо вражихъ синивъ.» Прійшли, ажъ тіи добре шатались, уже з' куреня убрались; якъ побигли, та-й на дуба збрались. Стали вовки думати-гадати, якъ-би козла та барана нагнати. Якъ стали йти, и найшли ихъ на дуби. Козелъ смилійшій излизъ на самій верхъ, а баранъ не смиливій — такъ нижче. «Охъ, лягай, кажуть вовки ковтуноватому вовкови; ти старшій! та-й ворожи, чи не побачимо ихъ.» Якъ лигъ вовкъ до-гори и зачавъ ворожити. Баранъ сидить на голли [2]), та такъ дрижить; якъ упаде, та на вовка. Козелъ смиливій не ставъ зивати, а якъ закричить: «подай мени ворожбита!» Вовки якъ зхватились, та насилу видтиля убрались. (Записана въ борзенскомъ уѣздѣ.)

19.

КОТЪ, КОЗЕЛЪ И БАРАНЪ.

См. подобную сербскую сказку въ Матеріалахъ для изучен. народн. слов., изд. Худякова, стр. 30—32.

[1]) Станемъ. — [2]) На вѣткѣ.

24.

ВОЛКЪ, КОБЫЛА, СОБАКА, ЛИСА, И МУЖИКЪ.

См. варiантъ въ Сказкахъ, издан. Эрленвейномъ, № 22; подобный разсказъ извѣстенъ также у бурятъ (Вѣстникъ естеств. наукъ 1854 г., стр. 395—7: роль волка играетъ здѣсь змѣя).

25.

УДАЛОЙ БАТРАКЪ.

Въ книгѣ Венцига: Westslawischer Märchenschatz (стр. 19—20) есть сказка о парнѣ, который забрёлъ ночью въ лѣсъ, и боясь звѣрей, влѣзъ на дерево. Дерево было безъ верхушки и пустое; парень сѣлъ на краю, опустивъ ноги въ дупло, но задремавши, упалъ туда совсѣмъ. Тутъ и сонъ куда дѣвался! надо было себя спасать; но съ каждымъ новымъ усилiемъ онъ болѣе и болѣе погружался въ какой-то растворъ: это былъ мёдъ. Бѣднякъ уже думалъ о смерти, какъ вдругъ послышалось ему, что кто-то ползетъ на дерево. При свѣтѣ мѣсяца можно было разсмотрѣть, что это—медвѣдь, вздумавшiй полакомиться сладкимъ. Звѣрь хотѣлъ задомъ спуститься въ дупло и опустилъ туда хвостъ; парню не было иного средства къ спасенiю: онъ ухватилъ медвѣдя за хвостъ, и тотъ, потянувшись изо всѣхъ силъ, вытащилъ его наверхъ. Испуганный медвѣдь спрыгнулъ наземь и убѣжалъ; а парень вздохнулъ легко и сказалъ: «теперь я знаю, какъ горька смерть, хотя бы она была сладка, какъ самой мёдъ! и вѣдаю, какъ

несправедлива поговорка, которая утверждаетъ, что счастіе надо хватать за чубъ!»

26.

ЖЕНА-СПОРЩИЦА.

Разсказъ, напечатанный нами подъ буквою Ѣ, распространенъ по всей Руси въ различныхъ варіаціяхъ; см. у Худякова, вып. I, № 32, и въ Пермск. сборникѣ, кн. II, стр. 171—2: въ этомъ послѣднемъ изданіи мѣсто упрямой жены заступаетъ скупой мужъ; онъ совсѣмъ не кормилъ жены, и та украдкою испекла вмѣсто пяти хлѣбовъ шесть—одинъ въ запасъ про себя. Мужъ пристаетъ, чтобъ жена призналась, сколько именно испекла хлѣбовъ; не то, говоритъ, умру! и велѣлъ готовить себѣ могилу. Какъ только зарыли его въ землю, жена затопала ногами по могилѣ и защòлкала пальцами: «шесть, шесть хлѣбовъ состряпала, а не пять; да теперь, мужинёкъ, не выскочишь!» Подобный разсказъ о женѣ-спорщицѣ есть у болгаръ (Памятники народн. быта болгаръ, изд. Любеномъ Каравеловымъ, кн. I, стр. 164—5): Поспорили мужъ и жена о томъ, кто выше—мущины или женщины? Разъ проходили они пò мосту; а по рѣкѣ плыли утки, селезень былъ впереди. Чтобы убѣдить жену, мужъ сказалъ: «смотри, жена, самецъ-то впереди идетъ!»—Нѣтъ, это тебѣ такъ кажется; на самомъ дѣлѣ самка впереди! Мужъ рѣшился закопать ее живою въ землю, если не скажетъ правды; такъ и зарылъ ее, а она все свое твердила.

Пермской сборникъ (кн. II, стр. 165) передаетъ еще другой разсказъ о женѣ: безутѣшная вдова, похоронивъ мужа, плакала на его могилѣ: «не троньте меня, я заревусь на могилѣ!» А

вблизи стояли висѣльцы и при нихъ караульные. Одинъ солдатъ пришелъ къ бабѣ съ виномъ, разговорилъ ее, и загуляли вдвоемъ; а тѣмъ временемъ украли съ висѣльцы мертвое тѣло. Солдатъ испугался. «Что ты, душа, испугался! выкопай моего мужа и повѣсь его», сказала вдова.

28.

ХУДО ДА ХОРОШО.

Приводимъ еще два варіанта: а) Приходитъ староста къ помѣщицѣ, и на ея вопросъ: «все ли въ усадьбѣ благополучно?» отвѣчаетъ: «все, матушка, слава Богу! только любимой вашъ воронъ объѣлся падали.» — Да гдѣ-же онъ ее нашелъ? «Да жеребецъ вороной палъ.»—Какъ такъ? «А усадьба горѣла, такъ на немъ воду возили, да загнали.»—Отчего-жъ пожаръ сдѣлался? «Да какъ хоронили матушку вашу со свѣточами (факелами), такъ невзначай подожгли.» (Пословицы рус. народа, Даля, стр. 1094.) b) Жилъ-былъ баринъ въ городѣ; пріѣхалъ къ нему изъ деревни староста. «Это ты, Василій Петровъ?» спрашиваетъ баринъ. — Я, батюшко-баринъ! «Не привезъ ли ты отъ матушки письма?»—Письмеца нѣтъ, только одна грамотка. «Что-же въ ней прописано?» — Да вишь прогнѣвили Господа Бога, вашъ перочинный ножичекъ изломали. «Какъ-же вы его изломали?» — Съ вашего иноходца кожу снимали; ножичекъ-то малъ, я его и сломалъ. «Да развѣ мой конь померъ?»—Нѣтъ, подохъ «Какъ-же онъ издохъ?»—Не онъ напередъ подохъ; а ваша матушка, батюшко-баринъ! «Ужли и матушка померла?»—Да какъ у Ѳомки овинъ горѣлъ, она втѣпоры сидѣла въ каменномъ домӯ въ верхнемъ этажӯ, а форточка пòла была; искорка ей нà ногу скокнула, барыня упала, да

ногу-то и свихнула. «А ты, дуракъ, чего не поддержалъ?» — Батюшко-баринъ! она хлѣбомъ-солью откормлена. Въ кое мѣсто падётъ, меня убьетъ! «Ты бы таковской и былъ! Отчего-жъ у Ѳомки овинъ загорѣлся?» — Не онъ напередъ загорѣлся, а ваша новая конюшня. «Что отъ нея осталося?» — Три столба воротныхъ, да съ воронаго коня подуздочекъ. «Какъ-же она загорѣлася?»—Да не она, батюшко-баринъ, загорѣлася, а ваша новая мельница. «Какъ, и новая мельница сгорѣла?» — Да, батюшко-баринъ, сгорѣла! прогнѣвили мы Господа Бога. «Что-жъ отъ нея осталось?»— Вода да камень остались; камень-то на̀ четверо разорвало, а все уцѣлѣлъ; да въ дымномъ окошкѣ кошка сидѣла, такъ у ней глаза лопнули, а сама какъ есть живая! «Какъ-же новая мельница загорѣлася?»—Не она, батюшко-баринъ, напередъ загорѣлася, а ваша кладовая. «Какъ—и кладовая?»—Да, сгорѣла, батюшко-баринъ! прогнѣвили мы Господа Бога. «Что-жъ отъ нея осталось?» —Четырнадцать бутылокъ осталось; я у всѣхъ горлышки пообломалъ да отвѣдывалъ: въ иной кисло, въ иной горько, а въ иной и пить нельзя. «Ты, дуракъ, пьянъ!»—Батюшко-баринъ! вѣдь немножко отвѣдалъ. «Ты старостой называешься, а собралъ ли съ крестьянъ деньги?»—Собралъ, батюшко-баринъ, собралъ. «Съ кого сколько?»—Съ Ѳомки грошъ, съ Ерёмки грошъ, а съ Варфоломейка одна копѣйка. «А что-жъ съ него мало?»—Онъ вдовой, половину тягла платитъ. «Гдѣ-же деньги?»—Да шелъ я, батюшко-баринъ, по улицѣ; стоитъ новой кабакъ, я на грошъ выпилъ да трехкопѣечнымъ калачикомъ закусилъ. «Ты, дуракъ, пропилъ!» — Нѣтъ, батюшко, и пропилъ и проѣлъ. «А собралъ ли съ крестьянъ муку?»—Собралъ, собралъ, батюшко-баринъ! «Куда-жъ ты ее дѣвалъ?» — Вамъ да свиньямъ пятьдесятъ четвертей; чорному псу да твоему родимому отсу сорокъ четвертей; сукѣ Галямѣ да матери Ульянѣ тридцать четвертей; уткамъ да курамъ, сестрамъ тво-

имъ дурамъ двадцать четвертей. «Что ты, дуракъ, ругаешься?»—Батюшко-баринъ, пословица така! «Былъ ли ты на рынкѣ?»—Былъ, батюшко-баринъ, былъ. «Великъ ли торгъ?»—Я съ нимъ не мѣрился. «Силенъ ли онъ?»—Я съ нимъ не боролся. «Почòмъ тамъ мука?»—По кулямъ да по мѣшкамъ. «Ты, говорятъ, Ѳомку женилъ?»—Женилъ, батюшко-баринъ, женилъ. «А богата невѣста?»—Богата, батюшко-баринъ, дюже богата! «Что богатства?»—Чепчикъ съ клиньемъ, да колпакъ съ рукавами, чи(у)гунна коробка, желѣзной замòкъ. «Богата, богата! А изъ божества что у ней есть?»—Картина въ лицахъ, другà въ тряпицахъ..... (Записана въ пермскомъ уѣздѣ г. Д. Пѣтуховымъ.)

29

АНЕКДОТЫ.

Варiантъ къ анекдоту, напечатанному подъ буквою *l*:

Въ нѣкоемъ царствѣ поѣхалъ король по столичному городу покататься, и въ то время обронилъ съ своей руки имянной перстень. Тотчасъ-же приказалъ онъ публиковать въ газетахъ: кто найдетъ и доставитъ къ нему перстень, тому будетъ большая награда деньгами. И посчастливилось найдти *тотъ* перстень одному простому солдату. «Какъ теперь быть? думаетъ солдатъ, коли въ полку объявить, то дѣло пойдетъ по начальству — отъ фельдфебеля къ ротному, отъ ротнаго къ батальонному, отъ батальоннаго командира къ полковнику, а тотъ къ бригадному: эдакъ нескоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо къ королю.» Приходитъ во дворецъ; увидалъ его дежурной: «ты зачѣмъ?» — Я, говоритъ, королевской перстень нашелъ. «Хорошо, братецъ! я объ тебѣ

доложу королю, только съ тѣмъ уговоромъ: какую тебѣ дастъ король награду, изъ той награды половину мнѣ.» Солдатъ задумался: «вотъ въ кои-то вѣки счастье попалось, да и тѣмъ подѣлись!» — Хорошо, говоритъ дежурному, только дайте росписку, что вамъ половина, и мнѣ половина. Дежурной далъ росписку и доложилъ про него королю. Король похвалилъ солдата за находку: «спасибо тебѣ, молодецъ! я тебѣ пожалую за это двѣ тысячи.» — Нѣтъ, ваше королевское величество! это не солдатская награда; солдатская награда — двѣсти палокъ. «Дуракъ же ты!» сказалъ король и велѣлъ принести палокъ. Сталъ солдатъ раздѣваться, разстегнулъ пуговицы, и выпала у него росписка. «Это что за бумага?» спросилъ король. — А это, государь, росписка, что изъ теперешней награды только половина моя, а другая слѣдуетъ дежурному. Король засмѣялся, позвалъ дежурнаго и велѣлъ отсчитать ему сто палокъ. Вотъ по тому приказу и принялись угощать его палками; какъ скоро начали отсчитывать послѣднiй десятокъ, солдатъ подошелъ къ королю и сказалъ: «ваше величество! когда онъ такой жадной, что ему много надобно, то я такъ и быть — жертвую ему и свою половину.» — Вишь какой доброй! сказалъ король, и велѣлъ дать дежурному и другую сотню. Съ той награды дежурной еле на корачкахъ домой доползъ; а солдата отпустилъ король въ чистую отставку и при отпускѣ пожаловалъ ему на житье-бытье три тысячи рублей.

Варiанты къ анекдоту, напечатанному въ нашемъ изданiи подъ буквою *x*, смотри въ «Основѣ» 1861 г., октябрь (з'народн. устъ), стр. 23—24, и въ Черниговск. губерн. вѣдомостяхъ 1853 г., № 37.

В) КЪ IV-му ВЫПУСКУ.

7.

ЛИСА-ЛѢКАРКА.

Сравни начало этой сказки съ напечатанною у г. Худякова, вып. II, № 73.

10 11.

БУХТАНЪ БУХТАНОВИЧЪ. — КОЗЬМА СКОРОБОГАТОЙ.

См. варіантъ у Худякова (Великорус. сказки, вып. III, № 98). Сказка эта извѣстна у болгаръ (см. Матеріалы для изучен. народн. словесн., стр. 15 — 16) и нѣмцевъ (Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 13: «Der Federkönig»). Содержаніе нѣмецкой сказки таково: Разъ чета бѣдныхъ людей работала въ полѣ, и ихъ малое дитя висѣло въ люлькѣ на четырехъ кольяхъ. Вдругъ явилась изъ лѣсу дикая кошка (вмѣсто нашей лисицы), ухватила ребёнка и унесла въ свою пещеру. Она не сдѣлала ему никакого вреда, но заботливо за нимъ ухаживала; приносила ему травы, коренья, землянику, такъ что ребёнокъ не зналъ ни въ чемъ нужды. Онъ выросъ въ пещерѣ, и когда сталъ большой, кошка ему сказала: «теперь ты долженъ жениться на королевской дочери.»—Но я совсѣмъ нагъ; какъ я пойду къ королю? «Оставь мнѣ заботы, я тебѣ добуду платье.» Дикая кошка побѣжала въ лѣсъ, взяла серебреную дудочку, заиграла —и тотчасъ явилось къ ней множество всякихъ птицъ и звѣрей. Она взяла отъ каждой пти-

цы по перу, приготовила платье и отдала мальчику; потомъ она выбрала наиболѣе красивыя и цвѣтистыя перья, сдѣлала плащъ, которой блестѣлъ, точно звѣздное небо, и также отдала ему: «ступай теперь къ королю—эти звѣри за тобой побѣгутъ, и скажи ему: государь! пернатой король посылаетъ тебѣ подарокъ.» Королю понравился даръ, и онъ высказалъ: «какъ-бы любо мнѣ было, еслибъ этотъ стольбогатой государь взялъ мою дочь за себя!»—Пернатой король самъ желаетъ этого и черезъ три дня явится на свадьбу, отвѣчалъ мальчикъ. Свадьба была сыграна, тесть съ зятемъ и дочерью ѣдутъ къ молодому въ гости; а кошка бѣжитъ впередъ и велитъ пастухамъ по дорогѣ говорить, что всѣ ихъ стада принадлежатъ пернатому королю; а не то — грозитъ зацарапать ихъ когтями. Пріѣхалъ король съ зятемъ въ богатой за̀мокъ волшебника; сѣли они за столъ, а кошка стала у воротъ на стражѣ. Только колдунъ явился, она къ нему: «скажи-ка мнѣ, говоритъ, справедливо ли, что ты великой волшебникъ? Объ тебѣ ходитъ слухъ, что ты можешь превращаться и въ большихъ и въ малыхъ звѣрей.» — Это для меня пустякъ! отвѣчалъ колдунъ и превратился въ льва. Кошка испугалась и прыснула на крышу. «Хорошо, закричала она; но можешь ли ты обратиться маленькимъ звѣрькомъ—мышью? Это едвали ты сдѣлаешь!» Колдунъ превратился въ мышь; въ ту-же минуту кошка спрыгнула съ крыши да прямо на мышь, и разорвала ее. Потомъ она вызвала своего питомца и сказала: «я больше тебѣ не нужна—и стада̀, и за̀мокъ твои! Возьми свой мечъ и отруби мнѣ голову. Онъ послушался, и какъ только голова была отрублена — тотчасъ намѣсто кошки явилась дѣвица несказанной красоты; король плѣнился ею и взялъ ее за себя замужъ.

13.

ВОЛКЪ-ДУРЕНЬ.

См. Матеріалы для изучен. нар. словесн., стр. 42—47. Приводимъ малорусской варіантъ, напечатанный въ Черниговск. губерн. вѣдомостяхъ (1860 г., № 21, часть неоффиц., стр. 129—161) подъ заглавіемъ «Казка про кравця и вовка»:

Якъ бувъ у попа кравець и пишовъ на село робити, а въ той часъ безщасному вовкови не послалъ Бигъ корму. Винъ злизъ на гору, да-й просе Бога: «дай, Господи, јисти, а то вмру!»—Охъ, иди-жъ, каже, вовче! шо нападешъ попове, то-й јисти тоби готове. Отъ иде вовкъ — ходе кобыла: «здорова була, кобыло, а чія ти есть?»—Охъ, вовче, я попова! «Ти-жъ мени јисти готова!»—Охъ, подивися-жъ, каже, вовче! я була въ гòроди принесла бумаги. Ставъ вовкъ дивитьця въ бумаги, кобыла якъ стрибнула! оглянулась, такъ и вовка не взѝрила. Отъ иде вовкъ, та-й думае: «якій я дурень есть! чи я панъ, чи я письменній, шо ще мени въ бумаги дивитьця?» Иде вовкъ, ажъ ходить баранъ: «здоровъ бувъ, баране! а чій ти есть?» —Поповій! «Ти-жъ мени јисти готовій!»—Ой, стань-же ти, вовче, въ долини, а я пиду на гору; роззявъ ритъ, такъ я самъ тоби влечу. Якъ розигнавсь баранъ, якъ давъ јому въ лобъ, дакъ трохи не заснувъ вовкъ. Отъ иде вовкъ, та-й думае: «якій я дурень! чи я панъ, чи що, шо ще захотивъ легкого хлиба?» Стривъ вовкъ свѝни: «здорови були, свѝни! а чіи ви есть?» — Попови! «Ви-жъ мени јисти готови!» — Охъ, вовче-братику! зволь-же намъ хоть писню заспивать. Поти свини вовка манили, поки люди вглядили вовка да-й прогнали. Отъ иде вовкъ и стричае кравця: «здоровъ бувъ, кравче! а чій ти

есть?»—Поповій! «Ти-жъ мени јисти готовій!»— Охъ, вовчебратику! дозволь-же мени хочъ умитьця на послидній дорози, отъ дай-же ще-й хвоста втертись. Отъ кравець у хвистъ руки якъ умотавъ, якъ отпустивъ три аршини, такъ вовкъ тамъ трохи-й не гигнувъ... Отъ кравець якъ одумавсь, якъ побигъ, та на дуба и сховавсь. Ставъ вовкъ думати-гадати, якъ-би того кравця здогнати; зибравъ соби молодцивъ и пидійшовъ якъ разъ пидъ того дуба. «Онде, братци, сидить кравець на дуби. Охъ, нумте, братци! якъ-би јого достати...» Отъ лигъ безхвостій на-споди, а ти вси на його зверху; отъ уже одному вовку стати и кравця достати. Той кравець каже: «понюхаю хочъ на послидній дорози табаки!» Понюхавши: *ахчи!* А вовкъ думавъ, шо кричить: *аршинъ!* якъ пирсне видтиля, якъ посиплютця вовки, якъ вхопили того вовка, розирвали — и пропавъ бидній! (Записана въ борзенскомъ уѣздѣ.) Подобный разсказъ существуетъ у хорутанъ (Narodne pripovjedke, skupio M. K. Valjavec, стр. 267—9: «Vuk Rimljan») и нѣмцевъ (Deutsch. Hausmärchen Вольфа, стр. 419—421).

19.

МЕДВѢДЬ, ЛИСА, СЛѢПЕНЬ И МУЖИКЪ.

Съ окончаніемъ этой сказки желающіе могутъ познакомиться въ стихотворной ея передѣлкѣ—въ Сочиненіяхъ Василія Майкова, издан. 1809 г., Спб., стр. 211.

23.

КОТЪ И ЛИСА.

См. варіанты въ Сказкахъ, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, №№ 32 и 39. Въ сборникѣ Валявца помѣ-

щены двѣ любопытныя хорутанскія сказки, въ которыхъ развивается таже мысль, но въ иной обстановкѣ: а) «Osel krali 'se zverine» (стр. 278—9). Какъ у насъ котъ выдаетъ себя за бурмистра въ лѣсахъ, такъ здѣсь оселъ называетъ себя звѣринымъ царемъ. Нѣкогда убѣжалъ оселъ отъ своего хозяина въ лѣсъ и поселился тамъ; ужь больно плохо было жить ему у хозяина! Разъ, щипля травку, онъ запримѣтилъ вдали могучаго льва; испуганный оселъ не зналъ, что ему дѣлать, и залѣзъ въ свое логовище. Левъ пришелъ сердитой, и спросилъ осла: «почему ты не поклонился мнѣ? развѣ ты не знаешь, кто я? Я—царь всѣхъ звѣрей!»—Что-что? отвѣчалъ оселъ; кто тебя поставилъ за царя? гдѣ у тебя письменное въ томъ свидѣтельство? Ужели не знаешь, что звѣриной царь—я! «Какъ-же это? жа̀лостно возразилъ левъ; до сихъ поръ мнѣ думалось, что звѣриной царь—я, и всѣ меня такъ называли.» Оселъ показалъ ему подкову на своей ногѣ: «видишь, вотъ моя грамота, что я владыка надъ звѣрями, а не ты; ты же не болѣе, какъ мой слуга!» — Посмотримъ, отвѣчалъ левъ, кто изъ насъ царь? кто больше наловитъ звѣрей — ты или я? «Хорошо, давай!» Побѣжалъ левъ по лѣсамъ, по вертепамъ, и принялся за ловлю; а оселъ? онъ разлёгся на полянѣ, ноги раскарячилъ, языкъ вонъ высунулъ — будто и въ правду издохъ! Налетѣли на него вòроны, кобчики и всякія птицы, а оселъ знай ихъ хватаетъ... Вотъ явился левъ съ добычею; оселъ взглянулъ и сказалъ: «бѣднякъ! да еслибъ я захотѣлъ охотиться за такими звѣрями, я бы ихъ безъ числа наловилъ; нѣтъ, ты налови мнѣ тѣхъ, что̀ по воздуху летаютъ — вотъ какъ я сдѣлалъ!» — Я не могу этого, отвѣчалъ левъ; теперь вижу, что ты въ самомъ дѣлѣ звѣриной царь. Прости меня, не наказывай за грубость; я право не вѣдалъ, что ты государь. Оселъ простилъ его. Левъ отошелъ печальной и встрѣтился въ лѣсу съ пріятелемъ

своимъ волкомъ. Волкъ ему поклонился: «будь здравъ, царь звѣриной!» На то отвѣчалъ левъ: «какого дьявола я царь! ты меня дурачишь; тамъ есть другой царь, не я.» — Гдѣ другой царь? тебя кто-нибудь обманулъ; кромѣ тебя, нѣтъ иного царя. «Пойдемъ, я тебѣ покажу!» Они связались хвостами, и левъ повелъ волка на холмъ, указалъ ему осла и говоритъ. «смотри, вотъ царь!» — О мой брате! отвѣчалъ волкъ, не будь такъ простъ, это—*оселъ!* «Ого! такъ ихъ *восемь!*»[1]) сказалъ левъ, и отъ страху пустился бѣжать вмѣстѣ съ волкомъ по трущобамъ и вертепамъ; убѣжалъ далеко-далеко, остановился и глянулъ назадъ: что съ волкомъ? А волкъ уже давно околѣлъ—самъ весь разбитъ, языкъ высунутъ и зубы оскалены. «Что же ты смѣешься? сказалъ ему левъ; хвала Богу, что живы ушли. Передъ столькими царями не до смѣху!» Ь) Другая хорутанская сказка: «Rat med psom Belinom i vukom» (стр. 269—272): Былъ мужикъ, у него бѣлой пёсъ, которому по шерсти и кличку дали — Бѣлка. Познакомился пёсъ съ волкомъ, и согласились они помогать другъ другу. Говоритъ какъ-то волкъ пріятелю Бѣлкѣ: «эту ночь я прійду къ твоему хозяину свиней красть, такъ смотри — не лай, чтобы ваши не проснулись и не поймали меня.» — Хорошо, ничего не бойся! отвѣчалъ Бѣлка. Ночью пришелъ волкъ, залѣзъ въ хлѣвъ и принялся драть свиней. Какъ только почуялъ то Бѣлка, прибѣжалъ къ избѣ, сталъ передъ дверьми и давай изо всѣхъ силъ лаять. Хозяева проснулись, вышли на дворъ, услыхали свиной визгъ и бросились прямо въ хлѣвъ; тотчасъ напали на волка, били его-били дубинами: насилу онъ улизнулъ! Когда все успокоилось, волкъ выждалъ Бѣлку за плотомъ и схватилъ его: «ага! говоритъ, попался ты мнѣ; зачѣмъ обманулъ?» Молитъ его Бѣлка: «пусти меня, мой драгой по-

[1]) Игра словъ: *osel* и *osem*.

братимъ! прости, я не буду больше лаять; приходи въ другой разъ свободно воровать.» — Опять обманешь? «Нѣтъ, право не обману!» Волкъ опять забрался въ свиной хлѣвъ, а Бѣлка еще пуще принялся лаять. Хозяева проснулись и такъ отработали волка, что онъ еле живъ вонъ выскочилъ. Увидя у воротъ пса, онъ ему сказалъ: «погоди, ужь попадешься ты въ мои лапы! Черезъ три дня будетъ у насъ битва: я соберу свое войско, а ты приводи свое.»—Хорошо, отвѣчалъ Бѣлка. Пошелъ волкъ собирать войско, встрѣтился съ дикимъ кабаномъ и спросилъ: «хочешь ли помочь мнѣ?» Кабанъ согласился; потомъ волкъ пригласилъ въ товарищи медвѣдя и лисицу. А Бѣлка ходитъ по двору печальной; встрѣчается съ нимъ котъ и спрашиваетъ: «что такъ запечалился?» — Да у меня скоро битва съ волкомъ; помоги, драгой пріятель! Котъ согласился; согласился и гусакъ: «какъ тебѣ не помочь, сказалъ онъ; если бы ты не охранялъ двора по ночамъ, насъ бы давно лиса подушила.» Волкъ собралъ свое войско въ лѣсу: свинья закопалась въ сухія листья, лиса и медвѣдь залѣзли на дерево, самъ волкъ лёгъ подъ колоду. Является Бѣлка съ своими товарищами, и побѣда остается за ними: окончаніе сказки весьма близко къ тому содержанію, какое передается въ напечатанномъ нами русскомъ текстѣ.

33.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ.

См. варіантъ въ Пермск. сборникѣ, кн. I, стр. 121 (вмѣсто лаптя—уголёкъ) и сличи съ № 18 въ сборникѣ Kinder- und Hausmärchen (т. I).

36.

ПРИБАУТКИ.

Прибаутку подъ литерою *с* сличи съ литовскою пѣснею о козликѣ, напечатанною въ Матеріалахъ для сравнительн. и объяснительн. словаря и грамматики, т. V, стр. 429—432.

37.

ДОКУЧНЫЯ СКАЗКИ.

См. нѣмецкую сказку, сходную съ напечатанною нами подъ литерою *с*, въ изданіи Гальтриха, стр. 322 — 3: «Die Mähr vom rothen Hahn». Приводимъ еще нѣсколько варіантовъ: 1) Бувъ соби чоловикъ Сашка, на јому сира сирмяжка, повстяна шапочка, на спини латочка—чи хороша моя казочка? [1]) 2) Жилъ-былъ журавль съ журавлихой, поставили они стожокъ сѣнца (или: Жила-была старица одна въ сельцѣ, поставила старица зародъ сѣнца... или: Накосилъ мужикъ сѣнца, поставилъ стожокъ середи польца...) — не сказать ли опять съ конца? (См. Пословицы русск. нар., В. Даля, стр. 1095.)

39.

СОЛНЦЕ, МѢСЯЦЪ И ВОРОНЪ ВОРОНОВИЧЪ.

См. варіантъ въ Подснѣжникѣ 1858 года, № 1, стр. 3—9; мѣсто *Ворона* заступаетъ здѣсь *Вѣтеръ*: замѣна многозна-

[1]) Или: Былъ себѣ человѣкъ Яшка, на немъ сѣрая сѣрмяжка, на затылкѣ пряжка, на шеѣ тряпка, на головѣ шапка—хороша ли моя сказка?

чительная, ибо она совершенно согласна со всѣми древнѣйшими преданіями о вòронѣ (см. примѣч. къ вып. VIII, № 8). Въ Петровки поѣхалъ мужикъ сѣно косить. «Эхъ, жарко! говоритъ онъ; кабы Вѣтеръ пахнулъ холодкомъ, меньшую бы дочь за него выдалъ.» Вѣтеръ и подулъ. Выдалъ мужикъ за него дочку, и поѣхалъ къ нимъ въ гости. То да сё, говоритъ Вѣтеръ женѣ: «жарко, жена, въ избѣ; пойдемъ нà воду сидѣть. — Что ты? утонемъ. «Небось, не утонемъ; бери знай шубу.» Пришли къ рѣкѣ, кинулъ Вѣтеръ шубу нà воду: «прыгай!» говоритъ женѣ. Прыгнули оба разомъ. Вѣтеръ подулъ и поплыла шуба, чтò твоя лодка. Мужикъ воротился домой, и самъ задумалъ также покататься; кинулъ нà воду шубу, прыгъ на нее вмѣстѣ съ старухою, и прямо на дно угодилъ.

40.

ВАЗУЗА И ВОЛГА.

О рѣкахъ Донѣ и Шатѣ существуютъ въ народѣ слѣдующія двѣ поговорки: а) Шатъ шатался съ глупу, да упалъ въ Упу; а Донъ покатился въ поле, да женился на мòрѣ (Тульск. губ. вѣдом. 1857 г., № 26, стр. 137); b) Два брата родные и оба Ивановичи, да одинъ Донъ, а другой Шатъ, т. е. одинъ дѣльной, а другой — шатунъ (Пословицы рус. народа, собр. Далемъ, стр. 802).

41.

КОБЫЛЯЧЬЯ ГОЛОВА.

См. варіанты, впрочемъ мало-удовлетворительные, у г. Худякова, вып. I, № 13 и 14.

46.

БѢЛАЯ УТОЧКА.

См. варіантъ у Худяк., вып. I, № 23: «Серебреная голубка» и сличи въ Slov. Čitanka, стр. 88.

С) КЪ V-му ВЫПУСКУ.

1.

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ.

Разсказъ, основанный на мотивѣ: кто лучшій сонъ увидитъ (подъ литерою b; вып. II, № 14 и вып. VI, № 1, kk), встрѣчается въ русскомъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній» (Gesta Romanorum) XVII столѣтія. Шли нѣкогда три товарища; пріѣли дорогою весь запасъ, и чтобы не спорить объ оставшемся кускѣ, рѣшились отдать его тому, кто увидитъ лучшій сонъ. Двое тотчасъ легли спать, а третій между тѣмъ съѣлъ уцѣлѣвшій кусокъ. Проснувшись, одинъ спутникъ разсказалъ, что видѣлъ себя въ раю, а другой, что ему приснился адъ. «Правда, подтвердилъ третій, ангелъ показалъ мнѣ васъ одного на небѣ, а другаго въ аду, и такъ-какъ вы не нуждались болѣе въ хлѣбѣ, то я и съѣлъ его.» Этотъ апологъ, извѣстный и на востокѣ, былъ весьма распространенъ въ средневѣковой литературѣ западныхъ народовъ, и куда ни появлялся онъ, дѣйствующія лица выбирались согласно съ мѣстными условіями: испанецъ и гасконецъ, русской и нѣмецъ, болгаринъ и турецкой хаджа (Очеркъ литерат. ист. старин. повѣстей, Пыпина, стр. 190; его-

же статья въ Отеч. Зап. 1856, № 4, стр. 61—62; Письмовникъ Курганова, изд. 9-е, ч. I, стр. 201).

Анекдотъ о спорѣ мужика съ татариномъ, чья вѣра лучше? (под. литер. d) также книжнаго происхожденія. Апокрифъ о томъ, какъ препирался жидовинъ Тарасій съ Елферіемъ [1]), послужилъ на Руси въ XVII вѣкѣ къ сочиненію шутливаго слова о спорѣ христіанина-скомороха съ жидомъ Тараскою; а это въ свою очередь вызвало народные пересказы. Вотъ отрывокъ изъ прѣнія скомороха съ Тараскою: «Рече жидо«винъ: сочтемъ въ году въ коей вѣрѣ праздниковъ боль«ше, та и лутше вѣра. И рече скоморохъ: добро реклъ еси, «жидовине философе! напередъ въ моей вѣрѣ счести празд«никовъ въ году, а дай мнѣ у тебя изъ бороды по волосу рвать «и класти передъ собою и передъ тобою; ино тебѣ внятно бу«детъ, а мнѣ памятно: сколько въ году праздниковъ и сколько «котораго дни святыхъ, и язъ столько вырву у тебя волосовъ. «А ты, жидовинъ, станешь считать въ своей вѣрѣ жидовской «сколько праздниковъ въ году, и ты у меня по волосу рви «изъ бороды да клади передъ собою и передо мною. И рече «жидовинъ: добро реклъ еси, философе; буди тако! Рече ско«морохъ: послушай, философъ жидовской! въ нашей христіян«ской вѣрѣ начало въ году праздниковъ Рождество Господа на«шего Іисуса Христа... а у жидовина волосъ изъ бороды выдрали «и положили предо всѣми. А назавтрее у насъ Рождества Хри«стова праздникъ соборъ пресв. Богородицы — да волосъ «же у жидовина вырвалъ. А на третій день св. первомуче«ника Стефана-архидіакона — да волосъ же у него вырвали. «А на четвертой день праздникъ у насъ святыхъ мученикъ «двѣ тмы — и поимавъ жидовина за бороду обѣими руками, «выдралъ у него мало не всю бороду. А на пятой день празд-

[1]) Происхожденіе этого апокрифа приписываютъ болгарской письменности.

«никъ у насъ 14,000 избіенныхъ младенецъ — и выдралъ «уже и остатокъ бороды. Жидовинъ же не стерпя стояти и «побѣжа посрамленъ отъ скомороха» (Лѣтоп. русск. литературы 1859—60 г., кн. 5, отд. II, стр. 72). Въ устномъ разсказѣ, записанномъ въ тверской губерніи, роль жидовина Тараски перенесена на нѣмца: Заспорили какъ-то русской и нѣмецъ, у кого больше святыхъ? Чтобы рѣшить споръ, нѣмецъ предложилъ русскому выщипывать другъ у друга, при счетѣ святыхъ, по волосу изъ головы. Бросили жребій, и досталось первому считать нѣмцу. Онъ насчиталъ до тридцати и спрашиваетъ: «ну что — будетъ у васъ столько-то?» А русской считалъ-считалъ, дошелъ до сорока мучениковъ и вырвалъ у него цѣлой пучокъ; послѣ того говоритъ: «а вотъ 28 декабря дву тьму въ Никомидіи, а 29 декабря 14,000 мучениковъ» и началъ таскать нѣмца обѣими руками. Тутъ нѣмецъ не вытерпѣлъ и закричалъ во всю глотку: «у васъ больше! у васъ больше!»

Въ нашемъ изданіи мы привели много народныхъ анекдотическихъ разсказовъ о малороссахъ, нѣмцахъ, цыганахъ, татарахъ и разныхъ инородцахъ. Происхожденіе ихъ бо̀льшею частію должно отнести къ тому времени, когда начались ближайшія сношенія великорусскаго населенія съ другими племенами; это знакомство отозвалось насмѣшливыми разсказами, сатирическими прозвищами и мѣткими сравненіями и поговорками. Въ книгѣ Новосельскаго «Lud Ukraiński» (т. II, стр. 212—230) сообщено нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ о цыганахъ, жидахъ и литвинахъ: а) Однажды зимою шелъ оборванной цыганъ, и не зная — гдѣ бы укрыться отъ холоду, залѣзъ подъ рыбацкую сѣть, которая висѣла на плоту. Проходитъ мимо парень, одѣтой въ доброй кожухъ; увидя его, цыганъ сказалъ: «а правда, батиньку, якъ тамъ холодно на дворѣ?» У малороссіянъ есть поговорка: «грився цыганъ у нерети, та-й зубамы стука!» а

въ собраніи г. Даля встрѣчаемъ другую: «какъ тамъ холодно! сказалъ цыганъ, закутавшись въ старой бредень и просунувъ палецъ въ ячейку» (Черниг. губ. вѣдом. 1853 г., № 37; Пословицы русск. народа, стр. 366). b) Такой-же ошарпаной цыганъ пробирался въ зимнюю ночь изъ одной деревни въ другую. На небѣ свѣтилъ мѣсяцъ и ярко выяснили звѣзды, какъ обыкновенно бываетъ при сильномъ морозѣ. Цыганъ поднялъ голову и сказалъ: «э, мѣсяцъ мѣсяцъ! свѣтишь, а не грѣешь, только даромъ у пана Бога хлѣбъ ѣшь!» c) «Еслибъ я былъ королемъ, молвилъ цыганъ, то укралъ бы сто злотыхъ и убѣжалъ!» Эта насмѣшливая острота примѣняется и къ малороссамъ въ такой формѣ: «колибъ я бувъ царемъ, сказалъ хохолъ, то усе-бъ јивъ коржи з' макомъ!» d) Шелъ ночью жидъ по̀ лѣсу и со страху принялъ пень за волка; снялъ съ себя шапку и ермолку, нацѣпилъ и ту и другую на палки, и говоритъ: «волче, волче! я тебя не боюсь, насъ трое идетъ.» e) Прибѣжалъ въ деревню напуганной жидъ, еле духъ переводя. «Что ты?» спрашиваетъ его мужикъ. — Ахъ, Иванце, еслибъ ты видѣлъ, ты бы умеръ со страху! «Съ какого страху?» — Да какъ шелъ я лѣсомъ, видѣлъ тамъ со̀рокъ волковъ. «Быть не можетъ! по стольку ихъ въ лѣсу не ходитъ.» — Почему-же нѣтъ, коли мои очи видѣли? ну, можетъ — не сорокъ, можетъ — двадцать ихъ было: я не считалъ; да развѣ двадцать не страшно? «И по двадцати не ходитъ.» — Ну, пусть десять; а это не страшно? «И десять много!» — Ну, пять; все-же страшно! «Да и пяти никто не видывалъ.» — Какъ никто? я самъ видѣлъ; ну, пусть одинъ волкъ... «А *одинъ* побоится и самъ зайдти!»—Такъ что-жъ это шелестило, и хвостикъ у него, какъ шило? «То можетъ — мышь, либо ящерица по сухимъ листьямъ бѣжала!»—Ну, пускай по твоему; а развѣ это не страшно услыхать въ лѣсу? f) Было поздно; шли жиды лѣсомъ, глядь—недалеко огонь горитъ, а

возлѣ стоитъ мужикъ съ возомъ; подошли къ мужику и просятъ: «прійми насъ, доброй человѣкъ, на̀ ночь, а то мы волковъ боимся! да уложи насъ такъ, чтобъ не было крайняго.» Они думали, что если волкъ прійдетъ, такъ непремѣнно начнетъ съ крайняго. Мужикъ уложилъ ихъ въ кружокъ—головами въ муравьиную кучу. — Тутъ-же встрѣчаемъ и варіантъ къ разсказу, напечатанному нами въ VI вып. подъ буквами ii. g) Принялъ литвинъ къ себѣ больнаго, и спрашиваетъ его: «можетъ, ты бы скушалъ курочку?» — Пожалуй бы съѣлъ! «Ну пускай, когда будетъ!» — Изъ народныхъ анекдотовъ о жидахъ и цыганахъ г. Даль составилъ сводный разсказъ «про жида вороватаго, про цыгана бородатаго» (Повѣсти, сказки и разск. казака Луганскаго, ч. II, стр. 261 — 328).

Въ числѣ другихъ анекдотовъ о нѣмцахъ разсказывается и слѣдующій: Былъ въ одной помѣщичьей деревнѣ управляющій-нѣмецъ, праздниковъ нашихъ не почиталъ и завсегда заставлялъ мужиковъ работать. Приходитъ къ нему однажды староста и говоритъ: «завтра у насъ праздникъ, работать нельзя.» — Какой тамъ праздникъ выдумалъ? «Да святаго Николы, батюшка!»—А гдѣ онъ? покажъ мнѣ его! Староста принёсъ образъ. «Ну, это доска! говоритъ нѣмецъ, мнѣ она ничего не сдѣлаетъ: и самъ буду работать, и вы не лѣнитесь.» Вотъ мужики и придумали сыграть съ нѣмцемъ шутку; опять приходитъ къ нему староста: «у насъ, батюшка, завтра праздникъ.» — Какой праздникъ? «Да преподобнаго шерстня.»—А гдѣ онъ? покажъ! Староста привелъ его къ старому дуплу, гдѣ шерстни водились: «вотъ онъ!» Нѣмецъ сталъ заглядывать въ щели, а шерстни такъ и гудятъ! «Ишь, говоритъ нѣмецъ, какъ пѣсни-то распѣваетъ! али водочки хлебнулъ? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать.» Пока нѣмецъ разсуждалъ, шерстни вылетѣли и давай его жалить. «Ай-ай! закричалъ онъ во всю мочь, право слово—не

велю работать, и самъ не стану; пускай мужики хоть всю недѣлю гуляютъ!»

Между лубочными изданіями есть анекдотическая «сказка о хозяинѣ и работникѣ». Передаемъ ее въ сокращеніи: Жилъ-былъ сердитой баринъ, у него былъ работникъ. Разъ велѣлъ онъ работнику купить десятокъ яицъ и сварить ихъ въ смятку; «да смотри—не перевари!» прибавилъ онъ строго. Работникъ, опасаясь хозяйскаго гнѣва, вынималъ изъ кострюльки одно яйцо за другимъ и отвѣдывалъ; наконецъ узналъ, что они достаточно сварены, когда всего нaвсего осталось только три яйца; положилъ ихъ на тарелку и понёсъ къ барину. «Какъ, закричалъ тотъ, развѣ ты купилъ три яйца?»—Нѣтъ, отвѣчалъ работникъ, я купилъ десятокъ; да все пробовалъ, чтобъ они не переварились. «Ахъ, ты плутъ! да какъ-же ты съѣлъ?»—А вотъ какъ, сударь! сказалъ работникъ и принялся доѣдать послѣднія яйца. Спустя нѣсколько времени собрался баринъ ѣхать къ своей сестрѣ, и надѣясь быть у нея засвѣтло, не велѣлъ ничего брать про запасъ въ дорогу; но работникъ, зная, что хозяйскія лошади неборзо бѣгаютъ, захватилъ для себя кой-что поужинать. Вотъ пустились они въ дорогу, и пришлось имъ ночевать въ полѣ, у сѣннаго стога. Работникъ залѣзъ въ пустой мѣшокъ, и началъ уписывать ужинъ. «Что ты ѣшь?» спросилъ баринъ.—Сѣно, сударь! «Подѣлись со мною!» Работникъ выдернулъ клокъ сѣна и подалъ ему; тотъ пожевалъ пожевалъ, выплюнулъ и лёгъ спать голодной. Ночью подулъ сѣверной вѣтеръ, и баринъ прозябъ. «Эй, работникъ! сталъ онъ спрашивать; ты на чёмъ лежишь?» —На мѣшкѣ, сударь! «А что у тебя въ головахъ?»—Мѣшокъ. «А чѣмъ накрылся?» — Мѣшкомъ. «Тьфу, что за чортъ! дай-ка мнѣ хоть одинъ изъ твоихъ мѣшковъ.»—У меня у самого, сударь, одинъ мѣшокъ за все отвѣчаетъ. На разсвѣтѣ отправились они дальше. Говоритъ хозяинъ работнику: «какъ пріѣдемъ къ

сестрѣ, я тотчасъ сяду за столъ и стану говорить непонятныя рѣчи; а ты скажи сестрѣ, что это я по нѣмецки велю столъ накрывать.» Пріѣхалъ баринъ, усѣлся и закричалъ непонятныя рѣчи; а работникъ шепчетъ его сестрѣ, чтобъ она поскорѣй приказала баню топить. Барина давно голодъ разбираетъ, а тутъ его въ баню просятъ. Пришелъ онъ въ баню и закричалъ на работника: «вѣдь я-жъ тебѣ велѣлъ сказывать, что я тѣми рѣчами прошу столъ накрывать!» — Ахъ, сударь! отвѣчалъ работникъ, вы сами изволите знать, что я по нѣмецки не учился. — Разсказъ этотъ переданъ г. Худяковымъ изъ народныхъ устъ (вып. II, № 70), но въ спискѣ запутанномъ и сбивчивомъ; баринъ здѣсь, чтобы похвастаться своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка, — обращаясь къ слугѣ, говоритъ: тюкъ-тюрюрюкъ!

Въ изданіи Эрленвейна, № 13, помѣщенъ варіантъ анекдота, напечатаннаго у насъ подъ литерою *x*.

6.

ВОРЪ.

См. варіантъ въ изданіи Эрленвейна, № 7. — Сказка эта извѣстна у нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 192: «Der Meisterdieb»; Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 397—403: «Vom Räuberhauptmann Hans Kühstock») или товцевъ (въ сборн. Шлейхера, стр. 13—20), и редакціи ихъ весьма близки къ русской. Въ норвежской сказкѣ (Norw. Volksmärchen, von Asbjörnsen und Jörgen Moe, т. II, № 4) воевода (Amtmann) обѣщаетъ искусному вору выдать за него свою дочь, если онъ покажетъ удачные опыты своего ремесла. Въ числѣ другихъ опытовъ онъ долженъ былъ унесть въ воскресенье жар-

кое съ вертела, и притомъ такъ, чтобы никто изъ людей того не примѣтилъ. Воръ нарядился въ лохмотья, засадилъ въ мѣшокъ трехъ живыхъ зайцевъ и явился на воеводской дворъ въ видѣ нищаго; здѣсь онъ выпускаетъ зайцевъ, люди бросаются ловить ихъ, а воръ тѣмъ временемъ уноситъ жаркое. Въ другой разъ велѣно было ему похитить лошадь въ то самое время, когда воевода будетъ на ней ѣхать. Воръ добылъ клячу, купилъ старую телегу и большую бочку, и обѣщалъ одной беззубой старухѣ заплатить десять талеровъ, если она влѣзетъ въ бочку и станетъ глазѣть на отверстіе: «это отверстье я заткну своимъ пальцемъ, и если выну оттуда палецъ болѣе одного раза, въ такомъ случаѣ ты получишь еще десять талеровъ.» Старуха согласилась, а воръ нарядился въ лохмотья, лицо вымазалъ сажею, на голову надѣлъ парикъ, прицѣпилъ себѣ козлиную бороду, и выѣхалъ съ бочкою на то мѣсто, мимо котораго надо было проѣзжать воеводѣ. Прискакалъ воевода, и сталъ его спрашивать: «послушай, не видалъ ли ты кого, кто бы пробирался въ лѣсъ украдкою?»—Нѣтъ, не видалъ. «Поѣзжай-ка еще туда и высмотри хорошенько, нѣтъ ли въ лѣсу какого бродяги? я тебѣ ссужу свою лошадь и потòмъ дамъ на водку.»—Радъ бы, да нельзя; я взялся доставить на свадьбу вотъ эту бочку мёда, да на бѣду потерялъ дорòгой затычку, и теперь долженъ затыкать собственнымъ пальцемъ. «Только поѣзжай, сказалъ воевода, о твоей бочкѣ я самъ позабочусь.» И вотъ онъ вложилъ въ отверстіе бочки свой палецъ; а воръ вскочилъ на его лошадь, поѣхалъ и больше не ворочался. Воевода ждалъ-ждалъ, потерялъ терпѣніе и вытащилъ палецъ изъ бочки. «Вотъ у меня и еще десять талеровъ!» закричала тутъ старуха, и своимъ голосомъ такъ напугала воеводу, что онъ тотчасъ-же убѣжалъ домой. Потòмъ задано было вору: похитить съ воеводской жены рубашку. Воръ достаетъ покойника и подноситъ его къ окну. Воевода

стрѣляетъ по мертвецу, и думая, что убилъ вора, идетъ припрятать его тѣло; а тотъ, пользуясь временемъ, является къ воеводихѣ. Она принимаетъ его за мужа и спрашиваетъ, «что—все кончено?»—Да, я забросилъ трупъ въ яму; надо бы только утереться—я весь въ крови замарался! дай хоть свою рубашку. Такимъ образомъ воръ получилъ рубашку и унёсъ ее къ себѣ.

Сказки объ искусныхъ ворахъ, художникахъ своего ремесла, объ этихъ *ночныхъ портныхъ*, у которыхъ, по народной поговоркѣ игла дубовая, а нитка вязовая (см. Послов. Даля, стр. 154—5), были занесены въ разныя сѣрыя изданія, читаемыя грамотнымъ простонародьемъ. Такъ въ «Собраніи старинныхъ русскихъ сказокъ» есть одна о ворѣ Климкѣ, а въ сборникѣ Чулкова («Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ», ч. IV) два разсказа о плутѣ Ѳомкѣ да о ворѣ Тимошкѣ. Въ первомъ изъ этихъ разсказовъ Ѳомка вызывается утащить ночью изъ-подъ барина и его жены постель, а съ нихъ самихъ снять сорочки. Онъ прокрадывается въ барскіе хоромы съ горшкомъ квасной гущи, выливаетъ ее промежъ барина и барыни, а у дѣвокъ, которыя спали въ сосѣдней комнатѣ, связываетъ косы. Проснувшись, баринъ и его жена подняли шумной споръ о томъ, кто изъ нихъ согрѣшилъ ночью; стали потòмъ кликать служанокъ, тѣ потянулись и затѣяли межъ собой такую брань и драку, что̀ нельзя было добраться никакого толку. Тогда баринъ выбросилъ замаранныя сорочки и постель за окно, а Ѳомка подхватилъ и унёсъ къ себѣ. Эта хитрость вора передается въ устныхъ народныхъ разсказахъ съ юмористическими, но нѣсколько сальными подробностями, которымъ мы не могли дать мѣста въ печати. Въ другой сказкѣ о ворѣ Тимошкѣ особенно оригинальна вторая половина. Тимошка присталъ къ двумъ братьямъ, промышлявшимъ воровствомъ, и такъ прославился

между ними своимъ проворствомъ и хитростью, что тѣ выдали за него родную сестру; спустя нѣкоторое время, зять перешелъ на отдѣльное житье. Была у Тимошки свинья, и побился онъ объ закладъ съ братьями своей жены: если въ теченіе одной ночи украдутъ они свинью, тогда Тимошка платитъ имъ двѣсти рублей, а если не украдутъ, то сами обязаны заплатить ему эту сумму. Чтобы обмануть воровъ, Тимоня замѣсилъ въ корытѣ кормъ на винѣ; свинья нажралась и опьянѣла, онъ взялъ ее-нарядилъ въ сарафанъ и уложилъ на печи въ уголъ (или, по другому варіанту, въ зыбку, т. е. люльку); послѣ того ушелъ съ женою въ клѣть и заснулъ. Ночью явились воры, искали-искали, и на печь лазили, а свиньи нигдѣ не нашли. «Постой, говоритъ одинъ изъ братьевъ, я пойду спрошу у сестры; авось съ просонья скажетъ.» Влѣзъ тихонько въ клѣть, толкнулъ бабу и спрашиваетъ: «жена! а, жена! гдѣ мы свинью-то дѣли?» Она подумала, что это мужъ спрашиваетъ, и говоритъ: «что й-то ты! али забылъ? мы ее въ сарафанъ нарядили да на печь положили.» Воры бросились на печь и утащили свинью. Скоро пробудился Тимоня, пошелъ взглянуть на свинью, а ее ужь нѣту; сѣлъ на̀ лошадь и поскакалъ въ догонь. А воры страшно уморились подъ тою ношею; добрались до лѣсу, бросили свинью на̀земь и сѣли отдохнуть. Тимоня привязалъ коня къ дереву, снялъ съ него узду, отошелъ въ сторону и давай бренчать удилами. «Братъ! говоритъ одинъ воръ, никакъ спутанная лошадь ходитъ?» и побѣжалъ ловить. Тимоня завелъ его далеко, а самъ вернулся назадъ, остановился шагахъ въ десяти отъ другаго брата и кричитъ ему: «пособи, братъ, лошадь распутать!» — Экой ты! и этого не съумѣешь *сдѣлать*. Пошелъ искать брата; Тимоня завелъ его въ другую сторону, потòмъ прибѣжалъ, взялъ свинью и поскорѣй домой [1]).

[1]) По устному разсказу, какой мы слышали, Тимоня зажогъ лучину и сталъ *ходить* съ нею пò лѣсу. Воры увидали: «ахъ, вѣдь намъ кладъ дается!» По-

Пріѣхавши ко двору, онъ засыпалъ въ жорновъ ржи и привязалъ къ нему свинью за̀ ногу; свинья принялась ѣсть зерно и хо̀дя кругомъ стала молоть жорновомъ, а самъ хозяинъ залёгъ спать. Воры увидѣли, что дались въ обманъ, и снова пошли добывать свинью; искали-искали, нигдѣ не нашли. «Эхъ! говоритъ одинъ братъ, пропали наши денежки; вѣдь ужь ихняя старуха проснулась — вонъ, чу! жернова налаживаетъ, знать молоть хочетъ.» — Постой, отвѣчаетъ другой, я у сестры спрошу. Опять той-же уловкою спровѣдали, гдѣ свинья спрятана, и унесли ее. Тимоня проснулся, глянулъ—свинья пропала, побѣжалъ на поискъ и догналъ воровъ въ лѣсу у пустой избушки. Воры начали сговариваться: «давай-ка здѣсь остановимся да отдохнемъ немножко.» Тимоня подслушалъ, кинулся стороною вперёдъ, вымазалъ рожу грязью, взялъ въ руки по кирпичу и залѣзъ въ печку. Недолго пришлось ему дожидаться; вслѣдъ за нимъ явились въ избушку воры, бросили свинью на̀ полъ, и захотѣлось имъ выкурить по трубкѣ. Одинъ изъ братьевъ подошелъ къ печкѣ и сталъ вырубать огонь; при свѣтѣ зазженнаго огня увидалъ онъ Тимошку и принялъ его за чорта, а Тимоня какъ застучитъ нарочно ногами, какъ защолкаетъ зубами да швырнетъ кирпичи—воры въ двери и давай Богъ ноги! Тимоня взялъ свинью, унёсъ домой и выигралъ закладъ. Варіантъ этого разсказа см. у Худяк., вып. I, № 34.

Въ сказкѣ, напечатанной нами въ VII выпускѣ (№ 37, b), воръ отправляется съ дядею обкрадывать царскую казну [1];

бѣжали на огонь, а огонёкъ все дальше да дальше, и завелъ ихъ — Богъ знаетъ куда!...

[1]) Въ собраніи Чулкова (ч. VI, стр. 47—52): царь переодѣвается и идетъ самъ розыскивать вора, сходится съ Ѳомкою и предлагаетъ ему ограбить царскую казну; но Ѳомка узналъ своего товарища и бьетъ его за такое предложеніе: «не смѣй де противъ царя наущать! а коли хочешь поживиться, такъ лучше

дядя попадаетъ въ растопленную смолу, и племянникъ отрываетъ ему голову и уноситъ домой. Чтобы узнать вора, царь употребляетъ разныя хитрости, замѣчательныя своимъ чисто-эпическимъ характеромъ. Съ этою цѣлью возятъ по городу покойника и присматриваютъ—ни заплачетъ ли по немъ родня; разсыпаютъ на площади деньги и рядомъ съ ними выставляютъ водку: воръ напивается пьянъ и засыпаетъ, и тогда вмѣсто примѣты отрѣзываютъ у него половину бороды, и такъ далѣе. Сходный съ этимъ разсказъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г., вып. V и VI, стр. 444—451. Когда найденъ былъ домъ виновнаго и помѣченъ мѣломъ, хитрой воръ ставитъ подобныя же знаки на всѣхъ окрестныхъ домахъ: этотъ послѣдній эпизодъ встрѣчается въ арабской сказкѣ о сорокà разбойникахъ (Тысяча и одна ночь) и въ тождественной съ нею русской (вып. VIII, № 27).

Между лубочными сказками есть одна «о ворѣ и о бурой коровѣ»—книжнаго происхожденія. Прототипъ ея можно найдти въ шуточныхъ нѣмецкихъ сборникахъ XVI—XVII столѣтій; въ польскомъ сборникѣ фацецій («смѣхотворныхъ повѣстей»), извѣстномъ у насъ въ рукописномъ переводѣ XVII вѣка, она озаглавлена: «о индерлянскомъ татѣ». На лубки сказка эта попала въ тяжелыхъ виршахъ, напоминающихъ стихотворныя издѣлія начала прошлаго столѣтія (Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 268; Отеч. Зап. 1856 г., № 4, стр. 62). Содержаніе ея слѣдующее: воръ попросился къ мужику нà ночь, свёлъ у него корову, привязалъ ее въ лѣсу къ дереву, а самъ вернулся назадъ и лёгъ спать. Поутру отправляется онъ вмѣстѣ съ хозяиномъ въ городъ, и

заберемся къ злому вельможѣ.» Согласились и пошли; Ѳомка взлѣзъ на стѣну и случайно подслушалъ, какъ сговаривался тотъ вельможа съ своей женою отравить царя. Измѣна была открыта; царь заставилъ злодѣя выпить приготовленную имъ отраву, а Ѳомку простилъ и наградилъ щедро.

говоритъ ему на дорогѣ: «подожди немного! недалёко отсюдова живетъ человѣкъ, которой мнѣ долженъ; надо зайдти—долгъ съ него получить если не деньгами, такъ хоть животиной какой.» Пошелъ, отвязалъ корову, и гонитъ ее; мужикъ смотритъ на корову, выпуча глаза: «бурёнка-то, кажись, моя!» — А что, спрашиваетъ воръ, развѣ ужь такъ похожа? Бываетъ, братъ, это; иной разъ и человѣка не отличишь отъ человѣка! Эту корову получилъ я за долгъ, и теперь хочу продать. И проситъ воръ мужика, чтобы свёлъ онъ корову въ городъ и продалъ ее за чистыя деньги. «Изволь!» сказалъ мужикъ, погналъ свою собственную бурёнку, продалъ ее въ городѣ, а деньги принёсъ вору, и только воротившись домой, догадался, какъ легко онъ въ обманъ дался. Сказка о ворѣ и бурой коровѣ извѣстна въ литературной передѣлкѣ г. Даля (Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго, ч. III, стр. 477—488).

7—8.

ШУТЪ.

Разсказъ о томъ, какъ шутъ убѣгаетъ отъ попа, привязывая вмѣсто себя козу, встрѣчается и въ сказкѣ «Разбойники», напечатанной въ I-мъ выпускѣ подъ № 8; см. также валахск. сказки, стр. 236—8. Lud Ukraiński Новосельскаго (т. I, стр. 339—343) сообщаетъ байку о шутѣ, совершенно сходную съ великорусскими редакціями, но роль обманутыхъ шутомъ играютъ здѣсь, согласно съ мѣстными условіями, жидъ и литвины. Въ варіантѣ, напечатанномъ у Худяк. (вып. I, № 30), шутъ между прочимъ ставитъ на пригоркѣ телегу и говоритъ братьямъ: «купите у меня телегу-самокаточку!» Сѣлъ въ нее, двинулъ—и телега покатилась внизъ. Братья купили у него

телегу за дорогую цѣну, сѣли и давай погонять: но-но! а телега ни съ мѣста, и такъ далѣе. Подобная-же сказка извѣстна у сербовъ (Матер. для изуч. народн. словесности, стр. 33—34) и литовцевъ (Litauische Märchen Шлейхера, стр. 42—45, 83—86). Въ литовской сказкѣ шутъ, въ заключеніе всѣхъ своихъ продѣлокъ, вырылъ въ саду могилу, прикрылъ сверху хворостомъ и землею и залѣзъ туда, захвативъ съ собой длинныя ножницы. Пришли обманутые имъ бáре: «гдѣ шутъ? мы его убьемъ!» — Ахъ, отвѣчала наученая старуха, онъ уже два дни тому какъ померъ! «А гдѣ лежитъ этотъ плутъ?»—Тамъ въ саду его схоронили. Захотѣлось имъ хоть чѣмъ нибудь отплатить шуту: сняли съ себя исподнее платье, стали одинъ за другимъ приходить въ садъ, и садясь на могилу, творили поруганіе. Но шутъ такъ изувѣчилъ ихъ острыми ножницами, что они заболѣли и вскорѣ померли. Въ одномъ изъ русскихъ варіантовъ, котораго мы не могли напечатать ради нѣкоторыхъ несовсѣмъ-скромныхъ подробностей, шутъ, засѣвши въ яму, колетъ своихъ недруговъ большимъ шиломъ.

Въ изданіи Шлейхера приведена еще слѣдующая сказка (стр. 121—8): Одинъ лѣнивой крестьянинъ совершенно обѣднялъ. Разъ запрёгъ онъ въ плугъ быка и лошадь и началъ было пахать, а кругомъ его весело распѣвали въ воздухѣ жаворонки. Плугъ почти совсѣмъ не шелъ подъ его рукою. «Эхъ, думалъ крестьянинъ, люди надо мною смѣются, и даже эти негодные жаворонки не даютъ мнѣ покоя!» Со злости поднялъ онъ камень и кинулъ въ жаворонка, который вился прямо надъ его головою. Но случилась бѣда: камень попалъ въ быка и убилъ его дò смерти. Мужикъ содралъ съ быка шкуру, на другое утро повёзъ ее продавать въ городъ и заѣхалъ къ знакомому кожевнику. Кожевникъ былъ старъ, а жена у него молодая и гульливая. Въ то время мужъ былъ

на ярмаркѣ, а у нея въ гостяхъ сидѣлъ городской ксёнзъ; баба спрятала своего друга въ шкапъ: «глупой де мужикъ не замѣтитъ!» Но ошиблась, крестьянинъ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло, и остался дожидаться хозяина. Кожевникъ воротился домой, поздоровался съ мужикомъ и спросилъ: «что возьмешь за кожу?» — Да что! я тебя знаю много лѣтъ, да и кожа не такъ велика, чтобъ брать за нее деньгами; дай мнѣ за нее вотъ этотъ шкапъ, мнѣ все равно покупать прійдется!» Шкапъ былъ плохъ и ветхъ, и хозяинъ охотно уступилъ его за кожу. Взялъ мужикъ шкапъ, повёзъ домой, и переѣзжая черезъ мостъ, нарочно сталъ говорить громко: «экую глупость я сдѣлалъ! кожа навѣрно стòила четыре талера, а за шкапъ едвали и пять грошей дадутъ; чѣмъ везти его съ собой, лучше въ воду бросить.» Только что поднялъ шкапъ съ воза, какъ испуганный ксёнзъ закричалъ: «не бросай! не бросай!» — Ахъ, Господи! что-жъ это такое? или нечистой внутри? «Нѣтъ, это я!» — Да кто ты? «Городской ксёнзъ; не кидай меня въ воду, выпусти вонъ и не сказывай никому про этотъ случай—я тебѣ дамъ четыреста талеровъ.» [1]) Мужикъ взялъ съ него деньги, пріѣхалъ домой и послалъ своего сынишку къ подстаростѣ попросить мѣрку; послѣ того перемѣрилъ полученныя имъ деньги, прилѣпилъ ко дну мѣрки одинъ зильбергрошъ да еще полгульденъ, и отослалъ ее назадъ. Когда мальчикъ принёсъ мѣрку къ подстаростѣ, тотъ увидалъ двѣ нарочно-оставленныя монеты и спросилъ: «что твой отецъ мѣрилъ?» — Деньги. Подстароста отправился къ мужику съ запросомъ: «откуда у него такое богатство?» — Да вотъ продалъ кожу за четыре сотни талеровъ, отвѣчалъ крестьянинъ. Пошла молва о томъ по деревнѣ; всѣ хозяева поубивали своихъ быковъ и повезли продавать кожи, но обманулись въ раз-

[1]) Сравни этотъ эпизодъ со сказкою подъ № 48 VII-го выпуска.

счетѣ, и рѣшили промежъ себя убить подшутившаго надъ ними мужика. А этотъ, угадавъ ихъ намѣреніе, сказалъ своей бабѣ: «знаешь что? нарядись-ка сегодня въ мое платье, а я твое надѣну; ты возьми топоръ и ступай дрова рубить, а я возьму подойникъ и пойду коровъ доить.» Подстароста принялъ бабу за самаго обманщика, ударилъ ее дубиною по головѣ и убилъ до̀ смерти. На другой день мужикъ посадилъ покойницу на телегу, поставилъ ей на колѣни коробку съ яблоками, и поѣхалъ въ городъ. Взъѣхалъ на мостъ, и видя, что на встрѣчу ѣдетъ богатой графъ, онъ покинулъ возъ и спрятался подъ мостомъ. Графъ сталъ спрашивать: «бабушка! что хочешь за яблоки?» Разъ спросилъ, другой, третій— она все молчитъ; раздраженный графъ ударилъ ее кулакомъ по затылку, и старуха упала лицомъ внизъ. Тутъ выскочилъ мужикъ и закричалъ: «баринъ, ты убилъ мою жену!» Графъ откупился отъ него большою суммою; мужикъ воротился домой [1]) и началъ всѣмъ показывать деньги и хвастаться, какъ онъ дорого продалъ свою покойницу. Крестьяне ему повѣрили, перебили своихъ жонъ, повезли трупы въ городъ на продажу, и попали въ тюрму. За эту злую шутку вздумали они утопить обманщика, схватили его, завязали въ мѣшокъ, и оставивъ на мосту, пошли наперёдъ въ церковь Богу помолиться. Хитрой мужикъ и тутъ не потерялся, началъ во все горло кричать: «не умѣю я ни читать, ни писать, а долженъ быть старостою!» Услыхалъ то овчаръ и пожелалъ быть старостою; мужикъ сажаетъ его въ мѣшокъ, а все стадо беретъ себѣ. Крестьяне утопили овчара, и увидя потомъ, что обманщикъ живъ и гонитъ большое стадо, сильно изумились и стали распрашивать: откуда столько овецъ ему досталось? «Изъ воды добылъ; тамъ ихъ много! Если не вѣрите, приходите утромъ

[1]) Сличи со сказкою: «Мертвое тѣло» — вып. VI, № 7.

пораньше къ рѣкѣ, я вамъ покажу.» Поутру собрались довѣрчивые крестьяне; хитрой мужикъ поставилъ ихъ на берегу, а на той сторонѣ рѣки паслось его стадо и какъ въ зеркалѣ отражалось въ свѣтлой водѣ. «Вонъ видите, сказалъ онъ, сколько прекрасныхъ овецъ въ рѣкѣ!» Подстароста тотчасъ же прыгъ въ воду и сталъ пускать пузыри. «Слышите, братцы! заговорили другіе, вѣдь онъ овецъ закликаетъ: буръ-буръ!» И вслѣдъ затѣмъ попрыгали въ воду и потонули.

Въ собраніи нѣмецкихъ сказокъ Гальтриха есть одна (№ 60): «Der dumme Hans», въ которой похожденія шута представлены въ особой, своеобразной редакціи. Была-жила старуха, у ней былъ внукъ Иванъ; люди его прозвали глупымъ, и кто только хотѣлъ, тотъ и преслѣдовалъ его насмѣшками. Глупой Иванъ однако за все расплатился. Отъ отца достался ему каменной домъ, въ которомъ только заднія комнаты были жилыя, а переднія стояли безъ дверей и оконъ и были запакощены сосѣдями и собаками. Увидя то, глупой Иванъ сказалъ усмѣхаясь: «это дермо дастъ мнѣ много денегъ!» Запрёгъ онъ въ телегу пару коровъ, забралъ всю дрянь изъ пустыхъ комнатъ и поклалъ въ бочку съ желѣзными обручами, налилъ въ нее воды, закупорилъ, запечаталъ, положилъ на телегу и повёзъ далеко-далеко. Дней черезъ сто прибылъ Иванъ поздно вечеромъ на дворъ къ одному дворянину и просилъ пристанища; «я, говорилъ онъ, везу бочку живой воды старому королю: кто выпьетъ этой воды, тотъ помолодѣетъ!» Дворянинъ принялъ его съ честію и увѣрялъ, что ему не о чемъ безпокоиться, что его собственные слуги всю ночь будутъ караулить бочку. Но слуги хорошо слышали, какъ разговаривалъ чужестранецъ съ ихъ господиномъ о живой водѣ, и захотѣли попробовать чуднаго напитка; и самъ хозяинъ былъ отъ того не прочь—онъ приказалъ откупорить бочку и

почерпнуть немного воды. Слуги откупорили, и тотчасъ шибнулъ имъ въ носы отвратительной запахъ. Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ, чтобы воротить молодость? Они почерпнули изъ бочки; и сами выпили, и своему господину отнесли полный стаканъ этого настоя. На утро глупой Иванъ нашелъ свою бочку распечатанною и притворно-раздраженный сталъ жаловаться хозяину: «увы! нечестивыя руки открыли бочку и ради этого беззаконія живая вода превратилась въ зловонную жидкость; какъ теперь доложить королю?» Хозяинъ упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ молчать о случившемся несчастіи; онъ готовъ дать ему столько денегъ, сколько нужно для того, чтобы снова съѣздить за живой водою. Глупой Иванъ взялъ деньги, вернулся домой и разсказалъ любопытнымъ сосѣдямъ, какъ много получилъ онъ за свое дермо. На слѣдующій день всѣ, у кого только были подводы, приготовили по одной и по двѣ бочки такого-жъ снадобья, и собравшись цѣлой деревнею — возовъ до двухъ сотъ, отправились въ городъ. Бочки были окрашены въ красной цвѣтъ. Завидя обозъ, горожане выбѣжали на встрѣчу, и самъ бургомистръ явился съ вопросомъ: что привезено въ такихъ прекрасныхъ бочкахъ? «Здѣсь то, отвѣчалъ впереди-выступавшій крестьянинъ, что̀ хоть дурно пахнетъ, но за что̀ вы такъ щедро платите!» Бургомистръ сунулъ палецъ въ бочку, отвѣдалъ и скривилъ лицо: «э, да это чистое г....!» Городской совѣтъ присудилъ наказать крестьянъ за ихъ дерзость, и каждому изъ нихъ дано было по двадцати пяти ударовъ. Когда крестьяне воротились въ деревню, они тотчасъ-же напали на глупаго Ивана и отсчитали на его спинѣ полученные ими удары, а коровъ его убили. Прибѣжали собаки и принялись жрать мясо. «Хорошо, трескайте! говорилъ Иванъ; вы мнѣ заплатите.» Слыша то, сосѣди смѣялись; а глупой Иванъ взялъ палку, началъ загонять собакъ въ пустую горницу, и удалось

ему загнать старую овчарку и маленькаго мопса. Онъ заложилъ дверь досками и сталъ спрашивать: «хотите ли вы добромъ расплатиться?» Но собаки бѣгали кругомъ и лаяли; дуракъ разсердился и пустилъ въ дѣло свою палку. Овчарка собралась съ силами и выскочила въ окно, а мопсъ напрасно трудился — онъ не могъ такъ высоко подпрыгнуть; отъ частыхъ прыжковъ его на стѣну обвалилась извёстка и выпало нѣсколько камней, и въ стѣнной впадинѣ открылся большой котёлъ съ серебромъ и золотомъ. «Вижу теперь, что ты честная собака! хочешь со мной расплатиться», сказалъ Иванъ и забралъ деньги. [1]) Разнеслась молва о томъ между крестьянами, и скоро во всей деревнѣ не осталось ни одной скотины: все пошло на угощенье собакъ, въ надеждѣ на щедрую плату съ ихъ стороны; но разсчетъ оказался невѣрнымъ. Собаки поѣли говядину, а денегъ не заплатили. Тогда крестьяне рѣшили на мірскомъ совѣтѣ застрѣлить глупаго Ивана; узнавши про то, онъ взялъ вечеромъ старуху-бабушку, перенёсъ на свою кровать и надѣлъ на нее свой спальной колпакъ. Ночью ее застрѣлили; Иванъ зашилъ трупъ въ холстъ, одѣлъ въ черные наряды, поднялъ на плеча и ушелъ изъ дому. Удивились люди, не найдя утромъ ни внучка, ни бабушки, и подумали, что ихъ обоихъ чортъ унёсъ. Глупой Иванъ ушелъ далеко и вечеромъ явился на дворъ къ дворянину, прося о ночлегѣ. «Я, сказалъ онъ, прямо изъ страны араповъ (Mohren-land) и принёсъ оттуда изъ очарованнаго зàмка царевну неописанной красоты, которая погружена въ вѣковой сонъ; но теперь настало время, когда можно призвать ее къ жизни поцѣлуемъ. Кто ее поцѣлуетъ, за того выйдетъ она замужъ, и онъ будетъ счастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Я ее везу къ королю, потому что онъ достойнѣе всѣхъ этого счастія.»

[1]) Слич и у г. Худякова, вып. II, стр. 118—9.

Мысль о прекрасной царевнѣ не давала хозяину заснуть; онъ всталъ ночью съ постели, взялъ ножницы и разрѣзалъ покровы, подъ которыми къ изумленію своему нашелъ убитую старуху. Поутру раздались жалобы глупаго Ивана: «увы! говорилъ онъ, нечестивыя руки поднимали покровы... Король не оставитъ этого безнаказанно!» Дворянинъ долженъ былъ откупиться деньгами и похоронить старуху. Глупой Иванъ вернулся домой, разсказалъ, какъ вмѣсто его убили старую бабушку и за какую дорогую цѣну продалъ онъ ее въ городѣ. Видя деньги, ему повѣрили, и на другой-же день пятьдесятъ парней отправились въ городъ, неся на плечахъ своихъ убитыхъ бабокъ; но получили въ награду по сотнѣ ударовъ на брата [1]).

9.

БАТРАКЪ.

Эта любопытная сказка знакома читателямъ въ поэтической передѣлкѣ Пушкина — «о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ» [2]). Варіанты см. въ изданіи Эрленвейна, № 29, и въ собраніи г. Худякова (вып. I, № 27; вып. II, № 71; вып. III, № 95); сличи Walachische Märchen, стр. 233—5. Въ Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славян. племени И. Боричевскаго (стр. 66—72) сообщенъ украинской варіантъ: Былъ-жилъ бѣдной мужикъ Пахомъ, вздумалъ онъ запродать свою душу бѣсу, вышелъ въ лѣсъ, сталъ на перекресткѣ и началъ призывать нечистаго. Изъ-за огромной сосны показал-

[1]) См. еще въ Вѣстн. естествен. наукъ 1854 г., стр. 334—5 (бурятскія сказки). — [2]) Текстъ сказки, записанный поэтомъ со словъ няни, см. въ Сочинен. Пушкина, изд. Анненкова, т. I, стр. 441; собственно дѣйствующее лицо здѣсь попъ-толоконный лобъ, поэтъ замѣнилъ его купцомъ-Остолопомъ.

ся бѣсъ: «здоровъ бувъ, человѣче!» — Здоровъ бувъ, пане чорте! «Знать тебѣ, сватъ, что-нибудь понадобилось?»—Ничо̀-го, отвѣчалъ Пахомъ, почесывая за ухомъ. «Такъ понапрасну-же я прилетѣлъ!» — Отъ такѝ уже и понапрасну! перебилъ, обидѣвшись, Пахомъ; понюхаемъ таба̀ки, якъ добрые люди. Понюхали; мужикъ попросилъ въ займы денегъ, бѣсъ обѣщалъ съ уговоромъ: если черезъ годъ не заплатитъ, то онъ по смерти возьметъ его душу. Пахомъ согласился, и бѣсъ полетѣлъ за деньгами; тѣмъ временемъ Пахомъ принёсъ заступъ, вырылъ яму и поставилъ на нее четверикъ безъ дна. Много пришлось бѣсу насыпать золота; а черезъ годъ мужикъ принёсъ ему въ уплату свой долгъ, только четверикъ уже былъ со дномъ. Вотъ такъ-то обдурилъ онъ бѣса! Въ Литвѣ извѣстенъ такой-же разсказъ: Былъ мудрый мужичокъ Убуртисъ; плёлъ онъ разъ лапти у горы Джуга, какъ явился къ нему чортъ: «что ты дѣлаешь?» — Лапти плету. «А кто тебѣ позволилъ? какъ смѣешь ты съ моихъ деревьевъ лыки драть?» Заспорили они и побились объ закладъ; «если, говоритъ чортъ, ты выиграешь — я плачу̀ тебѣ полную шляпу денегъ; а не выиграешь — ты погибъ!» Затѣмъ слѣдуетъ борьба чорта съ медвѣдемъ и перегонки съ зайцемъ. «Ну, теперь посмотримъ, кто выше подброситъ?» сказалъ чортъ и кинулъ вверхъ камень; камень полетѣлъ высоко-высоко и упалъ назадъ черезъ три часа. А Убуртисъ за̀годя поймалъ жаворонка и выпустилъ его изъ рукъ вмѣсто камня; жаворонокъ улетѣлъ ввысь и скрылся. «Видишь ли это ядро? спросилъ чортъ; въ немъ сто пудъ вѣса; давай-ка, кто его выше кинетъ?» Убуртисъ сталъ къ облакамъ приглядываться. «Что ты высматриваешь?» — Ожидаю, чтобъ подошла вонъ та большая туча; братъ мой на̀ небѣ кузнецомъ, нуждается въ желѣзѣ, и это ядро ему пригодится. Чортъ пожалѣлъ ядра и принужденъ былъ насыпать Убуртису дырявую шапку золотомъ (Podania i

legendy Siemieńskego, стр. 138—141; Иллюстрація 1848 г., № 27, стр. 39—40; Сынъ Отечества 1839 г., № 3, смѣсь, стр. 22—25). Между литовскими и жмудскими преданіями есть еще слѣдующее: одинъ мужикъ продалъ нечистому свою душу — съ условіемъ отдать ее тогда, какъ опадетъ съ деревьевъ вся зелень; чортъ дождался осени и пришелъ за душою, но мужикъ указалъ ему на сосну и насмѣялся надъ его недогадливостью. Другой мужикъ варилъ вмѣстѣ съ чортомъ пиво, и когда дошло до раздѣла, взялъ себѣ верхнюю половину (пиво), а нечистому отдалъ нижнюю (гущу, подонки). Чортъ напился гущи, и съ того питья былъ животомъ боленъ. «Постой-же! сказалъ онъ, теперь мое будетъ верхнее, а твое—нижнее.» Мужикъ согласился, посѣялъ вмѣстѣ съ чортомъ рѣпу, и опять надулъ пріятеля. Желая отомстить мужику, чортъ заспорилъ: кто кого выше подброситъ? Сначала чортъ подбросилъ мужика выше трубы, и тотъ едва не убился; потòмъ очередь стала за мужикомъ, онъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ: «я, кумъ, на мѣсяцъ смотрю; тамъ мой отецъ живетъ, такъ я жду, чтобы показался да тебя принялъ!» Испуганный чортъ убѣжалъ (Podania i legendy, стр. 141—2; Иллюстр. 1848 г., № 28, стр. 54; Славян. народн. разсказы Боричевскаго, стр. 195—9). Послѣдній разсказъ передается на Руси съ тою отмѣною, что вмѣсто чорта выводится медвѣдь, съ которымъ мужикъ сѣетъ рѣпу и пшеницу и варитъ пиво (см. вып. I, № 1, е). На островѣ Рюгенѣ существуютъ двѣ сказки о недогадливомъ чортѣ (Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. II, стр. 147—8): въ одной крестьянинъ обѣщаетъ нечистому отдать свою душу, если онъ наполнитъ ему деньгами голенище сапога; отрѣзываетъ голенище, прилаживаетъ его поверхъ пустаго овина и заставляетъ сыпать деньги; чортъ сыпалъ-сыпалъ, уморился и ушелъ съ проклятіями (сличи въ Kinder- und Hausmärchen,

т. II, № 195). Въ другой сказкѣ чортъ долженъ былъ свить моряку якорной канатъ изъ морскаго песку, но не могъ исполнить этой трудной задачи. — Съ русскими сказками о батракѣ и чортѣ весьма близко сходны напечатанныя въ изданіи Венжига Westslawischer Märchenschatz, стр. 164—7, и въ Deutsche Volksmärchen Гальтриха, №27: «Der listige Schulmeister und der Teufel». Послѣ разныхъ испытаній, чортъ предлагаетъ школьному учителю биться на палкахъ. «Хорошо!» сказалъ тотъ, далъ чорту длинную желѣзную палку, себѣ взялъ короткую, подошелъ къ нему близко—почти къ самому рылу, и ну угощать его безчисленными ударами; а чортъ съ своею длинною палкою ничего не могъ сдѣлать на такомъ близкомъ разстояніи. «Го-го! закричалъ онъ, помѣняемся палками.» — Охотно, отвѣчалъ учитель; но мнѣ кажется, ты порядкомъ утомился, и потому я сдѣлаю тебѣ еще бо̀льшую уступку: полѣзай-ка въ свиной хлѣвъ! это тебя защититъ сколько-нибудь отъ ударовъ. Чортъ взялъ короткую палку и залѣзъ въ свиной хлѣвъ. Учитель сунулъ свой длинной шестъ въ дыру и проткнулъ нечистаго какъ разъ промежъ рёбръ; а чортъ вовсе не могъ достать своего противника. «Довольно! закричалъ онъ, видя, что изъ него кровь такъ и прыщетъ; давай теперь царапаться.» — Изволь! только погоди, я принесу свои когти, сказалъ учитель и принёсъ два гребня, которыми расчесываютъ пеньку; съ помощію этихъ гребней онъ такъ взбороннлъ нечистаго, что тотъ запросилъ пощады. Наконецъ чортъ предложилъ послѣднее испытаніе: «Lasse uns denn zur guten Letzt noch in die Wette farzen!» Da liess der Teufel einen so fürchterlichen los, dass der Schulmeister bis an die Zimmerecke hinaufflog. «Was machst du da oben?» sprach der Teufel. «Ich verstopfe die Ritzen und Löcher, damit du, wenn ich jetzt einen Pumps lasse, nicht hinaus kannst und an der Decke zerschmetterst!» Чортъ до того испугался, что волоса у него стали дыбомъ, и не дожидаясь опыта, убѣжалъ въ пекло.

При обработкѣ сюжета, передаваемаго сказкою о батракѣ и чортѣ, народная фантазія допустила два главныя видоизмѣненія: въ одномъ разрядѣ варіантовъ герой сказки не отличается особенною силою, но беретъ верхъ надъ чортомъ хитростью; въ другомъ же разрядѣ варіантовъ народная фантазія надѣляетъ его, вмѣстѣ съ хитростью, и необычайной силою, даже иногда ей одной приписываетъ побѣду надъ дьяволомъ, — вслѣдствіе чего сказочной герой является не простымъ человѣкомъ, а лицомъ сверхъестественнымъ, миѳическимъ. Въ напечатанныхъ нами спискахъ батракъ можетъ давать такіе щелчки, что̀ отъ нихъ падаютъ мертвыми и быкъ и медвѣдь, и такіе щипки, что̀ съ самаго сильнаго быка сразу вся шкура слѣзаетъ. Хозяинъ нарочно посылаетъ батрака въ лѣсъ ночью, расчитывая, что тамъ разорвутъ его лютые звѣри; а онъ хватаетъ огромнаго медвѣдя за шею и приводитъ его на дворъ, будто смирнаго телёнка (см. вып. III, № 10 и 25; Пермск. сборникъ, т. II, стр. 172: «Солдатъ и медвѣдь»). Въ другой разъ посылаетъ хозяинъ батрака на чортову мельницу, но онъ и тамъ не пропадаетъ. Преданіе о чортовой мельницѣ любопытно; извѣстно, что суевѣріе ставитъ всѣхъ мельниковъ въ близкую связь съ водянымъ и вообще съ нечистою силою; малороссійскіе народные разсказы представляютъ чертей въ видѣ мирошниковъ (Записки о южн. Руси, Кулиша, т. II, стр. 45—47): все это отголосокъ глубокой старины. Такая необычайная сила сказочнаго героя въ нѣкоторыхъ варіантахъ (вып. VI, № 11) объясняется тѣмъ, что онъ рожденъ матерью отъ медвѣдя [1]); почему и соединяетъ въ себѣ человѣческой образъ съ звѣринымъ (до пояса человѣкъ, а нижняя половина—мед-

[1]) Преданія о похищеніи медвѣдемъ красныхъ дѣвицъ см. въ Русск. сказкахъ для дѣтей К. Авдѣевой, стр. 22—32, и въ Сынѣ Отечества 1839 г., № 9, стр. 63—65, въ статьѣ о миѳологіи колошей.

вѣжья) и называется Иванко-Медвѣдко. Богатырь Медвѣдко является въ сербскихъ приповѣдкахъ (въ издан. Караджича, № 1: «Međедовић») въ столкновеніи съ страшными великанами; а въ одной изъ русскихъ сказокъ онъ совершаетъ такіе трудные подвиги, передъ которыми сознаютъ свое безсиліе миѳическіе великаны, поворачивающіе горы и вырывающіе столѣтніе дубы (вып. VIII, № 6).

Въ Westslawischer Märchenschatz (стр. 124—7) разсказываются подвиги богатыря Юры. Онъ нанялся къ одному крестьянину работать за три щелчка Посланный хозяиномъ на чортову мельницу, Юра держитъ закладъ съ чортомъ. Чортъ бросаетъ вверхъ мельничной жорновъ — и камень пять минутъ остается въ воздухѣ; а когда Юра принимается бросать—камень упадаетъ назадъ въ первой разъ черезъ полчаса, а въ другой черезъ два часа. За ружье, тяжестью въ четыре центнера, Юра простилъ хозяину выслуженные щелчки и пришелъ въ дремучій лѣсъ, посреди котораго стоялъ за̀мокъ, а въ за̀мкѣ была темная ночь. Здѣсь онъ нашелъ трехъ нечистыхъ, которые сторожили трехъ прекрасныхъ царевенъ. «Отдашь ли мнѣ царевну?» спросилъ богатырь чорта. — Нѣтъ, не отдамъ! Юра схватилъ его и ударилъ о̀бъ полъ съ такою силою, что̀ пробилъ три этажа и забросилъ нечистаго въ глубокой подвалъ. Царевна была освобождена и дала своему избавителю золотую звѣзду. Освободилъ онъ и двухъ остальныхъ царевенъ; одна изъ нихъ дала ему золотой мѣсяцъ, а другая золотое солнце. Звѣзда, мѣсяцъ и солнце заблистали и все кругомъ освѣтили такъ ярко, какъ-будто бы разомъ настали и свѣтлая ночь и ясный день. Одному чорту Юра приказалъ залѣзть въ ружье, и пото̀мъ повёзъ трехъ царевенъ къ ихъ отцу. Царь пожелалъ, чтобы богатырь выстрѣлилъ изъ своего ружья. «Заткните ваши уши и ноздри, сказалъ Юра, и крѣпче держитесь на ногахъ!» Взялъ ружье, выстрѣлилъ — и въ ту-жъ минуту вы-

летѣлъ изъ дула нечистой, земля затряслась, башни попадали и во всемъ городѣ окна разсыпались на тысячи кусковъ. Наградою за подвиги богатыря была рука прекрасной царевны.

Въ нѣмецкой сказкѣ (у Гальтриха, № 16) герой, тождественный съ нашимъ Медвѣдкою, носитъ имя Eisenhans (желѣзный Иванъ). У одной супружеской четы не было дѣтей; мужъ жаловался и приставалъ къ своей женѣ, отчего она не рожаетъ ему дѣтей? «Милой мужъ! отвѣчала жена, ты—кузнецъ, и можешь самъ выковать ребёнка.» Мужъ не заставилъ себѣ повторять этого совѣта, взялъ десять центнеровъ желѣза—изъ семи выковалъ сына, а изъ трехъ сдѣлалъ ему бичъ. Мальчикъ вышелъ здоровой и бодрой; обрадовались и мужъ и жена, и назвали его Eisenhans. Вскорѣ Гансъ выросъ и сдѣлался въ тягость своимъ родителямъ, ибо поѣдалъ много и никогда не былъ сытъ; мать должна была приготовлять ему пищу въ огромномъ котлѣ. Отецъ съ матерью рѣшили не держать его больше въ своемъ домѣ: «если онъ останется съ нами еще дней восемь, то сожретъ насъ со всѣмъ дворомъ!» И они сказали сыну: «ты теперь и великъ и силенъ, иди-поищи себѣ службы.» Гансъ радъ былъ посмотрѣть на бѣлой свѣтъ, взялъ свой бичъ и отправился въ путь. Вечеромъ пришелъ онъ въ деревню, постучался къ пастору и спросилъ: не возьметъ ли онъ его въ работники? «Малой-то здоровенной! подумалъ пасторъ; онъ можетъ быть мнѣ очень полезенъ. Къ тому-жъ у меня есть двѣнадцать слугъ, а гдѣ кормятся двѣнадцать, тамъ и тринадцатой сытъ будетъ. Ступай! сказалъ онъ громко, я тебя принимаю.» Двѣнадцать слугъ, цѣлой день трудившіеся въ полѣ, порядкомъ проголодались и охотно принялись за ѣду; новый работникъ также усѣлся за столъ, но онъ одинъ ѣлъ больше, чѣмъ всѣ его товарищи вмѣстѣ; чашка скоро опустѣла, и всѣ остались голодны. «Если онъ также работаетъ, какъ ѣстъ, то это еще не дурно!» На другой

день двѣнадцать слугъ поднялись рано и пошли убирать сѣно; а Гансъ спалъ до полудня. Пробудившись, онъ отправился въ поле, поѣлъ все, что было приготовлено на тринадцать человѣкъ, и опять лёгъ спать. Это раздражило слугъ: «онъ только пожираетъ, а ничего не дѣлаетъ! говорили они другъ другу; пойдемте-ка, разбудимъ его: пусть и онъ работаетъ!» Набрали прутьевъ, пришли и ну стегать его по лицу. Сначала Гансъ отмахивался рукою, думая, что его кусаютъ мухи, но потомъ проснулся, увидалъ рабочихъ, вскочилъ и ухватилъ всѣхъ двѣнадцать зà ноги. «Теперь и я поработаю!» сказалъ онъ и началъ такъ ими повертывать, чтò они волей-неволею со всего луга сгребали сѣно руками, словно граблями. Когда работа была покончена, онъ отпустилъ бѣдняковъ, и они потащились домой съ окровавленными руками и прихрамывая. На слѣдующій день поутру работники поѣхали въ лѣсъ за дровами. Гансъ опять проспалъ до полудня; а вставши, поѣлъ все, чтò было приготовлено, запрёгъ четырехъ быковъ и поѣхалъ въ лѣсъ. На дорогѣ въ одномъ мѣстѣ была такая грязь, что телега совсѣмъ застряла. Гансъ не сталъ долго раздумывать, поднялъ ее вмѣстѣ съ быками и вынесъ на сушь и гладь. Въ лѣсу прибѣжалъ къ нему страшной волкъ и заревѣлъ: «я съѣмъ одного быка!» — Нѵжды нѣтъ! отвѣчалъ Гансъ, но тебѣ придется замѣсто его самому тащить возъ. Едва волкъ сожралъ быка, какъ желѣзный Гансъ схватилъ его за шею и запрёгъ въ телегу. Немного погодя, явился чортъ: «я, говоритъ, изломаю у тебя ось!» — Пожалуй! только тебѣ самому придется занять ея мѣсто. Чортъ не обратилъ вниманія на эти слова, но едва изломалъ онъ ось, какъ желѣзный Гансъ схватилъ его за шиворотъ и буквально исполнилъ свое обѣщаніе. Въ это время двѣнадцать слугъ уже успѣли нагрузить свои воза и возвращались домой. Увидя ихъ, Гансъ закричалъ: «я буду прежде васъ дòма и привезу дровъ

во сто разъ больше, чѣмъ всѣ вы вмѣстѣ!» Тѣ засмѣялись и поѣхали своей дорогой. Гансъ началъ навязывать на телегу и позади ея цѣлыя деревья, навязалъ почти половину лѣса, и повернулъ домой. Ѣдетъ по дорогѣ, глядь — двѣнадцать возовъ въ грязи застряли. Тутъ онъ взялъ свою телегу со всею кладью и упряжкою, взвалилъ на̀ спину и перенёсъ черезъ топкое мѣсто; очутившись такимъ образомъ впереди всѣхъ, онъ вытащилъ потомъ изъ грязи и другія телеги. Со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ смотрѣть на невиданной поѣздъ: волкъ шелъ въ упряжи, чортъ служилъ вмѣсто оси. Пріѣхавши ко двору, Гансъ отвязалъ чорта, ударилъ бичомъ и пустилъ на волю; съ визгомъ бросился нечистой улепётывать въ пекло. На другой день пасторъ призвалъ Ганса, объявилъ, что черти похитили у него дочь, и велѣлъ непремѣнно розыскать ее и доставить домой; за эту службу хозяинъ обѣщалъ Гансу столько денегъ, сколько онъ въ силахъ будетъ поднять. Гансъ обрадовался; онъ слышалъ много разсказовъ объ адѣ, и ему давно хотѣлось заглянуть туда; тотчасъ-же взялъ свой бичъ и отправился въ путь. Достигнувъ адскихъ воротъ, онъ постучался бичемъ и закричалъ: «отворите!» Нечистые всполошились и спрашивали одинъ другаго: кто бы это былъ? Вотъ чортъ, уже бывшій въ передѣлкѣ, взглянулъ въ щель, узналъ гостя и съ крикомъ: «бѣда! это желѣзный Гансъ!» убѣжалъ въ самой темной уголъ. Вслѣдъ за нимъ и другіе попрятались. Богатырскимъ ударомъ Гансъ сшибъ адскія ворота и освободилъ всѣхъ заключенниковъ, между ними и похищенную дѣвицу. Воротившись изъ ада, онъ добылъ сто локтей холста, призвалъ семь портныхъ и заставилъ ихъ шить мѣшокъ. Вскорѣ огромной мѣшокъ былъ готовъ, и надо было наполнить его деньгами. Пасторъ обмолотилъ весь свой хлѣбъ, насыпалъ мѣшокъ зерномъ, а сверху закрасилъ деньгами. Гансъ не замѣтилъ обмана, поднялъ

мѣшокъ на плеча и принёсъ къ отцу-къ матери: «вотъ вамъ гостинецъ! вы недаромъ меня кормили...» Положилъ мѣшокъ наземь и отправился гулять по бѣлому свѣту.

Такое представленіе сказочнаго героя неодолимымъ, могучимъ силачомъ есть древнѣйшее; оно роднитъ его съ естественными явленіями природы: удары его также стремительны и страшны, какъ удары молніи, а молодецкой свистъ подобенъ завыванью бури. Впослѣдствіи когда съ одной стороны основа преданія болѣе или менѣе затемнилась въ народномъ сознаніи, а съ другой выступилъ вперёдъ народный юморъ и овладѣлъ многими изъ эпическихъ сказаній, придавши имъ и другія краски и другія тѣни, герой преобразился: онъ одолѣваетъ своихъ страшныхъ противниковъ уже ни силою удара, ни крѣпостью мышцъ, ни громовыми звуками голоса, а изворотливостью хитраго ума. Отсюда возникъ цѣлой рядъ насмѣшливыхъ разсказовъ, въ которыхъ чортъ играетъ весьма жалкую роль недогадливаго простака, подобно тому какъ въ нѣмецкихъ сказкахъ роль эта выпала на долю великановъ. Въ одной изъ русскихъ сказокъ (вып. V, № 25) такимъ простакомъ выставленъ змѣй, обманутый хитрымъ цыганомъ; здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ тотъ-же споръ о свистѣ (кто громче свистнетъ — змѣй или цыганъ?), какъ и въ сказкѣ о батракѣ. Очевидно, что чортъ, съ которымъ состязается сказочной герой, есть не болѣе, какъ позднѣйшая замѣна миѳическаго великана или змѣя.

10.

ДУРАЧОКЪ.

См. варіантъ въ Великорус. сказкахъ Худякова, вып. II, № 68. Подобныя сказки извѣстны и у нѣмцевъ; см. Deutsche

Volksmärchen Гальтриха, № 63 и 64. Содержаніе нѣмецкой сказки «Der thörichte Hans» весьма близко съ извѣстными похожденіями бабина дурня (Древн. россійс. стихотворенія, собр. Киршею Даниловымъ, стр. 390 — 402): жена посылаетъ глупаго мужа купить булавку; онъ втыкаетъ булавку въ возъ съ соломою и, разумѣется, теряетъ ее. «А ты воткнулъ бы въ шляпу!» учитъ его жена и вслѣдъ за тѣмъ посылаетъ купить двѣ желѣзныя шины. Дуракъ втыкаетъ шины въ шляпу и терпитъ со всѣхъ сторонъ насмѣшки. «Ты бы связалъ ихъ веревкою, да такъ бы и тащилъ домой!» учитъ снова жена и посылаетъ глупаго мужа купить свинины. Дуракъ потащилъ купленный кусокъ на веревочкѣ; прибѣжали собаки и съѣли свинину, и такъ далѣе.

15.

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА.

Въ «Маякѣ» (т. XV, смѣсь, стр. 23—25) сообщенъ бѣлорусской варіантъ: Было три сестры, младшая дурочка. Лѣтомъ собирали онѣ въ лѣсу ягоды; старшая сестра заблудилась, шла-шла, и пришла къ хаткѣ на куриной лапкѣ. Вошла въ хатку и стала сестеръ закликать: «кто въ лѣсу, кто въ бору? приди ко мнѣ ночевать!» — Я въ лѣсу, я въ бору! приду къ тебѣ ночевать, отвѣчалъ огромной медвѣдь, входя въ дверь; не бойся меня, влѣзь въ правое мое ушко, вылѣзь въ лѣвое — у насъ всего будетъ! Дѣвица влѣзла медвѣдю въ правое ухо, вылѣзла въ лѣвое, и нашла у себя за пазухой ключи. «Теперь приготовь ужинъ!» Она приготовила ужинъ. Сѣли за столъ; мышь подбѣгаетъ и проситъ у дѣвицы кашки. «Кто съ тобой разговариваетъ?» спрашиваетъ медвѣдь.—Мыш-

ка каши проситъ. «Ударь ее по̀ лбу!» Она ударила. «Теперь стели мнѣ постель: рядъ полѣньевъ, да рядъ каменьевъ, ступу въ головы, а жорновомъ накрыться.» Постель приготовлена; медвѣдь лёгъ, а дѣвицѣ велѣлъ цѣлую ночь бѣгать по комнатѣ да звенѣть ключами. Она бѣгаетъ, ключами побрякиваетъ, а медвѣдь лежалъ-лежалъ и бросилъ въ нее жорновъ. «Жива еще!» закричала мышка; медвѣдь бросилъ ступу. «Жива еще!» опять отозвалась мышка, и вслѣдъ за ступой полетѣло полѣно. Убилъ медвѣдь красную дѣвицу и высосалъ изъ нея кровь. Въ другой разъ заблудилась середняя сестра, и съ нею случилась таже самая бѣда. Вздумала меньшая—дурочка пойдти поискать своихъ сестеръ, и попала въ ту-жѐ хатку. Медвѣдь велѣлъ ей приготовить ужинъ и постлать постель. Сѣли они за столъ; прибѣжала мышка и стала просить каши. Дѣвица дала ей. «Кто съ тобой разговариваетъ?» спросилъ медвѣдь. — Никто! Вотъ когда медвѣдь улёгся, мышка сказала красной дѣвицѣ: «дай мнѣ ключики, я стану за тебя бѣгать!» Медвѣдь бросилъ жорновъ, мышка закричала: «не жива!» Медвѣдь вскочилъ, сталъ искать убитую, не нашелъ и побѣжалъ въ лѣсъ. Тогда мышка разсказала дѣвицѣ про старшихъ сестеръ, дала ей ключики, у которыхъ что̀ ни попроси — все дадутъ, и проводила ее домой.

Съ сказкою о злой мачихѣ, напечатанною въ І-мъ выпускѣ, № 3, b, сходна нѣмецкая: «Die beiden Mädchen und die Hexe» (въ собраніи Гальтриха, № 34). Мачиха прогоняетъ падчерицу; та идетъ и по дорогѣ очищаетъ яблоню отъ иглъ терновника, перевязываетъ ногу хромающей собакѣ и закрываетъ печку; наконецъ попадаетъ къ вѣдьмѣ, которая беретъ ее въ служанки, даетъ ей ключи ото всѣхъ комнатъ, но запрещаетъ входить въ одну. Дѣвушка не выдержала, вошла въ запретную комнату, блиставшую какъ чистое золото, и тотчасъ сама сдѣлалась золотою. Опасаясь вѣдьмы, она рѣшилась бѣжать;

на воротахъ сидѣлъ пѣтухъ, увидалъ дѣвицу и началъ кричать. Вѣдьма услыхала пѣтушій крикъ и бросилась въ погоню; но глаза ея плохо видѣли, потому что передъ ней была темная ночь, а передъ дѣвицей свѣтлой день. Печь, собака и яблоня помогаютъ бѣглянкѣ, и она счастливо ворочается домой совершенной красавицей. Домовая ласточка, сидя на кровлѣ, встрѣчаетъ ее ласковой пѣснею. Мачиха посылаетъ къ вѣдьмѣ свою родную дочь, но та не отличалась добрымъ сердцемъ, никому не оказала услуги, и возвратный путь ея былъ печаленъ, ибо передъ нею была темная ночь, а позади сіялъ свѣтлой день. Изъ открытой печи выскочила лиса и опалила ей платье; собака укусила ее за ногу, а яблоня преградила дорогу терновыми иглами. Вѣдьма догнала бѣглянку: «постой, воровка! ты не похитишь моего золота!» и начала царапать ее своими длинными когтями; содрала съ нее все золото и обезображенную отпустила домой. — Въ томъ-же изданіи есть другая сказка «Die Geschenke der Schönen» (№ 39): Мачиха преслѣдуетъ падчерицу и однажды утромъ посылаетъ ее на озеро, въ которомъ купались прекрасныя водяныя дѣвы. Никто изъ смертныхъ не смѣлъ туда приблизиться; разъ было попробовалъ одинъ любопытный посмотрѣть на чудныхъ дѣвъ, но онѣ утащили его въ глубину водъ. Бѣдняжка пришла къ озеру, и водяныя дѣвы, видя, что она удручена горемъ, не сдѣлали ей ни малѣйшаго зла; онѣ съ участіемъ распросили ее, зачѣмъ она пришла, подарили ей великолѣпное платье и проводили благословеніями. «Гдѣ ты будешь идти, сказала одна изъ нихъ, тамъ цвѣты выростутъ!» Другая провѣщала: «когда ты будешь говорить, изъ устъ твоихъ разольется пріятное благовоніе!» Третья предрекла: «когда ты станешь умываться, то въ чашкѣ явится кусокъ золота!» На другой день мачиха, прельщенная дарами прекрасныхъ дѣвъ, посылаетъ на озеро свою родную дочь — гордую и упрямую. Во-

дяныя дѣвы обрызгали ее грязью и надѣлили такими дарами —первая: «гдѣ ты будешь идти, тамъ выростетъ тёрнъ!» вторая: «когда ты будешь говорить, изъ устъ твоихъ разольется отвратительной запахъ!» третья: «когда ты станешь умываться, то въ чашкѣ явится жаба!» Далеко пронеслась молва о красотѣ падчерицы; самъ король задумалъ на ней жениться и послалъ за невѣстой коляску. Мачиха повезла ее вмѣстѣ съ своею безобразною дочерью; на пути она выколола у падчерицы глаза, забросила ее въ болото, а свою собственную дочь нарядила невѣстою и привезла во дворецъ. Когда мнимая невѣста проходила королевскимъ дворомъ, то за каждымъ ея шагомъ выросталъ между камней колючій тёрнъ; а едва произнесла она слово, какъ тотчасъ разлился кругомъ отвратительной запахъ. «Что это? воскликнулъ изумленный король; это ли дары моей невѣсты?» Мать успокоила его, объяснивши все утомительнымъ путешествіемъ. Между тѣмъ ослѣпленная падчерица выползла изъ болота, пришла подъ дерево и заснула. Пробудившись, она не вѣдала, былъ ли день или ночь? и громко жаловалась на свою судьбу. Вдругъ прилетѣли три бѣлыя лебеди, сѣли на дерево и провѣщали: «бѣдное дитя! собери съ листьевъ этого дерева утренюю росу и омочи твои глазныя впадины.» Дѣвица послушалась и въ ту-же минуту прозрѣла; подобно тому въ русской сказкѣ (вып. V, № 39) купеческая дочь, которую ослѣпила злая служанка, вышла на утренюю зорю, поплевала на свои вынутыя очи, вставила ихъ въ глазныя впадины—и тотчасъ стала видѣть по прежнему. Послѣ того падчерица отправилась въ королевской дворецъ, и по всему пути, гдѣ она шла, подъ ея стопами выростали прекрасные цвѣты и воздухъ наполнялся пріятнымъ благоуханіемъ: такъ шествовала, по древнимъ сказаніямъ, богиня Весна по землѣ, только что сбросившей съ себя зимніе покровы, украшая ее цвѣтами и зеленью. Король женился

на красавицѣ, а мачиху съ ея дочерью велѣлъ посадить въ бочку, утыканную гвоздями, и скатить съ высокой горы въ море. — Въ нѣкоторыхъ варіаціяхъ сказка о мачихѣ и падчерицѣ облекается въ легендарную форму; такова хорутанская сказка, напечатанная въ сборникѣ Валявца (стр. 231—2; сличи ее съ интереснымъ разсказомъ въ Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 3: «Der gerechte Lohn»).

16.

МОРОКА.

Морочить или *отводить глаза* значитъ: заставить всѣхъ присутствующихъ видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Это чародѣйное искусство обыкновенно приписывается колдунамъ и вѣдьмамъ. Неразъ приходилось намъ выслушивать отъ простолюдиновъ разсказы о томъ, какъ положили колдуна или вѣдьму наказывать плетьми, а имъ и горя мало; всѣмъ кажется, что плеть бьетъ по голой спинѣ, а на дѣлѣ она ударяетъ или по землѣ или по бревну. Тѣ, которымъ случалось приходить на мѣсто казни позже другихъ и глаза которыхъ не были потому зачарованы, усматривали обманъ и открывали его сельскому сходу. Въ Саратовск. губерн. вѣдомостяхъ 1860 г., (№ 9, стр. 72) помѣщенъ народной разсказъ о томъ, какъ морочилъ мужикъ, пролѣзая сквозь брусъ головою и доставая изъ пустыхъ кармановъ яблоки и огурцы.

17.

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА.

См. варіанты у Худяк., вып. II, № 57; въ Запискахъ о южн. Руси, т. II, стр. 20—23: «сказка объ убитой сестрѣ и о *калиновой* дудкѣ», которая напѣвала:

Ой по малу-малу, чумаченьку, грай,
Да не врази мого серденька въ край;
Мене сестриця зъ свиту сгубила,
Нижъ у серденько да-й устромила!

и въ «Русскихъ народныхъ сказкахъ» Богдана Бронницына—

СКАЗКА

О СЕРЕБРЕНОМЪ БЛЮДЕЧКѢ И НАЛИВНОМЪ ЯБЛОЧКѢ.

Жилъ мужикъ съ женою, и у нихъ были три дочери: двѣ— нарядницы, затѣйницы, а третья—простоватая, и зовутъ ее сестры, а за ними и отецъ и мать дурочкой. Дурочку вездѣ толкаютъ, во все помыкаютъ, работать заставляютъ; она не молвитъ и слова, на все готова: и траву полетъ, и лучину колетъ, коровушекъ доитъ, уточекъ кормитъ. Кто что̀ ни спроситъ, все дура приноситъ: «дура, поди! за всѣмъ, дура, гляди!» Ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ на ярманку, обѣщаетъ дочерямъ гостинцевъ купить. Одна дочь проситъ: «купи мнѣ, батюшка, кумачу на сарафанъ»; другая дочь проситъ: «купи мнѣ алой китайки»; а дура молчитъ да глядитъ. Хоть дура, да дочь; жаль отцу — и ее спросилъ: «чего тебѣ, дура, купить?» Дура усмѣхнулась и говоритъ: «купи мнѣ, свѣтъ-батюшка, серебреное блюдечко да наливное яблочко.» — Да на что тебѣ? сестры спросили. «Стану я катать яблочкомъ по блюдечку, да слова приговаривать, которымъ научила меня старушка — за то, что я ей калачъ подала.» Мужикъ обѣщалъ и поѣхалъ. Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли былъ онъ на ярманкѣ, сѣно продалъ, гостинцевъ купилъ: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафанъ, а дурѣ серебреное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показываетъ. Сестры рады были, сарафаны пошили, а

на дуру смѣются, да ждутъ, что она будетъ дѣлать съ серебренымъ блюдечкомъ, съ наливнымъ яблочкомъ. Дура не ѣстъ яблочко, а сѣла въ углу — приговариваетъ: «катись-катись, яблочко, по серебреному блюдечку, показывай мнѣ города и поля, лѣса и моря, и горъ высоту, и небесъ красоту!» Катится яблоко по блюдечку, наливное по серебреному, а на блюдечкѣ всѣ города одинъ за другимъ видны, корабли на моряхъ и полки на поляхъ, и горъ высота, и небесъ красота: солнышко за солнышкомъ катится, звѣзды въ хороводъ собираются—такъ все красиво, на диво! что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Заглядѣлись сестры, а самихъ зависть беретъ, какъ-бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не промѣняетъ. Злыя сестры похаживаютъ, зовутъ, подговариваютъ: «душенька сестрица! въ лѣсъ по ягоды пойдёмъ, земляничку сберёмъ.» Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да въ лѣсъ пошла; съ сестрами бродитъ, ягоды сбираетъ, и видитъ, что на травѣ заступъ лежитъ. Вдругъ злыя сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили, а къ отцу поздно пришли, говорятъ: «дурочка отъ насъ убѣжала, безъ вѣсти пропала; мы лѣсъ обошли, ее не нашли, видно волки съѣли!» Жалко отцу — хоть дура, да дочь! Плачетъ мужикъ по дочери; взялъ онъ блюдечко и яблочко, положилъ въ ларецъ да замкнулъ; а сестры слезами обливаются. Водитъ стадо пастушокъ, трубитъ въ трубу на зарѣ, и идетъ по лѣску овечку отыскивать; видитъ онъ бугорокъ, подъ березкой въ сторонѣ, а на немъ вокругъ цвѣты алые, лазоревые, надъ цвѣтами тростинка. Пастушокъ молодой срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ дудочку, и диво дивное, чудо чудное — дудочка сама поетъ-выговариваетъ: «играй-играй, дудочка! потѣшай свѣта-батюшку, мою родимую матушку и голубушекъ сестрицъ моихъ. Меня бѣдную загубили, со свѣту сбыли за серебреное блюдечко, за наливное

яблочко.» Люди слышутъ — сбѣжались, вся деревня за пастухомъ оборотилась; пристаютъ къ пастуху, выспрашиваютъ, кого загубили? Отъ распросовъ отбою нѣтъ. «Люди добрые! пастухъ говоритъ, ничего я не вѣдаю, а искалъ въ лѣсу овечку и увидѣлъ бугорокъ, на бугоркѣ цвѣточки, надъ цвѣточками тростинка; срѣзалъ я тростинку, сдѣлалъ себѣ дудочку, сама дудочка играетъ-выговариваетъ. «Случился тутъ отецъ дурочки, слышитъ пастуховы слова, схватилъ дудочку, а дудочка сама поетъ: «играй-играй, дудочка! родимому батюшкѣ; потѣшай его съ матушкой. Меня бѣдную загубили, со свѣту сбыли за серебреное блюдечко, за наливное яблочко.» — Веди насъ, пастухъ! говоритъ отецъ, туда, гдѣ срѣзалъ ты тростинку. Пошелъ за пастухомъ онъ въ лѣсокъ, на бугорокъ, и дивится на цвѣты прекрасивые, цвѣты алые, лазоревые. Вотъ начали разрывать бугорокъ, и мертвое тѣло отрыли. Отецъ всплеснулъ руками, застоналъ, дочь несчастную узналъ, и лежитъ она убитая, невѣдомо кѣмъ загубленая, невѣдомо кѣмъ зарытая. Добрые люди спрашиваютъ, кто-убилъ-загубилъ ее? А дудочка сама играетъ-выговариваетъ: «свѣтъ мой батюшка родимой! меня сестры въ лѣсъ зазвали, меня бѣдную загубили за серебреное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня отъ сна тяжкаго, пока не достанешь воды изъ колодезя царскаго.» Двѣ сестры-завистницы затряслись, поблѣднѣли, а душа какъ въ огнѣ, и призналисъ въ винѣ; ихъ схватили, связали, въ темной погребъ замкнули до царскаго указа-высокаго повелѣнья; а отецъ въ путь собрался въ городъ престольной. Скоро ли, долго ли — прибылъ въ тотъ городъ. Ко дворцу онъ приходитъ; вотъ съ крыльца золотаго царь-солнышко вышелъ, старикъ въ землю кланяется, царской милости проситъ. Возговоритъ царь-надёжа: «возьми, старикъ, живой воды изъ царскаго колодезя; когда дочь оживетъ, представь ее намъ съ

блюдечкомъ, яблочкомъ, съ лиходѣйками-сестрами.» Старикъ радуется, въ землю кланяется, и домой везётъ скляницу съ живою водою; бѣжитъ онъ въ лѣсокъ на цвѣтной бугорокъ, отрываетъ тамъ тѣло. Лишь онъ спрыснулъ водой — встала дочь передъ нимъ живой, и припала голубкой на шею отцу. Люди сбѣжались, наплакались. Поѣхалъ старикъ въ престольной городъ; привели его въ царскія палаты. Вышелъ царь-солнышко, видитъ старика съ тремя дочерьми: двѣ за̀ руки связаны, а третья дочь — какъ весенній цвѣтъ, очи—райской свѣтъ, по лицу заря, изъ очей слезы катятся, будто жемчугъ падаютъ. Царь глядитъ, удивляется; на злыхъ сестеръ прогнѣвался, а красавицу спрашиваетъ: «гдѣ-жъ твое блюдечко и наливное яблочко?» Тутъ взяла она ларчикъ изъ рукъ отца, вынула яблочко съ блюдечкомъ, а сама царя спрашиваетъ: «что ты, царь-государь, хочешь видѣть: города-ль твои крѣпкіе, полки-ль твои храбрые, корабли ли на̀ морѣ, чудныя-ль звѣзды на̀ небѣ?» Покатила наливнымъ яблочкомъ по серебреному блюдечку, а на блюдечкѣ-то одинъ за однимъ города выставляются, въ нихъ полки собираются, со знаменами, со пищалями, въ боевой строй становятся; воеводы передъ строями, головы передъ взводами, десятники передъ десятнями; и пальба, и стрѣльба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ закрылъ! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебреному: на блюдечкѣ море волнуется, корабли какъ лебеди плаваютъ, флаги развиваются, съ кормы стрѣляютъ; и стрѣльба, и пальба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ закрылъ! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебреному: въ блюдечкѣ все небо красуется, солнышко за солнышкомъ кружится, звѣзды въ хороводъ собираются. Царь удивленъ чудесами, а красавица льется слезами, передъ царемъ въ ноги падаетъ, проситъ помиловать: «царь-государь! говоритъ она, возьми мое серебреное блюдечко и наливное яблоч-

ко, лишь прости ты сестеръ моихъ, за меня не губи ты ихъ.» Царь на слезы ея сжалился, по прошенью помиловалъ; она въ радости вскрикнула, обнимать сестеръ бросилась. Царь глядитъ, изумляется; взялъ красавицу за̀ руки, говоритъ ей привѣтливо: «я почту доброту твою, отличу красоту твою: хочешь ли быть мнѣ супругою, царству доброй царицею?» — Царь-государь! отвѣчаетъ красавица, твоя воля царская, а надъ дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; какъ отецъ велитъ, какъ мать благословитъ, такъ и я скажу. Отецъ въ землю поклонился; послали за матерью — мать благословила. «Еще къ тебѣ слово, сказала царю красавица: не отлучай родныхъ отъ меня; пусть со мною будутъ и мать, и отецъ, и сестры мои.» Тутъ сестры ей въ ноги кланяются; «недостойны мы!» говорятъ онѣ. — Все забыто, сестры любезныя! говоритъ она имъ; вы родныя мнѣ, не съ чужихъ сторонъ, а кто старое зло помнитъ, тому глазъ вонъ! Такъ сказала она, улыбнулась, и сестеръ поднимала; а сестры въ раскаяньи плачутъ, какъ рѣка льются, встать съ земли не хотятъ. Тогда царь имъ встать приказалъ, кротко на нихъ посмотрѣлъ, во дворцѣ остаться велѣлъ. — Пиръ во дворцѣ! крыльцо все въ огняхъ, какъ солнце въ лучахъ; царь съ царицей сѣли въ колесницу, земля дрожитъ, народъ бѣжитъ: «здравствуй, кричатъ, на многіе вѣка!»

Сюжетъ этотъ варіируется весьма разнообразно: иногда братъ убиваетъ брата и на могилѣ убитаго выростаетъ *бузина*; иногда мачиха падчерицу и выростаетъ *калина*; иногда двѣ сестры третью, зарываютъ ее въ могилу и накрываютъ сверху елкою, на елкѣ выростаетъ *цвѣтокъ*, который поетъ о совершонномъ злодѣяніи; въ одной пѣснѣ подобное-же преданіе связывается съ *ракитовымъ* кустомъ (Временникъ Общ. ист. и др. рос., кн. XX, отд. 1, стр. 73).

Сказка о чудесно-изобличенномъ убійствѣ извѣстна почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Въ собраніи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (т. I, № 28; т. III, стр. 55—6) она озаглавлена: «Der singende Knochen» (поющая кость). Одну страну постигло большое несчастіе — появился вепрь, который взрывалъ нивы и побивалъ скотъ и людей своими клыками. Царь обѣщалъ выдать за того свою единственную дочь, кто избавитъ страну отъ страшнаго вепря. Но звѣрь былъ великъ и силенъ, и никто не рѣшался приблизиться къ лѣсу, въ которомъ онъ поселился. Жилъ въ то время бѣднякъ, и было у него двое сыновей. Братья вызвались на смѣлое дѣло; младшій пошелъ искать вепря и повстрѣчалъ маленькаго человѣчка, который держалъ въ рукѣ чорное копье. «Это копье, сказалъ карликъ, даю тебѣ за твое доброе и простое сердце; съ нимъ ты спокойно можешь идти на звѣря.» Юноша поблагодарилъ и пошелъ дальше; увидѣвъ звѣря, онъ подставилъ ему копье. Вепрь ринулся и въ слѣпой ярости наскочилъ на остріе съ такой силою, что прокололъ себѣ сердце. Побѣдитель взвалилъ убитаго вепря на плеча и хотѣлъ нести къ царю. Тутъ увидалъ его старшій братъ, позавидовалъ чужой удачѣ, зазвалъ его въ корчму, задержалъ нарочно до вечера, а потомъ когда пошли они домой — сбросилъ его съ моста въ ручей; юноша убился дȍ смерти, и старшій братъ зарылъ трупъ подъ мостомъ. Послѣ того онъ явился къ царю, принёсъ вепря, и женился на царевнѣ. Много лѣтъ спустя гналъ пастухъ стадо черезъ мостъ, смотритъ — внизу на пескѣ валяется бѣлая кость, спустился, взялъ ее и вырѣзалъ изъ той кости наконечникъ для своего рожка. Приложилъ рожокъ къ губамъ и только подулъ — какъ вѣщая кость сама собой запѣла:

Ach' du, liebes Hirtenlein!
Du bläst auf meinem Knöchenlein.

Mein Bruder hat mich erschlagen,
Unter der Brücke begraben,
Um das wilde Schwein,
Für des Königs Töchterlein.

Злодѣяніе открылось, и преступника зашили въ мѣшокъ и бросили въ воду. Подобную-же сказку см. въ сборникѣ Гальтриха, № 42: «Der Rohrstengel». Дикой вепрь нѣмецкой сказки, за истребленіе котораго обѣщана рука царевны, встрѣчается и въ малорусскомъ варіантѣ (см. Наськи украинськи казкы запорозьця Иська Матырынкы—казка про царивъ садъ да жывую супилочку). Въ Шотландіи и Швеціи поется старинная пѣсня, въ которой разсказывается, какъ коварная дѣвушка изъ зависти къ своей сестрѣ столкнула ее въ море; рыбаки вытащили утопленицу; изъ ея грудной кости гусляръ сдѣлалъ чудную арфу, изъ ея пальцевъ—колки, изъ русой косы—струны, заигралъ—и арфа прозвучала о безвѣстномъ преступленіи (см. Пѣсни разныхъ народовъ, Н. Берга, стр. 405). На Руси извѣстна сказка про охотника, который нашелъ въ лѣсу рёбрушки, взялъ одно изъ нихъ и сдѣлалъ дудку; дудка запѣла: «ты играй-играй полегохоньку, ты играй-играй потихохоньку! Мои кости больнёхоньки, мои жилки тонёхоньки; погубили меня двѣ сестры, погубили двѣ рȯдныя за мою за игрушечку, за мою погремушечку.» Преданіе это встрѣчается и въ Испаніи и даже въ южной Африкѣ у беджуановъ (Лѣтописи русск. литерат., т. I, стр. 112—4).

Въ сказаніяхъ славянскихъ племенъ бȯльшею частію повѣдаютъ о совершȯнномъ преступленіи не кости невинно-убитаго, а дерево, тростинка, камышъ или цвѣтокъ, выростающіе на его могилѣ. Въ поэзіи всѣхъ европейскихъ народовъ можно указать на многія пѣсни, по свидѣтельству которыхъ на могилѣ юноши и дѣвицы, умершихъ отъ несчастной любви, выростали роза, лилія, боярышникъ и другіе цвѣты,

а на могилахъ злыхъ, завистливыхъ людей — крапива, волчецъ и разныя вредныя зелья. Эти поэтическія преданія состоятъ въ тѣсной связи съ древнѣйшими пантеистическими воззрѣніями человѣка на самого себя и природу. Отъ глубокой языческой старины донеслись до насъ миѳы о первозданныхъ людяхъ-ольхѣ, дубѣ, ясени, о переходѣ души въ царство растительное, о превращеніи людей въ цвѣты и деревья, и наоборотъ подъ корой всякаго дерева чаялось подобіе человѣческой жизни; въ шелестѣ листьевъ слышался говоръ, въ трескѣ сломленной вѣтви — болѣзненный стонъ; дерево содрагалось, чахло и даже проливало кровь, будучи тронуто острымъ желѣзомъ. Въ сказку о Снѣжевиночкѣ, напечатанную нами въ VI вып., № 25, b, занесено любопытное преданіе о переходѣ души въ камышовую тростинку и въ розовой цвѣтокъ. Подружки убили дѣвочку Снѣжевиночку и зарыли подъ сосенкой; на ея могилѣ выростаетъ камышъ, изъ котораго проѣзжавшіе бурлаки дѣлаютъ дудочку. Дудочка досталась въ руки осиротѣвшихъ отца и матери; они разломили ее и оттуда выскочила сама Снѣжевиночка. По другому варіанту изъ дудочки выпадаетъ розовой цвѣтокъ, а цвѣтокъ уже превращается въ дѣвочку. Сходно съ этимъ въ другой сказкѣ (вып. IV, № 66) на могилѣ Маруси выростаетъ чудесной цвѣтокъ; молодой боярской сынъ пересаживаетъ его въ горшокъ и привозитъ домой. Ночью цвѣтокъ начинаетъ двигаться, упадаетъ съ своего стебля наземь — и превращается въ красную дѣвицу.

Снѣжевиночка названа такъ, потому что родилась изъ снѣгу. Не было, говоритъ сказка, у старика-у старухи дѣтей; вотъ вышелъ старикъ на улицу, сжалъ комочекъ снѣгу и положилъ на печку подъ шубу — и явилась дѣвочка. Г. Максимовичъ сообщилъ въ «Кіевлянинѣ» (1840 г., кн. I, стр. 71—78; см. также въ отдѣльномъ изданіи: «Три сказки

и одна побасенка», Кіевъ, 1845 г.) чрезвычайно-интересную сказку о *Снѣгуркѣ*, слышанную имъ въ Москвѣ. Содержаніе ея слѣдующее: Жилъ-былъ крестьянинъ Иванъ, а жену его звали Марья; жили они въ любви и согласіи, состарились, а дѣтей у нихъ все не было; сильно они о томъ сокрушались. Вотъ наступила зима, молодаго снѣгу выпало много — чуть не по колѣна; ребятишки высыпали на улицу играть, бѣгали, рѣзвились и стали лѣпить снѣговую бабу. Иванъ да Марья глядѣли въ окно. «Пойдти бы и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!» — Что-жъ, пойдемъ! только на что тебѣ бабу? будетъ съ тебя — и меня одной; слѣпимъ лучше дитя изъ снѣгу, коли Богъ живаго не далъ! «И то правда!» Вышли они изъ избы и принялись лѣпить куклу изъ снѣгу, сдѣлали туловище и съ ручками, и съ ножками, придѣлали головку. «Богъ въ пòмочь!» сказалъ кто-то, проходя мимо. — Спасибо; божья помочь на все хорошо! Вылѣпили они носикъ, сдѣлали вмѣсто глазъ двѣ ямки во лбу, и только что̀ Иванъ начертилъ ротикъ, какъ тотчасъ дохнуло отъ куклы теплымъ духомъ. Смотритъ Иванъ — а вотъ ужь изъ ямокъ голубые глазки выглядываютъ, и алыя губки улыбаются. Зашевелила Снѣгурка, точно живая, и ручками, и ножками, и головкою. «Ахъ, Иванъ! вскрикнула Марья отъ радости, да вѣдь это Господь намъ дитя даетъ!» Бросилась обнимать Снѣгурку, и на рукахъ у нея очутилась въ самомъ дѣлѣ живая дѣвочка. Ростетъ Снѣгурка не по днямъ, а по часамъ, что̀ день — то все пригожѣе, красивѣе, и стала за̀ зиму словно лѣтъ тринадцати, да эдакая смышленая — все разумѣетъ, про все разсказываетъ и такимъ сладкимъ голосомъ, что̀ заслушаться можно; завсегда добрая, послушная, привѣтливая. А собой бѣлая-бѣлая, какъ снѣгъ, румянца совсѣмъ не видать—точно ни кровинки нѣтъ въ тѣлѣ. Прошла зима, стало пригрѣвать весеннее солнце — Снѣгурушка сдѣлалась скучна, и чѣмъ ближе къ

лѣтнимъ жарамъ, тѣмъ она печальнѣе; все прячется отъ яснаго солнышка подъ тѣнь. Только и любо ей, какъ набѣгутъ на небо пасмурныя тучи, или какъ пойдетъ она плескаться у студёнаго ключа. «Ужь не больна ли она?» думала старуха. Разъ надвинулась градовая туча, и Снѣгурка такъ обрадовалась граду, какъ другая не обрадуется и жемчугу, а когда градъ растаялъ отъ солнечныхъ лучей — она горько по немъ плакала. На Ивановъ день собрались дѣвки гулять, пошли въ рощу и взяли съ собой Снѣгурку; тамъ онѣ рвали цвѣты, вили вѣнки, пѣли пѣсни, а вечеромъ разложили костёръ и вздумали прыгать черезъ огонь. «Смотри же, говорятъ дѣвки Снѣгурушкѣ, не отставай отъ насъ!» Затянули купальскую пѣсню и поскакали черезъ костёръ. Побѣжала и Снѣгурка, но только поднялась надъ пламенемъ, какъ въ ту-же минуту раздался жалобной крикъ и потянулась Снѣгурка вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко и унеслась въ поднебесье. Въ такомъ живомъ поэтическомъ образѣ представляетъ сказка жизнь природы: отъ жгучихъ лучей лѣтняго солнца таютъ зимніе льды и снѣга, и испаряясь, собираются въ легкія дождевыя облака. Эта русская сказка родственна съ сербскимъ преданіемъ о королѣ Троянѣ, хотя послѣднее и выражаетъ иную мысль. Въ Трояновомъ градѣ (теперь развалины на горѣ Церѣ) былъ нѣкогда король Троянъ; каждую ночь ѣздилъ онъ на свиданіе въ Срѣмъ, гдѣ жила любимая имъ женщина или дѣвица. Ѣздилъ Троянъ по ночамъ, потому что днемъ не смѣлъ показываться, боясь, чтобъ ни растопило его ясное солнце. Пріѣзжая къ своей милой, онъ задавалъ конямъ овса, и какъ только кони съѣдятъ кормъ, а пѣтухи запоютъ — онъ тотчасъ-же отправлялся домой, чтобы поспѣть въ свой городъ до солнечнаго восхода. Какъ-то мужъ или братъ его любовницы повыдергалъ у всѣхъ пѣтуховъ языки, а конямъ вмѣсто овса насыпалъ песку. Эта хитрость

замедлила отъѣздъ Трояна; передъ самымъ разсвѣтомъ онъ вскочилъ на коня и поскакалъ въ свой городъ, но солнце настигло его на пути. Троянъ спрыгнулъ съ коня и спрятался въ стогъ сѣна; проходившія мимо коровы растрепали стогъ, и солнечные лучи растопили несчастнаго короля (Српски рјечник Вука Караджича, изд. 1852 г., стр. 750; Повѣсти и преданія нар. слав. племени, стр. 1—6, 160—1). Это-же самое преданіе занесено въ сербскую сказку, напечатанную въ сборникѣ Анастасія Николича (см. Матеріалы для изучен. нар. словесн., стр. 25—26), гдѣ Троянъ замѣненъ змѣемъ (змѣй, драконъ=громоносная туча), и эта замѣна прямо указываетъ на его миѳическое значеніе. Старинные русскіе памятники причисляютъ Трояна къ языческимъ богамъ и упоминаютъ о немъ на ряду съ Перуномъ, Хорсомъ и Волосомъ (Памятн. стар. русск. литер., вып. III, стр. 119; Лѣтоп. русс. литерат., кн. V, отд. 2, стр. 5). По справедливому замѣчанію г. Буслаева, сербскому Трояну соотвѣтствуетъ карликъ Всезнайка (Alvis) въ пѣснѣ древней Эдды (Alvismal); какъ альфъ подземнаго мрака, онъ боится солнца и также погибаетъ отъ лучей этого свѣтила, вслѣдствіе любви къ женщинѣ. Онъ сватался за дочь громовержца Тора, а этотъ, желая избавиться отъ жениха, заговорился съ нимъ нарочно до восхода солнца; солнце взошло и своими лучами превратило карлика въ камень (Лѣтоп. рус. литер., кн. I, стр. 15). Въ малюткахъ-карликахъ древній миѳъ олицетворилъ духовъ грозы (см. примѣч. къ вып. VII, № 8); какъ обитатели чорныхъ тучъ, затемняющихъ небесный свѣтъ, они, по народнымъ повѣрьямъ, боятся солнца и прячутся отъ его лучей въ своихъ жилищахъ, или выражаясь миѳическимъ языкомъ: бѣгутъ въ мрачныя подземелья и превращаются въ камни. Камни, скалы и подземелья — все это метафорическія названія тучъ (см. примѣч. къ № 27, и сочиненіе Шварца: Der heutige Volks-

glaube und das alte Heidenthum, стр. 113—4). Народная фантазія, которая въ своихъ представленіяхъ любитъ сливать воедино всѣ сходныя явленія, соединила съ карликами и вообще понятіе о ночномъ мракѣ; являясь съ захожденіемъ солнца, они тотчасъ-же, при его восходѣ, исчезаютъ вмѣстѣ съ утренними туманами, оставляющими свои влажные слѣды на поляхъ и лѣсахъ въ видѣ росы, что̀ и выражено въ поэтическомъ преданіи сербовъ о королѣ Троянѣ.

19.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

Приводимъ текстъ этой сказки по лубочному изданію:

Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: единъ богатый, а другой—убогій. Пріиде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить. Богатый даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовалъ на брата и не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ привязать дровни лошади за хвостъ и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, и насѣкъ возъ великъ, елико сила лошади можетъ везти, и пріѣхалъ ко двору своему, и отворилъ вороты, а подворотню забылъ выставить. Лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ-же убогій къ богатому приведе лошадь безъ хвоста; богатый же виде лошадь безъ хвоста, не принялъ у него лошади и поиде на убогаго бити челомъ къ Шемякѣ-судьѣ. Убогій, вѣдая, что пришла бѣда его—будетъ по него посылка, а у голаго давно смѣчено, что хоженаго дать будетъ нечего, поиде вслѣдъ брата своего.

И прійдоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться, а убогаго пригласить не хотяху къ себѣ. Убогій же вниде на полати, поглядывая на нихъ, и внезапу упалъ съ полатей и задавилъ ребёнка въ люлькѣ до смерти. Мужикъ же поиде къ Шемякѣ-судьѣ на убогаго бити челомъ.

Идущимъ имъ ко граду купно (богатый братъ и оной мужикъ, убогій же за ними идяше), прилучися имъ идти высокимъ мостомъ. Убогій разумѣ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки и бросился съ мосту: хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ вёзъ отца хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ же поиде бить челомъ къ судьѣ Шемякѣ, что отца его ушибъ.

Богатый братъ прійде къ Шемякѣ-судьѣ бити челомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же подня камень и завязалъ въ платъ, и кажетъ позади брата, и то помышляетъ: аще судья не по мнѣ станетъ судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая—сто рублевъ даетъ отъ дѣла, приказалъ богатому отдать лошадь убогому, пока у нея хвостъ выростетъ.

Потомъ прійде мужикъ, подаде челобитну въ убійствѣ младенца и нача бити челомъ. Убогій вынув(л)ъ тотъ-же камень и показа судьѣ позади мужика. Судья же, чая—другое сто рублевъ даетъ отъ другаго дѣла, приказалъ мужику отдать убогому жену по тѣхъ мѣстъ, пока у ней робёнокъ родится: «и ты втѣпоры возьми къ себѣ жену и съ ребёнкомъ назадъ.»

Прійде сынъ объ отцѣ бить челомъ, како задавилъ отца его до смерти, и подаде челобитну на убогаго. Убогій же, вынувъ тотъ-же камень, кажетъ судьѣ. Судья, чая—сто рублевъ даетъ отъ дѣла, приказалъ сыну стать на мосту: «а ты, убогій, стань подъ мостомъ, и ты, сынъ, также соскочи съ мосту на убогаго и задави его до смерти.»

Судья Шемяка выслалъ слугу къ убогому прошать денегъ триста рублевъ. Убогій же показа камень и рече: «аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти.» Слуга же пріиде къ судьѣ и сказа про убогаго: «аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти.» Судья нача̀ креститися: «слава Богу, что я по немъ судилъ!»

Пріиде убогій братъ къ богатому по судейскому приказу лошади прошать безъ хвоста, пока у ней хвостъ выростетъ. Богатый же не восхотѣ лошади дати, даде ему денегъ пять рублевъ, да три четверти хлѣба, да козу дойную, и помирися съ нимъ вѣчно.

Пріиде убогій братъ къ мужику и нача по судейскому приказу жену прошати по тѣхъ мѣстъ, пока робёнокъ родится. Мужикъ же нача̀ съ убогимъ миритися и даде убогому пятьдесятъ рублевъ, да корову съ телёнкомъ, да кобылу съ жеребёнкомъ, да четыре четверти хлѣба, и помирися съ нимъ вѣчно

Пріиде убогій къ сыну за отцово убійство и нача̀ ему говорить, что по судейскому приказу тебѣ стать на мосту, а мнѣ подъ мостомъ, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти. Сынъ же нача̀ помышляти себѣ: «какъ (со)скочу съ мосту, его не задавишь, а самъ ушибуся до смерти!» и нача̀ съ убогимъ миритися, даде ему денегъ двѣсти рублевъ, да лошадь, да пять четвертей хлѣба—и помирися съ нимъ вѣчно.

«Шемякинъ судъ» есть одно̀ изъ немногихъ произведеній старинной русской литературы, въ которыхъ отразился сатирической взглядъ нашихъ предковъ. Вмѣстѣ съ «Суднымъ дѣломъ у леща съ ершомъ», сказка эта насмѣхается надъ судейскою неправдою, лихоимствомъ и ябедою, которыя, какъ извѣстно, составляли дѣйствительно слабыя стороны быта.

По своему содержанію и наивному юмору, столь близкимъ и доступнымъ пониманію простаго народа, «Шемякинъ судъ» пользовался большою извѣстностью. Памятникъ этотъ занесенъ во многія рукописи XVII и XVIII столѣтій; извлеченный оттуда, онъ появился въ печати въ слѣдующихъ ученыхъ изданіяхъ: въ Памятникахъ старин. рус. литер., издан. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. II, стр. 405—6; въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1859 г., кн. IV, и въ Историческ. Христоматіи церковнославян. и древлерус. языковъ проф. Буслаева, столб. 1443—6. Текстъ сказки, уцѣлѣвшій въ различныхъ рукописяхъ, сходенъ съ приведеннымъ нами лубочнымъ изданіемъ; единственный важный варіантъ встрѣчается только во второмъ приключеніи убогаго, который, падая съ полатей, убиваетъ ребёнка не у простаго мужика, а у попа [1]). Перейдя на лубки, повѣсть о Шемякинѣ судѣ сдѣлалась вполнѣ народнымъ достояніемъ; изъ устъ поселянъ можно услышать ее съ тѣми различными видоизмѣненіями, образцы которыхъ сообщены въ нашемъ сборникѣ. Овладѣла ли народная фантазія книжнымъ разсказомъ и стала его варіировать по своему, или самая книжная редакція есть только обработка устнаго народнаго разсказа, принадлежащая перу стариннаго грамотника?—какъ бы то ни было, несомнѣнно только, что повѣсть эта, извѣстная равно въ литературахъ восточныхъ и западныхъ, весьма древняго происхожденія и что она имѣла свою исторію распространенія и передѣлокъ у разныхъ народовъ. Ученый Бенфей въ предисловіи къ

[1]) Сказка о Шемякинѣ судѣ въ 1794 году была пересказана съ нѣсколькими баснями въ стихахъ — въ книжкѣ, рѣдкое изданіе которой находится въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ (см. Отчетъ ея за 1852 г.); другая литературная передѣлка принадлежитъ Полевому и напечатана въ прибавленіяхъ къ Московск. Телеграфу (1832 г., № 21—24) подъ заглавіемъ: «Старинныя сказки съ новыми присказками».

своему переводу «Панчатантры» указалъ на сходство русской повѣсти о Шемякинѣ судѣ съ однимъ тибетскимъ разсказомъ, помѣщеннымъ въ «Дзанглунѣ» (сборникѣ религiозныхъ и поэтическихъ буддiйскихъ преданiй); стараясь объяснить этотъ разсказъ, онъ привелъ нѣсколько однородныхъ съ нимъ сказанiй, которыя, являясь то въ формѣ отдѣльныхъ, отрывочныхъ эпизодовъ, то въ совокупности, болѣе или менѣе близко подходятъ къ нашей повѣсти. Любопытно, что и въ буддiйскихъ легендахъ и въ индѣйской сказкѣ (о каирскомъ судьѣ Мансуръ-бенъ-Мусiа) нѣтъ и тѣни сатиры; содержанiе первыхъ имѣетъ религiозный смыслъ, а въ послѣдней судья есть представитель мудрости, Соломонъ. Русская же редакцiя вставляетъ въ повѣсть сатирическую мысль и самое содержанiе прiурочиваетъ къ историческому лицу и къ обстоятельствамъ мѣстной жизни. Имя Шемяки обыкновенно принимается за тождественное съ именемъ князя Дмитрiя Шемяки, извѣстнаго врага Василiя Темнаго; старинный хронографъ именно замѣчаетъ, что «отъ сего убо времени въ велицѣй Русiи на всякого судью и восхищника во укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ.» Въ русской повѣсти судья изрекаетъ свои приговоры вовсе не потому, чтобъ они считались имъ за рѣшенiя мудрыя и справедливыя, а потому, что разсчитываетъ на взятку, о чемъ нѣтъ и намёка въ сказанiяхъ восточныхъ.

По указанiю нѣкоторыхъ списковъ происхожденiе нашей повѣсти идетъ изъ Польши; такъ въ заглавiи толстовскаго списка читаемъ: «Судъ Шемякинъ, выписано изъ польскихъ книгъ», а въ рукописи г. Буслаева: «Судъ Шемякинъ, выписачо ис книги з' жартъ полскихъ.» Такому заимствованiю противорѣчитъ однако и русскiй характеръ повѣсти, отразившiйся въ подробностяхъ ея содержанiя, и имя судьи; внѣшнiя черты также не наводятъ на мысль о польскомъ оригиналѣ:

языкъ ея—полукнижной, полународной—не страдаетъ полонизмами, какіе составляютъ отличительную принадлежность старыхъ переводовъ съ польскаго; наконецъ въ польской литературѣ до сихъ поръ не найдено сочиненія, которое бы и по составу и по формѣ вполнѣ соотвѣтствовало «Шемякину суду.» Г. Пыпинъ дѣлаетъ предположеніе, что ссылка на польскія книги основывается единственно на недоразумѣніи писца; что въ древнѣйшемъ сборникѣ, изъ котораго писецъ заимствовалъ повѣсть о Шемякинѣ судѣ, эта послѣдняя стояла рядомъ съ «смѣхотворными» разсказами, дѣйствительно переведенными съ польскаго, и что переписывая оттуда, онъ отнёсъ къ польскимъ произведеніямъ и это чисто-русское сочиненіе. Г. Тихонравовъ напротивъ думаетъ, что замѣтки о происхожденіи «Шемякина суда» изъ польскихъ источниковъ имѣютъ свою долю правды. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что въ своемъ настоящемъ видѣ наша сатирическая повѣсть о судьѣ, уже окрещенномъ именемъ Шемяки, прошла черезъ передѣлку русскаго человѣка и получила краски чисто-народныя; но отдѣльные эпизоды ея могли быть заимствованы изъ польскихъ книгъ.» Затѣмъ онъ приводитъ указанія на то, что нѣкоторыя приключенія, передаваемыя въ нашей повѣсти, были извѣстны и въ польской литературѣ (Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, соч. А. Пыпина, стр. 300—1; Архивъ историч. и практич. свѣдѣній 1859 г., кн. IV, отд. 5, стр. 1—10; Лѣтописи русск. литерат. и древн., кн. V, стр. 34—38).

20.

НИКИТА-КОЖЕМЯКА.

Преданіе о Никитѣ-кожемякѣ было передано г. Далемъ въ его «Картинахъ русскаго быта» (см. Отеч. Зап. 1857 г.,

№ 8, стр. 427). Въ Малороссіи оно разсказывается нѣсколько иначе (Записки о южной Руси, т. II, стр. 27—30; Москвитянинъ 1846 г., № 11 и 12, критика, стр. 146 — 9; Lud Ukraiński, т. I, стр. 278 — 284): Былъ когда-то въ Кіевѣ князь, послалъ свою дочь змѣю въ дань, а дочь была такъ хороша, что̀ и описать нельзя. Змѣй ее полюбилъ; она приласкалась къ нему и спрашиваетъ: «чи есть на свити такій чоловикъ, щобъ тебе подужавъ?» — Есть такій у Кіеви надъ Днипромъ. Якъ затопить хату, то дымъ ажъ підъ небесами стелецця; а якъ війде на Днипръ мочить кожи (бо винъ кожемяка), то не одну несе, а дванадцять разомъ, и якъ набрякнуть вони водою въ Днипри, то я визьму да-й учеплюсь за ихъ, чи витягне-то винъ ихъ? А ёму й байдуже: якъ поцупить, то-й мене зъ ними трохи на берегъ не витягне! Оттого чоловика тилько мини й страшно. Княжна вздумала дать про то вѣсточку домой, а при ней былъ голубокъ; написала къ отцу граматку, привязала голубю подъ крыло и выпустила его въ окно. Голубь взвился и полетѣлъ на княжье подворье... Когда дѣти умолили Кирилу-кожемяку, онъ обмотался коноплями, обмазался смолою, взялъ булаву пудовъ въ десять и пошелъ на змѣя. «А що, Кирило? спросилъ змѣй, пришовъ битьця, чи миритьця?» — Дѐ вже миритьця! битьця зъ тобою, зъ иродомъ проклятымъ! Вотъ и начали биться, ажъ земля гудётъ; что̀ разбѣжится змѣй да хватитъ зубами Кирила, такъ кусокъ конопель да смолы и вырветъ; а тотъ его булавою какъ ударитъ, такъ и вгонитъ въ землю. Жарко змѣю, надо хоть немного въ водѣ прохладиться да жажду утолить, и вотъ пока сбѣгаетъ онъ на Днѣпръ, кожемяка успѣетъ вновь и коноплей обмотаться, и смолой вымазаться. Убилъ Кирило змѣя, освободилъ княжну и привёлъ къ отцу. Съ того времени то урочище, гдѣ жилъ богатырь, стало слыть Кожемяками. «Отъ-же Кирило, замѣчаетъ разскащикъ, зробивъ трохи й не-

розумно: взявъ змѣя-спаливъ, да-й пустивъ по витру попелъ; то зъ того попелу завелась вся тая погань—мошки, комари, мухи. А якъ би винъ узявъ да закопавъ той попелъ у землю, то ничого-бъ сёго не булô на свити.» Въ этомъ преданіи о Кирилѣ или Никитѣ-кожемякѣ явственно слышатся родственныя черты съ Несторовымъ сказаніемъ о богатырѣ-усмошевцѣ, побѣдившемъ печенѣжскаго великана. «Однажды я его бранилъ (такъ разсказывалъ объ немъ старой отецъ), а онъ мялъ кожи, и разгнѣвавшись на меня, тутъ-же разорвалъ ихъ руками!» Князь Владиміръ рѣшилъ испытать его силу, и вотъ «налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити «быка; возложиша на-нь желѣза горяча, и быка пустиша, «и побѣже быкъ мимо й (его), и похвати быка рукою за «бокъ и выня кожу съ мясы, елико ему рука зая» (Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 53). Въ великорусскомъ разсказѣ о Никитѣ-кожемякѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что змѣй, запряженный въ соху, проводитъ по землѣ борозду и дѣлаетъ валъ до самаго моря. Въ Виленскомъ Атенеѣ 1842 года сообщено подобное же сказаніе: Въ незапамятныя времена наслалъ Богъ на казачій народъ чудовище-змѣя. Владѣтель страны, желая отвратить опустошенія, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обязался давать ему по юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ сто лѣтъ дошла очередь до царскаго сына, и онъ при общемъ сѣтованіи родныхъ отведенъ на роковое мѣсто. Тамъ является ему ангелъ, научаетъ молитвѣ «Отче нашъ» и велитъ спасаться отъ змѣя бѣгствомъ, непрестанно повторяя эту молитву. Три дня и три ночи бѣжалъ юноша отъ змѣя; на четвертой день силы его стали изнемогать. Уже змѣй былъ близко, и дыханіе изъ его страшной пасти начало опалять несчастнаго, какъ вдругъ онъ увидѣлъ *желѣзную кузницу*, въ которой св. Глѣбъ и Борисъ ковали первой плугъ для людей. Юноша вскочилъ въ

кузницу, и желѣзныя двери вслѣдъ за нимъ захлопнулись. Змѣй три раза лизнулъ дверь и просадилъ языкъ насквозь. Тогда Борисъ и Глѣбъ схватили змѣя за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ плугъ и провели по землѣ борозду, которая и донынѣ слыветъ «Зміевымъ валомъ». Такіе валы, называемые «Зміевыми», до сихъ поръ указываются во многихъ мѣстахъ Украйны; Шафарикъ находитъ ихъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ (Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, стр. 39 — 41; Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевск. губерн. И. Фундуклея, стр. 17, 23, 30 — 32; Lud Ukraiński, т. I, стр. 250). Народное суевѣріе утверждаетъ, что князь Борисъ все плуги ковалъ да людямъ давалъ. Борисъ и Глѣбъ нерѣдко замѣняются Кузьмой и Демьяномъ, при чемъ эти послѣдніе сливаются въ одно лицо. Разъ Кузьма-Демьянъ, *божій коваль*, дѣлалъ плугъ, какъ вздумалъ напасть на него великой змѣй и уже пролизалъ языкомъ желѣзную дверь въ кузницу. Божій коваль ухватилъ его клещами за языкъ, запрёгъ въ плугъ и прооралъ землю отъ моря и до моря; проложенныя имъ борозды лежатъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра «Змѣевыми валами». Змѣй все просился испить воды изъ Днѣпра, а Кузьма-Демьянъ погонялъ его до самаго Чорнаго моря и тамъ уже отпустилъ напиться. Чудовище выпило половину моря и лопнуло, и въ то время полѣзли изъ его нутра малыя змѣи и расползлись по всей землѣ (Русск. Бесѣда 1856 г., т. III, статья г. Максимовича, стр. 74). До сихъ поръ по деревнямъ въ день св. Козьмы и Демьяна (1-го ноября) кузнецы ничего ни куютъ и бабы не шьютъ, почитая это грѣхомъ (Смоленск. губернія Цебрикова, стр. 286); а народная загадка кованную желѣзную *цѣпь* называетъ Кузьмою: «узловатъ Кузьма, развязать нельзя.» Приведенное преданіе занесено въ сказку объ Иванѣ Попяловѣ (вып. II, № 30), гдѣ Кузьма и Демьянъ убиваютъ кузнечными молотами ги-

гантскую змѣиху, которая раззѣваетъ свою пасть отъ земли до неба; такимъ-же образомъ въ другой сказкѣ (вып. VIII, № 2) Буря-богатырь, коровій сынъ, спасается въ кузницу отъ змѣиной матери, являющейся въ образѣ громадной свиньи [1]. Эта участіе баснословныхъ змѣй, коровьяго сына и свиньи (см. примѣчаніе къ вып. VII, № 3) ясно свидѣтельствуетъ, что первоначальная, древнѣйшая основа разсматриваемыхъ нами сказаній была чисто-миѳическая; легендарная обстановка принадлежитъ тому позднѣйшему времени, когда подъ вліяніемъ новаго вѣроученія аттрибуты и подвиги различныхъ героевъ языческаго эпоса были перенесены на христіанскихъ угодниковъ. Та-же судьба не могла не постигнуть и миѳическихъ кузнецовъ, играющихъ такую важную роль въ преданіяхъ всѣхъ арійскихъ племенъ. О представленіи языческихъ боговъ кузнецами и миѳологическомъ значеніи ковки оружія см. мою статью въ Архивѣ г. Калачова о связи понятій: свѣта, зрѣнія, металловъ и проч. Не только оружіе, но и самый плугъ, по древнѣйшимъ вѣрованіямъ, былъ первоначально выкованъ богами, которые научили людей искусству пахать и воздѣлывать землю. По скиѳскому преданію, отъ Солнца родились три сына-героя: Щитъ, Стрѣла и Соха (Kolo-ksais); отъ этого послѣдняго скиѳы вели свое происхожденіе; онъ одинъ умѣлъ владѣть сохою, сдѣланною изъ *горящаго золота*, которая вмѣстѣ съ *золотымъ ярмомъ* была брошена верховнымъ божествомъ съ неба на землю. Когда другіе братья захотѣли прикоснуться къ этой чудесной сохѣ, то обожгли себѣ руки (Лѣтоп. русск. литер., кн. I, стр. 127, 134). Украинскіе поселяне убѣждены, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ кужелку, когда высылалъ ихъ изъ рая

[1]) Въ одномъ старинномъ азбуковникѣ сказано, что змѣя аспида нужно хватать горячими клещами.

(Русск. Бесѣда 1856 г., т. III, стр. 74); въ малорусской, «щедривкѣ», напечатанной въ Кіевск. губ. вѣдомостяхъ 1851 г., № 17, Господь представляется воздѣлывающимъ ниву:

Въ поли-поли *плужокъ* ходить,
За тимъ плужкомъ Господь;
Матерь Божа jисти носить:
«Оры, сыну, довгу ниву,
Будешъ сіять жито-пшеницу,
А колосочки — якъ пирожочки.»

Въ созвѣздіи Оріона еще теперь наши земледѣльцы видятъ небесный плугъ. Конечно, отсюда вытекли церковныя запрещенія *кликать плугу* наканунѣ Рождества и Богоявленья, т. е. пѣть обрядовыя пѣсни, подобныя сейчасъ указанной «щедривкѣ.»

О борьбѣ съ чудовищными змѣями есть множество преданій и сказокъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; въ разныхъ мѣстахъ примѣчаній къ нашему сборнику мы отчасти ихъ указали. Здѣсь же приведемъ древне-польское преданіе о князѣ Крокѣ или Кракѣ, отъ котораго производятъ названіе города Кракова. Во время его княженія народъ терпѣлъ величайшія бѣдствія отъ страшнаго змѣя, который жилъ въ пещерахъ горы Вавель и равно поѣдалъ и людей и скотъ. Чтобы избавить свой народъ отъ змѣя, Крокъ употребилъ хитрость: взялъ нѣсколько воловьихъ шкуръ, начинилъ смолою, сѣрою и другими горючими снадобьями, и запаливъ вложенные въ нихъ фитили, придвинулъ все это къ змѣиной норѣ. Змѣй выползъ, проглотилъ воловьи шкуры, пламя вспыхнуло въ его утробѣ, и онъ издохъ. Г. Буслаевъ совершенно справедливо въ связи съ именемъ Крока ставитъ древнѣйшее названіе *Исполиновыхъ горъ* (Riesengebirg) — *Крконоши*; въ этихъ горахъ, по указанію чешской пѣсни о судѣ Любуши, герой Трутъ сгубилъ *лютаго змѣя* (Русск. Слово 1860 г., № 10, стр. 266; Атеней

1858 г., № 30, стр. 199, 209 — 212 и Историч. Очерки русск. нар. словесности и искусства, т. II, стр. 107).

21.

МАЛЬЧИКЪ—СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

Варіантъ, впрочемъ весьма неудовлетворительный, см. у Худ., вып. II, № 64. Сказку эту находимъ у литовцевъ (Litauische Märchen von A. Schleicher, стр. 7—8), нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 37 и 45), въ Норвегіи, Буковинѣ и другихъ мѣстахъ (Norweg. Volksmärchen, ч. II, № 14: Däumerling прячется въ ухо и ноздрю лошади, потомъ попадаетъ въ масло и тонетъ; Zeitschrift für Deutsche Myth. und Sittenkunde, т. I, стр. 48 — 49 и 381). Въ нѣмецкой сказкѣ мальчикъ-съ пальчикъ (Daumesdick) проданъ отцемъ двумъ путникамъ, и помѣщается у одного изъ нихъ на поляхъ шляпы; немного погодя спущенный наземь, онъ скрывается въ мышиную норку и такимъ образомъ уходитъ отъ своихъ покупщиковъ. Наступила темная ночь; мальчикъ-съ пальчикъ расположился было на покой въ пустой раковинѣ улитки. Но въ это время шли по дорогѣ воры; онъ подслушалъ ихъ разговоръ, и вмѣстѣ съ ними отправляется въ пасторской домъ, пролѣзаетъ въ комнаты и нарочно начинаетъ кричать, громко спрашивая, что имъ нужно и все ли они хотятъ забрать? Воры побоялись, чтобы на тотъ крикъ ни проснулись хозяева, и бросились бѣжать; а мальчикъ-съ пальчикъ закопался въ сѣно и заснулъ. Утромъ на самомъ разсвѣтѣ встала служанка и пошла задавать скотинѣ кормъ; случилось, что она захватила ту самую охапку сѣна, въ которой покоился крѣпкимъ сномъ крохотной малютка. Онъ проснулся уже во рту

у коровы, ловко проскользнулъ между зубами и попалъ въ желудокъ. Квартира эта ему очень не понравилась, и тѣмъ хуже было, что она продолжала наполняться новымъ сѣномъ и съ каждой минутою становилась тѣснѣе. «Не надо больше свѣжаго корму! не приноси свѣжаго корму!» громко закричалъ мальчикъ во все горло. Служанка, которая доила корову, услыхала его голосъ и въ испугѣ побѣжала къ пастору: «ахъ, господинъ пасторъ! вить корова говоритъ!» Пасторъ пожелалъ самъ убѣдиться въ истинѣ ея словъ, пошелъ и услыхалъ тотъ-же голосъ; «видно, злой духъ вошелъ въ корову!» подумалъ онъ и приказалъ ее убить. Корова была убита, и требуха, въ которой сидѣлъ мальчикъ-съ пальчикъ, кинута въ навозную кучу. Тутъ приключилось новое несчастіе: бѣжалъ мимо голодной волкъ, увидалъ требуху и съ разу проглотилъ ее. Мальчикъ-съ пальчикъ не потерялъ бодрости и закричалъ изъ волчьяго брюха: «любезный волкъ! я знаю для тебя славную поживу.» — Гдѣ? спросилъ волкъ. Мальчикъ назвалъ домъ своего отца: «тамъ есть и пироги, и сало, и много колбасъ!» Волкъ не заставилъ повторять себѣ совѣта, забрался потихоньку въ кладовую и началъ пожирать припасы; нажрался и хотѣлъ было назадъ, но онъ до того раздухъ, что уже не могъ выйдти прежнею дорогою. Тогда мальчикъ-съ пальчикъ поднялъ страшной шумъ въ его брюхѣ. «Да замолчи, говорилъ волкъ, вѣдь люди проснутся!» — Э, отвѣчалъ карликъ, вѣдь ты ужь наѣлся; теперь я хочу себѣ доставить удовольствіе! — и снова началъ кричать изо всѣхъ силъ. Наконецъ проснулись и отецъ, и мать, прибѣжали въ кладовую и увидѣли волка. Мужикъ схватился за топоръ, баба за серпъ, и начали сговариваться, какъ лучше убить волка. «Батюшка! закричалъ мальчикъ-съ пальчикъ, я здѣсь, я въ волчьемъ брюхѣ!» — Хвала Богу, наше дитя нашлося! сказалъ отецъ, ударилъ волка въ голову и убилъ до смерти. Тогда

распороли они волчье брюхо, вынули своего крохотнаго сына, нарядили его въ новое платье, дали ему ѣсть и пить, и была у нихъ общая радость.—Въ другой нѣмецкой сказкѣ: «Daumerlings Wanderschaft» мальчикъ-съ пальчикъ идетъ съ разбойниками грабить королевскую казну; когда онъ полѣзъ сквозь щель, стража приняла его за паука и не обратила на то вниманія. Но вотъ послышался звонъ падающихъ талеровъ, которые онъ выбрасывалъ своимъ товарищамъ въ открытое окно; часовые пошли посмотрѣть, кто воруетъ деньги? а маленькой воръ, прыгая и прячась по угламъ, начинаетъ отзываться: «я здѣсь! я здѣсь!» и окончательно дурачитъ ихъ. Послѣ того онъ нанимается прислуживать въ одной гостинницѣ. Тутъ не взлюбили его служанки и сговорились сыграть надъ нимъ злую шутку. Разъ одна изъ нихъ косила въ саду, а мальчикъ-съ пальчикъ прыгалъ по травѣ, словно кузнечикъ; служанка захватила его вмѣстѣ съ травою и бросила коровамъ. Большая чорная корова проглотила малютку, и онъ очутился въ совершенныхъ потёмкахъ. На другой день корову зарѣзали, и часть мяса отдѣлили для колбасъ; между этимъ мясомъ застрялъ и мальчикъ-съ пальчикъ. Когда только пришли мясники и принялись за работу, онъ закричалъ имъ: «не рубите глубоко — я здѣсь!» Но при звукѣ ударяющихъ ножей никто не разслышалъ его голоса. Плохо приходилось бѣдному, но нужда даетъ ноги, и онъ такъ искусно прыгалъ и скакалъ промежъ ножей, что ни одинъ его не задѣлъ. Выпрыгнуть совсѣмъ однако ему не удалось, и онъ вмѣстѣ съ начинкою попалъ въ кровяную колбасу; помѣщеніе было тѣсное, и къ тому-жъ надо было висѣть въ трубѣ и коптиться. Наконецъ зимою колбасу сняли, и когда хозяйка рѣзала ее на кружечки, мальчикъ-съ пальчикъ успѣлъ выскользнуть и уйдти въ чистое поле.

Это сказочное лицо встрѣчается въ преданіяхъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и принадлежитъ къ области тѣхъ миѳическихъ представленій, за которыми надо признать глубочайшую древность происхожденія. Будучи изъ породы карликовъ (пигмеевъ), мальчикъ-съ пальчикъ изображается такимъ крохотнымъ, что легко можетъ скрыться въ ухѣ или ноздрѣ лошади, подъ грибомъ можетъ стоять словно подъ крышею; мышиная норка и раковина улитки для него цѣлой домъ; по своему чрезвычайно-малому росту онъ сравнивается съ кузнечикомъ, прыгающимъ по травѣ, и уподобляется большому пальцу на рукѣ или мизинцу: такое уподобленіе сказалось въ самомъ его названіи — у насъ мальчикъ-съ пальчикъ, у хорутанъ Palček (см. Валявца, стр. 116—9), у нѣмцевъ Daumesdick, Daumerling. Понятіе, которое нѣкогда соединялось съ означеннымъ именемъ, нынѣ болѣе или менѣе изгладилось, и въ русскихъ сказкахъ оно подновлено уже новой подробностью, будто карликъ этотъ рождается изъ случайно-отрубленнаго пальца матери (см. примѣчаніе къ вып. VII, № 8).

22.

ХИТРАЯ НАУКА.

Эта прекрасная, поэтическая сказка основана на древле-языческомъ вѣрованіи въ чудесное искусство *превращеній*, дающее возможность принимать на себя всевозможные образы птицъ, звѣрей, гадъ и даже неодушевленныхъ предметовъ. Не только боги, но и колдуны и вѣдьмы, силою доступныхъ имъ чаръ и заклинаній, могли преображаться въ различные виды. На такомъ вѣрованіи, широко распространенномъ у всѣхъ

народовъ, создалось множество эпическихъ сказаній и чародѣйныхъ обрядовъ. Народныя пѣсни (въ собран. Рыбникова, ч. I, стр. 434) заставляютъ своихъ мòлодцевъ

По темнымъ лѣсамъ летать чорнымъ ворономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ горностаемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрой утушкою.

О богатырѣ Волхѣ Всеславьевичѣ замѣчено, что онъ съ дѣтства учился тремъ премудростямъ — оборачиваться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ (Кирша Данил., стр. 47).

Варіанты см. въ изданіи Эрленвейна, № 18; у Худяк., вып. I, № 19 и вып. III, № 94; въ Малорусск. сборникѣ Д. Мордовцева, стр. 359—361; литературную передѣлку — въ Повѣстяхъ казака Луганскаго, ч. IV, стр. 217—234. Сказка эта извѣстна и у другихъ народовъ: въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича (№ 6) и въ Walachische Märchen Шотта (№ 18), сходно съ показаніемъ русской сказки, напечатанной нами въ VI выпускѣ, подъ № 45, b, хитрой наукѣ превращеній учитъ добраго мòлодца дьяволъ; нѣмецкую редакцію смотри въ Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, т. I, № 68 и т. III, стр. 117—9. Рядъ превращеній, совершаемый двумя враждебными лицами, изъ которыхъ каждое хочетъ пересилить своего противника, мотивированъ и въ одномъ разсказѣ Тысячи и одной ночи (ч. II, стр. 122—6) и въ кельтскомъ преданіи о Корыдвенѣ или Церыдвенѣ. Чародѣйка Корыдвена собрала зелья, великая сила которыхъ только ей одной была вѣдома, и заставила карлика Гвіона сварить волшебной напитокъ. Долго приготовлялось это снадобье; наконецъ сильно-вскипѣвшая влага брызнула, и на палецъ карлика попали три горячія капли. Сильная боль заставила его сунуть обозженный палецъ въ ротъ, и въ ту-же минуту,

какъ только коснулись его устъ чудесныя капли, передъ нимъ открылось все будущее [1]). Опасаясь гнѣва Корыдвены, онъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать. За исключеніемъ этихъ трехъ капель, все остальное снадобье было ядовито, и чаша, въ которой оно варилось, сама собой распалась на кусочки. Въ назначенную пору явилась Корыдвена, увидѣла черепки и пустилась въ погоню за бѣглецомъ. Карликъ узналъ про то вѣщимъ духомъ и оборотился въ зайца, а Корыдвена сдѣлалась хортомъ и гнала за нимъ до рѣки. Здѣсь заяцъ обернулся рыбою и вскочилъ въ рѣку, а чародѣйка смѣнилась выдрою и продолжала преслѣдовать его подъ водою. Но вотъ карликъ увидѣлъ въ сторонѣ насыпанную кучу пшеницы, оборотился въ зернушко, упалъ въ кучу и смѣшался съ другими зернами; а Корыдвена тотчасъ-же превратилась въ чорную курицу и давай клевать пшеницу, и такъ далѣе (Lud Ukraiński, т. I, стр. 301—3). Согласно съ этими преданіями, донесшимися до насъ отъ незапамятной старины, — народная русская пѣсня (въ собр. Рыбник., ч. I, стр. 484—5), пользуясь готовыми эпическими формами, въ такой живой картинѣ изображаетъ бѣгство удалаго добра молодца отъ неустаннаго Горя:

Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Поднимался выше лѣса подъ самыя облаки;
А Горюшко вслѣдъ чорнымъ ворономъ
И кричитъ громкимъ голосомъ:
«Не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося!»
Падетъ добрый молодецъ на сыру землю,
Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
А Горюшко вслѣдъ собакою.

Въ разбираемой нами сказкѣ нельзя не обратить вниманія на то любопытное обстоятельство, что доброй молодецъ, пре-

[1]) Это приготовленіе чудодѣйнаго напитка карликомъ напоминаетъ извѣстное сказаніе Эдды о Квасирѣ.

вращаясь въ коня, наказываетъ своему отцу вести себя на продажу, и при этомъ говоритъ: «коня продавай, а уздечки ни за какія деньги не уступай!» (Сличи въ Тысячѣ и одной ночи, ч. VII, стр. 248.) Точно также, превращаясь въ собаку и въ сокола, велитъ продавать первую безъ ошейника, а послѣдняго безъ путцевъ. Юридическій обычай, до сихъ поръ существующій на Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ, требуетъ, чтобы продавецъ вмѣстѣ съ животнымъ отдавалъ покупщику и ту оброть, веревку или узду, на которой оно приведено на базаръ. Передача веревки или узды почитается необходимымъ обрядомъ при всякомъ совершающемся актѣ продажи и купли домашней скотины, потому что въ этомъ обрядѣ наглядно, матеріальнымъ образомъ выражается переходъ власти надъ нею изъ однихъ рукъ въ другія. Издревле *узда* (*узы*, *наузы*, *узелъ*, *ужище*—веревка) и *путы* (*опутывать*) были только видимымъ знакомъ того фактическаго обладанія, которому человѣкъ подчинялъ пойманное имъ дикое животное: кто накидывалъ на коня узду, тотъ и дѣлался его господиномъ; въ чьихъ рукахъ была привязь, которою опутанъ быкъ или корова, тотъ и былъ ихъ хозяиномъ. Впослѣдствіи узда и оброть стали символически выражать самое право на обладаніе извѣстнымъ животнымъ. «Хто коня купить, говоритъ малороссійская пословица, бере и уздечку» (Старосвѣт. бандуриста, стр. 218). Наоборотъ, чтобы купля была недѣйствительна, надо чтобы, при совершеніи ея, этотъ символической аттрибутъ права собственности остался въ рукахъ продавца, безъ передачи, и только въ такомъ случаѣ, по свидѣтельству сказки, проданный отцемъ сынъ можетъ воротиться къ нему безъ особенныхъ затрудненій.

23.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ.

Приводимъ еще одинъ варіантъ: Жилъ-былъ охотникъ, ходилъ-бродилъ въ лѣсахъ цѣлые дни. Разъ какъ-то и заплутался, и пристигла его темная-темная ночь, да такая холодная, что̀ зубомъ на зубъ не попадешь! Утомился, прозябъ бѣдняга, и не придумаетъ, гдѣ и какъ ему ночь провести. Вдругъ усмотрѣлъ — недалеко въ сторонѣ огонёкъ свѣтится; пошелъ на огонь, и видитъ — у зажженнаго костра чернецъ сидитъ. А то не чернецъ былъ, а былъ самъ нечистой. «Позволь, отче, погрѣться!» проситъ охотникъ. — Если хочешь погрѣться, отвѣчаетъ чортъ, то отдай мнѣ то, чего дома не знаешь. Охотникъ согласился, а того не вѣдаетъ, что ему Богъ сына даровалъ. Заснулъ у костра, а на утро воротился домой. Вотъ какъ подросъ у него сынъ — эдакъ лѣтъ десять сровнялось, и сталъ собою писанной красавецъ, то отецъ, глядя на него, не могъ удержаться, чтобъ не заплакать. «Батюшка! о чемъ плачешь?» спрашиваетъ сынъ. — Смотрю на тебя, что ты на бѣду зародился, и плачу. И разсказалъ ему, какъ у него съ чортомъ было условлено. «Ну, что-жъ? вѣдь этого назадъ не воротишь! сказалъ сынъ; пойду-ка я къ нечистому. Отецъ его благословилъ, и пошелъ онъ изъ дому. Шелъ-шелъ, и очутился возлѣ большаго озера. Вдругъ озеро раздѣлилось на двѣ стороны — промежъ водъ открылась сухая дорога. Мальчикъ отправился этой дорогою, и пришелъ въ самую глубь — къ чорту. А отецъ его съ той самой поры, какъ отпустилъ сына, со великаго горя зачалъ шибко, безпросыпу пьянствовать, такъ съ перепою и померъ; попъ его и хоронить не сталъ, а закопали его грѣшное тѣло на распутіи. И попался этотъ

опойца къ тому-же самому чорту въ работу; да еще было у чорта двѣнадцать заклятыхъ дѣвущекъ — всѣ на одно лицо, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ; одна изъ нихъ — такая мудрая, что̀ мудрѣй самого нечистаго! Чортъ заставляетъ мальчика выбирать себѣ невѣсту и женитъ его на мудрой дѣвицѣ; потомъ призываетъ его и приказываетъ: «вотъ тебѣ первая служба: вставай завтра рано и гони моихъ кобылицъ на лугъ, да смотри—ни одной не истеряй; не то голова долой!» Доброй мо̀лодецъ только выгналъ кобылицъ за ворота, какъ онѣ, задравъ хвосты, разбѣжались въ разныя стороны и съ глазъ пропали. Сидитъ онъ да плачетъ, а время ужь къ вечеру идетъ: «ну, думаетъ, загубилъ свою голову!» А тутъ вышла на зеленой лугъ его молодая жена: «не тужи! говоритъ, я твоему горю пособлю.» Крикнула громкимъ голосомъ — и налетѣло видимо-невидимо оводовъ и слѣпней, словно туча нашла. Приказываетъ она: «полетайте-ка въ разны стороны да гоните сюда кобылицъ!» Бросились слѣпни и оводы на тѣхъ кобылицъ, такъ и обсыпали! кусаютъ да горячую кровь пьютъ, и вотъ такъ-то въ короткое время всѣхъ ихъ къ пастуху собрали. Погналъ пастухъ кобылицъ домой, а слѣпни да оводы слѣдомъ за ними летятъ, ни одной не даютъ отъ стада отбиться. Задалъ нечистой доброму мо̀лодцу иную задачу: «есть, говоритъ, у меня на конюшнѣ кобыла—тридцать лѣтъ какъ неѣзжена; завтра-жъ объѣзди ее.» Разсказалъ мо̀лодецъ про ту задачу своей женѣ, а она ему: «знаю я — то будетъ не простая кобыла, а сама чортова жена!» И научила его, чтобы вся збруя конская — узда и подпруги были острыми гвоздями утыканы, да велѣла взять съ собой три желѣзныхъ прута. Мо̀лодецъ послушался, подходитъ поутру къ кобылицѣ, а она словно лютой змѣй рвется — подступить не даетъ. Накинулъ на нее узду, закрѣпилъ подпруги, и вошли острые гвозди глубоко ей и въ морду и въ тѣло; сѣлъ на ко-

былицу, поскакалъ, и давай ее по бокамъ угощать желѣзными прутьями. Ужь она носила-носила его и по мхамъ, и по болотамъ, и по крутымъ ярамъ, да пришлось смириться: такая кроткая стала, хоть ребёнокъ поѣзжай! Воротился мо̀лодецъ домой, а чортъ приказываетъ ему третью задачу: «прилетаетъ сюда по вечерамъ трехъглавой змѣй и моихъ голубей поѣдаетъ, такъ ты его такъ проучи, чтобъ впередъ не показывался!» Говоритъ мо̀лодцу мудрая жена: «тотъ змѣй— самъ нечистой будетъ!» и научила его, какъ надо со змѣемъ расправу чинить. И эту задачу исполнилъ доброй мо̀лодецъ, задалъ чорту такого трезвона желѣзными прутьями, что̀ долго онъ больной съ боку на̀ бокъ поворачивался; а какъ выздоровѣлъ, вздумалъ отпустить парня на волю: «ступай, куда самъ знаешь, и жену свою возьми! да на дорогу выбери себѣ любаго жеребца съ моей конюшни; дарю тебѣ за службу.» Мо̀лодецъ поблагодарилъ и разсказалъ про то женѣ; она ему говоритъ: «не бери себѣ хорошаго жеребца, а бери шолудивую клячу, что вся въ гною на заднемъ дворѣ лежитъ.» Тотъ взялъ клячу, выбрался съ женой изъ воды на̀ берегъ, глядь— а замѣсто той лошадёнки очутился его родной отецъ: «я, говоритъ, былъ у чорта рабочею клячею; да и другіе кони, что̀ у него на конюшнѣ стоятъ, все — утопленники, опойцы да удавленники.» (Сравни съ № 29 въ Р. Н. Л.)

Другіе варіанты см. у Худяк., вып. I, № 17 и вып. III, №118; издан. Эрленвейна, №6; въ Сочинен. Пушкина текстъ, записанный поэтомъ со словъ няни Арины Родіоновны (изд. Анненкова, т. I, стр. 439—440) и послужившій основою для стихотворной передѣлки Жуковскаго (о царѣ Берендеѣ). Сходныя съ нашею сказки можно указать у финновъ (Матер. для изуч. нар. словесн., стр. 62, 94—100), венгровъ (Ungarische Volksmärchen, № 3: здѣсь герой и его невѣста улетаютъ съ быстротою мысли на печной лопатѣ — Feuerascheschaufel,

погоня за ними пользуется тѣмъ-же орудіемъ, что̀ напоминаетъ полеты нашихъ вѣдьмъ на помелѣ) и нѣмцевъ: а) въ сборникѣ Гальтриха, № 26: «Der Königssohn und die Teufelstochter». Былъ когда-то король; въ большой войнѣ проигралъ онъ всѣ битвы одну за другою, и не зналъ, чѣмъ отвратить бѣду. На ту пору явился къ нему незнакомецъ и сказалъ: «ободрись! я тебѣ помогу, если ты обѣщаешь дать мнѣ изъ твоего дому черезъ трижды-семь лѣтъ *en noa sîl.*» Король думалъ, что онъ проситъ новую веревку (en noa sîl — eine neue Seele и e noa sîl — ein neues Seil по-саксонски звучатъ одинаково), и охотно обѣщалъ ему эту ничтожную плату. У короля не было дѣтей, и только въ это самое время королева родила сына, про что отецъ и не вѣдалъ. Незнакомецъ былъ сатана, и когда король изрекъ свое согласіе, онъ взялъ желѣзной четырехъконечной бичъ и сталъ хлопать имъ на всѣ на четыре стороны — и тотчасъ явилось несчетное войско. Во главѣ этой арміи король побѣдилъ непріятеля и заставилъ его просить мира. Въ назначенный срокъ явился къ королю пекельный князь, и тотъ вынесъ ему изъ кладовой самую длинную новую веревку. «Не веревку, а новую душу разумѣлъ я, сказалъ сатана, и это былъ—твой новорожденной сынъ!» Ужаснулся бѣдной отецъ, растерзалъ свое платье, и сталъ ломать руки и рвать на себѣ волосы. «Пусть будетъ такъ! сказалъ королевичъ; что мнѣ можетъ сатана сдѣлать?» Сатана взялъ его, унёсъ по воздуху въ пекло, указалъ на адское пламя и вымолвилъ: «завтра же велю тебя бросить въ этотъ огонь, если ты за̀ ночь не сдѣлаешь того, что тебѣ будетъ приказано!» И онъ велѣлъ королевичу высушить прудъ, сдѣлать на томъ мѣстѣ лугъ, скосить на лугу сѣно и собрать въ стога. Печально сидѣлъ королевичъ въ своей комнатѣ; но вотъ отворилась дверь и вошла дочь пекельнаго князя — она принесла ему обѣдъ; увидя прекраснаго юношу съ заплаканными

очами, она почувствовала къ нему любовь и состраданіе и обѣщала ему свою помощь. Ночью, когда все заснуло, подошла она потихоньку къ постели своего отца, заткнула ему уши, потомъ взяла желѣзной бичъ, и выступя изъ палатъ, хлопнула на всѣ на четыре стороны. Сотряслось пекельное царство, отовсюду явились адскіе духи и мигомъ исполнили первую задачу. Такимъ-же образомъ была исполнена и вторая задача: вырубить зà ночь лѣсъ и развести на его мѣстѣ виноградникъ со спѣлыми гроздіями. Въ третій разъ сатана приказалъ королевичу построить изъ чистаго песку церковь съ куполомъ и крестомъ. Адскіе духи принялись за постройку, но работа не спорилась: едва доведутъ зданіе до половины, какъ глядь — оно уже развалилося; одинъ разъ совсѣмъ было удалось выстроить: куполъ былъ сведенъ, не доставало только креста на верхушкѣ, начали и его устанавливать—но въ туже минуту вся церковь рухнула. Дочь пекельнаго князя, видя, что труды напрасны, вызвала королевича, обратилась въ бѣлаго коня и понесла его на себѣ въ родную землю. Скоро ѣдетъ королевичъ; вдругъ небо совсѣмъ потемнѣло. «Оглянись-ка назадъ, что ты увидишь?» сказала ему лошадь.—Вижу чорную тучу. «Это — войско моего отца, послано за нами въ погоню!» Начинаются превращенія бѣглецовъ въ разные образы, чтò и спасаетъ ихъ отъ недогадливыхъ преслѣдователей. Подъ конецъ оглядывается королевичъ назадъ, и на вопросъ: «что онъ видитъ?» — отвѣчаетъ: «чорную точку на небѣ — мрачнѣй самой ночи, а въ ней шевелится огненная молнія!» — Бѣда, бѣда! это мой отецъ. Дѣвица сама превращается въ большой молочной прудъ (Milchweiher), а королевича дѣлаетъ уткою: «плавай посерёдъ пруда и старайся прятать голову, не поддавайся на льстивыя слова, головы изъ молока не высовывай и не приближайся къ берегу!» Вскорѣ явился сатана; но какъ схватить утку? Плыть за нею онъ не рѣшался,

потому что въ чистомъ молокѣ черти утопаютъ. Не оставалось ничего другаго, какъ приманить утку къ берегу. «Милая уточка! сказалъ онъ, зачѣмъ ты кружишься все посерёдъ пруда? посмотри-ка, гдѣ я — какъ тутъ прекрасно!» Утка долго не смотрѣла и не слушала, наконецъ уступила льстивымъ словамъ и взглянула; сатана тотчасъ-же похитилъ у ней зрѣніе. Молочный прудъ сдѣлался мутнымъ, и жалобной голосъ говорилъ слѣпой уткѣ: «увы, что ты надѣлалъ!» Пекельный князь прыгалъ отъ радости и кричалъ съ берега: «теперь я до васъ доберусь!» Онъ попробовалъ было плыть въ помутившемся молокѣ, но боясь утонуть—воротился назадъ; превратился въ огромную бабу-птицу (Kropfgans) и рѣшился выпить весь прудъ. Но какъ только потянулъ изъ пруда, молоко свернулось и стало кипѣть. Сатанѣ дѣлалось все жарче и жарче, кипящее молоко раздуло его — и онъ лопнулъ съ ужаснымъ трескомъ, и вслѣдъ затѣмъ королевичъ и его подруга явились во всемъ своемъ блескѣ и красотѣ.

b) Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 286—300: «Grünus Kravalle». У одного короля былъ сынъ, который день и ночь игралъ въ карты и все проигрывалъ. Король выдалъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ играть съ нимъ подъ страхомъ наказанія. Опечаленный королевичъ пошелъ въ лѣсъ и повстрѣчалъ тамъ охотника, одѣтаго въ зеленое платье, который назвалъ себя Grünus Kravalle. Королевичъ разсказалъ ему свое горе, и тотъ вызвался играть съ нимъ: «но смотри, сказалъ онъ, если ты проиграешь, то будешь мой!» Сначала выигралъ королевичъ, а въ другой разъ не только все спустилъ, но и не хватило чѣмъ платить проигрышъ. «Я бы теперь могъ увести тебя съ собою, сказалъ Grünus Kravalle; но хочу быть снисходительнымъ. Даю тебѣ годъ и день времени; если въ этотъ срокъ найдешь меня, то будешь свободенъ.» Съ этими

словами онъ исчезъ, и юноша отправляется искать его. Послѣ долгихъ попытокъ, ему удалось наконецъ найдти зàмокъ таинственнаго охотника. Зàмокъ былъ окруженъ высокою стѣною, сложенною изъ огромныхъ камней, которая подымалась до самаго неба. Въ полдень раздвинулась стѣна и вышли двѣ прекрасныя бѣлыя дѣвы; онѣ удалились въ лѣсъ, а королевичъ воспользовался случаемъ и проникъ въ зàмокъ. Grünus Kravalle заключилъ его въ погребъ (Eiskeller); но младшая дочь зеленаго охотника полюбила молодаго принца, оборотила его голубемъ, а себя воронихою, и улетѣли вмѣстѣ изъ зàмка. Съ помощію разныхъ превращеній, они успѣваютъ уйдти отъ погони. Добравшись до границъ своего государства, королевичъ оставляетъ свою невѣсту и велитъ ожидать своего возврату. На прощаньи говоритъ ему дѣвица: «никого не цѣлуй дома, не то позабудешь меня!» Но случилось такъ: когда королевичъ подходилъ къ отцовскому дому, выбѣжалъ старой вѣрной пудель, подпрыгнулъ и лизнулъ его въ самыя губы. Тотчасъ-же позабылъ королевичъ все прошлое, и вскорѣ былъ сосватанъ на другой невѣстѣ; но прежняя напоминаетъ о себѣ, являясь три ночи къ спящему жениху, и побѣждаетъ свою соперницу.

c) Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, т. I, № 51 и 56, т. II, № 181. Содержаніе сказки «Die Nixe im Teich» таково: Обѣднялъ мельникъ и запечалился. Разъ шелъ онъ мимо пруда и услышалъ плескъ, смотритъ — поднялась изъ волнъ водяная красавица; длинные волосы падали съ ея плечъ и прикрывали собой бѣлое тѣло. Нѣжнымъ голосомъ спросила она, отчего онъ такъ печаленъ? Мельникъ разсказалъ свое горе. «Будь покоенъ! я сдѣлаю тебя и богатымъ и счастливымъ, только обѣщай мнѣ то, что теперь народилось въ твоемъ домѣ.» — Вѣрно, кошка окотилась или сука щенятъ принесла! подумалъ мельникъ и обѣщалъ; но вернувшись домой, узналъ

о рожденіи сына. Съ той поры полилось къ нему въ домъ богатство, но это нисколько не веселило хозяина; онъ грустилъ больше прежняго и строго запретилъ своему мальчику приближаться къ пруду: «берегись! говорилъ онъ, если ты подойдешь туда, то высунется изъ воды рука, схватитъ тебя и увлечетъ въ глубину.» Сынъ выросъ, полюбилъ прекрасную дѣвушку и женился на ней. Однажды отправился онъ на охоту, и преслѣдуя серну, непримѣтно очутился возлѣ опаснаго пруда. Юноша выстрѣлилъ, убилъ серну, выпотрошилъ ее и подошелъ къ водѣ, чтобы обмыть окровавленныя руки. Въ эту минуту поднялась изъ волнъ водяная, обхватила его своими влажными руками и, смѣясь, увлекла съ собою. Жена молодаго охотника, съ тяжкой печалью на сердцѣ, пришла къ пруду и жалостно выкликала своего милаго самыми нѣжными именами. Напрасно! зеркало воды было тихо и гладко и полумѣсяцъ отражался въ немъ безъ малѣйшаго колебанія. Вѣщій сонъ заставилъ бѣдняжку взойдти на гору; тамъ она нашла старушку, которая дала ей золотой гребень и сказала: «дождись полнолунія, сядь возлѣ пруда, расчеши свою чорную косу этимъ гребнемъ и потомъ положи его у самаго берега.» Она такъ и сдѣлала — и вотъ поднялась волна, прикатилась къ берегу и унесла золотой гребень. Вслѣдъ затѣмъ показалась изъ воды голова охотника: онъ молча и грустно смотрѣлъ на свою подругу, пока не скрыла его вновь набѣжавшая волна. Несчастная опять идетъ къ старушкѣ и получаетъ отъ нея золотую флейту; въ ясное полнолуніе играетъ она на берегу пруда прекрасную пѣсню, и окончивъ ее, кладетъ флейту на песокъ. Волна уноситъ золотую флейту, и охотникъ показывается по̀ поясъ. Въ третій разъ старушка дала золотую прялку. Печальная жена идетъ въ полнолуніе къ таинственному пруду и начинаетъ прясть; волна уноситъ прялку, а вслѣдъ затѣмъ встаетъ изъ воды охотникъ, прыгаетъ на̀ бе-

регъ, схватываетъ за̀ руку свою подругу и бѣжитъ вмѣстѣ съ нею прочь отъ обманчивыхъ мѣстъ. Но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ поднялся весь прудъ и съ страшнымъ шумомъ устремился на широкое поле. Уже бѣглецы видѣли смерть передъ глазами, какъ вдругъ были превращены—онъ въ лягушку, она въ жабу. Сердитой потокъ догналъ ихъ, но не могъ умертвить; онъ только разъединилъ любовниковъ и увлекъ далеко въ разныя стороны. Когда вода вошла въ берега, они получили свои прежніе образы, но ни одинъ не зналъ, что сталося съ другимъ. Высокія горы и глубокія долины лежали между ними. Оба должны были искать пропитанія и нанялись пасти овецъ. Много лѣтъ протекло. Случилось както — сошлись они съ своими стадами въ одной долинѣ, но не узнали другъ друга. Вечеромъ, когда полный мѣсяцъ сіялъ на небѣ, овчаръ вынулъ свою флейту и заигралъ печальную пѣсню. Пастушка заплакала. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ овчаръ. — Ахъ! отвѣчала она, я вспомнила то время, когда я при свѣтѣ полнаго мѣсяца играла на флейтѣ и мнѣ показался мой милой изъ воды. Тутъ спа̀ла повязка съ ихъ глазъ, и они узнали другъ друга.

Русская сказка о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой есть одна изъ наиболѣе поэтическихъ; она интересна и полнотою передаваемаго ею содержанія и разнообразными подробностями, исполненными миѳическаго значенія. Сказка начинается въ высшей степени любопытнымъ эпизодомъ, принадлежащимъ къ области животнаго эпоса,—эпизодомъ о томъ, какъ поссорились мышь съ воробьемъ и какъ произошла изъ того великая война птицъ и звѣрей. Эпизодъ этотъ извѣстенъ и въ малороссійской редакціи (см. Записки о южн. Руси, т. II, стр. 31—32, гдѣ онъ напечатанъ подъ неудачно-придуманнымъ заглавіемъ: «Миѳъ о первомъ вѣкѣ творенія»). Царь пернатаго народа, орелъ, хотя одержалъ побѣду надъ звѣрями,

но самъ тяжело-раненый засѣлъ на дерево. Увидалъ орла охотникъ, трижды цѣлитъ въ него изъ ружья и трижды проситъ царь-птица пощадить ея жизнь. Охотникъ приноситъ орла домой, поитъ и кормитъ его, въ ожиданіи, пока заживутъ его раны. Птица оказывается не простая: она за разъ поѣдаетъ по цѣлому быку, выпиваетъ по цѣлому ушату и своею могучею грудью разбиваетъ столѣтніе дубы въ мелкія щепы. Собравшись съ силами, она подымаетъ охотника и на крыльяхъ несётъ его черезъ широкія моря къ своимъ сестрамъ; двѣ сестры не захотѣли вознаградить охотника за великодушную помощь ихъ брату, и царь-птица *сожигаетъ* ихъ дворы, а третья сестра даетъ ему чудесной золотой ларчикъ: только подыми крышку — тотчасъ высыпитъ изъ ларчика безчисленное стадо быковъ, коровъ и овецъ, или станетъ въ чистомъ полѣ большой крѣпкой городъ [1]). Очевидно, этотъ орелъ есть та миѳическая птица, въ образѣ которой олицетворялась небесная гроза и которая потому носила въ своихъ когтяхъ Зевсовы громы (см. Зооморѳ. божества у славянъ, въ Отеч. Зап. 1852 г., № 1). На возвратномъ пути домой, не смотря

[1]) Подобный ящичекъ упоминается въ сказкѣ № 4 VII-го выпуска. — Въ одномъ изъ списковъ, бывшихъ у насъ въ рукахъ, разсказывается, что орелъ жилъ у крестьянина три года и съѣдалъ въ день по три печи хлѣба, по три туши бараньи да по три туши бычачьи. Выкормилъ, выхолилъ мужикъ птицу, и зоветъ его орелъ въ гости. А мужикъ весь на него прожился, стало быть ему все равно—куда не идти, хоть пò міру! Близко ли, далеко ли—добрались наконецъ. Говоритъ орелъ мужику: «здѣсь моя старшая сестрица живетъ; подойди къ окну, постучись и говори: сестрица родимая! выкупàй моль братца милàго изъ неволи великія; онъ у меня три года жилъ, въ день по три печи хлѣба съѣдалъ, по три туши бараньи да по три туши бычачьи. Она тебя спроситъ: что-же тебѣ дать, доброй человѣкъ? А ты говори: дай лошадку, на которой къ обѣднѣ ѣздишь. Она тебѣ и скажетъ: хоть лошадь отдать, да братца достать!» Мужикъ получилъ отъ старшей сестры лошадь, которая могла изъ себя деньги выкидывать; у середней сестры выпросилъ сумочку — только открой, и бери какія хочешь наряды; а у меньшой скатерть-самобранку.

на запретъ, охотникъ открываетъ ларчикъ на чужой землѣ и сидитъ въ раздумьи, не зная, какъ собрать ему стадо (или городъ) по прежнему. Тутъ появляется изъ воды Морской Царь и обѣщаетъ свою помощь, если онъ отдастъ ему то, чего дòма не вѣдаетъ; охотникъ соглашается. По другому, менѣе полному варіанту (вып. VI, № 48), мѣсто охотника заступаетъ царь: ѣдетъ онъ домой, а солнце такъ и печетъ— день былъ знойной! отъ великой жажды припадаетъ царь брюхомъ нàземь и начинаетъ глотать студёную воду изъ озера; Морской Царь ухватилъ его зà бороду и до тѣхъ поръ не отпускалъ, пока нè взялъ съ него обѣщанія отдать то, чего онъ дòма не вѣдаетъ (сравни съ началомъ сказки о царѣ-медвѣдѣ—вып. V, № 28). На такомъ договорѣ основаны многія народныя повѣсти (см. Нар. рус. лег., стр. 177—180; Narodne pripovjedke Валявца, стр. 193; Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 199; Norweg. Märchen, ч. I, № 9; Podania i legendy Семеньскаго, стр. 33—34; Иллюстр. 1848 г., № 27: литовскій разсказъ о Румшисѣ; Нар. славян. разсказы Боричевскаго, стр. 78—79). Есть любопытное нѣмецкое преданіе, какъ одному поселянину понадобилось выстроить житницу, а подняться было нè на что. Обдумывая, какъ-бы уладить это дѣло, уныло бродилъ онъ пò полю. Вдругъ подошелъ къ нему старичокъ и сказалъ: «хочешь, я тебѣ къ завтрашнему утру—къ первому крику пѣтуховъ выстрою житницу? Обѣщай только мнѣ изъ своего добра то, чего самъ не знаешь!» Крестьянинъ согласился, и весело разсказалъ про эту сдѣлку своей женѣ. «Несчастной! возразила она; что ты сдѣлалъ? вѣдь я беременна. Съ тобой навѣрно повстрѣчался чортъ, и ты обѣщалъ ему нашего ребёнка!» Между тѣмъ чортъ уже работаетъ; тысячи работниковъ пилятъ и обтесываютъ камни; въ нѣсколько часовъ заложено основаніе и выведены стѣны, двери навѣшены на крючья, ставни прибиты и крыша почти

сдѣлана; оставалось положить двѣ или три черепицы. Жена крестьянина пошла въ курятникъ и такъ искусно закричала *кукуреку*, что пѣтухи тотчасъ проснулись и начали пѣть одинъ за другимъ. Черти убѣжали, не окончивъ работы. Съ тѣхъ поръ недодѣланная ими крыша такъ и осталась: днемъ кровельщикъ положитъ недостающія черепицы, а ночью невидимая рука сорвётъ ихъ! (Моск. Наблюдатель 1837 г., часть XI, стр. 540—1.)

Итакъ разбираемая теперь русская сказка приводитъ насъ къ Морскому или Водяному Царю; иногда онъ прямо называется Окіанъ-море (Труды курск. губ. статистич. комитета, вып. I, стр. 518 — 520, 536 — 9). Этотъ славянской Нептунъ упоминается и въ другихъ сказкахъ (вып. II, № 21; вып. VIII, № 24) и въ былинахъ про новгородскаго купца Садкà. О различныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, свидѣтельствующихъ о языческомъ почитаніи славянами водъ, не зачѣмъ распространяться; и тѣ и другіе весьма многочисленны и достаточно извѣстны. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ роль Морскаго Царя передается чорту или царю-некрещенному лбу и беззаконному Чуду-Юду; подобное-же усвоеніе этой роли дьяволу мы видѣли и въ выше-приведенныхъ нѣмецкихъ редакціяхъ. Необходимо замѣтить, что по древнѣйшимъ представленіямъ дожденосныя тучи уподоблялись морю, въ волнахъ котораго носился верховный богъ грома и молніи; почему онъ и назывался владыкою небесныхъ водъ или морскимъ царемъ. Совмѣстное употребленіе этихъ различныхъ именъ, выражающихъ разныя стороны одного и того-же явленія природы,—въ эпоху забвенія исходныхъ пунктовъ миѳическаго воззрѣнія послужило къ признанію отдѣльныхъ божественныхъ личностей: единое божество раздробилось на нѣсколько самостоятельныхъ образовъ, и рядомъ съ Зевсомъ (Перуномъ) появился Посидонъ (Морской Царь), которому приписано владычество надъ всѣми

водами, омывающими пространную землю. Какъ приноситель темныхъ тучъ, которыя помрачаютъ собою небесный свѣтъ и нерѣдко вредятъ созрѣвающимъ жатвамъ, дождящій Перунъ (Jupiter pluvius) издревле соединялъ въ своемъ характерѣ, вмѣстѣ съ благотворными свойствами, и черты существа демоническаго; отъ того такъ обыкновенна въ народныхъ разсказахъ замѣна Морскаго Царя и летучаго змія — чортомъ. Въ нѣмецкой сказкѣ, приведенной нами изъ сборника Гальтриха, пекельный князь, тождественный съ нашимъ Морскимъ Царемъ, сохраняетъ всѣ аттрибуты древнѣйшаго божества грозы: онъ обладаетъ чудеснымъ бичемъ, удары котораго вызываютъ несчетное воинство (см. примѣч. къ вып. VII, № 4); онъ бросается къ молочному пруду, и опившись кипучаго молока, лопается съ ужаснымъ трескомъ и гибнетъ — подобно тому, какъ пропадаетъ разбитая громомъ и пролившаяся дождемъ туча (см. вып. I, стр. 154). Названіе *Чудо-Юдо* подтверждаетъ ту-же мысль; оно бо̀льшею частію придается сказочному змѣю, и это имѣетъ основаніе: слово *чудо* (*чоудв, щудв*) въ старину означало *великана* (Словарь церковно-славян. языка Востокова, т. II, стр. 570; Старосвѣт. бандуриста, стр. 597), а извѣстно, что въ первоначальную эпоху развитія религіозно-поэтическихъ воззрѣній на природу всѣ ея могучія силы (вихри, буря и гроза) олицетворялись въ грандіозныхъ образахъ великановъ.

По договору съ Морскимъ Царемъ, сынъ охотника или, по другимъ спискамъ, Иванъ-царевичъ, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, отправляется въ подводное царство; приходитъ на синё море и прячется за кусты. Вотъ прилетѣли двѣнадцать голубицъ (или уточекъ), сбросили свои крылушки (или пёрушки —вып. VII, № 22), обернулись красными дѣвицами и стали купаться: то были дочери Морскаго Царя. Иванъ-царевичъ подкрался потихоньку и взялъ крылушки Василисы Прему-

дрой. Дѣвицы искупались, разобрали крылушки и улетѣли голубками; оставалась одна Василиса Премудрая и стала упрашивать добраго молодца возвратить ей крылушки. Онъ отдаетъ ихъ подъ условіемъ, чтобы прекрасная царевна согласилась быть его невѣстою. По другимъ варіантамъ вмѣсто крылушекъ царевичъ похищаетъ сорочку или кушачокъ дѣвицы (вып. VIII, № 7); но въ этой замѣнѣ пернатой одежды и крыльевъ обыкновенною сорочкою и кушачкомъ очевидно подновленіе. По народному повѣрью, превращеніе въ звѣриный образъ совершается набрасываніемъ на себя шкуры того животнаго, видъ котораго хотятъ воспринять. То же самое значеніе, какое въ данномъ случаѣ соединяется со шкуркою,— при измѣненіи человѣческаго образа въ птичій, приписывается крыльямъ и перьямъ. Дѣвы-птицы встрѣчаются и во многихъ другихъ сказкахъ (вып. VII, № 4, 13, 22; вып. VIII, № 7: здѣсь онѣ названы дочерьми Ворона Вороновича, которому миѳъ приписываетъ добываніе *живой воды*, т. е. дождя, оживляющаго мертвую природу; Српске нар. приповиjетке, В. Караджича, № 4: о девяти павахъ; Народн. слав. разсказы, стр. 124—130: о царевнѣ Красноликѣ, живущей въ мѣдной горѣ; сличи эту послѣднюю сказку съ норвежскою, ч. I, № 9, и валахскою, № 19) и вездѣ имъ равно придается вѣщій характеръ и чудесная мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, сверхъестественныя задачи и заставляютъ подчиняться себѣ самую природу. Въ одной сказкѣ (вып. VIII, № 3) эти миѳическія дѣвы прилетаютъ *бѣлыми лебедушками*, а въ другой (вып. VI, № 60) героиней выведена премудрая *Лебедь-птица, красная дѣвица;* въ былинѣ о Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ добрый молодецъ увидалъ бѣлую лебедушку: черезъ перо лебедь вся золотая, а головка увита краснымъ золотомъ да усажена скатнымъ жемчугомъ; оборотилась она душой-красной дѣвицей и вышла замужъ за молодца (Кирша Данил., стр.

217; Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 208, 215). Эти преданія напоминаютъ намъ чудесную дѣву Слова о полку Игоревѣ, которая плескалась на синёмъ морѣ лебедиными крыльями (Русск. Достопам., ч. III, стр. 92—94) и слѣдующій разсказъ поэмы Нибелунговъ: пріѣхали бургунды на берега Дуная, рѣка была въ разливѣ, какъ переправиться на другой берегъ? Хагенъ пустился вдоль берега искать перевощика; вдругъ слышитъ — что-то въ водѣ плещется, глянулъ — купаются въ ручьѣ бѣлыя дѣвицы, словно лебеди. Хагенъ подошелъ, взялъ ихъ платья, и одна изъ дѣвъ такъ промолвила витязю: «благородный Хагенъ! если отдашь наши платья, мы тебѣ скажемъ, чѣмъ окончится ваше путешествіе.» Вслѣдъ затѣмъ онѣ начинаютъ предсказывать будущее, и пророчество ихъ вполнѣ сбывается (Соврем. 1841 г., № 4, стр. 95). Въ романской и нѣмецкой средневѣковой литературѣ широко было распространено преданіе о рыцарѣ лебедя; основа преданія такова: молодой витязь, охотясь въ лѣсу за ланью, увидѣлъ нечаянно купающуюся въ рѣкѣ красавицу и въ ту-же минуту полюбилъ ее. Это была вѣщая дѣва, и чтобы овладѣть ею, добрый мòлодецъ долженъ былъ захватить наперёдъ ея ожерелье, въ которомъ заключалась вся чудесная сила дѣвицы. Витязь женился на красавицѣ, и она родила ему за одинъ разъ шесть сыновей и одну дочь: у всѣхъ дѣтей было на шеѣ по золотому *лебединому* ожерелью. Злая свекровь, недовольная тѣмъ, что сынъ ея женился на дѣвицѣ безъ рода-безъ племени, велѣла подмѣнить дѣтей щенятами, отвезти ихъ въ лѣсъ и убить; но слуга пожалѣлъ малютокъ и оставилъ ихъ живыми. Обманутый мужъ зарываетъ невинную жену пò поясъ середи двора; надъ головой ея поставили лохань, въ которой дворовая челядь мыла свои руки и отирала ихъ прекрасными волосами несчастной женщины. Такъ пробыла она цѣлыя семь лѣтъ, питаясь вмѣстѣ съ собаками. А дѣтей ея пріютилъ

между тѣмъ нѣкоторый пустынникъ; робкая лань кормила ихъ своимъ молокомъ. Когда они выросли, злая свекровь провѣдала, что внуки живы, и послала слугу снять съ нихъ золотыя цѣпи. Посланный пришелъ на рѣку: шестеро братьевъ, въ видѣ лебедей, плавали и рѣзвились въ водѣ, а сестра сидѣла на берегу; тутъ-же лежали и ихъ цѣпи. Слуга захватилъ цѣпи и привёсъ свекрови; она велѣла кузнецу сковать изъ нихъ кубокъ. Но кузнецъ употребилъ въ дѣло только одну цѣпь, а прочія у себя оставилъ. Мальчики, лишенные ожерельевъ, уже не могли превращаться и должны были остаться лебедями. Они полетѣли на озеро, къ зàмку своего отца, а слѣдомъ за ними пошла и сестра. Наконецъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, отецъ узнаетъ своихъ дѣтей, освобождаетъ жену, а на ея мѣсто сажаетъ злую мать. Отданныя кузнецомъ цѣпи возвращаютъ пятерымъ сыновьямъ ихъ человѣческой видъ, и только шестой, цѣпь котораго была уничтожена, остался навсегда лебедемъ (Отеч. Зап. 1860 г., № 10, стр. 649—650). Въ этой повѣсти снятіе и утрата лебединаго ожерелья влечетъ за собою превращеніе въ лебедя, между тѣмъ какъ, по всѣмъ другимъ сказаніямъ, подобная утрата должна бы вести къ потерѣ способности принимать на себя образъ лебедя: такую отмѣну надо, кажется, приписать затемнѣнію древняго преданія въ литературной обработкѣ повѣсти о рыцарѣ лебедя. Въ нѣмецкой сказкѣ о шести лебедяхъ (Kinder- und Hausmärchen братьевъ Грим., т. I, № 49) вѣдьма накидываетъ на мальчиковъ бѣлыя сорочки, и они превращаются въ лебедей; снимая въ урочные часы эти сорочки (Schwanenhaut), лебеди тотчасъ-же принимаютъ человѣческія формы. Нѣмецкія сказки часто говорятъ о плавающихъ въ прудѣ или озерѣ лебединыхъ дѣвахъ несказанной красоты (Schwanenjungfrauen); вздумаетъ ли кто полюбоваться ими—онѣ быстро скрываются отъ любопытныхъ взоровъ, улетая бѣлыми лебёдками

(сборн. Гальтриха, № 5). Слово *лебедь* въ народныхъ говорахъ по преимуществу употребляется въ женскомъ родѣ; по родству съ нѣмецкими рѣченіями: *elbiz*, *albiz*, *alpiz*, латинскимъ *albus* (сабинск. *alpus*), *alba*, у славянъ *лаба*, *лабе*, слово это первоначально означало *бѣлая*, какое значеніе было потомъ подновлено постояннымъ эпитетомъ: *бѣлая лебедь*. Въ древнѣйшую эпоху развитія языка *бѣлый* означало: свѣтлый, блестящій, прекрасный. На этомъ филологическомъ основаніи г. Буслаевъ (О вліяніи христіанства на слав. языкъ, стр. 33, 44—45, и во II т. «Архива» г. Калачова, стр. 17) сближаетъ лебединыхъ дѣвъ съ эльфами (alp, elb, älf), валькиріями и русалками; послѣднія, по народному повѣрью, состоятъ подъ началомъ у дѣдушки-водянаго.

Сказочной герой является къ Морскому Царю, и тотъ возлагаетъ на него трудные подвиги: построить за одну ночь великолѣпной дворецъ, развести зеленой садъ, провести длинной хрустальной мостъ (сличи вып. V, № 55), засѣять поле и выростить жатву, и проч. [1]). Все это исполняетъ за него Василиса Премудрая, вѣщей силѣ которой повинуется самая природа; такъ когда Морской Царь (вып. VI, № 48, а) приказалъ за одну ночь всѣ скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдовъ не ломать и сноповъ не разбивать, то Василиса Премудрая вызываетъ муравьевъ, и они послушно исполняютъ эту копотливую работу (тоже въ Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 325—6); въ другой разъ, когда Морской Царь приказалъ слѣпить церковь изъ чистаго воску, Василиса Премудрая вызываетъ пчелъ, и тѣ служатъ ей вѣрою-правдою. Въ числѣ другихъ подвиговъ добрый молодецъ долженъ былъ объѣздить лютаго жеребца, въ видѣ котораго является самъ

[1]) Въ хорутанской сказкѣ мать красавицы заставляетъ своего зятя вырубить лѣсъ стеклянной сѣкирой и вычерпать море (у Валявца, стр. 106—7, см. также стр. 30, 37—38, 151—3).

Морской Царь (вып. VI, № 48): эпизодъ, сходный съ напечатаннымъ нами разсказомъ о вѣдьмѣ (вып. VII, № 36). Въ заключеніе разнообразныхъ испытаній, велѣно было мо̀лодцу выбрать себѣ невѣсту изъ двѣнадцати дочерей Морскаго Царя, а дѣвицы были такъ похожи другъ на дружку, какъ двѣ капли воды; юноша узнаетъ Василису Премудрую по условленной напередъ примѣтѣ (сличи съ сказкою: «Хитрая наука»). Въ пѣснѣ о Садкѣ Морской Царь также приказываетъ этому удалому купцу вставать поутру ранёшенько и выбирать себѣ въ жены дѣвицу-красавицу. Сталъ Садко выбирать: первое триста дѣвицъ пропустилъ, и другое, и третье триста пропустилъ мимо, а шла позади чернавушка — ту и бралъ за себя (Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 379). Женился добрый мо̀лодецъ на своей суженой и вздумалъ уйдти вмѣстѣ съ нею изъ подводнаго царства. По варіанту, записанному Пушкинымъ, онъ уходитъ потому, что не въ силахъ исполнить послѣднюю задачу — сшить сапоги въ присутствіи Морскаго Царя въ столь короткое время, въ какое успѣетъ сгорѣть зазженная соломинка. Передъ побѣгомъ Василиса Премудрая, желая замедлить погоню, плюетъ въ трехъ углахъ, и тѣмъ обманываетъ царскихъ гонцовъ: слюнки отвѣчаютъ, замѣсто царевны, на всѣ ихъ вопросы. О связи дара слова съ слюною см. въ примѣчаніи къ вып. VI, № 46 и 47; въ нѣмецкой сказкѣ даръ слова приписанъ каплямъ крови (Грим., т. I, стр. 331).

Бѣгство любящейся четы съ одной стороны сопровождается разными превращеніями, чтобы въ этой перемѣнѣ образовъ утаиться отъ преслѣдованія; съ другой стороны погоня задерживается бросаніемъ разныхъ чудесныхъ предметовъ: щетки, изъ щетинъ которой выростаетъ лѣсъ; гребешка, изъ котораго возникаютъ гребни горъ; полотенца, которое разстилается моремъ; кинутые кремень и огниво производятъ гору и рѣку,

и т. п. (см. вып. I, стр. 117—8; вып. VI, № 57, стр. 281; вып. VIII, № 4, b; въ издан. Эрленвейна, стр. 59—61; Narodne pripov. Валявца, стр. 108; Грим., т. I, № 51); въ сербскихъ сказкахъ Карадж. (№ 19 и 24) гора возникаетъ изъ волоса, рѣка изъ канувшей слезы, изъ двухъ орѣховъ одинъ источаетъ рѣку, изъ другаго исходитъ пламя. Въ числѣ превращеній, принимаемыхъ на себя бѣглецами, особенно любопытно указанное малорусскимъ варіантомъ: вѣщая дѣва обращаетъ своего милаго окунемъ, а сама дѣлается рѣчкою. Раздраженной Морской Царь заклинаетъ ее: «будь же ты рѣчкою три года!» Такимъ образомъ дочь Морскаго Царя возвращается въ свое первобытное стихійное состояніе. Когда новгородской купецъ Садко (Кирша Данил., стр. 343) попалъ къ Морскому Царю и женился на красной дѣвицѣ —

Со полуночи, въ просоньи, ногу лѣву
Накинулъ онъ на молоду жену;
Отъ сна Садко пробуждался:
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ.

По указанію народныхъ былинъ нѣкоторыя жены нашихъ богатырей, умирая, разливались широкими, славными рѣками.

Возвратившись въ родную землю, сказочной герой спѣшитъ къ отцу-къ матери и разстается на время съ своею невѣстою, которая проситъ его: «никого не цѣлуй, Иванъ-царевичъ! если поцѣлуешь, меня позабудешь.» Царевичъ не исполняетъ этого совѣта, забываетъ свою подругу и рѣшается на новой бракъ. Тогда Василиса Премудрая лѣпитъ пирогъ и несётъ на свадебный пиръ; изъ разрѣзаннаго пирога вылетаютъ два голубя-обличителя. «Поцѣлуй меня!» говоритъ голубь голубкѣ. — Нѣтъ, ты меня позабудешь, какъ Иванъ-царевичъ позабылъ Василису Премудрую. Въ венгерской сказкѣ забытая невѣста сама обращается въ голубку, прилетаетъ къ окну и своимъ воркованьемъ напоминаетъ жениху о себѣ.

24.

ПОКАТИГОРОШЕКЪ.

Съ весьма-знаменательными отличіями передана эта сказка въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 116—9). Мѣсто змѣя занимаетъ здѣсь чортъ (vrag), а роль Покатигорошка играетъ мальчикъ-съ пальчикъ, что̀ вполнѣ согласуется съ содержаніемъ древняго преданія, развиваемаго сказкою. Сестра несётъ въ поле обѣдъ братьямъ, которые нарочно провели сохой борозду, чтобъ она знала — какой доро̀гой идти; а чортъ прооралъ другую борозду. Дѣвица не попала на настоящій путь и очутилась у нечистаго. Братья идутъ освобождать ее; чортъ ѣстъ олово и подчуетъ ихъ тѣмъ-же кушаньемъ, но они отказываются; затѣмъ рубитъ имъ головы и забрасываетъ въ олово. Не осталось у бѣдной матери дѣтей, стала она молить Бога, и родила малютку Palček: съ перваго дня уже Пальчикъ ходилъ, на другой день началъ говорить, а на третій узналъ про судьбу своихъ братьевъ и сестры и отправился къ чорту. Нечистой приказалъ подать полную чашку олова; Пальчикъ съѣлъ все до̀чиста. Пошли пробовать силу; чортъ подбросилъ мечъ такъ высоко, что его полдня назадъ не бывало; а Пальчикъ подбросилъ — мечъ полгода не ворочался. Начали другъ друга кидать; Пальчикъ ухватилъ чорта, забросилъ въ олово и сталъ распрашивать про братьевъ. Чортъ указалъ ихъ головы и туловища, велѣлъ помазать шеи мазью и ударить палицею; какъ скоро это было сдѣлано — братья ожили. Тогда Пальчикъ отсѣкъ нечистому голову и освободилъ свою сестру. Въ переводѣ этого миѳическаго сказанія на общепонятный языкъ, смыслъ сказки таковъ: темная туча (змѣй) похищаетъ красавицу — ясное солнце и по-

темняетъ собою ея свѣтлый ликъ; въ варіантѣ, записанномъ г. Бронницынымъ, красавица эта названа Василисой-*золотой косой, непокрытой красой:* золотыя косы — поэтическая метафора солнечныхъ лучей. Освободителемъ златокудрой дѣвы является мальчикъ-съ пальчикъ, т. е. молнія, разбивающая тучи; при ударахъ грома и блескѣ молніи, тучи, проливая обильный дождь, пропадаютъ съ неба, солнце выходитъ въ прежней своей красотѣ и подъ вліяніемъ его лучей и только что напоившаго землю дождя все въ природѣ возрождается къ новой жизни (см. примѣчан. къ вып. VII, № 8). *Vrag*—*врагъ*, чортъ, Гриммъ справедливо сближаетъ съ старонѣмецкимъ *warg*—волкъ, готф. *vargs*, исл. *vargr* (санскр. *vrka*); а волкъ, какъ извѣстно, былъ зооморфической образъ темной тучи: оттого-то по глубоко-древнему преданію, уцѣлевшему въ одной народной сказкѣ, мальчикъ-съ пальчикъ, находясь въ утробѣ волка, причиняетъ ему такъ много бѣдъ. Въ русской сказкѣ мѣсто *врага* занимаетъ змѣй, олицетворяющій собою то-же самое естественное явленіе: его быстрые полеты на крыльяхъ (символъ вѣтра), страшный голосъ, напоминающій вой бури, громовые удары палицей, выдыханіе пламени и похищеніе красавицъ общеизвѣстны и составляютъ основу бо̀льшей части преданій у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Съ другой стороны въ богатырѣ Покатигорошкѣ любопытна черта, указывающая на сродство его съ Пальчикомъ: онъ *мизинцомъ* разбиваетъ въ щепы огромную колоду и дуновеніемъ устъ превращаетъ ее въ пепелъ; вмѣстѣ съ змѣемъ онъ ѣстъ желѣзный хлѣбъ и желѣзные бобы—подобно тому, какъ Пальчикъ поѣдаетъ олово (см. также Slov. Čitanka, стр. 49—54). Въ переводѣ метафорическихъ выраженій миѳа на простыя, общедоступныя, это означаетъ, что небесный огонь (молнія) расплавливаетъ и пожигаетъ (*жрать, пожирать* лингвистически тождественно съ словомъ *горѣть*) металлическія

царства змѣя, о которыхъ см. примѣч. къ вып. VII, № 9 и 10. Связь драконовъ и карликовъ съ металлами засвидѣтельствована и языкомъ, и сказками, и безчисленными повѣрьями. Золото, по древне-нѣмецкому выраженію, есть драконово ложе; а по выраженію русской святочной пѣсни: серебро и золото — змѣиныя крылица (Терещ. Бытъ рус. народа, ч. VII, стр. 177). Змѣи и карлики живутъ въ горахъ; послѣдніе устроиваютъ тамъ свои кузнечныя мастерскія и приготовляютъ несокрушимое оружіе и разныя драгоцѣнныя вещи. О баснословномъ значеніи кузницы см. примѣчаніе къ № 20. Интересная словацкая сказка о владыкѣ металловъ (vom Metallherrscher) вся основана на преданіи о миѳическомъ народѣ, который обиталъ въ горныхъ пропастяхъ и питался металлами. Была-жила вдова, у ней была дочь—красавица, но такая гордая, что всѣмъ женихамъ наотрѣзъ отказывала; чѣмъ больше за нею ухаживали, тѣмъ она становилась неприступнѣе. Однажды красавица спала и весело разсмѣялась во снѣ. «Вѣрно, ей приснилось что-нибудь хорошее!» подумала мать, глядя на свое дитя. Поутру она спросила у дочери, что ей привидѣлось во снѣ и чему она смѣялась? «Мнѣ снилось, отвѣчала дѣвица, будто пріѣзжалъ къ намъ знатной господинъ въ мѣдной колесницѣ и подарилъ мнѣ перстень, въ которомъ сіялъ камень, какъ сіяютъ звѣзды на небѣ, и когда я пришла въ церковь, то весь народъ смотрѣлъ только на меня да на Пречистую Дѣву.» — Ахъ, дитя мое, какіе гордые сны тебѣ видятся! сказала мать и покачала головой, а дочь, припѣвая, пошла на работу. Въ тотъ-же день посватался за нее молодой крестьянинъ; мать обрадовалась жениху, но гордая невѣста сказала ему: «еслибъ даже пріѣхалъ ты въ мѣдной колесницѣ и предложилъ мнѣ кольцо, въ которомъ сіялъ бы камень, какъ сіяютъ звѣзды на небѣ, я и тогда-бъ тебѣ отказала!» На другую ночь красавица еще громче разсмѣялась во

снѣ. Утромъ на вопросъ матери она отвѣчала: «снилось мнѣ, будто пріѣзжалъ къ намъ знатной господинъ въ серебреной колесницѣ и подарилъ мнѣ золотую повязку на голову, и когда я пришла въ церковь, то весь народъ не столько смотрѣлъ на Пречистую Дѣву, сколько на меня.» — Ахъ, что ты говоришь, мое дитя? какой гордый сонъ! Молись, дочка, молись, чтобы не впасть въ искушеніе. Дочь хлопнула дверью и ушла, чтобы не слыхать материнской проповѣди. Въ тотъ-же день она отказала другому жениху. На третью ночь дѣвичій сонъ опять сопровождался громкимъ смѣхомъ. Утромъ сказала дочь матери: «мнѣ снилось нынче, будто пріѣзжали за мной въ золотой колесницѣ и привезли мнѣ наряды изъ чистаго золота, и когда я пришла въ церковь, то весь народъ смотрѣлъ только на меня.» Мать выслушала ее съ горестью. Немного погодя въѣхали на дворъ три колесницы: мѣдная, серебреная и золотая, запряженныя парою, четверкой и восемью ретивыми конями. Изъ золотой колесницы спрыгнулъ прекрасной юноша въ золотой одеждѣ. Сонъ сбывался. Дѣвица получила отъ жениха и блестящій перстень, и головную повязку, и дорогіе наряды изъ чистаго золота. Послѣ вѣнца, не испросивъ у матери благословенія и не прощаясь съ нею, невѣста сѣла съ женихомъ въ золотую колесницу, и понеслись къ высокимъ горамъ. Здѣсь повернули они въ разщелину—и вслѣдъ затѣмъ потряслась земля и позади ихъ обрушились огромныя скалы; кругомъ было темно. Невѣста испугалась, но женихъ ее успокоилъ: «небойся, подожди—будетъ и свѣтло и прекрасно!» Тотчасъ со всѣхъ сторонъ выбѣжали горные карлики (Bergmännchen) въ красныхъ штанахъ и зеленыхъ шапочкахъ, съ горящими факелами въ рукахъ, и привѣтствовали своего господина. Изъ мрачныхъ скалъ въѣхали они въ дремучіе лѣса; и горы, и деревья были свинцовыя. Снова потряслась земля — и путники очутились на прекрасной рав-

нинѣ, посреди которой стоялъ золотой дворецъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Владыка металловъ ввелъ свою невѣсту во дворецъ и сказалъ, что отнынѣ все это принадлежитъ ей. Съ удивленіемъ и радостью смотрѣла она на безчисленныя богатства. Вскорѣ красавица почувствовала голодъ, и съ удовольствіемъ увидѣла, что прислуга накрыла золотой столъ; но, увы! всѣ поданныя кушанья были изъ чистой мѣди, серебра и золота. Горные жители спокойно ѣли, а она ничего не могла укусить, и попросила себѣ кусочикъ хлѣба. «Охотно, моя милая!» сказалъ женихъ и велѣлъ принести мѣднаго хлѣба. Но красавица не могла его ѣсть. Принесли серебреной хлѣбъ — она отказалась, принесли золотой — и тотъ не годился. «Я радъ тебѣ услужить, сказалъ владыка металловъ, но у меня нѣтъ другаго хлѣба!» Невѣста заплакала; напрасно! судьба ея совершилась: она должна была оставаться въ подземномъ царствѣ и терпѣть голодъ, потому что выше всего цѣнила золото и золото. Только въ продолженіе трехъ дней въ году, когда владыка металловъ открываетъ двери къ своимъ подземнымъ сокровищамъ, можетъ она насыщаться человѣческой пищею. Эти три дня—понедѣльникъ, вторникъ и среда на пятой недѣлѣ послѣ Пасхи; тогда выходитъ она на божій свѣтъ и проситъ себѣ хлѣба, какъ милостыни (Westslawischer Märchenschatz, стр. 10—14).

Въ тѣсной связи съ преданіями, приписывающими драконамъ обладаніе металлами, стоитъ эпизодъ о борьбѣ змѣя съ Покатигорошкомъ: змѣй дунулъ — и тотчасъ явился мѣдный или чугунный токъ [1]), дунулъ Покатигорошекъ — и явился серебреный токъ (сравни вып. V, № 54; вып. VII, № 9—въ сказкѣ о трехъ царствахъ, гдѣ змѣи и ихъ враги дѣлаютъ токи желѣзный, стальной, серебреной, золотой и алмазной;

[1]) Гладкое, ровное мѣсто.

Лѣтоп. рус. литерат., кн. V, стр. 8—15: сказка о Иванѣ Бѣломъ); противники, сражаясь, вколачиваютъ другъ друга въ эти металлическіе токи—подобно тому, какъ мальчикъ-съ пальчикъ вбиваетъ нечистаго въ олово. Въ одной изъ напечатанныхъ нами сказокъ (вып. VIII, № 4, с) въ любопытномъ разсказѣ о борьбѣ богатыря съ змѣями, эти послѣдніе *дуновеніемъ своимъ дѣлаютъ ледяной мостъ*, т. е. цѣпенящее дыханіе холоднаго вѣтра леденитъ воду. Змѣямъ приданъ здѣсь враждебной, демонической (зимній) характеръ; «я, говоритъ богатырь змѣю, человѣкъ крещеной, а ты — нѣтъ, тебѣ и мостъ дѣлать!» До сихъ поръ говорится, что зима стелетъ по рѣкамъ свои крѣпкіе мосты: «Егорій (26 ноября) *подмоститъ*, а Микола (6 декабря) *пригвоздитъ*» или: «Микола *съ мостомъ*».

Приводимъ варіантъ, записанный г. Бронницынымъ:

СКАЗКА О ВАСИЛИСѢ-ЗОЛОТОЙ КОСѢ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСѢ И ОБЪ ИВАНѢ-ГОРОХѢ.

Жилъ-былъ царь Свѣтозаръ. У него у царя было два сына и красавица-дочь. Двадцать лѣтъ жила она въ свѣтломъ теремѣ; любовались на нее царь съ царицею, еще мамушки и сѣнныя дѣвушки, но никто изъ князей и богатырей не видалъ ея лица. А царевна-краса называлась Василиса-золотая коса; никуда она изъ терема не ходила, вольнымъ воздухомъ царевна не дышала; много было у ней и нарядовъ цвѣтныхъ, и каменьевъ дорогихъ, но царевна скучала: душно ей въ теремѣ, въ тягость покрывало! волосы ея густые, златошелковые, непокрытые ничѣмъ, въ косу связанные, упадали до пятъ, и царевну Василису стали люди величать: *золотая коса, непокрытая краса*. Но земля слухомъ полнится: многіе цари

узнавали и пословъ присылали царю Свѣтозару челомъ бить, царевну въ замужство просить. Царь не спѣшилъ; только время пришло, и отправилъ онъ гонцовъ во всѣ земли съ вѣстью, что будетъ царевна жениха выбирать, чтобъ цари и царевичи съѣзжались, сбирались къ нему пировать, а самъ пошелъ въ теремъ высокой сказать Василисѣ Прекрасной. Царевнѣ на сердцѣ весело; глядя изъ окошка косящатаго, изъ-за рѣшотки золотой на садъ зеленой, лужокъ цвѣтной, захотѣла она погулять; попросила ее отпустить въ садъ — съ дѣвицами поиграть. «Государь батюшка! она говорила, я еще свѣту божія не видала, по травѣ-по цвѣтамъ не ходила, на твой царской дворецъ не смотрѣла; дозволь мнѣ съ мамушками, съ сѣнными дѣвушками въ саду проходиться.» Царь дозволилъ, и сошла Василиса Прекрасная съ высокаго терема на широкой дворъ. Отворились ворота тесовыя, очутилась она на зеленомъ лугу предъ крутою горой; по горѣ той росли деревья кудрявыя, на лугу красовались цвѣты разновидные. Царевна рвала цвѣточки лазоревые, отошла она немного отъ мамушекъ — въ молодомъ умѣ осторожности не было; лицо ея было открыто, красота безъ покрова... Вдругъ поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертѣло, глядь — подхватилъ вихорь царевну, понеслась она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бѣгутъ, оступаются, во всѣ стороны мечутся; но только и увидѣли, какъ помчалъ ее вихорь. И унесло Василису-золотую косу черезъ многія земли великія, рѣки глубокія, черезъ три царства въ четвертое — въ область змѣя лютаго. Мамки бѣгутъ въ палаты, слезами обливаются, царю въ ноги бросаются: «государь! неповинны въ бѣдѣ, а повинны тебѣ; не прикажи насъ казнить, прикажи слово молвить: вихрь унёсъ наше солнышко, Василису-красу, золотую косу, и невѣдомо—куда.» Все разсказали, какъ было. Опечалился царь,

разгнѣвался, а и въ гнѣвѣ бѣдныхъ помиловалъ. Вотъ на утро князья и королевичи въ царскія палаты наѣхали, и видя печаль, думу царскую, спросили его: что случилося? «Грѣхъ надо мною! сказалъ имъ царь, вихремъ унесло мою дочь дорогую, Василису-косу золотую, и не знаю — куда.» Разсказалъ все, какъ было. Пошелъ говоръ межъ пріѣзжими, и князья и королевичи подумали, перемолвились, не отъ нихъ ли царь отрекается, выдать дочь не рѣшается? бросились въ теремъ царевны — нигдѣ не нашли ее. Царь ихъ одарилъ, каждаго изъ казны надѣлилъ; сѣли они на коней, онъ ихъ съ честію проводилъ; свѣтлые гости откланялись, по своимъ землямъ разъѣхались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы-золотой косы, видя слезы отца-матери, стали просить родителей: «отпусти ты насъ, государь отецъ! благослови, государыня матушка! вашу дочь, а нашу сестру отыскивать.» — Сыновья мои милые, дѣти родимыя! сказалъ царь невесело, куда-жъ вы поѣдете? «Поѣдемъ мы, батюшка, вездѣ — куда путь лежитъ, куда птица летитъ, куда глаза глядятъ; авось мы и сыщемъ ее!» Царь ихъ благословилъ, царица въ путь снарядила; поплакали, разстались. Ѣдутъ два царевича; близко ли путь, далеко ли, долго-ль въ ѣздѣ, коротко ли — оба не знаютъ. Ѣдутъ годъ они, ѣдутъ два, проѣхали три царства, и синѣются-виднѣются горы высокія, межъ горъ степи песчаныя: то земля змѣя лютаго. И спрашиваютъ царевичи встрѣчныхъ: не слыхали ли, не видали ли, гдѣ царевна Василиса-золотая коса? И отъ встрѣчныхъ въ отвѣтъ имъ (одно): «мы ее не знали; гдѣ она? — не слыхали.» Давъ отвѣтъ, идутъ въ сторону. Подъѣзжаютъ царевичи къ великому городу; стоитъ на дорогѣ предряхлой старикъ — и кривой и хромой, и съ клюкой и съ сумой, проситъ милостыни. Пріостановились царевичи, бросили ему деньгу серебреную и спросили его: не видалъ ли онъ гдѣ, не слыхалъ ли чего о

царевнѣ Василисѣ-золотой косѣ, непокрытой красѣ? «Эхъ, дружки! отвѣчалъ старикъ, знать, что вы изъ чужой земли. Нашъ правитель лютый змѣй запретилъ крѣпко-нàкрѣпко толковать съ чужеземцами; намъ подъ страхомъ заказано говорить, пересказывать, какъ пронёсъ мимо города вихрь царевну прекрасную.» Тутъ догадались царевичи, что близко сестра ихъ родимая; рьяныхъ коней понукаютъ, къ дворцу подъѣзжаютъ. А дворецъ тотъ золотой, и стоитъ на одномъ столбѣ на серебреномъ, а навѣсъ надъ дворцемъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, лѣстницы перламутровыя, какъ крылья въ обѣ стороны расходятся-сходятся. На ту пору Василиса Прекрасная смотритъ въ грусти въ окошечко, сквозь рѣшотку золотую, и отъ радости вскрикнула — братьевъ своихъ вдалекѣ распознала, словно сердце сказало. И царевна тихонько послала ихъ встрѣтить, во дворецъ проводить; а змѣй лютый въ отлучкѣ былъ. Василиса Прекрасная береглася, боялася, чтобы онъ не увидѣлъ ихъ. Лишь только вошли они, застоналъ столбъ серебреной, расходилися лѣстницы, засверкали всѣ кровельки, весь дворецъ сталъ повертываться, по мѣстамъ передвигиваться. Царевна испугалась и братьямъ говоритъ: «змѣй летитъ! змѣй летитъ! отъ того и дворецъ кругомъ повертывается. Скройтесь, братья!» Лишь сказала, какъ змѣй лютый влетѣлъ, и онъ крикнулъ громкимъ голосомъ, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: «кто тутъ живой человѣкъ?» — Мы, змѣй лютый! не робѣя, отвѣчали царевичи; изъ родной земли за сестрой пришли. «А, это вы, молодцы! вскрикнулъ змѣй, крыльями хлопая. Не зачѣмъ бы вамъ отъ меня пропадать, здѣсь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшіе!» И змѣй подхватилъ на крыло одного, ударилъ имъ въ другаго, и свистнулъ-и гаркнулъ. Къ нему прибѣжала дворцовая стража, подхватила мертвыхъ царевичей, бросила обоихъ въ глубокой ровъ. Залилась царевна сле-

зами Василиса-коса золотая, ни пищи-ни питья не принимала, на свѣтъ бы глядѣть не хотѣла; дня два и три проходятъ — ей не умирать стать, умереть не рѣшилася — жаль красоты своей, голода послушала, на третій покушала. А сама думу думаетъ, какъ-бы отъ змѣя избавиться, и стала вывѣдывать ласкою: «змѣй лютый! сказала она, велика твоя сила, могучъ твой полётъ, неужели тебѣ сопротивника нѣтъ?» — Еще не пора! молвилъ змѣй, на роду моемъ написано, что будетъ мнѣ сопротивникъ Иванъ-Горохъ, и родится онъ отъ горошинки.

Змѣй въ шутку сказалъ, сопротивника не ждалъ. Надѣется сильный на силу, а и шутка находитъ на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нѣтъ вѣсточки о дѣтяхъ; за царевною царевичи пропали. Вотъ пошла она однажды разгуляться въ садъ съ боярынями. День былъ знойной; пить царица захотѣла. Въ томъ саду изъ пригорка выбѣгала струею ключевая вода, а надъ ней былъ колодезь бѣломраморный. Зачерпнувъ золотымъ ковшомъ воды чистой, какъ слезинка, царица пить поспѣшила, и вдругъ проглотила съ водою горошинку. Разбухла горошинка, и царицѣ тяжелёшенько; горошинка ростетъ да ростетъ, а царицу все тягчитъ да гнетётъ. Прошло нѣсколько времени — родила она сына; дали ему имя Иванъ-Горохъ, и ростетъ онъ не по годамъ, а по часамъ, гладенькой, кругленькой! глядитъ, усмѣхается, прыгаетъ, выскочитъ да въ пескѣ онъ катается, и все прибываетъ въ немъ силы, такъ что лѣтъ въ десять сталъ могучъ богатырь. Началъ онъ спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьевъ и сестеръ? и узналъ, какъ случилось, что сестру вихрь унёсъ — невѣдомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и безъ вѣсти пропали. «Батюшка! матушка! просился Иванъ-Горохъ, и меня отпустите, братьевъ и сестру отыскать благословите.» — Что ты, дитя мое! въ одинъ го-

лосъ сказали царь и царица, ты еще зеленёхонекъ-молодёхонекъ; братья твои пошли да пропали, и ты какъ пойдешь — пропадешь! «Авось не пропаду! сказалъ Иванъ-Горохъ, я братьевъ и сестры доискаться хочу.» Уговаривали и упрашивали сына милаго царь съ царицею, но онъ просится, всплачетъ, взмолится; въ путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили. Вотъ Иванъ-Горохъ на волѣ, выкатился въ чистое поле; ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой, къ ночи въ лѣсъ темной въѣзжаетъ. Въ лѣсу томъ избушка на курьихъ ножкахъ, отъ вѣтра шатается, сама перевертывается. По старому присловью, по мамкину сказанью: «избушка, избушка! молвилъ Иванъ, подувъ на нее, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» И вотъ повернулась къ Ивану избушка, глядитъ изъ окошка сѣдая старушка и молвитъ: «кого Богъ несётъ?» Иванъ поклонился, спросить торопился: «не видала ли, бабушка, вихря залётнаго? въ какую онъ сторону уноситъ красныхъ дѣвицъ?» — Охъ-охъ, молодецъ! отвѣчала старуха, покашливая, на Ивана посматривая; меня тоже напугалъ этотъ вихорь, такъ что сто двадцать лѣтъ я въ избушкѣ сижу, никуда не выхожу: неравно налетитъ да умчитъ! Вѣдь это не вихорь, а змѣй лютый! «Какъ-бы дойдти къ нему?» спросилъ Иванъ. — Что ты, мой свѣтъ! змѣй проглотитъ тебя. «Авось не проглотитъ!» — Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово изъ змѣиныхъ палатъ воды принести, которою всплеснешься — помолодѣешь! примолвила она, черезъ силу шевеля зубами. «Добуду — принесу, бабушка! слово даю.» — Вѣрю на совѣсть твою. Иди-же ты прямо, куда солнце катится; черезъ годъ дойдешь до Лисьей горы, тамъ спроси — гдѣ дорога въ змѣиное царство. «Спасибо, бабушка!» — Не на чѣмъ, батюшка! Вотъ Иванъ-Горохъ пошелъ въ сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Прошелъ онъ три государства, дошелъ

и до змѣинаго царства. Передъ городскими воротами увидѣлъ онъ нищаго—хромаго, слѣпаго старика съ клюкой, и подавъ милостыню, спросилъ его, нѣтъ ли въ томъ городѣ царевны молодой Василисы-косы золотой? «Есть, да не велѣно сказывать!» отвѣчалъ ему нищій. Иванъ догадался, что сестра его тамъ; доброй молодецъ смѣлъ, прибодрился и къ палатамъ пошелъ. На ту пору Василиса-краса, золотая коса, смотритъ въ окошко, не летитъ ли змѣй лютый, и примѣтила издалека богатыря молодаго, знать объ немъ пожелала, тихонько развѣдать послала: изъ какой онъ земли, изъ какого онъ рода, не отъ батюшки ли присланъ, не отъ матушки-ль родимой? Услышавъ, что пришелъ Иванъ, братъ меньшой (а царевна его и въ лицо не знавала), Василиса къ нему подбѣжала, встрѣтила брата со слезами. «Бѣги поскорѣе, закричала, бѣги, братецъ! скоро змѣй будетъ, увидитъ — погубитъ!» — Сестрица любезная! отвѣчалъ ей Иванъ, не ты бы говорила, не я бы слушалъ. Не боюсь я змѣя и всей силы его. «Да развѣ ты — Горохъ, спросила Василиса-коса золотая, чтобъ сладить съ нимъ могъ?» — Погоди, другъ-сестрица! прежде напой меня; шелъ я подъ зноемъ, пріусталъ я съ дороги, такъ хочется пить. «Что-же ты пьешь, братецъ?» — По ведру меду сладкаго, сестрица любезная! Василиса-коса золотая велѣла принести ведро меду сладкаго, и Горохъ выпилъ ведро за одинъ разъ, однимъ духомъ; попросилъ налить другое. Царевна приказать торопилась, а сама смотрѣла-дивилась: «ну, братецъ! сказала, тебя я не знала, а теперь повѣрю, что ты Иванъ Горохъ.» — Дай-же присѣсть немного — отдохнуть съ дороги. Василиса велѣла стулъ крѣпкой придвинуть, но стулъ подъ Иваномъ ломается, въ куски разлетается; принесли другой стулъ, весь желѣзомъ окованный, и тотъ затрещалъ и погнулся. «Ахъ, братецъ! вскричала царевна, это стулъ змѣя лютаго.» — Ну, видно, я потяжеле!

сказалъ Горохъ усмѣхнувшись, всталъ и пошелъ на улицу, изъ палатъ въ кузницу. И тамъ заказалъ онъ старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посохъ желѣзной въ пятьсотъ пудъ. Кузнецы за работу взялись, принялись, куютъ желѣзо, день и ночь молотами гремятъ, только искры летятъ; черезъ сорокъ часовъ былъ посохъ готовъ. Пятьдесятъ человѣкъ несутъ—едва тащутъ, а Иванъ Горохъ взялъ одной рукой, бросилъ посохъ вверхъ — посохъ полетѣлъ, какъ гроза загремѣлъ, выше облака взвился, изъ вида скрылся. Весь народъ прочь бѣжитъ, отъ страха дрожитъ, думая: когда посохъ на городъ упадётъ, стѣны прошибётъ, людей передавитъ, а въ море упадётъ — море расхлеснётъ, городъ затопитъ. Но Иванъ-Горохъ спокойно въ палаты пошелъ, да только сказать велѣлъ, когда посохъ назадъ полетитъ. Побѣжалъ съ площади народъ, смотрятъ изъ-подъ воротъ, смотрятъ изъ оконъ, не летитъ ли посохъ? Ждутъ часъ, ждутъ другой, на третій задрожали, сказать прибѣжали, что посохъ летитъ. Тогда Горохъ выскочилъ на площадь, руку подставилъ, на лету подхватилъ, самъ не нагнулся, а посохъ на ладони согнулся; Иванъ посохъ взялъ, на колѣнкѣ поправилъ, разогнулъ и пошелъ во дворецъ. Вдругъ послышался страшный свистъ — мчится змѣй лютый, конь его-вихорь стрѣлою летитъ, пламенемъ пышетъ; съ виду змѣй—богатырь, а голова змѣиная. Когда онъ летитъ, еще за десять верстъ весь дворецъ начнетъ повертываться, съ мѣста на мѣсто передвигаться; а тутъ дворецъ съ мѣста не трогается. Видно, сѣдокъ есть! Змѣй призадумался, присвистнулъ, загаркалъ; конь-вихорь тряхнулъ черною гривою, размахнулъ широкія крылья, взвился, зашумѣлъ; змѣй подлетаетъ ко дворцу, а дворецъ съ мѣста не трогается. «Ого! заревѣлъ змѣй лютый, видно, есть сопротивникъ; не Горохъ ли въ гостяхъ у меня?» Скоро пришелъ богатырь. «Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну

другою — костей не найдутъ!» — Увидимъ! молвилъ Иванъ-Горохъ; съ посохомъ выходитъ, а змѣй съ вихря кричитъ: «расходись, Горохъ, не катайся!» — Лютый змѣй, разъѣзжайся! Иванъ отвѣчалъ, посохъ поднялъ. Змѣй разлетѣлся ударить Ивана, (хочетъ) взоткнуть на копье, (и) промахнулся; Горохъ отскочилъ — не шатнулся. «Теперь я тебя! зашумѣлъ Горохъ, пустилъ въ змѣя посохъ, и такъ огорошилъ, что змѣя въ куски разорвалъ, разметалъ, а посохъ землю пробилъ, ушелъ черезъ два въ третье царство. Народъ шапки вверхъ побросалъ, Ивана царемъ величалъ; но Иванъ тутъ, примѣтя кузнеца-мудреца, въ награду, что посохъ скоро сработалъ, старика подозвалъ и народу сказалъ: «вотъ вамъ голова! слушайте его, на добро радѣя, какъ прежде на зло слушали вы лютаго змѣя.» Иванъ добылъ и живо-мертвой воды, спрыснулъ братьевъ; поднялись молодцы, протираютъ глаза, сами думаютъ: «долго спали мы; Богъ вѣсть, что сдѣлалось!» — Безъ меня и вѣкъ бы вы спали, братья милые, други родимые! сказалъ имъ Иванъ-Горохъ, прижимая къ ретивому сердцу. Не забылъ онъ взять и змѣиной водицы; корабль снарядилъ, и по рѣкѣ лебединой съ Василисой-красой, золотою косой, поплылъ въ земли свои черезъ три царства въ четвертое; не забылъ и старушки въ избушкѣ, далъ ей умыться змѣиной водицей: обернулась она молодицей, запѣла-заплясала, за Горохомъ бѣжала, въ пути провожала. Отецъ и мать Ивана встрѣчали съ радостью, съ честью; гонцовъ разослали во всѣ земли съ вѣстью, что возвратилась дочь ихъ родная, Василиса-коса золотая. Въ городѣ звонъ, по ушамъ трезвонъ, трубы гудятъ, бубны стучатъ, самопалы гремятъ. Василиса жениха дождалась, а царевичу невѣста нашлась. Четыре вѣнца заказали, двѣ свадьбы пировали; на весельи-на радостяхъ пиръ горой, медъ рѣкой! Дѣды дѣдовъ тамъ были, медъ пили, и до насъ дошло, по усамъ текло, въ ротъ не попало; только вѣдо-

мо стало, что Иванъ по смерти отца принялъ царской вѣнецъ, правилъ со славой державой, и въ роды родовъ славилось имя царя Гороха.

25.

ЗМѢЙ И ЦЫГАНЪ.

Настоящая сказка повѣствуетъ, какъ слабосильный цыганъ, попавшись къ змѣю, хитростью и изворотливостью своего ума одерживаетъ верхъ надъ этимъ страшнымъ, но недогадливымъ чудищемъ: силѣ ума дается перевѣсъ надъ силою матеріальною. Въ числѣ другихъ состязаній змѣй предлагаетъ попробовать: кто громче свиснетъ? Свистнулъ змѣй — и съ дерёвъ посыпались листья; а когда дошла очередь до цыгана, онъ завязалъ своему противнику глаза и хватилъ его дубиною: эта хитрость, основанная на игрѣ значеніемъ слова *свистнуть* (произвести звукъ и ударить), встрѣчается и въ сказкѣ о батракѣ и чортѣ (вып. V, № 9). У померанскихъ кашубовъ (Этногр. сборн., вып. V, статья Гильфердинга, стр. 128—9) и венгровъ (Ungarische Volksmärchen, стр. 109) мѣсто змѣя заступаетъ великанъ—столь громадныхъ размѣровъ, что̀ въ пальцѣ его рукавицы свободно помѣщается сказочный герой; а у нѣмцевъ роль эту выполняетъ чортъ (въ сборн. Гальтриха, № 27). Встрѣтившись однажды съ школьнымъ учителемъ, чортъ хотѣлъ было его сцапать. Но у того былъ въ рукахъ кусокъ сыра; не думая долго, онъ сдавилъ сыръ и вскрикнулъ: «смотри, я тебя такъ стисну, что̀ изъ тебя сокъ потечетъ — вотъ какъ изъ этого камня!» Затѣмъ они состязаются въ силѣ; побѣда остается за учителемъ, и нечистой долженъ былъ принести ему на̀ домъ цѣлой мѣшокъ

золота. Когда сталъ онъ приближаться къ школѣ, дѣти, наученные учителемъ, закричали изъ оконъ: «и я хочу чортова мяса! и я хочу чортова мяса!» Испуганный чортъ бросилъ мѣшокъ съ золотомъ и убѣжалъ въ пекло. Норвежская сказка (ч. I, № 6) заставляетъ чорта спорить съ хитрымъ Замарашкою (Aschenbrödel): кто изъ нихъ больше съѣстъ? Aschenbrödel привязалъ къ себѣ мѣшокъ и началъ складывать туда кушанье; а чортъ, не желая отстать отъ товарища, до того нажрался, что̀ лопнулъ. См. также Slovanska čitanka, стр. 140—2: «Чортъ и цыганъ».

26.

НЕУМОЙКА.

Такая-же сказка есть у нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 100 и 101; т. III, стр. 181—2).

27. 28.

ИВАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ. — ЦАРЬ-МЕДВѢДЬ.

Двѣ означенныя сказки, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, помѣщенными въ VI-мъ выпускѣ (№ 51, 52 и 53), представляютъ только различныя варіаціи одного и того-же древняго эпическаго преданія. Извѣстны и другіе варіанты: см. у Худ., вып. I, № 10; в. III, № 84; въ Тр. курск. стат. комитета, в. I, стр. 420—3; въ изд. Эрленвейна, № 11; въ Зап. о южн. Руси, т. II, стр. 48—57: «о Соловьѣ-разбойникѣ и о слѣпомъ царевичѣ» и «Сказку объ Иванѣ-богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ» (Москва,

1847 г.), совершенно сходную съ напечатанною нами въ VI-мъ вып., № 52, b. Мать или сестра, увлеченная любовью къ змѣю (дракону), старается извести своего сына или брата: вотъ основа, развиваемая сказкою. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ этому содержанію предшествуетъ эпизодъ о царѣ-медвѣдѣ. Въ нѣкоемъ государствѣ появился *медвѣдь-желѣзная шерсть*; онъ поѣдаетъ весь народъ и наконецъ гонится за юнымъ царевичемъ и его сестрою Еленою Прекрасною, которые думаютъ спастись бѣгствомъ. Соколъ (иногда—воронъ) и орелъ несутъ ихъ на своихъ крыльяхъ въ поднебесьи, но медвѣдь опаляетъ птицамъ крылья и заставляетъ опустить бѣглецовъ наземь; не помогъ царевичу съ царевною и быстрой конь; избавителемъ ихъ явился бычокъ-дристунокъ, который всякой разъ, какъ только начиналъ медвѣдь нагонять, залеплялъ ему зрѣніе, и тотъ долженъ былъ спѣшить на синё море и промывать себѣ глаза, а тѣмъ временемъ бычокъ все впередъ да впередъ! (См. также у Худяк., вып. III, № 97.) Въ одномъ варіантѣ, вмѣсто царя-медвѣдя, выведенъ *желѣзный волкъ*, поѣдающій людей. Царевичъ съ царевною спасаются отъ враждебной, темной силы (волкъ — warg, врагъ, чортъ = туча; о медвѣдѣ см. примѣчаніе къ вып. VII, № 8); чтобы ускорить побѣгъ, на помощь имъ являются ретивой конь и быстролётныя птицы, образы которыхъ въ народныхъ вѣрованіяхъ принимались для выраженія вихря, бури и грозы, и бычокъ-дристунокъ, извѣстный миѳическій образъ дожденосной тучи. Въ финской редакціи разбираемой нами сказки быкъ прилетаетъ на помощь къ брату и сестрѣ съ неба. Въ эпоху забвенія истиннаго смысла древняго метафорическаго языка, когда обожаніе небесныхъ коровъ и быковъ было перенесено на обыкновенныхъ животныхъ, индѣйцы очистительное значеніе, соединяемое съ дождевой водою, (какъ это ни странно съ перваго взгляда) приписали испражненіямъ священныхъ быковъ, что̀ и

засвидѣтельствовано ихъ религіозными обрядами. Когда чудесный бычокъ былъ зарѣзанъ, изъ его нутра вышелъ мужичокъ-съ ноготокъ—могучій карликъ, въ видѣ котораго олицетворялась молнія; по другому списку изъ пепла сожженнаго бычка рождаются конь, собачка и яблоня — сказаніе, относящееся къ области миѳическихъ превращеній (см. примѣч. къ вып. VI, № 54).

Достигнувъ безопаснаго мѣста, братъ съ сестрою (или сынъ съ матерью) поселяются тамъ на житье. Вскорѣ сестра (или мать) героя влюбляется въ прелестника Змѣя Горыныча; но сойдтись имъ трудно — ихъ раздѣляетъ широкая и глубокая рѣка или огненное озеро. Царевна ухитряется: она добыла чародѣйное полотенце, бросила его — и въ ту-же минуту полотенце раскинулось и повисло черезъ озеро высокимъ, красивымъ мостомъ. Этотъ мостъ упоминается и въ другихъ сказкахъ; см. вып. VI, № 5, а и вып. VIII, № 8: скачетъ Иванъ-царевичъ отъ бабы-яги, доѣзжаетъ до огненной рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону—и откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку дивной мостъ; переѣхалъ на другой берегъ, махнулъ платкомъ въ лѣвую сторону только два раза—и остался мостъ тоненькой-тоненькой! Бросилась баба-яга по̀ мосту и какъ скоро добралась до средины, мостъ обломился—и она упала въ воду. Тоже волшебное дѣйствіе придается сказками и полотенцу: махнешь однимъ концемъ — явится мостъ, а махнешь другимъ — мостъ пропадаетъ. Баснословный мостъ-полотенце есть ничто иное, какъ радуга. На основаніи замѣчаемаго сходства, народная фантазія сближала ее съ различными предметами: дугою, лукомъ, коромысломъ и проч. Въ числѣ другихъ миѳическихъ представленій встрѣчаемъ и слѣдующія: литовцы называютъ радугу *небеснымъ поясомъ* и *поясомъ Лаумы*. Однажды, сидя на небесахъ на своемъ алмазномъ тронѣ, богиня Лаума увидала на землѣ

прекраснаго юношу, полюбила его, развернула свой поясъ и сошла по нёмъ къ избраннику своего сердца. Простой народъ въ Литвѣ, увидя радугу, говоритъ, что Лаума распустила свой кушакъ и прельщаетъ боговъ и смертныхъ. Древніе германцы почитали радугу *мостомъ*, который протягивается между небомъ и землею и по которому переѣзжаютъ боги (асы) на своихъ легкихъ коняхъ, подобно тому, какъ и литовской богинѣ поясъ ея служилъ мостомъ для нисхожденія на землю (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 88; Москвит. 1846, № 11 и 12, стр. 247—8). Въ «Народныхъ славянскихъ разсказахъ» Боричевскаго (стр. 78—81) царевна спасается бѣгствомъ отъ чертей; овечки принесли ее къ широкой рѣкѣ и стали просить съ неба трехъ ниточекъ: шолковой, серебреной и золотой. Ниточки слетѣли съ неба, и когда овечки перебѣжали по нимъ на другую сторону, поднялись вверхъ и исчезли. Явились черти, попросили себѣ одну ниточку и пустились по ней черезъ рѣку; ниточка оборвалась, и они потонули [1]).

По хитро-устроенному мосту приходитъ змѣй къ царевнѣ; они слюбились и начинаютъ придумывать, какъ-бы извести царевича. Слѣдуя обычному эпическому пріему, царевна притворяется больною, разсказываетъ своему брату вымышленныя сновидѣнія (сличи съ Пѣснями Рыбникова, ч. I, стр. 227) и посылаетъ его на опасные подвиги, въ надеждѣ, что онъ безвременно погибнетъ. Богатырь долженъ надоить и принесть ей молока отъ волчицы, медвѣдицы, кабанихи и

[1]) Сличи съ интересною болгарскою сказкою о Грозданкѣ: Солнце увидѣло на землѣ красавицу Грозданку и задумало на ней жениться. Въ самый Юрьевъ день спустило оно на ея дворъ *золотыя качели;* качались на нихъ и большіе и малые, наконецъ пришла и Грозданка, и только сѣла—какъ золотыя качели поднялись на небо и унесли красавицу къ ясному жениху — Солнцу (Лѣтоп. русск. литер., кн. V, стр. 6—7).

львицы, и совершаетъ это съ успѣхомъ. Тогда царевна объявляетъ, что молоко ей не въ пользу, и отправляетъ брата въ тридесятое царство за живою водою: тамъ есть двѣ горы высокія, стоятъ вмѣстѣ — вплотную одна къ другой прилегли; только разъ въ сутки онѣ расходятся и минуты черезъ двѣ-три опять сходятся; а промежъ тѣхъ горъ хранится вода живая и мертвая (цѣлющая). Пріѣзжаетъ царевичъ къ *толкучимъ горамъ*, стоитъ-дожидается, когда онѣ расходиться станутъ. Вотъ зашумѣла буря, ударилъ громъ и раздвинулись горы; царевичъ стрѣлой пролетѣлъ промежъ горъ, почерпнулъ два пузырька воды и вмигъ назадъ повернулъ; самъ-то онъ успѣлъ выскочить, а у лошади заднія ноги помяло, на мелкія части раздробило. Взбрызнулъ царевичъ своего добраго коня мертвой и живой водою — и всталъ конь его ни въ чемъ невредимъ. Преданіе—чрезвычайно любопытное; оно встрѣчается и въ стихѣ про Егорія Храбраго (Лѣтоп. русск. литер. и древности, кн. II, стр. 133, 137; Сборн. духовн. стиховъ Варенцова, стр. 97) и въ пѣснѣ про Дюка Степановича (Рыбник., ч. I, стр. 296):

Стоятъ тутъ горы толкучія;
Тые-жъ какъ горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся —
Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.

Одиссея въ XII-й пѣснѣ также упоминаетъ о бродячихъ, толкучихъ горахъ, промежъ которыхъ ни одна птица не смѣетъ промчаться; даже изъ тѣхъ быстролётныхъ голубей, которые приносятъ Зевсу амврозію, одинъ завсегда погибаетъ, разбившись въ опасныхъ утесахъ, и Зевсъ каждый разъ принужденъ замѣнять убитаго голубя новымъ. Завлечетъ ли сюда морская буря корабль — отъ него останутся однѣ доски да трупы несчастныхъ пловцовъ. Въ своемъ странствованіи за

золотымъ руномъ, Аргонавты должны были проходить между этими страшными горами. Если мы припомнимъ, что въ санскритѣ слова, означающія гору, въ тоже время означаютъ и облако (parvata, giri, adri, gotra), что въ гимнахъ Ригъ-веды облака и тучи постоянно называются горами и что у индѣйцевъ есть сказаніе о *летучихъ горахъ*; то для насъ легко объяснится это древнее преданіе о горахъ толкучихъ. На основаніи сходства впечатлѣній, производимыхъ отдаленными горами и облегающими горизонтъ облаками, сходства столь близкаго, что̀ непривычный взоръ путника нерѣдко принимаетъ видимыя горы за облака, — оба понятія были отождествлены и въ языкѣ и въ вѣрованіяхъ, и породили миѳъ о горахъ-тучахъ, которыя сталкиваются другъ съ другомъ и своимъ столкновеніемъ производятъ страшный громъ и смертельные удары. Славянскія сказанія твореніе горъ приписываютъ чорту, съ которымъ постоянно борется Илья-громовникъ; чортъ замѣняетъ здѣсь змѣя или дракона, этого извѣстнаго обитателя горъ, который на Руси носитъ знаменательное имя *Горыныча* (сынъ горы, т. е. тучи). О толкучихъ горахъ разсказываютъ, что онѣ не иначе останавливаются, какъ убивши когонибудь (Нар. слав. разск. Боричевскаго, стр. 111—113), т. е. послѣ громоваго удара. Понятно, что именно въ этихъ горахъ должна была заключаться живая вода, т. е. весенній дождь, оживляющій природу послѣ ея зимняго сна. Въ словацкой сказкѣ мать посылаетъ сына къ двумъ великанскимъ горамъ (Riesenberge — см. примѣч. къ № 20 о связи Исполиновыхъ горъ съ змѣемъ), изъ которыхъ правая отворяется въ полдень и бьетъ ключемъ живой воды, а лѣвая — въ полночь и источаетъ изъ себя мертвую воду.

Далѣе царевна посылаетъ своего брата на чортову мельницу, которая заперта двѣнадцатью желѣзными дверями и отпирается однажды въ годъ, и наказываетъ принести оттуда

мучной пыли. О миѳическомъ значеніи этой мельницы, представляющей эмблему небеснаго грохота, производимаго Перуномъ — см. примѣчаніе къ вып. VII, № 8. Ворочаясь домой, царевичъ не успѣлъ вызвать изъ чортовой мельницы свою вѣрную охоту: волка, медвѣдя, льва и кабана; такъ быстро захлопнулись двери! Дòма онъ попадается въ руки лютаго змѣя и уже готовится къ смерти; но звѣри прогрызли желѣзныя двери и вò время явились на выручку. По другому варіанту (вып. V, № 28) царевичъ сламываетъ три зеленыхъ прута, ударяетъ ими — и вмигъ распадаются всѣ запоры и освобождается его вѣрный пёсъ. Эти зеленые прутья тождественны съ волшебною разрывъ травою, у нѣмцевъ springruthe. Измѣна коварной сестры открылась; братъ сажаетъ ее въ каменный столбъ, кладетъ передъ нею вязанку сѣна, ставитъ два чана: одинъ съ водою, другой порожній, и говоритъ: «когда ты выпьешь эту воду, съѣшь это сѣно и наплачешь полонъ чанъ слёзъ, тогда тебя Богъ проститъ!» Въ сказкѣ, записанной въ Буковинѣ (Zeitschrift für Deut. Mythol., т. II, стр. 211—2), доброй мòлодецъ вырываетъ три ямы; въ двѣ ямы устанавливаетъ по бочкѣ, а въ третью закапываетъ свою сестру пò поясъ. «У тебя, говоритъ онъ сестрѣ, дурное сердце и тебѣ нужно раскаянье! Направо бочка пусть будетъ моя, налѣво — змѣиная; мнѣ хочется видѣть, какую изъ нихъ ты скорѣе наполнишь слезами?» Вслѣдъ за тѣмъ онъ ушелъ странствовать *по* свѣту и воротился черезъ годъ. Лѣвая бочка была полна слёзъ, а правая оставалась пустою. Братъ закопалъ злую сестру въ землю совсѣмъ съ головою и пошелъ искать счастія въ другой сторонѣ. Еще интереснѣе разсказъ о той кàрѣ, которая постигла мать-измѣнницу. Въ томъ варіантѣ, гдѣ вмѣсто брата и сестры дѣйствующими лицами выведены сынъ и мать (вып. VI, № 53, а), Иванъ-царевичъ беретъ тугой лукъ и кленовую стрѣлу и идетъ съ матерью въ чистое, поле; на-

тянулъ лукъ, положилъ ѻдаль и говоритъ: «становись, матушка, рядомъ со мною; кто изъ насъ виноватъ, того кленовая стрѣла сама найдетъ!» Мать прижалась къ нему близко-близко; но стрѣла нашла виноватаго, сорвалась съ тугаго лука и угодила ей прямо въ сердце. Эта глубоко-нравственная черта повторяется и въ словацкой сказкѣ. Преступница должна быть наказана, но врожденное чувство сына ужасается при мысли быть палачомъ родной матери, и онъ предоставляетъ ее суду божьему: «пусть судитъ тебя самъ Богъ!» Выводитъ ее на дворъ зȁмка и бросаетъ вверхъ свой острый мечъ: «кто изъ насъ неправъ, того Богъ накажетъ!» Быстро пронёсся мечъ мимо головы сына и вонзился въ сердце матери (Westslaw. Märchenschatz, стр. 154).

Въ позднѣйшихъ, подновленныхъ варіантахъ разсматриваемой нами сказки вмѣсто змѣевъ, съ которыми сражается богатырь, выводятся разбойники; вмѣсто змѣя Горыныча любовникомъ царевны выставляется разбойничій атаманъ или эсаулъ (въ южно-русской редакціи—Соловей-разбойникъ). Такимъ образомъ древнія миѳическія преданія, съ теченіемъ времени, сводятся народомъ къ простымъ объясненіямъ, заимствуемымъ изъ его дѣйствительной жизни.

Сказка эта извѣстна также у другихъ славянъ, и содержаніе ея развивается у нихъ съ нѣкоторыми любопытными особенностями. Были сынъ да мать, говоритъ словакская сказка (Westslaw. Märchenschatz, стр. 144—155). Дважды семь годовъ сосалъ сынъ материнскую грудь; послѣ того взяла его мать, привела въ лѣсъ и велѣла вырвать сосну съ корнемъ, но мальчикъ не могъ этого сдѣлать. «Еще ты не довольно силёнъ!» сказала мать, и оставила его сосать свою грудь еще семь лѣтъ [1]). Когда вышли и эти года, она снова повела его

[1]) Подобно тому въ нѣмецкихъ сказкахъ Вольфа (стр. 307) Дубыня семь лѣтъ сосалъ материнскую грудь да столько-же лѣтъ пилъ львиное молоко.

въ лѣсъ и велѣла вырвать букъ. Юноша обхватилъ толстое дерево и вырвалъ совсѣмъ съ корнемъ; взялъ его себѣ замѣсто дубинки и отправился искать новое лучшее жилье для своей матери. Нашелъ богатой зàмокъ, очистилъ его отъ змѣевъ (драконовъ) и поселился тутъ съ матерью. Въ одной изъ комнатъ зàмка сидѣлъ змѣй, прикованный къ стѣнѣ тремя желѣзными обручами: такъ поступили съ нимъ его собственные братья. «Отпусти меня на волю!» проситъ змѣй богатыря. — Э, если тебя приковали твои-же братья, то немного отъ тебя добра будетъ! Сиди-ка лучше здѣсь! Не удалось змѣю обмануть сына; за то удалось обольстить мать. Онъ обѣщалъ взять ее замужъ, и она принесла ему изъ погреба три стакана вина; за каждымъ выпитымъ стаканомъ лопается и спадаетъ со змѣя по обручу. Змѣй на свободѣ, и начинаетъ придумывать, какъ-бы извести богатыря. По его наущенію, мать притворяется больною и посылаетъ сына за разными снадобьями, добыванье которыхъ сопряжено съ опасностью потерять жизнь. Онъ долженъ принести ей поросёнка отъ дикаго кабана, живой и мертвой воды, золотое яблоко изъ драконова саду и птицу-пеликана, которая своими крыльями подымаетъ столь сильной вѣтръ, что̀ исторгаетъ изъ земли деревья. Въ этихъ подвигахъ ему помогаетъ святая Недѣлька (первое воскресенье по новолуніи); она даетъ витязю и необходимые совѣты и своего чуднаго коня Татошика. Добытую воду и птицу Недѣлька удерживаетъ у себя, подмѣняя ихъ простыми. Наконецъ коварной матери удается связать своего сына шолковымъ шнуромъ; на ея призывъ является змѣй и убиваетъ мо̀лодца. Мать вынимаетъ изъ него сердце и оставляетъ у себя, а прочія части разсѣченнаго трупа привязываетъ къ Татошику, примолвивъ: «ты носилъ его живаго, неси-же и мертваго, куда знаешь!» Конь приноситъ убитаго хозяина къ святой Недѣлькѣ, а та воскрешаетъ

его живой водою. «Странно, говоритъ оживленной мòлодецъ, мое сердце не бьется!» — Какъ ему биться, когда его совсѣмъ нѣту! «Гдѣ-же оно?»—Оно привязано къ потолку и виситъ въ зàмкѣ, отвѣчала Недѣлька, и разсказала ему все, что случилось. Мòлодецъ не почувствовалъ ни малѣйшаго гнѣва, потому что у него не было сердца. Недѣлька велѣла ему нарядиться въ нищенское платье, дала въ руки волынку и послала въ зàмокъ: «ступай и въ награду за музыку выпроси свое сердце!» Богатырь пришелъ въ зàмокъ, заигралъ на волынкѣ; мать его пустилась плясать съ своимъ возлюбленнымъ змѣемъ, и плясала день и ночь, пока изъ силъ ни выбилась. Получивши свое сердце, богатырь воротился къ мудрой Недѣлькѣ; Недѣлька смочила сердце живой и мертвой водою и приказала птицѣ-пеликану взять его въ клювъ и вложить доброму мòлодцу на прежнее мѣсто. Затѣмъ она превратила богатыря голубемъ; онъ прилетѣлъ въ зàмокъ, гдѣ въ то время мать его дѣлила любовь съ змѣемъ. Какъ только запримѣтила мать голубя, сейчасъ закричала змѣю, чтобъ онъ взялъ ружье и застрѣлилъ птицу. Но голубь обернулся человѣкомъ, схватилъ острый мечъ и отсѣкъ змѣю голову. Съ этою словацкою сказкою совершенно сходна хорутанская: «Peter Breborič» (у Валявца, стр. 111—6); здѣсь также встрѣчается «велика млада Недѣля», но самый богатырь рождается отъ зерна, съѣденнаго его матерью, и въ концѣ сказки есть любопытная подробность. Оживленный Недѣлькою доброй мòлодецъ приходитъ домой и застаетъ, что мать его лежитъ на постелѣ вмѣстѣ съ нечистымъ (врагомъ); онъ тутъ-же разсѣкъ ихъ на мелкія части, привязалъ эти куски къ хвосту кобылы и размыкалъ по чистỳ полю. Прилетѣли воронъ да ворона; воронъ зобалъ только нечистаго, а ворона зобала и нечистаго и его любовницу, и за то она и бѣла и черна, а воронъ весь чорной. Тоже преданіе о сынѣ и зло-

дѣйкѣ-матери, вступившей въ связь съ демоническимъ существомъ, дало содержаніе и черногорской пѣснѣ «Јован и Дивски старѣшина» (Пѣсни В. Караджича, т. II, № 8), гдѣ вмѣсто змѣевъ встрѣчаемся съ *дивами*, а роль Недѣльки исполняетъ *вила*. Къ этому-же разряду сказокъ принадлежитъ и валахская: «Флоріану» (у Шотта, № 27) т. е. цвѣтущій (Цвѣтъ-королевичъ). Рожденіе юнаго героя, его смерть и снова возвращеніе къ жизни — вотъ основная мысль, развиваемая въ сказкѣ. Нѣкоторый король заключилъ свою дочь-красавицу въ зàмкѣ, желая предохранить ее отъ всякихъ обольщеній. Королевнѣ исполнилось шестьнадцать лѣтъ, и красота ея была такъ всесильна, что когда она гуляла пò саду, то цвѣты склоняли передъ ней свои пёстрыя головки, птички замолкали въ кустахъ и рыбы выглядывали изъ водъ. Разъ, когда королевна была въ саду, подошла къ ней незнакомая цыганка и подарила пучокъ прекрасныхъ, пахучихъ цвѣтовъ. Красавица принесла цвѣты въ свой теремъ и поставила въ воду; вода сдѣлалась пурпуровой, и на ней показались золотыя и серебреныя звѣздочки — точно такія, какъ душистая пыль, покрывающая лепестки цвѣтовъ. Королевна выпила эту воду и сдѣлалась беременна. Узнавши о томъ, король заключилъ дочь въ бочку и пустилъ въ море; тамъ она родила сына необычайной силы. Такое чудесное рожденіе богатыря принадлежитъ къ древнѣйшимъ миѳамъ: припомнимъ, что Юнона родила Марса отъ цвѣтка. Миѳъ этотъ извѣстенъ и въ народной романской поэзіи; а по славянскимъ сказкамъ богатыри Покатигорошекъ и Петръ Бреборичъ родились отъ зерна. Мальчикъ выросъ быстро, потянулся и разломалъ бочку; мать съ сыномъ вышли на сушу и поселились въ зàмкѣ, который принадлежалъ змѣямъ. Флоріанъ побѣдилъ змѣевъ и заковалъ въ крѣпкія цѣпи; но одинъ изъ нихъ успѣлъ скрыться. Во время отлучекъ богатыря йзъ дому, змѣй этотъ

превращается въ красиваго юношу, обольщаетъ королевну и открываетъ ей разныя средства, какъ погубить Флоріана, чтобы не было помѣхи ихъ взаимной любви. Королевна притворяется больною и проситъ сына достать ей цѣлебнаго лѣкарства. Одинъ разъ Флоріанъ приноситъ матери живаго буйвола, мозгъ котораго она признала необходимымъ для ея выздоровленія; въ другой разъ онъ убиваетъ медвѣдя, мясо котораго должно служить для той-же цѣли; въ третій разъ мать посылаетъ его *на чорную гору за живой водою*. Флоріанъ отправился въ путь; близь чорной горы разстилалось бѣлое озеро, на томъ озерѣ купались водяныя дѣвы: онѣ были такъ прекрасны, что̀ юноша долго не въ силахъ былъ отвести отъ нихъ глазъ. Дѣвамъ также понравилась его мужественная красота; онѣ распросили: куда и зачѣмъ онъ идетъ? и опасаясь за его жизнь, ибо живую воду оберегалъ злой духъ, приглашали Флоріана остаться навсегда съ ними. Но онъ, ради сыновней любви, отказался и пошелъ на̀ гору. Тамъ на верху чорной горы окружилъ его густой, непроницаемой туманъ, и только онъ наклонился, чтобы почерпнуть воды изъ источника жизни, какъ въ ту-же минуту закрутился страшный вихрь, подхватилъ юношу на воздухъ, разорвалъ на тысячи кусковъ и разметалъ ихъ по берегу озера. Въ полночь, когда полный мѣсяцъ взошелъ надъ бѣлымъ озеромъ, проснулись водяныя дѣвы отъ своей дремоты на глубокомъ днѣ, выплыли на поверхность водъ и стали играть и плескаться. Вдругъ одна изъ нихъ подымаетъ жалостной плачъ, является и подаетъ своей царицѣ сердце Флоріана, которое нашла въ волнахъ озера. Царица опечалилась, созвала подругъ и приказала собрать всѣ растерзанные члены несчастнаго юноши, а одну изъ дѣвъ послала за живою водою. Когда приказъ былъ исполненъ, царица взяла собранные члены Флоріана, сложила ихъ вмѣстѣ, вспрыснула живою водою, и возрожден-

ный герой тотчасъ всталъ, будто пробудившись отъ крѣпкаго сна. Тутъ свѣдалъ онъ про злой умыслъ на его жизнь, задушилъ змѣя, бросилъ преступную мать и отправился странствовать по бѣлому свѣту и совершать великіе подвиги. Вотъ въ какой благоухающей свѣжести (по справедливому замѣчанію г. Буслаева) народная поэзія сохраняетъ до сихъ поръ древнѣйшіе миѳы о растерзанномъ и возрожденномъ Озирисѣ, Вакхѣ, и другіе подобные (Отеч. Зап. 1860 г., № 10, стр. 660).

Сличи сходныя сказки въ Zeitschrift für Deutsche Mythol., т. II, стр. 206—212 (сказка, записанная въ Буковинѣ); Litauische Märchen Шлейхера, стр. 54 — 62; Deutsche Volksmärch. Гальтриха, № 24; Deutsche Hausmärch. Вольфа, стр. 154—5 и 251—7; Матер. для изучен. нар. словесности, стр. 82—89 (изъ сборника финскихъ сказокъ Ерика Рудбека).

Въ заключеніе, во 1-хъ, приводимъ варіантъ къ окончанію сказки, помѣщенной въ V-мъ вып. подъ № 27: Злая сестра стала искать въ головѣ у брата и пустила ему въ буйную голову мертвой зубъ; царевичъ тотчасъ-же померъ. Вскочила царевна, призвала слугъ, приказала запереть братнину охоту въ сарай нáглухо и позатыкать всѣмъ звѣрямъ уши воскомъ, чтобъ они какъ-нибудь ни прослышали про могилу царевича. Послѣ того схоронили царевича глубоко въ сырую землю. Думаетъ царевна: взяла свое! да не тутъ-то было. Хитрая лиса выковыряла изъ ушей воскъ, подслушала людскія рѣчи, и какъ только выпустили звѣрей на волю — повела ихъ на могилу и велѣла разрывать ее. Вотъ и достали они мертваго царевича. Говоритъ лиса медвѣдю: «если ты перепрыгнешь черезъ покойника, а самъ увернешься отъ зуба, то и хозяинъ нашъ и ты — оба живы будете!» Косолапой Мишка прыгнулъ, да не успѣлъ увернуться—зубъ такъ и впился въ него!

Царевичъ ожилъ, а медвѣдь ноги протянулъ. Прыгнулъ черезъ Мишку иной звѣрь, и тоже не съумѣлъ увернуться: Мишка ожилъ, а онъ ноги протянулъ. И вотъ такъ-то прыгали звѣри одинъ за другимъ, и дошла наконецъ очередь до лисы; она всѣхъ ловчѣй, всѣхъ увертливѣй — какъ прыгнула, зубъ не поспѣлъ за нею и вонзился въ зеленой дубъ: въ ту-жъ минуту засохъ дубъ съ верху до низу! Это любопытное преданіе о мертвомъ зубѣ объяснено ниже (см. примѣчан. къ вып. VII, № 4).

Во 2-хъ, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на змѣиную травку, о которой упоминаетъ сказка, помѣщенная въ VI-мъ вып. подъ № 53, а. Идетъ мать по лѣсу, несетъ въ рукахъ своего зарѣзаннаго ребёнка и видитъ: лежитъ подъ кустомъ змѣйка, надвое разрубленная; приползла къ ней большая змѣя съ зеленымъ листикомъ во рту, приложила листокъ къ мертвой змѣйкѣ—и та вмигъ срослась и ожила. Бѣдная мать подняла тотъ листокъ, приложила къ кровавой ранѣ своего малютки—и ребёнокъ въ ту-же минуту встрепенулся и вмѣстѣ съ жизнію получилъ непомѣрную силу, богатырскую. Это преданье извѣстно и у другихъ народовъ (Slovenske pohadky a povèste od B. Němcové, стр. 121: словацкая сказка о влколакѣ; Walach. Märch., стр. 142; Litauische Märch., стр. 57; сборн. братьевъ Гриммовъ, т. I, № 16); оно занесено даже въ старинные лѣчебники; такъ о травѣ попутникѣ читаемъ: «сказывалъ де виницеянинъ торговой человѣкъ: лучилось имъ дорогою ѣхати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дорогѣ, и черезъ ее перешелъ возъ, и тутъ ее затёрло — и она де умерла. И другая змія пришла и принесла во ртѣ припутникъ да на ее возложила, и змія де ожила и поползла» (Историч. христом. Буслаева, столб. 1351). Нѣмецкая сказка «Die drei Schlangenblätter» говоритъ о королевнѣ, которая не хотѣла иначе выходить замужъ, какъ подъ условіемъ, чтобы женихъ

далъ обѣтъ: если она умретъ прежде, то и его схоронить вмѣстѣ съ нею. Выискался смѣлой юноша и женился на королевнѣ. Черезъ сколько-то времени умерла королевна и заклали ее въ могильный склепъ вмѣстѣ съ мужемъ. Смотритъ онъ, а къ нему змѣя ползетъ; выхватилъ мечъ и разсѣкъ ее на три части. Тогда выползла другая змѣя съ тремя зелеными листьями во рту, приложила ихъ къ убитой змѣѣ — и та вмигъ исцѣлилась. Молодецъ поднялъ зеленыя листья, приложилъ одинъ къ устамъ, а два къ очамъ своей подруги — и она ожила. Тоже самое сказаніе передаетъ русская былина о богатырѣ Потокѣ (Кирша Данил., стр. 223—4), только съ сохраненіемъ такихъ подробностей, за которыми нельзя не признать наибольшей древности: о чудесныхъ листьяхъ здѣсь нѣтъ ни слова; вмѣсто того богатырь отрубилъ у огненнаго змѣя голову и учалъ той головою мазать трупъ своей умершей жены, отчего она и воскресла. По другому варіанту, сообщенному въ Пѣсняхъ г. Рыбникова (ч. I, стр. 219), богатырь хватаетъ змѣю въ клещи и бьетъ желѣзными прутьями:

Ай-же ты, змѣя *подземельная!*
Принеси мнѣ *живой воды* —
Оживить мнѣ молода жена.

И змѣя подземельная (тоже, что *горынская*) приноситъ ему живой воды, силу которой онъ пробуетъ сначала на убитомъ змѣёнышѣ, а потомъ уже оживляетъ свою молодую жену. Очевидно преданіе о змѣиныхъ листьяхъ (змѣиной травкѣ) стоитъ въ тѣсной связи съ повѣрьями, приписывающими цѣлебныя, живительныя свойства громовымъ стрѣлкамъ и весеннему дождю. Гдѣ жизнь, ея свѣжесть и молодость, тамъ и сила; потому змѣиная травка, оживляя убитаго ребёнка, въ тоже время надѣляетъ его и богатырскою крѣпостью. Подобно тому, съѣдая змѣиныя сердца, сказочные герои становят-

ся непомѣрными силачами (вып. VI, № 53, Ь); а искупавшись въ змѣиной крови, дѣлаются неуязвимыми для стрѣлъ и другаго оружія.

30.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

Народные разсказы о мертвецахъ — весьма разнообразны; въ нихъ замѣчаются слѣды древнѣйшаго, дохристіанскаго воззрѣнія на загробную жизнь. Въ свои представленія объ этой жизни простолюдинъ, не затрудняясь, переноситъ многое изъ окружающей его дѣйствительности; въ гробъ покойника онъ кладетъ нѣсколько мелкихъ денегъ, чтобъ было на что̀ купить на томъ свѣтѣ мѣсто, и различныя вещи и снаряды, чтобы умершій могъ и за гробомъ продолжать свои обычныя занятія; по свидѣтельству напечатанныхъ нами разсказовъ, мертвецъ мститъ за отнятый у него саванъ и настойчиво требуетъ возврата своихъ похищенныхъ сапоговъ. — Приведемъ еще разсказъ, записанный въ одной изъ западныхъ губерній.

Разъ ночью шелъ мимо церкви школьной учитель и попался на встрѣчу двѣнадцати разбойникамъ. «Знаешь ли ты, спросили разбойники, гдѣ лежитъ та богатая пани, что̀ съ недѣлю назадъ померла въ вашемъ мѣстечкѣ?» — Знаю; ее похоронили въ церковномъ склепѣ. Разбойники пригрозили ему острымъ ножомъ и принудили идти съ собою; пришли къ церковному склепу, выломали изъ окна желѣзную рѣшотку и спустили туда на кушакахъ школьнаго учителя: «открой, говорятъ ему, гробницу, сними у пани семь золотыхъ перстней съ драгоцѣнными камнями и подай сюда.» Учитель открылъ

гробовую крышку и сталъ снимать съ рукъ покойницы золотые перстни; шесть легко снялъ, а седьмаго не можетъ: пани сжала палецъ и не даетъ кольца. Сказалъ онъ про то разбойникамъ; они кинули ему ножъ и приказываютъ: «отруби-ка ей палецъ!» Учитель поднялъ ножъ и какъ только отрубилъ палецъ — въ ту-жъ минуту покойница словно отъ сна пробудилась, закричала громкимъ голосомъ: «сестрицы и братцы! вставайте на помощь скорѣй; не знала я покоя при жизни, не даютъ мнѣ его и по смерти!» На ея голосъ растворились гробницы и начали выходить мертвецы. Разбойники услыхали шумъ и разбѣжались въ разныя стороны, а учитель съ испугу бросился изъ подвала на лѣстницу, вбѣжалъ въ церковь, спрятался на хоры и дверь за собой заперъ. Мертвецы — за нимъ, увидали — куда онъ спрятался, и принялись таскать свои гроба и становить одинъ на другой, чтобы по нимъ взобраться на хоры. Учитель тѣмъ временемъ нашелъ длинной шестъ и давай гроба сваливать: въ такой работѣ провозился онъ до полуночи; а какъ ударило двѣнадцать часовъ—мертвецы разобрали свои гроба и ушли въ склепъ. Учитель еле живъ остался! На другое утро нашли его въ церкви разбитаго, больнаго; пришелъ священникъ, исповѣдалъ и пріобщилъ его, и вслѣдъ затѣмъ учитель померъ.

Есть нѣсколько разсказовъ о мертвецахъ, основанныхъ на томъ симпатичномъ вѣрованіи, что высокое, всеосвящающее чувство любви не умираетъ, а переносится за гробъ; такъ по одному преданію умершая мать являлась кормить грудью своего осиротѣвшаго младенца. Между разсказами, напечатанными г. Кулишомъ (Зап. о южн. Руси, т. II, стр. 42 — 44), встрѣчаемъ одинъ о бѣдной матери, которая, схоронивъ своего любимаго сына, долго убивалась по немъ и горько плакала. Въ полночь увидала она толпу мертвецовъ, шедшихъ съ кладбища; между ними былъ и ея сынокъ: мальчикъ нёсъ въ

рукахъ полное ведро слёзъ, наплаканныхъ его матерью. «Синови (по мнѣнію поселянъ) тяжко, якъ мати по ёму тужить; а матери весело лежать, якъ дити плачутъ по јій.» Это напоминаетъ намъ нѣмецкую сказку, помѣщенную въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ (т. II, № 109—«Das Todtenhemdchen»): У одной матери заболѣлъ и умеръ семилѣтній мальчикъ, прекраснѣй и милѣй котораго она не знала въ цѣломъ свѣтѣ. Мать не могла утѣшиться и плакала день и ночь. И вотъ ночью явился онъ ей въ бѣломъ саванѣ, сѣлъ у ея ногъ на кровати и сказалъ: «ахъ, мама! перестань плакать; мой саванъ не высыхаетъ отъ твоихъ слёзъ и я не знаю покоя въ могилѣ.» Въ изданіи Венжига (Westslaw. Märchenschatz, стр. 92—100) передано поэтическое преданіе о томъ, какъ одинъ рыцарь обольстилъ дѣвушку и потомъ бросилъ ее; бѣдняжка умерла съ горя и была похоронена въ фамильномъ склепѣ. Когда въ свое время и рыцаря постигла смерть, онъ осужденъ былъ выйдти изъ своей могилы и со сложенными руками стоять предъ ея гробницею, умоляя о прощеніи. Много-много годовъ пронеслось, и только тогда примирилась съ нимъ покойница, когда явилась къ ней съ младенцемъ на рукахъ и стала умолять другая такая-же несчастная дѣвушка, покинутая своимъ невѣрнымъ любовникомъ.

Въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца (стр. 239—240) встрѣчаемъ разсказъ, послужившій темою для извѣстной баллады Бюргера—«Ленора»; въ литовскихъ сказкахъ Шлейхера (стр. 34) есть разсказъ о томъ, какъ двѣ дѣвицы танцовали съ своими женихами-покойниками; но болѣе всего народная память сохраняетъ преданія о кровожадныхъ *упыряхъ*: это злобные мертвецы, которые выходятъ по ночамъ изъ своихъ могилъ и умерщвляютъ живыхъ людей, особенно дѣтей, высасывая изъ нихъ кровь. Раскапывая могилу упыря, его находятъ съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ и съ запекшеюся на устахъ

кровью. Въ Тамбовскихъ губерн. вѣдомостяхъ 1857 г. (№ 4) сообщенъ слѣдующій разсказъ: Ѣхалъ мужикъ по полю мимо кладбища, а ужь етемнѣло. Нагоняетъ его незнакомой въ хорошемъ полушубкѣ и въ красной рубахѣ: «остановись! говоритъ, возьми меня въ попутчики.» — Изволь, садись! Пріѣзжаютъ они въ село, подходятъ къ тому - къ другому дому; хоть ворота и настежъ, а незнакомый говоритъ: «заперто!» Вишь, на тѣхъ-то воротахъ были кресты вызжены. Подходятъ къ крайнему дому, ворота на запорѣ и замокъ въ полпуда виситъ; но креста нѣту—и ворота сами собой отворилися. Вошли въ избу; тамъ на лавкѣ сидятъ двое: старикъ да молодой парень. Незнакомой взялъ ведро, поставилъ позади парня, ударилъ его по спинѣ—и тотчасъ полилась изъ него алая кровь; нацѣдилъ полное ведро крови и выпилъ. Тоже самое сдѣлалъ онъ и съ старикомъ, и говоритъ мужику: «ужь свѣтаетъ! пойдемъ-ка теперь ко мнѣ.» Въ одинъ мигъ очутились они на кладбищѣ. Упырь обхватилъ было мужика руками, да на его счастье пѣтухи запѣли—и мертвецъ сгинулъ. На утро смотрятъ: и молодой парень, и старикъ — оба померли; тотчасъ розыскали могилу, разрыли—а упырь весь въ крови лежитъ! взяли осиновой колъ да и всадили въ него. По другому разсказу мертвецъ вынимаетъ два пузырька, ранитъ шиломъ руки жениха и невѣсты и точитъ изъ нихъ горячую кровь. На Украйнѣ простой народъ вѣритъ, что упыри гоняются по ночамъ за путниками съ громкимъ крикомъ: «ой, мяса хочу! ой, мяса хочу!» (См. Lud Ukraiński, т. II, стр. 56—57). Эта ненасытная жажда человѣческаго мяса и крови сближаетъ упырей съ вѣдьмами и бабой-ягой, которымъ общее повѣрье приписываетъ пожираніе дѣтей. О колдунахъ существуетъ убѣжденіе, что ихъ земля не принимаетъ, и потому по смерти они блуждаютъ по свѣту, творя разныя пакости крещёному люду; въ напечатанныхъ нами разсказахъ умершіе

колдуны являются въ деревни, морятъ и поѣдаютъ живыхъ людей. Словенцы и кашубы называютъ упырей *вѣщими*. По ихъ повѣрьямъ, зарытый въ могилѣ упырь начинаетъ грызть себѣ руки и тѣло, и покуда онъ грызётъ—одинъ за другимъ заболѣваютъ и умираютъ всѣ его родственники. Послѣ того онъ встаетъ ночью изъ гроба, взбирается на колокольню и принимается звонить: кто услышитъ этотъ звонъ, тотъ непремѣнно умретъ. Чтобы избавиться отъ его смертоносной силы, надо раскопать могилу, въ которой лежитъ «вѣщій», и перерубить ему горло лопатою (Этнограф. сборн., вып. V, стат. Гильфердинга, стр. 69—70, 133). У насъ съ этою цѣлью вбиваютъ въ спину мертвеца или въ его могилу осиновой колъ. Судя по характеру разсказа, помѣщеннаго въ VI-мъ вып., № 66, надо думать, что въ немъ подъ именемъ «нечистаго» выведенъ собственно упырь; сходный съ этимъ разсказъ есть у хорутанъ и словаковъ (см. Narodne prípov., стр. 237—9; Němec, стр. 29). Другой разсказъ, напечатанный въ VI-мъ вып., № 65, подъ литерою d, сходенъ со сказкою о Силѣ-царевичѣ (см. вып. III, примѣчан. къ № 11, и Худяк., вып. III, № 122).

31.

ДОБРОЕ СЛОВО.

См. варіантъ въ издан. Эрленвейна, № 16. — Иванъ Безсчастной женится на дѣвицѣ, искусной мастерицѣ вышивать шолкомъ славные, дорогіе ковры; она приготовляетъ три ковра и посылаетъ мужа продавать свое рукодѣлье (сличи вып. VII, № 13; вып. VIII, № 3 и 11). Иванъ Безсчастной продаетъ ихъ не за деньги, а за три добрыя слова: «при радости не радуйся; при страсти не страшись (или: прежде смерти ничего

не бойся); подними да не опусти! (или пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи!)» Эти три добрыя слова надѣляютъ его впослѣдствіи большимъ богатствомъ и удерживаютъ отъ страшнаго преступленія. Нанимается Иванъ въ прикащики и отправляется съ купцами въ дальнюю сторону торгъ вести. Ѣдутъ они пò морю; вдругъ корабли остановились—и ни съ мѣста. Кинули жребій — кому спускаться въ морскую глубь, чтобы провѣдать про ту остановку? Палъ жребій на самого хозяина; вызываетъ онъ: не возьмется ли кто замѣнить его? и обѣщаетъ тому три корабля подарить. Иванъ Безсчастной вспомнилъ доброе слово: прежде смерти ничего не бойся! и согласился на вызовъ. Опустили его въ глубокое море и попалъ онъ къ Морскому Царю. На ту пору спорилъ Морской Царь съ своей дочерью: что дороже золото, серебро или мѣдь? Иванъ рѣшаетъ споръ согласно съ мнѣніемъ Морскаго Царя и получаетъ отъ него въ награду много дорогихъ, самоцвѣтныхъ камней. Эпизодъ этотъ напоминаетъ народную былину о богатомъ гостѣ Садкѣ; онъ также плылъ пò морю, корабль его остановился и пловцы стали метать жеребей. Въ рѣшеніи дѣла жребіемъ нѣкогда видѣли судъ божій и потому нерѣдко прибѣгали къ нему въ сомнительныхъ случаяхъ. Шведская пѣсня о Геръ-Педерѣ разсказываетъ, что когда поднялась нà морѣ буря, то корабельщики, чтобы узнать виновнаго, тотчасъ-же кинули жребій (Пѣсни разн. народовъ въ переводѣ г. Берга, стр. 435). Въ русской былинѣ жребій палъ на купца Садко.

Тутъ Садко-купецъ, богатой гость
Садился на дощечку на дубовую;
Пошла тая дощечка во синё море,
Приходила дощечка во синё море,
Къ Царю пришла ко Мòрскому.
А царь со царицей споруетъ;
Говоритъ Царица Мòрская:

«Есть на Руси желѣзо булатное,
Дороже булатъ-желѣзо красна золота;
Красно золото катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ.»
Говоритъ царицѣ Царь Морской:
«Ай-же ты, Царица Мо̀рская!
Дороже есть красно золото.»

Садко подтвердилъ послѣднее мнѣніе, и Морской Царь вскочилъ на рѣзвыя ноги, схватилъ острую саблю и отсѣкъ царицѣ голову (Пѣсни П. Н. Рыбникова, ч. I, стр. 365 — 6). Итакъ былина рѣшаетъ, что золото дороже желѣза. Напротивъ въ сказкѣ вопросъ о преимуществѣ металловъ, согласно съ древнѣйшимъ воззрѣніемъ доисторической эпохи, когда мѣдь и желѣзо предпочитались рѣдкому и мало-употребительному золоту, рѣшенъ въ пользу мѣди; такое рѣшеніе, далеко не соотвѣтствующее нашимъ современнымъ взглядамъ, разскащикъ думалъ пояснить тѣмъ наивнымъ замѣчаніемъ, что «безъ мѣди при разсчетѣ не обойдешься; изъ нея и копѣйка, и денежка, и полушка, а отъ серебра и золота не откусишь!» Въ любопытномъ варіантѣ разбираемой теперь сказки, который сообщенъ нами въ VIII-мъ вып. подъ № 21, вся эта сцена свиданія Ивана Безсчастнаго съ Морскимъ Царемъ опущена; вмѣсто того сказочной герой умерщвляетъ двѣнадцатиглаваго змѣя и изъ отрубленныхъ головъ его вынимаетъ двѣнадцать самоцвѣтныхъ камней. Затѣмъ слѣдуетъ возвращеніе Ивана Безсчастнаго на родину; до̀ма онъ застаетъ, что рядомъ съ его женой спятъ два мо̀лодца, подымаетъ на нихъ острый мечъ, но вспомня доброе слово: подыми да не опусти! во̀ время удерживается и узнаетъ, что эти два мо̀лодца — его сыновья. — Сказка эта извѣстна и въ старинной книжной литературѣ. Въ «Великомъ Зерцалѣ», католическомъ сборникѣ легендъ и назидательныхъ повѣстей, переведенномъ у насъ въ XVII столѣтіи, встрѣчается раз-

сказъ о трехъ мудрыхъ присловьяхъ, купленныхъ за дорогую цѣну императоромъ Домиціаномъ и три раза спасавшихъ его отъ большихъ несчастій. Тотъ-же разсказъ повторенъ и въ переводѣ «Римскихъ Дѣяній» (Gesta Romanorum); передѣлка его попала въ «Похожденія Ивана-гостиннаго сына» (Спб., 1785) — сочиненіе, пользовавшееся значительнымъ успѣхомъ между грамотными простолюдинами: см. Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина, стр. 186—7; тутъ-же указаны и другіе памятники, свидѣтельствующіе о распространеніи означеннаго разсказа у разныхъ народовъ. Съ своей стороны мы можемъ дополнить эти указанія ссылкою на литовскія сказки Шлейхера, стр. 39—41. Подобный-же разсказъ, связанный съ именемъ премудраго Соломона, В. Гриммъ находитъ у испанцевъ. Старой слуга Соломона выпрашиваетъ у него, въ награду за свою службу, три изрѣченія. Соломонъ даетъ ему ковригу хлѣба и слѣдующія наставленія: «что̀ не отъ тебя загорѣлось, то оставь горѣть; не покидай большой дороги для проселка; что̀ хочешь дѣлать сегодня — отложи до завтра!» Первыя два изрѣченія спасаютъ ему жизнь, а послѣднее удерживаетъ отъ сыноубійства. Въ хлѣбѣ же оказалось золото, которое Соломонъ долженъ былъ своему слугѣ за его работу (Лѣтописи рус. литер. и древн., кн. I, стр. 118—9).

32.

ТРИ КОПѢЕЧКИ.

Такая-же сказка есть у сербовъ; см. Српске нар. приповиjетке В. Караджича, № 7: «Права се мука не да сакрити». Трудолюбивой и богобоязливой работникъ нанимается у

купца, усердно работаетъ три года, за каждый годъ получаетъ по одной копѣйкѣ и бросаетъ ихъ въ колодезь: «если, думаетъ онъ, я заслужилъ эту копѣйку по правдѣ, то она не потонетъ.» Два раза копѣйки его тонутъ на дно, а въ третій разъ всѣ три всплываютъ наверхъ. Тотъ-же сказочный мотивъ повторяется и въ другихъ народныхъ повѣстяхъ (вып. VI, № 58; вып. VIII, № 20). Богъ награждаетъ скромнаго труженника: за одну изъ этихъ копѣекъ была куплена кошка, привезена въ дальнее государство, гдѣ расплодившіяся мыши и крысы не давали никому покоя и продана за большія деньги; работникъ разбогатѣлъ и женился на прекрасной царевнѣ (сличи съ сказкою о семи Семіонахъ; также вып. VII, № 22 и въ сборн. Валявца, стр. 266). Особенно любопытно слѣдующее повѣрье, занесенное въ настоящую сказку: копѣйки, заработанныя такою долгою и трудною службою, горятъ пламенемъ, такъ что отъ нихъ можно зажечь свѣчку. Основаніе этой баснословной связи денегъ съ огнемъ достаточно объяснено и подкрѣплено свидѣтельствами языка и различныхъ преданій—въ статьѣ моей: «О миѳической связи понятій: свѣта, зрѣнія, металловъ и проч.» (въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній г. Калачова). Приведемъ здѣсь еще нѣсколько другихъ свидѣтельствъ. По народному повѣрью въ ночь передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ горятъ и свѣтятся надъ землею зарытые въ глубинѣ ея богатые клады (Кіевск. губ. вѣдом. 1854, № 46; Волынск. губ. вѣдом. 1847 г., № 14; Lud Ukraiński, т. II, стр. 62; Podania i legendy Семеньскаго, стр. 69). Въ сказкѣ, напечатанной нами въ VII вып., № 29, въ избѣ мужика лежитъ подъ печкою большой кладъ, а ему снится, будто оттуда пламя пышетъ; въ другой сказкѣ (ibidem, № 19) чортъ даетъ доброму молодцу кулёкъ жару, а потомъ въ кулькѣ оказывается чистое золото. Наоборотъ въ другихъ народныхъ разсказахъ деньги, полученныя отъ нечи-

стаго, превращаются въ уголья (Зап. о южн. Руси, т. II, стр. 44—45). Шелъ однажды музыкантъ Охримъ дорòгою; слышитъ — что-то тарахтитъ позади его, глядь—а то паны на возу ѣдутъ. Догнали паны Охрима: «садись, будь ласковъ! говорятъ ему, поѣзжай къ намъ на свадьбѣ поиграть. Вотъ тебѣ и задатокъ!» и даютъ ему полный кошелёкъ денегъ. Сѣлъ Охримъ и поѣхалъ съ панами; домъ у нихъ славной, гостей много, на столахъ и напитки и кушанья. Музыкантъ заигралъ, и пошли паны выплясывать— кто по столамъ, кто по стѣнамъ, кто другъ на дружкѣ скачетъ! Сѣли вечерять; Охримъ взялъ кусокъ, попробовалъ — вкусно, спряталъ кусокъ за пазуху: «пускай, думаетъ, дѣткамъ снесу.» Тутъ закричалъ пѣтухъ, и разомъ все сгинуло; очутился Охримъ въ пустой винницѣ, за пазухой у него чортъ знаетъ какая погань, а въ кошелькѣ замѣсто денегъ простыя уголья! (Черниг. губ. вѣдом. 1854 г., № 17). Въ астраханской губерніи ходитъ такое сказаніе о чортовомъ городищѣ (въ имѣніи г-жи Милашевой): Ѣхалъ однажды мужикъ по водѣ ночью; ночь была темная, онъ и заплутался. Вотъ плылъ-плылъ и присталъ къ берегу, вылѣзъ изъ лодки и сталъ пообглядывать, что за мѣсто такое? ходилъ-ходилъ и усмотрѣлъ бугоръ, а въ бугрѣ аки выходъ [1]). Вошелъ въ отворенныя двери и крѣпко испугался: впереди сидитъ женщина — словно татарка, а по всему выходу насыпаны груды денегъ. А та глянула на него и баитъ: «почто пришелъ сюда?» — Да я, баитъ, заблудился. «Ну что-жъ, не бойся! Бери себѣ денегъ, сколько хошь, а въ другой разъ сюда не ходи.» Вотъ мужикъ сталъ набирать *деньги* да въ карманы класть; много наклалъ, сколько могуты поднять хватило, и потащилъ въ лодку. Сложилъ деньги въ лодку, да и баитъ самъ себѣ: «дай еще пойду! этого въ

[1]) *Подвалъ.*

другой разъ не сыщешь.» Вишь глаза-то наши завистливы! Пришелъ къ бугру, туда-сюда — нѣтъ больше выхода! ну, точно и не было его! Воротился назадъ къ лодкѣ, глянулъ— и тутъ неудача: то были деньги, а теперь стали уголья! Въ изданіи Новосельскаго «Lud Ukraiński» (т. II, стр. 25—29) напечатана повѣсть о томъ, какъ баба-повитуха принимала ребенка у дьявола. Когда покончила она свое дѣло, нечистой промолвилъ ей: «пора тебѣ дò дому! Пойдемъ-ка въ комору, я тебѣ за трудъ заплачỳ.» А малой внучекъ (хоть еще въ люлькѣ лежалъ, а ужь все понималъ: такова ужь дьявольская натура!) толкнулъ бабу пòдъ бокъ и шепнулъ ей нà ухо: «не бери, бабушка, золото; бери горячіе уголья!» Пришла баба до коморы; смотритъ—надъ дверями виситъ какая-то шкура, и какой чертёнокъ ни идетъ туда, всякой хватается лапой сперва за шкуру, а потомъ за свои глаза. Вотъ и баба тоже сдѣлала: дотронулась рукой до шкуры, и ухватилась за правой глазъ; «дай попробую, думаетъ, чтò съ того будетъ?» Вошла въ комору, и что-же? Диво, да и только: чтò лѣвому ея глазу представляется дукатами, то правому здается горячими угольями, и наоборотъ: гдѣ лѣвой глазъ видитъ горячія уголья, тамъ правому кажутся свѣтлые дукаты. Тоже повѣрье послужило источникомъ и для другаго извѣстнаго на Украйнѣ разсказа, въ которомъ нельзя не замѣтить легендарнаго оттѣнка: Одинъ честной бѣднякъ, воротясь на Свѣтлое Воскресенье отъ заутрени, хотѣлъ было затеплить свѣчу передъ образами; хватился, а въ печи *богатья* (огня) нѣту, и пошелъ просить по сосѣдямъ. Но слѣдуя исконному обычаю, запрещающему давать въ этотъ день огонь, всѣ сосѣди ему наотрѣзъ отказали. Призадумался бѣднякъ: какъ ему быть? Глядь — въ полѣ огонёкъ свѣтится: «должно быть чумаки остановились; пойду, у нихъ попрошу.» Пришелъ въ поле — сидятъ вокругъ огня чумаки въ праздничныхъ свиткахъ. «Христосъ воскресе!» — Воистину

воскресе! «Дайте богатья, добрые люди!» — Подставляй свитку; мы тебѣ въ полу насыпимъ. Бѣднякъ подставилъ свитку, чумаки нагребли жару руками и насыпали ему въ полу. Воротившись домой, онъ затеплилъ свѣчу передъ образами, а жаръ высыпалъ на припечекъ. Немного спустя смотритъ, а на припечкѣ лежитъ цѣлая куча золота! Узнали про то сосѣди и бросились толпою къ чумакамъ огня просить, да только попалили свои новыя свитки, а золота не добыли (см. От. Зап. 1857, №10, стр. 430; сличи Slov. pohadky, стр. 19—23). Въ народныхъ представленіяхъ адскихъ мукъ, при распредѣленіи грѣшникамъ соразмѣрныхъ наказаній, ростовщики, загребавшіе въ сей жизни серебро и золото, на томъ свѣтѣ караются тѣмъ, что обязаны загребать голыми руками жаръ (Нар. рус. лег., стр. 125); наконецъ въ сказкѣ, сообщенной нами въ вып. VII, № 3, вѣщая жена чудо-юдова превращается *золотою* кроваткою, съ цѣлію изгубить своихъ враговъ: какъ только лягутъ они на кроватку, такъ и сгорятъ въ огнѣ! У нѣмцевъ существуютъ подобные-же разсказы; см. Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 182 — «Die Geschenke des kleinen Volkes»: Портной и золотыхъ дѣлъ мастеръ попали нечаянно къ карликамъ; малютки наполнили ихъ сумки угольемъ, которое потомъ превратилось въ чистое золото. Но такъ какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ обнаружилъ при этомъ жадность, то забранное имъ золото опять стало угольемъ. Тамъ-же, подъ № 189, встрѣчаемъ такой разсказъ: мужикъ, работая въ полѣ, увидѣлъ въ сумерки кучу горячихъ угольевъ, на верху которой сидѣлъ чортъ. «Вѣдь ты сидишь на сокровищѣ?» спросилъ крестьянинъ. — Да, отвѣчалъ чортъ, здѣсь серебра и *золота* больше, чѣмъ ты во всю жизнь видѣлъ. «Это сокровище принадлежитъ мнѣ, потому что лежитъ на моемъ полѣ!» сказалъ мужикъ. Чортъ согласился отдать кладъ только въ такомъ случаѣ, если мужикъ уступитъ ему за два года по-

ловину того, что̀ родитъ поле. За первый годъ чорту слѣдовали верхушки, а мужику корешки, а за второй годъ обратно — мужику верхушки, а чорту корешки; крестьянинъ сѣетъ сперва рѣпу, а потомъ пшеницу, и такимъ образомъ обманываетъ нечистаго и овладѣваетъ кладомъ. На этой замѣнѣ золота горячими угольями и горячихъ угольевъ золотомъ создались многія народныя загадки (см. Послов. Даля, стр. 654, 658 и 661); напримѣръ: «полна коробочка *золотыхъ* воробышковъ» (*жаръ въ печкѣ*); «сидитъ курочка на *золотыхъ* яичкахъ, а хвостъ деревянный» (сковорода на *угольяхъ* и сковородникъ); «сидитъ царь-птица на *золотыхъ* яичкахъ» (сковорода); «вышла туторья изъ подполья, зачала *золото* загребать» (помело и *жаръ*).

33.

ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ.

Интересъ сказки сосредоточенъ на чудесномъ гусѣ, къ которому прилипаетъ невѣрная жена; къ ней прилипаетъ любовникъ, желавшій оторвать ее, а къ нему всякой, кто только дотронется. Подобная сказка извѣстна и у нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 64—о золотомъ гусѣ); въ Буковинѣ (Zeitschrift für Deutsche Mythol., т. II, стр. 197—201) она передается въ такомъ видѣ: Было три брата. Отъ отца получили они въ наслѣдство большое стадо коровъ, козъ и овецъ, и захотѣли раздѣлиться. Для этого сдѣлали они три хлѣва: въ чей хлѣвъ какое животное войдетъ, тому и должно принадлежать. Двумъ старшимъ братьямъ посчастливилось, много всякой скотины досталось имъ; а меньшому — только одна овца съ мягкою серебристою волною. У этой овцы бы-

ла такая особенность: кто бы ни вздумалъ украсть ее — руки вора непремѣнно прилипали къ ея серебристой шерсти. Вотъ младшій братъ собрался и пошелъ съ своей овцой по бѣлу свѣту странствовать; пришлось ему однажды ночевать у пастора. У того пастора была большая семья; ночью одинъ изъ сыновей его захотѣлъ украсть овцу и прилипъ къ ней обѣими руками. Братья, сестры, мать и отецъ прибѣжали освобождать его, и тутъ-же прилипли всѣ другъ къ дружкѣ. На утро погналъ парень свою овцу, а слѣдомъ за ней потащилась и вся пасторова семья. Встрѣтился на пути мужикъ съ лопатою, сталъ было разбивать ихъ, да въ ту-же минуту и самъ прилипъ вмѣстѣ съ лопатою. Тоже случилось потомъ и съ однимъ богатымъ дворяниномъ, который вздумалъ было ударить мужика по спинѣ. Эта странная процессія явилась въ столичной городъ. У тамошняго короля была дочь, которая ни слова не говорила и никогда не смѣялась, и потому было заявлено по всѣмъ землямъ: кто заставитъ королевну говорить и смѣяться, тотъ будетъ ей мужемъ и въ приданое получитъ половину государства. Какъ только увидала королевна овцу и ея невольныхъ спутниковъ, она весело разсмѣялась и закричала: «отецъ, отецъ! подойди скорѣй, посмотри въ окно.» Такимъ образомъ счастіе жениться на прекрасной королевнѣ выпало на долю скромнаго обладателя овцы (сличи съ чешскою сказкою въ Slovanská čitanka Эрбена, стр. 34—35, и въ сборн. Westslaw. Märchenschatz, стр. 61—62). Въ собраніи г. Худякова (выпускъ III, № 99) этотъ самой разсказъ переданъ неполно; вмѣсто овцы заступаетъ здѣсь коза-золотые рога.

34. 51.

ГОРЕ. — ДВѢ ДОЛИ.

См. примѣчаніе къ вып. III, № 9. Варіанты находимъ: a) въ собраніи Эрленвейна, № 21, и въ Трудахъ курск. губ. статист. комитета, вып. I, стр. 541—2; b) въ изданіи г. Максимовича: «Три сказки и одна побасенка» (Кіевъ, 1845, стр. 35—44) — разсказъ о «Веселыхъ злыдняхъ» [1]). *Злыднями* называются въ Малороссіи маленькія существа неопредѣленныхъ образовъ: гдѣ они поселятся, тому дому грозитъ большое *зло*: какъ-бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинетъ и намѣсто довольства наступитъ страшная нищета (Морск. сбор. 1856 г., № 14, статья Чужбинскаго, стр. 47, 65—66). Злыдни слѣдовательно соотвѣтствуютъ *Горю* нашей сказки и *Кручинѣ*, упоминаемой въ лубочной сказкѣ объ уткѣ съ золотыми яйцами (вып. V, № 53, b). Подобно тому, какъ Кручина надѣляетъ своего хозяина чудесною птицею, несущею золотыя яйца, въ нѣкоторыхъ народныхъ разсказахъ Доля даритъ своему хозяину разныя диковинки, и такимъ образомъ преданіе о Долѣ сливается иногда съ извѣстною сказкою о двухъ сумкахъ (см. примѣчаніе ко II вып., № 18). Содержаніе сказки, записанной г. Максимовичемъ, слѣдующее: Было два брата богатой и бѣдной. Бѣдной братъ наловилъ рыбы и понёсъ на поклонъ богатому въ день его имянинъ. «Славная рыба! сказалъ богатой; спасибо, братъ, спасибо!» — и только; нѐ далъ ему ничего на бѣдность и даже къ себѣ не позвалъ. Сгрустнулось бѣдному,

[1]) Тотъ-же разсказъ былъ помѣщенъ и въ альманахѣ «Денница» за 1834 годъ, стр. 67.

повѣсилъ онъ горемычную голову и пошелъ со двора. На дорогѣ повстрѣчался ему старичокъ: «что ты, дѣтинушка, такой невеселой?» Бѣднякъ разсказалъ свое горе. «Что-жъ, сказалъ старикъ, спасибо — дѣло великое; продай его мнѣ!» —Какъ-же продать-то его? бери, пожалуй, даромъ! «Такъ спасибо мое! молвилъ старикъ, сунулъ ему мошну въ руки—и съ глазъ пропалъ. Мужикъ посмотрѣлъ — полна мошна золота, радёхонекъ воротился къ женѣ, купилъ себѣ новой домъ и живо перебрался на новоселье. Какъ-то разговорился онъ съ женою про свое старое жилье. «Неладно, Иванъ, говоритъ баба, что мы покинули въ старой избушкѣ свои жернова; вѣдь они насъ кормили при бѣдности, а теперь какъ ненадобны стали — мы и забыли про нихъ!» — Правда твоя! отвѣчалъ Иванъ и поѣхалъ за жерновами. Прiѣхалъ—старое жилье полынью поросло, и слышится ему голосъ изъ ветхой избушки: «злодѣй Иванъ! сталъ богатъ, насъ покинулъ, заперъ тутъ на долгую муку!» — Да вы кто такiе? спрашиваетъ Иванъ; я васъ совсѣмъ не знаю. «Не знаешь! видно, забылъ нашу вѣрную службу: мы твои злыдни!» — Богъ съ вами! мнѣ васъ не надо. «Нѣтъ, ужь мы отъ тебя не отстанемъ!» — Постойте же! думаетъ Иванъ, и говоритъ вслухъ: «хорошо, я возьму васъ, только съ тѣмъ, чтобы вы жернова донесли на себѣ.» Припуталъ къ нимъ жернова на спину и велѣлъ идти впереди себя. Надо было переходить имъ черезъ глубокую рѣку по мосту; мужикъ собрался да какъ толконётъ — и пошли злыдни вмѣстѣ съ жерновами, какъ ключъ ко дну. Окончанiе—тоже самое, что и въ сообщенной нами сказкѣ о Горѣ. c) Въ Современникѣ 1856 г., № 12, стр. 189—193 — разсказъ, записанный г. Осокинымъ въ малмыжскомъ уѣздѣ вятской губернiи: Богатой братъ выстроилъ новой домъ, задумалъ сдѣлать влазины (новоселье) и позвалъ къ себѣ въ гости и бѣднаго брата съ женою. «Куда

намъ, баба, съ богатыми знаться!» говоритъ бѣдный женѣ. — Что-жъ, давай сходимъ; намъ отъ этого безчестья не будетъ! «Да вѣдь на влазины надо гостинцы несть, а мы что понесемъ? Развѣ занять у кого, да кто намъ повѣритъ?» — А Нужа(Нужда)-то! сказала баба съ горькой усмѣшкою; ужли она выдастъ? вѣдь мы съ нею вѣкъ въ ладу живемъ. Отвѣчаетъ тутъ Нужа изъ-за печки: «возьмите-ка праздничной сарафанъ да продайте, на тѣ деньги купите окорокъ и отнесите къ брату.» Переглянулись мужикъ съ бабою, не знаютъ чтò и подумать; посмотрѣли за печь — не видать никого. «А давно ли ты, Нужа, живешь съ нами?» спросилъ мужикъ. — Да съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты съ братомъ раздѣлился. «И привольно тебѣ со мною?»—Благодаренье Богу, живу помаленьку! «Отчего-жъ мы тебя никогда не видали?» — А я живу невидимкою. Мужикъ продалъ сарафанъ, купилъ окорокъ и явился съ женою къ богатому брату на влазины. Скоро наѣхали туда важные гости и мало-помалу вытѣснили ихъ совсѣмъ изъ избы. Идетъ бѣдной къ своему двору и думаетъ: «понесла же насъ нелёгкая!» Глядь — стоитъ поперёкъ дороги лошадь съ двумя большими сумками, черезъ спину накинутыми; ударилъ мужикъ ее рукавицею—лошадь вмигъ исчезла и остались на землѣ двѣ сумки — полнёхоньки золотомъ. Дался бѣдному брату большой кладъ; забралъ онъ золото, пришелъ домой и спрашиваетъ бабу: «ты гдѣ спать ляжешь?» — Я въ печь залѣзу. «А ты, Нужа, гдѣ уляжешься?»—Въ корчагѣ, чтò на печѝ стоитъ. «Ну, ладно!» Мужикъ, выждавши время, опять спрашиваетъ: «баба! ты спишь?» — Нѣтъ еще! «А ты, Нужа, спишь?» Та и голосу не подаетъ — заснула. Мужикъ взялъ послѣднiй женинъ сарафанъ, завязалъ корчагу и забросилъ ее, вмѣстѣ съ Нуждою, въ прорубь. Окончанiе опять такое-же, какъ въ сказкѣ о Горѣ. d) Въ Отеч. Запискахъ 1840 г., № 2, смѣсь, стр.

42—44: «Двѣ Доли» — разсказъ, записанный Львомъ Боровиковскимъ въ Малороссіи, безъ соблюденія мѣстнаго нарѣчія.—Сличи съ польскою сказкою «Blada panna» въ Slovanská čitanka, стр. 122—3.

Въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича (№ 13) встрѣчаемъ подобную-же сказку подъ заглавіемъ: «Усуд». Жили два брата вмѣстѣ: одинъ — работящій, а другой — безпечной и лѣнивой. «Что мнѣ на брата трудиться!» думаетъ работящій— и вотъ они раздѣлились. У работящаго все пошло не въ прокъ, на убытки; а лѣнивой богатѣетъ себѣ, да и только. Идетъ однажды безсчастной и видитъ на ливадѣ стадо овецъ, пастуха нѣту, а замѣсто его сидитъ прекрасная дѣвица и *прядетъ золотую нитку*. «Чьи это овцы и кто ты сама?» — Я Доля (Среħа) твоего брата и овцы ему принадлежатъ. «А гдѣ-жъ моя Доля?» — Далеко отъ тебя! ступай поищи ее. Безсчастной зашелъ къ брату, и тотъ, видя его боса и нага, сжалился и подарилъ ему онучи. Повѣсивъ на̀ спину торбу и взявъ въ руки палку, бѣднякъ отправился искать свою Долю; шелъ-шелъ и попалъ въ лѣсъ, смотритъ — подъ однимъ дубомъ спитъ сѣдая старуха. Онъ размахнулся палкою и ударилъ ее по заду. «Моли Бога, что я спала! сказала старуха, открывая глаза; а то не добыть бы тебѣ и онучей.» — Что такъ? «Да я — твоя Доля!» Вслѣдъ за этимъ посыпались на нее удары: «если ты—моя Доля, то убей тебя Богъ! Кто мнѣ далъ тебя убогую?» — Судьба (Усуд). Пошелъ безсчастной искать Судьбу. Когда онъ явился къ ней, Судьба жила богато, въ большомъ домѣ, но потомъ съ каждымъ днемъ становилась все бѣднѣй и бѣднѣе, а домъ ея дѣлался меньше и меньше; соотвѣтственно съ своимъ собственнымъ положеніемъ. Судьба назначала такую-же участь и младенцамъ, родившимся въ продолженіе сутокъ. На вопросъ пришельца она сказала ему: «ты родился въ сиротинскую ночь — такова и

доля твоя!» и посовѣтовала ему взять къ себѣ братнину дочь Милицу, родившуюся въ счастливой часъ, и все, что̀ бы ни пріобрѣлъ онъ, не называть своимъ, а Милицынымъ. Безсчастной послѣдовалъ этому мудрому совѣту, и съ той поры сталъ жить въ довольствѣ. Разъ какъ-то былъ онъ на нивѣ, на которой уродилось славное жито; проходилъ мимо путникъ и спросилъ: «чье это жито?» Хозяинъ въ забывчивости отвѣчалъ: «мое!» — ивъ тотъ-же мигъ вспыхнула его нива. Увидя огонь, бросился онъ догонять прохожаго: «постой, брате! это жито не мое, а моей племянницы Милицы.» И какъ только вымолвилъ эти слова — тотчасъ пожаръ утихъ и погасъ. Разсказъ этотъ извѣстенъ и между хорутанами (см. у Валявца, стр. 236—7).

Приведенныя нами сказки ярко свидѣтельствуютъ о старинной вѣрѣ славянъ въ судьбу, что̀ подтверждается также и многими народными пѣснями, пословицами и поговорками. Вѣра въ судьбу послужила источникомъ того до сихъ поръ живущаго въ малообразованныхъ массахъ убѣжденія, будто нѣкоторые люди уже такъ и родятся на свѣтъ *бѣдовиками* и *бездольными*: что̀ бы они ни дѣлали, за ними всегда и всюду слѣдуютъ неудачи и бѣдствія (Абевега русск. суевѣрій, стр. 261). Подобно тому, какъ въ сербской сказкѣ бездольный беретъ къ себѣ таланную Милицу и живетъ ея счастіемъ, —въ русской сказкѣ (вып. VIII, № 21 и № 3, b) Иванъ Безсчастной женится на красной дѣвицѣ, родившейся въ сорочкѣ, и чрезъ то избываетъ житейскихъ невзгодъ и скоро богатѣетъ. Миѳическія существа Доля и Недоля, Счастье и Нужда (Горе, Злыдни) справедливо сближаются съ парками. Сербская сказка неслучайно представляетъ «добру Срећу» прекрасною дѣвою, прядущею золотую нить; Недоля также прядетъ нитку, какъ это видно изъ пословицы: «Несрећа танко преде» (т. е. бѣда легко можетъ приключиться). Въ статьѣ

нашей о Родѣ и Рожаницахъ (Архивъ историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачовымъ, т. II, половина 1-я) мы уже указали на близкую связь Доли и Недоли съ дѣвами судьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснили, что съ женитьбою и смертію издревле соединялась мысль о предопредѣленіи. Любопытно народное преданіе о свадьбѣ богатыря Святогора (Пѣсни, собран. П. Н. Рыбниковымъ, ч. I, стр. 40—41). Повстрѣчавъ Микулу Селяниновича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи-повѣдай, какъ мнѣ узнать *судьбину божію?*»—А вотъ поѣзжай къ такимъ-то горамъ; у тѣхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты войди туда и спроси кузнеца про свою судьбину. Ѣхалъ Святогоръ цѣлые три дня, доѣхалъ до кузницы и видитъ— *куётъ кузнецъ два тонкихъ волоса.* «Что ты куёшь?» спрашиваетъ богатырь.—Кую судьбину, кому на комъ жениться. «А мнѣ на комъ жениться?» —Твоя невѣста въ поморскомъ царствѣ, въ престольномъ городѣ тридцать лѣтъ лежитъ въ гноищѣ. Призадумался богатырь, поѣхалъ въ поморское царство и нашелъ дѣвицу во гноищѣ; тѣло у ней точно кора еловая. Поднялъ свой острой мечъ, ударилъ ее въ грудь и уѣхалъ изъ царства. Очнулась дѣвица—а еловая кора съ нея спа́ла и сдѣлалась она красавицей и невиданной, и неслыханной. Далеко пронеслась молва про ея красу; посватался за дѣвицу Святогоръ-богатырь, женился, и вотъ какъ легли они почивать—увидалъ онъ рубецъ на ея груди, распросилъ, и на самомъ дѣлѣ спозналъ, что отъ судьбы своей никуда не уйдешь. Сказаніе это извѣстно и въ другихъ варіантахъ (см. Записки о южн. Руси, т. I, стр. 308 — 9; Пермск. сборн , т. II, стр. 166). Два волоса, выкованные сказочнымъ кузнецомъ, соотвѣтствуютъ двумъ нитямъ, выпряденнымъ паркою, въ которыхъ предопредѣлена судьба жениха и невѣсты (см. примѣчанія о золотыхъ волосахъ и миѳическихъ пряхахъ къ вып. VI, № 54, и вып. VII, № 10).

Поселяне до сихъ поръ обращаются въ свадебныхъ пѣсняхъ къ святымъ ковачамъ Козьмѣ и Демьяну съ просьбою *сковать* свадьбу крѣпкую, долговѣчную, на вѣкъ неразлучную (Смолен. губернія, соч. Цебрикова, стр. 286).

35.

БЕЗНОГОЙ И СЛѢПОЙ БОГАТЫРИ.

Варіанты смотри въ Запискахъ о южн. Руси Кулиша, т. II, стр. 59—82 (сказка объ Иванѣ Голикѣ и его братѣ); въ изданіи Эрленвейна, стр. 96—97, и у Худяк., вып. I, № 19. По напечатаннымъ нами тремъ спискамъ (вып. VIII, № 23) содержаніе сказки таково: Иванъ-царевичъ ѣдетъ свататься на Еленѣ Прекрасной: эта красавица, надѣленная изумительною крѣпостью мышцъ и необычайною силою, даетъ зарокъ выйдти замужъ только за того, кто окажется сильнѣе ея. Преданіе о дѣвѣ-богатырѣ, побивающей многочисленныя непріятельскія рати, которая соглашается признать своимъ мужемъ единственно того, кто побѣдитъ ее въ бою, — такое преданіе часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ (напр. былина про Настасью-королевишну) и сказкахъ у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ (см. вып. V, № 27; вып. VIII, № 8, и примѣчаніе къ вып. VI, № 5 — о царь-дѣвицѣ). Многіе витязи являются искать руки гордой невѣсты и платятся жизнію; согласно съ общепринятымъ эпическимъ пріемомъ, головы ихъ торчатъ на высокихъ спицахъ вокругъ дворца воинственной дѣвы. Опасный подвигъ предстоялъ царевичу — собственными средствами онъ не могъ совершить его; но ему помогаетъ дядька Катома, богатырь титанической силы, передъ которой уступаетъ сама Елена Прекрасная. Сватовство

Ивана-царевича сопровождается испытаніемъ его мощи и крѣпости: онъ долженъ бросить изъ своего престольнаго города трехпудовую желѣзную булаву за тридевять земель, въ тридесятое царство—прямо въ дѣвичій теремъ и сбить съ него крышу; долженъ изрубить чугунный столбъ въ мелкія полѣнья, объѣздить волшебнаго коня, летающаго въ поднебесьи, и пустить стрѣлу съ такого огромнаго лука, что̀ едва сорокъ человѣкъ въ состояніи поднять его. Вмѣсто жениха, всѣ эти трудныя задачи исполняетъ дядька Катома, и Елена Прекрасная выходитъ замужъ за царевича. Въ первую свадебную ночь накладываетъ она руку на своего мужа и начинаетъ давить его въ грудь изо всей мочи; царевичъ еле могъ духъ перевести. Подъ вымышленнымъ предлогомъ удаляется онъ изъ спальни, а его мѣсто заступаетъ дядька и смиряетъ красавицу; въ слѣдующія двѣ ночи повторяется та-же хитрость; Елена Прекрасная покоряется наконецъ судьбѣ, считая своего мужа сильномогучимъ богатыремъ, власть котораго нестыдно признать надъ собою. Недолго впрочемъ продолжается ея заблужденіе; скоро она узнаетъ истину и слышится ей насмѣшливой людской пересудъ: «Катома де съ царевною три ночи спалъ!» Негодованію ея нѣтъ мѣры; въ ней равно оскорблены и гордость богатыря и чувство женщины, и въ глубинѣ души вспыхиваетъ страшная жажда мести—и вотъ, когда обуялъ Катому-дядьку долгой богатырской сонъ на двѣнадцать сутокъ, она отсѣкаетъ ему ноги, а Ивана-царевича заставляетъ нести постыдную службу: въ званіи пастуха коровъ (или свиней) онъ обязанъ каждой вечеръ загонять свое стадо въ сарай и послѣднюю корову цѣловать подъ хвостъ (сличи вып. VIII, № 2). Очевидно сказка наша передаетъ то-же самое событіе, которое въ такихъ яркихъ поэтическихъ краскахъ и съ такой драматичностью положеній развито въ древне-нѣмецкой пѣснѣ о Нибелунгахъ (старѣйшій списокъ

поэмы относится къ XII столѣтію). Молва о прелестяхъ исландской царь-дѣвицы Брунгильды (Brünhilde — броненосная, отъ brüni — латы) воспламенила бургундскаго короля Гунтера, и хотя красавица обладала страшною силою и положила зарокъ не выходить иначе замужъ, какъ за того, кто превзойдетъ ее въ искусствѣ бросать копье и камни, онъ рѣшился или умереть или жениться на ней. Непобѣдимый Зифридъ, сынъ Зигмундовъ, вызвался помочь Гунтеру въ этомъ опасномъ сватовствѣ, если онъ выдастъ за него сестру свою — очаровательную Кримгильду. Гунтеръ далъ ему клятвенное обѣщаніе, и витязи съ двумя другими товарищами отправились въ Исландію. Брунгильда предложила жениху состязаться съ нею въ богатырскихъ играхъ: «если ты превзойдешь меня, я буду твоей женою; если же я выиграю, всѣ вы должны проститься съ жизнію!» Зифридъ сбѣгалъ въ свою ладью, взялъ шапку-невидимку, надѣлъ ее и никому невидимый явился на мѣстѣ состязанія, гдѣ семьсотъ судей уже ожидали начала турнира. Явилась и прекрасная Брунгильда въ полномъ вооруженіи; три каммергера съ трудомъ несли ея длинное копье, и четыре человѣка понадобилось, чтобы поднять ея щитъ. Гунтеръ уже начиналъ раскаиваться, что пустился на такое отчаянное предпріятіе; но Зифридъ подоспѣлъ во̀ время. «Отдай мнѣ щитъ, шепнулъ онъ королю; я стану вмѣсто тебя работать.» Сила Брунгильды была ужасна; когда она ринула свое копье въ новой, крѣпкой и широкой щитъ, который былъ въ рукѣ Зифрида, искры такъ и посыпались изъ стали; стремительный ударъ пробилъ щитъ насквозь и опрокинулъ обоихъ витязей. Проворно вскочилъ Зифридъ, выхватилъ изъ щита глубоко-врѣзавшееся копье и пустилъ его могучей рукою обратно. Крѣпкая броня Брунгильды облилась огнемъ; дѣва не могла устоять противъ удара, но она тотчасъ-же поднялась на̀ ноги и сказала: «благодарю за ударъ, славный

рыцарь!» Тогда принесли на арену огромный камень; двѣнадцать лучшихъ витязей съ трудомъ могли его сдвинуть, а Брунгильда съ изумительной легкостью подняла камень, бросила его на двѣнадцать сажень впередъ и однимъ прыжкомъ доскочила до того мѣста, куда онъ упалъ. Но Зифридъ бросилъ камень еще дальше, и подхвативъ Гунтера, сдѣлалъ такой-же быстрой прыжокъ. Побѣжденная Брунгильда ѣдетъ невѣстою въ стольный городъ Гунтера; здѣсь былъ совершонъ надъ ними вѣнчальный обрядъ. Въ тоже время Зифридъ женился на прекрасной Кримгильдѣ. Вечеромъ новобрачные удалились въ свои покои; король Гунтеръ уже почиталъ себя счастливымъ, онъ былъ у желанной цѣли, но вмѣсто нѣжныхъ ласкъ и любви встрѣтилъ злобу, сопротивленіе и горькіе упреки: «прочь, витязь! помни мое слово: я не хочу быть твоей женою!» Гунтеръ настаивалъ; раздраженная невѣста связала его своимъ поясомъ и повѣсила на крюкъ: «теперь ты не будешь тревожить мой сонъ!» Несчастный женихъ первую ночь брака до самаго утра провисѣлъ на крюку; только утромъ развязала его Брунгильда. Весь день послѣ того Гунтеръ ходилъ грустной и убитой. Отъ Зифрида не ускользнула его печаль; онъ распросилъ, какъ и что случилось, и сказалъ: «постой, я смирю Брунгильду и заставлю быть послушною; въ эту-же ночь ты сдѣлаешься ея мужемъ — невидимкою войду я къ вамъ въ спальню, свѣчи погаснутъ, и я — твой помощникъ!» Зифридъ исполнилъ свое обѣщаніе; вторично побѣжденная Брунгильда стала умолять Гунтера: «оставь мнѣ жизнь! забудь, что я сдѣлала съ тобою! никогда больше не стану противиться твоей благородной любви.» Зифридъ оставилъ примирившихся супруговъ, но уходя, ловко снялъ съ королевы поясъ и золотой перстень и потомъ подарилъ Кримгильдѣ. Вскорѣ между тщеславными женами витязей возгорѣлась вражда: Брунгильда называла Зифрида вассаломъ (такимъ онъ

нарочно выдалъ себя во время сватовства Гунтера), и разъ при входѣ въ церковь, стараясь войдти туда первая, она гордо сказала своей соперницѣ: «назадъ, жена моего вассала!... жена вассала не можетъ идти впереди королевы!»—Лучше-бъ тебѣ не говорить этого! съ гнѣвомъ воскликнула Кримгильда; развѣ можетъ быть наложница королевою? не братъ мой Гунтеръ, а Зифридъ воспользовался твоею первою любовью! — и при этомъ показала ей золотой перстень и поясъ. Вражда эта окончилась вѣроломной гибелью Зифрида и страшною местью Кримгильды.

Русская сказка не останавливается на злобномъ торжествѣ Елены Прекрасной, а продолжаетъ разсказывать о дальнѣйшей судьбѣ несчастнаго богатыря. Въ суровой мести своей царевна розыскиваетъ роднаго брата Катомы-дядьки и лишаетъ его зрѣнія; по другому списку, когда Катома пускалъ стрѣлу съ огромнаго лука, каленая стрѣла полетѣла въ далекое поле и отшибла обѣ руки у богатыря Марка-бѣгуна. Этотъ слѣпой (или безрукой) богатырь, славный своимъ быстрымъ бѣгомъ, отъ котораго не могъ уйдти ни одинъ прыскучій звѣрь, находитъ безногаго Катому, и вздумали они жить и кормиться вмѣстѣ; безногой служитъ слѣпому своими глазами, а слѣпой безногому своими скорыми ногами. Богатыри похищаютъ красную дѣвицу, величаютъ ее сестрицею и поручаютъ ея заботамъ свое хозяйство. Но вотъ замѣчаютъ они: стала названная сестрица хирѣть и сохнуть; повадилась къ ней ходить баба-яга (по другому списку—змѣй) и сосать ея бѣлыя груди. Богатыри подстерегли бабу-ягу, изловили и заставили указать колодецъ съ живой водою. Этотъ послѣдній эпизодъ особенно-любопытенъ. Приводитъ ихъ баба-яга въ лѣсную трущобу къ одному колодцу и говоритъ: «вотъ цѣлющая и живущая вода!» Катома сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодецъ; не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ

вся огнемъ вспыхнула. Разгнѣвались богатыри за обманъ и хотѣли бросить ягу въ огненный колодецъ; но она упросила-умолила и привела ихъ къ другому источнику. Катома отломилъ отъ дерева сухой прутикъ и бросилъ въ воду — и онъ тотчасъ-же пустилъ ростки, зазеленѣлъ и разцвѣлъ. Тоже преданіе о живой водѣ встрѣчается и въ сказкѣ, напечатанной въ VII вып., № 5: въ чудесномъ саду, гдѣ ростутъ моложавыя яблоки, бьютъ ключи живой и мертвой воды, а вокругъ того сада обвился кольцомъ громадной змѣй. Въ одной изъ малороссійскихъ сказокъ (Зап. о южн. Руси, т. II, стр. 53) упоминаются двѣнадцать змѣевъ (драконовъ), которые лежатъ вокругъ криницы съ живой водою и сторожатъ этотъ чудодѣйственной напитокъ. (Сравни съ апокрифическимъ сказаніемъ о Ѳедорѣ Тиронѣ — Памятн. отреченной русск. литературы, т. II, стр. 93.)

36.

РОГА.

Варіанты см. въ изданіи Эрленвейна, № 15 и 30, и у Худ., вып. I, № 9. — Смѣтливый батракъ разными хитростями одолѣваетъ змѣя, летающаго къ царевнѣ: самъ грызетъ орѣхи, а ему подсовываетъ пули; потомъ, нарядившись въ воловью кожу, играетъ съ нимъ въ карты—на щелчки и на шкуру, щелчки даетъ ему желѣзнымъ молотомъ, а шкуру сдираетъ желѣзными когтями. Тѣми-же уловками, въ другихъ сказкахъ, солдатъ избавляетъ царевну отъ чорта, который такъ часто въ народныхъ преданіяхъ подставляется въ замѣну змѣя (вып. V, № 15, b и № 43; вып. VII, № 44). Любопытны слѣдующія двѣ хитрости солдата: а) онъ обѣщается

выучить чорта на скрипкѣ, и съ этою цѣлью берется выправить ему пальцы, сжимаетъ ихъ въ клещи и бьетъ нечистаго желѣзными и мѣдными прутьями (сличи съ сказкою, записанною въ Буковинѣ—Zeitschrift für Deutsche Mythol., т. I, стр. 360—2, и съ литовскою о плотникѣ и Лаумѣ); b) онъ заманиваетъ чертей въ ранецъ, застегиваетъ его на пряжки, кладетъ ранецъ на наковальню и велитъ бить по немъ въ тридцать тяжелыхъ молотовъ (сличи съ леген. «Солдатъ и Смерть», № 16, с). Въ награду за подвигъ, царь выдаетъ за батрака свою дочь; но царевна не любитъ мужа. Прогнанный женою, онъ идетъ по̀ лѣсу и встрѣчаетъ трехъ спорщиковъ: шумятъ и ссорятся они за три диковинки — за ковёръ-самолётъ, сапоги-скороходы и скатерть-самобранку. Батракъ вызывается разсудить дѣло: «полѣзайте-ка, говоритъ онъ спорщикамъ, на высокой дубъ; кто прежде влѣзетъ, тому и диковинки!» Тѣ полѣзли на дерево, а онъ взялъ сапоги да скатерть, сѣлъ на ковёръ-самолётъ — и былъ таковъ! Это одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ эпическихъ пріемовъ, обыкновенно повторяющійся въ народныхъ разсказахъ, какъ только понадобится надѣлить героя чудесными и спасительными орудіями (см. вып. VII, № 40; вып. VIII, № 12 и 26; Лѣтописи русск. литерат., кн. V, стр. 8—15: сказка объ Иванѣ Бѣломъ; Славянск. нар. разск., стр. 124; примѣчаніе къ вып. VIII, № 8). Спорщиками бываютъ черти, лѣшіе и великаны; хитрой искатель приключеній обманываетъ ихъ, предлагая раздѣлить между ними вещи безобидно; для этого онъ заставляетъ ихъ бѣжать за пущенною вдаль стрѣлою или скатиться съ высокой горы, облитой смолою, а самъ между тѣмъ забираетъ спорныя вещи. Сказочныя диковинки принадлежатъ къ области древнѣйшихъ миѳическихъ представленій, и потому занимаютъ такое важное мѣсто въ народныхъ преданіяхъ (см. вып. VI, № 68, b; вып. VIII, № 18 и мн. др.). *Ковёръ-само-*

лётъ, упоминаемый и въ Тысячѣ одной ночи (т. XII, стр. 13), и въ «Римскихъ дѣяніяхъ» (Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей, стр. 187), и въ различныхъ сказкахъ (вып. II, стр. 354), есть ничто иное, какъ поэтическое названіе облака, летящаго по волѣ вѣтровъ: въ нѣмецкой сказкѣ, сходной съ разбираемою теперь русскою, вмѣсто ковра-самолёта служитъ туча, которая подхватываетъ сказочнаго героя съ великанской горы и уноситъ его въ далекія страны (Kinder- und Hausmärchen, т. II, стр. 207). Въ норвежскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ ковёръ этотъ называется летучимъ *плащемъ* (Mantel; сравни *облако* и *облаченіе*—одежда), а въ одной даже уподобляется *сѣдлу* (Грим., т. II, стр. 504). *Сапоги-скороходы*, которые могутъ переносить своего владѣльца и черезъ огонь и черезъ воду и скорость которыхъ такъ велика, что онъ съ каждымъ шагомъ дѣлаетъ по семи миль (почему нѣмцы и называютъ ихъ *семимильными*—см. Norweg. Märchen, ч. I, № 27; сборн. Гальтриха, стр. 208), выражаютъ ту-же идею, что̀ и ковёръ-самолётъ; это только другая поэтическая метафора для обозначенія быстроты несущагося вихря. Сапоги-скороходы совершенно тождественны съ крылатой обувью, которою греческой миѳъ надѣлилъ Гермеса, и хотя они уже лишены крыльевъ, этого постояннаго аттрибута во всѣхъ миѳическихъ олицетвореніяхъ вѣтровъ, но тѣмъ не менѣе удерживаютъ за собою чудесное свойство переноситься съ мѣста на мѣсто съ быстротою вихря. *Скатерть-самобранка* (см. примѣч. къ вып. II, № 18 и къ вып. VI, № 54) соотвѣтствуетъ рогу изобилія, изъ котораго древнія богини разсыпали на смертныхъ свои благодѣянія — поэтическое изображеніе того плодородія, какое возбуждается на землѣ весенними ливнями. О другихъ диковинкахъ: кошелькѣ-самотрёсѣ (вып. VII, № 16; вып. VIII, № 25), шапкѣ-невидимкѣ, кнутѣ-самобоѣ—будетъ сказано въ примѣ-

чаніяхъ къ другимъ сказкамъ. Шумной споръ изъ-за волшебныхъ вещей и ловкой обманъ, съ помощію котораго онѣ достаются сказочному герою, — мотивъ, нечуждый эпосу и другихъ народовъ. Какъ-то зимою, повѣствуетъ валахская сказка (№ 19), пустилъ молодой охотникъ стрѣлу въ чорнаго ворона; подступя ближе, онъ увидѣлъ на снѣгу три капли крови и вороново перо, и воскликнулъ: «о еслибъ у меня была жена—бѣлая какъ снѣгъ, румянная какъ кровь и съ черной косою, какъ вороново перо!» (Сличи въ Lud Ukraiński, т. I, стр. 245—6; Српске нар. приповјет., № 19; Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 53.) Желаніе это до того имъ овладѣло, что онъ отправился искать свою задуманную красавицу; шелъ-шелъ и остановился возлѣ пруда. Въ полдень явились туда три лѣсныя дѣвы (Waldjungfrauen), съ вѣнцами на головахъ; раздѣлись и бросились въ воду купаться. Доброй мòлодецъ подкрался, схватилъ одинъ вѣнецъ и побѣжалъ домой; лѣсная дѣва стала его преслѣдовать. «О взгляни на меня! восклицала она; мое тѣло бѣло какъ снѣгъ, мои щеки румянны какъ кровь и моя коса черна какъ вороново перо!» Юноша оглянулся назадъ, засмотрѣлся на красавицу и потерялъ время; она успѣла догнать его, вырвала похищенный вѣнецъ и исчезла. Не удалась и вторичная попытка; но въ третій разъ онъ, не оглядываясь, прибѣжалъ домой съ вѣнцомъ лѣсной дѣвы, и она сдѣлалась его женою. Многіе годы провели они любовно и прижили двухъ сыновей. Случилось однажды имъ веселиться на свадьбѣ; всѣхъ лучше танцовала жена добраго мòлодца; глядя на нее, гости не могли довольно налюбоваться. «Милой мужъ! сказала красавица, отдай мой вѣнецъ, я надѣну его и буду еще ненаглядиѣе.» Мужъ исполнилъ ея просьбу; она надѣла вѣнецъ нà голову, и улетая съ быстротою стрѣлы, сказала ему на прощанье: «если захочешь меня видѣть, то ищи по ту сторону огненнаго потока!» Покинутый мужъ идетъ ис-

кать свою подругу и встрѣчаетъ въ лѣсу трехъ чертей; нечистые страшно спорили и ругались, не зная—какъ подѣлить между собою отцовское наслѣдство: шапку-невидимку, плащъ-самолётъ и дубинку, силою которой можно всякаго превратить въ каменный столбъ. «Возьмите меня судьей!» сказалъ юноша, и когда черти согласились — онъ послалъ ихъ на̀ гору и велѣлъ бѣжать оттуда по данному знаку къ себѣ: «кто прежде прибѣжитъ, тотъ и получитъ все наслѣдство; а пока пусть оно останется здѣсь.» Черти ушли на̀ гору, но бѣжать назадъ имъ не пришлося; добрый мо̀лодецъ превратилъ ихъ въ каменные столбы. Съ помощію плаща онъ находитъ свою прекрасную жену и возвращаетъ потерянное счастіе. Лѣсныя дѣвы валахской сказки тождественны съ *лебедиными*, какъ это очевидно изъ различныхъ варіацій означеннаго преданія, живущихъ въ устахъ другихъ народовъ (Народн. слав. разсказы, стр. 124 — 130; Norweg. Märchen, ч. I, № 9; Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 5; Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 193 и стр. 524; сборн. Вольфа, стр. 116—126).

Возвращаемся къ русской сказкѣ: добытыя диковинки мало помогли довѣрчивому герою; вѣроломная жена съумѣла обольстить его ласками, отобрала волшебныя вещи и снова покинула мужа. Странствуя по свѣту, онъ заходитъ въ дремучій лѣсъ, съѣдаетъ два яблока—и тотчасъ на его головѣ выростаютъ огромные рога; съѣдаетъ еще два яблока съ другаго дерева — рога спадаютъ, а самъ онъ становится молодцо̀мъ несказанной красоты. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ, вмѣсто рогъ, выростаютъ горбы и хвостъ (иногда длинной носъ — см. Kinder- und Hausmärch., т. II, № 203), и даже вовсе человѣческой образъ мѣняется на животненный (медвѣжій или волчій). Въ нѣмецкой сказкѣ (собр. братьевъ Грим., т. II, № 122: «Der Krautesel») доброй мо̀лодецъ попадаетъ въ огородъ и находитъ тамъ два рода салата; сто̀итъ

покушать одного — какъ въ ту-же минуту превратишься въ осла, а съѣшь нѣсколько листиковъ другаго—и опять сдѣлаешься человѣкомъ. Пользуясь этой чудесной травою, онъ наказываетъ вѣдьму и ея коварную дочь. Яблоки, дающія красоту и молодость, составляютъ одно изъ древнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ миѳическихъ представленій (см. сказку о моложавыхъ яблокахъ); въ противоположность этимъ благотворнымъ плодамъ народная фантазія создала яблоки, мгновенно дѣлающія человѣка и старымъ, и безобразнымъ.

37. 38.

ЦАРЕВИЧЪ И ЕГО СЛУГА. — МАСЕНЖНЫ ДЗЯДОКЪ.

См. варіанты у Худяк., вып. II, № 44; вып. III, № 115; въ Трудахъ курск. статист. комитета, вып. I, стр. 533—6; въ Подснѣжникѣ 1858 г., № 2, стр. 8—21; въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» (М., 1819 г.) сказку о Булатѣ-молодцѣ (есть и лубочное изданіе; литературную ея передѣлку см. у Даля, ч. IV, стр. 177—193) и сѣрое изданіе: «Жаръ-птица и сильный могучій богатырь Иванъ-царевичъ, побѣдитель Змѣя Горыныча и братьевъ его» (Москва, въ типогр. Евреинова, 1839). Содержаніе сказки таково: съ большими усиліями удается одному царю поймать и заключить въ темницу таинственнаго врага. Врагъ этотъ — лицо миѳическое: чудище, похищающее золотыя и серебреныя яблоки изъ царскаго сада, или Вихорь Вихревичъ, конь котораго пожираетъ самоцвѣтныя каменья; иногда это мужичокъ-съ ноготокъ, борода съ локотокъ, духъ-хранитель кладовъ или лѣшій (вып. VIII, № 18; сличи съ сказкою во II вып., № 21). Молодой

царевичъ, по добротѣ своего сердца, освобождаетъ заключенника, за что̀ отецъ прогоняетъ его вмѣстѣ съ дядькою вонъ изъ своего государства. На пути захотѣлось царевичу напиться; дядька отказывается лѣзть въ колодецъ за водою: «я, говоритъ, тяжелъ; тебѣ не поднять меня изъ колодца! лучше я тебя спущу.» Спустилъ его на поясахъ въ глубокой колодецъ и сталъ грозить смертію, если онъ не согласится помѣняться съ нимъ званіемъ. И вотъ царевичъ назвался слугою, а дядька — царевичемъ. Пріѣзжаютъ они въ иное государство и останавливаются на житье у тамошняго царя. Коварный дядька тѣснитъ царевича, заставляетъ его быть и конюхомъ, и поваромъ. Но у царевича есть вѣщій помощникъ, котораго онъ нѣкогда выпустилъ изъ темницы; съ его помощью онъ совершаетъ славные подвиги, освобождаетъ страну отъ сильнаго непріятеля, а царевну отъ чудовищныхъ жениховъ (змѣевъ). Обманъ обнаруживается, дядьку постигаетъ наказаніе, и царевичъ женится на прекрасной царевнѣ. Этотъ сказочный сюжетъ передается иногда такъ, что въ роляхъ царевича и дядьки выступаютъ красная дѣвица и ея злая служанка; соотвѣтственно такой замѣнѣ, видоизмѣняются и дальнѣйшія подробности разсказа; см. Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 89: «Die Gänsemagd»; Zeitschrift für Deutsche Mythol., т. I, стр. 379; сборникъ г. Худякова, вып. III, № 105. Вотъ содержаніе русской сказки: Были братъ да сестра малютка; братъ уѣхалъ на службу и вотъ, когда выросла его сестра, сталъ звать ее къ себѣ въ гости. Собралась она и пошла съ служанкою, а за ними увязалась собачка. Шли-шли, на пути рѣчка, говоритъ служанка красной дѣвицѣ: «умойтесь, сударыня! набѣлитесь, сударыня! стыдно такъ къ братцу показаться.» А собачка: «тявъ-тявъ, панья! не умывайся, панья! въ этой рѣчкѣ крови стекались, печени спекались». Служанка разсердилась и отрубила у собачки

ногу; та на трехъ ногахъ скачетъ за ними. У другой рѣки злая дѣвка отрубила у ней еще ногу, потомъ и третью, и четвертую; собачка катится кубарёмъ и все свое повторяетъ. Служанка отрубила ей голову; у слѣдующей рѣчки красная дѣвица согласилась умыться, и только нагнулась къ водѣ — какъ хитрая служанка спихнула ее въ быстрину. Панья стала тонуть. «Слушай, говоритъ ей дѣвка, я тебя вытащу, если ты скажешь, что я — панья, а ты — дѣвка.» Нечего дѣлать, согласилась бѣдная! Служанка кинула веревку и вытащила панью на̀ берегъ; тутъ онѣ помѣнялись платьями и отправились дальше [1]). Пришли къ брату; дѣвка тотчасъ

[1]) Варіантъ, записанный въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ: Жилъ себѣ купецъ съ купчихою; у нихъ была дочь Марья и два сына, которые уѣхали странствовать по свѣту. Дочь и просится у отца съ матерью: «пустите и меня!» — Куда тебѣ! ты еще и мала, и глупа! «Пустите пожалуста!» Такъ и быть, отпустили. Взяла она съ собой собачку и дѣвку-чернавку. «Поѣзжай, говоритъ мать дочери, да смотри — нигдѣ не купайся!» Вотъ она ѣхала-ѣхала, въ чистомъ полѣ течетъ рѣчка да такая свѣтлая, чистая. «Давайте, барышня, купаться!» говоритъ чернавка купеческой дочери; а собачка тявкаетъ: «гавъ-гавъ! вамъ маменька не велѣла.» Дѣвка-чернавка бросила въ собачку пряничкомъ и перебила ей ножку; собачка поскакала на трехъ ножкахъ. Сцена эта повторяется нѣсколько разъ: при каждой вновь увидѣнной рѣчкѣ дѣвка-чернавка бросаетъ прянички, лишаетъ собачку ногъ и наконецъ убиваетъ ее до̀ смерти. Купеческая дочь Маша соблазнилась, сбросила свои наряды и стала купаться; тѣмъ временемъ чернавка надѣла на себя ея платье, а свое затрапезное ей оставила. Затѣмъ дѣвка-чернавка выдаетъ себя купеческой дочерью, а Машу называетъ своей служанкою... — Тѣмъ-же мотивомъ воспользовалась и финская сказка (Матеріалы для изучен. народн. словесн., стр. 77—82). Сеянтэръ (баба-яга), сопровождая красавицу, предлагаетъ ей купаться, а собачка говоритъ: «не ходи, она тебя обманетъ!» Сеянтэръ ломаетъ у собачки ногу за ногою и настаиваетъ на своемъ. Стали онѣ купаться. «Давай брызгаться водою!» сказала хитрая баба дѣвушкѣ; та согласилась. Сеянтэръ брызнула ей въ лице и промолвила: «твое лице мнѣ, а мое тебѣ!» — и тотчасъ онѣ помѣнялись наружностью: безобразная баба стала красавицей, а красавица — безобразною бабою. Братья бѣдной дѣвицы приняли обманщицу за свою

съ жалобой: «здравствуй, братецъ! моя служанка, говоритъ, нагрубила мнѣ дорòгою.» Братъ послалъ сестру коней стеречь. Скоро замѣтилъ онъ, что кони стали худѣть, тосковать—не пьютъ, не ѣдятъ ничего. «Дай, думаетъ, высмотрю!» Вышелъ, сталъ поодаль и видитъ: сѣла красная дѣвица подъ дерево, начала расчесывать себѣ золотымъ гребнемъ волосы, а сама плачетъ да жалостнымъ голосомъ причитываетъ:

Ужь вы, кони мои, кони вороные!
Ѣшьте траву шелковую,
Пейте воду ключевую.

А кони въ отвѣтъ: «какъ намъ пить, какъ намъ ѣсть? наша панья насъ стережетъ!» Братъ узналъ сестру, взялъ ее къ себѣ, а служанку привязалъ къ хвосту бѣшенаго коня и размыкалъ пò полю.

39.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА.

Варіантъ этой любопытной сказки см. у г. Худякова, вып. III, № 113: Царь посылаетъ за невѣстою; она собралась въ дорогу и взяла съ собою старую няньку и дочь ея Шелудивку. Ѣхали онѣ въ каретѣ день и два; на третій пришлось ѣхать пò мосту черезъ море. Говоритъ ей нянька: «выглянь

сестру, а эту послѣднюю сдѣлали пастушкою. Однажды пастушка нарочно воротилась домой пораньше и стала жаловаться: «глаза болятъ! не могу по лѣсамъ ходить.»—Плюнь ей, сестрица! въ очи, чтобы она выздоровѣла и могла работать, сказали братья мнимой сестрѣ. Сеянтэръ плюнула, а пастушка въ ту-же минуту промолвила: «твое лице тебѣ, а мое — мнѣ!» И онѣ снова помѣнялись лицами.

изъ окошечка! посмотри, какъ на̀ морѣ волны бьютъ.» Невѣста высунулась, а нянька спихнула ее въ море. Упала красная дѣ̀вица въ воду, сдѣлалась золотою рыбкою и поплыла. Царь женился на Шелудивкѣ, явившейся къ нему подъ невѣстинымъ покрываломъ. Спитъ однажды онъ съ молодой женою на кровати, а слуга сидитъ у печки да сушитъ чулки царскіе. Вдругъ растворилось окно и явилась настоящая невѣста, подошла къ постели: «не стыдно ли, говоритъ, царю спать съ дѣвчонкою Шелудивкою?» У слуги чулки пригорѣли, и сталъ онъ плакать. «О чемъ плачешь?» спрашиваетъ дѣ̀вица. — Какъ мнѣ не плакать? Заглядѣлся я на твою красу несказанную и спалилъ чулки царскіе. «Не плачь! вотъ тебѣ новые.» Дала ему славные чулки и ушла. Царь какъ увидалъ эти чулки, такъ и сталъ своего слугу распрашивать; распросилъ про все и рѣшился выждать, когда опять явится его невѣста. Развязка счастливая. — Другой варіантъ напечатанъ въ Запискахъ о южн. Руси г. Кулиша, т. II, стр. 10—12: Жили себѣ мужъ да жена; у нихъ была дочка — великая мастерица ручники вышивать и собой красавица: заплачетъ ли—изъ очей жемчугъ сыпится, а засмѣется—кругомъ цвѣты расцвѣтаютъ. Полюбилась она царевичу, оженился онъ на красной дѣ̀вицѣ и везетъ ее до̀ дому; а съ нимъ была баба, а у бабы своя дочка. Доро̀гою вздумалъ царевичъ поохотиться; какъ только онъ удалился, баба поснимала съ невѣсты дорогіе наряды, выкопала ей очи и спихнула несчастную въ яму, а свою дочку убрала невѣстою да такъ искусно, что̀ царевичъ и не узналъ подмѣна. Какой-то старой дѣдъ набрелъ на слѣпую дѣ̀вицу—сидитъ она въ ямѣ, а передъ ней большая куча жемчугу: то она, сидючи, съ горя наплакала. Дѣдъ взялъ ее къ себѣ; посылаетъ его слѣпая: «забери, дидусю! оце намистечко (жемчугъ) въ торбинку да понеси у городъ— продай; да якъ зострине тебе баба якась, то ти їй не прода-

вай, а скажи: оддай те, що въ тебѐ je.» Баба встрѣтилась и отдала дѣду за жемчугъ два выкопанные глаза. Дѣвица, воротивъ свои очи, стала видѣть по прежнему; вышила славной ручникъ, обвязала тѣмъ ручникомъ дѣда и посылаетъ его къ царю: «иди, дидусю, на обидъ, да визьми глечичокъ да й мини попросишъ юшки.» Дѣдъ пришелъ во дворецъ; царевичъ увидалъ на немъ ручникъ, сталъ допытываться, кто его вышивалъ? поѣхалъ къ дѣду и тотчасъ узналъ свою милую, взялъ ее къ себѣ, а бабину дочку выпроводилъ «свиней наповàть». Г. Максимовичъ (Русск. Бесѣда 1856 г., т. III, стр. 100) упоминаетъ о народной сказкѣ, повѣствующей про *русалку*, которая вынула у дѣда и бабы очи за то, что они пасли своихъ овецъ на ея заповѣдномъ лугу, и носила тѣ вынутыя очи въ платкѣ за поясомъ. Въ хорутанской сказкѣ (сборн. Валявца, стр. 52—53) три *вилы* выкопали у старика очи; сметливой пастухъ вызвался возвратить ему зрѣніе. Онъ приготовилъ шестьнадцать клиньевъ и погналъ овцу да барана на пастбище; вскорѣ явились туда три вилы и начали танцовать подъ музыку пастуха; онѣ танцовали до совершеннаго утомленія, такъ что нѐхотя попадали нàземь. Тогда мòлодецъ прикрѣпилъ ихъ клиньями къ землѣ, а баранъ принялся подъ бока толкать; вилы принуждены были покориться и выдали пастуху шесть коробокъ глазъ, между которыми онъ нашелъ и глаза дѣда. Пастухъ воротился къ слѣпому, вставилъ ему глаза, и съ помощію чудесной травы, полученной отъ трехъ вилъ, возвратилъ старику потерянное зрѣніе (сравни въ Slovanská čitanka Эрбена, стр. 27—29: «Jezinky»). Эпизодъ о выкупѣ глазъ встрѣчаемъ и въ слѣдующей чешской сказкѣ (Westslaw. Märchenschatz, стр. 45—58): У одной бѣдной вдовы были двѣ дочери—до того похожія другъ на друга, что ихъ съ трудомъ можно было различать; онѣ были близнецы, одна называлась Добрунка, а другая Злобога. Эти имена уже

ясно указывали на различіе ихъ характеровъ; но, увы! любовь матери склонялась къ послѣдней. Добрунка должна была вести хозяйство, задавать кормъ козамъ, готовить обѣдъ, прибирать комнаты и кухню, а покончивъ эти занятія, садиться за прялку. Мать продавала ея пряжу въ городѣ и на вырученныя деньги покупала наряды для своей любимицы Злобоги. Скромную Добрунку полюбилъ князь Добромилъ, присватался и женился на ней. На другой день послѣ свадьбы онъ уѣхалъ на войну, а молодая княгиня поѣхала къ матери. Тамъ ждала ее чудовищная измѣна; мать и сестра схватили Добрунку, отрубили ей руки и ноги, выкопали очи и обезображенное туловище бросили въ лѣсу. Злобога нарядилась княгинею и вмѣстѣ съ матерью отправилась во дворецъ; онѣ взяли съ собою отъятыя руки, ноги и очи Добрункины: «князь, думалось имъ, не будетъ чувствовать къ намъ привязанности, если въ его домѣ не останется ничего отъ любимой жены.» Во дворцѣ приняли Злобогу за настоящую княгиню и никто не примѣтилъ обмана. Между тѣмъ Добрунка не умерла; спустя нѣсколько часовъ она пришла въ память и чувствовала, какъ чья-то рука вливала ей въ ротъ цѣлебной напитокъ. Кому принадлежала эта рука?—она не могла знать, ибо не имѣла глазъ. То былъ старецъ; онъ перенёсъ ее въ пещеру, призвалъ мальчика, и подавая ему золотую прялку, сказалъ: «неси въ княжеской зȁмокъ; если станетъ кто торговать у тебя прялку и спроситъ: что она стȍитъ? ты отвѣчай: два глаза!» Мальчикъ пошелъ въ зȁмокъ; Злобога польстилась на прялку и купила ее за два глаза своей несчастной сестры. Старикъ взялъ ихъ отъ мальчика и вставилъ Добрункѣ въ пустыя впадины. Такимъ-же образомъ были возвращены ей обѣ ноги за золотое веретено и обѣ руки за золотое донце. Старикъ окропилъ язвы и раны Добрунки живительной мазью, приставилъ ей руки и ноги — и она совершенно исцѣлилась. Воро-

тился князь съ войны и спросилъ свою мнимую супругу: «какъ ты, милая, коротала время? навѣрно, пряла!» — Ты угадалъ! отвѣчала притворно Злобога; но моя старая прялка испортилась, и намѣсто той я купила себѣ прекрасную золотую прялку. «Покажи мнѣ!» сказалъ Добромилъ. Прялка ему очень понравилась; «сядь, Добрунка, и пряди, сказалъ онъ; мнѣ хочется посмотрѣть на тебя за работою.» Злобога не заставила себя долго упрашивать, сѣла за прялку, и только привела колесо въ движеніе, какъ изъ прялки послышался голосъ: «князь! не имѣй къ ней довѣрія; она обманщица и лицемѣрка и никогда не была твоей женою.» Завертѣлось колесо въ другой разъ—прялка продолжала: «твоя жена убита сестрою и кинута въ лѣсъ!» Завертѣлось колесо въ третій разъ — и снова раздался голосъ: «князь! вскочи скорѣй на коня и поспѣшай въ зеленой лѣсъ; тамъ въ пещерѣ сидитъ твоя милая и ждетъ тебя-не дождется!» Князь скачетъ въ лѣсъ, и супруги вновь сходятся на любовь и долгое счастіе. (Сличи въ Slov. pohádky, od Němcové, стр. 573—582.)

40.

ОКАМЕНѢЛОЕ ЦАРСТВО.

Варіантъ: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ солдатъ; служилъ онъ долго и безпорочно, царскую службу зналъ хорошо, на смотры, на ученья приходилъ чистъ и исправенъ. Сталъ послѣдній годъ дослуживать — какъ на бѣду не взлюбило его начальство не только большое, да и малое: то и дѣло подъ палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумалъ онъ бѣжать; ранецъ черезъ плечо, ружье на плечо, и началъ прощаться съ товарищами, а тѣ его спрашивать: «куда идешь? аль батальённой требуетъ?»

—Не спрашивайте, братцы! подтяните-ка ранецъ покрѣпче, да лихомъ не поминайте! И пошелъ онъ доброй мòлодецъ куда глаза глядятъ. Много ли, мало ли шелъ — пробрался въ иное государство, усмотрѣлъ часоваго и спрашиваетъ: «нельзя ли гдѣ отдыхъ взять?» Часовой сказалъ ефрейтору, ефрейторъ офицеру, офицеръ генералу, генералъ доложилъ про него самому королю. Король приказалъ позвать того служиваго передъ свои свѣтлыя очи. Вотъ явился солдатъ, какъ слѣдуетъ — при формѣ, сдѣлалъ ружьемъ на караулъ и сталъ какъ вкопаной. Говоритъ ему король: «скажи мнѣ по совѣсти, откуда и куда идешь?» — Ваше королевское величество! не велите казнить, велите слово вымолвить. Признался во всемъ королю по совѣсти и сталъ на службу проситься. «Хорошо, сказалъ король, наймись у меня садъ караулить; у меня теперь въ саду неблагополучно — кто-то ломаетъ мои любимыя деревья, такъ ты постарайся-сбереги его, а за трудъ дамъ тебѣ плату немалую.» Солдатъ согласился, сталъ въ саду караулъ держать. Годъ и два служитъ —все у него исправно; вотъ и третій годъ на исходѣ, пошелъ однажды садъ оглядывать, и видитъ — половина чтò ни есть лучшихъ деревьевъ поломаны. «Боже мой! думаетъ самъ съ собою, вотъ какая бѣда приключилася! Какъ замѣтитъ это король, сейчасъ велитъ схватить меня и повѣсить.» Взялъ ружье въ руки, прислонился къ дереву и крѣпко-крѣпко призадумался. Вдругъ послышался трескъ и шумъ, очнулся доброй мòлодецъ, глядь—прилетѣла въ садъ огромная, страшная птица и ну валять деревья. Солдатъ выстрѣлилъ въ нее изъ ружья, убить не убилъ, а только ранилъ ее въ правое крыло; выпало изъ того крыла три пера, а сама птица на утёкъ пустилась. Солдатъ за нею; ноги у птицы быстрыя, скорёхонько добѣжала до провалища и скрылась изъ глазъ. Солдатъ не убоялся и вслѣдъ за нею кинулся въ то прова-

лище; упалъ въ глубокую-глубокую пропасть, отшибъ себѣ всѣ печонки и цѣлые сутки лежалъ безъ памяти. Послѣ опомнился, всталъ, осмотрѣлся — что-же? и подъ землей такой-же свѣтъ. «Стало быть, думаетъ, и здѣсь есть люди!» Шелъ-шелъ, передъ нимъ большой городъ, у воротъ караульня, при ней часовой; сталъ его спрашивать — часовой молчитъ, не движется; взялъ его за̀ руку — а онъ совсѣмъ каменной. Взошелъ солдатъ въ караульню — народу много, и стоятъ, и сидятъ, только всѣ окаменѣлые; пустился бродить по улицамъ — вездѣ тоже самое: нѣтъ ни единой живой души человѣческой, все какъ есть камень! Вотъ и дворецъ расписной, вырѣзной, маршъ туда, смотритъ — комнаты богатыя, на столахъ закуски и напитки всякія, а кругомъ тихо и пусто. Солдатъ закусилъ, выпилъ, сѣлъ было отдохнуть, и послышалось ему — словно кто къ крыльцу подъѣхалъ; онъ схватилъ ружье и сталъ у дверей. Входитъ въ палату прекрасная царевна съ мамками, съ няньками; солдатъ отдалъ ей честь, а она ему ласково поклонилась: «здравствуй, служивой! разскажи, говоритъ, какими судьбами ты сюда попалъ?» Солдатъ началъ разсказывать: «нанялся де я царской садъ караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вотъ я подстерёгъ ее, выстрѣлилъ изъ ружья, и выбилъ у ней изъ крыла три пера; бросился за ней въ погоню и очутился здѣсь.» — Эта птица — мнѣ родная сестра; много она творитъ всякаго зла, и на мое царство бѣду наслала — весь народъ мой окаменила. Слушай-же: вотъ тебѣ книжка, становись вотъ тутъ и читай ее съ вечера до тѣхъ поръ, пока пѣтухи ни запоютъ. Какія бы страсти тебѣ ни казалися, ты знай свое—читай книжку да держи ее крѣпче, чтобъ не вырвали; не то живъ не будешь! Если простоишь три ночи, то выйду за тебя замужъ. «Ладно!» отвѣчалъ солдатъ. Только стемнѣло, взялъ онъ книжку и началъ читать. Вдругъ засту-

чало, загремѣло — явилось во дворецъ цѣлое войско, подступили къ солдату его прежніе начальники, и бранятъ его, и грозятъ за побѣгъ смертію; вотъ ужь и ружья заряжаютъ, прицѣливаются... Но солдатъ на то не смотритъ, книгу изъ рукъ не выпускаетъ, знай себѣ читаетъ. Закричали пѣтухи — и все разомъ сгинуло! На другую ночь страшнѣй было, а на третью и того пуще: прибѣжали палачи съ пилами, топорами, мòлотами, хотятъ ему кости дробить, жилы тянуть, на огнѣ его жечь, а сами только и думаютъ, какъ-бы книгу изъ рукъ выхватить. Такія страсти были, чтò едва солдатъ выдержалъ. Запѣли пѣтухи — и демонское навожденье сгинуло! Въ тотъ самой часъ все царство ожило, по улицамъ и въ домахъ народъ засуетился, во дворецъ явилась царевна съ генералами, со свитою, и стали всѣ благодарствовать солдату и величать его своимъ государемъ. На другой день женился онъ на прекрасной царевнѣ и зажилъ съ нею въ любви и радости.

Преданіе объ окаменѣломъ царствѣ существуетъ и у другихъ народовъ (см. Deutsche Volksmärchen Гальтриха, стр. 143—8; Westslaw. Märchenschatz, стр. 134—5; Narodne pripovjedke Валявца, стр. 17—19); оно занесено и въ арабскія сказки (Тысяча и одна ночь, т. II, стр. 217—9). Валахская сказка (у Шотта, № 7) повѣствуетъ объ одной принцессѣ, страстной любительницѣ плясокъ, которая не хотѣла иначе выйдти замужъ, какъ за того, кто превзойдетъ ее неутомимостью въ танцахъ. Сама она танцовала съ необыкновеннымъ искусствомъ и бѣшенымъ увлеченіемъ. Многіе изъ соискателей ея руки падали разбитыми и даже мертвыми отъ чрезвычайныхъ усилій, другіе тайкомъ удалялись отъ опасной невѣсты. Каждый вечеръ собирались во дворецъ гости, музыка гремѣла и танцы слѣдовали за танцами. Однажды сквозь толпу гостей протѣснился незнакомой чужестранецъ и изъявилъ

желаніе состязаться съ царевною. Она почувствовала къ нему непонятное отвращеніе, и хоть не желала съ нимъ танцовать, но должна была уступить волѣ отца. Тòтчасъ-же всѣ замѣтили, что подъ пару принцессѣ нашелся не менѣе ея искусный и страстный танцоръ. Долго они носились по залѣ; наконецъ утомленная—она потребовала пощады, но кавалеръ не хотѣлъ ее оставить; онъ такъ быстро и бѣшено кружился съ нею, что она не могла перевести духу, и легкія ноги царевны совсѣмъ подкосились. Тутъ незнакомецъ бросилъ ее къ ступенямъ трона, на которомъ возсѣдалъ царь, и сказалъ отцу съ злою насмѣшкою: «возьми свою дочь! я бы могъ потребовать ее по праву, но презираю этою бѣдною тварью! Ты самъ виноватъ, что не съумѣлъ сдержать въ границахъ веселость твоего дитяти! Отъ этого бѣшенаго веселья я успокою васъ на вѣчныя времена: ты и твоя дочь, и царской дворъ, и цѣлой городъ со всѣмъ, чтò въ немъ живетъ, должны окаменѣть, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока ни явится тотъ, кто меня пересилитъ.» Таинственный гость былъ никто иной, какъ самъ чортъ. По его слову вмигъ все окаменѣло. Прошла цѣлая тысяча лѣтъ, и случилось одному веселому юношѣ зайдти въ эту печальную страну, гдѣ стоялъ окаменѣлой городъ съ великолѣпнымъ дворцомъ. Всюду было запустѣніе; среди зданій росли дикія чащи лѣса, населенныя вòронами и другими хищными птицами. Доброй мòлодецъ вошелъ во дворецъ, бродилъ по разнымъ заламъ и переходамъ и не находилъ живой души. Въ кухнѣ торчало на вертелѣ жареное; не смотря на свой апетитной видъ, оно было твердо, какъ камень. Полусмѣясь, полупечально положилъ онъ на очагъ свою палку и развелъ огонь: «быть можетъ, думалъ онъ, съ божьей помощью это жаркое сдѣлается помягче.» Когда огонь разгорѣлся и дымъ поднялся въ трубу, оттуда выпала пара сухихъ ногъ; мòлодецъ взялъ одну ногу, вздѣлъ на вер-

телъ и началъ поджаривать. Затѣмъ показались изъ трубы руки и туловище съ безобразною головою. «Кто ты? спросилъ мòлодецъ безъ всякой боязни; говори, или я сдѣлаю изъ тебя славной окорокъ!» — Съ вашего позволенія, господинъ хвастунъ! это — мои ноги; я повѣсилъ ихъ въ трубѣ, потому что онѣ устали отъ долгаго бѣганья. Самъ я — чортъ и владыка этого дворца. «Ну, такъ накорми и напой меня, какъ своего гостя; я чувствую и голодъ и жажду.» Чортъ повелъ его въ погребъ и предложилъ попробовать: кто изъ нихъ выпьетъ больше вина? «Хорошо! отвѣчалъ гость, я прiймусь за эту бочку, а ты начинай съ этой.» Усѣлись. Мòлодецъ слегка повернулъ кранъ, такъ что вино еле-еле точилось изъ бочки, и притворился, что онъ пьетъ большими глоткàми. «Дуракъ! сказалъ ему чортъ, эдакъ тебѣ никогда не опорожнить бочки; послѣдняя капля вина все-таки останется въ кранѣ. Вотъ я — такъ ни одной капельки не оставлю!» Съ этимъ словомъ чортъ сдѣлался такимъ тонкимъ, что безъ труда пролѣзъ въ узкое отверстіе крана; но едва онъ это сдѣлалъ, какъ въ ту-же минуту сметливой мòлодецъ завернулъ кранъ, и оставивъ запертаго чорта вопить и кричать сколько угодно, воротился во дворецъ — и что-же? Онъ нашелъ все — полнымъ суеты, жизни, движенія. Каменные люди ожили, лѣсныя чащи превратились въ роскошные сады съ цвѣтниками; слуги носили кушанья, отъ которыхъ подымался паръ. Въ главной залѣ гремѣла музыка и весело танцовали гости; на тронѣ сидѣлъ царь съ царицею, а передъ ними, преклонивъ колѣна, стояла юная царевна со слезами на прекрасныхъ очахъ. Государь ласково принялъ избавителя и выдалъ за него свою дочь.—Не менѣе любопытна хорутанская сказка (у Валявца, стр. 56 — 57): При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки были позваны на пиръ *вилы*, подобно тому какъ въ другихъ хорутанскихъ сказкахъ приглашаются на родильный пиръ *роженицы*, а въ

Норнагестсагѣ *норны.* Вилы явились въ золотыхъ одеждахъ съ серебреными поясами; чудные золотые волосы ихъ ниспадали до земли; каждая изъ нихъ одарила новорожденную дорогимъ даромъ, а одна «злочеста» дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. Когда дѣвочка выросла, она превзошла красотою самыхъ вилъ; злая вила еще больше ее возненавидѣла, и вотъ когда наступило время выдавать красавицу замужъ, она явилась въ зàмокъ и *ударила ее волшебнымъ прутомъ* — въ тотъ самой мигъ дѣвица окаменѣла, и вмѣстѣ съ нею окаменѣло все, чтò ее окружало [1]). Послѣ многихъ, многихъ лѣтъ случайно заѣхалъ въ эту мертвую сторону молодой царь; увидѣлъ красавицу, залюбовался ею и поцѣловалъ въ уста. Его поцѣлуй пробудилъ ее къ жизни, а съ нею ожило и все превращенное въ камень. Царь женится на красавицѣ, а злую вилу поражаетъ стрѣлою, при чемъ золотая одежда ея и золотые волосы сгораютъ сами собою. Свидѣтельство хорутанской сказки положительно убѣждаетъ насъ, что вилы играли иногда ту-же роль, чтò и дѣвы судьбы, опредѣляющія участь всякаго человѣка при самомъ его рожденіи, или выражаясь миѳическимъ языкомъ: прядущія нить его жизни. Потому г. Потебня справедливо сближаетъ это слово съ глаголомъ *вить.* Съ хорутанскою сказкою сходна нѣмецкая «Dornröschen» (собр. Грим., т. I. № 50); здѣсь также являются вѣстницы судьбы, которыя предсказываютъ будущее новорожденной королевны, и преданіе неслучайно ставитъ ожидающее ее несчастіе въ связи съ *веретеномъ* и *прядевомъ.* Давно когда-то были ко-

[1]) Тоже значеніе придано въ русской сказкѣ тремъ прутикамъ (вып. VII, № 22); ударъ волшебнаго прутика съ одной стороны превращаетъ все живое въ камень, а съ другой всему окаменѣлому возвращаетъ жизнь (Kinder- und Hausmärch., т. I, стр. 385, 396—7; сборн. Валявца, стр. 33, 36, 54—55 125—126). Смыслъ этого преданія отчасти объясненъ у Куна.

роль и королева; королева родила дѣвочку, столь прекрасную, что обрадованный отецъ вздумалъ задать большой пиръ. Онъ пригласилъ не только родственниковъ, друзей и знакомыхъ, но и вѣщихъ женъ (die weisen Frauen), чтобы онѣ были благосклонны къ ребенку. Въ томъ королевствѣ ихъ было тринадцать; но какъ король имѣлъ только двѣнадцать золотыхъ тарелокъ, съ которыхъ вѣщія жены должны были кушать, то одну рѣшились совсѣмъ не звать. Праздникъ былъ великолѣпной; къ концу пиршества вѣщія жены стали дарить новорожденную чудесными дарами: одна надѣлила ее добродѣтелью, другая красотою, третья богатствомъ, и такъ далѣе. Только успѣла выговорить свое пожеланіе одиннадцатая, какъ неожиданно явилась въ залу тринадцатая вѣщая жена. Оскорбленная тѣмъ, что ее не позвали на пиръ, она жаждала отомстить за обиду, и никого не привѣтствуя, воскликнула строгимъ голосомъ: «въ пятьнадцать лѣтъ пусть королевна уколется веретеномъ и упадетъ мертвая!» Затѣмъ повернулась и оставила залу. Всѣ были въ ужасѣ; тогда выступила двѣнадцатая вѣщая жена, которая еще не высказала своего пожеланія, и хоть она не въ силахъ была уничтожить злое заклятіе, но могла смягчить его. «Да не будетъ смерти, изрекла она, но да будетъ это глубокой столѣтній сонъ, въ который впадетъ прекрасная королевна!» Король, желая соблюсти свое дитя отъ предсказаннаго несчастія, издалъ указъ, чтобы въ цѣломъ его государствѣ были немедленно сожжены всѣ веретёна. Дары вѣщихъ женъ въ точности исполнились: королевна была прекрасна, скромна, привѣтлива и разумна, такъ что всякой, кто ее хоть разъ видѣлъ, не могъ не полюбить милой дѣвушки. Случилось, что въ тотъ день, когда совершилось ей ровно пятьнадцать лѣтъ, короля и королевы не было дома, и королевна оставалась одна въ зàмкѣ. Она ходила по дворцу, осматривала палаты и комнаты, и наконецъ по узкой

круглой лѣстницѣ взошла на старую башню; отворила дверь—тамъ въ маленькой комнаткѣ сидѣла старуха съ веретеномъ въ рукахъ и прилежно пряла кудель. «Доброй день, бабушка! сказала дѣвица, что ты дѣлаешь? — Пряду, отвѣчала старуха. «А это что за вещь, что̀ такъ весело кру̀жится?» спросила королевна, указывая на веретено, и хотѣла было приняться за пряжу; но едва она дотронулась до веретена, какъ уколола имъ палецъ. Въ то самое мгновеніе исполнилось злое заклятіе — королевна упала на постель и погрузилась въ глубокой, непробудимой сонъ. Сонъ этотъ распространился на весь за̀мокъ: король и королева, которые только что воротились домой и вошли въ залу, заснули вмѣстѣ со всею свитою и дворомъ; спали и лошади на конюшнѣ, и собаки на дворѣ, и голуби на крышѣ, и мухи по стѣнамъ; даже огонь, разведенный на очагѣ, остановился неподвижно и какъ бы заснулъ; жареное перестало скворча̀ть, и поваръ, вздумавшій было ударить поварёнка, такъ и замеръ на этомъ желаніи, погрузившись въ дремоту; самой вѣтеръ притихъ и ни одинъ листикъ не шевелился болѣе на деревьяхъ. Кругомъ за̀мка выросъ густой терновникъ и съ каждымъ годомъ подымался все выше и выше, такъ что наконецъ никто не могъ видѣть ни самаго за̀мка, ни флага на его кровлѣ. Но по свѣту шла молва о чудной спящей красавицѣ Dornröschen (такъ ее называли), и время отъ времени являлись королевичи, пытавшіеся пробраться сквозь терновой заборъ. Попытки ихъ были тщетны; терновникъ, словно у него были руки, крѣпко обхватывалъ всякаго смѣльчака, и несчастные юноши, повиснувъ на его иглахъ, умирали жестокою смертію. Много-много годовъ утекло, услыхалъ одинъ королевичъ отъ сѣдаго старца разсказъ о спящей королевнѣ, и захотѣлъ во что бы ни стало посмотрѣть на нее. Срокъ пробужденія приближался. Когда юноша подошелъ къ терновому забору, намѣсто колючихъ кустовъ явились кра-

сивые цвѣты; дорога была открыта. Онъ поспѣшилъ къ за̀мку; охотничьи собаки и кони лежали на дворѣ и спали, голуби сидѣли на крышѣ, завернувъ головы подъ крылья; въ кухнѣ поваръ все еще стоялъ съ поднятой рукою, какъ-бы намѣреваясь заушить поварёнка, и служанка все еще сидѣла надъ черной курицею, которую собиралась ощипать. Королевичъ шелъ дальше; вездѣ царствовала безмолвная тишина, такъ что можно было слышать свое собственное дыханіе. Наконецъ онъ взошелъ на башню и отворилъ дверь въ маленькую комнату, въ которой спала королевна; она была такъ прекрасна, что королевичъ не могъ отвести отъ нея глазъ, наклонился къ дѣвицѣ и поцѣловалъ ее. Едва поцѣлуй коснулся красавицы, какъ она открыла очи и пробужденная радостно взглянула вокругъ себя. Рука о̀бъ руку сошли они съ башни; проснулся и король съ королевою, проснулись и придворные и съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга; на дворѣ ржали лошади, собаки ласкались и прыгали, голуби вынули изъ-подъ крыльевъ свои головы и полетѣли на̀ поле, мухи ползали по стѣнамъ, на очагѣ пылалъ огонь и варилось кушанье, жаркое начало скворча̀ть; поваръ далъ поварёнку такую затрещину, что̀ тотъ заоралъ, и служанка принялась щипать курицу. Королевичъ женился на прекрасной королевнѣ, свадьбу отпраздновали пышно, и до конца жизни не измѣняло имъ счастіе. Такимъ образомъ превращенію въ камень, о чемъ говорятъ выше-приведенныя преданія, здѣсь соотвѣтствуетъ долголѣтній, непрерываемой сонъ. Въ нѣмецкой сказкѣ королевна засыпаетъ, *уколовшись веретеномъ*; въ одной изъ русскихъ сказокъ она засыпаетъ отъ волшебной *шпильки*, воткнутой въ ея волосы, и только тогда пробуждается отъ мертвящаго сна, когда эта шпилька выпадаетъ изъ дѣвичей косы (вып. VII, № 2); въ другихъ русскихъ сказкахъ выводится королевичъ, всякой разъ засыпающій безпробуднымъ сномъ, какъ скоро воткнутъ

въ его одежду *иголку* или *булавку* (вып. V, № 42; вып. VIII, № 1 и 13; сличи Sloven. pohadky, стр. 134—6, и Ungar. Volksmärch., стр. 43—46). У славянъ и валаховъ (см. у Шотта, № 25; Narod. pripov. Валявца, стр. 212—4; Slovanskà citanka, стр. 56—7) разсказывается интересное преданіе о томъ, какъ цыганка втыкаетъ въ волосы красавицы-невѣсты волшебную булавку и та мгновенно превращается въ бѣлую голубку[1]), а въ ея одежды наряжаетъ свою черную и безобразную дочь, которая и дѣлается потому женою сказочнаго героя. Но вотъ голубка поймана служанкою и принесена въ комнаты; она садится на руку своего милаго и вкладываетъ ему въ уста свой клювъ, какъ-бы желая поцѣловать его. Доброй молодецъ начинаетъ птицу ласкать и гладить по головкѣ; наткнувшись рукой на иголку, онъ вытаскиваетъ ее — и въ ту-жъ минуту голубка обращается въ красную дѣвицу. По свидѣтельству старой Эдды, богъ Одинъ погрузилъ въ сонъ вѣщую воительницу Брунигильду, уколовъ ее *терніемъ*; Зигурдъ нашелъ спящую дѣву въ замкѣ, снимаетъ съ ея головы шлемъ и разсѣкаетъ своимъ чудеснымъ мечемъ твердую броню, которая такъ плотно облегла ея тѣло, какъ будто бы совсѣмъ приросла. Когда броня была снята — дѣва тотчасъ-же пробудилась отъ сна (Атеней 1858 г., № 30, стр. 204—5; Kinder und Hausmärchen, т. III, стр. 85). Особенно любопытна итальянская редакція сказки о спящей царевнѣ (въ Пентамеронѣ, № 45). У одного знатнаго вельможи родилась дочь Таліа; отецъ созвалъ мудрецовъ, чтобы они предсказали судьбу новорожденной. Мудрецы объявили, что ей угрожаетъ большая опасность отъ кострики; почему отецъ отдалъ строгое приказаніе, что-

[1]) Вспомнимъ, что въ образѣ птицы представлялась душа, покидающая тѣло; *черной* цвѣтъ *цыганки* указываетъ на демонической характеръ лица, вліяніемъ котораго усыпляется сказочный герой.

бы въ его зàмкѣ не было ни льну, ни конопли и ничего подобнаго. Таліа выросла; разъ она увидѣла старую пряху за работою, любопытная дѣвушка взялась за кудель, начала тянуть нитку и нечаянно занозила свой палецъ кострикою подъ самой ноготь; въ ту-же минуту она обмерла и упала нáземь. Ее положили въ пустомъ, уединенномъ зàмкѣ и нàглухо заперли двери. Однажды охотился въ той сторонѣ король, и случилось, что его соколъ залетѣлъ въ окно зàмка. Король полѣзъ за нимъ и нашелъ спящую дѣвицу, долго будилъ ее и не могъ разбудить. Обвороженный ея красотою, онъ не устоялъ и сорвалъ цвѣтокъ любви. Таліа понесла плодъ и родила двухъ близнецовъ — мальчика и дѣвочку; феи приняли дѣтей и положили къ грудямъ матери. Разъ какъ-то, не находя груди, одинъ изъ близнецовъ началъ сосать у матери палецъ и высосалъ изъ него занозу: съ этимъ вмѣстѣ окончилось глубокое усыпленіе Таліи, и она встала для счастливой жизни и любви. Дѣти ея названы Солнцемъ и Луною; во французской же версіи (у Perrault) спящая царевна рождаетъ Аврору и День, т. е. богиню Зорю и бога дневнаго свѣта — Солнце.

Во всѣхъ указанныхъ видоизмѣненіяхъ сказка о спящемъ или окаменѣломъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня Земля вступаетъ въ бракъ съ юнымъ свѣтоноснымъ женихомъ — Солнцемъ и начинаетъ свои рòды. Зимній сонъ или зимняя смерть природы (миѳъ роднитъ эти понятія и называетъ Сонъ и Смерть братьями) уподобляются окаменѣнію, потому что скованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень. Въ одной изъ валахскихъ сказокъ злую свекровь постигаетъ такая кàра: обрадованная раннею весною, она погнала своихъ овецъ на горы; но вскорѣ вернулись морозы, и все ея стадо и она сама превратились въ камни (у Шотта, № 6), т. е. оледенѣли, замерз-

ли. Подобно убитымъ сказочнымъ героямъ, при окропленіи ихъ живою водою, — богатыри нашихъ былинъ, возвращаясь къ жизни изъ того окаменѣлаго состоянія, въ которое повергло ихъ злое колдовство, обыкновенно говорятъ: «ахъ, какъ я долго спалъ!» (Пѣсни Рыбн., ч. II, стр. 69 и 77.) Окаменѣніе бо̀льшею частію приписывается чертямъ, и это понятно, потому что вообще на чертей были перенесены многія древне-языческія вѣрованія, связанныя съ мертвящимъ, все-оцѣпеняющимъ вліяніемъ зимы. Временное усыпленіе природы, по указанію миѳа, происходитъ отъ губительнаго укола Зимы. По русскому народному выраженію Зима *съ гвоздемъ* ходитъ, *сковываетъ* воды и землю, и накладывая на рѣки и озера свои ледяные мосты, скрѣпляетъ ихъ *гвоздями* [1]). Итакъ дѣйствіе и ощущеніе, производимыя зимними холодами, уподобляются уколу остраго, крѣпко-прибитаго гвоздя. Воплощая естественныя явленія въ живые образы, греческой миѳъ эту гибель плодородныхъ силъ природы выразилъ тѣмъ, что красавецъ Адонисъ сраженъ былъ *зубомъ* или *клыкомъ* вепря (зооморфическій образъ зимы). Когда Адонисъ умеръ, Афродита (Венера) умолила Зевса дозволить, чтобы онъ, оставаясь полгода въ подземномъ царствѣ тѣней, другую половину года проводилъ въ обители свѣтлыхъ боговъ. Съ тѣхъ поръ Адонисъ попеременно переходитъ изъ объятій Венеры въ объятія подземной богини Прозерпины. Это представленіе круговаго

[1]) См. Пословицы русск. народа (стр 999—1001): Козьма и Демьянъ (1 ноября) *съ гвоздемъ;* Козьма-Демьянъ (или Юрій—26 ноября) *съ мостомъ,* Никола (6 дек.) *съ гвоздемъ*; со дня Михаила-архангела (8 ноября) Зима *морозы куетъ;* Варвара (4 декабря) *мостить*, Савва (5 дек.) *гвозди остритъ,* Никола *прибиваетъ* (или: Савва *стелетъ,* Никола *гвоздитъ*); на Николу Зима *съ гвоздемъ* ходитъ. Такъ какъ на Козьму и Демьяна Зима принимается *сковывать* землю и воды, то и тотъ и другой слывутъ въ народѣ кузнецами и нерѣдко въ преданіяхъ заступаютъ мѣсто древнихъ миѳическихъ ковачей (см. примѣчан. къ сказкѣ о Никитѣ Кожемякѣ).

оборота, замѣчаемаго въ жизни природы, поэтическая картина ея цвѣтенія и увяданія. Тоже значеніе, какое придано здѣсь кабаньему клыку, въ народныхъ сказкахъ приписывается острію булавки (иглы, шпильки) и колючему терну [1]), а въ тѣхъ варіантахъ, гдѣ въ гибели героя или героини желали ярче выразить непреложное предопредѣленіе судьбы,—веретену или кострикѣ. Смерть и воскресеніе природы—исторія, издревле интересовавшая человѣка и потому постоянно повторяющаяся въ его миѳологическихъ сказаніяхъ. Она передается и въ повѣсти о всѣми обожаемомъ Бальдурѣ скандинавской Эдды: все, что существуетъ на землѣ, поклялось его матери не наносить вреда этому свѣтлому герою; но при отобраніи всеобщей клятвы позабыли о ничтожномъ растеніи, которое родится не на землѣ, а на деревьяхъ, и стрѣлою, сдѣланною изъ омелы, убитъ Бальдуръ *въ пору зимняго солнцестоянія*. Въ персидскомъ эпосѣ герой, котораго не можетъ ранить никакое оружіе, погибаетъ отъ вѣтки терновника, пущенной вмѣсто стрѣлы (Essai de Mythologie comporée Макса Мюллера). Зимній сонъ природы — сонъ долгой и непремѣнно продолжающійся до извѣстнаго срока; отсюда понятно, почему сильномогучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, повергаются въ непробудной, такъ называемой богатырской сонъ, которой длится иногда двѣнадцать сутокъ (см. вып. VII, № 5, 6, 7; вып. VIII, № 23). Любопытно упоминаніе одной сказки (вып. VIII, № 12), что какъ скоро доброй молодецъ впалъ въ безпробудный сонъ, тотчасъже на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки, словно отъ зимнихъ морозовъ. — Возвратъ къ жизни окаменѣлыхъ героевъ народный эпосъ приписываетъ: а) взбрызгиванію *живой*

[1]) Наоборотъ враждебный сказочнымъ героямъ Кощей умираетъ тогда, когда сломленъ конецъ иголки (вып. VII, № 16).

воды (вып. VI, № 69), т. е. весеннему дождю, или b) помазанію *кровью* (вып. VII, № 6; въ сербской пѣснѣ о дьяконѣ Стефанѣ, въ изд. Карадж., кн. II, стр. 7—10, ангелы исцѣляютъ нѣмыхъ и слѣпыхъ кровью ребенка). Представляя тучи небесными конями и коровами, первобытныя пастушескія племена называли дождь сѣменемъ, молокомъ и кровью этихъ миѳическихъ животныхъ; потому богатырь Незнайко (вып. VIII, № 10) точитъ кровь изъ задней ноги своего чудеснаго коня, окропляетъ ею опустошенный садъ, и тамъ, куда пали кровяныя капли, выростаютъ роскошные цвѣты и деревья: эпизодъ, по своему значенію совершенно тождественный съ народнымъ преданіемъ, утверждающимъ, что богатырскіе кони ударомъ своихъ копытъ выбиваютъ ключи *живой воды.* Царевна, погруженная въ долголѣтній сонъ, пробуждается не прежде, какъ въ то урочное время, когда чудодѣйный мечъ разрубитъ ея тѣсную броню и когда изъ пальца красавицы будетъ *высосана* уколовшая ее заноза, т. е. когда прекратится мертвящее вліяніе Зимы и твердыя *оковы,* которыя наложила она на землю и дождевыя тучи, будутъ раздроблены и прососаны жгучими лучами весенняго солнца. Польской глаголъ *smoktać* (*чмокать* или *цмокать*—издавать звукъ губами) одинаково употребляется и въ смыслѣ *сосать* (*ссати, сцать*—пускать мочу) и въ смыслѣ *цѣловать*; *smok* или *cmok* — драконъ, змѣй, высасывающій молоко изъ небесныхъ коровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — водяной насосъ, пожарная труба. Если понятія «сосать» и «цѣловать» отождествлялись въ языкѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ народномъ эпосѣ спящая царевна пробуждается къ жизни не только высасываніемъ изъ ея тѣла губительной занозы, но и поцѣлуемъ юнаго свѣтлаго жениха (сличи Walach. Märchen, стр. 261: поцѣлуй морской дѣвы воскрешаетъ убитаго витязя). Поэтической языкъ доселѣ удерживаетъ древнюю метафору, по выраженію которой

весеннее солнце *горячо лобзаетъ* землю—и она, словно невѣста передъ вѣнцомъ, убирается въ яркую зелень и цвѣты.

41.

ЧУДЕСНЫЙ ЯЩИКЪ.

Эта сказка есть ничто иное, какъ народная передѣлка арабской повѣсти объ Аладинѣ (Тысяча и одна ночь, т. IX, стр. 182—252, т. X, стр. 3—172), въ которой весь интересъ сосредоточенъ на чудесномъ лампадникѣ и волшебномъ кольцѣ: стòитъ только потереть тотъ или другое, какъ тотчасъ-же явятся духи, и по требованію владѣльца этихъ диковинокъ выполнятъ самыя трудныя задачи. Вмѣсто лампадника въ русской передѣлкѣ встрѣчаемъ чудесной ящикъ, а вмѣсто кольца — ключъ; если перекинуть ящикъ съ руки нà руку, то къ услугамъ явятся двадцать четыре мóлодца (сличи въ Westslaw. Märchenschatz, стр. 2); кольцу же подвластны только двое мóлодцевъ. Подобный разсказъ извѣстенъ и между хорутанами (см. Валявца, стр. 99—103). Съ повѣстью объ Аладинѣ отчасти сходна русская сказка про волшебное кольцо (см. примѣчан. къ вып. VI, № 67); но въ этой послѣдней утрата кольца связывается съ измѣною жены, а возвратъ его приписывается собакѣ и кошкѣ, которыхъ нѣкогда добрый хозяинъ избавилъ отъ смерти.

Въ сказкѣ о чудесномъ ящикѣ Иванъ-крестьянской сынъ, утративъ свою диковинку, попадаетъ въ глубокую яму, куда бросали всякую падаль, и не знаетъ, какъ оттуда выбраться; да потомъ, надумавшись, привязываетъ себя къ палой скотинѣ. Немного спустя прилетѣла большая птица, ухватила мертвечину и вмѣстѣ съ нею вынесла наверхъ и крестьянска-

го сына. Эта птица весьма часто и подъ различными названіями упоминается въ народныхъ памятникахъ (см. Němec, стр. 58—60, сборники Валявца, стр. 183—6, Вольфа, стр. 206—7, 221, и Гальтриха, стр. 88—89). Въ сказкѣ «Норка-звѣрь» царевичъ возвращается изъ подземнаго царства на крыльяхъ птицы, которая была столь огромна, что подобно тучамъ, заволакивающимъ небо, *затемняла собою солнечный свѣтъ;* услугу эту она оказываетъ царевичу за то, что онъ былъ сострадателенъ и прикрылъ ея птенцовъ отъ проливнаго дождя (вып. I, № 6; вып. VII, № 5, b; сличи съ разсказомъ о Могуль-птицѣ — въ Пѣсняхъ Рыбник., ч. I, стр. 448). Въ другой сказкѣ (вып. VII, № 16) доброй молодецъ отправляется въ далекое тридесятое государство искать свою невѣсту; подходитъ къ морю — черезъ то море переправы нѣтъ. Рыбаки зашиваютъ его въ брюхо нарочно-зарѣзанной лошади и бросаютъ ее на берегу; вдругъ *подымается буря* и подымается она отъ взмаха крыльевъ птицы-львицы или грифъ-птицы, которая величиной будетъ съ гору, а *летитъ быстрѣй пули изъ ружья.* Греки представляли грифа съ головой и крыльями орлиными, съ туловищемъ, ногами и когтями льва, — какое представленіе попало и въ русскую сказку. Грифъ-птица переноситъ молодца черезъ море. Подобнымъ-же образомъ совершаетъ путешествіе на высокую золотую гору молодой прикащикъ, зашитый въ лошадиное брюхо семисотнымъ купцомъ; его уносятъ туда черные *вдроны-носы желѣзные* (вып. VII, № 24). Преданіе это извѣстно и въ арабскихъ сказкахъ (Тысяча и одна ночь, во второмъ путешествіи мореходца Синдбада, т. III, стр. 30 — 31) и въ средневѣковой литературѣ. Huon de Bourdeaux совершилъ такую-же поѣздку на грифѣ; въ баснословной повѣсти псевдо-Каллисѳена Александръ предпринималъ воздушное путешествіе на «крылатыхъ звѣряхъ» или грифахъ и управлялъ ими съ помощію

копья, на остріѣ котораго былъ настромленъ кусокъ мяса. Чешская повѣсть о королевичѣ Брунсвикѣ (XVI вѣка) замѣняетъ грифа страусомъ: когда корабль Брунсвика былъ притянутъ къ магнитной горѣ и всѣ его спутники погибли, дядька зашилъ королевича въ конскую шкуру, обмазалъ сверху кровью и положилъ на горѣ; прилетѣла птица Ногъ (сербск. нoj — страусъ), унесла его въ далекія страны и бросила въ свое гнѣздо; королевичъ убилъ ея птенцовъ и отправился въ новыя странствованія (см. Пыпина Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей, стр. 73, 224—7). Въ сербскихъ приповѣдкахъ Вука Караджича (№ 43) встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ о премудромъ Соломонѣ. Соломонъ утверждалъ, что можно обмануть всякую женщину; а мать его настаивала, что это неправда. Спустя нѣсколько времени Соломонъ доказалъ спорщицѣ, что и она такая-же, какъ всѣ прочія женщины. Мать крѣпко за то разсердилась и изрекла проклятіе, что онъ до тѣхъ, поръ не умретъ, пока не увидитъ морской глубины и небесной высоты. Когда Соломонъ состарился и ему наскучило жить на бѣломъ свѣтѣ, онъ сталъ придумывать, какъ-бы избавиться отъ материнской клятвы. И вотъ что онъ сдѣлалъ: сковалъ большой желѣзной ковчегъ, прикрѣпилъ къ нему длинную цѣпь, потомъ приказалъ женѣ запереть себя въ этомъ ковчегѣ, опустить на дно моря и опять вытащить на берегъ. Жена опустила его въ море; но обманутая кѣмъ-то, что премудраго пожрали рыбы, кинула желѣзную цѣпь, которая и придавила Соломона въ морской глубинѣ. На ту пору черти нашли клюку, шапку и одежду св. Ивана, и поссорившись при дѣлежѣ, явились къ Соломону съ просьбою помирить ихъ. «Какъ я помирю васъ, отвѣчалъ премудрой, когда не вижу изъ-за чего вы ссоритесь? Поставьте меня напередъ на землю.» И черти вынесли ковчегъ на берегъ. Послѣ того поймалъ Соломонъ два ноя (страуса) и не кормилъ

ихъ нѣсколько дней, чтобъ они хорошенько проголодались; затѣмъ привязалъ имъ за̀ ноги большую корзину, сѣлъ въ нее и поднялъ вверхъ на длинномъ рожнѣ жареннаго ягнёнка. Птицы, желая схватить мясо, взмахнули крыльями и летѣли все выше и выше—до тѣхъ поръ, пока премудройше ткнулъ рожномъ въ небесной сводъ; тогда онъ повернулъ рожо̀нъ внизъ, и птицы опустились на землю. Названіе «Ногъ-птица» изъ переводныхъ рукописей перешло въ уста народа, и въ нашихъ сказкахъ явилась птица *Ногай* (см. сказку объ Игнатiѣ-царевичѣ и Суворѣ-невидимкѣ), съ которою совершенно тождественна Стратимъ(страусъ)-птица «голубиной книги»; объ этой послѣдней народный стихъ выражается такъ: если она встрепенется, то все море всколыхается и потонутъ корабли съ товарами. Въ грандiозномъ образѣ огромной, могучей и быстролётной птицы фантазія воплотила тотъ неудержимо-несущiйся вихрь, который, нагоняя на̀ небо тучи, потемняетъ солнечный свѣтъ, воздымаетъ морскія бури и вырываетъ столѣтнія деревья (см. вып. V, № 40). Быстрое дуновеніе вѣтровъ издревле уподоблялось полёту, и миѳъ не иначе представляетъ вѣтры, какъ существами крылатыми (Отеч. Зап. 1852, № 1: Зооморѳ. божества у славянъ). Отсюда понятно, почему подъ крыльями сказочной птицы оказываются пузырьки съ богатырскою (живою) водою, (т. е. она приноситъ дождь — см. вып. VII, № 16), почему сто̀итъ только ей дунуть и плюнуть на отрѣзанныя ѝкры мо̀лодца — и онѣ тотчасъ-же приростаютъ къ его ногамъ; понятно также, почему иногда ее называютъ орломъ или во̀рономъ, а иногда замѣняютъ дракономъ (Litauische Märchen, стр. 139). Орелъ —носитель Зевсовыхъ громовъ, а во̀ронъ—живой и мертвой воды (вып. VII, № 11; вып. VIII, № 8). Имена же страуса и грифа приданы этой птицѣ подъ вліяніемъ басней средневѣковыхъ бестіаріевъ, которые, какъ извѣстно, составляли въ старину

любимое чтеніе грамотнаго люда.-Въ одной сказкѣ (вып. VIII, № 7) Воронъ Вороновичъ носитъ царевича по горамъ и доламъ, по вертепамъ и облакамъ, отдаетъ ему *посошокъ-пёрушко*, и отдавши—обращается въ простаго вòрона. Съ помощію этого пёрушка царевичъ вылетаетъ изъ подземнаго царства; подобно тому герой нѣмецкой сказки (у Вольфа, стр. 6—7), вложивъ въ свой ротъ и уши три пера, вырванныя изъ птицы грифа, получаетъ способность летать съ необыкновенною скоростью. Посошокъ-пёрушко напоминаетъ собою Nackenfoeder норвежскаго преданія (см. примѣч. къ I вып., № 5 и 6) и окрыленный жезлъ Меркурія.

42.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Другой списокъ этой сказки напечатанъ въ VIII вып., № 13. Сличи у Худяк., вып. III, № 110; въ Трудахъ курск. губ. статист. комитета, вып. I, стр. 525 — 7; въ издан. Эрленвейна, стр. 50—53; сербскую сказку о девяти павахъ—у Караджича, № 9; хорутан. сборн. Валявца, стр. 23—24, и Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 31.

44.

ГОРШЕЧНИКЪ.

Народныя повѣрья приписываютъ чертямъ наиболѣе тѣ занятія, которыя связаны съ огнемъ и потому такъ удобны для нечистой силы, обитающей въ пеклѣ. Черти представляются

то кузнецами, то горшечниками. Укоряя обидчика, нерѣдко грозятъ ему этою поговоркою: «Быть тебѣ въ раю, гдѣ горшки обжигаютъ!» т. е. въ аду.

45.

ВДОВА И БѢСЪ.

Есть еще разсказъ о мертвецѣ, который являлся съ того свѣта къ своей неутѣшной вдовѣ (см. Казанск. губ. вѣдомости 1859 г., № 7, стр. 62; Podania i legendy Семеньскаго, стр. 36—37).

46.

БЕЗСТРАШНОЙ.

Сказка выставляетъ человѣка, невѣдающаго боязни. Желая узнать, что такое страхъ? онъ странствуетъ по свѣту, встрѣчается съ разбойниками, чертями и блуждающими по ночамъ мертвецами, смѣло расправляется со всѣми, и страхъ по прежнему остается ему невѣдомъ. Но если не могли устрашить его ни мертвецы, ни черти, то одинъ ничтожный случай напугалъ своею неожиданностью: разъ какъ-то заснулъ безстрашной въ лодкѣ, рыбаки наловили живыхъ ершей и поклали ему за пазуху; рыба затрепетала, и онъ съ испугу чуть не упалъ въ воду. Подобные разсказы извѣстны у литовцевъ (сборн. Шлейхера, стр 79 — 83) и нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärch., т. I, № 4; т. III, стр. 9—14; въ сборн. Вольфа, стр. 408—416). Одинъ изъ варіантовъ, напечатанный нами

въ VIII вып., № 28, отличается большими особенностями и въ окончаніи проводитъ другую мысль: не смотря на свое безстрашіе, сказочной герой все-таки дѣлается жертвою демонской злобы.

47.

СКРИПАЧЪ ВЪ АДУ.

Сообщенный подъ этимъ заглавіемъ разсказъ направленъ противъ скупости и не чуждъ легендарнаго характера: скряга, зарывающій свои богатства, попадаетъ по смерти въ адъ и терпитъ большія муки отъ чертей-оберегателей кладовъ. Въ другомъ разсказѣ (вып. VI, № 33) скупецъ, поѣдающій передъ кончиною свои деньги, въ самой день своей смерти дѣлается добычею нечистыхъ духовъ.

48.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО.

Сказка эта основана на древней вѣрѣ въ таинственную силу слова. Слово, языкъ есть то духовное орудіе, чрезъ посредство котораго человѣкъ можетъ обращаться къ божеству съ мольбою, выражать ему свои нужды и желанія, и такимъ образомъ вызывать его на помощь. Соединенное съ жертвенными обрядами, оно получило въ древнихъ гимнахъ значеніе заклятія, заговора, которому не въ силахъ противиться сами боги. Отсюда возникло вѣрованіе, доселѣ живущее у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, что слово благословенія, добраго

пожеланія призываетъ на того, кому оно высказывается, счастіе, здоровье и успѣхъ въ дѣлѣ; наоборотъ слово проклятія или злаго пожеланія влечетъ за собою гибель, болѣзни и разныя бѣды. Особенно спасительно родительское благословеніе и особенно страшна родительская клятва, по самой важности отцовской и материнской власти, которая такъ слѣпо и непритворно уважалась въ патріархальномъ быту. Въ казацкихъ пѣсняхъ съ глубокимъ убѣжденіемъ выражено:

Якъ не будемъ отцю й матери правды казати,
То буде насъ отцевська й материньска молитва карати!

Этой кàрѣ приписываютъ казаки и бурю нà морѣ и неудачную битву съ турками, припоминая, что при отъѣздѣ своемъ изъ дому они не взяли опрощенья ни съ отцемъ, ни съ матерью (Сбор. украинск. пѣсенъ, Максимовича, изд. 1849 г., стр. 19, 24, 51). Въ малорусскихъ пѣсняхъ не разъ жалуется дѣвица на свое горькое житье, которое выпало ей на долю, потому что недобрая мать кляла ее малою дѣтиною (Народ. южнорус. пѣсни, А. Метлинскаго, стр. 275, 277—8):

«Дѣсь ты мене, маты, въ барвинку купала,
Купаючы проклынала, щобъ доли не мала?»
— Проклынала, доню, тогди твою долю:
Нà гору йшла, тебе несла, ще-й воды набрала.
«Було-бъ тоби, маты, водыци не браты,
И моеи счастя-доли да-й не проклынаты!»
— Ще я тогди, доню, долю проклынала,
Якъ у степу пры дорози пшеныченьку жала,
Пшеныченьку жала, снопа зароблява,
А ты мини, моя доню, спаты не давала.
«Було-бъ тоби, маты, пшеныци не жаты,
И моеи счастя-доли да-й не проклынаты!»
— Ище тогди, доню, долю проклынала:
Мала ничка-Петривочка, я всю ничь не спала,
Всю ничку не спала, тебе колыхала...
«Було-бъ тоби, маты, та-й не колыхаты,
И моеи счастя-доли да-й не проклынаты!»

Злое, неосторожно-сказанное въ сердцахъ слово, хотя бы безъ всякаго желанія, чтобъ оно сбылося, по народному повѣрью никогда не остается безъ худыхъ послѣдствій. «Чтобъ тебя буйнымъ вѣтромъ унесло!» говоритъ въ сказкѣ красная дѣвица, не добудившись своего милаго, — и въ ту-же минуту подхватило его вихремъ и унесло далеко-далеко въ безвѣстныя страны (вып. VIII, № 12; см. также Podania i legendy Семеньскаго, стр. 82). Если отецъ или мать скажетъ своему дѣтищу (особенно въ недоброй часъ) нехорошее слово: «чортъ бы тебя бралъ!... Изыми тя!... Унеси тя!»—быть ребёнку между *заклятыми*, т. е. попасть въ число тѣхъ, которые унесены нечистою силою. Въ нашемъ народѣ ходитъ множество разсказовъ о томъ, какъ пропадали такимъ образомъ отверженныя дѣти. Жилъ въ Заонежьѣ старикъ со старухою, кормился охотою и была у него собака — цѣны ей нѣтъ! Разъ попался ему на встрѣчу хорошо-одѣтый человѣкъ: «продай, говоритъ, собаку, а за разсчетомъ приходи завтра вечеромъ на Мянь-гору.» Старикъ отдалъ собаку, а на другой день пошелъ на̀ гору. Поднялся на верхъ горы — стоитъ большой городъ, гдѣ живутъ лембои (черти); пришелъ въ домъ того, что̀ купилъ собаку; тутъ гостя накормили, напоили, въ банѣ выпарили. Парилъ его мо̀лодецъ, и покончивъ дѣло, палъ ему въ ноги: «не бери, дѣдушка, за собаку денегъ, а выпроси меня!» Дѣдъ послушался: «отдай, говоритъ, мнѣ добра мо̀лодца; замѣсто сына у меня будетъ.» — Много просишь, старикъ! да дѣлать нечего, надо дать. Пришли домой, и сказываетъ мо̀лодецъ старику: «ступай ты въ Новгородъ, отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца.» Старикъ пошелъ въ Новгородъ, попросился къ купцу ночевать и сталъ его спрашивать: «были-ль у тебя дѣти?» — Былъ одинъ сынъ, да мать въ сердца̀хъ крикнула на него: лембой те возьми! Лембой и унёсъ его. «А что дашь, я тебѣ ворочу его?» Доброй мо̀лодецъ, ко-

тораго вывелъ старикъ отъ лембоевъ, и былъ тотъ самой купеческой сынъ. Купецъ обрадовался и принялъ старика со старухою къ себѣ въ домъ («День», 1862 г., № 52, стр. 14). Одна мать прокляла свою дочь на Свѣтло-Христово Воскресенье, и нечистая сила похитила дѣвушку. Случилось какъ-то бѣдному солдату раздуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ: «эхъ, сказалъ онъ, плохое житье! хоть бы чертовка за меня замужъ пошла!» И явилась къ нему ночью эта самая дѣвица; онъ сейчасъ крестъ ей на шею и повелъ ее въ церковь. Нечистые начали пугать солдата разными страхами; видѣлось ему, будто горы на него катились, провалы разверзались, кругомъ все пожаромъ обхватывало, а онъ не убоялся — шелъ себѣ бодро, привелъ дѣвицу въ церковь и раннимъ утромъ обвѣнчался съ нею.— Вотъ еще любопытный разсказъ, записанный во владимірской губерніи: Жилъ старикъ со старушкою, и былъ у нихъ сынъ, котораго мать прокляла еще во чревѣ. Сынъ выросъ большой и отецъ женилъ его; вскорѣ послѣ того пропалъ онъ безъ вѣсти. Искали его, молебствовали объ немъ, а пропащій не находился. Въ одномъ дремучемъ лѣсу стояла сторожка; зашелъ туда ночевать старичокъ-нищій и улегся на печкѣ. Спустя немного слышится ему, что пріѣхалъ къ тому мѣсту незнакомой человѣкъ, слѣзъ съ коня, вступилъ въ сторожку и всю ночь молился да приговаривалъ: «Богъ суди мою матушку — за что меня прокляла во чревѣ!» Утромъ пришелъ нищій въ деревню и прямо попалъ къ старику со старухой на дворъ. «Что, дѣдушка! спрашиваетъ его старуха, ты человѣкъ мірской, завсегда ходишь по міру, не слыхалъ ли чего про нашего пропащаго сынка? Ищемъ его, молимся о немъ, а все не находится.» Нищій и разсказалъ ей, что ему въ ночи почудилось: «не вашъ ли это сынокъ?» Къ вечеру собрался старикъ, отправился въ лѣсъ и спрятался въ сторожкѣ за печкою. Вотъ пріѣхалъ ночью

мо̀лодецъ, молится Богу да причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что меня прокляла во чревѣ!» Старикъ узналъ сына, выскочилъ изъ-за печки и говоритъ: «ахъ, сынокъ! насилу тебя сыскалъ; ужь теперь отъ тебя не отстану!» — Иди за мной! отвѣчалъ сынъ, вышелъ изъ сторожки, сѣлъ на коня и поѣхалъ; а отецъ вслѣдъ за нимъ идетъ. Пріѣхалъ мо̀лодецъ къ пролуби и прямо туда съ конемъ — такъ и пропалъ! Старикъ постоялъ-постоялъ возлѣ пролуби, вернулся домой и сказываетъ женѣ: «сына-то сыскалъ, да выручить трудно: вѣдь онъ въ водѣ живетъ!» На другую ночь пошла въ лѣсъ старуха, и тоже ничего добраго не сдѣлала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, добралась до мѣста, взошла въ сторожку и легла за печку. Пріѣзжаетъ мо̀лодецъ, молится и причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что меня прокляла во чревѣ!» Молодуха выскочила: «другъ мой сердечной, законъ неразлучной! теперь я отъ тебя не отстану!» — Иди за мной! отвѣчалъ мужъ и привелъ ее къ пролуби. «Ты въ воду, и я за тобой!» говоритъ жена. — Коли такъ, сними съ себя крестъ. Она сняла крестъ, бухъ въ пролубь — и очутилась въ большихъ палатахъ. Сидитъ тамъ сатана на стулѣ; увидалъ молодуху и спрашиваетъ ея мужа: «кого привелъ?» — Это мой законъ! «Ну, коли это твой законъ, такъ ступай съ нимъ вонъ отсюдова! Закона нельзя разлучать.» Вотъ такъ-то выручила жена мужа и вывела его отъ чертей на вольной свѣтъ. — Разсказываютъ еще: если обрядъ крещенія будетъ по чему-либо не доконченъ или совершонъ пьянымъ попомъ, то въ такомъ случаѣ ребёнокъ сдѣлается полонянникомъ «чернородныхъ демоновъ». Не одни черти уносятъ проклятыхъ дѣтей, но и лѣшіе и водяные, которые, какъ свидѣтельствуютъ народныя повѣрья, обыкновенно смѣшиваются съ нечистою силою (см. вып. VII, № 33; Щапова Историч. очерки народн. міросозер-

ванія и суевѣрія, стр. 32, 36—37; Этнограф. сборн., вып. IV, стр. 261; сказки Худяк., вып. I, № 29; Памятники старин. рус. литерат., вып. I, стр. 153: Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи).

Въ сказкѣ, напечатанной въ VIII выпускѣ нашего сборника—№ 19, заклятая дѣвица является изъ воды къ молодому промышленнику и подъ звуки гуслей носится передъ нимъ въ легкой пляскѣ. Подобное-же преданіе встрѣчается въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца, стр. 241—2: юноша любитъ дѣвицу, которая еще ребёнкомъ была похищена и унесена въ море; тамъ вскормили ее морскія дѣвы и бѣлое тѣло ея облекли въ рыбью оправу (чешую).

49.

СОСВАТАННЫЯ ДѢТИ.

Эта и другія сказки, помѣщенныя въ VI-мъ выпускѣ, подъ №№ 41—44, основаны на томъ хитромъ препираніи загадками, которое признается за характеристическую принадлежность восточной поэзіи и вообще составляетъ любимой эпической пріемъ у всѣхъ младенческихъ народовъ (см. примѣч. къ вып. II, № 20). Старинныя литературныя произведенія, весь интересъ которыхъ сосредоточивается на разрѣшеніи загадокъ, пользовались на Руси особеннымъ уваженіемъ; таковы: повѣсть о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ и Наливскія страны, или Слово объ Акирѣ Премудромъ — изъ Тысяча и одной ночи (Пыпина Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей, стр. 63, 115 — 6, 191; Памятн. старин. русск. литерат., вып. II, стр. 359—370); переводъ Римскихъ Дѣяній, сказа-

нія о Соломонѣ Премудромъ и Южской царицѣ [1]). Многое изъ этихъ книжныхъ источниковъ перешло въ устные народные разсказы; апокрифическія подробности о премудромъ Соломонѣ до сихъ поръ слышатся въ разныхъ передѣлкахъ въ устахъ поселянъ (см. Худяк., вып. II, № 80; Пѣсни Рыбник., ч. II, стр. 303 и далѣе). Русская повѣсть о кіевскомъ купцѣ Басаргѣ и сынѣ его Борзосмыслѣ (Очеркъ литер. исторіи стар. повѣстей, стр. 95 и дал.; Памятн. старин. русск. литер., вып. II, стр. 347 — 356), встрѣчающаяся въ рукописяхъ XVII вѣка, заставляетъ семилѣтняго отрока разрѣшать мудрёныя задачи, предложенныя ему нечестивымъ царемъ: «много ли отъ востока до запада? что̀ днемъ десятая часть въ міру убываетъ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ?» Сказка о мудрой дѣвѣ-семилѣткѣ, сходная съ муромскою легендою о Февроніи (вып. III, стр. 134 втораго изданія; Памятн. стар. рус. литер., вып. I, стр. 29—48), извѣстна во многихъ варіантахъ (ibidem, стр. 49—50; Худяк., вып. I, № 6). Любопытны нѣкоторыя особенности малороссійскаго варіанта. Когда посланные паномъ сваты явились къ семилѣткѣ, она ихъ спросила: «чимъ-же васъ, панове свати, частувати: чи прибиллю, чи ўбиллю, чи тимъ, що на пана Бога дивитця?» Сваты не поняли и потребовали объясненія. Невѣста отвѣчала: «а ви з' своимъ паномъ уміете загадки загадовати, а отгадати не вмивались, мабуть!... Такъ се бачте: прибиль—то молоко, бо якъ корову видоють, то й корова цила и молоко је—отъ воно и прибиль! а убиль—такъ то сало, бо якъ свиню зарижуть, такъ хочь сала з' неји добудуть, а свини въ хозяйстви не буде; а те, що на пана Бога дивитця,

[1]) Въ повѣсти объ Акирѣ царь между прочимъ задаетъ ему свить ужище изъ песку; Акиръ просверливаетъ стѣну, велитъ сыпать въ дыру песокъ «и вѣтромъ помочь творити — и песокъ поиде по земли, аки гужъ».

такъ то сиривець, бо винъ у насъ бо́знаколишній, такій кислій, що якъ покоштуешъ, то й голову вверхъ задерешъ, неначе на образа́ дивисся!» — Прислави панъ насъ до тебе свата̀ми, сказали гости, тильки казавъ, щобъ ти отси айця взяла и къ свиту голубятъ вивела, и щобъ голубята панови на обидъ поспили. Невѣста требуетъ, чтобы панъ посѣялъ и выростилъ къ утру просо—было бы чѣмъ кормить голубей; а немного погодя, вскочила до сватовъ, ухватила ихъ за свитки и стала кричать: «горитъ, горитъ!» Сваты — съ испугу: не у нихъ ли что загорѣлось? — посбрасывали съ себя всю одёжу; даже сорочки — и тѣ скинули. Семилѣтка вытолкала ихъ изъ хаты, и говоритъ: «панъ голубивъ хотивъ, отъ ёму й *голуби*! идить соби *голи* (игра словъ), а свитки згодятьця голубятъ укривати.» Панъ женился на семилѣткѣ. Приходятъ къ нему два мужика: «були ми, говорятъ, въ поли та найшли сокиру (топоръ), та ниякъ не подилимось.» Одинъ мужикъ увѣряетъ, что онъ напередъ увидѣлъ сокиру, а другой возражаетъ: «нѣтъ, я!» Панъ задумывается, не знаетъ, какъ разсудить спорщиковъ; а жена говоритъ ему: «о̀тъ, Богъ зна надъ чимъ думаете довго! збійте сокиру з' топорища: одному нехай топорище, а другому сокира буде!» — Подобная сказка существуетъ у сербовъ (Нар. приповијетке В. Караджича, № 25), нѣмцевъ (Гальтр., № 45) и литовцевъ (сборн. Шлейхера, стр. 3—4; задачу: явиться ни пѣшкомъ, ни въ телегѣ, ни на лошади, ни полемъ, ни по дорогѣ, и стать между лѣтомъ и зимою, мудрая дѣва разрѣшила такъ: сѣла на козла, поѣхала колеей, проложенною колесомъ, и остановилась между санями и телегою).

Сказка о мужикѣ, который на вопросы царя отвѣчалъ хитрыми загадками (вып. VI, № 41, Ь), также извѣстна въ различныхъ варіантахъ; см. Пермск. сборн., т. I, стр. 122—4, и Записки о южн. Руси, т. I, стр. 230—4: «Сѣрые гуси

изъ бѣлой Руси» [1]). Два такіе разсказа, особенно интересные потому, что содержаніе ихъ связано съ именами Ивана Грознаго и Петра Великаго, сообщены г. Рыбниковымъ (Пѣсни, имъ собранныя, ч. II, стр. 232 — 6, 243 — 4). Иванъ Грозный потребовалъ отъ иноземныхъ королей и князей ежегодной дани. Короли и князья собрались совѣтоваться и придумали загадать русскому царю три загадки: если отгадаетъ, то рѣшили дать ему двѣнадцать бочекъ золота; а если нѣтъ, то не только не платить ему дани, но и отъ царства совсѣмъ отказать. Отправился царь разгадывать загадки; на дорогѣ попадается ему старикъ и научаетъ его мудрымъ отвѣтамъ, за что Иванъ Грозный обѣщаетъ съ своей стороны пожаловать старику цѣлую бочку золота. Загадки были слѣдующія: что удалѣй всего на свѣтѣ? Отвѣтъ: очи — куда ни взглянешь, все въ мигъ увидишь! Что всего милѣе? — Красное солнце; оно освѣтитъ—всякая тварь возвеселится! Что всего слаще?—Вода; безъ нея жить нельзя! Грозной царь отгадалъ загадки и получилъ дань; жаль ему стало отдавать старику деньги, приказалъ вынуть изъ бочки двѣ трети золота и пустое мѣсто наполнить пескомъ. Сдѣлалъ такъ, пріѣхалъ къ старику и отдаетъ бочку. Говоритъ ему тотъ: «что-жъ ты пескомъ платишь?» Царь увѣрился—не простой это человѣкъ, все знаетъ, и сталъ его слезно умолять, чтобы взялъ себѣ любую бочку. — Мнѣ твое золото не надобно, отвѣчалъ старикъ, а нужна была твоя правда! Помни же, царь: самъ ты ввелъ измѣну въ Русь православную, и тебѣ никогда не искоренить ея! (Сличи съ любопытнымъ эпизодомъ стариннаго сочиненія о судахъ царя Соломона — по рукописи XVI стол., въ Па-

[1]) Оба списка сходны съ «Горшенею; въ малороссійскомъ варіантѣ царь спрашиваетъ мужика: давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга? (т. е давно ли голова посѣдѣла?) и давно ли пошла изъ-подъ горъ вода? (т. е. давно ли текутъ слезы изъ глазъ?)

мятн. отречен. русск. литер., т. I, стр. 269.) Разсказъ о Петрѣ Великомъ весьма близокъ къ напечатанной нами сказкѣ, только окончаніе другое: царь проситъ мужика указать ему дорогу. Мужикъ говоритъ: «поѣзжай прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо.» — Этой грамоты я не знаю, отвѣчаетъ царь; сведи ты меня! Мужикъ не призналъ царя и сталъ отказываться: «въ крестьянствѣ день дорого стòитъ!»—Я тебѣ заплачỳ. «А заплатишь, такъ ѣдемъ!» Сѣли они въ одноколку и поѣхали. Дорòгою спрашиваетъ Петръ Великой: «видалъ ли, мужичокъ, царя?»—Нѣтъ, а надо бы посмотрѣть. «Смотри, какъ пріѣдемъ; тамъ царь будетъ.» — А какъ его признать? «Всѣ безъ шапокъ будутъ, одинъ царь въ шапкѣ.» Вотъ какъ пріѣхали— люди, увидавъ царя, тотчасъ шапки долой; только они двое и остались въ шапкахъ. Мужикъ глазѣетъ: «кто же царь-то?» — Да видно, кто-нибудь изъ насъ! говоритъ ему Петръ Великой. — Для сличенія приводимъ хорутанскую сказку (у Валявца, стр. 262) «Frater i turski car»: Рѣшилъ было турецкой царь изгнать изъ своего царства всѣхъ монаховъ, да наперёдъ вздумалъ позвать къ себѣ настоятеля и задать ему три вопроса. Испуганный настоятель скрылся; вмѣсто его вызвался идти монастырской кухарь. «Скажи мнѣ, сказалъ царь, гдѣ средина свѣта?» — Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты возсѣдаешь! отвѣчалъ монахъ; а если не вѣришь, то прикажи измѣрить. Другой вопросъ былъ такой: «что теперь дѣлаетъ Богъ?» —Ну, этого сквозь потолокъ не увидишь; надо ѣхать въ поле. Выѣхали они въ поле: царь на добромъ конѣ, а монахъ на ослѣ. Взглянувъ на небо, монахъ сказалъ: «какъ усмотрѣть мнѣ, сидя на маломъ ослѣ? Дай-ка мнѣ своего коня!» Царь согласился, уступилъ ему коня, а самъ сѣлъ на осла. Тогда монахъ отвѣчалъ царю: «Богъ удивляется, что государь на ослѣ сидитъ, а монахъ на конѣ.» — Скажи теперь, что я ду-

маю? спросилъ царь. «Ты думаешь, что ведешь бесѣду съ настоятелемъ, а вѣдь я — кухарь!» Турецкому царю понравились отвѣты: «если такъ премудръ простой кухарь, подумалъ онъ, то каковъ-же долженъ быть настоятель!» — и онъ оставилъ монаховъ въ покоѣ. —Подобный разсказъ удалось намъ слышать въ воронежской губерніи: Царь задаетъ хитрые вопросы, и никто не берется разрѣшить ихъ. Выискался одинъ солдатъ, нарядился монахомъ и явился къ царю. Тотъ его спросилъ: «сколько капель въ морѣ?»—Повели государь, запереть всѣ рѣки, впадающія въ море; тогда я навѣрно скажу тебѣ, сколько въ немъ капель. «А какъ велико число звѣздъ на небѣ?» Солдатъ не затруднился отвѣтомъ и сказалъ наобумъ какую-то огромную цифру, а когда царь усомнился въ ея вѣрности — спокойно замѣтилъ ему: «если не вѣришь, сочти самъ!» Наконецъ царь спросилъ: «разгадай, что я думаю?» —Ты, государь, думаешь, что я — монахъ, а я напросто — солдатъ! Сбросилъ съ себя клобукъ и рясу, сорвалъ бороду и сталъ передъ царемъ въ полной солдатской формѣ. Царь похвалилъ его и щедро наградилъ за умъ и смётку. Сличи въ Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, т. II, № 152.

Вотъ еще разсказъ, записанный въ архангельской губерніи, начало котораго сходно со сказкою, напечатанною въ VI вып., № 41, подъ литерою *a*: Былъ-жилъ мужичокъ, у него былъ сынъ; вотъ какъ померла его хозяйка, мужичокъ вздумалъ да женился на другой бабѣ, и прижилъ съ нею еще двухъ сыновей. И не взлюбила-жъ мачиха пасынка, ругала его и била, а послѣ пристала къ мужу: «отдай де его въ солдаты!» Нечего съ злой бабою спорить, отдалъ мужикъ старшаго сына въ солдаты. Прослужилъ молодецъ нѣсколько лѣтъ и отпросился домой на побывку. Явился къ отцу; мачиха видитъ, что изъ него вышелъ бравой солдатъ и что всѣ къ нему съ почтеніемъ, озлобилась еще пуще, сварила лютаго зелья, налила

въ стаканъ и стала его подчивать. Только солдатъ какимъ-то манеромъ про то провѣдалъ, взялъ стаканъ, выплеснулъ потихоньку зелье за окно и попалъ нечаянно на пару отцовскихъ коней — въ ту-же минуту ихъ словно порохомъ разорвало. Отецъ потужилъ-потужилъ и велѣлъ сыновьямъ свести падаль въ оврагъ; тамъ налетѣло шесть воро̀нъ, нажрались падали и тутъ-же всѣ подохли. Солдатъ подобралъ воронъ, ощипалъ перья, изрубилъ мясо и проситъ мачиху испечь ему пироговъ на дорогу. А та и рада: «пусть дуракъ вороньё жрётъ!» Скоро пироги поспѣли; солдатъ забралъ ихъ въ сумку, распрощался съ родичами и поѣхалъ въ дремучій лѣсъ, гдѣ проживали разбойники. Пріѣхалъ въ разбойничій притонъ, когда изъ хозяевъ никого до̀ма не случилося: только одна старуха оставалась; вошелъ въ хоромы, разложилъ на столѣ пироги, а самъ на полати влѣзъ. Вдругъ загикали, захлопали, прикатили на дворъ разбойники—всѣхъ ихъ двѣнадцать было. Говоритъ атаману старуха: «пріѣхалъ безъ васъ какой-то человѣкъ, вотъ и пироги его, а самъ на полатяхъ спитъ!» — Ну, что-жъ! подавай вина; вотъ мы выпьемъ да его пирогами закусимъ, а съ нимъ еще успѣемъ раздѣлаться. Выпили водки, закусили пирогами — и съ той закуски всѣ двѣнадцать на тотъ свѣтъ отправились. Солдатъ слѣзъ съ полатей, забралъ все разбойничье добро — серебро и золото, и воротился въ полкъ. Въ то время прислалъ къ православному царю басурманской король листъ и требуетъ, чтобы загнулъ ему бѣлой царь загадку: «если я не отгадаю—руби съ меня голову и садись на мое царство, а коли отгадаю—то съ тебя голову долой и все твое царство пусть мнѣ достанется.» Прочиталъ царь этотъ листъ и созвалъ на совѣтъ своихъ думныхъ людей и генераловъ; сколько они ни думали, никто ничего не выдумалъ. Услыхалъ про то солдатъ и явился самъ къ царю: «ваше величество! говоритъ, я пойду къ басурманскому

королю; моей загадки ему въ жизнь не разгадать!» Царь отпустилъ его. Пріѣзжаетъ солдатъ къ королю, а онъ сидитъ за своими волшебными книгами, и булатной мечъ передъ нимъ на столѣ лежитъ. Вздумалъ добрый мо̀лодецъ, какъ отъ единаго стакана двѣ лошади пали, отъ двухъ лошадей шесть воронъ подохли, отъ шести воронъ двѣнадцать разбойниковъ померли, и сталъ задавать загадку: «одинъ двоихъ, двое шестерыхъ, а шестеро двѣнадцать!» Король думалъ-думалъ, вертѣлъ-вертѣлъ свои книжки, такъ и не смогъ отгадать. Солдатъ взялъ булатной мечъ и отсѣкъ ему голову; все басурманское царство досталось бѣлому царю, который пожаловалъ солдата полковничьимъ чиномъ и наградилъ большимъ имѣніемъ. И былъ втѐпоры у новаго полковника большой пиръ, на томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усу текло, въ ротъ не попало; кому подносили ковшомъ, а мнѣ рѣшетомъ.

Во II-мъ выпускѣ, подъ № 20, сообщена нами сказка о царевнѣ, которая иначе не соглашалась выйдти замужъ, какъ за того, чью загадку она не въ силахъ будетъ разрѣшить. Вмѣсто приведенной тамъ загадки, предложенной ей добрымъ мо̀лодцемъ, въ одномъ изъ варіантовъ встрѣчаемъ слѣдующую: Поѣхалъ Иванъ-купеческой сынъ свататься за царевну, и взялъ съ собой дядьку. Пристигала ихъ темная ночь на пути-на дорогѣ у большаго озера; остановились тутъ ночевать, слѣзли съ коней и хотѣли было̀ ложиться на голой землѣ. Только начало озеро волноваться и поняло̀ водой весь берегъ; какъ имъ быть? Они, долго не думая, вскочили на коней и проспали всю ночь: купеческой сынъ на кобылѣ, а дядька на меринѣ. Поутру, проснувшись, умылись озёрною пѣною и утёрлись лошадиными хвостами; а какъ пріѣхали къ царевнѣ, Иванъ-купеческой сынъ задалъ ей такую загадку: «ночевали мы ни на землѣ, ни на телегѣ; поутру вставали, умывались ни водою, ни божьей росою, а утирались нетканымъ, непряденымъ.»

Приводимъ еще одинъ разсказъ, записанный въ пермскомъ уѣздѣ Д. М. Пѣтуховымъ: Какой-то бурлакъ, на возвратномъ пути на родину, издержалъ всѣ заработанныя деньги. Забрёлъ въ деревушку, присталъ у знакомаго мужичка Пахома и выпросилъ у него взаймы дюжину варёныхъ яицъ. Яйцы съѣлъ за ужиномъ, а поутру ушелъ въ дорогу. Прошло немало времени, а бурлакъ долга своего не платитъ. Вотъ Пахомъ написалъ на него челобитную и подалъ въ управу, а въ той челобитной было сказано: «занялъ де бурлакъ у меня двѣнадцать варёныхъ яицъ и доселева не отдаетъ, отчего причинилъ мнѣ великіе убытки. Изъ дюжины яицъ вывелось бы у меня двѣнадцать цыплятъ; тѣ цыплята выросли бы большими курами и каждая снесла бы мнѣ по малой мѣрѣ по сотнѣ яицъ; изъ тѣхъ яицъ вывелись бы новыя цыплята...» — и такъ дальше, насчиталъ на бурлака большущую сумму. Бурлакъ съ горя завернулъ въ кабакъ; а на ту пору былъ тамъ отставной приказной крючокъ, распросилъ его про дѣло и вызвался помочь ему за полштофа водки. Бурлакъ выставилъ полштофа и тотчасъ-же вмѣстѣ распили. Старшина послалъ звать отвѣтчика на судъ; бурлакъ говоритъ: «я де за себя нанялъ приказнаго, онъ будетъ на судѣ отвѣтъ держать.» Старшина ждалъ-ждалъ, насилу дождался того приказнаго и закричалъ на него: «что-жъ ты какъ долго на судъ не являлся?» — Горохъ варилъ, отвѣчалъ крючокъ; хочу въ огородѣ садить да стручьями торговать. Старшина засмѣялся: «экой дуракъ! развѣ можно, чтобъ варёной горохъ уродился?» — А развѣ можно, чтобъ изъ варёныхъ яицъ да цыплята выводилися? Тутъ вся управа въ одно слово рѣшила отказать Пахому въ его челобитьи. Точно такой-же разсказъ находимъ въ Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde Вольфа, т. II, стр. 18—20.

52.

ДУРАКЪ И БЕРЕЗА.

Варіанты см. въ изданіи Эрленвейна, № 17, и въ сборникѣ Худяк., вып. II, № 69; подобная сказка извѣстна у сербовъ (Матеріалы для изучен. нар. словесн., стр. 100), валаховъ (у Шотта, стр. 223 — 6) и нѣмцевъ (въ собраніи Гальтриха, № 61).

53.

СКАЗКА ПРО УТКУ СЪ ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ.

Варіанты см. у Худяк., вып. I, № 25 и 26; вып. III, № 119; въ издан. Эрленвейна, № 10. Чудесная утка, несущая каждое утро по золотому яйцу, или курица (иногда—гусыня), несущая дорогіе самоцвѣтные камни (вып. VIII, № 26), упоминается въ «Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славян. племени» (стр. 118) и извѣстна у сербовъ (Приповjетке Караджича, № 26: «Чудновата тица») и нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 60; т. III, стр. 102—7; сборн. Гальтриха, № 6: «in der Nacht hatte der Vogel ein Ei gelegt, das war ein Karfunkelstein und alles wurde licht und hell im Zimmer als schien die Sonne»). Когда желаютъ выразить мысль, что въ настоящее время счастье нелегко даётся, обыкновенно говорятъ: «умерла та курица, что̀ несла золотыя яйца!» (См. Полн. собраніе пословицъ и поговорокъ 1822 г., Спб., стр. 256.) Называя небывалую, баснословную птицу, несущую золотыя яйца, уткою, курицею и гусынею, народные сказочники обле-

каютъ древній миѳъ въ знакомые имъ образы и чрезъ то подновляютъ старину. Нѣмецкая сказка называетъ ее *der goldene Vogel*, и говоритъ, что перья у ней изъ чистаго золота. Эта золотая птица встрѣчается очень часто въ народныхъ преданіяхъ (см. вып. V, № 18; вып. VII, № 31; Српске народне припов., № 72; Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 64; т. II, № 122) и въ одной общеизвѣстной нѣмецкой сказкѣ прямо соотвѣтствуетъ нашей *жаръ-птицѣ* (см. Отеч. Зап. 1852 г., № 1: Зооморо. божества у славянъ, стр. 8, и примѣч. къ вып. VII, № 11), которая есть ничто иное, какъ поэтическое представленіе солнца. Эпитетъ *жаръ* указываетъ на связь съ свѣтомъ и теплотою, а самый образъ птицы метафорически выражаетъ быстрой полётъ дневнаго свѣтила по небесному своду. Жаръ-птица питается золотыми яблоками, дающими вѣчную молодость, красоту и безсмертіе; перья ея блистаютъ серебромъ и золотомъ; прилетая по ночамъ въ садъ, она освѣщаетъ его собою, подобно солнечнымъ лучамъ, прогоняющимъ мракъ; ея перо или яйцо, внесенное въ темную комнату, производитъ то-же чудесное дѣйствіе [1]). По указанію одной сказки (Гальтрихъ, стр. 31), когда она поетъ — изъ ея раскрытаго клюва сыплются перлы. Чтò дѣйствительно солнце представлялось въ образѣ птицы, это подтверждается и свидѣтельствомъ Ведъ и египетскимъ изображеніемъ Озириса съ головою коршуна, и древнимъ преданіемъ о птицѣ Фениксѣ, постоянно-возрождающейся изъ своего собственнаго пепла. Память объ этомъ представленіи доселѣ сохра-

[1]) Въ одномъ изъ недавно-доставленныхъ намъ варіантовъ читаемъ: Заперъ хозяинъ свою уточку въ темной сарай; ночью она снесла золотое яичко. Пошелъ туда мужикъ, увидалъ великой свѣтъ, и думая, что сарай горитъ, закричалъ во всю глотку: «пожаръ! пожаръ! жена, хватай ведро, бѣги заливать!» Отворили сарай — ни дыму, ни пламени; только свѣтится золотое яичко.

няется въ малорусской загадкѣ, которая называетъ солнце птицею-вертиницею [1]). Сравнивая дневное свѣтило съ блестящею птицею, первобытный народъ, на своемъ богатомъ метафорическомъ языкѣ, выразилъ его ежедневный восходъ — баснею о томъ, что эта чудесная птица каждое утро несетъ по золотому яйцу, блескъ котораго прогоняетъ ночную тьму. Отсюда возникло множество повѣрій, приписывающихъ яйцу, особенно *красному* (обычный эпитетъ солнца, зари и золота), силу плодородія и свойство возрождать красоту и молодость [2]). Тоже самое означаетъ и кусокъ золота, находимый каждое утро подъ изголовьемъ сказочнаго героя, которому удалось съѣсть сердце (печенку или потрохъ) чудесной птицы. Золотое яйцо и кусокъ золота суть метафорическія уподобленія дневнаго свѣтила. Народная загадка о сковородѣ, поставленной на *горячія уголья*, выражается такъ: «сидитъ курочка (или: царь-птица) на *золотыхъ яичкахъ*» (Пословицы рус. народа, Даля, стр. 661), и такое сближеніе основывается на прямой филологической и миѳической связи золота съ огнемъ и солнечнымъ свѣтомъ (см. примѣч. къ вып. V, № 32). Добрый молодецъ, проглотившій сердце и печень означенной птицы, получаетъ и самъ способность выхаркивать золото; способность эта остается за нимъ до тѣхъ поръ, пока хитрые враги ни заставятъ его, съ помощію рвотнаго, выкинуть изъ себя птичьи внутренности. Подновляя старинныя сказанія, народная фантазія замѣняетъ иногда кусокъ золота опредѣленною

[1]) Другая загадка такъ выражается о солнцѣ: «сидыть *пивень* (пѣтухъ) на верби, спустывъ косы до земли» (Черниговск. губ. вѣдом. 1854 г., № 29).

[2]) Жаръ-птица упоминается и въ другихъ сказкахъ (вып. V, № 27 и 42; вып. VII, № 5, а); но, сравнивая эти сказки съ другими подобными, нельзя не замѣтить, что тутъ она заступила мѣсто другой баснословной птицы, въ образѣ которой олицетворялись тучи и вѣтры. Такъ она проглатываетъ мужичка-съ ноготокъ и носитъ на своихъ крыльяхъ сказочныхъ героевъ.

суммою денегъ, которыя мòлодецъ каждое утро находитъ подъ своимъ изголовьемъ. Въ одной изъ сказокъ, помѣщенныхъ въ Westslawischer Märchenschatz (стр. 104—7; сравни у Валявца, стр. 171—4), говорится о красномъ пѣтухѣ, который когда кричалъ, то изъ его клюва падали блестящіе дукаты; припомнимъ, что въ глубокой древности пѣтухъ пользовался особеннымъ почетомъ, какъ предвозвѣстникъ солнечнаго восхода, и что выраженіе: «красный пѣтухъ» доселѣ употребляется у славянъ и нѣмцевъ для обозначенія *огня*. Въ этомъ отождествленіи неизсякаемаго богатства солнечнаго свѣта, каждое утро вновь-возрождающагося на востокѣ, съ драгоцѣннымъ золотомъ кроется основаніе вѣры въ «неразмѣнный червонецъ» и «неисчерпаемой кошелекъ»: сколько ни мѣняй первый, онъ все цѣлъ; а изъ послѣдняго сколько ни бери, онъ все полонъ золотомъ (см. вып. VII, № 16).

Другое, не менѣе знаменательное преданіе, соединяемое съ чудесною золотою птицею, утверждаетъ: кто съѣстъ ея голову (иногда — печень или сердце), тотъ будетъ царемъ, а по свидѣтельству сербской сказки: тотъ будетъ вѣдать все, чтò дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и чтò думаютъ люди. Царской санъ достается такому счастливцу по приговору высшихъ судебъ. Является онъ въ государство, гдѣ умеръ старой царь и надо выбирать новаго. Думные люди рѣшаютъ такъ: пусть всякой входитъ въ церковь со свѣчею въ рукахъ; у кого она сама собой загорится — тотъ и царь! Или: пусть всѣ проходятъ въ городскія ворота, надъ которыми стоитъ икона, а передъ ней незажженная свѣчка; при чьемъ появленіи свѣча передъ образомъ сама собой вспыхнетъ — тотъ и королемъ будетъ! (Сличи вып. VI, № 61, стр. 300; Пѣсни Рыбник., ч. II, стр. 274; сборн. Эрленвейна, стр. 93). Ни у кого свѣча не возгорается, возгорается она только у того, кому выпало на долю съѣсть голову чудесной птицы.

54.

ИВАНЪ СУЧЕНКО И БѢЛОЙ ПОЛЯНИНЪ.

Эпическое преданіе, послужившее темою настоящей сказки, повторяется во многихъ разнообразныхъ варіаціяхъ; сличи сказки объ Иванѣ Попяловѣ (вып. II, № 30), Иванѣ Быковичѣ (вып. VII, № 3), Иванѣ-коровьемъ сынѣ (вып. VIII, № 2) и другія (вып. VIII, № 9; въ изд. Эрленвейна, № 3 и 19; у Худяк., вып. II, № 45 и 46; Lud Ukraiń., т. I, стр. 254—277; Narodne prip. Валявца, стр. 120—7). Прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе чудесная рыба, дающая бытіе сказочнымъ богатырямъ. У царицы не было дѣтей; чтобы удовлетворить ея сердечному желанію имѣть сына, закидываютъ въ море шолковый неводъ, связанный малолѣтними дѣвочками, и ловятъ чудесную рыбу, которой въ нѣкоторыхъ спискахъ присвоивается эпитетъ *золотой*. Рыба приготовлена на кухнѣ и съѣдена царицею; остатки обгладываетъ кухарка, а помои выпиваетъ корова (иногда: быкъ, кобыла и собака), и отъ того самаго понесли онѣ плодъ и въ одно время родили трехъ сыновей: Ивана-царевича, Ивана-кухаркина сына и Ивана-коровьина сына. Выросли три молодца и стали могучіе богатыри, но всѣхъ сильнѣе, всѣхъ отважнѣе послѣдній. Эта чудная рыба, надѣляющая плодородіемъ, напоминаетъ собою сказочную щуку, во имя которой Емеля-дурачокъ можетъ творить все, что ему ни пожелается; въ любопытномъ варіантѣ сказки объ Емелѣ (вып. VII, № 31) царевна тотчасъ забеременѣла, какъ скоро выражено было подобное желаніе, скрѣпленное словами: «по щучьему велѣнью» (см. примѣчаніе къ № 55 V-го выпуска). Золотая рыбка замѣняется иногда плавающею въ водѣ *золо-*

тою головою; а въ сказкѣ про «Надзея-попова внука» богатырь зарождается отъ *пепла сгорѣвшей головы*, съѣденнаго неосторожной дѣвицею (вып. III, № 10; сличи съ преданіемъ о рожденіи Семена Безбатченка Палія — въ «Основѣ» 1861 г., декабрь, з' народ. устъ, стр. 29—30). Здѣсь очевидна миѳическая основа, но смыслъ ея остается пока загадкою, разъясненіе которой, конечно, не иначе можетъ быть достигнуто, какъ путемъ сравнительнаго изученія настоящей басни у всѣхъ родственныхъ народовъ. Сказочные богатыри, изумляющіе насъ громадными силами и чрезвычайными размѣрами, воплощаютъ въ своихъ человѣческихъ образахъ грозныя явленія природы; отъ того они и ростутъ не по днямъ, не по часамъ, а по минутамъ, также быстро, какъ быстро надвигаются на небо громовыя тучи и вздымаются вихри. Именно таковъ богатырь Иванъ-коровьинъ или кобылинъ сынъ. Корова, конь и собака [1]) служили обыкновенными метафорическими названіями облака и тучи, быкъ — грома; гимны Ригъ-веды постоянно называютъ тучи небесными коровами, воздояющими изъ своихъ сосцевъ благодатной дождь на землю. Представленія эти, какъ уже доказано, не чужды были и славянамъ (см. мою статью въ Отечеств. Зап. 1852 г., № 1—3). Быстрота полёта бурной, дождевосной тучи заставила фантазію сблизить ее съ быстроногимъ конемъ, а проливаемые ею потоки дождя — съ дойною коровою; самый дождь на метафорическомъ языкѣ назывался молокомъ. Поэтому Буря-богатырь-коровьинъ сынъ нашей сказки есть собственно сынъ тучи, т. е. молнія или божество грома — славянскій Перунъ, сѣверный Торъ; понятно, что удары его должны быть страшны и неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ ве-

[1]) Небесные волки (зооморфическій образъ темныхъ тучь) назывались охотничьими собаками боговъ; сравни саги von der wilden Jagd.

ликанами-тучами и разбивалъ ихъ своею боевою палицей и мѣткими стрѣлами; точно тоже свидѣтельствуетъ сказка объ Иванѣ-коровьемъ сынѣ, заставляя его побивать многоглавыхъ, сыплющихъ искры змѣевъ. Чудовищные змѣи (тучи) — владѣльцы «сильной» воды (дождя), и въ пылу битвы бросаются испить этого нектара, чтобы укрѣпить себя для новой борьбы. Сказка придаетъ имъ еще одно чародѣйное свойство: срубленныя богатыремъ головы змѣя вновь прирастаютъ, змѣй подхватываетъ ихъ на лету и только черкнетъ *огненнымъ пальцемъ* — какъ онѣ появляются на прежнихъ мѣстахъ. Богатырь догадывается и отсѣкаетъ змѣю его огненной палецъ. Это напоминаетъ греческое сказаніе о битвѣ Геркулеса съ лернейскою гидрою. Гидра была огромная змѣя о девяти головахъ, и когда герой сбивалъ съ нея своей палицей одну голову — намѣсто утраченной сейчасъ выростали двѣ новыя; въ такой опасности помогъ ему другъ Іоалэй: по мѣрѣ того, какъ Геркулесъ сбивалъ головы гидры, онъ прижигалъ ей шею горячимъ полѣномъ, и головъ болѣе уже не выростало. Побѣдивши змѣевъ, Иванъ-коровьинъ сынъ долженъ былъ бороться съ ихъ матерью, еще болѣе-страшною змѣихою, которая разинула на него пасть свою отъ земли до неба (вып. II, № 30; вып. VIII, № 9) и «jakby chmura jaka zasłoniła słońce» (Lud Ukraiński, т. I, стр. 267). Иногда эта змѣиха преслѣдуетъ богатыря въ видѣ огромной прожорливой свиньи; на миѳическомъ языкѣ свинья означаетъ тоже, что̀ и волкъ, именно: темную тучу, застилающую собою солнечный свѣтъ. Богатырь спасается отъ нея бѣгствомъ на кузницу, и тамъ «нечистая» свинья, будучи схвачена за языкъ горячими клещами, погибаетъ подъ кузнечными мо̀лотами — подобно тому, какъ гибнутъ великаны подъ ударами Тѳрова молота (молніи — miölnir); или, по другому сказанію, запряженная въ соху — она выпиваетъ цѣлое море и лопается, т. е. гибнетъ,

изливаясь обильными потоками дождя [1]). Какъ естественный результатъ пораженія змѣевъ или прямѣе: разгрома темныхъ тучъ, является скрывавшійся за ними благотворный свѣтъ солнца. Такое появленіе сіяющаго солнца народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ змѣевъ похищенной ими красавицы; въ сказкѣ же объ Иванѣ Пòпяловѣ, любопытной по свѣжести и яркости передаваемаго ею древняго миѳа, прямо повѣствуется: въ томъ государствѣ, гдѣ жилъ Иванъ Пòпяловъ, не было дня, а царствовала вѣчная ночь, и сдѣлалъ это проклятой змѣй; вотъ и вызвался богатырь истребить змѣя, взялъ боевую палицу въ пятьнадцать пудовъ и послѣ долгой борьбы убилъ его дò смерти, поднялъ змѣиную голову, разломалъ ее — и въ ту-же минуту по всей землѣ сталъ бѣлой свѣтъ, т. е. изъ-за разбитой тучи явилось красное солнце. Чтобы нагляднѣе показать, что именно таковъ смыслъ разбираемыхъ нами преданій, мы приведемъ превосходную словацкую сказку «Slncovi kuoň» (солнцевъ конь), напечатанную въ изданіи Slovenske pohádky a povĕsti, od B. Nĕmcové, стр. 215—229 (см. также (Slovanská čitanka, стр. 58—63; Westslaw. Märchenschatz, стр. 182—190). Сказка эта развиваетъ ту-же самую тему, чтò и наши русскія объ Иванѣ Пòпяловѣ и Иванѣ-коровьемъ сынѣ, и весьма близка къ нимъ своими подробностями. Была нѣкогда страна, печальная какъ могила, темная какъ ночь, потому что въ ней никогда не свѣтило божье солнце. Люди давно бы оттуда разбѣжались, покинувъ ее совамъ и летучимъ мышамъ, еслибы ни владѣлъ по счастью король конемъ съ солнцемъ во лбу,

[1]) Въ одномъ варіантѣ пріѣхали три богатыря верхами къ морю. Стали скакать на другую сторону; двое пали посерёдъ моря и начали тонуть, появился змѣй и проглотилъ витязей; а третій Буръ-храбёръ, кобылинъ сынъ, перескочилъ черезъ морскую пучину — его доброй конь все море хвостомъ застлалъ. Змѣй полетѣлъ за нимъ въ погоню; богатырь пріѣхалъ въ кузницу, взялъ *балду* и давай бить змѣя: «харкай, говоритъ, моихъ братьевъ!»

которое разсыпало свѣтлые лучи во всѣ стороны. (Припомнимъ о единственномъ глазѣ солнцѣ во лбу Одина.) Король приказалъ водить этого солнцева коня по своему государству отъ одного края до другаго, и тамъ, гдѣ вели коня, отъ него разливался такой свѣтъ, какъ будто бы стоялъ прекрасный день; а тамъ, откуда онъ удалялся, все погружалось въ густой мракъ. Вдругъ солнцевъ конь исчезъ; тьма — ужаснѣе самой ночи — облегла печальную страну, ужасъ и отчаянье напали на жителей. Король собралъ войско и отправился искать своего коня съ солнцемъ во лбу. Выступя за границу своего королевства, онъ попалъ въ непроходимые, дремучіе лѣса. Тамъ въ бѣдной хижинѣ обрѣлъ онъ вѣщаго мужа (vešlec), который и заступаетъ въ словацкой сказкѣ мѣсто русскаго богатыря Ивана Попялова. Вѣщій мужъ отсылаетъ короля съ войскомъ назадъ и берется самъ найдти ему и возвратить похищеннаго коня. На другой же день отправился онъ съ слугою на розыски, и вотъ прибыли они въ нѣкое государство, въ которомъ царствовало трое братьевъ-королей, женатыхъ на трехъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ злой стриги (stryga, чешск. striha, польск. strzyga — колдунья). Короли эти играютъ здѣсь ту-же роль, какую въ нашихъ сказкахъ змѣи. Остановясь у дворца, вѣдунъ сказалъ своему слугѣ: «подожди меня тутъ; я пойду въ палаты развѣдать, дома ли короли? вѣдь они-то и похитили солнцева коня, и младшій всегда на немъ ѣздитъ.» Въ одно мгновеніе оборотился онъ зеленою птичкою, полетѣлъ къ свѣтлицѣ старшей королевы, началъ порхать вокругъ и стучаться клювомъ такъ неотступно, что она впустила его въ комнату. Королева обрадовалась, какъ дитя, потому что птичка была красивая и нѣжно ласкалась къ ней. «Ахъ, жаль, что моего мужа нѣтъ дома! птичка навѣрно-бъ ему понравилась. Онъ поѣхалъ осмотрѣть третью часть государства, и воротится только къ вечеру.» Такъ го-

ворила королева, играя съ маленькой пташкою. Вдругъ вошла въ комнату старая стрига, увидала птичку и вскрикнула: «задуши ее проклятую, или она тебя окровавитъ!» — Окровавитъ? о погляди, какъ она мила и невинна! возразила дочь. «Обманчивая невинность! давай я ее задушу!» сказала колдунья и кинулась было за птичкою. Но птичка превратилась въ человѣка, и вслѣдъ затѣмъ онъ бросился въ двери и скрылся. Точно также, оборачиваясь птичкою, посѣтилъ вѣдунъ и двухъ другихъ королевенъ, и узналъ о времени, въ которое должны были воротиться ихъ мужья. Потомъ вмѣстѣ съ слугою засѣлъ онъ подъ мостомъ и сталъ поджидать королей. Въ первой день онъ убилъ старшаго брата, на другой день — средняго, а на третій увидѣлъ, что подъѣзжаетъ къ мосту, сидя на солнцевомъ конѣ, меньшой братъ: это былъ самый могучій и сильный изъ трехъ королей. Оружіемъ не могъ одолѣть его вѣдунъ; мечи ихъ поломались въ битвѣ. «Обернемся лучше мы колесами, предложилъ онъ королю, и покатимся съ горы: чье колесо будетъ разбито, тотъ и побѣжденъ!» Обратились оба колесами и покатились съ горы. Колесо вѣдуна налетѣло на своего противника и раздробило его; но тотъ, перекинувшись мòлодцемъ, заявилъ, что вѣдунъ размозжилъ ему только пальцы, а не побѣдилъ. Съ своей стороны онъ предложилъ оборотиться въ бѣлое и красное пламя: чье пламя осилитъ другое, тотъ и побѣдитъ. Король оборотился бѣлымъ пламенемъ, а вѣдунъ краснымъ. Долго они палили другъ друга, и ни которой не могъ одолѣть противника. На ту пору шелъ мимо старой нищій съ длинною бѣлою бородою. «Старикъ! воскликнуло бѣлое пламя, принеси воды и залей красное пламя; я тебѣ подарю грошъ.» А красное пламя перебило: «старикъ! я тебѣ дамъ червонецъ, только залей бѣлое пламя.» Нищій, конечно, принялъ сторону послѣдняго; вѣдунъ побѣдилъ и овладѣлъ солнцевымъ конемъ. *Колесо* и *пламя*

издревле принимались за символы солнца, которое фантазіи младенческихъ народовъ представлялось катящимся по небосклону огненнымъ колесомъ; повороты этого свѣтила нà зиму и лѣто доселѣ сопровождаются совершеніемъ многознаменательныхъ обрядовъ возженія и катанія колеса (см. у Куна въ его сочиненіи: «Die Herabkunft des Feuers»). Словацкая сказка имѣетъ въ виду не кратковременное помраченіе солнца тучами, а потерю имъ плодотворной силы въ долгой періодъ холодной половины года. Удаляясь нà зиму, оно утрачиваетъ свой яркой блескъ, становится блѣднымъ, что̀ и продолжается до той поры, пока съ поворотомъ на лѣто ни осилитъ красной цвѣтъ, или пока зимнее солнце ни будетъ побѣждено лѣтнимъ [1]). Стрига, узнавъ о смерти трехъ королей, сѣла на кочергу, ухватила по̀дъ руки своихъ дочерей, поднялась на воздухъ и полетѣла мстить за обиду. Одна изъ дочерей ея превратилась яблоней, другая—источникомъ, а третья розовымъ кустомъ; вѣдунъ рубитъ ихъ мечемъ, и вслѣдъ за ударами его — изъ яблони, источника и розоваго куста брызжетъ алая кровь. Наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, онъ доставилъ солнцева коня въ печальную страну мрака, и тогда въ ней все ожило и поля зазеленѣли въ весеннемъ убранствѣ. Нѣмецкая сказка, напечатанная въ сборникѣ Гальтриха (№ 20), также упоминаетъ о бѣломъ солнечномъ конѣ (weisse Sonnenross), у котораго, подобно Одинову Слейпиру, восемь ногъ; этотъ конь бѣгаетъ съ быстротою вѣтра, прыгая съ одной горы на другую; въ чело его вставляется камень, блестящій какъ самое солнце (Karfunkel), и если это будетъ сдѣлано ночью, то темная ночь обращается въ свѣтлый день.

[1]) О раздробленіи единаго божества Солнца на два враждебныхъ образа: лѣтній и зимній см. въ сочиненіи Маннгардта: Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker, стр. 31—32.

Что̀ солнце представлялось конемъ, это засвидѣтельствовано многочисленными преданьями; восьминогой, крылатой конь служилъ символомъ его быстраго движенія, и божество солнца, по древнѣйшему обще-распространенному воззрѣнію, выѣзжало на небесный сводъ въ золотой колесницѣ, запряженной огненными лошадьми (см. Отеч. Зап. 1852 г., № I). Сходно съ словацкою сказкою о солнцевомъ конѣ, русская про Ивана Быковича (вып. VII, № 3; вып. VIII, № 9) заставляетъ этого богатыря отбивать у змѣя коня о двѣнадцати крыльяхъ, съ серебреной шерстью, съ золотою гривою и такимъ-же хвостомъ (или коня, во лбу котораго свѣтёлъ мѣсяцъ, а по бокамъ частыя звѣзды). Другая русская сказка (вып. VIII, № 8) упоминаетъ о кобылицѣ, которая *каждый день облетаетъ вокругъ свѣта* [1]). Кони золотогривые, золотохвостые, съ звѣздами по бокамъ, и просто — золотые и серебреные, часто встрѣчаются въ народныхъ сказаніяхъ (см. вып. V, № 37; вып. VII, № 4 и 11; Ungarische Volksmärch., № 9 и 16). По своей стихійной природѣ, они питаются огнемъ, жаромъ (см. вып. VII, № 1; Записки о южн. Руси, т. II, стр. 51; Лѣтоп. русск. литер. и древн., кн. V, стр. 12— сказка о Иванѣ Бѣломъ; Walach. Märchen, стр. 181—5, 193), и пьютъ утреннюю росу (т. е. изсушаютъ ее). Чтобы пріобрѣсти особенную крѣпость, кони эти валяются въ утренніе зо̀ри по росѣ; такимъ образомъ сила ихъ поставляется въ связи съ солнечнымъ восходомъ.

Подвиги русскаго богатыря невсегда оканчиваются избіеніемъ змѣевъ. Въ спискѣ, напечатанномъ въ VII выпускѣ (№ 3), Иванъ Быковичъ не осиливаетъ змѣиной матери; она схва-

[1]) Двѣнадцать косцевъ косятъ для него траву, двѣнадцать гребцовъ подгребаютъ, а она идетъ да все поѣдаетъ; когда она пьетъ — на̀ морѣ волна встаетъ, а станетъ чесаться — столѣтніе дубы падаютъ.

тываетъ его за руку и увлекаетъ съ собой въ мрачныя подземелья къ своему старому, но могучему мужу съ огромными бровями и длинными рѣсницами. Брови и рѣсницы у чуднаго старика такъ заросли, что совсѣмъ затемнили его зрѣніе; чтобы онъ могъ посмотрѣть на плѣнника, являются нѣсколько силачей и желѣзными вилами поднимаютъ ему густыя брови и рѣсницы (сличи вып. VIII, № 13). Этотъ эпизодъ напоминаетъ намъ малороссійское преданіе о миѳическомъ существѣ *вiи*, котораго вѣки опускаются до самой земли [1]); если поднять ему вѣки вилами, то вій взглядомъ своимъ сожигаетъ все, на что ни посмотритъ (см. примѣч. къ вып. VI, № 27 и статью о миѳич. связи понятій свѣта, зрѣнія и пр.—въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній г. Калачова). Въ такомъ грандіозномъ образѣ народная фантазія олицетворила небо, закрытое сплошными тучами; на древнемъ метафорическомъ языкѣ небесныя свѣтила и самая молнія уподоблялись очамъ, а тучи — всклокоченымъ волосамъ, которые и застилаютъ собою эти небесныя очи (сравни слова: *хмара* и *хмуриться* и см. примѣчаніе къ вып. VII, № 8). Грозный старикъ съ огромными бровями и рѣсницами посылаетъ богатыря добыть ему царицу-золотыя кудри, т. е. солнце [2]), и за тѣмъ дальнѣйшій разсказъ уже сближается съ содержаніемъ другой сказки (см. вып. VI, № 27; точно также окончаніе сказки № 2-й, вып. VIII, сближается съ напечатанною въ VII выпускѣ подъ № 40).

[1]) Слово *вiи* значитъ: рѣсницы (Основа, 1861 г., іюнь).

[2]) Въ сказкѣ, помѣщенной въ VI вып., № 696, говорится о старикѣ, который сидитъ *подъ дубомъ* (дерево, посвященное Перуну), а волоса его, борода и брови заросли въ землю. Сказочная героиня *подрѣзала* ему волоса ножницами, а онъ научилъ ее какъ добыть живой воды и воскресить къ жизни окаменѣлыхъ богатырей. Любопытно, что въ нѣмецкой сказкѣ, сходной съ нашею, вмѣсто этого старика выведенъ карликъ—Männchen, т. е. молнія (У Вольфа, стр. 172).

Остановимся еще на одномъ любопытномъ повѣрьи, занесенномъ во многія произведенія народнаго эпоса. Отправляясь на битву, богатырь втыкаетъ въ стѣну ножъ (или вѣшаетъ полотенце, иногда рукавицу) и ставитъ подъ нимъ миску; если закапаетъ съ ножа (или полотенца) кровь и наполнитъ миску, значитъ — ему угрожаетъ смертная опасность въ бою (см. вып. II, стр. 356—7; вып. VI, № 69; вып. VII, № 39; сборн. Валявца, стр. 33; Kinder- und Hausmärch., т. I, стр. 364; Памятн. стар. рус. лит., вып. I, стр. 125). Въ сказкѣ объ Иванѣ Пономаревичѣ (Памятн. ст. рус. лит., вып. II, стр, 319—321) герой этотъ, уѣзжая воевать съ турками, говоритъ своему отцу: «ѣду я на моемъ добромъ конѣ, а другой богатырской конь пусть на конюшнѣ стоитъ, и если меня убьютъ—тотъ конь очутится въ крови по колѣна.» Въ другой сказкѣ (вып. VII, № 10) доброй конь, чуя бѣду своему молодому хозяину, стоитъ въ крови (или: въ слезахъ) по щиколки. То-же вѣщее значеніе приписывается серебренымъ и золотымъ вещамъ, нарочно оставленнымъ при отъѣздѣ: когда эти металлы потускнѣютъ, то это вѣрный знакъ, что богатырь померъ (вып. VIII, № 8).

55.

СКАЗКА О ЕМЕЛѢ-ДУРАКѢ.

Сказка эта встрѣчается и въ нѣкоторыхъ сѣрыхъ изданіяхъ (наприм. Русскія сказки, Москва, 1787 г., въ типогр. Пономарева), и въ литературной передѣлкѣ г. Даля (Повѣсти, сказки и разск. казака Луганскаго, ч. II, стр. 415); польской текстъ см. въ Slovanska čitanka, стр. 112—7. Она основана на загадочномъ преданіи о чудесной щукѣ; пойманная Емелею-

дуракомъ, щука эта, въ уплату за свое освобожденіе, надѣляетъ его такимъ даромъ: стòитъ только ему сказать: «по моему прошенью, по щучьему велѣнью, будь то и то!» — и сейчасъ все исполнится [1]). Такой сверхъестественной даръ невольно заставляетъ вспомнить сказку о золотой рыбкѣ, исполняющей различныя желанія старика, который изловилъ ее въ сѣти и потомъ отпустилъ въ море (см. примѣчан. къ вып. VII, № 28; вып. VI, № 29 и 68, а); по всему вѣроятію, обѣ сказки возникли изъ одного общаго источника, и золотая рыбка едва ли не тождественна съ чудесною щукою. Святочная подблюдная пѣсня говоритъ о щукѣ «серебреной, позолоченной»:

Шла щука изъ Новагорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера;
Какъ на щукѣ чешуйка серебреная,
Что серебреная, позолоченая;
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплѣтена,
Какъ головка у щуки унизанная,
А намѣсто глазъ дорогой алмазъ.

Пѣсня эта сулитъ *богатство* (Сказан. русск. народа, Сахарова, т. I, стр. 13). Очевидно, наша сказочная рыба родственна съ скандинавскимъ карликомъ Андвари, который въ образѣ щуки поселился въ глубокомъ потокѣ и хранилъ тамъ великое сокровище; впослѣдствіи сокровище это было извлечено изъ потока и сдѣлалось предметомъ кровавой вражды, составляющей содержаніе превосходныхъ пѣсенъ древней Эдды о Зигурдѣ и нѣмецкой поэмы о Нибелунгахъ. Указанное родство преданій подтверждается свидѣтельствомъ нѣмецкой сказки, тождественной съ русскою о Емелѣ-дуракѣ (Zeit-

[1]) Славянск. нар. разсказы, стр 10: щука, за свое освобожденіе, научила мужика понимать собачій языкъ.

schrift für Deut. Mythol. und Sittenkunde, т. I, стр. 38—40); вмѣсто щуки здѣсь выведенъ карликъ — klein grau Männlein. Однажды бѣдный мальчикъ, свинопасъ, стоялъ у колодца, размачивалъ чорствой кусокъ хлѣба и завтракалъ. Является къ нему сѣдой карликъ и проситъ хлѣба; у мальчика было доброе сердце, онъ охотно исполнилъ просьбу карлика, и потомъ всякой разъ дѣлилъ съ нимъ свой скудной запасъ. Въ уплату за то, карликъ наградилъ его чуднымъ даромъ: все, о чемъ онъ подумаетъ или чего пожелаетъ, сейчасъ-же должно исполниться. По литовскому преданію, въ маріямпольскомъ уѣздѣ есть озеро, въ которомъ живетъ громадная щука Струкисъ; подъ ея властію находится вся озерная рыба, и отъ ея зоркихъ глазъ не можетъ укрыться даже самая мелкая плотица; Струкисъ постоянно бодрствуетъ, и только разъ въ году засыпаетъ и то на короткое время — на одинъ часъ. Прежде она предавалась сну на Ивановскую ночь. Но какой-то рыбакъ вздумалъ воспользоваться ея кратковременнымъ отдохновеніемъ, закинулъ въ озеро сѣти и наловилъ множество всякой рыбы; щука проснулась, опрокинула рыбачью лодку, и съ той поры, говорятъ, она обыкновенно мѣняетъ часъ своего отдыха, чтобы никто не могъ догадаться и воспользоваться ея сномъ (Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, zebrał Lucian Siemieński, Познань, 1845 г., стр. 42; Иллюстрац. 1848 г., № 28). Финская Калевала также разсказываетъ о баснословно-громадной щукѣ: зубы у ней какъ грабли и зевъ какъ три водопада; судно Вейнемейнена врѣзалось носомъ въ ея спину, но рыба того и не почувствовала; безплодны были усилія дѣйствовать противъ нея оружіемъ — оно только тупилось о стальную чешую чудовища (Черты изъ Финск. поэмы, соч. Эмана, стр. 22; см. примѣчаніе къ вып. VII, № 40).

Варіантъ, напечатанный нами въ VII вып., № 31, сходенъ съ сербскою редакціей (см. Матер. для изучен. народ. словесн., стр. 20—22) и интересенъ тѣмъ легендарнымъ оттѣнкомъ, какой приданъ сказкѣ позднѣе, подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній: чудесная щука попадается убогому на первой день Святой недѣли, и даръ, которымъ она надѣляетъ его, есть воздаяніе за его набожность, молитвы и нищету. Въ тотъ-же день праздника сидѣлъ убогой передъ воротами своей избушки; проходила мимо царевна, не захотѣла подать ему милостины; желая научить ее состраданію къ бѣднымъ, онъ вымолвилъ: «по щучьему велѣнью, по божьему благословенью, пускай царевна плодъ понесётъ и сына родитъ!» Отъ тѣхъ словъ забеременѣла царевна и родила сына. Царь хочетъ допытаться, кто былъ отцемъ ребёнка, и приказываетъ носить его по всему городу: не признаетъ ли онъ самъ отца? Увидя убогаго, малютка протянулъ къ нему ручонки и закричалъ: «тятя! тятя!» Потомъ слѣдуетъ заключеніе убогаго, царевны и ея сына въ бочку; бочку кидаютъ въ море, и такъ далѣе. Сходно съ этимъ, нѣмецкая сказка, начало которой приведено выше, повѣствуетъ: свинопасъ, отправленный отцомъ въ городъ, увидѣлъ тамъ царевну (она сидѣла въ своей свѣтлицѣ передъ окномъ) и привѣтствовалъ ее добрымъ днемъ. Царевна засмѣялась надъ нимъ, и огорченный пастухъ пожелалъ: «о чтобъ ты забеременѣла!» Въ ту-же минуту царевна зачала и въ извѣстной срокъ родила мальчика съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ. Царь разгнѣвался на дочь, и желая узнать отца ребёнка, онъ, по совѣту цыганки, собралъ въ дворцовую залу холостыхъ со всего своего царства: на кого кинетъ ребёнокъ золотое яблоко, тотъ и виновникъ безчестія. Мальчикъ бросилъ яблоко въ свинопаса; тотчасъ его схватили, и вмѣстѣ съ царевною посадили на старой корабль и пустили въ море. Изъ разговора съ царевною свинопасъ догадался,

какимъ даромъ наградилъ его карликъ; пожелалъ себѣ ума, красоты и военныхъ кораблей, воротился на родину и женился на царевнѣ (сличи Ungarische Volksmärch. Штира, № 16). Подобная-же сказка у хорутанъ отличается нѣкоторыми любопытными особенностями (см. сборн. Валявца, стр. 233—4): Были-жили мужъ да жена, у нихъ была дочь. Сватали ее люди, да отецъ отдавать не хотѣлъ; досадно то показалось дѣвицѣ, и стала она говорить отцу: «зачѣмъ меня держишь? я хочу замужъ!» — Подожди, на ту зиму прійдетъ за тобою *врагъ* (vrag—нечистой; очевидный подмѣнъ какого-то древняго миѳическаго лица); ему и отдамъ тебя. На другую зиму пришелъ врагъ, женился на дѣвицѣ, и прижилъ съ нею троихъ дѣтей. Однажды, отпуская жену въ отцовской домъ, онъ взялъ одного ребёнка, разорвалъ его надвое и оставилъ себѣ половину. Этому бѣдному ребёнку, у котораго осталась одна рука и одна нога, дано было имя *Polovanjek*. Разъ какъ-то дѣдъ его пошелъ ловить рыбу; слѣдомъ за нимъ увязался и Polovanjek, онъ взялъ торбу и поймалъ въ нее рыбу. «Пусти меня! сказала рыба; а коли тебѣ что понадобится, говори: Bog daj onu ribicu, koju sem ja vlovil i nasad sem pustil, da bi mi to i to bilo!» Polovanjek отпустилъ рыбу, и съ той поры все дѣлалось по его желанію. Ворочаясь домой, онъ усмотрѣлъ на другой сторонѣ моря столичной городъ, дворецъ и у окна прекрасную царевну, и выразилъ желаніе, «da bi cesarovi kčeri veliko crevo naraslo». Царь ищетъ виновника, дѣлаетъ золотой шаръ и созываетъ къ себѣ народъ; брошенный шаръ катится къ Полованику, и царевна выходитъ за него замужъ.

D) КЪ VI-му ВЫПУСКУ.

1.

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ.

Анекдотъ, напечатанный подъ литерою *b*, сходенъ съ однимъ разсказомъ («о раздробившемъ по писанію куре»), который находимъ въ сборникѣ «смѣхотворныхъ повѣстей», переведенномъ во второй половинѣ XVII столѣтія съ польскаго языка (Очеркъ литер. ист. старин. повѣстей, стр. 267); анекдотъ о томъ, какъ солдатъ варилъ топоръ (подъ лит. *f*), извѣстенъ и между болгарами — см. Памятники народн. быта болгаръ, изданные Каравеловымъ, кн. I, стр. 58 [1]). Въ этой же книгѣ встрѣчаемъ и другіе болгарскіе разсказы, сходные съ анекдотами, напечатанными въ нашемъ собраніи подъ литерами *п* и *w* (см. стр. 31 и 165—6; сличи также Deutsche Volksmärch. Гальтриха, стр. 315—7 и въ собр. братьевъ Гриммовъ, т. I, № 34). Разсказъ о мнимо-умершемъ цыганѣ (подъ лит. *cc*) извѣстенъ и въ Литвѣ и у нѣмцевъ (Litauische Märchen, стр. 41—42; въ сборн. Гальтриха, стр. 312—5); интересный варіантъ его сообщенъ въ «Русск. сказкахъ, содержащихъ древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ» (ч. VI, стр. 24—31): Цыганъ, послѣ того, какъ лошадь его трижды угрѣшилась съ натуги, почόлъ себя мертвымъ и лёгъ неподвижно нáземь. Въ полночь пришли волки и при-

[1]) Въ Черниг. губ. вѣдомостяхъ 1853 г., № 40, напечатанъ народный разсказъ о томъ, какъ одинъ москаль ловилъ долотомъ рыбу, а другой въ тоже время у хохловъ, собравшихся глазѣть на такое диво, повыбралъ изо всѣхъ фуръ заготовленную рыбу.

нялись за его клячу. «Ну, думаетъ цыганъ лёжа, еслибъ я былъ живъ, то сбѣгалъ бы за ружьемъ, перебилъ бы всѣхъ волковъ и сшилъ себѣ добрую шубу.» На зорѣ наѣхалъ на него драгунской объѣздъ и воскресилъ цыгана плетьми. Цыганъ прибѣжалъ въ деревню, и повстрѣчалъ гробъ—несутъ мертвеца хоронить, а за гробомъ идетъ баба да плачетъ. «Не плачь, старуха! сказалъ цыганъ; вели сына отнесть на тотъ крутояръ, гдѣ я нынче мертвой лежалъ; тамъ его скоро оживятъ!» Спустя нѣсколько времени случилось, что одна цыганка обратилась къ воеводѣ съ жалобой на своего непочтительнаго сына; воевода рѣшилъ его наказать. Матери стало жаль роднаго сына, и она указала на нашего цыгана: «вотъ де онъ!» Разсыльные схватили его—и къ воеводѣ. «Зачѣмъ ты не почитаешь свою мать?» спросилъ воевода, указывая на старуху.—Чортъ ее возьми! какая она мнѣ мать? отвѣчалъ цыганъ. «Ого-го, сказалъ воевода, такъ ты вотъ какой! Плетей сюда!» Больно били цыгана—до тѣхъ поръ били, пока ни закричалъ, что завсегда будетъ почитать свою мать. Послѣ того воевода приказалъ ему посадить старуху на плеча и отнести до̀ дому. Цыганъ понёсъ ее; встрѣчается съ нимъ мужикъ: «какую ты вѣдьму везешь на себѣ?» — Молчи! это моя родная матушка. «Какая матушка? у тебя матери давно нѣту!»—Поди-жъ спроси у воеводы; онъ такъ рѣшилъ, знать былъ на моихъ родинахъ!

5.

ВОРОВАТОЙ МУЖИКЪ.

См. варіанты у Худяк., вып. II, № 76; Бытъ подолянъ Шейковскаго, вып. II, стр. 68—72 («Чоловикъ видъ Богу»)

и въ Черниг. губ. вѣдомостяхъ 1853 г., № 24 («Поваръ съ того свѣта») Поговорка: «Твой Иляточка пасетъ божьихъ теляточекъ» (Послов. Даля, стр. 152) заимствована изъ сказки о плутоватомъ солдатѣ, выдавшемъ себя за выходца съ того свѣта. Подобная-же сказка есть въ Westslaw. Märchenschatz Венжига, стр. 41—43.

7.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

Варіанты можно найдти въ изданіи Эрленвейна, стр. 86—7, и въ Основѣ 1862 г., іюль, стр. 55 («Дурень» — окончаніе этой малороссійской сказки сходно съ извѣстнымъ разсказомъ о «совѣ-вистухѣ»); сличи Litauische Märchen Шлейхера, стр. 125, и Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 61: «Der siebenmal Getödtete».

27.

ЛЕТУЧІЙ КОРАБЛЬ.

Герой сказки отправляется добывать несказанную красавицу; странствованіе въ ея далекое царство онъ совершаетъ на летучемъ кораблѣ, а чтобы получить невѣсту—долженъ, слѣдуя обычному эпическому пріему, совершать разныя трудныя задачи; въ исполненіи этихъ задачъ ему помогаютъ могучіе товарищи, встрѣчаемые и въ другихъ сказкахъ (вып. V, № 23, а; вып. VII, № 3; вып. VIII, № 9; Lud Ukraiński, т. I, стр. 270—7; Westslaw. Märchenschatz, стр. 61—63;

Deutsche Hausmärch. Вольфа, стр. 307—311; Kinder- und Hausmärch., т. I, стр. 405—7). Летучій корабль (см. также вып. VI, стр. 228), подобно птицѣ, можетъ носиться по воздушнымъ пространствамъ съ изумительною скоростью; по свидѣтельству одной сказки, онъ находится во власти миѳическаго старика, отличительнымъ признакомъ котораго служатъ чудовищныя брови и рѣсницы. Дабы вызвать появленіе этого корабля, герой ударяетъ въ дубъ, дерево, посвященное Перуну, что̀ напоминаетъ намъ объ одномъ изъ семи Семіоновъ: взялъ Семіонъ топоръ, срубилъ громадной дубъ, тяпъ да ляпъ — и сдѣлалъ корабль, который могъ плавать и по водѣ и подъ водою. Вообще сказка о семи Семіонахъ, по содержанію своему, родственна со сказкою о летучемъ кораблѣ: это только разныя варіаціи одного и того-же эпическаго преданія (см. вып. VI, № 31 и примѣч. къ вып. II, № 26). Другіе народы также знаютъ о летучемъ кораблѣ; въ норвежскихъ сказкахъ упоминается о диковинномъ корабликѣ, который такъ малъ, что̀ его можно въ карманъ спрятать, но который тотчасъ-же выростаетъ въ большое судно, какъ скоро поставишь на него ногу, и свободно несётся черезъ горы и долы по воздуху; упоминается еще о лодкѣ съ такой рукояткою, что̀ если приподнять ее слегка — подуетъ попутный вѣтеръ, а приподыми выше — и зашумитъ буря (Norweg. Volksmärch., ч. I, № 3 и 24; Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 202—3, 308—9; Kinder- und Hausmärch., т. I, стр. 407; Slovanská čitanka, стр. 94). *Летучій корабль* — тоже самое, что̀ и ковёръ-самолётъ, т. е. метафорическое обозначеніе облака или тучи, носимой по поднебесью буйными вѣтрами. Неслучайно нашъ поэтической языкъ удержалъ за легкими, всегда-подвижными облаками постоянный эпитетъ *ходячихъ*. Ихъ стремительный полётъ — въ періодъ образованія языка породилъ много метафорическихъ названій, основанныхъ на

весьма близкихъ и понятныхъ тогдашнему человѣку уподобленіяхъ. Быстро-несущееся облако представлялось и ковромъ-самолётомъ, и птицею, и окрыленнымъ конемъ, и летающимъ кораблемъ. Представленіе облака и тучи — кораблемъ возникло одновременно съ представленіемъ неба — моремъ, и тѣмъ легче было возникнуть этой метафорѣ, что на основаніи живаго впечатлѣнія, производимаго подвижностью облака и паруснаго судна, оба эти понятія одинаково уподоблялись птицѣ. До сихъ поръ народныя пѣсни сравниваютъ лодки съ чайками, а корабли съ лебедями; корабль Соловья Будиміровича назывался соколомъ; то-же названіе присвоено былиной и кораблю новгородскаго гостя Садка; о поѣздѣ Василья Буслаева по Ильменю-озеру былина (Кирша Дан., стр. 166) выражается такъ:

Плаваетъ-поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ-бы ярой гоголь понырриваетъ,
А плаваетъ-поплаваетъ червленъ корабль
Какъ-бы молода Василья Буслаевича.

Одинъ изъ списковъ разбираемой теперь сказки замѣняетъ летучій корабль *крылатымъ конемъ*: замѣна, нисколько непротиворѣчащая смыслу преданія; это только другой образъ, а заключенное въ немъ понятіе остается тоже самое. Крылатый конь—символъ порывистаго вѣтра, бури и ходячаго облака; съ другими-же дополнительными эпитетами: огненный и золотой — символъ громоносной тучи и солнца (см. примѣчаніе къ вып. V, № 54). Греки и римляне изображали Вѣтры существами крылатыми; въ старинномъ византійскомъ романѣ, встрѣчающемся въ нашихъ рукописяхъ подъ названіемъ «Девгеніева житія», упоминаются три волшебные коня, *рекомые: Вѣтреница, Громъ и Молнія* (Памятн. стар. русск. лит., вып. II, стр. 383; Очеркъ литер. истор. стар. повѣст., стр. 85 и 324). Богатырскіе кони нашихъ былинъ и сказокъ

съ такою легкостью и быстротою скачутъ съ горы на̀ гору, черезъ моря̀, озера и рѣки, отличаются такой величиною [1]) и такою силою и предвѣдѣньемъ, что̀ нимало не скрываютъ своего миѳическаго происхожденія и сродства съ обожествленными явленіями природы. Бурый конь Дюка Степановича славенъ былъ своими крыльями; русскія, сербскія и словацкія сказки нерѣдко говорятъ о крылатыхъ коняхъ (вып. V, № 5; Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 292; Худяк., вып. I, стр. 88; вып. III, стр. 5; Русск. Вѣстн. 1862 г., № 9, стр. 94—95; Матер. для изуч. нар. словесн., стр. 25 и 36; примѣчан. къ вып. II, № 25; Slov. pohádky, стр. 56 и 422). По выраженію болгарской пословицы вѣтеръ носится на бѣлой кобылѣ, а въ хорутанской приповѣдкѣ (стр. 77—78) мо̀лодецъ, отыскивая свою невѣсту и не дознавшись объ ней ни у Солнца, ни у Мѣсяца, приходитъ на лугъ, гдѣ паслась бурая кобыла — «to je bila bura ili veter» (сравни слова: *бурой* и *бурной*), и прячется по̀дъ мостъ; когда прибѣжала кобыла пить воду, мо̀лодецъ выскочилъ, сѣлъ на нее верхомъ, и она быстрѣй птицы примчала его въ вилинскіе города. Въ венгерской сказкѣ (стр. 141—2) мо̀лодецъ, ищущій свою невѣсту, обращается къ Вѣтру, и тотъ даетъ ему коня-вихря (Windpferd), бѣгущаго со скоростью мысли; въ норвежскихъ же и нѣмецкихъ сказкахъ Вѣтеръ самъ переноситъ юношу въ ту далекую страну, куда скрылась его красавица (см. вып. II, стр. 321—3). Очутившись въ царствѣ вилъ, герой хорутанской приповѣдки три ночи долженъ былъ прятаться отъ враждебныхъ покушеній: первую ночь онъ проводитъ въ хвостѣ бурой кобылы, другую — въ ея гривѣ, а третью — въ ея подковѣ. Соотвѣтственно тому въ нашихъ сказкахъ мальчикъ-съ паль-

[1]) У Ивана-гостиннаго сына былъ доброй конь—глаза что̀ яблоки, копыто съ рѣшето будетъ, грива въ семь саженей, а хвостъ въ семьдесятъ; зрявкалъ онъ по туриному, шипъ пускалъ по змѣиному,

чикъ (олицетворенная молнія) прячется въ лошадиномъ ухѣ; а доброй молодецъ, побѣдитель змѣевъ (т. е. Перунъ, разбивающій тучи), влѣзаетъ въ голову сивки-бурки: въ одно ухо войдетъ, въ другое выйдетъ — и сдѣлается необоримымъ силачемъ и красавцемъ. Въ переводѣ на простой, общепонятной языкъ, смыслъ этихъ метафорическихъ выраженій таковъ: молнія скрывается въ головѣ гигантскаго коня-тучи, и выходя оттуда, является глазамъ смертнаго во всемъ торжествѣ своей блестящей красоты и всесокрушающей силы. Въ этомъ уподобленіи бурной, дождевой тучи — коню кроется объясненіе многихъ эпическихъ подробностей, по свидѣтельству которыхъ: a) чудовищные змѣи разъѣзжаютъ на коняхъ, b) сказочные герои находятъ богатырскихъ жеребцовъ и кобылицъ *внутри горъ* (гора = облако, туча), а с) самые богатырскіе кони пьютъ медовую сыту (мёдъ — метафорическое названіе дождя, см. Куна «Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks), носятъ при себѣ въ пузырькахъ живую и цѣлющую воду (вып. VII, стр. 282), и ударомъ своихъ копытъ выбиваютъ подземные ключи (см. вып. VII, № 16; вып. VIII, № 10). Недалеко отъ Мурома—тамъ, гдѣ бьетъ родникъ, явившійся по преданію изъ-подъ копытъ богатырскаго коня Ильи-Муромца, поставлена часовня во имя Ильи-пророка, на котораго народное суевѣріе перенесло древніе аттрибуты Перуна; происхожденіе святыхъ колодцевъ, пользующихся особеннымъ религіознымъ уваженіемъ на всемъ пространствѣ земель, заселенныхъ славянами и нѣмцами, приписывается громовымъ ударамъ. Все это невольно напоминаетъ крылатаго Зевсова коня Пегаса, который носилъ громы и молніи, и ударяя своими легкими ногами, творилъ новые источники живой воды. Народныя сказки нерѣдко говорятъ о *морскихъ* кобылицахъ, выходящихъ изъ глубины водъ; купаясь въ молокѣ этихъ миѳическихъ кобылицъ, доброй молодецъ становит-

ся юнымъ, могучимъ и красивымъ, а врагъ его, дѣлая тоже самое, погибаетъ смертію. Какъ вмѣстилища дождевыхъ потоковъ, тучи нерѣдко уподоблялись морю; отсюда объясняется, почему сказочнымъ кобылицамъ приданъ эпитетъ «морскихъ» или «водяныхъ»; молоко ихъ=живая вода, дождь. Съ весенними дождями оканчивается владычество Зимы и возрожденная природа является въ своихъ роскошныхъ уборахъ, что̀ и выражено баснею о купаньи въ кобыльемъ молокѣ.

Сходно съ русскою сказкою, замѣняющею воздушной корабль крылатымъ конемъ, «Тысяча и одна ночь» повѣствуетъ о быстромъ полётѣ царевича на хитро-сдѣланномъ волшебномъ конѣ (т. XI, стр. 157—228); варіантъ же, сообщенный г. Худяковымъ (вып. III, № 102), — о полётѣ на искусно-сработанномъ деревянномъ орлѣ. Орелъ, носитель Зевсовыхъ громовъ, — одинъ изъ наиболѣе любимыхъ народною фантазіею образовъ для выраженія громоносной тучи (см. Отеч. Зап. 1852 г., № 1 и примѣч. къ вып. V, № 23). Въ арабской сказкѣ и въ варіантѣ г. Худякова конь и орелъ представляются уже не живыми существами, а хитро-устроенными машинами: черта позднѣйшаго вымысла, указывающая на то, какъ мало по малу утрачивается въ народѣ связь съ древними преданіями и какъ, въ заботахъ своихъ пояснить для себя непонятную старину, онъ силится подновить ее и тутъ-же искажаетъ неудачными попытками на кажущуюся естественность.

Миѳическіе кони, при незначительномъ усиліи фантазіи, повели къ созданію чудесной колесницы, которая также мгновенно появляется, какъ и исчезаетъ. Подобно древнимъ языческимъ богамъ и богинямъ, сказочные герои и героини переносятся съ мѣста на мѣсто въ быстролётныхъ колесницахъ и повозкахъ-невидимкахъ, совершенно-тождественныхъ съ ковромъ-самолётомъ (см. вып. V, № 41; вып. VI, № 29, а; Westslaw. Märchenschatz, стр. 60—61; въ сборн. Вольфа, стр. 89).

Вмѣстѣ съ героемъ сказки отправляются на летучемъ кораблѣ разные спутники, принадлежащіе къ породѣ *великановъ*. Великаны, такъ часто упоминаемые въ нѣмецкихъ сказкахъ, не чужды и нашимъ народнымъ вѣрованіямъ. Старики разсказываютъ, «що колись булй люде зовсимъ не таки, якъ тепереньки: були, кажуть, и великіи и гонкіи, такъ що одна нога намъ по плече досягала, а въ нашихъ хатахъ теперенько би имъ и жить не по мири.» Но съ теченіемъ времени люди все мельчаютъ, и до того дойдетъ, что сравняются съ мурашками: тогда то и будетъ конецъ свѣту! (Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 172—3; Черниговъ. губ. вѣдом. 1855 г., № 16). Въ Малороссіи исполинскихъ людей зовутъ *велетнями* и *песиголовцами* (статья Чужбинскаго въ Морск. сборн. 1856 г., № 14); великорусскія сказки, выводя на сцену гигантовъ, называютъ ихъ *дикими* и *великанами*, и обрисовываютъ ихъ такими красками: ростомъ великанъ равняется съ лѣсомъ, въ рукѣ держитъ дубъ или сосну, опираясь на нее, какъ на палку; на обыкновеннаго смертнаго онъ смотритъ презрительно, какъ на слабаго червя, котораго ничего не стòитъ ему раздавить ногою; самыя глубокія моря онъ можетъ свободно переходить въ бродъ; громадная голова великана, сражòннаго на ратномъ полѣ, представляется страннику высокою горою. Одинъ изъ такихъ исполиновъ тридцать три года лежалъ убитымъ въ полѣ, но будучи воскрешонъ живою водою, вскочилъ и тотчасъ-же предложилъ своему избавителю помѣриться въ рукопашномъ бою. Эта страсть къ битвамъ весьма характеристична; она указываетъ на тѣ дикія и грубыя страсти, какими народная фантазія надѣлила великановъ, воплощая въ ихъ образахъ страшныя и неразумныя силы физической природы (вып. VI, № 53; вып. VII, № 5, ь; № 23 и 42; вып. II, стр. 402). Въ сказкѣ о летучемъ кораблѣ великаны являются подъ слѣдующими именами: а) *Объѣдало*, который ра-

зомъ пожираетъ двѣнадцать быковъ, хлѣбъ кидаетъ въ ротъ полными возами, и все кричитъ: мало! b) *Опивало*, которому цѣлое озеро на одинъ глотокъ станетъ; опорожнить сорокъ огромныхъ бочекъ вина — для него совершенные пустяки! c) *Скороходъ* — на одной ногѣ идетъ, а другая къ уху подвязана; если же захочетъ воспользоваться обѣими ногами, то за одинъ шагъ весь свѣтъ перешагнетъ. d) *Стрѣлокъ*, который на тысячу верстъ такъ мѣтко попадаетъ въ цѣль, что̀ ему ни почемъ попасть въ глазъ мухи (Худяк., вып. I, стр. 119; Kinder- und Hausmärch., т. I, стр. 433). e) *Чуткой*— слухъ его такъ тонокъ, что̀ онъ слышитъ, какъ трава ростетъ; прилегая ухомъ къ землѣ, онъ узнаётъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается. f) *Морозъ-Трескунъ* или *Студенецъ* — онъ входитъ въ чугунную, докрасна накалённую баню, въ одномъ углу *дунулъ*, въ другомъ *плюнулъ*; глядь—ужь вездѣ иней да сосульки висятъ! g) Наконецъ старикъ съ вязанкою дровъ, которыя сто̀итъ только разбросать, какъ вмигъ явится безсчетное войско. Царь, отецъ красавицы, требуетъ отъ добраго мо̀лодца, чтобы онъ заявилъ свою богатырскую мощь. И вотъ, по приказу царя, выставлены для него горы печо̀ныхъ хлѣбовъ, двѣнадцать жареныхъ быковъ и сорокъ бочекъ вина; надо все съѣсть и выпить. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ ему Объѣдало да Опивало. Потомъ приказываетъ царь мо̀лодцу, чтобы онъ въ короткое время, пока будетъ обѣдъ продолжаться, добылъ и принёсъ живой воды. Вмѣсто мо̀лодца, бѣжитъ за водою скороходъ; но на обратномъ пути засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Чуткой услыхалъ его храпъ и сказалъ стрѣлку; стрѣлокъ разбудилъ соню своимъ выстрѣломъ, и живая вода была доставлена во̀ время. Морозъ-Трескунъ спасаетъ мо̀лодца отъ раскалённой чугунной бани; а старикъ съ вязанкою дровъ выставляетъ столько войска, что царь покоряется и уступаетъ жениху свою прекрасную дочь. Варіантъ, сообщенный г. Ху-

дяковымъ (вып. I, № 33), отличается нѣкоторыми любопытными особенностями; здѣсь выведены еще два богатыря: *Дубыня*, исторгающій крѣпкіе вѣковые дубы съ корнями, и другой, съ такою силою дующій изъ своихъ ноздрей, что̀ за тысячу верстъ вертитъ крылья мельницъ, гонитъ по̀ морю корабли, опрокидываетъ и уноситъ на воздухъ царскія войска. Является въ нѣкое царство доброй мо̀лодецъ Ивашка, и слышитъ — по всему народу объявлено, что царевна выйдетъ за того замужъ, кто ее перегонитъ и прежде ея принесетъ изъ колодца воды; а кто возьмется за это дѣло, да не перегонитъ— съ того голова долой. Сама-же царевна куда шибко бѣгала! Ивашка выставилъ за себя скорохода; понесся скороходъ быстрѣе стрѣлы, добѣжалъ до колодца, почерпнулъ въ кружку— и назадъ; на половинѣ дороги поставилъ кружку на̀земь и утомлённой лёгъ спать. А царевна еще далеко до колодца не добѣжала; увидала спящаго соперника, взяла его полную кружку, а свою пустую оставила на мѣстѣ, и повернула домой. Пробужденный стрѣлою, скороходъ успѣлъ сбѣгать къ колодцу и воротился съ водою раньше царевны. Не захотѣлось царю выдавать дочери за Ивашку, вздумалъ откупаться деньгами. Ивашка потребовалъ столько золота, сколько одинъ человѣкъ поднять можетъ, и велѣлъ собирать со всего царства холсты и шить огромный мѣшокъ. Сшили мѣшокъ, наполнили золотомъ; думаютъ — никто не подыметъ, а Дубыня взялъ его и спокойно понёсъ. Жалко стало царю золота, послалъ за богатырями въ погоню большое воинство. Ивашко съ товарищами уже плыли въ ладьяхъ по̀ морю; видя то, и царское войско посажалось на корабли и пустилось за ними. Тогда тотъ изъ богатырей, что̀ былъ мастеръ дуть, поднялъ сильные вѣтры: изъ одной ноздри направилъ онъ вихрь противъ царскихъ кораблей, а изъ другой подулъ на свои собственные паруса; корабли назадъ отбросило, а ладьи живо къ другому

берегу прибило. Точно такая-же сказка существуетъ у сербовъ: «Дјевојка бржа од коња «(В. Караdж., № 24). Красота этой дѣвицы такъ описана: «Била је некака ђевојка која није рођена од оца и мајке, него је начиниле виле од снијега извађена из јаме бездање према сунцу Илијнскоме, вјетар је оживио, роса је подојила, а гора лишћем обукла и ливада цвијећем накитила и наресила. Она је била бјеља од снијега, руменија од ружице, сјајнија од сунца.» Чудная дѣва объявила по всему свѣту: кто, сидя на конѣ, перегонитъ ее, за того она пойдетъ замужъ; но такой подвигъ былъ весьма труденъ, потому что на бѣгу она выпускала «некака мала крила испод пазуха», и съ помощію своихъ крыльевъ неслась быстрѣе всякаго коня. Смотри также Narodne pripovjedke Валявца, стр. 214—6; Slovanska čitanka Эрбена, стр. 35—36; Kinder- und Hausmärch., т. I, № 71 и Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen, т. I, № 28. Содержаніе итальянской сказки слѣдующее: Масціоне отправляется закупать товары, на пути встрѣчаетъ разныхъ богатырей и беретъ ихъ съ собою. —Я, говоритъ о себѣ одинъ изъ богатырей, называюсь *Молнія изъ Стрѣлограда* и могу бѣгать также быстро, какъ вѣтеръ. —Меня, говоритъ другой, называютъ *Заячье ухо изъ города любопытныхъ:* если я прилягу ухомъ къ землѣ, то узнаю все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. — Мое имя, замѣчаетъ третій, *Хорошо-стрѣляй* изъ мѣстечка *Прямо-въ цѣль*. —А меня, прибавляетъ четвертой, зовутъ *Дуй-богатырь* (Blasius) *изъ Вѣтрограда;* своимъ ртомъ я могу производить всякіе вѣтры: захочу — и повѣетъ тихой зефиръ, вздумаю— и зашумитъ свирѣпой борей! — и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ началъ дуть такъ сильно, что поднялась буря и низвергла цѣлые ряды вѣковыхъ дубовъ. — Мое имя, говоритъ наконецъ пятой, *Крѣпкая Спина*, родомъ изъ *Твердой Скалы*; я могу поднять на плеча громадную гору, и она по-

кажется мнѣ не тяжеле пера. Спутники прибыли въ нѣкое государство, гдѣ царствовалъ король, а у него была дочь, которая бѣгала съ быстротой и легкостью вѣтра: когда она неслась по нивамъ—подъ ея стопами даже не гнулись колосья! Король обѣщалъ выдать свою дочь за того, кто превзойдетъ ее въ бѣгѣ. Богатырь Молнія опередилъ ее; но король назначилъ перебѣжку, а королевна подарила своему сопернику перстень съ волшебнымъ камнемъ: тотъ, кто надѣвалъ этотъ перстень на палецъ, ни за что не могъ тронуться съ мѣста. Заячье ухо прислушался и узналъ про коварной умыслъ; стрѣлокъ пустилъ съ тугаго лука стрѣлу и сбилъ съ кольца волшебной камень; королевна была побѣждена, король предложилъ за дочь выкупъ, и Крѣпкая Спина забралъ у него все серебро и золото. — Всѣ эти сказочные богатыри суть олицетворенія могучихъ силъ природы: Опивало есть особенное имя бога-громовника, какъ рушителя и высасывателя дождевыхъ тучъ; поглотивъ въ себя цѣлое море, онъ низвергаетъ потòмъ воду изъ своей пасти и шумными потоками затопляетъ всѣ окрестныя поля и луга. Въ одной норвежской сказкѣ (ч. II, № 16) ему придано названіе *Meersauger* (*высасыватель моря*), ибо въ три добрыхъ глотка онъ осушаетъ пространное и глубокое море. Это тотъ-же сказочный змѣй (smok — *сосунъ*), который до какой рѣки ни припадетъ — ту и выпьетъ словно лужицу, который начинаетъ напослѣдокъ тянуть самое море и до того опивается, чтò тутъ-же лопается (Lud Ukraiński, т. I, стр. 268—9; см. примѣч. къ вып. VII, № 5): живое поэтическое изображеніе переполнившейся дождемъ тучи, которая изливается на землю при оглушительныхъ раскатахъ грома и затѣмъ пропадаетъ съ неба. Сказки приписываютъ Опивалѣ неумѣренное поглощеніе *вина*, и это имѣетъ миѳическое значеніе; ибо, въ числѣ другихъ метафорическихъ уподобленій дождя, одно изъ

самыхъ обыкновенныхъ у арійскихъ племенъ было уподобленіе его опьяняющимъ напиткамъ (сравни выраженія: *пить* и *пьянство, вода* и *водка, живая вода* и *l'eau de vie*; см. Куна Die Herabkunft des Feuers und Göttertranks). Лицо Объѣдалы создано народной фантазіей въ соотвѣтствіе Опивалѣ: какъ тотъ много пьетъ, такъ этотъ много пожираетъ. Идея, выражаемая имъ, та-же самая: онъ пожираетъ быковъ, въ образѣ которыхъ доисторическая старина олицетворяла громовыя тучи. Морозъ-Трескунъ уже самымъ названіемъ указываетъ на свое значеніе; его *дуновеніе* производитъ холодъ, а иней и сосульки представляются его *слюнями*. Въ варіантѣ, напечатанномъ у г. Худякова (вып. 1, стр. 119), богатырь этотъ является съ подвязанными волосами, и только распуская свои волосы—онъ производитъ сильную стужу. *Волоса*—древнѣйшая метафора темныхъ тучъ (см. примѣч. къ вып. VII, № 8). Очевидно, что народныя сказки разумѣютъ подъ Морозомъ не отвлеченное, умственное понятіе, а живой образъ, олицетворившій въ человѣческихъ формахъ естественныя явленія природы. Богатырь, дующій ртомъ и ноздрями и напоминающій своимъ бурнымъ дуновеніемъ свистъ Соловья-разбойника, есть олицетвореніе вихря. О Дубынѣ и Горынѣ, которому въ итальянской сказкѣ соотвѣтствуетъ богатырь Крѣпкая Спина, смотри въ примѣчаніи къ вып. VII, № 8. Всѣ остальные богатыри олицетворяютъ молнію; объясненіе различныхъ названій, приданныхъ имъ, надо искать въ старинныхъ метафорическихъ сближеніяхъ молніи съ другими предметами. Скороходъ выражаетъ ея неуловимую быстроту; въ итальянской сказкѣ онъ прямо названъ Молніей. Стрѣлокъ и старикъ съ вязанкою дровъ указываютъ на связь молніи съ стрѣлами и вообще оружіемъ; сокрушительная сила грозы послужила основаніемъ, опираясь на которое—фантазія надѣлила божество грома лукомъ, меткими стрѣлами и

несокрушимою палицею; пуская стрѣлы и бросая палицу, Перунъ истребляетъ своихъ страшныхъ враговъ. Это метаніе *палицы* (*палки*, дубинки) выражено въ сказкѣ разбрасываньемъ вязанки дровъ, вслѣдъ за которымъ появляются несчетныя войска, поражающія непріятелей (см. прим. къ вып. VII, № 4).

Сверхъ разнообразныхъ зооморфическихъ представленій, силамъ природы придавались и человѣческіе образы. Облака и тучи олицетворялись прекрасными полногрудыми дѣвами и женами; соотвѣтственно представленію тучъ деревьями (лѣсами), моремъ — вмѣстилищемъ дождя, и коровами, дѣвы и жены эти назывались лѣсными и морскими (водяными) нимфами, проливающими изъ своихъ сосудовъ плодотворные источники, и вѣдьмами, доящими небесныхъ коровъ. Въ грозѣ и бурѣ видѣли свадебное торжество бога-громовника, вступающаго въ брачный союзъ съ прекрасною нимфою, или стремительное преслѣдованіе имъ этой красавицы, убѣгающей его объятій. Крутящіеся вихри до сихъ поръ называются дьявольскою пляскою: чортъ женится на вѣдьмѣ и нечистая сила, празднуя ихъ бракъ, вертится въ пляскѣ и подымаетъ пыль столбомъ. Въ нашемъ простонародьи ходитъ много разсказовъ о томъ, какъ вѣдьмы сдружаются съ чертями и вмѣстѣ съ ними заводятъ по ночамъ нецѣломудренныя гульбища; у нѣмцевъ сохранились превосходныя поэтическія преданія о дикой охотѣ Одина (Wodans wilde Jagd), преслѣдующаго нимфу (Wolkenfrau, Windsbraut). Обращаясь къ приведеннымъ сказкамъ, мы видимъ, что доброй молодецъ, съ помощію своихъ могучихъ товарищей, или прямѣе самъ Перунъ обгоняетъ *легкокрылую* красавицу-невѣсту и добываетъ *живую воду* и множество *золота* (т. е. проливаетъ дождь и выводитъ изъ-за тучъ весеннее солнце). Иногда вмѣсто дѣвы-тучи сказки выводятъ невѣстою дѣву-солнце; въ этомъ отношеніи особенно-любопытны редакціи нѣмецкая и чешская. Содержаніе нѣ-

мецкой сказки (въ собр. братьевъ Гриммовъ, т. II, № 134) таково: Царевичъ отправляется сватать прекрасную королевну, мать которой была волшебница. На дорогѣ ему попадаются великаны: a) *Толстякъ* (der Dicke): не смотря на то, что его брюхо равнялось горѣ, онъ могъ расширяться по произволу и сдѣлаться еще толще — хоть въ три тысячи разъ; b) *Длинной* (der Lange), который могъ вытягиваться вверхъ по своему желанію, и когда хотѣлъ — превосходилъ ростомъ самыя высокія горы; c) *Чуткой нà ухо* (der Horcher), и d) двое съ необычайно-острымъ зрѣніемъ (die Scharfäugigen): одинъ изъ нихъ обладалъ такою длинною шеею, что̀ могъ глядѣть черезъ горы, и такими зоркими очами, что̀ могъ видѣть весь свѣтъ; а другой вынужденъ былъ носить на глазахъ повязку, ибо взгляды его были такъ остры, что̀ отъ нихъ распадалось все въ дребезги. Первая задача, которую возложила на жениха королева-волшебница, была: достать брошенное въ море кольцо. Толстякъ припалъ къ морю устами и потянулъ въ себя воду; волны покатились въ его брюхо, словно въ пропасть, и въ короткое время онъ вытянулъ все море; на открытомъ днѣ товарищъ его съ свѣтлыми очами усмотрѣлъ кольцо, а Длинной досталъ и принёсъ то кольцо царевичу. Вторая задача состояла въ повелѣніи: съѣсть триста жирныхъ, откормленныхъ быковъ съ костями, кожею и рогами—такъ, чтобы ни оставался несъѣденнымъ ни единой волосъ, и осушить до капли триста бочекъ вина. Царевичъ испросилъ позволенія раздѣлить этотъ обѣдъ съ однимъ изъ своихъ товарищей и пригласилъ Толстяка, который все пожралъ и выпилъ. Задавая царевичу третью задачу, волшебница сказала: «сегодня вечеромъ я приведу въ твою комнату мою дочь; ты долженъ держать ее въ своихъ объятіяхъ; но берегись, чтобы не заснуть! Ровно въ двѣнадцать часовъ явлюсь я, и если ея не будетъ въ твоихъ рукахъ—ты погибъ!» Вечеромъ царевичъ

взялъ королевну въ свои объятія; вокругъ ихъ обвился Длинной, а Толстякъ заставилъ собою дверь такъ плотно, что ни одна живая душа не могла пролѣзть въ комнату. Время шло, а красавица не промолвила ни слова. Въ одиннадцать часовъ королева наслала на царевича и его помощниковъ крѣпкой сонъ, и въ это мгновеніе невѣста была похищена. Когда было уже безъ четверти двѣнадцать, очарованіе потеряло силу, царевичъ проснулся и воскликнулъ: «увы, теперь я погибъ!» — Тише! возразилъ Чуткой, дайте-ка я прислушаюсь. Онъ прислушался и сказалъ: «королевна сидитъ въ скалѣ, на триста часовъ разстоянія отсюда, и клянетъ свою судьбу. Но Длинной можетъ поправить дѣло; пара шаговъ—и онъ будетъ тамъ.» — Да, отвѣчалъ Длинной, только пусть со мной отправится товарищъ съ завязанными глазами, чтобы разрушить скалу. Быстро очутились они передъ *заколдованною скалою, и когда Острозоркой снялъ повязку съ своихъ очей и взглянулъ, то скала въ тотъ-же мигъ разлетѣлась на тысячи кусковъ.* Длинной взялъ королевну на̀ руки и принёсъ къ жениху. Задачи были исполнены, царевичъ поѣхалъ вѣнчаться съ своею красавицей; но королева послала за ними войска̀ и велѣла силой отнять свою дочь. Тогда Толстякъ выплюнулъ часть морской воды, выпитой имъ прежде, и тотчасъ стало большое озеро и потопило погоню. Королева отправила новое войско, но и это погибло отъ сокрушительныхъ очей другаго товарища. Подобная-же сказка есть у чеховъ: «Dlouhý, Široký a Bystrozraký» (Slov. čitanka, стр. 7—14; Westslaw. Märchenschatz, стр. 130—140; сличи Slov. pohádky, od Němcové, стр. 605—618). Царевичъ ѣдетъ добывать красавицу-невѣсту, *заключенную злымъ чародѣемъ въ желѣзномъ за̀мкѣ.* Ему помогаютъ: а) *Длинной*, который можетъ вытянуться такъ высоко, что̀ головой своей достанетъ облака̀; при такомъ ростѣ ему ничего не значатъ пространства: сто̀-

итъ сдѣлать шагъ или два — и онъ очутится далеко-далеко! b) *Широкой* (Толстякъ), брюхо котораго можетъ скоро рости во всѣ стороны и сравняться съ любою горою, и c) *Быстрозоркой* (у словаковъ: Žarooky), отъ взглядовъ котораго воспламеняется огнемъ все, что только можетъ горѣть, а крѣпчайшія скалы трескаются и разсыпаются въ песокъ—подобно тому, какъ распадаются столбы отъ взоровъ іотуновъ въ одной изъ пѣсенъ древней Эдды (изд. Симрока, стр. 47). Царевичъ и его помощники являются къ старику-чародѣю, съ сѣдой бородой по колѣна; на чародѣѣ длинная черная одежда и вмѣсто пояса три *желѣзныхъ обруча*. «Если ты, сказалъ онъ царевичу, съумѣешь уберечь красавицу три ночи — она будетъ твоя; въ противномъ-же случаѣ ты самъ и твои товарищи будете *превращены въ камень*—точно также, какъ превращены всѣ тѣ, которые являлись прежде тебя.» Наступила ночь, и царевичъ сѣлъ возлѣ блѣдной и печальной красавицы; она не смѣялась и не говорила ни слова, точно была изъ мрамора. Царевичъ рѣшился не спать цѣлую ночь; для бо̀льшей безопасности Длинной вытянулся, подобно ремню, и обвился вокругъ всей комнаты по стѣнамъ; Широкой заложилъ собою двери, а Быстрозоркой сталъ за столбомъ на стражу. Но это нисколько не помогло: всѣ они заснули крѣпкимъ сномъ, а пробудясь, не нашли красавицы. «За сто миль отсюда есть лѣсъ, середи лѣса старой дубъ, на дубѣ жолудь, и этотъ жолудь—она!» сказалъ богатырь съ зоркими очами. Благодаря своимъ товарищамъ, царевичъ возвращаетъ ее назадъ во̀ время. На вторую ночь красная дѣвица очутилась за двѣсти миль: тамъ была гора, на горѣ скала, въ скалѣ драгоцѣнной камень, и этотъ камень—сама невѣста; а на третью ночь—за триста миль: на днѣ чернаго моря лежала раковина, въ раковинѣ кольцо, и это кольцо—красная дѣвица! Царевичъ находитъ ее и въ скалѣ, и на днѣ моря, и каждое утро, какъ

32*

только увидитъ чародѣй красавицу въ комнатѣ жениха, съ его тѣла спадаетъ по одному желѣзному обручу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживляются по-немногу и окаменённые имъ герои съ ихъ конями и слугами. Когда лопнулъ послѣднiй обручъ — чародѣй *превратился въ ворона* и улетѣлъ въ разбитое окно; красавица зарумянилась, какъ роза, и стала благодарить царевича за свое избавленiе; въ зàмкѣ и въ окрестностяхъ все пришло въ движенiе, окаменённые ожили, деревья зазеленѣли, поля запестрѣли цвѣтами, воздухъ огласился пѣснями жаворонковъ и въ рѣкѣ появились стаи маленькихъ рыбокъ. Всюду жизнь, всюду радость!

Смыслъ преданiя, заключеннаго въ этихъ двухъ превосходныхъ сказкахъ, весьма знаменателенъ. Богатыри, дѣйствующiе въ нихъ, — тѣ-же самые, съ какими мы познакомились выше. Толстякъ или Широкой соотвѣтствуетъ нашему Опивалѣ; онъ и Длинной въ живыхъ поэтическихъ образахъ выражаютъ то естественное явленiе, что надвигающаяся на небо туча быстро расширяется во всѣ стороны и обнимаетъ собою весь горизонтъ. Брюхо Толстяка, вмѣщающее въ себѣ цѣлое море, напоминаетъ намъ нѣкоторыя мѣста гимновъ Ригъведы, гдѣ Индра представляется жадно-поглощающимъ божественный нектаръ (сома=дождь) въ свою неизмѣримую утробу. О Быстрозоркомъ см. примѣчанiе къ вып. V, № 54: это Перунъ, мечущiй изъ глазъ своихъ молнiи, которыя разбиваютъ скалы, т. е. тучи. Какъ Опивало и Толстякъ имѣютъ своихъ двойниковъ въ Объѣдалѣ и Длинномъ, такъ на ряду съ богатыремъ всевидящимъ народная фантазiя создала еще другаго—всеслышащаго (Чуткаго); а нѣмецкая сказка представленiе о богатырѣ съ зоркимъ зрѣнiемъ раздробила на два отдѣльныхъ лица: одному приписала способность все видѣть, а другому — пожигать очами. —Красавица - Солнце попадаетъ во власть стараго чародѣя (Зимы) и повергается въ то-же

очарованное состоянie, какъ и прекрасная царевна спящаго или окаменённаго царства: она блѣдна и молчалива, на устахъ ея не видать улыбки, на щекахъ румянца [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа: деревья, поля и воды лишены жизни и движенiя. Красавица сидитъ въ *желѣзномъ* зàмкѣ, т. е. закрыта холодными зимними облаками; чародѣй, который ее держитъ въ этомъ заключенiи, играетъ ту-же роль, какую въ другихъ сказкахъ исполняютъ лютый змѣй и Кощей Безсмертной (см. примѣч. къ вып. VIII, № 8), а три *желѣзныхъ* обруча на его тѣлѣ есть символъ зимняго холода, замыкающаго дождевыя хляби въ облакахъ и тучахъ. Мы до сихъ поръ выражаемся о зимѣ, что она *сковываетъ* и *оцѣпеняетъ* природу, т. е. налагаетъ на нее желѣзныя цѣпи; сравни нѣмецкiя слова: *Eis*—ледъ (*eisen*—колоть ледъ) и *Eisen*—желѣзо (о Зимѣ-кузнецѣ см. примѣчан. къ вып. V, № 40); съ Михайлова дня (8 ноября) Зима *куетъ* морозы. Освобожденiе красавицы дѣлается возможнымъ только тогда, когда наступаетъ весна и является доброй мòлодецъ (Перунъ) съ своими могучими спутниками [2]) и когда подъ влiянiемъ весенней теплоты лопаются желѣзные обручи, наложенные на дождевыя хранилища. Въ одной нѣмецкой сказкѣ читаемъ: «im Schlosse lag ein mächtiges Fass mit drei eisernen Reifen. Darin schlief der Drache seinen Jahresschlaf. Der war gerade zu Ende. Nur einmal sprang ein Reif, bald sprang der zweite und der dritte und krachte jedesmal so gewaltig wie ein Donnerschlag» (Гальтрих., стр. 123 — 4). Драконъ пробуждается отъ годоваго зимняго сна; на бочкѣ (т. е. тучѣ), въ которой онъ заключенъ, лопаются сжимавшiе ея обручи, и лопаясь производятъ громовые

[1]) Изъ этого представленiя возникли сказки о Несмѣянѣ-царевнѣ. —
[2]) Онъ находитъ красавицу въ морѣ — золотымъ кольцомъ, въ дубовомъ лѣсу—жолудемъ и въ скалахъ—драгоцѣннымъ камнемъ: море, дубъ и скала — метафоры тучи, затемняющей небо; а драгоцѣнной камень и золотое *кольцо* (*коло, колесо*) — метафоры солнца.

удары [1]). Въ сказкѣ о Марьѣ Моревнѣ (вып. VIII, № 8) змѣй, умертвивши царевича, кладетъ его въ смоленую бочку, скрѣпляетъ желѣзными обручами и бросаетъ въ море; но являются три птицы, въ ὀбразахъ которыхъ древній миѳъ олицетворялъ весеннюю грὸзу, и спасаютъ царевича: орелъ воздымаетъ бурю и волны выкидываютъ бочку нà берегъ, соколъ уноситъ ее въ поднебесье, бросаетъ съ высоты и разбиваетъ на части, а воронъ оживляетъ юношу живою водою (сравни подобныя преданія у Валявца, стр. 2 и 24, и въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича, стр. 24). По свидѣтельству валахской

[1]) Дожденосное облако издревле уподоблялось плавающему по небу *кораблю, ящику, гробу* и *бочкѣ* (сравни слова: *корабль* и *коробъ*, и см. выше стр. 255). Тиѳонъ, приготовивши богато-изукрашенный ящикъ, объявилъ на пиру, что подаритъ его тому, кому онъ прійдется по мѣркѣ Всѣ стали примѣриваться, и какъ только Озирисъ улёгся въ ящикѣ, Тиѳонъ захлопнулъ крышку и бросилъ его въ Нилъ. Тоже сказаніе встрѣчаемъ въ былинѣ про великана Святогора (Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 40 — 42): Святогоръ съ Ильей Муромцемъ наѣхали на великой гробъ и прочитали на немъ надпись: кому суждено покоиться въ гробу, тотъ въ немъ и уляжется. Святогоръ лёгъ и закрылся крышкою; хотѣлъ потὸмъ поднять ее и не смогъ; Илья-Муромецъ беретъ его мечъ-кладенецъ, бьетъ поперёгъ крышки, но за каждымъ ударомъ на гробѣ является *желѣзная полоса* и великанъ Свято*горъ* (*гора*—туча) умираетъ (оковывается холодомъ, засыпаетъ зимнимъ сномъ). Та-же судьба постигаетъ великана и въ кашубскомъ преданіи (Этногр. сборн., вып. V, стр. 115). Пробужденіе къ жизни вѣщихъ мертвецовъ нашихъ сказокъ (колдуновъ и вѣдьмъ, которымъ народное суевѣріе приписываетъ скрадываніе дождя и доеніе небесныхъ стадъ) обыкновенно сопровождается распаденіемъ желѣзныхъ обручей на ихъ гробахъ. Въ этомъ уподобленіи тучи—плавающей бочкѣ находитъ объясненіе и слѣдующій часто-повторяемый въ эпическихъ произведеніяхъ разсказъ: царица, посаженная въ окованную желѣзными обручами бочку и пущенная въ море (или по свидѣтельству польской сказки «w powietrze pod obłoki»—Slov. čitanka, стр. 115), рождаетъ въ заключеніи сына-богатыря (молнію, Перуна), который ростетъ ни по днямъ, ни по часамъ, а по минутамъ, потягивается и разрываетъ бочку на части. Отсюда возникло вѣрованіе въ волшебной боченокъ, изъ котораго (только постучи въ него) является несчетное войско, и другое вѣрованіе въ неисчерпаемой боченокъ (вып. VI, № 56; Slov. pohádky, стр. 243), изъ котораго сколько ни льется—онъ все полонъ.

(№ 11) и другихъ сказокъ обручи и цѣпи тотчасъ лопаются на змѣѣ, какъ скоро онъ напьется воды или вина, т. е. какъ скоро утроба его наполнится дождевою влагою. Согласно съ этими данными въ чешской сказкѣ чародѣй, когда спали съ него желѣзные обручи, оборачивается ворономъ и улетаетъ въ окно, т. е. въ переводѣ этихъ метафорическихъ выраженій на простой языкъ: снѣжныя тучи превращаются весною въ дождевые потоки (воронъ—птица, приносящая живую воду или всеоживляющій дождь), и вслѣдъ за тѣмъ земля одѣвается зеленью и цвѣтами, въ лѣсахъ и поляхъ начинаютъ пѣть птицы, въ водахъ плещутся рыбы, миѳическая красавица улыбается, на лицѣ ея показывается румянецъ, а въ очахъ веселье. [1])

28. 29. 30.

СВИНОЙ ЧЕХОЛЪ.—ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОКЪ.—ЧЕРНУШКА.

Въ сборникѣ г. Худякова приведены три слабыхъ варіанта (вып. I, № 15; вып. II, № 54 и 55). Подобныя сказки извѣстны у разныхъ народовъ (см. примѣч. ко II вып.. № 31; Litaui-

[1]) Выводы эти подтверждаются словацкою сказкою «O trech zakletých knižatech» (Slov. pohádky, стр. 545—9): Радовидъ идетъ освобождать прекрасную царевну, унесенную чародѣемъ въ свои пещеры; съ величайшими усиліями добываетъ онъ *золотой ключъ* (тоже, что Springwurzel), подходитъ къ *скалѣ* и только дотронулся до нея ключемъ — какъ она тотчасъ-же растворилась. «Radovid vešel do izby ze samého *ladu* (льду) *vykresané*; *zima šibala* se stěn, až pálila, a nohy div že mu neprimrzly...» Онъ шелъ дальше и въ тринадцатой комнатѣ нашелъ красавицу: «čarod'ajnik strašné podoby ležel *tuhym snem zkovan* na loži, podle něgo na zemi *v železné rakvi* (гробницѣ) krásná, ale bleda, vyschla ženská postava; nad jeho ložem na stěně visela zlatá trubka.» Радовидъ взялъ золотую трубу, громко затрубилъ трижды и словно сто громовъ загремѣло: такой голосъ вылетѣлъ изъ трубы! Чародѣй *se rozlil na kolomaz* (разлился дёгтемъ — см. примѣч. къ № 28—30), ледяныя палаты обратились въ *krasne svetlice*, царевна встала изъ гроба и зарумянилась, какъ пышная роза.

sche Märchen, стр. 10—12; Slov. pohádky, od B. Němcové, стр. 511—522; Narod. pripov. Валявца, стр. 223—4); содержаніе ихъ чисто миѳическое. Красавица носитъ *свиной чехолъ* (кожухъ) и потому не можетъ быть узнана своимъ суженымъ (сличи вып. V, № 38); но какъ скоро одежда эта сброшена и дѣвица показывается въ чудныхъ уборахъ, блистающихъ словно частыя звѣзды, свѣтёлъ мѣсяцъ, красное солнышко и ясная заря, (или въ серебреномъ, золотомъ и брилліантовомъ платьяхъ и въ золотыхъ башмакахъ) — женихъ тотчасъ-же плѣняется ея прелестями и вступаетъ съ нею въ торжественный бракъ. Въ переводѣ на общепонятной языкъ, смыслъ сказанія таковъ: дѣва-Солнце въ зимній періодъ времени облекается въ свиной чехолъ, т. е. лишается своей блестящей *красоты* (сравни: *краса*, *красной*, *краска*, *красное* солнце) и плодотворящей силы; въ образѣ свиньи древній миѳъ олицетворилъ мертвящее вліяніе холода, и потому солнце, побѣдоносное въ теченіе одной половины года, въ другую половину представлялось побѣжденнымъ злобою свиноголоваго Тиѳона (сличи со сказкою о Незнайкѣ—примѣч. къ вып. VII, № 10). Женихъ (вся природа) чуждается непривлекательной невѣсты и гонитъ ее отъ себя. Въ это безотрадное время она находится во власти злой мачихи Зимы и является въ печальномъ видѣ *Замарашки* или *Чернушки* (Popeluška, Aschenputtel), осужденной на пребываніе въ подземномъ царствѣ (въ странѣ мрака и тѣней, т. е. за зимними туманами). Но какъ только наступающая весна разорветъ и сниметъ съ дѣвы-Солнца свиной чехолъ и облечетъ ее въ свѣтлыя одежды, она тотчасъ-же предстаетъ въ полномъ блескѣ и сіяніи, какъ-будто облитая золотомъ и осыпанная брилліантами [1]); красота ее дѣлается несказанною и

[1]) Народная загадка о заходящемъ солнцѣ выражается слѣдующею метафорой: «за лисомъ-за прописомъ *червоне платья*» (Малор. и галицк. загад-

ненаглядною. Жаркими лучами своими дѣва-Солнце топитъ льды и снѣга, или выражаясь метафорически: оставляетъ слѣдъ своей ноги, свой золотой башмачокъ, въ растопленномъ дёгтѣ. Слово *дёготь* есть причастіе отъ литовскаго глагола *degu*—горю (*degas*, *degus*, *degsnis*—пожаръ, *degesis*—августъ, мѣсяцъ жаровъ, *deguttas*, *deguttis* или *daguttas* — дёготь) и родственно съ санскритскимъ корнемъ *даг*—жечь и старогерманскимъ *dag*—день, откуда и нашъ *Дажьбогъ* — солнце (Отеч. Зап. 1855 г., № 9, стр. 53; Извѣст. Акад. наукъ по отдѣленію русск. языка, 1852 г., стр. 114 — 5). Послѣ того Солнце, какъ свѣтлая невѣста, вступаетъ въ бракъ съ землею.

35 — 36.

ЖЕНА-ДОКАЩИЦА.

Заимствуемъ изъ Черниговскихъ губерн. вѣдомостей 1860 г. (№ 15) малороссійской варіантъ:

ХИТРОЙ ЧОЛОВИКЪ.

Одинъ чоловикъ найшовъ гроши да-й хитруе, якъ-бы поступить изъ жинкою, щобъ вона кому не сказала; бо винъ знавъ, що жинки дуже нетерплячи — заразъ розбрешуть, якъ тильно що почують. Отъ винъ пойшовъ на двиръ, да зъ надвору и уносить ейце у хату. «Жинко! каже чоловикъ, увійшовши у хату; отцѐ, якъ бачишъ, я ейце изнисъ. Жинка ёго ажъ объ себе ляпае — дивуетця, що чо-

ки Сементовскаго, стр. 5). Любопытно, что свои блестящія одежды дѣва-Солнце до поры-до времени скрываетъ, по свидѣтельству сказокъ, въ *дубѣ* или подъ *камнемъ*, (см. сборн. Шлейхера и вып. VII, № 12 нашего изданія), т. е. за тучами; ибо и дубъ и камни (скалы) служили метафорами для обозначенія этихъ послѣднихъ.

ловикъ ейце изнисъ. Посли того пойшовъ чоловикъ на базаръ, накупивъ тамъ бубликовъ, розвишавъ ихъ у ночи передъ викнами на лиси, на колкахъ, да-й каже жинци уранци: «жинко! ти не чула, що сю ничъ було?» — Ни, не чула! каже жинка, а що-жъ тамъ? «Бублишна туча летила; я тебе будивъ, да ти не чула. Ось ходимъ лишень на двиръ да подивимось, чи не зачѣпилась котора вязка.» Пойшли, дивлятця. Жинка дивуетця, що на лиси зачѣпились бублики, думае, що се јій снитця. «Збирай, жинко, щобъ хто не побачивъ да не сказавъ пану сотнику; бо ёму якъ скаже хто про си бублики, дакъ винъ звелить ихъ до себе принести.» Посли сёго чоловикъ якось и каже жинци: «ось, жинко, ище буде куряча туча летить, дакъ ти зховайся у погребъ; я тебе тамъ накрію, а самъ сховаюсь, куда самъ знаю.» Отъ узявъ-зачинивъ жинку у погребъ, да тамъ и накривъ јіи лубкомъ; на лубокъ посипавъ гречки, напускавъ туда курей: вони и давай клювать соби тую гречку. Жинка-жъ сѣдить тамъ, да-й не поворухнетця вже. Појили кури гречку, а чоловикъ и питае жинку: «чи ти, жинко, тутъ?» — Тутъ, да излякалась дуже! Що, пролетила куряча туча? «Пролетила!» — Що-жъ богато курей наловивъ? «Эге! насилу свои вдержавъ.» Недовго посли сёго чоловикъ ходивъ кудись, да прійшовши до дому и каже жинци: «отцѐ, жинко, бувъ я на базари и щось тамъ бачивъ, да боюсь тоби казать, щобъ ти не сказала кому.» — Ни, не бійсь, не скажу! «Бачивъ я, жинко, якъ пана сотника водили по базару, начѣплявши ёму на шію потрохивъ за те, що у кражи поймали.» — Отцѐ! чи можна-жъ то було сподиватьця сёго отъ ёго? Дивно!... Наробивши такихъ штукъ, чоловикъ на що хотивъ, на те-й тративъ гроши тіи, що изнайшовъ. А жинка бачить, що чоловикъ јіи набравъ дѣсь богато грошей, да-й питае ёго: «дѣ се ти грошей набравъ, Иване?» — Мовчи, жинко, да не кажи никому; се я изнайшовъ ихъ. «Коли-жъ се ти ихъ из-

найшовъ? чому-жъ ти мини й доси не сказавъ?»—Да за клопотами не вспивъ. «Да коли-жъ ти таки изнайшовъ, скажи мини тее время?»—А тоди, якъ ейце изнисъ да тоби унисъ; да тоди, якъ бублишна туча летила; да тоди, якъ пана сотника водили по базару. Жинка й мовчала, да недовго; чоловикъ якось побивъ јіи, ôтъ вона й побигла до сотника жаловатьця: «пане сотнику! я тоби щось хочу сказать.»—Кажи, кажи, молодичко! одказуе сотникъ. «Оттакъ, пане сотнику! мій чоловикъ изнайшовъ гроши, просивъ мене, щобъ я никому не казала, да теперь ище бить мэне начавъ, дакъ я отцѐ прійшла тоби сказать.» —А, дакъ ось якъ! каже сотникъ; ну, погуляй же тутъ, подожди; ось я за имъ заразъ пошлю кого-небудь. Скоро прійшовъ и чоловикъ. Сотникъ и пытае ёго: «чому се ти не кажешъ мини, що гроши изнайшовъ? га!» — Ни, каже чоловикъ, грошей я ниякихъ не находивъ! А ось я прійшовъ сказать, що моя жинка щось не при соби, мовъ. «Эге, дакъ ось якъ! закричала жинка; ти изнаходишъ гроши, а жинка твоя дуріе?»— Да коли-жъ я гроши изнайшовъ? «А тоди, якъ ейце изнисъ; забувъ?» — Ну, дивися-жъ самъ, пане сотнику, що се вона каже! чи можна-жъ таки чоловику ейце знести? я тоби казавъ, що вона щось не тее! «Э, сякій-такій! а якъ куряча туча да бублишна летили; ище-й се може скажешъ, що неправда?» —Вона, якъ самъ, пане, бачишъ, не при соби! «Не при соби! а те забувъ, що ти ище и тоди гроши изнайшовъ, якъ пана сотника водили по базару, навишавши на шію потрохивъ ёму? ага, попавсь!» — Ну, пане! воля твоя, вона зовсимъ надурила. А сотникъ, почувши, що каже на ёго жинка, веливъ јіи добре вибить, щобъ не давала язику воли. «Бачъ, жинко, що то значить не держать дурного свого язика на привязи!» сказавъ чоловикъ, якъ вернулись до дому.

Въ старинномъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній» есть сходный «Прикладъ, яко не имѣти вѣрити женамъ, ниже таинъ имъ

объявляти» (Очеркъ литератур. истор. старин. повѣстей, стр. 188, 338—9): король разгнѣвался на рыцаря и объявилъ, что только тогда его проститъ, когда онъ явится во дворецъ ни верхомъ, ни пѣшкомъ, и приведетъ съ собой вѣрнаго прiятеля, утѣшника и невѣрнаго друга. Ночью зашелъ къ рыцарю странникъ и попросился ночевать. Рыцарь шепнулъ женѣ, что хочетъ его убить и обобрать деньги; потомъ выпроводивъ странника, зарѣзалъ телёнка, положилъ его въ мѣшокъ и отдалъ женѣ спрятать подальше. На другой день рыцарь явился во дворецъ, ступая одной ногой по землѣ, а другую держа на собакѣ. «Гдѣ твой вѣрный прiятель?» спросилъ король. Рыцарь вынулъ мечъ и нанёсъ собакѣ рану — она отбѣжала; подозвалъ ее — и собака воротилась къ нему и стала ласкаться. «Гдѣ твоя утѣха?» Рыцарь показалъ на маленькаго сына. «А гдѣ невѣрный другъ?» Рыцарь ударилъ свою жену— и она разбранила мужа и начала обвинять его въ убiйствѣ. См. у Худяк., вып. II, № 75, и Сочин. А. Пушкина, издан. Анненкова, т. I., стр. 122.

37.

МУЖЪ ДА ЖЕНА.

Сличи съ пѣснею про гостя Терентьища (Кирша Данил., стр. 13—21).

46. 47.

ПТИЧIЙ ЯЗЫКЪ. — ОХОТНИКЪ И ЕГО ЖЕНА.

Обѣ сказки основаны на преданiи о птичьемъ и звѣриномъ языкѣ; первая изъ нихъ въ варiантахъ, напечатанныхъ подъ буквами *b* и *c*, сходится со сказкою «Хитрая наука». Повѣрье о змѣѣ, которая надѣляетъ чудеснымъ знанiемъ языка живот-

ныхъ, очень давнее и общее разнымъ индоевропейскимъ племенамъ. Змѣя эта не простая; она является въ пламени и когда ползетъ—подъ нею трава горитъ (Худяк., вып. I, стр. 135). Эдда разсказываетъ, что Сигурдъ убилъ змѣя Фафнера, хранителя золотаго сокровища, и сталъ жарить его сердце на горячихъ угольяхъ; когда оно запѣнилось кровью, Сигурдъ, желая узнать—готово ли змѣиное сердце, дотронулся до него пальцемъ, обжогся и сунулъ палецъ въ ротъ: едва кровь Фафнера попала ему на языкъ, какъ въ ту-же минуту онъ сталъ понимать птичьи рѣчи, и вслѣдъ за этимъ съѣлъ Фафнерово сердце цѣликомъ. Въ Малороссіи существуетъ въ народѣ такой разсказъ (Русск. Бесѣда 1856 г., т. III, стр. 83—84, статья Максимовича): Ѣхалъ чумакъ съ наймитомъ; остановились на попа̀съ и развели огонь. Чумакъ отошелъ въ сторону, свистнулъ — и сползлась къ нему цѣлая куча гаду; набравши гадюкъ, онъ вкинулъ ихъ въ котелокъ и началъ варить; когда вода закипѣла, чумакъ слилъ ее на̀земь; слилъ и другую воду, и уже въ третью всыпалъ пшена. Приготовилъ кашу, поѣлъ ее и велѣлъ наймиту вымыть котелокъ и ложку: «да смотри, говоритъ, не отвѣдывай моей ка̀ши!» Наймитъ не утерпѣлъ, наскрёбъ полную ложку гадючей каши и съѣлъ; чудно ему стало! видитъ и слышитъ онъ, что всякая трава на степи колышется, одна къ другой наклоняется и шепчутъ: «я отъ такой-то болѣзни! а у меня такая-то сила!» Сталъ подходить къ возу, а волы говорятъ межъ собою: «вонъ идетъ закладать насъ въ ярмо!» Ѣдучи степью, услыхалъ наймитъ, отъ какой болести помогаетъ бодякъ, и разсмѣялся; потомъ подслушалъ разговоръ кобылы съ жеребцомъ, и опять засмѣялся. Примѣтилъ то чумакъ: «э, сучій сынъ! я-жъ не велѣлъ тебѣ коштовать моей каши!» Всталъ съ воза, вырвалъ стебель чернобыли, облупилъ его и говоритъ: «на, съѣшь!» Наймитъ съѣлъ и пересталъ слышать что̀ говорятъ

травы и понимать языкъ животныхъ. Отъ того-то чернобыль зовется на Украйнѣ *забудьками.* Подобный-же разсказъ переданъ въ книгѣ Новосельскаго (Lud Ukraiński, т. I, стр. 353—6): Попался къ татарамъ въ плѣнъ парубокъ; однажды хозяинъ его, невѣра, варилъ змѣя и до семи разъ сливалъ нá-земь воду, отчего кругомъ вся трава почернѣла. Плѣнникъ попробовалъ этого кушанья и услыхалъ, какъ деревья и зелья, колыхаясь отъ вѣтру, разговаривали между собою о своихъ цѣлебныхъ свойствахъ; пришелъ въ конюшню и спросилъ: какой конь вынесетъ его на свободу? «Я вынесу!» отозвался одинъ конь; парубокъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ морю, а невѣра за нимъ въ погоню. Гнался-гнался, да видитъ, что поздно, что плѣнникъ уже посерёдъ моря плыветъ, и закричалъ ему: «Иване, Иване! какъ прiѣдешь домой, навари себѣ кореньевъ чернобылю и напейся—еще больше узнаешь, чѣмъ теперь!» Парубокъ съ дуру послушался татарина, напился чернобылю и позабылъ то, чтó зналъ (сличи у Худяк., вып. I, № 38). Народныя былины вспоминаютъ о богатыряхъ, которымъ было доступно это высшее вѣдѣнiе; о князѣ Романѣ, напримѣръ, сказано, что онъ былъ хитёръ-мудёръ, «зналъ языки вороннные, зналъ языки всѣ птичiе.» (Пѣсни Рыбник., т. I, стр. 438).

Съ сказкою объ охотникѣ и его женѣ сходны сербская «Немушти језик» (Српске нар. приповијетке, № 3) и нѣмецкая «Die weisse Schlange» (Kinder- und Hausmärch., т. I, № 17). Содержанiе сербской сказки слѣдующее: Пастухъ спасаетъ отъ огня сына змѣинаго царя и несетъ его къ царю-змѣю. Дорóгою говоритъ змѣёнышъ своему избавителю: «когда придешь къ моему отцу — станетъ онъ давать тебѣ серебра, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ; ты ничего не бери, а проси только «немушти језик» (т. е. способность разумѣть языкъ животныхъ). Пастухъ послушался совѣта, и хотя царь-змѣй

долго отнѣкивался, однако наконецъ согласился на просьбу и сказалъ: «раскрой ротъ!» Пастухъ раскрылъ ротъ, а змѣиный царь плюнулъ ему туда и молвилъ: «теперь ты плюнь мнѣ въ уста!» Пастухъ исполнилъ приказъ, послѣ чего снова плюнулъ царь; и такъ трижды плюнули они другъ другу въ уста, а затѣмъ царь сказалъ: теперь ты знаешь «немушти језик», но если тебѣ дорога́ жизнь, никому не сказывай про это; если скажешь, въ тотъ-же мигъ умрешь! Нельзя не остановиться на этомъ любопытномъ сопоставленіи слюны съ даромъ пониманія чужихъ рѣчей. Какъ сроднено въ языкѣ понятіе зрѣнія съ понятіемъ свѣта, доставляющаго возможность видѣть и различать предметы; такъ точно и понятіе слова (звука), излетающаго изъ устъ, сроднено съ понятіемъ слуха, воспринимающаго этотъ звукъ: *слово*, *слыть*, *слава* (молва) и *слухъ* или *слыхъ* (слыхомъ не слыхать). Далѣе, такъ какъ произнесенное слово есть не только звукъ, но и выраженная мысль (*гадать*—думать—въ польскомъ языкѣ значитъ: говорить, бесѣдовать), то и глаголъ *слышать* употребляется иногда въ значеніи: разумѣть. Чтобы пастухъ могъ слышать=понимать говоръ животныхъ, всезнающій царь-змѣй плюетъ ему въ ротъ, т. е. передаетъ этотъ говоръ изъ устъ въ уста. Слюна здѣсь символъ самаго слова (языка); быть можетъ *слу-хъ* и *сло-во* одного происхожденія съ *слю-ной* (Потебни: О нѣкотор. символахъ въ славян. нар. поэзіи, стр. 81 и 83). Поэтому въ нашихъ сказкахъ (см. примѣч. къ вып. V, № 23), слюнамъ приданъ даръ слова; собираясь въ бѣгство, сказочные герои плюютъ въ углахъ покидаемой ими комнаты, и эти слюны отвѣчаютъ, вмѣсто бѣглецовъ, на предлагаемые вопросы. — На возвратномъ пути изъ змѣинаго царства, пастухъ слышалъ и разумѣлъ все, о чемъ пѣли птицы и о чемъ шептались травы. Только что̀ пришелъ онъ къ своему стаду, какъ прилетѣли два во̀рона, сѣли на дерево и начали разго-

варивать на своемъ языкѣ: «еслибъ да зналъ пастухъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ черной ягнёнокъ, скрытъ подъ землею полнёхонекъ погребъ серебра и золота!» Пастухъ досталъ кладъ, построилъ себѣ избу, женился и зажилъ въ довольствѣ. Однажды на Юрьевъ день сказалъ онъ своей женѣ: «приготовь вина и водки и всего, что нужно; надо пойдти на ферму и отнести пастухамъ, пусть и они повеселятся!» Жена приготовила все, какъ слѣдуетъ. Прибывъ на ферму, хозяинъ сказалъ своимъ пастухамъ: «соберитесь-ка вмѣстѣ, ѣшьте, пейте и веселитесь; а на̀ ночь возлѣ стада я самъ останусь.» Въ полночь завыли волки и залаяли псы; волки спрашивали у собакъ на своемъ языкѣ: «можно ли намъ поживиться? мы и вамъ дадимъ мяса!» А собаки отвѣчали своимъ нарѣчіемъ: «идите, мы непрочь покушать!» Но между ними былъ одинъ старой пёсъ, у котораго во рту всего-на̀всего оставалось два зуба; онъ сказалъ волкамъ: «пока есть у меня два зуба во рту — вамъ не сдѣлать вреда моему хозяину!» Хозяинъ это слышалъ, и поутру приказалъ избить всѣхъ собакъ, оставивъ въ живыхъ только стараго пса. Потомъ, вмѣстѣ съ женою, онъ отправился домой; подъ нимъ былъ жеребецъ, а подъ нею кобыла. Жеребецъ ушелъ впередъ, а кобыла отстала. «Скорѣй! заржалъ конь, обращаясь къ кобылѣ; чего отстала?» —Хорошо тебѣ! отвѣчала эта, ты везешь одного человѣка, а я троихъ несу: хозяйка-то беременна, да и я жерёба. Услышавъ отвѣтъ кобылы, хозяинъ разсмѣялся. Жена стала его спрашивать, чего онъ смѣется? и затѣмъ слѣдуетъ окончаніе точно такое-же, какъ и въ русской сказкѣ. Подобныя-же сказки см. въ Нар. славянск. разсказахъ Боричевскаго, стр. 9—15, и въ Narodne pripov. Валявца, стр. 256—7. Начало хорутанской приповѣдки отличается своеобразностью: Былъ-жилъ человѣкъ, разумѣвшій языкъ животныхъ. У него было два вола и одинъ оселъ; воловъ кормилъ онъ соломою, а осла сѣномъ.

Волы стали жаловаться, что оселъ, который по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ, кушаетъ сѣно, а они, работая такъ много, питаются соломою. «Я вамъ подамъ доброй совѣтъ, сказалъ имъ оселъ; пусть одинъ изъ васъ притворится завтра больнымъ, и конечно хозяинъ не пожалѣетъ дать хворому сѣна.» Совѣтъ былъ принятъ. На другой день хозяинъ, полагая, что волъ захворалъ, запрёгъ вмѣсто его осла и поѣхалъ въ поле на работу. Ослу это не понравилось, и опасаясь, чтобы ему долго ни пришлось трудиться за вола, онъ по возвращеніи домой сказалъ притворщику: «послушай, вѣдь хозяинъ собирается тебя убить!» Устрашенный волъ выздоровѣлъ и началъ по прежнему довольствоваться соломою. Эта хитрость осла заставила хозяина разсмѣяться и повела къ извѣстной сценѣ съ любопытною женою.

Содержаніе нѣмецкой сказки о *бѣлой змѣѣ* таково: Жилъ нѣкогда царь, славный своею мудростью; во всемъ свѣтѣ не было ничего, чтò бы оставалось для него тайною. У этого царя соблюдался обычай: каждой день, по окончаніи обѣда, вѣрный слуга приносилъ ему какое-то закрытое блюдо, и царь не иначе его отвѣдывалъ, какъ оставшись наединѣ. Разъ, вынося таинственное кушанье, слуга полюбопытствовалъ взглянуть на него, поднялъ крышку и увидѣлъ бѣлую змѣю; онъ отрѣзалъ себѣ небольшой кусокъ и взялъ въ ротъ. Въ ту-же минуту послышался ему за окномъ странный шопотъ многихъ тоненькихъ голосовъ: то были воробьи, весело болтавшіе на дворѣ, и слуга догадался, что онъ получилъ даръ понимать языкъ животныхъ. Въ тотъ самой день пропало у царицы ея драгоцѣнное кольцо; подозрѣніе пало на вѣрнаго слугу и царь строго пригрозилъ ему. Напуганный вышелъ онъ на дворъ и задумался о своемъ горѣ. Возлѣ воды сидѣли рядушкомъ утки и бесѣдовали между собою; одна изъ нихъ говорила съ безпокойствомъ: «въ попыхахъ проглотила я

кольцо, которое лежало подъ царицынымъ окномъ, и у меня теперь тяжело на желудкѣ.» Слуга тотчасъ схватилъ ее и понёсъ къ повару; поваръ зарѣзалъ птицу, выпотрошилъ и нашелъ кольцо. Когда царь узналъ про свою ошибку, онъ хотѣлъ вознаградить слугу за поклёпъ; но тотъ пожелалъ оставить службу, былъ отпущенъ и отправился странствовать. На пути онъ увидѣлъ трехъ рыбъ, запутавшихся въ тростникѣ, освободилъ ихъ и бросилъ въ глубину; рыбы высунули изъ воды свои головы и сказали ему: «мы этого не забудемъ!» Потòмъ услыхалъ онъ въ пескѣ подъ ногами чей-то тоненькой голосокъ, прислушался — а то муравьиной царёкъ жаловался на лошадей, которыя такъ безжалостно давятъ его подданныхъ своими тяжелыми подковами. Слуга свернулъ съ дороги, и муравьиной царь обѣщалъ ему не забыть этой услуги. Еще дальше услыхалъ онъ, какъ старой воронъ съ воронихою гнали отъ себя своихъ птенцовъ: «вы ужь выросли, можете сами кормиться!» а тѣ, лёжа на голой землѣ, жаловались, что не умѣютъ еще летать и должны умереть съ голоду. Слуга закололъ свою лошадь и бросилъ имъ на прокормъ. «Мы у тебя въ долгу не останемся!» закричали ему воронята. Впослѣдствіи, съ помощію этихъ благодарныхъ животныхъ, странствующій герой исполняетъ трудныя задачи и женится на прекрасной царевнѣ; рыбы помогли ему достать изъ моря золотое кольцо, муравьи помогли собрать разсыпанный пò саду горохъ, а вòроны слетали на конецъ свѣта зà море, гдѣ ростетъ дерево жизни съ золотыми плодами, и принесли ему золотое яблоко (сличи съ чешскою сказкою въ Slovanskà čitanka, стр. 14—19). Другая нѣмецкая сказка упоминаетъ о чудесномъ кольцѣ: кто возьметъ это кольцо въ ротъ, тотъ будетъ понимать птичьи рѣчи (у Вольфа, стр. 148); а еще одна (въ собран. братьевъ Гриммовъ, т. I, № 33) говоритъ о молодомъ графѣ, который выучился разумѣть

собакъ, птицъ и лягушекъ и послѣ разныхъ похожденій избранъ былъ въ папы: когда онъ совершалъ обѣдню, то къ нему прилетали два бѣлоснѣжныхъ голубя, садились на плечи и шептали на̀ ухо все, что̀ ему слѣдовало возглашать.

54. 55

КРОШЕЧКА-ХАВРОШИЧКА. — БУРЕНУШКА.

Варіанты см. у Худяк., вып. II, № 56; въ Записк. о южн. Руси, т. II, стр. 23—26; въ Собран. старин. рус. сказокъ — «сказку о Строевой дочери»; передѣлка этой послѣдней помѣщена въ Повѣстяхъ казака Луганскаго, ч. III, стр. 463—474. Сказка о чудесной коровѣ существуетъ и у другихъ славянъ. У сербовъ (въ сборн. Караджича, № 32: Пепељуга) корова, помогающая сиротѣ, есть ея родная мать. Пряли дѣвицы, сидя возлѣ глубокой ямы; пришелъ старецъ съ бѣлой бородой до пояса и сказалъ: «берегитесь, красавицы, этой ямы! чье веретено упадетъ туда, у той мать превратится въ корову.» Дивясь его рѣчамъ, дѣвушки придвинулись къ ямѣ поближе, стали въ нее заглядывать, и вотъ у одной изъ нихъ выпало веретено изъ рукъ и укатилось въ яму. Вечеромъ воротилась она домой, а мать ея превратилась въ корову. Дальнѣйшее содержаніе сходится съ извѣстнымъ разсказомъ о Замарашкѣ (Aschenputtel); см. также Nar. pripov. Валявца, стр. 222—3. Тоже превращеніе встрѣчается и въ нѣмецкой сказкѣ, напечатанной у Гальтриха (№ 17): У одного мужа умерла жена, оставивъ послѣ себя трехъ дочерей; онъ женился на другой, которая родила ему сына Ганса. Мать нѣжно любила своего ребёнка и цѣлыя семь лѣтъ кормила его грудью. Отцу это казалось излишнимъ; видя однажды, какъ мальчикъ сосалъ материнскую грудь, онъ съ сердцемъ сказалъ женѣ: «о, чтобъ тебѣ коровою сдѣлаться!» — и

въ ту-же минуту она стала коровою. Каждой день мальчикъ выгонялъ свою превращенную мать на зеленой лугъ и по прежнему сосалъ ее съ утра до вечера. Отецъ замѣтилъ, что сынъ ничего не ѣстъ, пожелалъ узнать, чѣмъ онъ питается, и приказалъ своимъ дочерямъ ходить по очереди на лугъ и присматривать за нимъ. Двѣ сестры проспали и ничего не видѣли. Въ свою очередь пошла и третья. «Чѣмъ ты живешь?» спрашивала она мальчика. — Вѣтромъ живу! Она усмѣхнулась и подумала про себя: «подожди, ты меня не проведешь!» Проголодавшись, мальчикъ далъ сестрѣ напиться соннаго снадобья, и она впала въ крѣпкой сонъ; но сверхъ обыкновенныхъ глазъ, у ней были еще два тайные на затылкѣ, которые никогда не закрывались; этими безсонными очами она видѣла, какъ мальчикъ сосалъ корову, и разсказала про то отцу. Раздраженный отецъ положилъ умертвить на утро и корову и сына. Съ печалью на душѣ пошелъ мальчикъ въ хлѣвъ и сталъ жаловаться матери; она посадила его промежъ рогъ и унесла далеко-далеко въ дремучій лѣсъ. Тамъ онъ сосалъ ее еще дважды-семь лѣтъ, сдѣлался необыкновеннымъ силачомъ и принялся за богатырскіе подвиги [1]). Въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ есть одна (т. II, № 130: «Einäuglein, Zweiäuglein und Dreiäuglein»), весьма близкая къ нашей, только вмѣсто коровы-бурёнушки здѣсь выведена коза. Когда несправедливо гонимая дѣвица заливалась горькими слезами, къ ней явилась вѣщая жена (weise Frau) и научила обращаться къ козѣ: «только скажи: Zicklein, meck! Tischlein, deck! — и тотчасъ появится накрытой столикъ съ прекрасными кушаньями; а скажешь: Zicklein, meck! Tischlein, weg! — и столикъ исчезнетъ.» Вмѣсто столика, у лужичанъ корова даетъ сиротѣ изъ одного рога ѣсть, а изъ другаго

[1]) Далѣе содержаніе сходно со сказкою о мужичкѣ-съ ноготокъ, борода съ локотокъ.

пить (Slovanská čitanka, стр. 86—87); а въ норвежской сказкѣ (ч. I, № 19) говорится о скатерти-самобранкѣ, лежавшей въ ухѣ большаго быка, который и кормилъ и поилъ голодную падчерицу. Быкъ является и въ любопытномъ варіантѣ, напечатанномъ у Гальтриха (№ 35: «Das Zauberhorn»); окончаніе этой нѣмецкой сказки отличается ото всѣхъ другихъ редакцій. Когда злая мачиха поклялась убить быка, падчерица бросилась къ нему со слезами и разсказала про ея угрозы. «Смотри же, сказалъ быкъ, когда я умру — возьми себѣ конецъ моего праваго рога» На другое утро падчерица стерегла стадо въ полѣ; вдругъ прилетѣлъ огромный оводъ и зажужжалъ надъ головою быка: то была мачиха—она была хитрая волшебница и могла превращаться въ разные образы. Быкъ бросился въ сторону и побѣжалъ къ мосту, который висѣлъ надъ пропастью; въ это самое время оводъ ужалилъ его въ оба глаза, и ослѣпшее животное, не попадя на мостъ, низверглось въ бездну. Падчерица съумѣла спуститься туда и достала себѣ правой рогъ. Какъ ни била, какъ ни ругала ее мачиха, какія трудныя работы ни задавала ей, она все болѣе и болѣе хорошѣла. Вздумала мачиха отвести ее въ дикой лѣсъ и покинуть тамъ одну; привела ее въ чащу, послала за ключевой водою, а сама между тѣмъ превратилась въ чернаго жука и спряталась подъ кустомъ. Воротившись съ водою, сиротка не нашла мачихи, и полная печали бѣгала туда и сюда по̀ лѣсу. Уже наступалъ вечеръ, а она не знала дороги домой. Тутъ выпалъ у нея изъ за пазухи рогъ; дѣвица быстро подняла его и при этомъ нечаянно махнула имъ: тотчасъ вышло изъ него безчисленное множество быковъ. Послѣдній, вышедшій оттуда быкъ имѣлъ золотые рога и былъ бѣлъ словно снѣгъ; онъ безпокойно трёсъ головою, рылъ ногами землю и устремился на то мѣсто, гдѣ спряталась мачиха. Эта вмигъ оборотилась медвѣдемъ, и на-

чалась жаркая битва. Быкъ припёръ своими рогами медвѣдя къ землѣ, обломилъ конецъ праваго рога, и оставивъ усмирённаго противника, подошелъ къ дѣвицѣ и лёгъ у ея ногъ; она взяла кончикъ рога, который носила при себѣ, и приставила на мѣсто сломаннаго — и только это сдѣлала, какъ золоторогой быкъ превратился въ прекраснаго царевича, а всѣ другіе быки — въ его министровъ и слугъ. Царевичъ взялъ съ собой дѣвицу, привёзъ въ свое государство и женился на ней; а мачиха осуждена была навсегда оставаться въ образѣ лѣсной медвѣдицы. Подобное-же значеніе придаетъ рогамъ и хорутанская приповѣдка (сборн. Валявца, стр. 49—51): Нелюбимому пасынку помогаетъ волъ. «Если ты будешь голоденъ, сказалъ онъ ему, то сними мой правой рогъ — и внутри его найдешь и напитки, и ѣствы!» Пасынокъ такъ и дѣлалъ; черезъ нѣсколько дней онъ сталъ здоровѣй и сильнѣе, чѣмъ родной сынъ мачихи, хоть она и мучила перваго голодомъ, а послѣдняго до отвалу кормила. Когда рѣшено было зарѣзать вола, чудесное животное подхватило пасынка и убѣжало съ нимъ такъ далеко, что развѣ во сто лѣтъ можно было туда добраться. По смерти вола, мальчикъ взялъ его рога̀; посмотрѣлъ въ правой рогъ — передъ нимъ явился большой городъ, открылъ лѣвой рогъ — и оттуда выступило такое стадо, что̀ глазомъ не окинешь! Такое-же несмѣтное стадо быковъ, коровъ и овецъ и такой-же славной дворецъ или городъ являются изъ ларчика, которымъ надѣляетъ добраго мо̀лодца могучій орелъ (носитель Зевсовыхъ громовъ) въ сказкѣ о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой.

Чудесная корова (быкъ или коза), играющая главную роль во всѣхъ указанныхъ сказкахъ, принадлежитъ миѳологіи (Отеч. Зап. 1852 г., № 1—Зоомор. божеств. у славянъ). Эта бурёнушка выражаетъ собою ту же идею, что̀ и вѣщій конь сивка-бурка; подобно тому, какъ сказочные герои лазятъ въ

голову сивки-бурки, такъ здѣсь падчерица влѣзаетъ въ одно ушко коровы (своей превращенной матери) и выходитъ изъ другаго чудной красавицей, досыта накормленной и напоенной: это зооморфическое представленіе дождевосной тучи, которую сосетъ родившаяся въ ея нѣдрахъ блестящая молнія. Плодородіе, возбуждаемое на землѣ весенними дождями, послужило основаніемъ многихъ метафорическихъ образовъ, созданныхъ фантазіею для обозначенія тучъ, какъ вмѣстилищъ этихъ благодатныхъ ливней; таковы образы: дойной коровы, скатерти-самобранки (у нѣмцевъ — Tischchen deck dich) неисчерпаемой бочки, рога изобилія и чудеснаго ларчика, изъ котораго является цѣлой *городъ* и выходятъ стада̀ *коровъ и овецъ*. Если мы напомнимъ, что гимны Ригъ-веды и старинныя народныя преданія уподобляютъ облака городамъ (крѣпостямъ), коровамъ и овцамъ[1]), то значеніе чудеснаго ларчика объяснится само собою (см. выше стр. 502 и примѣч. къ вып. VII, № 4 и 9). Сказочная корова-туча, будучи убита, не умираетъ совершенно, а только перерождается въ новый образъ: изъ требухи ея (или кишокъ и костей) выростаетъ яблоня съ серебреными листьями, золотыми плодами и (по малорусскому варіанту) съ криницею; яблоня эта можетъ свободно двигаться, и когда падчерица ѣдетъ къ своему жениху— дерево идетъ вслѣдъ за нею. Такое превращеніе нисколько не противорѣчитъ смыслу преданія, ибо дерево, приносящее золотыя (молодильныя) яблоки и точащее живую воду, было одною изъ наиболѣе употребительныхъ метафоръ для дождевой тучи (см. примѣч. къ вып. VII, № 5 и 10).

Чрезвычайно интересна слѣдующая подробность сказки: мачиха заставляетъ падчерицу прясть и нарочно задаетъ ей

[1]) Бѣлыя облачка, являющіяся въ жаркіе лѣтніе дни на небѣ, называются у нѣмцевъ Schäfchen, у насъ—барашками. По греческой баснѣ походъ Аргонавтовъ имѣлъ цѣлію добыть золотое руно чудеснаго барана, который могъ свободно бѣгать по облакамъ.

большіе, невыполнимые уроки; красная дѣвица приходитъ къ бурёнушкѣ, кладётъ ей кудель въ правое ухо, а изъ лѣваго вынимаетъ готовую пряжу; иногда сама лѣзетъ ей въ одно ушко и вылѣзаетъ въ другое съ оконченной работою: все выпрядено, соткано и набѣлено! Или, вмѣсто того, корова начинаетъ жевать принесенной лёнъ, а изо рта у ней тянется славная, ровная нитка — только успѣвай на катушку наматывать! Въ древнѣйшую эпоху созданія языка лучи солнечные и сверкающія въ тучахъ молніи уподоблялись *золотымъ нитямъ* и *золотымъ волосамъ*. Потому Солнце обыкновенно называется златокудрымъ, борода Индры—*золотою*, а борода Тора—*красною* (огненною). Младенческой фантазіи первобытныхъ народовъ Солнце, восходящее поутру изъ волнъ океана и погружающееся туда вечеромъ, представлялось прядущимъ изъ себя золотыя нити[1]); изъ этихъ-то нитей и приготовлялась та чудная розовая ткань, застилающая небо, которую называемъ мы зорею. Одна изъ сербскихъ сказокъ (сборн. В. Караджича, № 31) говоритъ о дѣвѣ, свѣтлой какъ самое солнце, которая сидѣла надъ озеромъ, вдѣвала въ иглу солнечные лучи и вышивала ими по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ; а въ другой (№ 23) упоминается про бердо съ нитями изъ солнечныхъ лучей и про утòкъ — звѣзды да мѣсяцъ («су жице жраке сунчане а потка звиjезде и мjесец»). На пути въ свою родину Вейнемейненъ, какъ разсказываетъ Калевала, услыхалъ вверху надъ своей головою стукъ колеса самопрялки; взглянулъ, а на облакахъ, озарённыхъ солнцемъ, сіяла великолѣпная радуга; на той радугѣ, словно на скамейкѣ, сидѣла красавица; одежда ея блистала яркими цвѣтами, а руки работали надъ пряжею: быстро кружилось золотое веретено и, то подымаясь, то опускаясь, обматывалось тонкой серебреной ниткою. Это

[1]) Сравни: *пряжа* и *пряжить* — поджаривать.

была дочь Лоухи — та самая, что̀ обѣщалась вставать вмѣстѣ съ Солнцемъ, но всякое утро его предупреждала: Солнце еще только выглядываетъ глазкомъ изъ-за лѣсу, а она ужь встала и одѣлась въ свои дорогіе уборы. Въ такомъ поэтическомъ образѣ рисовало воображеніе утренюю зорю, появляющуюся предъ самымъ восходомъ солнца. Въ нашихъ заговорахъ на унятіе крови находимъ слѣдующія любопытныя обращенія къ богинѣ Зорѣ: «На морѣ-на океанѣ (море = небо) сидитъ *красная дѣвица, швея-мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя*»; «На морѣ-на океанѣ, на островѣ-на Буянѣ лежитъ бѣлъ-горючъ камень; на семъ камнѣ... стоитъ столъ престольной, на семъ столѣ [1]) сидитъ *красна дѣвица*. Не дѣвица сіе есть, а Мать Пресвятая Богородица; *шьетъ она-вышиваетъ золотой иглой, ниткой шелковою. Нитка оборвись, кровь запекись!*» [2]) Одинаковое впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ зори и крови, сблизило эти понятія въ языкѣ; сравни: *рудый* — рыжій, «*рыже золото*» (Калики Перехож., вып. V, стр. 231), ryže stribro, ryže zlato (Sloven. pohádky, стр. 461 и 516), *руда* — кровь и металлъ, *рудѣть, рдѣть, рдяной*; эпитетъ *красной* равно прилагается къ солнцу и зорѣ, къ золоту и крови. Богиня Зоря тянетъ рудожелтую нитку и своей золотою иглою вышиваетъ по небу розовую, кровавую пелену; испрашивая у ней помощи отъ разныхъ недуговъ и вражьихъ замысловъ, заговоры выражаются такъ: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица, полуночница! покрой мои скорбные зубы своею фатою; за твоимъ покровомъ уцѣ-

[1]) Въ другомъ заговорѣ: на золотомъ стулѣ. — [2]) Или: «На морѣ-на океанѣ... Мать Пресвятая Богородица шелковыя нитки мотаетъ, кровавыя раны зашиваетъ; *нитка оторвалась — руда унялась!*» (Русск. Вѣстн. 1859 г., № 11, стр. 120.) Такое суевѣрное смѣшеніе древнихъ языческихъ представленій съ христіанскими очень обыкновенно въ народныхъ преданіяхъ и подтверждается многочисленными примѣрами.

лѣютъ мои зубы»; «покрой ты, дѣвица, меня своею фатою отъ силы вражіей, отъ пищалей и стрѣлъ; твоя фата крѣпка, какъ горючъ камень-алатырь!» Этой фатѣ придаются эпитеты «вѣчной, чистой и нетлѣнной» (Сахарова, Сказ. русск. народа, т. I, стр. 18, 22, 25, и 27; Отеч Зап. 1848 г., т. 56, стр. 206). Потухающая Заря заканчиваетъ свою работу, обрываетъ рудожелтую нитку, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ съ неба ея кровавая пелена; почему народное вѣрованье и присвоило ей силу останавливать кровь и зашивать раны: «нитка оборвись, кровь запекись!» По свидѣтельству нѣмецкихъ преданій (Die Götterwelt der deutsch. und nordischen Völker Маннгардта, стр. 307) Фригга (Frigg), супруга Одина, работала на золотой прялкѣ; созвѣздіе Оріона называлось *Friggerock* — Friggs Rocken (позднѣе *Mariärock*); въ славянскихъ сказкахъ сохранились воспоминанія о чудесной самопрялкѣ, прядущей чистое золото (Slov. čitanka, стр. 69), и о золотыхъ и серебреныхъ нитяхъ, спускающихся съ неба (см. примѣч. къ вып. V, № 27). Такъ какъ съ одной стороны теченіе человѣческой жизни уподоблялось тянущейся ниткѣ (нить жизни), а съ другой признавалось, что участь людей зависитъ отъ воли верховнаго божества; то понятно, почему подъ *Судьбою* первоначально разумѣли солнце. Въ любопытной чешской сказкѣ юный герой отправляется за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ Солнцу, тогда какъ въ сербской редакціи онъ идетъ къ Усуду (Судьбѣ). Солнце названо въ этой сказкѣ *златовласымъ дѣдомъ-всевѣдомъ*, а въ матери ему дана пряха-судица, т. е. парка (Slov. čitanka, стр. 4—9). Наравнѣ съ *нитью*, и *волосъ* играетъ немаловажную роль въ народныхъ повѣрьяхъ о судьбѣ (см. примѣч. къ вып. V, № 34). У свѣтлой дѣвы, вышивавшей солнечными лучами, о которой говоритъ сербская сказка, былъ въ головѣ *червленный какъ кровь волосъ*; когда взяли и раздѣлили этотъ

волосъ на̀двое, то нашли, что въ немъ было записано много знатныхъ дѣяній, совершившихся отъ начала свѣта. Подобно Зорѣ, тянувшей золотыя нити солнечныхъ лучей, громоносныя тучи пряли нитеподобныя молніи, и кажется, именно это представленіе имѣетъ въ виду сказка о миѳической коровѣ-пряхѣ.

Въ сборникѣ Гальтриха есть любопытная сказка «Die Königstochter in der Flammenburg» (№ 21); содержаніе ея слѣдующее: У одного бѣдняка было столько дѣтей, сколько дыръ въ рѣшетѣ; когда Господь далъ ему еще сына, онъ пошелъ искать кума, встрѣтилъ на дорогѣ старца и пригласилъ его въ кумовья. Тотъ охотно согласился и подарилъ крестнику телёнка съ золотой звѣздой во лбу, родившагося въ тотъ-же самой день, въ какой и мальчикъ явился на свѣтъ. Телёнокъ выросъ и сдѣлался большимъ быкомъ; мальчикъ погналъ его пасти, и когда поднялись они на̀ гору, быкъ сказалъ своему маленькому хозяину: «оставайся здѣсь и спи, а я тѣмъ времемъ поищу для себя корму.» И только что мальчикъ заснулъ, быкъ ринулся съ быстротой молніи, прибѣжалъ въ обширные небесные луга и сталъ поѣдать золотыя астры (Sternblumen, цвѣты-звѣзды). Передъ самымъ закатомъ солнца, онъ поспѣшилъ назадъ, разбудилъ мальчика, и воротились вмѣстѣ домой. На другой день быкъ опять удалялся въ небесные луга, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ни исполнилось мальчику двадцать лѣтъ. Тогда сказалъ ему быкъ: «садись ко мнѣ промежъ рогъ, я понесу тебя къ королю; попроси у него мечъ въ семь локтей и обѣщай освободить его дочь.» Король далъ ему желѣзный мечъ, но мало разсчитывалъ на успѣхъ. Тщетно вызывались многіе витязи на такое смѣлое дѣло! Королевна была похищена двѣнадцатиглавымъ дракономъ и заключена въ огненномъ городѣ (Flammenburg), къ которому никто не смѣлъ приблизиться; на пути къ этому городу стояли вы-

сокія, непроходимыя горы и шумѣло бурливое море. Юноша сѣлъ между рогъ быка и въ одно мгновеніе очутился у высокихъ горъ. «Намъ прійдется воротиться! сказалъ онъ, черезъ горы нельзя переѣхать.» — Погоди на минуту! отвѣчалъ быкъ, ссадилъ мо̀лодца на̀земь, разбѣжался и сдвинулъ своими могучими рогами цѣлой рядъ горъ въ сторону. Отправились они дальше и вскорѣ прибыли къ морю; быкъ наклонилъ голову, потянулъ въ себя воду, выпилъ цѣлое море и перешелъ на другой берегъ, не замочивши ногъ. Вотъ и огненной городъ виднѣется; на далекое разстояніе пышетъ оттуда такимъ жаромъ, что̀ доброй мо̀лодецъ не въ силахъ вытерпѣть. «Стой! закричалъ онъ быку, ни шагу далѣе, иначе мы совсѣмъ сгоримъ!» Но быкъ не послушался, подбѣжалъ къ городу и вылилъ изъ себя многоводное, незадолго передъ тѣмъ поглощенное море; пламя угасло и поднялся густой паръ, отъ котораго все небо покрылось облаками. Изъ-за туману явился двѣнадцатиглавой драконъ; доброй мо̀лодецъ схватилъ обѣими руками тяжелой мечъ и однимъ махомъ снёсъ ему всѣ двѣнадцать головъ; драконъ ударился о сырую землю съ такой силою, что̀ она задрожала. «Служба моя окончена!» сказалъ быкъ и направилъ свой быстрой бѣгъ въ небесные луга; съ тѣхъ поръ онъ не являлся больше. — Смыслъ сказки таковъ: красавица-Солнце похищена дракономъ, т. е. затемнѣна тучею; чтобы освободить ее, надо осилить три преграды: горы (тучи), море (вмѣстилище дождя) и огненной городъ (жилище огненнаго, молніеноснаго змѣя). Сказочной герой исполняетъ трудный подвигъ освобожденія съ помощію быка, который самъ ничто иное, какъ зооморѳической образъ тучи, а богатырской мечъ въ рукахъ добраго мо̀лодца есть Перунова палица. Въ борьбѣ быка съ дракономъ фантазія представила живое, поэтическое изображеніе лѣтней грозы: туча несется на тучу, гремитъ громъ, блистаетъ молнія, про-

ливается дождь и на прояснѣвшемъ небѣ (драконъ гибнетъ, быкъ исчезаетъ) появляется солнце.

Напечатанная нами сказка о бурёнушкѣ не оканчивается свадьбою падчерицы съ царевичемъ; злая мачиха-колдунья оборачиваетъ ее гусынею, а вмѣсто ея подставляетъ свою дочь. Эпизодъ этотъ развивается нерѣдко въ отдѣльныхъ разсказахъ, и образы превращеній бываютъ различны — то въ рысь, то въ сѣру утицу (вып. IV, № 46; вып. VII, № 27; вып. VIII, № 17; у Худ., вып. III, № 89; Финскія сказки въ Матер. для изучен. нар. словесности, стр. 51—57).

56.

НОЧНЫЯ ПЛЯСКИ.

Варіантъ: Захотѣлось царю узнать, куда ходитъ по ночамъ его дочь? и взялся за то дѣло солдатъ, купилъ у мясника коровій пузырь, приладилъ его къ подбородку и явился во дворецъ на часы. У царя были гости, гремѣла музыка и своимъ порядкомъ шли танцы за танцами; но только пробило девять часовъ, какъ царевна сказалась больною и ушла въ свою спальню: такъ она всегда дѣлала. Немного погодя, выбѣгаетъ ея служанка и зоветъ солдата къ царевнѣ, а у нихъ уже былъ готовъ стаканъ съ соннымъ зельемъ. Подноситъ ему стаканъ сама царевна: «выпей, служивой!» Онъ принялъ стаканъ, притворился, что пьетъ, да замѣсто того въ пузырь вылилъ. Послѣ того пошелъ, покачиваясь, и сталъ у дверей на караулѣ; постоялъ-постоялъ да нарочно и свалился на̀ полъ, закрылъ глаза и ну храпѣть—точно и вправду заснулъ! Тутъ царевна съ служанкою оболоклись въ нарядныя платья, выбѣжали изъ палатъ, спустились съ крыльца и прямо въ садъ;

солдатъ приподнялся потихохоньку да вслѣдъ за ними. Вотъ какъ пришли онѣ въ садъ, царевна сорвала три яблочка, бросила одно черезъ яблоню и промолвила: «лети мое яблочко черезъ дерево, а мать-сыра земля разступися!» Земля разступилась, и обѣ дѣвицы ушли въ провалъ къ подземному царю. Уходя въ провалъ, царевна выбросила оттуда другое яблочко и проговорила: «вылети мое яблочко и пади на сыру землю, а ты, мать-сыра земля, соступися!» Земля соступилась. Солдатъ все это выглядѣлъ, все это высмотрѣлъ, и самъ хочетъ туда-жъ отправляться. Сорвалъ одно яблочко, протянулъ было за другимъ руку, и услышалъ позади себя большой гамъ и крикъ. Оглянулся, а то два мужика дерутся. «Эй вы! за что бьетеся?» спросилъ ихъ солдатъ. Мужики отвѣчали: «есть у насъ шапка-невидимка да сапоги-скороходы, да не знаемъ, какъ подѣлить!»—Давайте я подѣлю! вотъ я брошу это яблоко: кто его подхватитъ да наперво прибѣжитъ ко мнѣ, тому и шапка-невидимка и сапоги-скороходы. И закинулъ яблоко далеко-далеко; мужики бросились за яблокомъ, а онъ надѣлъ тѣ сапоги на ноги, шапку-невидимку на голову, сорвалъ три яблочка, перекинулъ одно черезъ яблоньку и промолвилъ: «лети мое яблочко черезъ дерево, а мать-сыра земля разступися!» Земля разступилась, солдатъ сошелъ въ провалъ, явился невидимо во дворецъ къ подземному царю и засталъ, что тотъ царь съ царевною уже портретами мѣняются, кольцами обручаются; солдатъ утащилъ оба кольца и портреты, и на другой день уличилъ царевну. (Записано въ пермскомъ уѣздѣ.)

Сказка эта извѣстна также у сербовъ (Матер. для изуч. нар. словесн., стр. 36—37) и нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärch., т. II, № 133: «Die zertanzten Schuhe»). *Шапка-невидимка* (Nebellkappe) часто упоминается въ народныхъ сказаніяхъ вмѣстѣ съ другими диковинками (вып. VIII, № 12, 23,

25, Ь и 26; въ собраніи братьевъ Гриммовъ, т. II, стр. 45, говорится о *плащѣ-невидимкѣ*). Въ поэмѣ о Нибелунгахъ шапка-невидимка даетъ Зифриду возможность помочь королю Гунтеру въ трудномъ состязаніи съ Брунгильдою; шапку эту Зифридъ отнялъ у одного могучаго карлика. Древніе языческіе боги могли незримо являться всюду, куда хотѣли; стòило имъ *облечься* въ туманные покровы или закрыться *облакомъ*, какъ тòтчасъ-же ихъ свѣтлые образы (солнце, луна, звѣзды, зоря) скрывались отъ глазъ смертнаго, и это дало поводъ къ созданію миѳа о шапкѣ или плащѣ-невидимкѣ.

57.

ВѢДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА.

Сказка чрезвычайно замѣчательная, но представляющая много загадочнаго. Упоминаемая здѣсь Солнцева сестра есть Зоря. Иванъ-царевичъ, будучи преслѣдуемъ злою всепожирающею вѣдьмою, скачетъ къ теремамъ Солнцевой сестры и взываетъ: «Солнце, Солнце! отвори *оконце*.» Сербы называютъ восходъ солнца *божіимъ прозоромъ; прозор* (у болгаръ *прозорец*) значитъ *окно*. Сравни это слово съ рѣченіями: *зоря*, *зракъ*, *зрѣть; окно* и *око* (О миѳич. связи понятій свѣта и зрѣнія—въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, изд. Калачова, кн. II, половина 2-я).

58.

НЕСМѢЯНА-ЦАРЕВНА.

Мы напечатали одинъ списокъ этой сказки — самой краткой; это потому, что въ болѣе пространныхъ и любопытныхъ

своихъ редакціяхъ она передается съ такими подробностями, которымъ нельзя дать мѣста въ печати. Сказочное преданіе о Несмѣянѣ-царевнѣ встрѣчается и у нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärch., т. I, стр. 405; Zeitschrift für Deutsche Mythol., т. II, стр. 197—201; Deutsche Hausmärch. Вольфа, стр. 301—2). Варіанты см. у Худ., вып. III, стр. 85—86 и 100.

59.

АЛЕША-ПОПОВИЧЪ.

Эта сказка и другія, напечатанныя подъ №№ 60 — 62, суть прозаическія варіаціи тѣхъ пѣсенныхъ повѣстей, которымъ въ нашей литературѣ присвоено названіе «былинъ»; сличи напечатанную нами сказку объ Алешѣ-поповичѣ съ былиною въ сборникѣ Кирши Данилова, стр. 180—194.

60. 61.

ДАНИЛО БЕЗСЧАСТНОЙ. — ВАСИЛІЙ-ЦАРЕВИЧЪ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ.

Это два разные варіанта одного эпическаго сказанія, весьма близкаго по содержанію со сказкою о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой. Чудо-Юда, морская губа, соотвѣтствуетъ Морскому Царю, а дочери его Василисѣ Премудрой — Лебедь-птица, красная дѣвица, вѣщая сила которой проявляется въ исполненіи трудныхъ задачъ. Въ спискѣ, напечатанномъ подъ № 61, она названа Еленой Прекрасною и данъ ей въ братья Ясёнъ Соколъ, о которомъ см. примѣч. къ VIII

вып., № 8. Извѣстны еще два варіанта: a) одинъ сообщенъ г. Рыбниковымъ во II части собранныхъ имъ Пѣсенъ, стр. 267 — 276 («О дворянинѣ безсчастномъ мòлодцѣ»—варіантъ значительно подновленной, героиня почти совсѣмъ утратила свой вѣщій характеръ); b) другой записанъ въ Шенкурскѣ г. Борисовымъ и напечатанъ въ Москвитянинѣ 1843 года, № 4, стр. 389—394; мы приводимъ его сполна:

О ГОРѢ-ГОРЯНИНѢ ДАНИЛѢ-ДВОРЯНИНѢ.

Горе-горянинъ Данило-дворянинъ — жилъ онъ у семи поповъ по семи годовъ, не выжилъ онъ ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, не то за работу получилъ; и пошолъ онъ въ новòё (иное) царство лучшаго мѣста искать. И пàлася ёму на встрѣчу бабка-голубая шапка: «куды, говоритъ, Горе-горянинъ Данило-дворянинъ, путь-дорогу держишь?» Отвѣчаетъ ей Горе-горянинъ Данило-дворянинъ: «жилъ я у семи поповъ по семи годовъ, да у дядюшки князя Владиміра девять лѣтъ; не выжилъ я ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, не то за работу получилъ.» — Что дашь отъ добрà? говоритъ ёму бабка-голубая шапка, доведу тебя до мѣста хорошаго. Будешь ли, говоритъ, поить-кормить, при смерти въ зыбкѣ качать? «Буду, говоритъ Данило-дворянинъ, кормить-поить, при смерти въ зыбкѣ качать.» И пошли они вмѣстя́хъ (вмѣстѣ), и довела она его до мѣста хорошаго; вотъ и дошли они до двора: дворъ какъ городъ, изба какъ теремъ, кòмли не отрублены, вершины на сарай загибаны. Вотъ она и поставила его подъ окошечко, а сама въ палаты вошла. Въ палатахъ живетъ одна себѣ Настасья-царевна; вотъ наша бабка-голубая шапка вошла, помолилась, на всѣ четыре стороны поклонилась, а Настасьѣ-царевнѣ въ-особицу. «Эка, Настасья-царевна! какая

ты, говоритъ, хорòша-пригожа, а живешь ты одна!» — Какъ быть, бабушка! говоритъ Настасья-царевна. Ужь такъ привелось; нѣтъ никого, такъ живешь и одна; что дѣлать? «Вотъ, говоритъ бабка-голубая шапка, я тебѣ привела мòлодца; поглянется (понравится) ли?» Сейчасъ въ околенку брякнула, онъ и бѣжитъ въ покои. Прибѣжалъ онъ въ покои, Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, Настасьѣ-царевнѣ въ-особицу. Вотъ онъ Настасьѣ-царевнѣ и приглянулся, и стала она съ имъ жить да поживать. Вотъ она съ имъ живетъ долго ли, коротко ли, и посылаетъ его къ дядюшкѣ князю Владиміру: «зови его въ тысяцкіе, жену его Обрòксу въ сватьи; нàдоть, говоритъ, намъ съ тобой обвѣнчаться.» Вотъ онъ сейчасъ обувался, одѣвался и прибѣжалъ къ дядюшкѣ князю Владиміру. Прибѣжалъ онъ къ дядюшкѣ князю Владиміру въ теремъ, Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, а князю Владиміру на особицу. Вотъ онъ и говоритъ: «дядюшка князь Владиміръ! милости просимъ къ Настасьѣ-царевнѣ въ тысяцкіе, жену твою Оброксу въ сватьи; нàдоть намъ съ ней обвѣнчаться.» У дядюшки князя Владиміра сидятъ въ это время гости енаралы за столомъ и говорятъ ему: «дядюшка князь Владиміръ! за экова чужестраннаго лàдишь ты отдать Настасью-царевну; нѣтъ ли у насъ людей хорошихъ? Накинь на ёво такую службу, чтобъ ёму ввѣкъ не сдѣлать.» — А какую-же, говоритъ, накину я на ёво службу? «А такую, говорятъ, чтобы къ утру выстроилъ церковь.» Вотъ онъ и пошолъ домой кручиненъ-невеселъ, головушку повѣсилъ. Вотъ Настасья-царевна встрѣчаетъ его и говоритъ: «что ты, Горе-горянинъ Данило-дворянинъ, кручиненъ-невеселъ, головушку повѣсилъ? Развѣ тебя, говоритъ, дядюшка князь Владиміръ царскимъ питьемъ обошолъ, или браннымъ словомъ нашолъ?» — Нѣтъ, говоритъ Горе-горянинъ Данило-дворянинъ, и браннымъ словомъ не нашолъ, и питьемъ цар-

скимъ не обошолъ; а енаралы на меня службу накинули. «А какую, говоритъ, службу?» — А такую службу: приказали къ утру церковь изготовить. «Не твоя печаль, не тебѣ и качать! говоритъ Настасья-царевна; молися Спасу, ложися спать: утро вечера мудренѣе.» Вотъ онъ Спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на крутò красно крыльцо, скрычала богатырскимъ голосомъ, засвистала молодецкимъ посвистомъ: «служки, няньки, вѣрны служанки! кто деревѝны вези, кто строй-станови, чтобъ къ утру церковь поспѣла.» Вотъ какъ словомъ, такъ и дѣломъ: сейчасъ церковь готова. Вотъ она и стаётъ утромъ ранёшенько: «ставай, говоритъ, Горе-горянинъ Данило-дворянинъ! пора тебѣ идти къ дядюшкѣ князю Владиміру, зови его въ тысяцкіе, жену его Оброксу въ сватьи; намъ нàдоть съ тобой обвѣнчаться: церковь готова.» Вотъ онъ и ставалъ утромъ ранёшенько, умывался, обувался, надѣвался скорёшенько, и побѣжалъ къ дядюшкѣ князю Владиміру. Вотъ онъ и прибѣжалъ туда; Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, а князю Владиміру на особицу, и говоритъ: «дядюшка князь Владиміръ! милости просимъ къ Настасьѣ-царевнѣ, тебя въ тысяцкіе, жену твою Оброксу въ сватьи; нàдоть намъ съ ней обвѣнчаться: церковь готова.» Гости енаралы опять говорятъ дядюшкѣ князю Владиміру: «за экова чужестраннаго человѣка лàдишь ты отдать Настасью-царевну; нѣтъ ли у насъ людей хорошихъ? Накинь, говорятъ, на ёво службу такую, чтобы ёму ввѣкъ не сдѣлать.» Вотъ онъ и говоритъ: «а какую-такую я на ёво службу накину? совсѣмъ я никакой не знаю.» —А такую, говорятъ, службу накинь, чтобы къ утру-къ свѣту мостъ онъ состроилъ: мостовѝны на три стороны, тёсомъ на четыре, гвозьёмъ прибитыя, по краямъ были бы перилы тòчены, головушки позолочены, на кажной головушкѣ сидѣли бы птицы-пташечки и разными голосами пѣли. Вотъ Горе-го-

рянинъ Данило-дворянинъ пошолъ опять къ своей Настасьѣ-царевнѣ кручиненъ-невеселъ, головушку повѣсилъ. Настасья-царевна его встрѣчаетъ и говоритъ: «что ты, Горе-горянинъ Данило-дворянинъ, оченно кручиненъ-невеселъ, головушку повѣсилъ? али тебя дядюшка князь Владиміръ царскимъ питьемъ обошолъ, или браннымъ словомъ нашолъ?» — Нѣтъ, говоритъ, и браннымъ словомъ не нашолъ, и питьемъ царскимъ не обошолъ; а какъ-же мнѣ веселу быть? великую службу накинули на меня енаралы. «Какую-же службу накинули на тебя?» спрашиваетъ его Настасья-царевна. — А такую, говоритъ онъ: велѣли мостъ къ утру-къ свѣту построить — мостовины на три стороны, тёсомъ на четыре, гвозьёмъ прибитыя, по краямъ были бы перилы тòчены, головушки позолочены; на кажной бы головушкѣ сидѣли птицы-пташечки, разными голосами пѣли. Вотъ она и говоритъ: «Спасу молися и спать ложися; не твоя печаль, не тебѣ и качать! утро вечера мудренѣе.» Вотъ онъ Спасу помолился и спать повалился. Вотъ Настасья-царевна выходитъ на крутò красно крыльцо, скрычала богатырскимъ голосомъ, засвистала молодецкимъ посвистомъ: «служки, няньки, вѣрны служанки! сбѣгайтесь, срѣ(я)жайтесь со всѣхъ четырехъ сторонъ; кто мостовины вези, кто тешѝ, кто перилы точи, золотѝ, кто птицъ имай (лови) и на головушки садѝ.» Вотъ и сдѣлался такой шумъ, громъ, визготòкъ, чтò дядюшка князь Владиміръ и окошко затворилъ, подумалъ, что преставленіе свѣту будетъ. Вотъ какъ словомъ, такъ и дѣломъ: состроили мостъ. Вотъ и будитъ Настасья-царевна и говоритъ: «ставай, Горе-горянинъ Данило-дворянинъ! пора идти къ дядюшкѣ князю Владиміру, зови его въ тысяцкіе, жену его Оброксу въ сватьи; нàдоть намъ съ тобой обвѣнчаться, а мостъ готовъ — хоть царю по немъ кататься, такъ не стыдно!» Вотъ онъ ставалъ ранёшенько, одѣвался скорёшенько, умывался, обувался и побѣжалъ.

Вотъ онъ и прибѣжалъ туда, Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говоритъ: «дядюшка князь Владиміръ! милости просимъ къ Настасьѣ-царевнѣ, тебя въ тысяцкіе, жену твою Оброксу въ сватьи; нȁдоть намъ съ ней обвѣнчаться, а мостъ готовъ—хоть царю кататься по немъ, такъ не стыдно!» Гости енаралы опять говорятъ: «за экова чужестраннаго лȁдишь ты отдать Настасью-царевну; нѣтъ ли у насъ людей хорошихъ? Накинь на ёво службу такую, чтобъ ёму не сдѣлать и ввѣкъ.»—А какую-же я накину на ёво службу? «А такую, говорятъ: вели ему шубу сшить изъ сȍрока сȍроковъ чорныхъ соболей; соболи не чѝнены, шолки не вѝты, золото не лѝто, а шуба была бы сошита.» Вотъ Горе-горянинъ Данило-дворянинъ пошолъ опять къ своей Настасьѣ-царевнѣ кручиненъ-невеселъ, головушку повѣсилъ. Вотъ и встрѣчаетъ его Настасья-царевна и говоритъ: «что ты, Горе-горянинъ Данило-дворянинъ, кручиненъ-невеселъ, головушку повѣсилъ? али тебя дядюшка царскимъ питьемъ обошолъ, или браннымъ словомъ нашолъ?»—Нѣтъ, говоритъ, и царскимъ питьемъ не обошолъ, и браннымъ словомъ не нашолъ; а какъ-же мнѣ веселу быть? великую службу накинули на меня енаралы. «А какую-же?» говоритъ Настасья-царевна.—А такую, говоритъ: велѣли сшить шубу изъ сȍрока сȍроковъ чорныхъ соболей; соболи не чѝнены, шолки не вѝты, золото не лѝто, а шуба была бы сошита. Вотъ она и говоритъ: «Спасу молися и спать ложися; не твоя печаль, не тебѣ и качать! утро вечера мудренѣе.» Вотъ онъ Богу помолился и спать повалился. Вотъ Настасья-царевна выходитъ на красно крутȍ крыльцо, скрычала богатырскимъ голосомъ, засвистала молодецкимъ посвистомъ: «служки, няньки, вѣрны служанки! кто соболи чинѝ, кто шолки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба къ утру была сошита.» Вотъ сейчасъ служки, няньки, вѣрны служанки только тряхнули — шуба готова! Вотъ Настасья-

царевна и будитъ его: «ставай, говоритъ, Горе-горянинъ Данило-дворянинъ, въ божью церковь къ заутренѣ!» и подала ему три золотыя яичка: первымъ съ попомъ похристосоваться, вторымъ съ дядюшкой княземъ Владиміромъ, «а третье береги, говоритъ, чѣмъ жить!» Вотъ онъ и приходитъ въ божью церковь къ заутренѣ о Христовомъ днѣ; людно народу въ церкви, не пущаютъ его: «бодёръ очень!» говорятъ. Вотъ онъ сейчасъ рукой пихнулъ, другой толкнулъ—народу лежитъ двѣ улицы; онъ прошолъ напередъ, стоитъ да молится. Вотъ это дядюшка князь Владиміръ усмотрѣлъ, посылаетъ енарала; «поди, говоритъ, спроси: что это за человѣкъ, изъ чьихъ родовъ, изъ какихъ городовъ, зачѣмъ пріѣхалъ, что ему на̀доть?» Вотъ енаралъ пришолъ передъ его, поклонъ отдалъ и сталъ его спрашивать. Онъ отворотился, да и разсмѣялся: «вотъ, говоритъ, брюханьё! не узнали же — службу-то прежде накидывали.» Вотъ приходитъ время христосоваться; онъ съ попомъ похристосовался, съ дядюшкой княземъ Владиміромъ тоже, а третье яичко въ пазухѣ держитъ. Вотъ вышли изъ церкви. Бѣжитъ по бу̀еву (оградѣ церковной) Гришка Фурлатильный (?), черненькій, маленькій, хроменькій, на одной ножкѣ поскакиваетъ, ищетъ борца противъ себя молодца. Вотъ онъ Горе-горянинъ Данило-дворянинъ третье яичко выхватилъ, годѝлъ (мѣтилъ) въ лобъ, угодилъ въ грудь, сшибъ его съ ногъ, билъ, топталъ, волочилъ, какъ барана въ крови сдѣлалъ. Вотъ онъ приходитъ домой къ женѣ; та его спрашиваетъ, гдѣ яичко дѣвалъ? «Первымъ яичкомъ, говоритъ онъ, съ попомъ похристосовался, вторымъ съ дядюшкой княземъ Владиміромъ, а третье... Есть у васъ здѣсь какой-то мошенникъ Гришка Фурлатильный, черненькій, маленькій, хроменькій, на одной ножкѣ поскакиваетъ, ищетъ борца противъ себя молодца; я шибъ его въ лобъ, угодилъ въ грудь, билъ- топталъ, волочилъ, какъ барана въ крови сдѣлалъ.» — Ну, и

чортъ съ нимъ! такъ ёму и на̀доть! говоритъ Настасья-царевна. Вотъ она сходила въ горенку, вынесла оттуда два золотыя яичка, себѣ взяла, ему дала — похристосовались. Опять его посылаетъ къ дядюшкѣ князю Владиміру — звать его въ тысяцкіе, жену его Оброксу въ сватьи; на̀доть намъ съ тобой обвѣнчаться. Вотъ онъ побѣжалъ. Вотъ и приходитъ, Богу помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, а князю Владиміру на особицу: «милости просимъ, говоритъ, къ Настасьѣ-царевнѣ—тебя въ тысяцкіе, жену твою Оброксу въ сватьи; а енараламъ твоимъ ничѣмъ меня не загонить.» Вотъ онъ и сказалъ: «сейчасъ пару коней вороныхъ запрягу да и ѣду; ступай, говоритъ, домой, срѣжайся да обрѣжайся (готовься).» Вотъ онъ приходитъ домой, съ Настасьей-царевной срѣжались да обрѣжались. Дядюшка князь Владиміръ пріѣхалъ; ни пива̀ варить, ни вина̀ курить—все готово! веселымъ пиркомъ да и за свадебку; обвѣнчались, стали жить да поживать, да добра наживать. Я тамъ былъ, пиво пилъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало; дали мнѣ колпакъ — стали въ шею толкать, дали мнѣ шлыкъ—я въ подворотню и шмык(г)ъ!

—

О шубѣ, на золотыхъ пуговицахъ которой вылиты львы, коты заморскіе и разныя птицы, и тѣ львы ревутъ, коты мяукаютъ, а птицы пѣсни поютъ, — упоминаютъ и другія эпическія произведенія (см. Пѣсни Рыбникова, кн. II, стр. 133—о Дюкѣ Степановичѣ, и Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. IV, стр. 10—объ Ильѣ-Муромцѣ); требованіе вѣщей жены, чтобъ мужъ ею не хвастался, и въ случаѣ похвальбы быстрое ея исчезновеніе въ далекія страны — подобный мотивъ довольно часто встрѣчается въ сказкахъ различныхъ народностей. (Kinder- und Hausmärch., т. II, стр. 43; Norweg. Märchen, ч. I, № 9 и др.)

62.

БАЛДАКЪ БОРИСЬЕВИЧЪ.

См. у Худяк., вып. I, № 35.—Въ сказкѣ этой обращаютъ на себя наше вниманіе нѣкоторые эпическіе пріемы: а) дочери салтана турецкаго вызываются узнать Балдака Борисьевича и кладутъ на него примѣты — разсказъ, сходный съ эпизодомъ сказки, помѣщенной въ VII вып., подъ № 40; b) когда везутъ Балдака на смертную казнь, онъ выражаетъ свои мысли хитрыми загадками, а взойдя на висѣлицу, играетъ въ рогъ, и игра эта служитъ знàкомъ, по которому являются его храбрые товарищи, рубятъ подданныхъ салтана и освобождаютъ добраго мòлодца (сличи съ окончаніемъ сказки—вып. VI, № 51). Подобная обстановка встрѣчается и въ старинной повѣсти о царѣ Соломонѣ, извѣстной по рукописямъ XVII и XVIII столѣтій. Соломонъ Премудрой задумалъ ѣхать въ государство царя Пора (или Китовраса), похитителя жены его Соломониды. Онъ собралъ большое воинство, урядилъ три полка: одинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, другой въ красныхъ, третій въ черныхъ, и отправился въ путь, «и не доѣхавъ, постави ихъ въ нѣкоемъ удолнемъ мѣстѣ тайно и нача́ имъ наказывати, рече: аще азъ затрублю въ рогъ въ первой разъ— и вы кони сѣдлайте, и въ другой разъ затрублю — и вы на кони садитеся, а въ третій затрублю, чтобы вы были близь меня!» (Варіантъ: «и вы напущайтеся, сѣките и топчите, живота не давайте!») Самъ онъ наряжается въ нищенское платье калики и идетъ въ царской дворецъ; царь Поръ узнаетъ его и хочетъ немедленно казнить. «И рече ему Соломонъ: какъ «ты меня хощеши аки свинію въ хлѣвѣ убити? не вѣси ли, «яко азъ царь славный и богатый? И ты сдѣлай на семъ мѣ-

«стѣ лобномъ шибелицу и повѣси на ней три петли: едину «злату, другую серебряну, а третію шелкову, и азъ въ которую пожелаю—въ тое и поиду.—И царь повелѣ вскорѣ тако «сотворити, и сотвориша по глаголу его, и поѣде самъ царь «и со царицею своею Соломонидою и съ дѣтищемъ своимъ, и «повели его вѣшати. Идущимъ же имъ путемъ, и абіе озрѣся «Соломонъ вспять и видѣ царицу съ царемъ и рече: переднія «колеса лошадь везетъ, а заднія веси(бѣси?) ли ихъ несутъ? «И царь не разумѣ въ глаголѣхъ его силы. И абіе второе «озрѣся Соломонъ вспять, разсмѣяся, видѣ царицу съ дѣтищемъ и рече: кобыла идетъ, а жеребенка почто за собою «влечетъ?» (Въ другомъ спискѣ царь глумится надъ Соломономъ и его загадками: «сказали про тебя мудръ еси, а мнѣ мнится: ни во что-же мудрость твоя!») «И привели его къ шибелицѣ и обстали кругомъ народъ многое множество.... Со«ломонъ взыде на третій степень лѣствицы и рече царю: при«кажи дати мнѣ рогъ трубити; великій бывалъ азъ охотникъ «трубить! И царь повелѣ ему дати рогъ; и Соломонъ затруби «громко, и войска его зашевелились, стали кони сѣдлати; и «Соломонъ влѣзе по лѣствицѣ еще выше и затруби громко и «потомъ войско его начало на кони садитися; и Соломонъ «влѣзе еще выше къ самой петлѣ. И царица Соломонида рече «царю: обманетъ насъ! повели ему скорѣе итти въ петлю. И «царь Соломонъ затруби въ рогъ и труби долго и громко — «и выѣхали въ бѣлыхъ и кони бѣлые. И царь оглянулся «вспять и рече Соломону: что сіе? И рече ему царь Соло«монъ: то есть ангели, идутъ по душу мою! И вторицею озрѣ«ся царь и видѣ всѣхъ—выѣхали въ красныхъ, и рече царь: «что сіе? Рече Соломонъ: то есть идутъ ангели по тѣло мое! «И третицею озрѣся царь вспять — и выѣхали всѣ въ черныхъ и кони черные, и рече царь: что сіе? Рече Соломонъ: «то есть идутъ діаволи по душу твою! И труби Соломонъ дол-

«го и громко и бросилъ рогъ на землю и засмѣялся. И рече «царь: что, Соломонъ, смѣешися, видя смерть свою? И рече «Соломонъ: то есть мои голуби твою пшеницу клюютъ! И «царь оглянулся — одно войско Соломоново близь, и прочихъ «порубиша и приступиша къ царю. И Соломонъ сниде и взя «царя, повелѣ его повѣсити въ златую петлю, а жену свою «царицу въ сребряну, а дѣтище ихъ въ шелковую.» Передъ этою окончательною развязкою царь, по другому списку, умоляетъ Соломона, а тотъ говоритъ ему: «глупая твоя царица и неразумная! погубить человѣка хотѣла и велѣла три оселка сдѣлать: шелковой, серебряной и золотой; удавила бы веревкою лычною — хотя-бъ лыко отъ лаптя оторвала, и тѣмъ бы удавила!» (Лѣтоп. русск. лит. и древн., томъ IV, стр. 119—121, 141—7, 151—3; Памятн. стар. рус. литер., вып. III, стр. 60—61, 68—70). Это сказаніе о Соломонѣ въ устахъ народа переработано въ прекрасную былину, и въ своей пѣсенной формѣ сообщено г. Рыбниковымъ во II-й части его интереснаго сборника (стр. 277—303). У сербовъ оно также извѣстно въ народномъ пересказѣ (Српске народне приповиј., № 42: «Јeдна гобела у као, а друга из кала»): Жена Соломонова заглядѣлась на одного сторонняго царя, и сговорившись съ нимъ, выпила соннаго зелья; Соломонъ принялъ ее за покойницу и схоронилъ, а сторонній царь явился ночью, вырылъ изъ земли и сталъ съ нею жить. Когда Соломонъ узналъ про измѣну, онъ отправился искать свою жену, взялъ съ собою вооруженныхъ слугъ, привелъ ихъ въ лѣсъ и отдалъ такой приказъ: «оставайтесь пока здѣсь; а когда затрубятъ трубы, то поскорѣй приходите на помощь, и чтобы каждый изъ васъ нёсъ передъ собой по зеленой вѣткѣ.» Послѣ того онъ приходитъ въ царскія палаты; жена узнаетъ его, запираетъ въ своей комнатѣ и объявляетъ царю: «Соломонъ пришелъ; иди и убей его сейчасъ-же, да смотри—не разгова-

ривай съ нимъ: если позволишь ему хоть единое слово вымолвить, то онъ непремѣнно перехитритъ тебя!» Царь взялъ обнаженной мечъ и отворилъ дверь. Соломонъ сидѣлъ на подушкѣ; увидя врага, онъ засмѣялся. Царь не могъ удержаться, чтобы не спросить: «чему ты смѣешься?» — А тому, что царь хочетъ царя погубить на женскомъ изголовьи. «Какъ же надобно?» — Я въ твоихъ рукахъ, отвѣчалъ Соломонъ; свяжи меня, выведи изъ города и казни на открытомъ мѣстѣ, да прежде того прикажи затрубить въ трубы, чтобы всѣ слышали; тогда и самой лѣсъ двинется поглядѣть, какъ царь царя губитъ! Царь послушался, связалъ Соломона, положилъ на простую телегу и повёзъ на открытое мѣсто. Соломонъ взглянулъ на переднія колёса и засмѣялся; а на вопросъ: что̀ ему такъ весело? отвѣчалъ: «смѣюсь, глядя на колёса, какъ одна половина обода въ грязь, а другая изъ грязи!» — Слава Богу! замѣтилъ на то царь, люди говорятъ: Соломонъ — премудръ, а онъ — дуракъ! Вотъ затрубили трубы; воины Соломоновы явились съ зелеными вѣтками, словно движущійся лѣсъ, отняли своего господина, а царя и весь народъ его изрубили мечами.

63.

ПРО МАМАЯ БЕЗБОЖНАГО.

Источникомъ, изъ котораго создалась эта прекрасная по языку повѣсть, послужило извѣстное «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», знакомое народу и по старымъ рукописямъ и по лубочному изданію. Угроза Мамая Безбожнаго: «когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ и трава и вода (т. е. въ лѣтнюю пору), втѣпоры стану Русь вое-

вать» напоминаетъ обычныя выраженія крымскихъ грамотъ XVI и XVII столѣтій; смертельной бой двухъ невѣдомыхъ воиновъ съ татарскимъ богатыремъ Кроволиномъ соотвѣтствуетъ единоборству, въ которомъ палъ троицкій инокъ Пересвѣтъ.

64.

СКАЗАНІЕ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Заимствовано изъ средневѣковыхъ повѣстей объ этомъ героическомъ лицѣ (см. Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина, глава I).

67.

ЧУДЕСНОЕ КОЛЬЦО.

Варіанты см. въ вып. VII, № 38; въ сборникѣ Эрленвейна, № 20; у Худяк., вып. I, № 7 и 8, вып. III, № 92, и въ «Деревенской забавн. старушкѣ»—сказка о Иванѣ-купеческомъ сынѣ (отдѣльно была издана въ Москвѣ 1847 года, въ типограф. В. Кирилова); сверхъ того въ Русск. Словѣ 1861 года (№ 1, въ отдѣлѣ критики, стр. 67—73) сообщена слѣдующая

СКАЗКА ПРО ПЕРСТЕНЬ О ДВѢНАДЦАТИ ВИНТАХЪ.

Жилъ-былъ себѣ въ одномъ селѣ сынъ съ матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына

Иванъ-дуракъ. Жили они въ убогой избёнкѣ объ одномъ оконцѣ и въ великой бѣдности: такая бѣдность была, что̀ окромѣ хлѣба чорстваго, почитай, и не ѣдали ничего, а иной разъ и того еще не было. Мать сидитъ, пряжу прядетъ, а Иванъ-дуракъ на печи сидитъ, въ золѣ копается да знай сопитъ себѣ. Вотъ только мать и говоритъ ему: «что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себѣ на печи-то въ золѣ? Шелъ-бы ты куда, къ корчмѣ что-ли; авось-либо доброй человѣкъ какой попался, взялъ бы тебя къ себѣ въ батраки — все хоть какой-нибудь кусокъ хлѣба былъ! а дома-то кормиться намъ нечѣмъ.»—Ну, ладно, я пойду! говоритъ дуракъ, взялъ и пошелъ себѣ къ корчмѣ. На встрѣчу ему человѣкъ попадается: «куда идешь, Иванъ-дуракъ?» — Въ службу иду наниматься. «Ступай ко мнѣ служить; вотъ тебѣ столько-то я жалованья положу и все прочее.» Согласился Иванъ, пошелъ къ нему въ службу. А у того человѣка сука была и ощенилася эта сука; Иванушкѣ очень ужь понравился одинъ щенокъ и выходилъ онъ этого щенка. Проходитъ годъ, пора и къ разсчету за службу. Даетъ хозяинъ Ивану деньги, благодаритъ его, а Иванъ и говоритъ ему: «не надо мнѣ вашихъ денегъ, а дайте вы мнѣ лучше того щеночка, что̀ я у васъ выходилъ.» Тотъ и радъ, что денегъ-то платить не надобно, отдалъ ему щенка. Пришелъ Иванъ домой; мать какъ узнала, давай на него плакаться: «всѣ люди какъ люди, одинъ ты у меня дуракъ! И то ѣсть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа — чѣмъ кормить собаку-то будемъ?» Иванъ-дуракъ ничего себѣ не отвѣчаетъ, сидитъ себѣ на печи, самъ сопитъ да знай только въ золѣ копается и собачка его съ нимъ. Проходитъ мало ли, много ли времени, опять мать говоритъ ему: «что сидишь-то безъ толку? Шелъ бы къ корчмѣ, авось-либо доброй человѣкъ какой попался, взялъ бы тебя въ батраки.» — Ну, ладно, я пойду! говоритъ дуракъ, взялъ собачку свою и пошелъ. На

встрѣчу другой хозяинъ ему: «куда идешь, Иванъ-дуракъ?» —Въ службу, говоритъ, наниматься. «Ступай ко мнѣ служить!» —Ладно! Договорились они, и пошелъ дуракъ опять въ батраки. А у хозяина у этого кошка была; вотъ она и окотилася. Полюбился дураку одинъ котёночекъ, онъ и выходилъ его. Приходитъ время къ разсчету, Иванъ-дуракъ и говоритъ хозяину: «не надо мнѣ вашихъ денегъ, а отдайте мнѣ того котёночка.» —Изволь! говоритъ. Вотъ пришелъ дуракъ домой, мать еще пуще того стала плакаться: «всѣ-то люди какъ люди, одинъ ты у меня дуракъ уродился! И то ѣсть было нечего, а теперь еще двѣ лишнихъ души кормить надобно.» Горько стало Ивану слушать это, взялъ онъ свою собачку да кошечку и пошелъ себѣ въ поле. Видитъ посерёдъ поля костёръ горитъ и большущій костёръ такой — пребольшущій! Какъ подходитъ онъ ближе къ этому самому костру, видитъ: въ немъ змѣя корчится и горитъ на калёныхъ угольяхъ. Сама горитъ, а сама кричитъ ему человѣческимъ голосомъ: «эй, Иванъ-дуракъ, спаси ты меня! я тебѣ большой выкупъ дамъ за свою душу.» Взялъ Иванъ палицу и палицей той выкинулъ змѣю изъ костра. Какъ выкинулъ онъ ее, глядитъ — а передъ нимъ не змѣя, а красная дѣвица стоитъ, и сама говоритъ ему: «ну, спасибо тебѣ, Иванушка! сослужилъ ты мнѣ великую службу, сослужу я тебѣ еще и больше того! Пойдемъ, говоритъ, къ моей матери; будетъ она тебѣ давать мѣдныя деньги — ты не бери, потому это уголье, а не деньги; будетъ давать серебреныя — также не бери, то будутъ щепки, а не серебро; будетъ выносить тебѣ золото — и того не бери, потому что вмѣсто золота тамъ будетъ черепье да кирпичъ; а проси ты у нея въ награду перстень о двѣнадцати винтахъ: тяжело ей будетъ отдать, одначе ты не сумлѣвайся, потому что она за меня отдастъ его.» Вотъ все такъ и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень. Вотъ идетъ

Иванъ полемъ и думаетъ себѣ: «что-же я теперь съ этимъ перстнемъ буду дѣлать?» Только глядитъ, догоняетъ его эта самая дочка и говоритъ: «ты, Иванъ, чего ни пожелаешь только — все это тебѣ будетъ; стань ты только вечеромъ на порогѣ, отвинти всѣ двѣнадцать винтовъ — и явится передъ тобою двѣнадцать тысячъ человѣкъ; что захочешь, то имъ и приказывай — все тебѣ будетъ исполнено!» Пришелъ Иванъ домой, ничего не сказалъ матери, а самъ сѣлъ себѣ на печь, сопитъ да въ золѣ копается. Вотъ пришелъ вечеръ, легли они спать; Иванъ выждалъ время, выходитъ на порогъ, отвинтилъ въ перстнѣ всѣ двѣнадцать винтовъ—и явились передъ нимъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ: «ты нашъ господинъ, мы твои люди; приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!» И говоритъ имъ Иванъ: «сдѣлайте вы мнѣ, чтобы на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ дворецъ, какого и въ свѣтѣ нѣтъ, и чтобы я спалъ на золотой кровати, на лебяжьей перинѣ, и мать моя тоже само, и чтобы кучера и форейторы и лакеи, и всякіе сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мнѣ.» — Ложись себѣ съ Богомъ, говорятъ ему люди, все будетъ по слову твоему исполнено. Просыпается Иванъ-дуракъ на утро и даже самъ испугался; смотритъ: спитъ онъ на золотой кровати, на лебяжьей перинѣ, и стоятъ тутъ высокіе хоромы и такіе богатые, что̀ даже и у царя-то ихняго нѣтъ такихъ, а по двору ходятъ кучера и форейторы и лакеи, и всякіе сильные и важные люди, и служатъ ему. Подивился дуракъ, думаетъ: ладно! Глянулъ въ зеркало — самого-то себя не узнать: сталъ такимъ красавцемъ, что̀ ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать; какъ слѣдъ (слѣдуетъ), по хоромамъ и господинъ! Вотъ только просыпается тѣмъ часомъ и царь (а въ томъ мѣстѣ царь ихній жилъ), смотритъ онъ: стоятъ супротивъ его дворца высокіе хоромы, и стоятъ они — сами словно жаръ горятъ золотомъ. Посылаетъ царь провѣдать:

«чьи такіе? и пускай, молъ, ко мнѣ пріѣдетъ показать себя, каковъ онъ такой есть.» Докладываютъ Ивану. «А сказать ему, говоритъ, что Ивана-царевича хоромы; а коли хочетъ видѣть меня, такъ не великъ господинъ, пускай самъ пріѣдетъ!» Нечего дѣлать, поѣхалъ царь къ Ивану-дураку; познакомились они и опосля этого поѣхалъ и Иванъ-дуракъ къ царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощенія Ивану подносила, и тутъ больно ужь полюбилась ему. Сталъ просить царя, чтобы замужъ за него отдать. Вотъ теперь и царю въ свой черёдъ тоже поломаться захотѣлось: «отдать-то, говоритъ, отчего и не отдать; только ты, Иванъ-царевичъ, сослужи мнѣ прежде того службу. Дочь моя роду не простаго, и потому вѣнчаться ей надо какъ ни-на-есть лучше во всемъ народѣ. Сдѣлай ты мнѣ, чтобъ отъ твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а черезъ рѣку чтобы былъ у меня мостъ, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона—серебреная полоса, и на рѣкѣ чтобы плавали всякія птицы рѣдкія, гуси и лебеди; а по ту сторону рѣки пускай церковь стоитъ, да не простая, а вся восковая, и вокругъ нея пускай зацвѣтаютъ восковыя яблони и спѣлыя яблоки родятъ. Коли ты мнѣ, говоритъ, сдѣлаешь все это, быть дочери за тобою, а не сдѣлаешь — на себя пѣняй!» Думаетъ царь, что ну вотъ теперь уже вволю насмѣялся надъ Иваномъ, а Иванъ и въ усъ себѣ не дуетъ. «Ладно, говоритъ, извольте; готовьте къ завтраму свадьбу!» Съ тѣмъ и уѣхалъ. Вечеромъ, какъ всѣ спать улеглись, сталъ онъ на порогѣ, отвинтилъ въ перстнѣ всѣ двѣнадцать винтовъ—встали передъ нимъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ: «ты нашъ господинъ, мы твои люди; приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!» — Такъ и такъ, говоритъ, нужно мнѣ то-то и то-то. «Ладно! говорятъ, ложись себѣ съ Богомъ.» Просыпается царь на утро, подходитъ къ окну, а глаза ему

такъ и ослѣпило —ажно отскочилъ на три сажени: это, значитъ, мостъ-то, одна полоса серебреная, другая золотая, такъ горитъ и свѣтится; на рѣкѣ гуси и лебеди и всякая птица рѣдкая, а на томъ берегу церковь бѣлая, восковая, и вокругъ церкви яблони стоятъ, только безъ листьевъ, голые прутья торчатъ. «Ну, думаетъ царь, дѣло-то неладное, надо снаряжать дочку къ вѣнцу.» Снарядили и поѣхали. Выѣхали йзъ дому, а на яблонькахъ почки проступили; ѣдутъ пò мосту, а яблоньки листвою одѣваются; подъѣзжаютъ къ церкви, а на яблонькахъ бѣлые цвѣточки распускаются; какъ только что время выходить имъ отъ вѣнца, а тутъ встрѣчаютъ ихъ слуги и всякіе люди и на золотомъ блюдѣ подаютъ спѣлыя яблоки. Такъ они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и былъ тамъ пиръ у нихъ три дня и три ночи. Послѣ того мало-ли, много-ли времени прошло, стала королевишна приставать къ Ивану: «скажи ты мнѣ, супругъ мой любезный, какъ ты все это дѣлаешь, что и мостъ въ одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?» Иванъ-дуракъ долго не хотѣлъ говорить ей; одначе такъ какъ ужь очень ее любилъ и очень она у него просила, такъ онъ и сказалъ ей, что у меня де перстень о двѣнадцати винтахъ и такъ-то вотъ надо обходиться съ нимъ. Ну, вотъ такъ и живутъ они; только на бѣду полюбился королевишнѣ одинъ лакей ихній, изъ себя видный, здоровый и красивый такой; она съ нимъ и сговорилася, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самимъ уйдти бы жить зà море. Вотъ только какъ пришелъ вечеръ, вынула она потихоньку перстень, стала на порогѣ, отвинтила всѣ двѣнадцать винтовъ — и явились передъ нею двѣнадцать тысячъ человѣкъ: «ты наша госпожа, мы твои люди; приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!» Она говоритъ имъ: «возьмите вы этотъ дворецъ и какъ есть со всѣмъ перенесите его зà море, а на семъ мѣстѣ пускай станетъ прежняя

избушка съ моимъ муженькомъ Иваномъ-дуракомъ.» — Ложись себѣ съ Богомъ, говорятъ ей люди, все будетъ по слову твоему исполнено. На утро Иванъ просыпается — смотритъ: лежитъ онъ на рогожкѣ, дырявымъ зипуномъ покрытъ, а хоро̀мъ и слѣда нѣтъ. Горько восплакался онъ и пошелъ къ царю, своему тестюшкѣ; приходитъ во дворъ, проситъ доложить, что пришелъ де зять. Тотъ какъ увидалъ его—«ахъ, ты такой-сякой, безпорточной! какой ты мнѣ зять? у меня зятья въ золотыхъ хоромахъ живутъ, въ серебреныхъ каретахъ катаются. Взять его и замуровать въ каменной столбъ!» Сказано — сдѣлано: взяли и замуровали Ивана въ каменной столбъ; а собачка съ кошечкой отъ него не отстаютъ, тутъ-же сидятъ вмѣстѣ съ нимъ, и прорыли онѣ себѣ лазейку, и черезъ нее поѣсть ему пищу приносятъ. Только вотъ разъ и вздумали онѣ себѣ: «что-жъ это мы съ тобою, собачка, сидимъ здѣсь, сложа руки! сбѣгаемъ-ка мы за̀ море да достанемъ перстень.» Какъ надумали онѣ себѣ это, такъ и сдѣлали. Переплыли черезъ море, видятъ: стоитъ ихній теремъ и королевишна съ тѣмъ лакеемъ по̀ саду гуляетъ, мужа своего судачитъ. «Ну, собачка, пообожди ты пока здѣсь; а я проберуся въ теремъ, да кольцо достану», говоритъ кошечка и пошла себѣ. «Мяу-мяу!» подъ дверью. Услыхала королевишна: «а, это кошка того мерзавца, говоритъ, впустите да накормите ее!» Вотъ ее впустили и накормили, а она все ходитъ по комнатамъ да высматриваетъ перстня; только и видитъ: стоитъ печка, а на печкѣ стеклянная банка, въ банкѣ той перстень. Обрадовалась кошечка: «ну, думаетъ, слава Богу! теперь только бы дождаться ночи, а тамъ достану перстень и домой.» Только какъ всѣ улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень въ ротъ и притаилася подъ дверью. Въ домѣ всѣ проснулись, сама королевишна встала; увидала, что банка-то раз-

бита: «ахъ, говоритъ, это вѣрно кошка того мерзавца разбила; выгнать ее вонъ!» Выгнали кошечку вонъ, а она и рада, бѣжитъ къ собачкѣ: «ну, братъ собачка, достала перстень! теперь только поскорѣй бы домой.» И поплыли онѣ черезъ море; плывутъ-плывутъ себѣ, долго плывутъ. Коли устанетъ собачка—сядетъ она на кошечку, а коли кошечка устанетъ—сядетъ на собачку; такъ онѣ и обходятся. Ужь недалеко и до берега имъ осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видитъ это и говоритъ ей: «садись ты на меня, ты ужь устала!» Какъ сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултыхъ въ воду! Что тутъ дѣлать? Доплыли до берегу, ходятъ себѣ да слезно плачутъ, а сами ужь тѣмъ часомъ и проголодалися. Собачка бѣгаетъ пò полю, ловитъ себѣ птичекъ-воробышковъ, и кошечка ходитъ по берегу, ловитъ мелкую рыбицу, которую волной выбиваетъ; тѣмъ онѣ и кормятся. Только вдругъ кошечка и кричитъ: «ой ты, собачка, ступай скорѣе ко мнѣ! я-то вѣдь перстень нашла! поймала рыбку, стала ее ѣсть, а въ рыбкѣ-то и былъ этотъ перстень.» Ну, вотъ обрадовались онѣ сильно, побѣжали къ Ивану и принесли ему перстень. Иванъ дождался вечера, отвинтилъ всѣ двѣнадцать винтовъ — и явились передъ нимъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ: «ты нашъ господинъ, мы твои люди; приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!» — Разнесите, говоритъ, сейчасъ-же этотъ каменной столбъ, чтобы и праху отъ него не осталось, а изъ-за моря перенесите мои хоромы со всѣми, кто тамъ есть и какъ кто тамъ спитъ, и поставьте ихъ на прежнее мѣсто! Тотчасъ-же все такъ и случилось. На утро ѣдетъ Иванъ къ своему тестю-царю. Тотъ его встрѣчаетъ, на первое мѣсто сажаетъ: «гдѣ, любезной зятюшка, побывать изволилъ?» — Я, говоритъ Иванъ, былъ зà моремъ. «То-то, говоритъ, зà моремъ! видно по спѣшному дѣлу, что къ тестю и проститься даже не заѣхалъ... А тутъ безъ тебя приходитъ

ко мнѣ какой-то голоштанникъ и называется моимъ зятемъ; я его приказалъ въ каменной столбъ замуровать, тамъ онъ, говоритъ, и сгинулъ вѣрно! Ну, а ты, любезной зятюшка, гдѣ побывать изволилъ, какіе виды видывалъ?» — А видывалъ я, говоритъ, разные виды; зà моремъ одно такое дѣло было, что никто не знаетъ какъ и разсудить. «Какое-жъ такое это дѣло?»—А вотъ какое! и коли ты теперича умной человѣкъ, такъ вотъ и разсуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, отъ живаго мужа завела себѣ душеньку, обокрала съ этимъ душенькой мужа-то и ушла было съ нимъ зà море, а теперь спитъ съ нимъ на одной кровати. Что по твоему надо сдѣлать съ такою женой? «По своей царской мудрости я, говоритъ, скажу такое слово: взять ихъ обоихъ, привязать къ конскимъ хвостамъ и пустить въ чистое поле: тутъ имъ и казнь!» — Ну, коли такъ, такъ ладно-же! говоритъ Иванъ, поѣдемъ ко мнѣ въ гости, я тебѣ покажу другіе виды и другое диво. Поѣхали они, входятъ въ спальню; а тамъ королевишна, обнявшися съ тѣмъ лакеемъ, спитъ на золотой кровати, на лебяжьей перинѣ, и знать ничего не знаетъ. Ну, ужь тутъ нечего дѣлать — по царскому слову взяли-привязали ихъ къ конскимъ хвостамъ и пустили жеребцовъ въ чистое поле: тутъ имъ и казнь была! А Иванъ опослѣ женился на той красной дѣвицѣ-раскрасавицѣ, которую онъ изъ огня спасъ, и стали они жить да поживать, да добра наживать.

Приводимъ еще одинъ варіантъ, записанный въ пермской губерніи г. Пѣтуховымъ: Въ нѣкоемъ царствѣ былъ купецъ съ купчихою; жили они въ ладу и совѣтѣ, а дѣтей не имѣли долгое время. Помолились Богу, и даровалъ имъ Господь сынка по имени Ивана. Росъ этотъ мальчикъ не по годамъ, а по часамъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ, а съ крестьянской гущи и того пуще. Отецъ померъ, а сынъ въ лѣта вошелъ; стала ему мать говорить: «что-же ты, сынокъ, ниче-

го не дѣлаешь? въ твои года нынѣ всѣ торговлей занимаются.» Дала ему сто рублевъ денегъ и послала товаръ закупать. Купеческой сынъ собрался и пошелъ; вотъ идетъ онъ дорòгою и видитъ, что мужикъ верёвку плететъ. «Что ты, доброй человѣкъ, дѣлаешь?» — Верёвку плету, хочу кота давить; больно блудливъ каналья сталъ, то и дѣло говядину воруетъ да изъ кринокъ молоко хлебаетъ! «Продай его мнѣ!» — Изволь! Купилъ Иванъ кота за сто рублевъ. Точно также покупаетъ онъ на другой день собаку, а на третій — змѣю. «Что, мужичокъ, дѣлаешь?» спрашиваетъ онъ мужика. — Верёвку плету, хочу змѣю задавить; много ужь она пакоститъ, у коровъ вымя выѣдаетъ! Купеческой сынъ выкупилъ змѣю за сто рублевъ и понёсъ ее домой. Говоритъ ему змѣя: «отпусти меня, Иванъ-купеческой сынъ! я тебѣ много добра сдѣлаю.» — Какого добра? «А вотъ пойдемъ къ моему отцу Зміулану, онъ тебя наградитъ дорогимъ перстнемъ.» Пришли къ Зміулану; тотъ насыпалъ блюдо серебра и подноситъ гостю, а гость не беретъ; Зміуланъ насыпалъ полное блюдо золота и опять подноситъ, Иванъ и золота не беретъ. Тогда нечего дѣлать, взялъ Зміуланъ дорогòй перстень о двѣнадцати вставахъ, положилъ на блюдо и подаетъ Ивану-купеческому сыну. Иванъ съ радостью принялъ тотъ перстень двѣнадцативставочной, благодарствовалъ за подарочекъ и нàскоро домой ворочался. Дòма онъ перекинулъ перстень съ руки нá руку— изъ перстня выскочили двѣнадцать мòлодцевъ и спрашиваютъ: «что угодно, Иванъ-сынъ купеческой?» — Постройте противъ моихъ хорòмъ три славныя лавки: одна лавка съ парчами, другая съ атласами, а третья съ бархатами. «Хорошо, все будетъ исполнено!» На утро просыпается, вышелъ на улицу — противъ самыхъ хорòмъ выстроены три славныя лавки, и привалило туда народу видимо-невидимо! отколь только набился? просто нѣтъ ни входу, ни выходу. Самъ хозяинъ насилу въ

одну лавку пробрался, смотритъ — а тамъ стоитъ красная дѣвица красоты неописанной и выбираетъ себѣ дорогіе наряды, а съ нею двѣнадцать другихъ дѣвушекъ. Купеческой сынъ глазъ не сводитъ съ красавицы, больно она ему поглянулась: хоть сейчасъ молодѐцъ взялъ бы подъ вѣнецъ! А то была не простая дочь купеческая, ни дворянская, а сама царевна. Присталъ Иванъ къ своей матушкѣ: «высватай за меня царевну!» — Что ты, сынокъ! какъ можно за тебя отдать? Если и царь на то соизволитъ, дакъ всѣ короли и королевичи надъ нимъ смѣяться будутъ. «Ну, это еще не вѣдомо: не то смѣяться, не то плакать станутъ; а ты высватай!» Пошла купчиха къ царю: «такъ и такъ, говоритъ, не вели казнить, вели слово вымолвить.» Царь выслушалъ ее и въ отвѣтъ сказалъ: «приходи, умница, завтра! я разберу это дѣло.» Воротилась мать къ сыну: «ну, сынокъ! царь не приказалъ и не отказалъ намъ, а хочетъ разобрать это дѣло завтра.» На другой день отъ царя было такое слово купчихѣ: «слушай, умница! если твой сынъ желаетъ со мной породниться, такъ пусть за одну ночь кругомъ всего моего царства сады насадитъ, каналы проведетъ, да устроитъ корабельную пристань съ военными кораблями и торговыми барками. Такъ присудили бояре и думные воеводы!» (Далѣе варіантъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ списковъ.)

Подобныя сказки находимъ и у другихъ народовъ: а) въ хорутанскихъ приповѣдкахъ Валявца, стр. 186—191: «Čudotvorni locot» [1]; b) Ungarische Volksmärchen Штира, № 13: вмѣсто кольца здѣсь говорится о волшебныхъ часахъ; стòитъ только открыть эти часы, какъ оттуда выскочитъ карликъ съ вопросомъ: «что прикажите?» и немедленно выполнитъ высказанное желаніе. Съ помощію услужливаго карлика

[1]) *Locot* — Gelbkraut, luteola.

царевичъ строитъ чудной дворецъ изъ соломы съ золотымъ мостомъ и женится на прекрасной королевнѣ. Одинъ изъ министровъ похищаетъ часы и приказываетъ дворецъ вмѣстѣ съ королевною перенести такъ далеко, чтобы самъ Богъ на́ небѣ не вѣдалъ про то мѣсто. Царевичъ отправляется искать свою подругу, заходитъ къ Солнцу, Мѣсяцу и Вѣтру, но никто изъ нихъ не можетъ указать ему, куда перенесенъ соломенной дворецъ. Съ быстротою мысли несется онъ на конѣ-вихрѣ и пріѣзжаетъ въ мышиное государство; смотритъ—городскія стѣны и бастіоны построены изъ ветчины и сала, а на стражѣ стоятъ мыши. Царевичъ спросилъ, кому принадлежитъ замокъ? Отвѣчала ему мышь-часовой: «здѣсь резиденція нашей королевы.» Странствующій витязь представился королевѣ и просилъ о помощи, обѣщая за то доставить ей на пять лѣтъ разныхъ припасовъ. Мышиная королева собрала свой народъ и стала развѣдывать, не знаетъ ли кто соломеннаго дворца? Только одна старая мышь и знала; по приказу королевы, она прокралась въ этотъ дворецъ въ глухую полночь, перегрызла шнурокъ, на которомъ висѣли диковинные часы, унесла ихъ и отдала прежнему хозяину. с) Въ Пентамеронѣ (№ 31): У бѣднаго Аніело былъ пѣтухъ, котораго и вынесъ онъ на продажу. Повстрѣчались ему два колдуна, сторговали пѣтуха за полгульдена и по этому поводу начали промежъ себя разговаривать на своемъ особенномъ языкѣ. Къ счастію Аніело очень хорошо понималъ этотъ языкъ; изъ ихъ разговора онъ узналъ, что въ пѣтушьей головѣ есть чудной камень: если достать его и обдѣлать въ кольцо, то всѣ желанія будутъ исполняться немедленно. Отдать такое счастіе за полгульдена было бы крайне неразсчетливо; Аніело быстро повернулъ въ переулокъ, скрылся отъ хитрыхъ покупщиковъ, и воротившись домой, зарѣзалъ пѣтуха, досталъ изъ его головы камень и вставилъ въ кольцо. Вслѣдъ за тѣмъ онъ по-

желалъ быть молодымъ, имѣть богатой дворецъ и женою прекрасную королевну; все это исполнилось. Колдуны впрочемъ не оставили своихъ замысловъ; они устроили славную танцующую куклу съ музыкою, принесли на показъ королевнѣ и въ обмѣнъ за куклу выпросили у ней чудесной перстень. Дворецъ исчезъ, королевна пропала, Аніело обратился въ бѣднаго старика и былъ прогнанъ королемъ. Пустился онъ добывать свой перстень, и пришелъ наконецъ въ мышиное царство, гдѣ подозрительная стража приняла его за шпіона кошки, схватила и привела къ королю. Мышиной король принялъ его благосклонно и далъ ему въ помощь двухъ мышей, которымъ и удалось возвратить перстень: онѣ напали на соннаго колдуна, одна принялась грызть у него палецъ, и когда онъ снялъ кольцо и положилъ на столъ — другая утащила его и отдала кому слѣдовало. Аніело снова сдѣлался и богатъ и молодъ, щедро одарилъ мышей сыромъ и саломъ, а колдуновъ обратилъ въословъ.

Сказка о волшебномъ кольцѣ говоритъ объ измѣнѣ красавицы-жены своему мужу; она отдается другому враждебному королю, уходитъ въ далекія страны и уноситъ съ собой кольцо, а вмѣстѣ съ нимъ и золотой дворецъ, и богатство, и счастіе; чтобы возвратить все это, покинутый мужъ долженъ бороться съ величайшими затрудненіями, но въ свое время одолѣваетъ ихъ и получаетъ обратно и кольцо и жену. Сюжетъ этотъ развивается во многихъ народныхъ сказкахъ (см. вып. V, № 36: «Рога» и сравни со сказкою о Кощеѣ), и въ основѣ его таится мысль о временномъ союзѣ дѣвы-Солнца съ лѣтнею природою, о переходѣ ея во власть враждебной зимы, когда она какъ-бы измѣняетъ своему законному супругу и предается коварному обольстителю, и о возстановленіи съ новой весною прежняго благодатнаго брака. Въ древнемъ метафорическомъ языкѣ солнце уподоблялось *драгоцѣнному*

блестящему камню, *золотому шару*, *круглому щиту*, *колесу* или *кольцу* (послѣднія два слова филологически тождественны — см. Die Götterwelt der deutsch. und nordischen Völker Маннгардта, стр. 104). Отсюда возникли преданія о волшебномъ кольцѣ или перстнѣ (у нѣмцевъ Wunschring—см. Kinder- und Hausmärch., т. II, стр. 506—7); двѣнадцать составовъ или винтовъ, которые приписываютъ ему сказки, служатъ указаніемъ на двѣнадцать періодовъ, замѣчаемыхъ (по числу мѣсяцевъ) въ годовомъ движеніи солнца. Сказочный герой получаетъ его отъ царя-змѣя, и похищенное — возвращаетъ вновь съ помощію собаки и кошки, т. е. въ весеннее время, когда появляются дожденосныя тучи; ибо змѣй и кошка зооморфическіе образы тучъ, а собака—вѣтра (см. въ томъ-же сочиненіи Маннгардта, стр. 88—90 и 96—97, и примѣч. къ № 68 VI-го выпуска).

68. 69.

ПО КОЛѢНА НОГИ ВЪ ЗОЛОТѢ, ПО ЛОКОТЬ РУКИ ВЪ СЕРЕБРѢ. — ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО И ПТИЦА-ГОВОРУНЬЯ.

См. варіанты у Худяк., вып. I, № 89; вып. III, № 87 (Иванъ-царевичъ и Марья-Жолтый Цвѣтъ), 112, и стр. 129—130, 149—150. Варіантъ, записанный г. Пѣтуховымъ въ пермскомъ уѣздѣ, отличается нѣкоторыми особенностями: Молодая царица какъ обѣщала царю, такъ и родила трехъ чудесныхъ дѣтей; баба-яга вызвалась быть повивальною бабкою, оборотила царевичей волчатами, а взамѣнъ ихъ подложила простаго крестьянскаго мальчика. Царь разсердился на жену, которая (какъ ему казалось) не исполнила своего объ-

щанія, и велѣлъ посадить ее вмѣстѣ съ ребёнкомъ въ бочку и пустить на синё море. Бочка пристаетъ къ пустынному берегу и разваливается; царица выходитъ съ подкидышемъ на сухое мѣсто и молятъ Бога, чтобы даровалъ имъ хлѣбъ насущной. Господь услышалъ молитву и превратилъ песокъ въ кисель, воду въ молоко; тѣмъ они и питалися. Мальчикъ скоро выросъ, принялся бить звѣрей да съ нихъ шкурки сымать; много набилъ и куницъ и лисицъ и бобровъ, и сдѣлалъ изъ тѣхъ шкурокъ небольшой шалашъ: было бы гдѣ отъ дождя да отъ холода укрыться. Проходили мимо нищіе и нимало дивилися, что вотъ живутъ себѣ люди — о хлѣбѣ не думаютъ: подъ руками рѣка молочная, берега кисельные; пришли къ царю и разсказали ему про то диво неслыханное. А царь ужь успѣлъ на другой жениться — на дочери бабы-яги. Услыхала новая царица, про что говорятъ нищіе; выскочила и крикнула: «что за хлопуши пришли? экое диво разсказываютъ! У моей матушки есть почище того: кувшинъ о семи рожкахъ; сколько ни ѣшь, сколько ни пей изъ него—все не убываетъ.» Этими словами она и рѣчь странниковъ замяла, и царя омрачила: то хотѣлъ было ѣхать посмотрѣть на диво, а то и думать пересталъ. Когда свѣдалъ про то подкидышъ, тотчасъ-же собрался и пошелъ къ бабѣ-ягѣ добывать кувшинчикъ, пришелъ къ ней въ избушку, когда вѣдьмы дома не было, и унёсъ диковинку. Снова заходятъ нищіе къ царю и разсказываютъ про рѣку молочную, берега кисельные и кувшинчикъ о семи рожкахъ: сколько изъ него ни ѣшь, сколько ни пей—въ немъ и на каплю не убываетъ. Услыхала ихъ рѣчи ягинишна, выбѣжала-выскочила и крикнула: «какіе тамъ хлопуши явились! нашли чѣмъ хвастаться! У моей матушки есть получше того: зеленой садъ, въ томъ саду птицы райскія, поютъ пѣсни царскія—про царей, про князей и про всякихъ королей.» Дошло это слово до подкидыша; отправился добывать садъ бабы-

яги. Идетъ дорòгою, идетъ широкою; на встрѣчу ему старичокъ: «куда пошелъ, доброй мòлодецъ?»—Хочу доставать садъ бабы-яги. «Какъ-же ты увезешь его?» — А и самъ не вѣдаю! Старичокъ далъ ему дудочку: «вотъ, говоритъ, когда прійдешь на мѣсто, обойди кругомъ весь садъ и скажи: какъ вѣтеръ дуетъ, такъ и садъ за мною лети! а самъ иди да въ дудочку посвистывай. Садъ за тобою тотчасъ тронётся.» Очутился садъ бабы-яги у прекрасной царицы съ подкидышемъ; нищіе и про то диво стали царю разсказывать, а дочка бабыяги выскочила: «у моей, говоритъ, матушки есть почище того: чудное зеркальцо—какъ взглянешь въ него, такъ все разомъ и увѣдаешь, гдѣ какія войска стоятъ, гдѣ какіе города построены и все, чтò на свѣтѣ случается.» Подкидышъ опять собрался въ дорогу, взялъ про запасъ сладкихъ яблочковъ и отправился добывать зеркальцо. На встрѣчу ему кузнецъ: «дай, говоритъ, яблочко!» — Скуй мнѣ щипцы да три прута желѣзные. Кузнецъ сковалъ; подкидышъ отдалъ ему за трудъ сладкія яблочки и пошелъ дальше. Вотъ стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на собольихъ лапкахъ. Молвилъ онъ ей: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка повернулась; зашелъ въ нее доброй мòлодецъ, а тамъ жарко печь топится, возлѣ баба-яга стоитъ, клюкой въ печи мѣшаетъ. Замахнулась былò баба-яга на незваннаго гостя клюкою, убить хотѣла, да онъ такъ ее пнулъ ногою, чтò и клюка изъ рукъ вылетѣла и сама ротъ разинула! Подкидышъ поймалъ ее за языкъ щипцами и давай бить желѣзными прутьями; одинъ прутъ изломался, онъ за другой взялся; другой изломался, онъ за третій принялся. Проситъ баба-яга пощадить ее-помиловать, и отдаетъ ему свое зеркальцо. Принёсъ доброй мòлодецъ домой чудное зеркальцо; царица глянула въ него — и увидѣла своихъ дѣтокъ волчатами на чистой полянѣ промежъ орѣшника: «вотъ, говоритъ, гдѣ мои дѣтки живутъ!»

Подкидышъ вызвался за ними сходить. Мать надоила изъ своихъ сосцовъ молока, замѣсила на томъ молокѣ крупчатку и сдѣлала три колобочка. Взялъ подкидышъ волшебное зеркальцо и три колобочка и пошелъ въ путь-дорогу; подкрался помаленечку-потихонечку къ густому орѣшнику и дивуется: день былъ ведрёной, играютъ на полянѣ три волчонка, прыгаютъ другъ черезъ дружку, по травкѣ-муравкѣ валяются. Подкидышъ бросилъ имъ три колобочка; волчата подхватили и съѣли. «Ахъ, братцы! отозвался старшій, я ровно матушкину титечку пососалъ.» — И мы тоже! отвѣчали два другихъ брата. Сталъ манить ихъ сонъ; разлеглись на лужайкѣ и заснули крѣпко-крѣпко. Тѣмъ временемъ подкидышъ развелъ костёръ, и какъ скоро огонь разгорѣлся—связалъ у волчатъ хвосты вмѣстѣ, да какъ крикнетъ громкимъ голосомъ: «не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бѣжать—волчьи шкуры съ нихъ мигомъ слетѣли, и явились три добрыхъ мòлодца, три родныхъ братца. Подкидышъ схватилъ волчьи шкурки да въ огонь; такъ и спалилъ! Послѣ того они здравствовались и пошли всѣ четверо къ матери. Опять явились нищіе къ царю и разсказали ему про царицу и царевичей, про молочную рѣку, берега кисельные, про кувшинъ о семи рожкахъ и зеленой садъ. Царь не вытерпѣлъ, поѣхалъ и узналъ свою настоящую жену и трехъ сыновей добрыхъ мòлодцевъ; подкидыша принялъ къ себѣ крестовымъ сыномъ. Тутъ они собрались въ свое царство ѣхать, да какъ поѣхали—крестовой сынъ заигралъ въ дудочку; глядь—а зеленой садъ вслѣдъ за ними идетъ! Воротившись домой, царь немедля нимало осудилъ бабу-ягу съ дочкою и приказалъ ихъ обѣихъ на воротахъ разстрѣлять.

Подобныя сказки есть и у другихъ народовъ: см. Slov. pohád., стр. 470—7; Пантеонъ 1854 г., № 5, смѣсь, стр. 1—4; Мат. для изуч. нар. слов., стр. 32—33 и 57—72 (сказки сербскія и

финскія); Русс. Вѣстн. 1857 г., № 5, стр. 32 (о древне-французской поэмѣ «Le chevalier au Cygne»). Сказка о поющемъ деревѣ, птицѣ-говоруньѣ (или: Говорокъ) и живой водѣ (сравни у Худ., вып. I, № 21) очень близка съ однимъ изъ разсказовъ Тысячи и одной ночи (см. вып. III нашего собранія, стр. 123—4); съ нею-же сходны: сказка, напечатанная въ Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 168—177, въ которой *поющее дерево* названо деревомъ съ золотыми плодами, а *живая вода* — springende Wasser (прыгающая вода, бьющая ключемъ), и другая, помѣщенная въ Zeitschrift für Deut. Myth., т. I, стр. 453—8, въ которой царевичъ отправляется искать блестящее *солнечное дерево* (Sonnenbaum), прогоняющее своимъ свѣтомъ ночной мракъ.

Бѣлорусскій варіантъ о чудесныхъ мальчикахъ, испытывающихъ разныя превращенія, (вып. III, № 7) также принадлежитъ къ числу общераспространенныхъ эпическихъ сказаній. Съ нимъ сходны: а) сказка «Die beiden Goldkinder» (у Гальтриха, № 1). Златовласыя дѣти — братъ и сестра, будучи преданы смерти, возрождаются сперва въ видѣ золотыхъ ёлокъ, потомъ въ видѣ ягнятъ съ золотой волною, и наконецъ когда ягнята были зарѣзаны и внутренности ихъ брошены въ рѣку, то изъ этихъ внутренностей явились голые, златокудрые мальчикъ и дѣвочка. Они были такъ прекрасны, что̀ самое Солнце, представляемое въ сказкѣ въ образѣ женщины (liebe Frau), остановилось на небѣ и не могло до̀сыта на нихъ налюбоваться; цѣлые семь дней оно стояло неподвижно и глядѣло на малютокъ. Господь былъ удивленъ, что такъ долго не спускалась на землю успокоительная ночь, и когда явилось къ нему Солнце, спросилъ: почему оно такъ замедлило? Солнце указало на двухъ прекрасныхъ дѣтей, рѣзвившихся въ рѣкѣ. Господь обратилъ на нихъ свои взоры и умилился; онъ сошелъ на землю въ видѣ старца, дѣти съ

радостью побѣжали къ нему на встрѣчу и получили отъ него по рубашкѣ и *золотой молоточикъ*. «Ступайте въ городъ, сказалъ имъ старецъ, постучитесь въ двери, и когда отопрутъ вамъ — войдите и разскажите эту сказку.» Тутъ онъ передалъ малюткамъ исторію ихъ собственной жизни и удалился на небо. Мальчикъ и дѣвочка приходятъ во дворецъ короля, и затѣмъ слѣдуетъ обычная развязка. b) Венгерская сказка (сборн. Штира, № 7) говоритъ о златовласыхъ близнецахъ: у одного солнце, у другаго звѣзда во лбу. Задушенные злою старухою, они возрождаются сначала золотыми грушовыми деревьями, а потомъ златошерстыми козлятами. Старуха задушила и козлятъ; одну изъ ихъ внутренностей ухватила ворона и унесла на всесвѣтное море (Weltmeere) на семьдесятъ седьмой островъ, устроила въ ней гнѣздо и положила туда два золотыхъ яйца. Какъ изумилась она, когда вылупились изъ яицъ два мальчика: у одного во лбу солнце, у другаго — звѣзда. Эту послѣднюю подробность нельзя не сблизить съ преданіемъ, занесеннымъ въ Калевалу, о созданіи луны и солнца изъ яицъ орлицы (см. прим. къ сказкѣ про утку съ золотыми яйцами). О подобныхъ превращеніяхъ упоминаютъ многія сказки: см. вып. VII, № 26; Памятн. русск. литер., вып. II, стр. 321—2; Narodne pripov. Валявца, стр. 15—16, 216—7; сборн. Вольфа, стр. 394—6; Zeitschrift für Deutsche Myth., т. IV, стр. 232—246 и 320—4.

Вниманіе наше невольно останавливается на тѣхъ чудесныхъ примѣтахъ, съ какими рождаются на свѣтъ сказочные герои: во лбу красное солнце (или мѣсяцъ), на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ, по бокамъ (или косицамъ) часты звѣзды; по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ [1]); волоса у

[1]) Подобныя примѣты Калевала даетъ старшей дочери Лоухи, а русской народный стихъ Егорію Храброму (Сборн. духовн. стиховъ Варенцова, стр.

нихъ золотые или на каждомъ волоскѣ по жемчужинкѣ; сымая свои шапочки, они все кругомъ себя освѣщаютъ яркими лучами (вып. VI, № 62; Худ., вып. III, стр. 131; Narodn. pripov. Валявца, стр. 124; Litauische Märchen, стр. 10). Такія примѣты указываютъ, что это не простые смертные, а свѣтлые боги, олицетворенія тѣхъ небесныхъ свѣтилъ, которыя присвоены имъ, какъ всегда-присущіе аттрибуты. Красное солнце во лбу напоминаетъ глазъ Одина, частыя звѣзды по тѣлу — многоочитаго Аргуса (см. выше стр. 261—2); золотые волоса — метафорическое представленіе солнечныхъ лучей [1]). Сестра этихъ миѳическихъ героевъ есть прекрасная дѣва Зоря; въ поэтически-вѣрномъ изображеніи сказка замѣчаетъ объ ней: когда красная дѣвица улыбается, то сыплются розы, а когда плачетъ, то падаетъ жемчугъ или брилліанты (вып. I, стр. 84; вып. VII, № 19; Худ., вып. III, стр. 50; Зап. о южн. Руси, т. II, стр. 10; Kinder- und Hausmärch., т. II, стр. 424 и 431). До сихъ поръ, когда на потемненномъ горизонтѣ проглянетъ наконецъ солнышко случается слышать выраженія: «небо начинаетъ *улыбаться*, погода *разгуливается*.» Напротивъ того небо, затемненное тучами, называется хмурымъ («смотрѣть хмуро, сентябремъ», т. е. невесело, сердито), и согласно съ этимъ пасмурная зимняя природа предста-

95; Калѣки Перехож., вып. II, стр. 428; Сборн. болгарск. пѣсенъ Верковича, ч. I, стр. 232):

Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.
Или: По локоть у него руки въ красномъ золотѣ,
По колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ,
Во лбу-то солнце, въ тылу-то мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія.

[1]) Тоже значеніе соединяется и съ золотыми руками (см. Маннгардта Die Götterwelt der deutsch. und nordisch. Völker, стр. 60).

вляется въ сказкахъ *Несмьяною* царевною. При восходѣ своемъ, солнце окрашиваетъ весь небосклонъ розовыми красками, и отражаясь въ капляхъ утренней росы, какъ-бы претворяетъ ихъ въ блестящіе брилліанты и жемчугъ, что̀ на языкѣ метафорическомъ перешло въ сказаніе о красавицѣ Зорѣ, которая улыбаясь — разсыпаетъ розы и проливая слезы — роняетъ самоцвѣтные камни [1]). Сходство росы, слёзъ и жемчуга повело къ повѣрью, доселѣ живущему въ нашемъ народѣ, будто видѣть во снѣ жемчугъ предвѣщаетъ слёзы. Рожденіе Солнца праздновалось на Коляду, когда оно поворачиваетъ на лѣто; но этотъ поворотъ совпадаетъ съ самыми сильными морозами. Злая вѣдьма Зима тотчасъ-же овладѣваетъ новорожденнымъ героемъ и его братьями, обращаетъ ихъ въ волчатъ и камни, т. е. подчиняетъ своему губительному вліянію (зима на языкѣ Эдды — Wolfzeit), или предаетъ ихъ смерти. Но и убитые они не погибаютъ, а только превращаются въ иные образы и являются то въ видѣ деревьевъ, дающихъ золотые плоды, то въ видѣ златорунныхъ барашковъ или козлятъ, т. е. собственно говоря: одѣваются въ облачные покровы [2]) и окрашиваютъ ихъ своимъ золотистымъ цвѣтомъ. Враждебная сила Зимы мало по малу ослабѣваетъ и Солнце, смертельно-пораженное ея волшебными чарами, воскресаетъ весною къ новой жизни: окамененные или убитые герои оживаютъ, а превращенные сбрасываютъ съ себя чуждыя имъ звѣриныя шкуры и предстаютъ во всей своей несказанной красотѣ. Такой актъ освобожденія тотчасъ-же совершается, какъ скоро добыта живая «прыгающая» вода, т. е. какъ скоро прольется съ неба дождь и зимніе льды и снѣга силою вешняго тепла претворятся въ гремячіе, скачущіе съ горъ потоки. Вотъ по-

[1]) Калевала заставляетъ Вейнемейнена плакать крупнымъ жемчугомъ. — [2]) Въ числѣ другихъ миѳическихъ образовъ облака̀ представлялись и какъ дерево, и какъ небесныя животныя: барашки, козы, коровы и лошади.

чему сказки заставляютъ своихъ героевъ съ такою неустанною заботою отыскивать разныя диковинки — символы животворныхъ силъ весенней природы. Эти диковинки суть разнообразныя миѳическія представленія дожденосной, громовой тучи, а именно: а) *золотое дерево*, съ которымъ преданія связываютъ источники живой воды; b) *волкъ-самоглотъ* (см. Отеч. Зап. 1853 г., № 3—о зооморф. божествахъ у славянъ), который живетъ на морѣ-на океанѣ (т. е. небѣ); подъ хвостомъ у него баня, а въ заду море: если въ той банѣ выпариться, а въ томъ морѣ выкупаться, то станешь молодцомъ и красавцемъ. Волкъ замѣняется иногда *молочной рѣкою* съ кисельными берегами, которая всѣхъ питаетъ и всѣмъ даетъ красоту и силу, подобно живой водѣ (молоко = дождь; одна легенда, № 31, разсказываетъ о чортѣ, какъ онъ варилъ въ молокѣ стариковъ и старухъ и дѣлалъ ихъ молодыми; о купаньи въ молокѣ вилиныхъ или морскихъ коней-тучъ сказки говорятъ довольно часто; см. вып. VI, № 27; вып. VII, № 12, 22; вып. VIII, № 7; Lud Ukraiński, т. I, стр. 276—7; сборн. Валявца, стр. 11—12; Walachische Märch., № 17; Ungarische Volksmärch., стр. 90; Гальтр., стр. 107—8). Иногда же вмѣсто волка выводятся с) *боровы* (варіантъ, записанный Пушкинымъ; см. въ его Сочиненіяхъ, изд. Анненкова, т. I, стр. 438): «за̀ моремъ стоитъ гора и на горѣ два борова; боровы грызутся, а межъ ими сыплется золото да серебро», т. е. тучи сталкиваются, а изъ нихъ блистаютъ золотистыя молніи. Это уподобленіе породило преданія о свинкѣ-золотой щетинкѣ, извѣстныя у славянъ, скандинавовъ и другихъ народовъ (см. сборн. Гальтриха, стр. 103). d) Чудесная *мельница*, которая сама мелетъ, сама вѣетъ и пыль на сто верстъ мечетъ (см. примѣчан. къ вып. V, № 27); возлѣ мельницы стоитъ золотой столбъ, на немъ виситъ золотая клѣтка и ходитъ по тому столбу *морской котъ-баюнъ*: идетъ внизъ — пѣсни

поетъ, а вверхъ подымается — сказки сказываетъ [1]); голосъ его за три версты слышенъ. Этотъ котъ-баюнъ побиваетъ своихъ противниковъ и напускаетъ на нихъ крѣпкой сонъ (см. вып. VIII, № 3, ь). Память объ немъ уцѣлѣла въ народной поговоркѣ: «разсказывай сказки коту Васькѣ!» (Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, кн. II, стр. 135.) Свѣтящіеся во тьмѣ глаза кошки и рыси дали поводъ уподобить этимъ звѣрямъ мрачную, сверкающую молніями тучу; въ Германіи простолюдины называютъ черныя тучи Bullerkater и Bullerluchs; колесницу богини Фреи представляли запряженною двумя кошками, а вѣдьмамъ, которые такъ любятъ носиться на облакахъ, даются названія Wetterkatzen и Donnerkatzen. Нѣмецкія сказки даютъ коту семимильные сапоги, соотвѣтствующіе летучимъ сандаліямъ Гермеса; сверхъ того, множество народныхъ повѣрій и примѣтъ ставятъ кошку въ весьма близкую связь съ явленіями дождя, вѣтра и града (Маннгардта Die Götterwelt der deut. und nord. Völker, стр. 90; Нѣмецк. миѳологія Гримма, стр. 471 и 634). Напущеніе сна, приписываемое котубаюну, выражаетъ то оцѣпенѣніе, какое производится сильнымъ холоднымъ вѣтромъ (стужею); а его громкія пѣсни и далекораздающіеся разсказы — метафорическое представленіе воя бури и громовыхъ раскатовъ. (На томъ же основаніи баснословное дерево названо *поющимъ*, а птица — *говоруньею*.) Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто кота-баюна, говорится о *гусляхъ-самогудахъ*, которые сами играютъ, сами пѣсни поютъ, и своей игрой напускаютъ непреодолимой сонъ (вып. VII, № 22; вып. VIII, № 13; у Худяк., вып. III, стр. 142); въ Калевалѣ Лоухи также усыпляетъ воиновъ волшебными звуками своихъ гуслей.

[1]) Въ сказкѣ, напечатанной въ вып. VII, № 4, ь, тоже приписывается золоторогой козѣ: «сама пѣсни поетъ, сама сказки сказываетъ.» Вспомнимъ, что Торъ представляется разъѣзжающимъ на козлахъ.

Е) КЪ VII-му ВЫПУСКУ.

1.

ПЕРУШКО ФЕНИСТА-ЯСНА СОКОЛА.

См. варіантъ у Худякова, вып. I, № 5. — Сказка повѣствуетъ о томъ, какъ красная дѣвица утратила своего милаго, пошла его отыскивать, и послѣ долгаго странствованія находитъ его въ союзѣ съ другою женою, у которой и покупаетъ право пробыть съ ея мужемъ три ночи—за серебреное донце съ золотымъ веретёнцемъ, серебреное блюдечко съ золотымъ яичкомъ и золотое пялечко (или за золотой гребень, золотое блюдечко съ брилліантовымъ шарикомъ и золотой молоточикъ съ брилліантовыми гвоздиками): мотивъ извѣстный, весьма часто повторяющійся въ произведеніяхъ народнаго эпоса (см. сербск. приповѣдки Караджича, № 10; валахск. сказки Шотта, стр. 241—5, и нѣмецкія сказки Вольфа, стр. 236 — 8, 295—9). Всѣ три ночи красная дѣвица будитъ своего милаго, напоминая о себѣ въ трогательныхъ причитаніяхъ, но онъ спитъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, и только въ третью ночь удается ей наконецъ вызвать его изъ волшебнаго усыпленія и войдти въ права настоящей супруги. Это обще-распространенная у арійскихъ племенъ повѣсть о томъ, какъ вѣчно-юный богъ-громовникъ, въ зимній періодъ времени, покидаетъ свою красавицу (т. е. богиню лѣта, лѣтнюю природу въ ея роскошномъ убранствѣ), и вступаетъ въ новой союзъ съ колдуньей-зимою, которая отымаетъ животворную силу Перуна и какъ-бы усыпляетъ его до поры неизмѣнно-слѣдующаго возврата весны. Доброй молодецъ Перунъ пред-

ставляется въ сказкѣ *яснымъ соколомъ-цвѣтныя пёрушки*: въ образѣ быстролётной птицы народное творчество выразило стремительность громовыхъ стрѣлъ, разсѣкающихъ тучи (см. Зооморф. божества у славянъ, въ Отеч. Зап. 1852 г., № 1; вып. VIII, № 8). Тотъ-же миѳъ, только въ иной обстановкѣ, передаетъ сказка о заклятомъ царевичѣ (№ 15); прекрасный варіантъ этой послѣдней сообщенъ С. Т. Аксаковымъ въ приложеніи къ книгѣ «Дѣтскіе годы Багрова внука» — подъ заглавіемъ: «Аленькой цвѣточикъ» (стр. 485—517). Сходство ея съ сказкою о Финистѣ-ясномъ соколѣ очевидно при первомъ сличеніи; царевичъ-женихъ представляется здѣсь въ образѣ чудовища (змѣя), но этотъ демоническій образъ есть слѣдствіе очарованія враждебныхъ силъ, и только временно затемняетъ несказанную красоту добра молодца. Съ поцѣлуемъ любящей невѣсты колдовство разрушается, страшное чудовище преобразуется въ прекраснаго, статнаго юношу, и затѣмъ слѣдуетъ веселое торжество брачнаго союза. Въ изданныхъ братьями Гриммами Deutsche Sagen есть разсказъ о зачарованной дѣвѣ, съ золотой короной на головѣ и съ волосами, ниспадающими до земли; ниже пупа она имѣла видъ змѣи (die Schlangenjungfrau) и могла быть избавлена отъ этого превращенія только подъ условіемъ, чтобы юноша, сохранившій цѣломудріе, поцѣловалъ ее три раза: о такомъ спасительномъ значеніи поцѣлуя смотри въ примѣчаніи къ сказкѣ: «Окаменѣлое царство». Съ русскими сказками о Финистѣ-ясномъ соколѣ и аленькомъ цвѣточкѣ близко сходны словацкая — въ Sloven. pohádky, od B. Němcové, стр. 583, нѣмецкая «Das singende springende Löweneckerchen» (Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 88; т. III, стр. 152—6) и норвежская (кн. II, № 11), въ которой царевичъ, заклятый мачихою, днемъ является медвѣдемъ, а по ночамъ принимаетъ настоящій свой образъ; жена царевича, наученная своей матерью, приходитъ

къ спящему супругу съ зазженнымъ ночникомъ, засматривается на его красоту и незамѣтно для себя роняетъ ему на сорочку три капли горячаго сала. Юноша исчезаетъ и въ далекой сторонѣ женится на другой царевнѣ — некрасивой, съ носомъ въ три локтя длины, что̀ напоминаетъ нашу бабу-ягу, у которой, по выраженію народныхъ сказаній, «носъ въ потолокъ вросъ». Первая жена, послѣ долгихъ усилій, находитъ своего суженаго, покупаетъ у длинноносой царевны три ночи и плачется надъ спящимъ молодцемъ. Когда царевичъ проснулся и узналъ свою прежнюю подругу, онъ заставляетъ обѣихъ женъ смывать съ своей сорочки три сальныя пятна. Сначала взялась за работу вторая, безобразная жена, но чѣмъ дольше она мыла, тѣмъ пятна становились все больше и больше; а первая жена-красавица смыла ихъ легко и скоро, и тотчасъ-же вступила въ свои супружескія права.

2.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦО.

Сказка эта пользуется между нашимъ читающимъ людомъ всеобщей извѣстностью, благодаря Пушкину, который передалъ ее въ стихахъ подъ заглавіемъ «Сказки о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ»; можно указать еще на литературную передѣлку Гребенки (см. его сочиненія, т. I, стр. 120—137: «Мачиха и панночка, малороссійское преданіе»). Варіанты см. у Худяк., вып. I, № 16, и вып. III, № 90; Lud Ukraiński Новосельскаго, т. I, стр. 245. Подобная сказка есть въ изданіи Шотта «Walachische Märchen», № 5, и въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ, т. I, № 53. Въ нѣмецкой редакціи мачиха преслѣдуетъ падчерицу-царевну изъ зависти къ ея

необыкновенной красотѣ: царевна уродилась бѣлая что̀ снѣгъ, румянная что̀ кровь, и была потому названа Бѣлоснѣжкою (Sneewittchen). Вмѣсто богатырей русской сказки, принимающихъ къ себѣ несчастную героиню, здѣсь выведены карлики, которые роются въ горахъ и добываютъ золото. Покинутая въ дремучемъ лѣсу, Бѣлоснѣжка приходитъ въ избушку семи карликовъ; они даютъ ей прiютъ, ласково обходятся съ нею, и когда царевна впадаетъ въ непробудный сонъ — кладутъ ее въ стеклянную гробницу на высокой горѣ; лежитъ тамъ красавица въ чародѣйномъ усыпленiи, и прилетаютъ любоваться на нее и оплакивать ея смерть разныя птицы: и сова, и во̀ронъ, и голубь. Таково обаятельное дѣйствiе красоты, вызывающей сочувствiе въ самой природѣ. Въ нашей сказкѣ обрисовано оно не менѣе ярко и въ образахъ истинно-поэтическихъ. Богатыри кладутъ усыпленную дѣвицу въ хрустальной гробъ, а сами отъ великаго горя бросаются внизъ съ высокаго балкона и разбиваются объ острые камни. Прошло много-много лѣтъ, случилось молодому царевичу заѣхать съ охоты въ заброшенной, опустѣлой дворецъ, увидалъ онъ въ хрустальномъ гробу спящую красавицу, да такъ и приросъ къ мѣсту: стоитъ тутъ съ утра до вечера, не спуская очей съ красной дѣвицы, словно невидимая сила его удерживаетъ. Является за царевичемъ его свита и испытываетъ тоже обоянiе: всѣ царскiе слуги и охотники обступили молча хрустальной гробъ и до тѣхъ поръ любовались дѣвичей красотою, пока не помѣшалъ имъ ночной мракъ. — О царевнѣ, спящей въ стеклянномъ гробу, упоминаетъ и другая нѣмецкая сказка (см. Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 163).

Миѳическое значенiе этой сказки объяснено въ примѣчанiи къ V выпуску, № 40; волшебное зеркальцо, заглянувъ въ которое — можно узнать все, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, встрѣчается и въ другихъ сказкахъ (см. вып. VII, № 41, b; вып. VIII, № 18).

4.

ПОЙДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО.

Сказка эта говоритъ о томъ, какъ доброй мо̀лодецъ женился на вѣщей красавицѣ — лебединой дѣвѣ [1]); въ нее влюбился царь, и чтобы избыть соперника и овладѣть его женою, задаетъ ему трудные подвиги. Варіанты см. у Худяк., вып. III, № 85 и въ книгѣ «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы» (сказка о Игнатіи-царевичѣ и о Суворѣ невидимкѣ-мужичкѣ). Разсматриваемая нами сказка очень близка съ другою, напечатанною въ этомъ-же выпускѣ подъ № 22 («Мудрая жена»); только въ этой послѣдней измѣнено начало: вмѣсто купающейся на̀ морѣ дѣвы-птицы, мудрая жена добывается изъ воды въ видѣ златоперой рыбки или плотички съ золотымъ кольцомъ; выловленная и кинутая на̀земь, чудная рыбка оборачивается красной дѣвицей, выходитъ замужъ за добраго мо̀лодца, и затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о тѣхъ трудныхъ подвигахъ, развитіе которыхъ составляетъ обычное содержаніе эпическихъ сказаній у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Подвиги Геркулеса принадлежатъ именно къ разряду подобныхъ сказочныхъ *задачъ*, возлагаемыхъ на героя царемъ, которому онъ служитъ. Былины, какъ плодъ того-же эпическаго настроенія, что̀ и сказки, усвоиваютъ себѣ, вмѣстѣ съ прочими, и этотъ мотивъ; такъ въ пѣснѣ о Данилѣловчанинѣ (въ сборникѣ П. В. Кирѣевскаго, вып. III, стр. 28—29) Владиміръ-князь спрашиваетъ, гдѣ бы добыть ему не-

[1]) О лебединыхъ дѣвахъ см. въ примѣчаніи къ сказкѣ о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой (вып. V, № 23).

вѣсту, чтобы было съ кѣмъ думу думати, слово молвити? Говоритъ ему Путятинъ Путятовичъ: «возьми за себя у Данилы-ловчанина грозную Настасью Никулишну.» — Какъ-же мнѣ, спрашиваетъ Владиміръ, у живаго мужа жену отнять?— и получаетъ такой совѣтъ:

Ой ты гой еси, нашъ батюшка Володиміръ-князь!
Наряди его въ службу дальнюю, невзворотивную,
На Буянъ-островъ;
Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошорстнаго,
Вели вынуть изъ него сердце со печенью.

Въ числѣ «задачъ», упоминаемыхъ въ нашей сказкѣ, обращаетъ на себя особенное вниманіе слѣдующая: «пойди туда—не знаю куда, принеси то — не знаю что.» По этому приказу доброй мòлодецъ идетъ на край свѣта и достаетъ тамъ слугу-невидимку, который исполняетъ всевозможныя желанія своего господина: онъ несетъ его по воздуху съ быстротою вѣтра, строитъ ему дворецъ, кормитъ его вкусными яствами, поитъ славными винами, и напоминаетъ собою слугъ волшебнаго кольца и волшебной палицы (см. примѣчаніе къ вып. VI, № 67; Ungarische Märchen, стр. 54). Слуга-невидимка есть антропоморфическое олицетвореніе тѣхъ-же естественныхъ явленій, какія представлены въ символическихъ образахъ скатерти-самобранки, ковра-самолёта и топора-саморуба. Разныя имена, придаваемыя въ сказкахъ этому невидимкѣ, очевидно позднѣйшаго сочиненія: Урза - Мурза, Саура и др. Топоръ-саморубъ и диковинная палица (дубинка-самобой), которыми овладѣваетъ сказочный герой съ помощію слуги-невидимки, выражаютъ одну и ту-же идею; это метафорическія названія молніи. Въ древнѣйшихъ преданіяхъ молнія постоянно уподобляется воинскому оружію, а богъ грома представляется сражающимся и побѣждающимъ несчетныя рати велика-

новъ. И топоръ, и дубинка, по приказу своего обладателя, сами собой бросаются на враждебные полки, побиваютъ несмѣтныя силы и возвращаются назадъ въ его руки, подобно Торову мо̀лоту. Софійская лѣтопись сохранила слѣдующій любопытный разсказъ о Перуновой палицѣ: «И пріиде къ Новугороду архіепискупъ Якимъ, и требища разори, и Перуна посѣче и повелѣ воврещи въ Волховъ. И повязавше ӯжи, влечахуть ѝ по калу, біюще жезліемъ и пихающе... и вринуша его въ Волховъ. Онъ же, пловя сквозѣ великый мостъ, верже палицю свою и рече: на семъ мя поминаютъ новгородскыя дѣти, ею-же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ.» (Полн. собр. рус. лѣтоп., т. V, стр. 121; сличи т. II, стр. 258.) Сравни созвучныя слова: *палица* (*палка*), *за-палить* въ кого мячемъ—въ смыслѣ: ударить (подобно тому, какъ глаголы *ожечь*, *жигануть* также употребляются для означенія удара и укола), *паля* — ударъ по рукѣ линейкою [1]). Мѣсто диковинной дубинки и топора занимаетъ иногда въ сказкахъ мечъ-самосѣкъ или кладенецъ [2]), помело (отъ *мести*, *метель* — вихрь; полёты вѣдьмъ *на помелѣ*, т. е. въ бурномъ вихрѣ) и клюка: гдѣ махнетъ помело, тамъ въ непріятельской рати улица; что̀ ни захватитъ клюка, то и въ плѣнъ волочетъ (см. въ этомъ выпускѣ №№ 22, 42 и 43; Сборн. рус. духовн. стиховъ Варенцова, стр. 99; Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей Пыпина, стр. 225: сказаніе о кралевичѣ Брунцвикѣ чешскія земли; Westslawisch. Märchenschatz, стр. 1). При дальнѣйшей работѣ фантазіи эти про-

[1]) *Живой огонь*, пользовавшійся издревле особеннымъ религіознымъ уваженіемъ, добывался треніемъ изъ дерева; отсюда объясняется, почему сказочные герои (въ лицѣ которыхъ фантазія хотѣла представить бога-громовника) рождаются изъ обрубка дерева (вып. VIII, № 6, b; вып. I, стр. 124).—
[2]) Мечъ-кладенецъ обыкновенно выкапывается богатыремъ изъ-подъ высокой *горы* (тучи), гдѣ онъ лежитъ скрытый отъ людскихъ взоровъ, какъ драгоцѣнной *кладъ*.

стыя первоначальныя представленія расширяются и подъ вліяніемъ той или другой обстановки обыденной жизни человѣка выражаются въ формахъ болѣе искусственныхъ и сложныхъ: чудесная дубинка уже не прямо сама собой поражаетъ враговъ, а получаетъ волшебное свойство вызывать противъ нихъ такую-же или еще бо̀льшую силу своихъ ратниковъ. Сто̀итъ только махнуть или ударить ею, какъ тотчасъ словно изъ земли выростаетъ цѣлое воинство (вып. VI, № 56). Точно также и стукъ молота выставляетъ несмѣтные полки солдатъ; въ одной русской сказкѣ выведены миѳическіе кузнецы, которые напоминаютъ намъ циклоповъ, занимавшихся ковкою громовыхъ стрѣлъ для Зевса. Кузнецы эти калятъ желѣзо и бьютъ его мо̀лотами: что̀ ни ударъ, то и солдатъ готовъ—съ ружьемъ, съ саблею, хоть сейчасъ въ битву! (см. № 7; у Худяк., вып. III, стр. 31.) Здѣсь кроется объясненіе того до сихъ поръ бывшаго загадочнымъ греческаго преданія, что Язонъ вспахалъ поле мѣдными быками, сдѣланными Вулканомъ, извергавшими изъ ноздрей и ртовъ пламя, и посѣялъ драконовы зубы, изъ которыхъ выросли желѣзные люди въ шлемахъ, съ копьями и мечами; они устремились на битву, и поражая другъ друга, всѣ до единаго погибли. Если припомнимъ, что громоносныя тучи, по древнѣйшимъ представленіямъ арійцевъ, уподоблялись быкамъ и коровамъ, а молніи—острымъ зубамъ дракона, то смыслъ этого преданія будетъ для насъ совершенно ясенъ. По нашимъ сказкамъ змѣиной зубъ (въ заговорахъ онъ называется *золотымъ*), вонзаясь въ голову человѣка или звѣря, причиняетъ ему смерть, а если попадетъ въ дерево, то оно немедленно засыхаетъ. Другой греческой миѳъ представляетъ воинственную Минерву рождающеюся изъ головы Зевса (т. е. изъ громовой тучи) въ полномъ бранномъ всеоружіи. Въ позднѣйшихъ сказочныхъ распространеніяхъ древняго миѳическаго преданія несчетныя войска

вызываются и стукомъ въ *боченокъ* или ранецъ, игрою въ рогъ и вызовомъ изъ торбы, открытаго игольника и даже табакерки (вып. VIII, № 26; вып. II, стр. 151; Сказки, собр. сельск. учителями, издан. Эрленвейна, стр. 81; Ungarische Märchen, стр. 71). Топоръ-саморубъ строитъ корабли и города: тяпъ да ляпъ — и готовъ корабль! ударь лезомъ по землѣ — станетъ дворецъ или городъ; ударь обухомъ — и нѣтъ ничего! И *корабль*, и *городъ* (собственно: *крѣпость*) означаютъ здѣсь тучу, облако; то-же значеніе соединялось и съ *горою* (см. примѣчаніе о летучемъ кораблѣ и толкучихъ горахъ къ вып. V, № 27 и 28, и вып. VI, № 27). Въ санскритѣ, на языкѣ Ведъ, слова̀, имѣющія значеніе горы и крѣпости, въ то-же время означаютъ и облако; понятно потому внезапное появленіе и быстрое исчезаніе тѣхъ сказочныхъ городовъ и кораблей, постройка которыхъ приписывается чудеснымъ свойствамъ топора-саморуба. Венгерскія сказки (стр. 142 и 181—2) говорятъ о мо̀лотѣ, который самъ собою разбиваетъ стѣны и башни за̀мковъ, и объ золотой вѣткѣ (прутикѣ), которая имѣла то дивное свойство: если ударить ею по скалѣ, то скала вмигъ раскрывается и проливаетъ обильный потокъ воды, подобно тучѣ, низпосылающей дождь при ударахъ грома и блескѣ молніи. Эта золотая вѣтка тоже самое, что̀ Springwurzel или Wünschelruthe, наша *разрывъ-трава*, прикосновеніе которой разбиваетъ всѣ запоры и открываетъ богатыя сокровища, серебро и золото (см. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks, von A. Kuhn). Отсюда легко объясняется, почему въ одной русской сказкѣ топоръ-саморубъ и дубинка-самобой являются вслѣдъ за ударомъ огнива о кремень, т. е. *изъ искры* (см. вып. VI, № 68, d; вып. VII, № 24; вып. VIII, № 25, b).

Преданіе о всесокрушающемъ оружіи Перуна, въ примѣненіи къ новѣйшимъ военнымъ снарядамъ, породило народные

разсказы о чудесномъ ружьѣ, стрѣляющемъ безъ промаха; такое ружье, по малорусскому повѣрью, пріобрѣтается отъ чорта (Отечеств. Записки 1840 г., № 2, смѣсь, стр. 46—49). Въ собраніи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (т. II, № 111) есть одна, озаглавленная «Der gelernte Jäger»: доброй мо̀лодецъ, владѣтель волшебнаго ружья, набрёлъ на великановъ, и тѣ заставляютъ его застрѣлить собачку, которая своимъ лаемъ мѣшаетъ имъ подобраться къ башнѣ и похитить оттуда прекрасную королевну. Онъ убиваетъ собачку, пролѣзаетъ въ башню и зоветъ за собой великановъ; великаны начинаютъ по одиночкѣ просовывать свои головы въ узкое отверстье, и попадаютъ подъ мечъ добраго мо̀лодца. Иногда вмѣсто собачки сторожитъ королевну пѣтухъ, который крикомъ своимъ предупреждаетъ нападеніе великановъ (сличи у Худ., вып. III, № 88; въ изданіи Эрленвейна, № 37; сборникъ Гальтриха, № 22, и Ungarische Märchen, № 1).

Еще два замѣчанія: а) въ долгомъ странствованіи за диковинками стрѣлокъ обращается къ тремъ вѣщимъ старухамъ съ просьбою указать ему дорогу, и онѣ призываютъ на допросъ своихъ слугъ: звѣрей, птицъ, рыбъ и гадовъ морскихъ. Это одинъ изъ тѣхъ эпическихъ пріемовъ, которыми особенно любитъ пользоваться народная фантазія (см. вып. VII, № 6 и 7; Лѣтописи русск. литерат., кн. V, стр. 11—сказка объ Иванѣ Бѣломъ; Narodne pripovjedke, skupio Matija Kračmanov Valjavec, стр. 104—6: на вопросъ —кто знаетъ стеклянную гору? вызывается старой орелъ и доноситъ туда сказочнаго героя; венгер. сказки, стр. 10—11; Walachische Märchen, № 11). Въ валахской сказкѣ царевичъ идетъ искать свою невѣсту, похищенную дракономъ; на пути заходитъ онъ къ святой матери Недѣлькѣ (т. е. воскресному дню), которая, желая ему помочь, беретъ свирѣль и начинаетъ играть въ нее. Съ первыми же звуками собралось къ ея дому многое множество

всякихъ звѣрей; они явились изблизи, издалёка, изъ полянъ и лѣсовъ. Перелётныя птицы, послушныя таинственнымъ звукамъ свирѣли, спустились изъ воздушныхъ пространствъ; тутъ были всѣ—и хищныя, и пѣвчія, не доставало одного коршуна. Недѣлька спрашивала у птицъ и звѣрей о прекрасной царевнѣ; но никто не зналъ, гдѣ она скрывается. Наконецъ явился коршунъ, и въ своей медленности оправдывался тѣмъ, что, будучи преслѣдуемъ дракономъ, онъ вывихнулъ себѣ въ поспѣшномъ бѣгствѣ крыло и ногу. Коршунъ зналъ, гдѣ жила похищенная красавица, и долженъ былъ показать царевичу дорогу. b) Въ варіантѣ, напечатанномъ нами въ VIII выпускѣ, № 3, подъ литерой *a*, и въ сказкѣ о мудрой женѣ король посылаетъ добраго молодца на тотъ свѣтъ развѣдать о своемъ покойномъ отцѣ: эпизодъ, сходный съ разсказомъ о горькомъ пьяницѣ (Нар. рус. лег., № 29) и съ литовской сказкою о рыбакѣ, который ходилъ на небо (въ изданіи Шлейхера, стр. 71—75).

Приводимъ здѣсь варіантъ сказки о слугѣ-невидимкѣ, заимствуя его изъ сборника г. Бронницына:

СКАЗКА О БЕЗСЧАСТНОМЪ СТРѢЛКѢ.

Жилъ-былъ стрѣлокъ. Когда ни случалось, что въ лѣсъ онъ пойдетъ стрѣлять птицъ, (все) не было удачи, возвращался въ свой домъ съ пустымъ мѣшкомъ, и прозванъ Безсчастнымъ стрѣлкомъ. Дошло до того у стрѣлка, что не осталось ни хлѣба въ сумѣ, ни гроша въ котомѣ. Бѣдной Безсчастной трое сутокъ не ѣлъ, по лѣсу бродя; дрожалъ отъ холода, и пришло ему хоть умирать съ голода. Лёгъ онъ на травѣ, сбираясь нацѣлить ружье себѣ въ лобъ; но перекрестился, остановился, отбросилъ ружье, и вдругъ онъ услы

шалъ шорохъ при вѣтеркѣ, шопотъ невдалекѣ. Шопотъ выходилъ, казалось, изъ густой лѣсной травы. Всталъ стрѣлокъ, и подойдя къ тому мѣсту, наклонился; увидѣлъ, что трава закрывала глубокую пропасть, изъ той пропасти высунулся камень, а на камнѣ кубышечка лежала. Тутъ стрѣлокъ услышалъ слабый голосъ: «доброй человѣкъ прохожій! освободи меня.» Тотъ голосъ выходилъ изъ кубышечки, и стрѣлокъ неустрашимо, съ камня на камень ступая, надъ пропастью самъ очутился; взялъ онъ кубышечку тихо, и слышитъ въ кубышечкѣ голосъ словно кузнечикъ стрекочетъ: «освободи ты меня! я тебѣ послужу.» — Кто ты, дружокъ? спросилъ Безсчастной стрѣлокъ, и слышитъ шопотъ въ отвѣтъ: «мнѣ имени нѣтъ, и меня глаза не видятъ, а кличь, если хочешь: Мурза! Чудодѣй-чародѣй посадилъ меня въ эту кубышку, и запечатавъ Соломоновымъ перстнемъ, бросилъ сюда, и лежалъ я здѣсь семьдесятъ лѣтъ, пока ты ни пришелъ.» — Хорошо, сказалъ Безсчастной стрѣлокъ, выпущу тебя на волю; посмотрю, какъ исполняешь, что̀ ты обѣщаешь. Стрѣлокъ сорвалъ печать и раскрылъ кубышку, но въ ней ничего не видалъ. «Эй, гдѣ-жъ ты, пріятель?» спросилъ Безсчастной стрѣлокъ. —Возлѣ тебя, кто-то ему отвѣчалъ. Стрѣлокъ оглянулся вокругъ, но возлѣ него нѣтъ никого! «Эй, Мурза!»—Что прикажешь? Я слуга тебѣ на три дня и все, чего хочешь, доставлю; молви только: поди туда—не знаю куда и принеси то — не знаю что! «Хорошо, сказалъ стрѣлокъ, видно ты лучше знаешь, что надобно: поди туда—не знаю куда, принеси то— не знаю что!» Лишь только молвилъ Безсчастной стрѣлокъ, какъ глядитъ — откуда ни взялся столъ на лугу, тарелки и блюды изъ травы налетѣли, всякимъ кушаньемъ по края полны, какъ-будто бы съ царскаго пира. Стрѣлокъ сѣсть за столъ спѣшилъ, голодъ утолилъ, всталъ-помолился, на обѣ стороны поклонился, и молвилъ: спасибо! Столъ исчезъ, какъ не

бывало; а стрѣлокъ свой путь продолжалъ. Дорòгою стрѣлокъ пріусталъ, а на ту пору шелъ черезъ лѣсъ плутоватой цыганъ и коня продавалъ. «Вотъ еслибы деньги, купилъ бы я лошадь, подумалъ Безсчастной стрѣлокъ; хорошо бы, когда-бъ не былъ тощъ кошелёкъ. Дай скажу пріятелю... Мурза!» —Что угодно? «Поди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что!» Не прошло минуты, какъ стрѣлокъ послышалъ брянчанье денегъ въ сумѣ своей; невидимо откуда въ нее золото сыпалось. «Спасибо на словѣ безъ обмана!» сказалъ стрѣлокъ, и сталъ торговать коня у цыгана. Купивъ коня, началъ отсчитывать деньги; а цыганъ, разинувъ ротъ, дивовался, сколько въ сумѣ у стрѣлка было золота. Отъѣхавъ отъ стрѣлка, плутоватой цыганъ зашелъ въ лѣсъ и свистнулъ. На свистъ не отвѣчали. «Видно спятъ!» подумалъ цыганъ и вошелъ въ пещеру, въ которой разбойники отдыхали, на разостланныхъ кожахъ лежали. «Что, братцы, спите? шевелитесь, встряхнитесь! крикнулъ онъ, а не то прозѣваете сокола; самъ-одинъ въ лѣсу, а сума набита золотомъ. Вставайте скорѣй!» Разбойники на коней и за стрѣлкомъ поскакали. Слышитъ топотъ Безсчастной стрѣлокъ, видитъ онъ, что скачутъ на него со всѣхъ сторонъ, и кликнулъ: «Мурза!» — Я здѣсь! услышалъ онъ возлѣ себя. «Поди туда—не знаю куда!» и вотъ смотритъ стрѣлокъ — въ лѣсу зашумѣло и на разбойниковъ что-то налетѣло изъ-за деревьевъ: одного взброситъ, другаго вскинетъ; а кто нападаетъ—никого не видать! Разбойники попадали съ коней, не могли и подняться съ земли; а стрѣлокъ дальше поѣхалъ, пѣсню напѣвая да присвистывая, изъ темнаго лѣса въ чистое поле и добрался полемъ до города.

Подъ городомъ шатры раскинуты; стоитъ въ шатрахъ дружина ратная. На вопросъ стрѣлку отвѣчали, что подъ городъ тогда подступала татарскаго хана несмѣтная сила; сватался ханъ за царевну Миловзору Прекрасную; разсердясь за отказъ,

пришелъ подъ царство съ татарами. Бывало Безсчастной стрѣлокъ на охотѣ видалъ Миловзору: царевна на статномъ конѣ скакала съ копьемъ золотымъ; колчанъ, полный стрѣлъ, за плечами блестѣлъ; а откинетъ съ лица покрывало, то солнышкомъ вешнимъ сіяла — очамъ свѣтло и душѣ тепло! Стрѣлокъ призадумался, кликнулъ: «Мурза!» и вмигъ очутился въ нарядѣ богатомъ, сукно стало бархатъ, кафтанъ облитъ златомъ, съ плеча эпанча, колпакъ — шишакомъ, съ шишака развиваются перья страуса-птицы, а прикрѣплены запонкой, въ той запонкѣ яхонты, вкругъ яхонтовъ жемчуги. И стрѣлокъ во дворецъ, стоитъ предъ царемъ и самъ вѣсть подаетъ, что пришелъ отразить силу вражескую, если царь согласится выдать за него царевну Миловзору Прекрасную. Царь удивился, отказать не рѣшился, и спросилъ незнакомца объ имени, родѣ и владѣньяхъ его. «Я называюсь Безсчастной стрѣлокъ, повелитель Мурзы невидимаго.» Царь подумалъ: не рехнулся-ль молодѐцъ, хоть и съ виду удалецъ? Но придворные видали Безсчастнаго и сказали царю, что пришлецъ незнакомый походитъ лицомъ на Безсчастнаго стрѣлка, но невѣдомо откуда дался ему кладъ. Тогда царь сказалъ стрѣлку: «слышишь, что говорятъ? Если лгалъ предо мною, то простись съ головою! Посмотрю я, какъ съ невидимкой Мурзой ты начнешь съ непріятелемъ бой.» — Царь-надёжа! стрѣлокъ отвѣчалъ, я лишь слово скажу — все готово! «Поглядимъ, молвилъ царь; если правду сказалъ, отдамъ тебѣ дочь, или голову прочь!» А стрѣлокъ себѣ гадалъ: либо панъ, либо пропалъ, и шепнулъ: «Мурза! поди туда—не знаю куда, сдѣлай то—не знаю что.» Прошло нѣсколько минутъ, ничего не было ни слышно, ни видно. Стрѣлокъ поблѣднѣлъ, гнѣвной царь повелѣлъ заковать стрѣлка въ цѣпи, какъ вдругъ раздались предъ дворцомъ и пальба и стрѣльба; царь и придворные на крыльцо побѣжали. Не четырѐ рѣки вытекали, а съ правой и съ лѣвой

руки шли полки со знаменами — строемъ, отдавали честь боемъ; все красой удивляло, войска такого и у царя не бывало. Царь не вѣрилъ глазамъ. «Нѣтъ тутъ ошибки, это полки невидимки!» молвилъ Безсчастной стрѣлокъ. — Пусть же прогонятъ враговъ, чтобъ силы противной не осталось слѣдовъ! Стрѣлокъ махнулъ платкомъ, воины налѣво кругомъ; маршъ походный заигралъ; поднялся туманъ, полки въ скачь летятъ, а очистился туманъ — какъ и не было ихъ! Позвали стрѣлка къ обѣду, въ царскую бесѣду, и распрашивалъ царь о Мурзѣ-невидимкѣ. Лишь обѣдъ начался, за второй смѣной блюдъ вѣсть пришла, что непріятель бѣжитъ, нà голову разбитъ; татары отъ города, какъ птицы отъ холода, въ страхѣ летѣли, шатры опустѣли. Царь стрѣлка благодарилъ, дочери объявилъ, что нашелъ ей жениха. Миловзора, услышавъ, смутилась, покраснѣла, въ лицѣ измѣнилась, слёзки изъ глазъ побѣжали, жемчугомъ падали, алмазомъ сверкали; стрѣлокъ самъ не свой что-то шепталъ про себя... Бросились придворные слёзки подбирать — все алмазы да жемчуги! Миловзора разсмѣялась, и руку стрѣлку подала; сама она — радость, въ глазахъ ея — ласка. Тутъ пиръ начался, и кончилась сказка.

5.

МОЛОЖАВЫЯ ЯБЛОКИ, МЕРТВАЯ И ЖИВАЯ ВОДА.

Сказка — весьма обильная варіантами (см. у Худяк., вып. II, № 41; въ сборникѣ, изданномъ Эрленвейномъ, № 28; въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» — сказку о Любимѣ-царевичѣ); она извѣстна у сербовъ (Матеріалы для изуч. народн. словесности, стр. 27—29), хорутанъ (Narodne pripovjedke Валявца, стр. 148—150), литовцевъ (въ издан. Шлейхера, стр. 26—34) и нѣмцевъ (Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 54—64

и 322—5), и имѣетъ чисто-миѳологическое значеніе. Состарѣвшійся и ослѣпнувшій царь есть символическое изображеніе зимней природы, когда все на землѣ увядаетъ, дряхлѣетъ, и солнце теряетъ свой животворящій блескъ; свѣтъ и зрѣніе и въ языкѣ и въ миѳѣ постоянно отождествлялись. Олицетворяя времена года въ живыхъ поэтическихъ образахъ, народная фантазія Весну представляла прекраснымъ юношею, а Зиму бѣловласымъ старцемъ. Чтобы возвратить царю его молодость, зрѣніе и красоту, сынъ-царевичъ долженъ добыть живой воды и моложавыхъ золотыхъ яблокъ, т. е. вызвать весну съ ея благодатными дождями, яркими золотистыми лучами солнца и со всей роскошью растительнаго царства. Живая вода и золотыя яблоки выражаютъ одну и ту-же идею; они одинаково обновляютъ дряхлаго старика, дѣлаютъ его цвѣтущимъ юношею, и даже уподобляютъ семилѣтнему ребенку; больному даютъ крѣпость и здравіе, мертвому — жизнь, безобразіе превращаютъ въ красоту, безсиліе въ богатырскую мощь (см. вып. II, стр. 196 — 199; вып. V, № 37; вып. VI, № 48, Ь, № 53 и 57; вып. VII, № 11; вып. VIII, № 25, а; въ Тысячѣ и одной ночи говорится о яблокѣ, запахъ котораго изцѣлялъ отъ всякихъ болѣзней — т. XII, стр. 29—30); они хранятся въ странѣ далекой—въ чудесномъ саду и оберегаются драконами и великанами. По одному варіанту русской сказки вокругъ этого сада лежитъ громадной змѣй, сомкнувшись кольцомъ: хвостъ и голова сошлись вмѣстѣ. И драконы, и великаны — миѳическія олицетворенія дожденосныхъ тучъ; богъ-громовержецъ иначе не представляется въ древнихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, какъ въ постоянныхъ битвахъ съ ними: Торъ сражается съ іотами и турсами, Зевсъ съ титанами, Индра съ разными демоническими существами, похитителями и сокрывателями дождевой влаги. Греческая миѳологія знаетъ знаменитой садъ Гесперидъ, въ которомъ

ростутъ золотыя яблоки, оберегаемыя стоглавымъ дракономъ; по приказанію царя Эвристея Геркулесъ долженъ былъ туда отправиться и принести рѣдкихъ плодовъ; на пути въ садъ Гесперидъ Геркулесъ встрѣчается съ великаномъ Антэемъ и борется съ нимъ. Русская былина о Михайлѣ-Потокѣ Ивановичѣ разсказываетъ, что живая вода этому богатырю была принесена лютой змѣею *изъ-подъ земли* (Пѣсни Рыбникова, ч. II, стр. 63); а словацкая сказка (Slov. pohádky, od Němcové, стр. 484; см. примѣчаніе къ V вып., № 27 и 28) — что живая и мертвая воды изливаются изъ двухъ *горъ*. Гора здѣсь означаетъ тучу, облако, а змѣй, добывающій изъ нея живую воду — молнія; подобно тому по скандинавскимъ преданіямъ богъ Одинъ *выпилъ квасиръ* (нектаръ), *сокрытый въ горѣ, пробравшись туда въ просверленную дыру въ образѣ змѣя* (Wurm). Отголосокъ этого любопытнаго преданія слышится въ норвежской сказкѣ (ч. II, № 16) о великанѣ, преслѣдующемъ добраго молодца; видитъ великанъ, что путь ему прегражденъ высокою горою и широкимъ моремъ, и призываетъ двухъ помощниковъ. Это были Bergbohrer (сверлитель горъ) и Meersauger (высасыватель морей); первый просверлилъ насквозь гору, а послѣдній вытянулъ въ это отверстіе все море, т. е. переводя миѳъ на простой языкъ: молнія буравитъ тучу и она проливается обильнымъ потокомъ дождя. Въ нашемъ простонародьи существуетъ слѣдующій разсказъ о кривой царевнѣ. Весельчакъ-*пьяница* вызвался вылѣчить ея глаза и поѣхалъ въ змѣиное царство; въ томъ царствѣ жили одни змѣи да гады. Кругомъ города лежала большая змѣя, обвившись кольцомъ, такъ что голова съ хвостомъ сходилась. Пьяница воспользовался сномъ исполинской змѣи, сдѣлалъ веревочную лѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накинулъ лѣстницу на городскую стѣну, забрался въ городъ и посреди его нашелъ *камень*, а подъ камнемъ цѣлебную мазь: стòитъ только

помазать ею глаза, какъ слѣпота тотчасъ-же проходитъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подъ мышку, сѣлъ на корабль — и въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за воромъ; плыветъ по̀ морю, а подъ ней вода словно въ котлѣ кипитъ; махнула хвостомъ и разбила корабль въ дребезги. Пьяницѣ удалось выплыть на̀ берегъ; онъ вылѣчилъ кривую царевну и получилъ щедрую награду. По другому народному сказанію змѣи лижутъ камень, и съ того бываютъ и сыты и сильны; одна дѣвица заблудилась на Воздвиженье и попалась къ змѣямъ на зимовье; цѣлую зиму питалась она единственно тѣмъ, что лизала змѣиной камень (Основа 1862 г., сентябрь, въ отдѣлѣ «зъ народн. устъ», стр. 104—5; Slov. pohádky, стр. 230—8).

Садъ съ моложавыми яблоками и ключемъ живой воды, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, находится въ дивьемъ (дѣвичьемъ) государствѣ, гдѣ царствуетъ царь-дѣвица красоты неописанной, силы непомѣрной, и тѣшится вмѣстѣ съ своимъ воинствомъ изъ храбрыхъ дѣвъ богатырскими играми и подвигами. По нѣкоторымъ варіантамъ, живая вода стоитъ у ней въ пузырькѣ подъ изголовьемъ, и тотъ пузырёкъ никогда не опорожняется — сколько не бери изъ него! а по любопытному указанію одной сказки живая, молодящая вода точится съ ея рукъ и ногъ. Могучая красавица живетъ въ золотомъ дворцѣ и напоминаетъ собою жену Одина, прекрасную Идуну, которая владѣла чудесными яблоками, надѣлявшими скандинавскихъ боговъ вѣчною молодостью: это—Wolkenfrau (см. выше стр. 496), обладательница живой, плодоносной влаги дождя, которой присвоена вся воинственная обстановка, соединяемая преданіями съ вешними грозами. Странствованіе въ обѣтованную страну царь-дѣвицы совершается на богатырскомъ конѣ, на крыльяхъ птицы-сокола, или (какъ въ сербской редакціи) прямо съ помощію вѣтра, и сопряжено съ разными трудностями; три гибельные перевоза, упоминаемые въ одномъ изъ русскихъ

варіантовъ, встрѣчаются и въ сказкахъ другихъ народовъ (Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 46—50; Narodne pripov. Валявца, стр. 156; см. также въ изд. Эрленвейна, стр. 54—55).

Глядя на чудную красоту спящей царь-дѣвицы, царевичъ не выдержалъ и подарилъ ее двумя малютками. Сказка объясняетъ этотъ своевольный поступокъ юноши въ формѣ загадки, къ которой обыкновенно прибѣгаетъ народная фантазія въ подобныхъ случаяхъ; сличи съ окончаніемъ сказки въ вып. VIII, № 12, въ сборникѣ Валявца, стр. 196, у Вольфа, стр. 216, и съ былиною о Ставрѣ-бояринѣ — въ томъ мѣстѣ, гдѣ неузнанная Ставромъ жена такъ открывается своему мужу:

Какъ ты меня не опознываешь?
А доселева мы съ тобой въ свайку игрывали, и проч.

Эти загадочныя выраженія перешли даже въ обрядъ; на свадьбахъ, въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, матери ея подаютъ стаканъ вина, внизу котораго нарочно дѣлаютъ отверстіе, и какъ скоро она берется за стаканъ, отверстіе открывается и вино утекаетъ; въ Малороссіи на мать такой невѣсты надѣваютъ хомутъ. Любопытно наивное представленіе, по которому доброй молодецъ, совершивъ грѣхъ, до того долженъ отяжелѣть, что сильной богатырской конь не въ состояніи перенести его черезъ стѣну, не зацѣпивъ ногою за протянутыя струны.

Разсказъ о томъ, какъ старшіе царевичи заѣзжаютъ къ Иринѣ-мягкой перинѣ и проваливаются съ ея постели въ глубокіе погреба, нашелъ себѣ мѣсто въ одной изъ пѣсенъ объ Ильѣ-Муромцѣ (Пѣсни Рыбникова, ч. II, стр. 320—1); а эпизодъ о томъ, какъ царевны узнаютъ своего избавителя по кольцу, брошенному въ чару съ виномъ (вып. VIII, № 4, с), встрѣчается въ былинѣ про Добрыню Никитича (Пѣсни Рыбн., ч. II, стр. 31—32; см. также вып. VIII, № 5 и Ungarische Märchen, стр. 165).

6.

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНОЙ.

Эта интересная сказка развиваетъ общеизвѣстное эпическое преданіе объ исканіи богатыремъ прекрасной невѣсты, о которой пѣли ему няньки еще въ то время, когда онъ лежалъ въ колыбели (сравни у Худ., вып. III, стр. 139). Невѣста-царевна Ненаглядная Красота живетъ въ золотомъ царствѣ, на концѣ свѣта бѣлаго, тамъ, гдѣ восходитъ ясное солнышко; она совершенно тождественна съ героинями другихъ сказокъ: съ Еленой-красою, золотой косою, съ Василисой-царевною, которая обитаетъ тамъ, гдѣ солнце изъ моря подымается, и плавая по̀ морю въ серебреной лодочкѣ, гребетъ золотымъ весломъ, и съ Марьей-Моревною (т. е. дочерью моря—вып. VII, № 12; вып. VIII, № 8). Про эту царевну часто разсказывается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: въ нѣмецкихъ сказкахъ Гальтриха (стр. 104) упоминается царевна съ золотыми косами, живущая далеко за̀ моремъ; венгерская сказка (стр. 81 — 91) говоритъ о *морской дѣвѣ*, которая выходитъ изъ глубины водъ краснаго моря; каждое утро купается она въ *молокѣ*, и тѣло ея получаетъ отъ того такую нѣжность и прелесть, какъ-будто бы она снова народилась на бѣлой свѣтъ. Изъ одного источника съ этимъ сказаніемъ создался греческой миѳъ о рожденіи Афродиты (славянской Пріи) изъ морской пѣны, и индѣйской миѳъ о рожденіи красавицы Лакшми, супруги Вишну, въ волнахъ млечнаго моря. Смотри также Slov. pohádky, стр. 100 — 112 (Mahulena *krasna* или *slata panna*, рождающая сына съ солнцемъ во лбу; красота ея такъ ослѣпительна своимъ блескомъ, что̀ на нее нельзя взглянуть сразу, а надо мало по малу пріучить очи:

иначе сомлѣешь и сгинешь!) и 627 (морская панна, дочь Morskégo krala, катающаяся по̀ морю въ золотомъ челнокѣ); Zeitschrift für Deutsche Mythologie, т. II, стр. 398; Walachische Märchen, стр. 261 («Das goldene Meermädchen») и сказку, объ Еруcланѣ Лазаревичѣ въ которой читаемъ: «есть на̀ морѣ солнечной городъ, а въ томъ городѣ царствуетъ царевна, а служащіе у нея все дѣвки». Очевидно, эта сказочная красавица есть дѣва-солнце. У славянъ и литовцевъ солнце представлялось богинею; дворецъ ея былъ на востокѣ; она ѣздила по небесному своду въ золотой колесницѣ и утружденная дневнымъ путешествіемъ, запылённая земнымъ прахомъ, купалась вечеромъ въ морѣ и поутру снова являлась ясною и свѣтлою (Журн. мин. нар. просв. 1844, апрѣль, стр. 10; Черты изъ истор. и жизни литовск. народа, стр. 68, 127—8; Повѣсти и предан. народ. славян. племени, стр. 159; Слав. миѳологія, Костомарова, стр. 29). У малоруссовъ до сихъ поръ существуетъ поговорка: сонце ся въ морѣ купае (Старосв. бандуриста, стр. 206). По греческому преданію Геліосъ, послѣ дневнаго странствованія, спускался къ западу на усталыхъ коняхъ, жаждущихъ успокоенія въ волнахъ того всесвѣтнаго океана, что̀ обтекаетъ кругомъ всю землю. Точно также древне-нѣмецкое преданіе говоритъ, что раннимъ утромъ Одинъ выводитъ солнце на небо, а ночью вмѣстѣ съ нимъ погружается въ море: тамъ онъ садится на корабль и плыветъ въ подземное царство (сличи съ примѣч. къ № 11).

Юный царевичъ добываетъ Ненаглядную Красоту, женится на ней, но во время его сна Кощей похищаетъ царевну и уноситъ далеко-далеко. Смыслъ повѣсти тотъ: солнце вступаетъ въ плодотворный бракъ съ землею, но когда наступаетъ періодъ зимняго сна природы — союзъ ихъ разрушается. Кощей играетъ въ русскихъ преданіяхъ ту-же роль похитителя кра-

савицы, что̀ и змѣй; нерѣдко они замѣняютъ другъ друга, такъ что въ одной и той-же сказкѣ въ одномъ варіантѣ дѣйствующимъ лицомъ является змѣй, а другомъ — Кощей Безсмертной. Въ польской сказкѣ (Slovanska čitanka, стр. 104) król podziemny Kościéj nieśmiertelny заступаетъ мѣсто Морскаго Царя. Змѣй и Морской Царь (въ его первоначальномъ значеніи) — дожденосная туча, помрачающая собою солнце (на поэтическомъ языкѣ: похищающая эту златокудрую дѣву). Слѣдуя этимъ указаніямъ, то-же значеніе надо приписать и Кощею; но принимая во вниманіе ту обстановку, среди которой онъ является въ сказкахъ, и происхожденіе самаго слова, — нельзя не признать за нимъ характера по преимуществу враждебнаго, демоническаго, т. е. зимняго. Имя *кощ-ей* родственно съ словомъ *кость* (переходъ звуковъ *ст* и *щ* очень обыкновененъ, наприм. рости—роща, пустой — пуща, густой—гуща и пр.); глаголъ же *окостенѣть* употребляется въ смыслѣ застыть, оцѣпенѣть, сдѣлаться твердымъ, какъ кость или камень, отъ сильной стужи. На основаніи этого лингвистическаго сродства, можно допустить, что въ его образѣ фантазія олицетворила зимнюю смерть природы— то холодное время года, когда тучи, окованныя холодомъ, какъ-бы застываютъ и не даютъ болѣе плодотворныхъ дождей, когда вслѣдствіе того земля цѣпенѣетъ и лишается всей своей производительной силы. До сихъ поръ именемъ кощея называютъ старыхъ скрягъ, дрожащихъ надъ затаенным сокровищемъ. Въ сближеніи съ этими данными надо, кажется, искать объясненія и той постоянной эпической прибавкѣ, которою характеризуется вѣщая сказочная старуха, заправляющая вихрями и вьюгами: баба-яга-*костяная* нога [1]).

[1]) Въ нѣкоторые варіанты сказки о Кощеѣ занесено преданіе объ окаменѣніи добраго молодца сначала по колѣна, потомъ до пояса и наконецъ со-

Царевичъ долженъ возвратить свою похищенную подругу, но это сопряжено съ величайшими затрудненіями; ибо смерть Кощея далеко сокрыта — въ таинственномъ яйцѣ, въ которомъ, по свидѣтельству одной нѣмецкой сказки, горитъ огонь («in dem Ei brennt ein Licht» — въ сборн. Гальтриха, стр. 189); сличи съ примѣчаніемъ къ сказкѣ про утку съ золотыми яйцами (вып. V, № 53). Послѣ долгихъ усилій царевичъ добываетъ наконецъ чудное яйцо, бросаетъ его въ лобъ Кощея — и тотъ умираетъ, т. е. сила солнечныхъ лучей, освобождаясь изъ-подъ власти зимы, согрѣваетъ холодныя тучи, и заставляя ихъ пролиться на землю дождевыми потоками, тѣмъ самымъ уничтожаетъ владычество стараго чародѣя. Оттого смерть Кощея, по сказочнымъ преданіямъ, скрывается тамъ-же, гдѣ и любовь ненаглядной красавицы; когда погибаетъ царство Кощея, или по другимъ сходнымъ сказкамъ—царство дракона и великановъ, тогда-же возвращается и любовь дѣвы-солнца къ покинутому ею юношѣ (см. вып. V, № 42; вып. VII, № 17, 25, 26; вып. I, примѣчаніе къ № 14; Народн. сказки, собран. сельск. учителями, изд. А. Эрленвейна, № 1 и стр. 56—72).

7.

ИВАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ И БѢЛОЙ ПОЛЯНИНЪ.

Съ этой сказкою сходно начало малороссійской про королеву Катерину (Малорус. литерат. сборникъ Д. Мордовцева,

всѣмъ—съ головою (вып. VIII, № 5; Худяк., вып. III, № 116; Slov. pohadky, стр. 100—112; Nar. pripov. Валявца, стр. 175—180; Walach. Märch., № 10; Kinder-und Hausmärchen, т. I, № 6, т. III, стр. 16—19; въ сборн. Вольфа, стр. 383—9; Памятн. старин. русск. литерат., вып. I, стр. 117—8; сличи съ примѣчаніемъ къ V вып., № 40).

стр. 370—3). Имя Бѣлаго Полянина встрѣчается и въ сказкѣ V-го вып., № 54. О миѳическихъ кузнецахъ, которые приготовляютъ своими молотами солдатъ для бабы-яги, смотри въ примѣчаніи къ № 4; преданіе объ этихъ кузнецахъ народная фантазія распространила на портныхъ, сапожниковъ и ткачихъ, приготовляющихъ несмѣтныя войска иглою, шиломъ и бердомъ или шпулемъ.

8.

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА.

Варіанты смотри у Худ., вып. II, № 42; въ изданіи Эрленвейна, стр. 125 — 6; въ Пермскомъ сборн., кн. II, стр. 168 — 171, и въ Собраніи старин. русскихъ сказокъ (М., 1830 г.) — объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ. Сказка объ Ивашкѣ-медвѣжьемъ ушкѣ извѣстна и въ Малороссіи (см. Русск. Бесѣду 1856 г., т. III, стр. 100, статья г. Максимовича) и у бѣлоруссовъ (см. Пантеонъ 1853 г., № 6 — «Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ», соч. Павла Шпилевскаго, который впрочемъ относился къ народнымъ сказаніямъ безъ всякаго уваженія и дозволилъ себѣ нелѣпыя прикрасы и произвольныя прибавки). Подобныя сказки существуютъ и у другихъ племенъ: Narodne pripovjedke Валявца, стр. 180—6; Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder- Lausitz, т. II, стр. 169 — 172; Slovenske pohadky, od B. Němcove, стр. 36 — 60; Walachische Märchen Шотта, № 10 («Petru Firitschell»); Litauische Märchen, Sprichworte etc. Шлейхера, стр. 128 — 140; собраніе братьевъ Гриммовъ, т. II, № 91 и 166, т. III, стр. 162— 5; Deutsche Märchen Гальтриха, № 17 («Der starke Hans»); Вѣстникъ естествен. наукъ 1854 г., стр. 378—381 (бурятская сказка о богатырѣ Убугунѣ).

Содержаніе сказки весьма любопытно; герои, дѣйствующіе въ ней, суть личности миѳическія, на что указываютъ и ихъ свойства и самыя названія: это Вечорка, Полуночка и Зорька; послѣдній родился на зорѣ и въ спискѣ, напечатанномъ въ сборн. Эрленвейна (стр. 14) названъ *Свѣтозоромъ*—имя, получающее особенную важность, если припомнимъ, что восходящее солнце постоянно уподоблялось глазу. Въ другихъ варіантахъ героевъ этихъ замѣняютъ богатыри: Дубыня, (у словаковъ—Valibuk), Горыня, Усыня и Медвѣдко. *Дубыня* вырываетъ съ корнемъ столѣтніе дубы и другія деревья, и потому называется иногда *Еленя* (отъ слова *ель*) и *Лѣсиня* (отъ слова *лѣсъ*); онъ ровняетъ лѣса: которыя деревья малы—тѣ вверхъ вытягиваетъ, которыя велики—тѣ въ землю всаживаетъ; ему вполнѣ соотвѣтствуетъ богатырь *Дугиня*, сгибающій вѣковыя деревья въ дугу. У нѣмцевъ богатырь этотъ извѣстенъ подъ именами Baumdreher и Holzkrummacher. Подобно тому, какъ Дубыня испытываетъ свои силы надъ деревьями, такъ *Горыня* показываетъ свою мощь надъ горами; онъ ворочаетъ самыя высокія горы, бросаетъ ихъ куда вздумается, катаетъ ногою словно малые шарики (см. сказку о Надзеѣ), отшибаетъ кулакомъ громадныя скалы и отъ его могучихъ ударовъ дрожитъ земля; у нѣмцевъ онъ называется Steinzerreiber и Felsenklipperer. Въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Die Herabkunft des Feuers» извѣстный миѳологъ Кунъ указываетъ на древнѣйшее представленіе тучъ, застилающихъ небесный сводъ, многовѣтвистымъ исполинскимъ деревомъ (см. примѣчаніе къ № 10); что̀ облака и тучи уподоблялись горамъ и скаламъ—это засвидѣтельствовано и языкомъ Ведъ и безчисленными преданіями, живущими у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Сказочные великаны, вырывающіе деревья и сокрушающіе горы, собственно разбиваютъ тучи; въ нихъ олицетворено явленіе грозы, съ ея потрясающимъ громомъ и молніеносными

стрѣлами; почему въ литовской редакціи Дубыня замѣненъ кузнецомъ, который владѣетъ громаднымъ мо̀лотомъ, напоминающимъ подобное-же орудіе Тора: сто̀итъ ему ударить этимъ мо̀лотомъ, какъ тотчасъ падаетъ самое крѣпкое дерево. Смыслъ этого древняго миѳа впослѣдствіи, при затемнѣніи кореннаго значенія словъ, легко могъ быть подновленъ сопоставленіемъ его съ разрушительной картиною бури, нерѣдко исторгающей цѣлые ряды деревьевъ. Перунъ, по сказанію бѣлорусовъ, разъѣзжаетъ по небу, и если увидитъ, что на землѣ творится беззаконіе, то разбиваетъ *скалы* или *малыя небеса* и такимъ образомъ низводитъ на беззаконниковъ молнію. Эдда такъ выражается о божествѣ грома: Торъ идетъ— скалы дрожатъ! (см. издан. Симрока, стр. 59). Титаны, сражавшіеся противъ Зевса, воздвигали горы на горы, желая достать до высокаго неба; но Зевсъ бросилъ на нихъ молніи, и они пали подъ обломками горъ. Страшно, говоритъ Гезіодова теогонія, гудѣли земля и безпредѣльное море, потрясенное небо стонало и Олимпъ колебался въ своихъ основаніяхъ отъ воинскихъ кликовъ и грознаго метанія стрѣлъ! Вѣрованія всѣхъ арійскихъ народовъ одинаково богаты сказаніями о борьбѣ божества грома съ великанами горъ (т. е. тучами), которые стараются задержать плодотворную влагу дождя и не допустить ея на жаждущія поля и нивы. На этомъ миѳическомъ значеніи горъ и скалъ основаны народные разсказы о томъ, будто великаны могутъ съ такою силою сжимать въ своихъ рукахъ камни, что̀ изъ нихъ вода выступаетъ. И у славянъ, и у нѣмцевъ извѣстно преданіе о превращеніи богатырей и великановъ въ горы и скалы (Deutsche Mythologie, стр. 499; Исторія русск. словесности, преимущественно древней, С. Шевырева, ч. I, стр. 203); по другому преданію, запечатленному глубокой древностью, порода великановъ отличалась необычайной суровостью: они постоянно враждовали другъ съ

другомъ и вели нескончаемыя, жестокія войны, и за эту вражду всѣ до единаго погибли въ потопѣ (Основа 1861 г., мартъ, стр. 115, статья Костомарова; Этногр. сборн., вып. V, стр. 126: о кашубахъ), т. е. въ переводѣ на простой языкъ: тучи тотчасъ-же исчезаютъ съ неба, какъ скоро изливаются на землю въ обильныхъ потокахъ дождя. Дубыня и Горыня называются иногда *Вернидубъ*, *Вернигора*, или *Вертодубъ* и *Вертогоръ* (см. вып. VI, № 57). Въ «Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славянскаго племени», изданныхъ Боричевскимъ (стр. 112—6), есть разсказъ о женѣ охотника, которая родила въ лѣсу двухъ близнецовъ и тутъ-же померла; одного мальчика вскормила львица, а другаго волчиха, и выросли изъ нихъ силачи *Вырвидубъ* и *Валигора*, побѣдители страшнаго змѣя (дракона). Валигора бросилъ на змѣя цѣлую гору и прищемилъ ему хвостъ, а Вырвидубъ размозжилъ ему голову коренастымъ дубомъ. То-же значеніе разбивателя тучъ надо приписать и богатырю Медвѣдко; все это различныя названія Перуна, опредѣляющія тѣ или другія его свойства и признаки. Медвѣдко переставляетъ съ мѣста на мѣсто высокія горы и съ-разу выпиваетъ цѣлое озеро; какъ близнецы Вырвидубъ и Валигора вскормлены львицею и волчихою, такъ онъ рождается отъ медвѣдя. Медвѣдь изстари извѣстный своею любовью къ меду, на ряду со многими другими животными попалъ въ путаницу миѳическихъ представленій, и вслѣдствіе метафорическаго уподобленія дождя — мёду (нектару) сдѣлался символомъ божества, разбивающаго тучи и высасывающаго изъ нихъ дождь. Яковъ Гриммъ въ своей Миѳологіи (стр. 633) замѣчаетъ: Biörn (bär) war ein beiname der Thörr und nach der welschen sage wurde könig Artur, als bär und gott dargestellt.» У древнихъ германцевъ медвѣдь почитался за царя животныхъ; у насъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, вмѣстѣ съ другими суевѣрными обрядами, духовенство запрещало также водить медвѣдя.

Всѣ эти богатыри борются съ длиннобородымъ карликомъ. Мужичокъ-съ ноготокъ, борода-съ локотокъ, или самъ съ пёрстъ, борода на семь верстъ, — тоже самое, что̀ мальчикъ-съ пальчикъ (см. примѣчаніе къ V вып., № 21; вып. I, № 5; вып. V, № 27, 37, 54; вып. VIII, № 3; Матеріалы для изуч. нар. словесн. — сербскія сказки, стр. 23—24). У другихъ славянъ онъ называется: Pedenjčlovek-laketbrada (у хорутанъ), Педячовѣкъ-лакжтъбрада (Памятн. нар. быта болгаръ, кн. I, стр. 166); у литовцевъ извѣстны «парстуки»: парстукъ—человѣчекъ не болѣе ступни, но съ бородою въ сажень; у нѣмцевъ — Daumesdick, Daumerling, т. е. карликъ величиною съ большой палецъ. Это миѳическое существо принадлежитъ къ древнѣйшимъ и всеобщимъ вѣрованіямъ арійскихъ народовъ. У индѣйцевъ оно почиталось одареннымъ высшею мудростью (см. Матеріалы для сравнит. словаря, т. II, стр. 535). Въ Тысячѣ и одной ночи встрѣчается человѣчекъ въ полтора фута вышины, съ бородою въ тридцать футовъ, большими усами, и съ желѣзною палкою въ рукѣ, ударъ которой неотразимъ и смертеленъ (т. XII, стр. 135—143). Мальчикъ-съ пальчикъ есть олицетворенная молнія, а его длинная борода—туча. Бѣлорусское преданіе говоритъ, что Перуну подвластны тгарцукѝ — горные духи, которые живутъ въ горахъ (т. е. тучахъ) и подобны маленькимъ дѣтямъ; когда они играя устремляются въ запуски, то отъ ихъ быстраго бѣга подымается вихрь и начинаетъ крутить песокъ, а когда несутся по воздуху, то полётъ ихъ производитъ вѣтры и непогоду (Журн. мин. нар. просвѣщ., Прибавленія 1841 г., кн. IV, стр. 87—88). Эдда разсказываетъ, что Торъ, поджигая своимъ мо̀лотомъ (Miöllnir) погребальный костёръ Бальдура, спихнулъ въ огонь карлика, который вертѣлся у него подъ ногами (издан. Симрока, стр. 281). Мгновенно-блещущая и быстро-исчезающая молнія относительно черныхъ тучъ, обнимаю-

щихъ все безпредѣльное небо, казалась малюткою въ нѣдрахъ великана и была уподоблена пальцу на его рукѣ. Оттого «громовыя стрѣлки» (сосульки, образующіяся въ пескахъ отъ удара молніи и сварки песку, и окаменѣлости — белемниты) у нѣмцевъ называются Donnerkeil, Donneräxte, Donnerhämmer и Teufelsfinger (Deutsche Mythologie Гримма, стр. 163—4); послѣднее названіе (*чортовы пальцы*) извѣстно и между нашимъ простонародьемъ. Въ одной русской сказкѣ (вып. VII, № 3) змѣй (драконъ=громовая туча) надѣленъ *огненнымъ пальцемъ*, силою котораго онъ приживляетъ отрубленныя свои головы къ туловищу; въ другомъ разрядѣ сказокъ (вып. V, № 9) Иванко Медвѣдко (или батракъ Балда; слово *балда* означаетъ: *большой молотъ, дубинка, палица*) убиваетъ *щелчкомъ* быка и медвѣдя; сравни въ Deutsche Hausmärchen Вольфа—стр. 269, гдѣ сказочный герой убиваетъ тремя пальцами горнаго великана. Богатырь Покатигорошекъ, въ своемъ состязаніи съ змѣемъ, ударилъ *мизинцемъ* по колодѣ въ четыре сажени толщины и въ двѣнадцать длины, и разбилъ ее въ мелкія щепы. По любопытному сказанію Эдды, Торъ провелъ однажды цѣлую ночь въ *мизинцѣ* перчатки гиганта, и потомъ выйдя изъ этой темной спальни, ударилъ его въ голову своимъ страшнымъ мòлотомъ; но великанъ даже не тронулся: «кажись, древесной листъ упалъ мнѣ на волосы!» сказалъ онъ. Подобно тому въ русской былинѣ Илья-Муромецъ (смѣшиваемый въ народныхъ преданіяхъ съ Ильею-пророкомъ, на котораго перенесены всѣ аттрибуты Перуна) очутился въ глубокомъ карманѣ великана Святогора; Святогоръ (гора=туча) былъ такъ громаденъ, что головой своей упирался въ облака. Представленіе это не чуждо и финской Калевалѣ: могучій Вейнемейненъ былъ проглоченъ великаномъ Випуненомъ, и неожиданно очутившись въ его желудкѣ, словно въ мрачной и просторной тюрьмѣ, онъ развелъ тамъ огонь, изъ рукавовъ своей одежды сдѣлалъ мѣха и на-

чалъ ковать своей булавою; стучитъ, гремитъ, пламя раздуваетъ, дымъ валитъ столбомъ вверхъ, искры такъ и сыплются во всѣ стороны. Не стало великану покоя ни днемъ, ни ночью, и чтобы заставить хитраго кузнеца выйдти вонъ, онъ долженъ былъ передать ему всю свою мудрость. Сличи съ разсказомъ о пребываніи мальчика-съ пальчикъ въ брюхѣ сѣраго волка (волкъ — зооморфическій образъ тучи; см. Зоомор. божества у славянъ, въ Отеч. Зап. 1852 г., № 3).

Темныя тучи, покрывающія небо, на древнемъ метафорическомъ языкѣ уподоблялись всклокоченнымъ, кудрявымъ волосамъ, а самый небесный сводъ черепу головы. Индѣйскій миѳъ утверждаетъ, что небо создано изъ черепа Брамы, а по скандинавскому преданію оно произошло изъ черепа великана Имера. Безоблачное, ясное небо до сихъ поръ удерживаетъ у сибирскихъ шамановъ знаменательный эпитетъ *лысаго*; при жертвоприношеніяхъ они обращаются къ небу съ такою мольбою: «Отецъ лысое Небо! Младшій сынъ плѣшиваго неба! сдѣлайте, чтобъ N (имрекъ) былъ богатъ скотомъ, былъ счастливъ въ промыслахъ и имѣлъ бы большую семью» (Журн. мин. нар. просв. 1846 г., Прибавленія, кн. II, стр. 55—56). Припомнимъ обиходныя выраженія: «плѣшь просвѣчиваетъ, лысина свѣтитъ» и народную загадку о мѣсяцѣ: «лысой жеребецъ (или волъ) черезъ прясла глядитъ», т. е. мѣсяцъ, не затемненный облаками, свѣтитъ на дворъ. Какъ обломокъ древнихъ миѳическихъ понятій, въ нашемъ народѣ уцѣлѣли названія: *лысый бѣсъ* и *лысая гора*, на которую, какъ извѣстно, слетаются вѣдьмы творить свои чары. У южныхъ славянъ человѣкъ съ сросшимися бровями называется *волчьимъ* глазомъ (Отеч. Зап. 1853 г., № 8, иностр. литер. стр. 86); въ нашемъ языкѣ нахмуренныя очи сближаются съ небесными свѣтилами, помраченными наплывомъ тучъ: сравни слова *хмуриться*, *хмура* и *хмара* — туча. Зевсу стóитъ только кивнуть

своими черными бровями, какъ весь Олимпъ (т. е. небо; тоже значеніе, конечно, соединяется и съ нашею лысою горою— см. въ Извѣстіяхъ Акад. наукъ статью «Нѣсколько словъ о миѳической связи языка и повѣрій») потрясается; когда Донаръ гнѣвается, онъ по нѣмецкимъ сказаніямъ потрясаетъ своею красною бородою и чрезъ то производитъ въ облакахъ громъ (Deut. Mythol. Я. Гримма, стр. 161—2; Zeitschrift für Deut. Mythol., т. II, стр. 184—6: «Der wilde Mann»). Тотъ-же миѳической смыслъ, какой приданъ бородѣ и бровямъ, распространенъ былъ и на усы; народная фантазія создала особеннаго богатыря *Усыню* и надѣлила его такими огромными усами, что онъ легко можетъ запрудить ими рѣку; по его длинному усу переправляются витязи на другой берегъ, какъ по̀ мосту. Богатырь этотъ нерѣдко сливается съ длиннобородымъ карликомъ въ одно существо: самъ съ пёрстъ, усы на семь верстъ, или Усыня-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, усы по землѣ тащатся, крылья на версту лежатъ (вып. VIII, № 9 и сказки Худяк.); крылья сопровождаютъ почти всѣ метафорическія изображенія тучъ, для обозначенія быстроты ихъ полета [1]).

Въ Калевалѣ есть разсказъ, что на свадьбу божественнаго ковача Ильмаринена, который выковалъ и небесный сводъ, и луну, и солнце, достали столь огромнаго *быка*, что ласточкѣ нужно было употребить на пролетъ между его рогами цѣлой день. Никто не брался заколоть это чудное животное, въ образѣ котораго финская поэма, согласно съ яркими, очевидными свидѣтельствами Ведъ, олицетворила дождевое облако; но явился изъ моря крошечный человѣчекъ, ростомъ съ большой палецъ, съ бородой по колѣна, волосами по пятки, съ

[1]) Дымъ, застилающій небо, въ народной загадкѣ уподобляется кудрявымъ волосамъ: «мати гладуха, дочка красуха, сынъ кучерявый» (т. е. печь, огонь и дымъ).

каменной шапкой на головѣ, и зарѣзалъ быка золотымъ ножомъ, наполнивъ мясомъ его сто ушатовъ, жиромъ шесть бочекъ и кровью семь лодокъ. По нѣмецкимъ и славянскимъ преданіямъ карлики поражаютъ змѣевъ (драконовъ—см. Norweg. Märchen, ч. I, № 24), знаютъ, гдѣ хранится живая вода, обладаютъ ковромъ-самолётомъ (см. Боричевскаго Повѣсти и пред. нар. славян. плем., стр. 112—6) и несмѣтными сокровищами, обитаютъ въ горахъ и являются то искусными кузнецами, то рудокопами, добывающими серебро и золото; такимъ образомъ народныя повѣрья роднятъ ихъ и съ кузнецами-великанами, приготовлявшими Зевсу молніи, и съ дракономъ, покоившимся на золотомъ ложѣ и хранившимъ драгоцѣнные клады.

Преслѣдуемый сильными богатырями, мужичокъ-съ ноготокъ уходитъ подъ камень (скрывается въ тучи), и чтобы добраться до него, надо спуститься въ мрачныя подземелья. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ сказки, вмѣсто этого бородатаго карлика, выводится баба-яга[1]); приподымая огромный камень, она пріѣзжаетъ на ступѣ и поражаетъ богатырей своимъ страшнымъ толкачомъ. Баба-яга, въ качествѣ мудрой и могучей вѣдьмы, свободно распоряжается естественными силами природы и совсѣмъ сливается съ ними; ея быстрые полёты, обладаніе волшебными конями и заметаніе слѣда помеломъ указываютъ на вихри и мятели, толкачъ и ступа — на тотъ миѳической жорновъ, на которомъ разъѣзжалъ Перунъ [2]). По бѣлорусскому повѣрью «горные духи» возятъ на себѣ громовой жорновъ, на которомъ возсѣдаетъ Перунъ съ огненнымъ лу̀комъ въ рукахъ. Одинаковое впечатлѣніе, производимое гро-

[1]) Въ словацкой сказкѣ оба эти лица смѣшиваются, и Ježibaba называется Loktibrada. — [2]) Въ первоначальномъ быту глубочайшей древности зёрна толклись, а не мололись; ручной жорновъ замѣнилъ ступу, и въ свою очередь долженъ былъ уступить мельницѣ.

хотомъ грома, стукомъ кузнечныхъ мòлотовъ, мельничныхъ жернововъ и молотильныхъ цѣповъ сблизило между собою эти различныя понятія и породило цѣлый рядъ баснословныхъ сказаній; сравни слова: *тiölnir*, *молнія*, *мòлотъ*, *молòть* и *молотùть* (въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи Калачова—статья о миѳич. связи понятій свѣта, зрѣнія etc., стр. 17). Толкачъ или клюка бабы-яги точно также побиваетъ недруговъ, какъ и Перунова палица; въ словацкой же сказкѣ Валибукъ и его товарищи побиваютъ (молотятъ) змѣевъ желѣзными цѣпами.

Сдѣланные нами выводы о значеніи миѳическихъ лицъ, дѣйствующихъ въ настоящей русской сказкѣ, подтверждаются однимъ изъ наиболѣе интересныхъ литовскихъ разсказовъ, который развиваетъ то-же самое содержаніе и съ сходными подробностями, но вмѣсто Дубыни, Горыни и бабы-яги выводитъ *Перуна*, *дьявола* (обыкновенная замѣна дракона или змѣя) и *Лауму*. Когда-то вздумалъ странствовать по свѣту молодой плотникъ; на дорогѣ присоединились къ нему Перунъ и дьяволъ, и пошли всѣ вмѣстѣ. Перунъ и дьяволъ добывали припасы, а мужикъ варилъ и жарилъ; жили они, словно кочующіе дикари, пока ни вздумалось плотнику построить избу. При помощи своихъ товарищей, которые притащили всѣ нужные матеріалы онъ построилъ красивую избушку; потомъ сдѣлалъ соху, запрёгъ въ нее Перуна и дьявола и вспахалъ поле; смастерилъ борону и на тѣхъ-же могучихъ товарищахъ взборонилъ пашню и посѣялъ рѣпу. Дѣйствіе слѣдовательно происходитъ во время той сѣдой древности, когда человѣкъ только что начиналъ привыкать къ осѣдлой земледѣльческой жизни. И повадился къ нимъ ходить по ночамъ воръ и таскать рѣпу. Надо было караулъ держать. На первую ночь досталось стеречь дьяволу. Вотъ пріѣзжаетъ на тележкѣ воръ и началъ таскать рѣпу; дьяволъ бросился было ловить, но

воръ такъ избилъ его, что еле живаго оставилъ, а самъ ускакалъ. Воротившись домой, дьяволъ скрылъ отъ товарищей свою неудачу. На другую ночь пошелъ караулить Перунъ, и съ нимъ тоже случилося; умолчалъ и онъ о своемъ срамѣ. На третью ночь отправился караулъ держать плотникъ и захватилъ съ собой скрипку; сѣлъ подъ дерево и сталъ наигрывать. Вотъ слышитъ онъ — ѣдетъ кто-то по̀ полю, кнутомъ похлопываетъ, а самъ приговариваетъ: «пичъ-пачъ! живѣй желѣзная тележка, проволочной кнутъ!» Мужикъ продолжалъ пилить на скрипкѣ, думая тѣмъ напугать вора; но вору понравилась музыка. Онъ остановился, началъ прислушиваться: это была дикая, злая Лаума, которая жила въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ поселились Перунъ, дьяволъ и плотникъ Она была такъ сильна, что никто не могъ съ нею сладить. Плѣнясь музыкою, Лаума подошла къ мужику и просила, чтобы онъ далъ ей поиграть на скрипкѣ. Мужикъ подалъ скрипку, но сколько она ни прилагала усилій, музыка ей не давалась. Тогда стала она просить плотника, чтобы научилъ ее играть на скрипкѣ. Мужикъ замѣтилъ, что для этого нужны пальцы такіе-же тонкіе, какъ у него, и потому надо ея пальцы немного сжать. Лаума согласилась. Мужикъ сдѣлалъ трещину въ толстомъ пнѣ, забилъ туда клинъ, и велѣлъ Лаумѣ всунуть въ эту трещину свои пальцы; какъ скоро она это сдѣлала, онъ вытащилъ клинъ и защемилъ ей пальцы. Потомъ взялъ проволочной кнутъ и больно отстегалъ ее. Вырвавшись наконецъ изъ западни, Лаума бросилась бѣжать, покинувъ и свою тележку, и свой кнутъ. Наутро плотникъ вдоволь насмѣялся надъ своими товарищами, что они не съумѣли устеречь рѣпы и позволили прибить себя старой бабѣ. Тогда-то не шутя стали побаиваться его и Перунъ и дьяволъ, почитая за великаго силача. Наконецъ вздумали они разойдтись и порѣшили оставить избу за тѣмъ, кто ничего не испугается.

Двое должны были оставаться въ избушкѣ, а третій пугалъ. Первая очередь пугать досталася чорту. Онъ поднялъ такой вихрь и шумъ, что Перунъ отъ страха убѣжалъ въ окно; но плотникъ спокойно сидѣлъ и читалъ молитвы. Вторая очередь была за Перуномъ; онъ такъ сильно разразился громомъ и молніей, чтò дьяволъ въ ужасѣ бросился изъ окна. Онъ уже давно не довѣрялъ Перуну и боялся, чтобы тотъ ни поразилъ его громовой стрѣлою; дьяволу хорошо было извѣстно, что Перунъ побиваетъ всѣхъ чертей, сколько ни рыщетъ ихъ по бѣлу свѣту. Это мѣсто литовской сказки прямо указываетъ, что подъ дьяволомъ скрывается здѣсь древній великанъ-туча. Плотникъ безбоязненно продолжалъ читать свой молитвенникъ. Когда очередь пугать дошла до него, онъ сѣлъ на тележку, покинутую Лаумой, взялъ въ руки ея кнутъ, поѣхалъ къ избушкѣ и запѣлъ, подражая Лаумѣ: «пичъ-пачъ! живѣй желѣзная тележка, проволочной кнутъ!» Перунъ и дьяволъ такъ струсили, что совсѣмъ убѣжали, оставивъ плотника хозяиномъ избы (Litauische Märchen Шлейхера, стр. 141—5). Сказка эта указываетъ на сродство Лаумы съ нашею бабой-ягою; она такая-же старая и злая баба, проживающая въ лѣсу; ея страшной кнутъ и сама собой ѣдущая желѣзная тележка вполнѣ отвѣчаютъ толкачу и ступѣ бабы-яги. Близкая связь Лаумы съ явленіемъ грозы очевидна изъ названія громовой стрѣлки—*сосцомъ Лаумы* (Láumes pápas).

9.

ТРИ ЦАРСТВА: МѢДНОЕ, СЕРЕБРЕНОЕ И ЗОЛОТОЕ.

См. варіанты у Худяк., вып. I, № 2, вып. II, № 43; вып. III, № 82; въ сборникѣ сказокъ Эрленвейна, № 4 и 41; въ Матер. для изучен. нар. словесности, стр. 101 — 118

(финскія сказки).—Смыслъ сказки таковъ: царица Настасья-золотая коса, жена Бѣла Бѣлянина (олицетвореніе солнца; о значеніи золотыхъ волосъ см. въ примѣчаніи къ № 10) похищена вихремъ или змѣемъ (иногда чернымъ вѣрономъ, этимъ разносителемъ живой воды, въ образѣ котораго народный эпосъ воплотилъ быстронесущуюся тучу) и унесена въ подземный край или въ *горы*, т. е. выражаясь обыкновеннымъ языкомъ: дневное свѣтило затемнено, скрыто тучами. Богатырь-царевичъ ѣдетъ освобождать красавицу, спускается въ земныя пещеры или взбирается на крутыя горы и сражается тамъ съ страшными, многоглавыми змѣями, сила которыхъ зависитъ отъ количества выпиваемой ими живой, богатырской воды (дождя). Царевичъ самъ поглощаетъ эту воду и убиваетъ змѣевъ, обитающихъ въ царствахъ мѣдномъ, серебреномъ, золотомъ и алмазномъ (жемчужномъ). Царства эти (или города, дворцы) встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ сказкахъ (вып. V, № 23, b; вып. VI, № 48, с; вып. VII, № 8; Памятники старин. русск. литературы, вып. III, стр. 139: «идѣже еста два града—единъ желѣзенъ, а другій мѣдянъ, да за тѣми градома рай божій»); припомнимъ, что въ гимнахъ Ригъ-веды тучи и облака обыкновенно называются *городами* и *крѣпостями*, стѣны которыхъ разрушаетъ могучій Индра. Эпитеты: мѣдной, серебреной, золотой и алмазной объясняются тѣми яркими, блестящими красками, которыми солнце съ такимъ великолѣпіемъ разсвѣчиваетъ облака, особенно при своемъ восходѣ и закатѣ; отсюда возникли многочисленныя и общераспространенныя преданія, приписывающія драконамъ добываніе металловъ и храненіе несмѣтныхъ сокровищъ. Объ алмазномъ дворцѣ русская сказка говоритъ, что онъ вертится словно мельница и что изъ него видна вся вселенная. Въ хорутанской сказкѣ (стр. 128—130) читаемъ: «i dojde do jednoga grada kufrnoga (мѣднаго), koj se je zmi-

rom na srakini nogi vrtel»; то-же выраженіе стоитъ и при описаніи городовъ золотаго и серебренаго, что прямо отождествляетъ ихъ съ вертящеюся избушкою бабы-яги измѣя (см. вып. II, № 30 и сказку о Василисѣ-золотой косѣ). Въ словацкой сказкѣ (Slov. čitanka, стр. 49—54; Slov. pohád., стр. 143—160, 338—369) герой приходитъ въ зàмки оловяной, серебреной и золотой и встрѣчаетъ въ каждомъ по бабѣ-ягѣ (Ježibaba), съ длинною палицею въ рукахъ оловяною, серебреною и золотою; три сына этихъ вѣдьмъ тождественны съ нашими змѣями. — Доброй мòлодецъ, избавитель красавицы, есть никто иной, какъ древній богъ-громовникъ (въ одномъ варіантѣ сказки, являясь подъ именемъ Ивана Затрубника, онъ подвигами своими напоминаетъ богатыря Дубыню), и въ битвахъ его съ драконами народный эпосъ живописуетъ удары молніи, разбивающей тучи и освобождающей изъ-за ихъ мрачныхъ затворовъ красное солнце.

10.

НЕЗНАЙКО.

Сличи съ началомъ сказки, напечатанной въ VIII вып., № 13, и смотри варіанты: у Худяк., вып. I, № 4; въ сборникѣ Бронницына—сказку о Иванѣ-Кручинѣ, купеческомъ сынѣ, стр. 61—85; въ Московск. городскомъ листкѣ, № 153—155—сказку, записанную со словъ въ курской губерніи г. Билевичемъ [1]), и наконецъ извѣстную въ лубочномъ изданіи «Сказку объ Иванѣ-богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ», которую приводимъ здѣсь вполнѣ:

[1]) Здѣсь выведенъ богатырской конь, который если заржетъ—то все царство оглохнетъ, степи задрожатъ и болота пойдутъ ходенемъ; съ помощію этого коня Незнайко въ нѣсколько часовъ добылъ изъ далёкихъ странъ множество всякихъ рѣдкихъ деревьевъ и насадилъ чудесной садъ.

Въ нѣкоей деревнѣ былъ крестьянинъ невесьма богатой, и тотъ крестьянинъ жилъ со своею женою три года, а дѣтища у нихъ не было. На четвертое лѣто жена его понесла и родила сына, котораго назвали Иваномъ. Когда Ивану минуло пять лѣтъ, а ходить онъ не могъ, потому что былъ сидень, то отецъ его и мать стали кручиниться и просили Бога, чтобъ далъ сыну ихъ здоровыя ноги; однако сколько они ни молилися, а сынъ ихъ не могъ ходить и сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ и три года. Въ нѣкое же время пошелъ крестьянинъ со своею женою къ обѣднѣ, и въ то-же время подошелъ подъ окно ихъ избы нищій и сталъ у Ивана-крестьянскаго сына просить милостину. Иванъ-крестьянской сынъ на то ему сказалъ: «я бы подалъ милостину, да встать съ мѣста не могу.» Тогда ему нищій молвилъ: «встань и сотвори мнѣ милостину; ноги твои здоровы и исцѣлены.» Иванъ-крестьянской сынъ тотчасъ всталъ съ мѣста и несказанно обрадовался, что ноги его совсѣмъ стали здоровы и невредимы. Онъ кликнулъ нищаго въ избу и накормилъ. Тогда нищій попросилъ у него пива напиться, а Иванъ тотчасъ пива принёсъ; однако нищій пива не пилъ, а велѣлъ ему всю ендову выпить, и онъ въ томъ не отрекся и выпилъ. Тогда нищій спросилъ: «что, Ивашка, много ли ты теперь въ себѣ силы чувствуешь?» —Много, отвѣчалъ ему Иванъ. «Прости же теперь», молвилъ нищій, и проговоря сіи слова—сталъ невидимъ, а Иванъ остался въ великомъ удивленіи [1]).

Вскорѣ послѣ того пришелъ его отецъ съ матерью, и увидя сына своего здрава всѣмъ, весьма удивились и стали его спрашивать, какъ онъ исцѣлился отъ болѣзни. Тогда Иванъ пересказалъ обо всемъ ясно, и старики подумали, что приходилъ къ нему не нищій, а нѣкій святой человѣкъ исцѣлилъ

[1]) Сличи въ Рус. нар. сказкахъ, собр. Сахаровымъ, стр. 65—67.

его отъ скорби, и начали пировать. А Иванъ пошелъ силу испытывать; вышедши въ огородъ, онъ взялъ въ руки колъ, воткнулъ по срединѣ огорода и повернулъ его такъ сильно, что вся деревня съ коломъ повернулась.

Послѣ вошелъ онъ въ избу и началъ съ стариками своими прощаться и просить у нихъ благословенія. Старики стали плакать горькими слезами и просили его, чтобъ онъ пожилъ у нихъ хотя малое время; но Иванъ, не смотря на ихъ слезы, сказалъ: «ежели вы меня не отпустите, то я и такъ отъ васъ уйду.» Тогда старики его благословили. И сталъ Иванъ-крестьянской сынъ молиться, на всѣ четыре стороны кланяется, съ отцемъ и съ матерью прощается; и сошелъ съ своего двора, повернулъ на правую сторону, пошелъ— куда глаза глядятъ, И шелъ онъ ровно десять сутокъ, и пришелъ въ нѣкое государство. И лишь только что вошелъ въ него, то поднялся вдругъ крикъ и гамъ великой, отъ чего царь смутился и вельми бысть ужасенъ, и велѣлъ кличъ кликать: ежели кто уйметъ тотъ крикъ и гамъ, тому отдастъ онъ дочь свою въ супруги и половину своего государства въ приданое за нею. Иванушка, услыша о томъ кличѣ, пошелъ на царской дворъ, и пришедши туда, велѣлъ о себѣ доложить царю, что онъ хочетъ унять тотъ крикъ и гамъ. Привратникъ, услыша отъ него тѣ слова, пошелъ къ царю и сказалъ ему о слышанномъ. Царь повелѣлъ тотчасъ призвать предъ себя Ивана-крестьянскаго сына; и какъ онъ къ нему пришелъ, то царь ему говорилъ: «другъ мой! правда ли то, чѣмъ ты хвалился превратнику?» —Точно я тѣмъ хвалился, молвилъ ему Иванъ-крестьянской сынъ; и за то ничего больше отъ тебя не потребую, только отдай мнѣ этотъ шумъ и гамъ. Тогда царь сказалъ ему, разсмѣявшись: «пожалуй, возьми, когда тебѣ надобно.» Иванъ-крестьянской сынъ поклонился царю и пошелъ отъ него, пришелъ къ привратнику и потребовалъ сто человѣкъ рабочихъ людей; привратникъ далъ ему работниковъ.

Тогда Иванъ-крестьянской сынъ привелъ ихъ предъ царской домъ и велѣлъ рыть землю. Работники, рывши землю, увидѣли желѣзную дверь съ мѣднымъ кольцомъ. И ту дверь Иванъ-крестьянской сынъ одною рукою отломилъ и оттуда выбросилъ, и увидѣлъ тамъ добраго коня богатырскаго со всею збруею и доспѣхами богатырскими. Конь увидѣлъ по себѣ сѣдока, палъ предъ нимъ на колѣни и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: «охъ, ты гой еси доброй мо̀лодецъ, Иванъ-крестьянской сынъ! засаженъ я здѣсь сильнымъ и храбрымъ богатыремъ Лукоперомъ и сижу здѣсь лѣты несмѣтныя, и ждалъ сюда тебя ровно тридцать лѣтъ и три года, и насилу дождался. Садись на меня и поѣзжай — куда тебѣ надобно; я служить тебѣ буду вѣрой и правдою, какъ служилъ Лукоперу-сильному богатырю.» Тогда Иванъ-крестьянской сынъ сѣдлаетъ того добраго коня, надѣваетъ на него уздечку тесмённую, накладываетъ сѣделичко черкасское и подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шолку шемаханскаго; садится на добраго коня и бьетъ его по крутымъ бедрамъ, и тотъ конь осержается, отъ земли подымается выше лѣса стоячаго, что̀ пониже облака ходячаго, долы и горы между ногъ пускаетъ, великія рѣки хвостомъ устилаетъ, изъ ушей своихъ выпускаетъ густой дымъ, а изъ ноздрей кидаетъ пламя великое.

И тогда Иванъ-крестьянской сынъ попалъ въ незнакомую сторонушку, и ѣхалъ онъ ровно тридцать дней и тридцать ночей и пріѣхалъ въ китайское государство; слѣзъ съ своего добраго коня и пустилъ его въ чистое поле гулять, а самъ пошелъ въ городъ, купилъ себѣ пузырь и надѣлъ на̀ голову, и ходитъ около царскаго двора. И спрашиваютъ его, откуда онъ пришелъ, и какого рода человѣкъ, и чьего отца и матери сынъ? А Иванъ-крестьянской сынъ на всѣ ихъ вопросы отвѣчалъ только: «не знаю.» Тогда всѣ почли его дуракомъ и сказали о немъ царю китайскому. И царь велѣлъ

его къ себѣ привесть и сталъ его спрашивать: кто онъ, и откуда пришелъ, и какъ его зовутъ? Однако и царю отвѣчалъ: «не знаю.» Тогда царь повелѣлъ его согнать со двора; но прилучился на ту пору царской садовникъ и сталъ просить царя, чтобъ того дурака ему отдалъ для садовой работы, и царь ему въ томъ не отказалъ. Садовникъ взялъ его и повелъ въ царской садъ и сталъ ему приказывать, чтобы онъ садъ чистилъ, и отдавши ему такой приказъ, ушелъ отъ него. Иванъ-крестьянской сынъ лёгъ подъ древо и уснулъ малое время, а послѣ всталъ ночью и началъ деревья ломать въ саду, и переломалъ всѣ до единаго. Поутру пришелъ въ садъ садовникъ, испугался крайне и сталъ Ивана-крестьянскаго сына бранить и журить и спрашивать: кто переломалъ деревья? А онъ ему отвѣчалъ на то только: «не знаю.» Садовникъ боялся о томъ царю сказать, дабы тѣмъ не прогнѣвать его; однако царская дочь усмотрѣла то изъ окна своего и подивилась тому нимало, спрашивала садовника: кто переломалъ въ саду деревья? Садовникъ ей на то отвѣчалъ, что Незнайко всѣ дорогія деревья исковеркалъ; просилъ царевну, чтобъ не сказывала отцу своему, и обѣщался садъ развести лучше прежняго въ скоромъ времени. На другую ночь Незнайко не спалъ нимало, а все носилъ изъ колодца воду и поливалъ тѣ ломанныя деревья — и къ утру тѣ деревья стали выростать, и какъ скоро взошло солнышко, то распустилися они и выросли еще лучше прежняго. Садовникъ пришелъ въ садъ, подивился тому нимало, и уже не хотѣлъ спрашивать Незнайку —затѣмъ, что отъ него никогда не могъ добиться толку. Царевна же, проснувшись и вставъ отъ ложа своего, увидѣла въ окно садъ свой въ наилучшемъ противъ прежняго порядкѣ, почему и велѣла опять призвать садовника и спрашивала его: какимъ образомъ садъ исправленъ въ такое малое время? Садовникъ ей отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ о томъ не знаетъ,

отчего такъ скоро исправленъ; почему царевна познала великую мудрость въ Незнайкѣ, и съ тѣхъ поръ стала его любить паче самой себя и посылала ему ѣствы всегда съ своего стола.

У царя китайскаго было три дщери, прекрасныя собою: большая называлась Дуазою, средняя Сіасою, а меньшая, которая полюбила Ивана-крестьянскаго сына, называлась Лаотою. Царь призвалъ тогда всѣхъ дочерей и говорилъ имъ: «вселюбезнѣйшія мои дщери, прекрасныя царевны! уже приспѣло время вамъ сочетаться брачнымъ союзомъ, и для того я васъ велѣлъ призвать предъ себя, дабы о томъ сказать вамъ. И вы избирайте себѣ въ женихи царевичей или королевичей, кто вамъ по мысли.» Двѣ большія выбрали себѣ по жениху царевичей, а меньшая стала просить своего родителя со слезами, чтобы отдалъ ее замужъ за Незнайку. Царь изумился, услыша о томъ отъ своей дочери, и сказалъ: «никакъ ты, дочь, въ умѣ помѣшалась, что хочешь выйдти за Незнайку-дурака, который и говорить не умѣетъ!»—Пусть онъ дуракъ, отвѣчала она ему, однако я прошу васъ государя моего родителя, чтобы выдать меня за него. «Если такъ хочешь, сказалъ ей царь съ великимъ огорченіемъ, то пожалуй — ступай за него замужъ.»

Вскорѣ повелѣно было отъ царя послать къ тѣмъ царевичамъ, коихъ двѣ царевны выбрали себѣ въ женихи, указы, дабы пріѣхали они въ Китай для сочетанія съ его дочерьми бракомъ. Какъ скоро получили они тѣ указы, тотчасъ съ великою поспѣшностью прибыли въ Китай; а по прибытіи туда, и сочетались бракомъ съ царевнами; также и царевна Лаота съ Иваномъ-крестьянскимъ сыномъ. Большія ея сестры смѣялись, что меньшая сестра выбрала себѣ мужа дурака.

По нѣкоемъ времени подступила подъ Китай-градъ сила великая и требовалъ Полканъ отъ царя любезную его дочь

прекрасную Лаоту себѣ въ замужество съ великими угрозами и съ наказомъ: ежели не отдастъ дочь свою ему въ супруги, то государство его огнемъ пожжетъ, а войско мечемъ посѣчетъ, а царя и съ царицею засадитъ въ темницу, а дочь ихъ возьметъ неволею.[1]) Царь, услыша такія угрозы отъ Полкана-богатыря, весьма испугался и велѣлъ собрать все свое войско. И какъ оное было собрано, то и вышло противъ Полкана-богатыря подъ начальствомъ царевичей, и начали два войска сражаться, какъ двѣ тучи грозныя, и Полканъ-богатырь побивалъ войско китайское. Въ то время пришла царев-

[1]) Полканъ тоже, что кентавръ: на половину человѣкъ, на половину конь; въ наши народныя преданія онъ зашелъ путемъ книжнымъ, и встрѣчается въ сказкахъ, отзывающихся сочиненіемъ или заимствованныхъ изчужи (таковы сказки о Бовѣ-королевичѣ и Добрынѣ); самое названіе Полканъ есть передѣлка итальянскаго Pulicane (Пыпина: Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей, стр. 247). Въ настоящей сказкѣ Полканъ является вмѣсто змѣя, и подмѣна эта конечно сдѣлана тѣмъ грамотникомъ, изъ рукъ котораго выходили лубочные листки.

на къ своему мужу Ивану-крестьянскому сыну и говорила ему: «вселюбезнѣйшій мой другъ Незнаюшка! вѣдь меня хотятъ у тебя отнять; подступилъ подъ наше государство невѣрной Полканъ-богатырь и уже побиваетъ наше войско грознымъ мечемъ своимъ.» Иванъ-крестьянской сынъ велѣлъ царевнѣ оставить его въ покоѣ, а самъ выскочилъ въ окно и пришелъ въ чистое поле и крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «гей ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Конь бѣжитъ—земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ. Иванъ-крестьянской сынъ влѣзъ въ ушко, наѣлся, напился, нарядился, и въ другое ушко вылѣзъ: сталъ такой молодецъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать, и сѣвши на своего коня, поѣхалъ на рать Полкана-богатыря, сталъ его войско рубить и прогналъ его отъ своего государства. Тогда царь китайской подъѣхалъ къ Ивану-крестьянскому сыну, и не узнавъ его, сталъ просить его къ себѣ во дворецъ. А онъ ему отвѣчалъ: «я не твой слуга и не тебѣ служу!» — и проговоря сіи слова, уѣхалъ отъ него и пустилъ своего коня въ чистое поле, а самъ пошелъ къ царскому дому, влѣзъ въ окно и лёгъ спать, надѣвши на голову пузырь. Царь отъ той великія радости сотворилъ пиръ великой на нѣсколько дней.

Опять подступилъ подъ его царство Полканъ-богатырь и просилъ дщерь его себѣ въ супруги съ прежнею угрозою. Царь тотчасъ велѣлъ собрать свое войско и послалъ противъ Полкана сражаться. И Полканъ опять сталъ побивать китайское войско. Въ то самое время Лаота опять пришла къ крестьянскому сыну и говорила, что Полканъ хочетъ у него отнять ее себѣ въ жены. Тогда Иванъ-крестьянской сынъ паки выслалъ ее отъ себя, а самъ выскочилъ въ окно, и пришедши въ чистое поле, кликнулъ своего коня. Сѣлъ на коня, поска-

калъ на войско Полканово и началъ его рубить, и вскорѣ прогналъ отъ своего государства. Царь опять подъѣхалъ къ Ивану-крестьянскому сыну и сталъ его просить во дворецъ; однако онъ не поѣхалъ, а поскакалъ отъ него прочь, отпустилъ своего коня и пошелъ спать. Царь паки сталъ торжествовать побѣду свою надъ Полканомъ, хотя и не зналъ, какой былъ то кавалеръ, который вступался за его государство и побивалъ Полканово войско.

По нѣкоемъ времени подступилъ Полканъ въ третій разъ подъ его государство и просилъ Лаоту-царевну себѣ въ жены съ пущими угрозами. Тогда царь велѣлъ собрать свое войско и послать противъ Полкана, и какъ сразилися обѣ рати весьма крѣпко—началъ Полканъ побивать силу китайскую. Въ то самое время приходитъ царевна къ своему мужу и со слезами говоритъ, что Полканъ хочетъ ее у него отнять. Иванъ-крестьянской сынъ, удалясь съ поспѣшностью, выскочилъ изъ окна и прибѣжалъ въ чистое поле; кликнулъ своего коня, сѣлъ на него и поскакалъ на рать Полканову. Тогда конь проговорилъ человѣчьимъ голосомъ: «охъ, ты гой еси Иванъ-крестьянской сынъ! теперь-то пришла и мнѣ и тебѣ служба великая; обороняйся отъ Полкана и стой противъ него крѣпко, а не то—такъ ты и все войско китайское погибнетъ. Иванъ-крестьянской сынъ разъяряетъ своего добраго коня и въѣзжаетъ въ рать-силу великую Полканову, и началъ то войско рубить. Полканъ, увидя, что силы его уже много побито, осержается и нападаетъ на Ивана-крестьянскаго сына, словно лютый левъ. И сразилися два сильныхъ богатыря и все войско имъ подивилося; они билися долгое время, и ранилъ Полканъ Ивана-крестьянскаго сына въ лѣвую руку. Тогда Иванъ на Полкана осержается и направляетъ острое копье—прободалъ ему сердце, а послѣ срубилъ ему голову, и все войско Полканово прогналъ отъ Китая прочь. Тогда подъѣхалъ

онъ къ царю китайскому, и царь сталъ ему кланяться до лица земли и просилъ его къ себѣ во дворецъ. Лаота-царевна увидѣла у него кровь на рукѣ, обвязала рану своимъ платкомъ, и начала его просить въ царской домъ. Однако Иванъ-крестьянской сынъ не послушался, ускакалъ отъ нихъ и отпустилъ своего добраго коня, а самъ пошелъ — лёгъ спать. Тогда царь повелѣлъ велій пиръ сотворити.

Въ то самое время царевна пришла къ своему мужу, по приказу своего отца, и стала его будить, однако разбудить не могла; и увидѣла царевна у него на главѣ златые власы, и подивилась тому; а послѣ увидѣла свой платъ, которымъ завязала его руку: тогда узнала она, что это онъ трикраты побѣдилъ Полкана и напослѣдокъ умертвилъ его. Тотчасъ побѣжала къ отцу и привела его къ своему мужу, сказавъ: «вотъ, государь батюшка! вы мнѣ говорили, что я вышла за дурака; поглядите пристальнѣе на него, осмотрите его волоса и ту рану, что̀ получилъ отъ Полкана.» Царь узналъ тогда, кто защищалъ его государство отъ Полкана, и пришелъ отъ того въ великую радость. Какъ скоро Иванъ-крестьянской сынъ проснулся, то царь принялъ его за бѣлыя руки, повелъ въ свои чертоги и благодарилъ за защиту отъ Полканова нападенія; а какъ царь уже былъ въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то и возложилъ вѣнецъ свой на главу Ивана-крестьянскаго сына. Иванъ принялъ престолъ, началъ управлять Китаемъ и сталъ жить со своею супругою весьма любовно и мирно — и скончали вѣкъ свой благополучно.

Сказка «Незнайко» выводитъ на сцену богатыря съ золотыми и серебреными волосами; златокудрые герои и героини очень часто встрѣчаются въ сказаніяхъ народнаго эпоса (вып. VII, № 3 и 9; сербскія приповѣдки Караджича, № 19; Ungarische Märchen, стр. 77; Zeitschrift für Deutsche Mythol., т. I, стр. 380; Kinder- und Hausmärchen, т. I, стр. 75 и

408, т. II, стр. 19 и 170; въ сборн. Гальтриха, стр. 104). Злой Локи обрѣзалъ прекрасныя косы Зифы, супруги громовержца Тора, и чтобы избѣжать мщенія этого воинственнаго бога, заказалъ подземнымъ карликамъ выковать ей новые волосы изъ чистаго золота. Золотые волосы ничто иное, какъ метафорическое изображеніе яркихъ солнечныхъ лучей (связь свѣта и золота и въ языкѣ и въ миѳѣ доказана до осязательной очевидности), и сказочная царевна-золотая коса, непокрытая краса, подымающаяся изъ волнъ океана, есть златокудрой Геліосъ. Соотвѣтственно колебаніямъ въ древнѣйшихъ представленіяхъ солнца то юношею, то дѣвою, и въ народныхъ сказкахъ оно является не только царевною-золотыя кудри, но и златовласымъ добрымъ мòлодцемъ. Извѣстный миѳъ, будто солнце, нарождаясь ежедневно, восходитъ поутру прекраснымъ младенцемъ, мужаетъ въ полдень и къ вечеру умираетъ (погружается въ океанъ) дряхлымъ старикомъ,—также не забытъ въ русскихъ сказкахъ, и дѣдушка-золотая головушка, серебреная бородушка играетъ въ нихъ непослѣднюю роль (вып. VII, № 40; вып. VIII, № 2; въ издан. Эрленвейна, стр. 95—96). Чешская сказка повѣствуетъ о добромъ мòлодцѣ, котораго король послалъ за тремя золотыми волосками Дѣда-Всевѣда; онъ пришелъ въ золотой зàмокъ и нашелъ тамъ вѣщую старуху (судицу), которая сказала ему: «Děd-Vševèd je muoj syn, *jasné Slunce*: rano je pacholátkem, v poledne mužem a vecer starým dedem.» Вечеромъ прилетѣло въ свѣтлицу западнымъ окномъ Солнце — starý dědeček se zlatou hlavou, и послѣ ужина положило свою голову на колѣни матери и заснуло. K ránu strhl se zas venku vitr a na klinĕ své staré matičky probudilo se, misto stařečka, krásné zlatovlasé ditĕ, boži Slunéčko, dalo matce s bohem a východnim (восточнымъ) oknem vyletĕlo ven (Slovanská čitanka, К. Эрбена, стр. 4—6; Sloven. pohádky, od Nĕmcové, стр. 451—2). Другая чешская сказка (стр. 18)

такъ выражается о косѣ королевны Златовласки: когда она сняла покровъ, то «zlate vlasy plynuly ji hustými prameny s hlavy až na zem, a bylo od nich tak jasno, jako když ráno sluněčko vyjde.»—Въ напечатанной нами сказкѣ златовласый богатырь Незнайко, преслѣдуемый злою мачихой (которая хочетъ предать его смерти) долженъ удалиться изъ-подъ родной кровли и скрыть до поры-до времени свои золотыя кудри, молодость и красоту подъ бычачьимъ пузыремъ и шкурою, т. е. юноша-Солнце, удаляясь на зиму, заволакивается холодными туманами и снѣжными тучами (быкъ — зооморфической образъ тучи), утрачиваетъ свои горячіе лучи и дѣлается на опредѣленный срокъ плѣшивымъ оборотнемъ; но когда этотъ срокъ проходитъ и доброй молодецъ трижды побѣждаетъ арапскаго короля (позднѣйшая подставка древняго демоническаго существа; черный цвѣтъ — символъ всего враждебнаго, мѣшающаго солнечнымъ лучамъ согрѣвать землю), тогда спадаютъ съ него бычачья шкура и пузырь, чудныя золотыя кудри снова разсыпаются по могучимъ плечамъ юноши, и онъ вступаетъ въ благословенный союзъ съ прекрасной царевной—Землею[1]). Побѣда надъ губительнымъ, всё оцѣпеняющимъ вліяніемъ зимы совершается при помощи весеннихъ грозъ и дождей, и выражаясь метафорическимъ языкомъ миѳа—солнце тогда только начинаетъ красоваться своими золотыми кудрями, когда выкупается въ источникѣ *живой воды* и умаститъ свои волосы *змѣиною мазью*, т. е. умоется въ проливномъ дождѣ. По скандинавскому преданію золотыя косы Зифы были выкованы тѣми миѳическими кузнецами, въ образѣ которыхъ фантазія олицетворила громовыя стрѣлы, разбивающія темныя тучи. Въ одномъ изъ напечатанныхъ нами варіантовъ сказоч-

[1]) Тотъ-же миѳъ выраженъ въ хорутанской сказкѣ, гдѣ злая старуха *отрѣзываетъ золотую косу* вилы и такимъ образомъ разлучаетъ ее на долгое время съ добрымъ молодцемъ.

ной герой попадаетъ къ змѣю, находитъ у него двѣ чудныя мази, натираетъ ими голову, и тотчасъ-же волосы его становятся золотыми и серебреными. Въ другомъ варіантѣ, записанномъ въ пермской губерніи, читаемъ: Вздумалъ царевичъ Иванъ Андроновичъ по бѣлу свѣту постранствовать и пошелъ въ путь-дорогу. Близко ли—далеко, низко ли—высоко, скоро сказка сказывается, много время продолжается, доброй мо̀лодецъ впередъ подвигается. Вдругъ прилетѣла ворона и садилась къ нему на правое плечо. Царевичъ смахнулъ птицу рукой и вымолвилъ: «что ты, поганая ворона, ко мнѣ на плечо садишься? какъ схвачу тебя, все перье ощиплю и пухъ по вѣтру пущу!» Ворона вспорхнула и полетѣла въ сторону. Не прошелъ царевичъ и пятидесяти сажо̀нъ, а ворона опять на плечѣ сидитъ. Спугнулъ ее въ другой разъ; птица тѣмъ не унялась, и немного погодя, опять-таки усѣлась. И раздумался доброй мо̀лодецъ: «что-же я гоняю ворону? можетъ, она что̀ хорошее скажетъ.» Спрашиваетъ онъ птицу: «что ты, ворона, вѣщуешь добро или худо?» И провѣсти́ла ворона человѣчьимъ языкомъ: «эхъ, царевичъ! молодъ ты, а ужь гордишься, своей силой бодришься. А ты обходись со мной старою вороною поочёстливѣе, такъ я тебя, добра мо̀лодца, добру научу: вѣдь ты прямо идешь къ Чудѣ-Юдѣ, солёной гу̀бѣ—не на животъ, а на̀ смерть! Если хочешь съ нимъ поправиться, такъ ступай вонъ къ ближнему источнику, испей изъ него водицы — и станешь сильномогучій богатырь; а недалечко оттуда есть другой источникъ — въ томъ голову помочи, и будутъ у тебя золотые волосы.» Царевичъ послушался старой вороны, и сдѣлался сильномогучимъ богатыремъ съ золотыми кудрями. Шелъ-шелъ и забрёлъ онъ въ такой частой, дремучій лѣсъ, что̀ ни пройдти, ни пролѣзть нельзя; ухватился за столѣтній дубъ, вырвалъ его съ корнемъ, и давай тѣмъ дубомъ направо и налѣво помахивать. Проложилъ

себѣ свободной ходъ, пришелъ въ богатой дворецъ, увидалъ Чуду-Юду, убилъ его и сталъ палаты оглядывать. Зашелъ въ одну горенку—сидитъ старая баба, куделю прядетъ. «Здравствуй, царевичъ! говоритъ старуха; это я къ тебѣ вороною прилетала, на добро научала. Пойдемъ-ка со мною, я тебѣ чудо-юдова коня покажу.» Привела его къ подвалу за тремя желѣзными дверями, и принялись вдвоемъ отпирать замки. Конь услыхалъ и началъ громко-звонко ржать, желѣзныя цѣпи на части рвать, желѣзныя двери копытами прошибать. Какъ только увидалъ конь царевича, тотчасъ бросалъ ему на плечи свои переднія ноги. Доброй мо̀лодецъ погнулся, но устоялъ; ударилъ коня по крутымъ бедрамъ и вымолвилъ: «что-же ты, травяной мѣшокъ, на меня ноги бросаешь?» Отвѣчалъ ему богатырской конь: «коли смогъ ты, царевичъ, подъ моими ногами устоять, такъ тебѣ и владѣть мною!» Осѣдлалъ царевичъ коня, взялъ палицу-буявицу и мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ иное государство; пріѣхалъ, отпустилъ коня въ зеленые луга, а самъ надѣлъ на̀ голову пузырь, назвался Иваномъ-Плѣшаномъ и нанялся къ царю въ садовники. Разъ въ полдень лёгъ онъ послѣ трудовъ опочить; во время сна соскочилъ пузырь съ головы, ударило солнце прямо въ маковку и словно жаръ засіяли его золотые волосы. Увидала то царевна и влюбилась въ добра мо̀лодца. (Далѣе разсказъ сходенъ съ помѣщеннымъ въ текстѣ настоящаго выпуска.)

Сказка о богатырѣ Незнайкѣ извѣстна и у другихъ народовъ: a) въ Отеч. Запискахъ 1830 г., ч. XLIII, стр. 252—6, см. киргизскую сказку о Баянъ-Сулѣ; b) у сербовъ и финновъ (см. Матер. для изучен. нар. словесн., изд. Худякова, стр. 37—38, 90—94); по сербской редакціи мальчикъ нанимается на службу у старухи-вилы, и находитъ у нея горшокъ: опустилъ въ тотъ горшокъ руку — рука сдѣлалась золотая, окунулъ голову—и она позолотилась; c) у венгровъ (Ungarische Volks-

märchen, von Stier, № 8: «Weissnitle») и d) нѣмцевъ (Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 269—285). Въ норвежской сказкѣ (ч. I, № 14) сынъ вдовы, находясь въ услуженіи у тролля (тоже, что нашъ змѣй), входитъ въ запретныя палаты: въ одной комнатѣ стоялъ большой мѣдной котёлъ и сильно кипѣлъ, хотя подъ нимъ и не было огня; юноша опустилъ въ котёлъ палецъ — и палецъ озолотился; въ другой комнатѣ онъ самъ искупался въ котлѣ и сдѣлался страшно силенъ и такъ румяненъ и бѣлъ, какъ кровь съ молокомъ. Послѣ того онъ убѣжалъ отъ тролля, надѣлъ на голову парикъ изъ моху (Moosperrücke) и поступилъ въ королевской замокъ въ садовники. — Другая норвежская сказка (ч. II, № 16) говоритъ о королевичѣ, который, нанявшись къ великану пасти козъ, обмакиваетъ свою перчатку въ трехъ кипящихъ котлахъ, и она сперва дѣлается мѣдною, потомъ серебреною и наконецъ золотою. Въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ подобное-же назначеніе выполняетъ Goldbrunnen—источникъ чистой и свѣтлой, какъ кристалъ; когда королевичъ водой этого источника помочилъ себѣ голову, то его волоса стали золотыми и заблистали, какъ солнце («und glänzte wie eine Sonne» — т. II, № 136; сличи съ валахск. сказкою, № 11). Но особенно любопытными и замѣчательными въ данномъ случаѣ считаемъ мы двѣ сказки, сообщенныя въ сборникѣ Гальтриха (Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, № 11 и 15). Одна изъ нихъ озаглавлена: «Der Wunderbaum». Нѣкогда мальчикъ-пастухъ погналъ овецъ въ поле и увидѣлъ дерево, которое было такъ красиво и такъ громадно, что онъ долгое время стоялъ и смотрѣлъ на него совершенно-изумленный. Захотѣлось ему взобраться на то чудное дерево, и это нетрудно было, потому что вѣтви его подымались вверхъ, словно ступени на лѣстницѣ. Мальчикъ снялъ свои башмаки и полѣзъ на дерево; цѣлые девять дней

лѣзъ онъ, и достигъ до широкаго поля: тамъ стояли многія палаты изъ чистой мѣди, а позади палатъ былъ большой лѣсъ изъ мѣдныхъ деревьевъ, и на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ мѣдной пѣтухъ, а подъ деревомъ журчалъ источникъ, текущій мѣдью—и это былъ единственно-слышный шумъ; исключая источника, все казалось мертво, ничто не двигалось, не шевелилось, и никого не было видно. Насмотрѣвшись вдоволь, мальчикъ сломилъ себѣ вѣточку съ одного дерева, и такъ-какъ ноги его были утомлены, то вздумалъ освѣжить ихъ въ водѣ. Онъ опустилъ ноги въ источникъ, и когда вынулъ назадъ — онѣ оказались покрытыми блестящею мѣдью. Мальчикъ поспѣшилъ воротиться къ исполинскому дереву, которое все еще высоко подымалось къ самымъ облакамъ и вершины котораго нельзя было разглядѣть. «Тамъ наверху должно быть еще лучше!» подумалъ онъ и полѣзъ выше; девять дней взбирался пастухъ, не зная отдыха, и вотъ передъ нимъ широкое поле: на томъ полѣ стоятъ палаты изъ чистаго серебра, а позади ихъ лѣсъ изъ серебреныхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ серебреной пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій серебромъ. Мальчикъ сломилъ себѣ вѣточку и вздумалъ умыть свои руки въ источникѣ; окунулъ ихъ въ воду—и онѣ тотчасъ стали серебреныя. Снова воротился онъ къ исполинскому дереву, вершина котораго терялась высоко въ поднебесьи. «Тамъ вверху должно быть еще лучше!» думалъ пастухъ и полѣзъ выше; черезъ девять дней онъ очутился на самой верхушкѣ, и передъ нимъ открылось широкое поле: на томъ полѣ стояли палаты изъ чистаго золота, а позади ихъ лѣсъ изъ золотыхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ золотой пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій золотомъ. Мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку, снялъ шляпу и нагнулся заглянуть въ источникъ; волосы его упали въ льющееся золото и сами сдѣ-

лались золотыми. Спустившись съ исполинскаго дерева, пастухъ нанимается къ королю поварёнкомъ и выговариваетъ позволеніе никогда не снимать шляпы, сапоговъ и перчатокъ, подъ предлогомъ, что у него злая короста. Потомъ онъ совершаетъ трудный подвигъ—взбирается на стеклянную гору (Glasberg=небо), на которой сидѣла прекрасная королевна; подъ его ногами стекло умягчалось, какъ воскъ, и онъ не скользилъ и не спотыкался; наградой за это была рука королевны.—Другая сказка упоминаетъ о трехъ лѣсахъ: въ одномъ всѣ деревья были мѣдныя, а посреди стоялъ мѣдной замокъ, принадлежавшій мѣдному дракону (Kupferdrache). Пастухъ гонитъ въ тотъ лѣсъ своихъ козъ, убиваетъ мечемъ-самосѣкомъ дракона и уноситъ изъ замка мѣдную узду. Вечеромъ онъ пригналъ стадо домой, и его козы дали молока несравненно больше, чѣмъ когда-либо прежде. На другой день пастухъ гонитъ свое стадо въ другой лѣсъ, въ которомъ всѣ деревья были изъ чистаго, блестящаго серебра; убиваетъ серебренаго дракона (Silberdrache) и беретъ серебреную узду. Вечеромъ козы дали молока втрое больше, чѣмъ наканунѣ. На третій день пастухъ отправляется со стадомъ въ золотой лѣсъ, убиваетъ золотаго дракона (Golddrache) и захватываетъ съ собой золотую узду; въ этотъ разъ козы принесли молока вдевятеро больше, чѣмъ въ предыдущій вечеръ. Затѣмъ онъ пошелъ къ темной скалѣ, изъ которой бьетъ живой ключъ; помочилъ въ томъ ключѣ голову, и волоса его заблистали, какъ чистое золото. Три взятыя узды имѣли то чудное свойство, что если ими потрясти, въ ту-жъ минуту появлялись безчисленныя войска въ мѣдныхъ, серебреныхъ и золотыхъ вооруженіяхъ; съ помощію этихъ войскъ доброй молодецъ поражаетъ непріятелей и женится на прекрасной королевнѣ. Норвежскія сказки также нерѣдко говорятъ о лѣсахъ мѣдныхъ, серебреныхъ и золотыхъ, которыми владѣютъ тролли; см. еще Slov. pohád.,

стр. 338—366. Исполинское дерево и металлическіе лѣса, съ текущими среди ихъ источниками, напоминаютъ намъ извѣстную сказку о трехъ царствахъ мѣдномъ, серебреномъ и золотомъ; въ нихъ воплощена та-же самая идея, что и въ этихъ миѳическихъ царствахъ (см. примѣчаніе къ 9 № VII-го выпуска). Дождeносныя тучи, застилающія небесный сводъ длинными и многовѣтвистыми полосами, въ глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь міръ,—дереву, вѣтви котораго обращены внизъ (къ землѣ), а корни простираются до третьяго неба. О такомъ всеміpномъ деревѣ сохраняются самыя живыя преданія во всѣхъ языческихъ религіяхъ арійскихъ народовъ, и послѣ превосходныхъ изслѣдованій Куна несомнѣнно, что это баснословное дерево есть миѳъ тучи, а живая вода (нектаръ) при его корняхъ и мёдъ, капающій съ его листьевъ, метафорическія названія дождя [1]). Зендская миѳологія знаетъ священное древо жизни, отъ котораго произошли на землѣ всѣ цѣлебныя растенія; изъ-подъ него струится ключъ Ардвизуръ, источающій живую, цѣлющую воду; самый сокъ этого дерева даетъ здоровье и безсмертіе. Его называютъ Jat-bês (безскорбное) и Harviçptokhma, т. е. надѣленное всѣми сѣменами, которыя оно разноситъ вмѣстѣ съ дождемъ по всей вселенной. Кунъ находитъ подобныя-же указанія и въ гимнахъ Ригъ-Веды. Но особенно знаменательна міровая ясень Эдды — Иггдразилль; вѣтви ея тянутся черезъ всю вселенную, распростираясь и на небо, и на землю; подъ каждымъ изъ трехъ корней Иггдразилля вытекаетъ по источнику: одинъ источникъ называет-

[1]) Вотъ почему въ нѣмецкой сказкѣ *козы* — чѣмъ болѣе пасутся въ лѣсахъ мѣдномъ, серебреномъ и золотомъ, тѣмъ болѣе даютъ молока; замѣтимъ, что молоко было также однимъ изъ метафорическихъ названій дождя, что Торъ ѣздитъ на козлахъ и что у грековъ козелъ игралъ значительную роль на празднествахъ Вакху.

ся Urdharbrunnr (по имени норны Urdh), возлѣ котораго собираются боги опредѣлять непреложныя судьбы всего сущаго на свѣтѣ. Всякое утро норны черпаютъ изъ этого источника воду и окропляютъ ею вѣтви міровой ясени, отчего и происходитъ роса, падающая долу; на поэтическомъ языкѣ Эдды роса — honigfall (падающій медъ), ею питаются пчелы. Другой источникъ Mimir'sbrunnen, въ водахъ котораго таятся разумъ и мудрость; за глотокъ этого напитка Одинъ отдалъ въ закладъ свой единственный глазъ: миѳическое изображеніе солнца, закрытаго дождевосною тучею. Птицы, возсѣдающія на вѣтвяхъ всеміриаго дерева, — птицы священныя, разносители молній (см. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks, стр. 125—134). Не менѣе любопытно сказаніе Калевалы о гигантскомъ *дубѣ*: мудрый Вейнемейненъ посадилъ жолудь; дубъ принялся и началъ рости не по днямъ, а по часамъ; онъ вытянулся такъ высоко и раскинулъ свои вѣтви на такія необъятныя пространства, что ни одному облачку не стало прохода, ни лучамъ солнца и луны доступа къ землѣ. Вейнемейненъ сталъ обдумывать, какъ-бы срубить это дерево; но нигдѣ не находилось такого силача, чтобы могъ взяться за это трудное дѣло. Тогда Вейнемейненъ взмолился своей матери, чтобы она послала къ нему на помощь силы могучей воды — и вотъ вышелъ изъ моря крошечной человѣчекъ, съ ногъ до головы закованный въ тяжелую мѣдь, съ маленькимъ топорикомъ въ рукахъ; онъ срубилъ дерево (т. е. молнія разбила тучу и пролила дождь), солнце освѣтило землю, и все ожило на ней, зацвѣло и задвигалось. Сличи съ норвежскою сказкою, ч. II, № 19: прямо передъ окнами королевскаго зáмка выросъ дубъ, который былъ такъ громаденъ, что̀ не пропускалъ въ комнаты ни единаго солнечнаго луча; сколько ни старались срубить его, но напрасно: съ каждымъ ударомъ, наносимымъ дубу, онъ становился все толще и крѣпче; на-

конецъ былъ найденъ чудесный топоръ-саморубъ (орудіе Тора), который и повалилъ это гигантское дерево. Любопытно, что это преданіе о дубѣ сказка соединяетъ съ другимъ о твердой *скалѣ*, въ которой надо было вырыть колодезь, чтобы напоить все царство, жаждущее отъ недостатка воды: эта трудная задача исполняется киркою-саморойкою. У славянъ сохранились преданія о двухъ дубахъ, стоявшихъ посреди моря до созданія міра, и о «желѣзномъ дубѣ, еже есть первопосаженъ»; слово *дубъ* первоначально заключало въ себѣ общее понятіе дерева, что до сихъ поръ слышится въ производномъ *дубина*, *дубинка;* впослѣдствіи названіе это слилось съ понятіемъ самаго крѣпкаго дерева, которое и было издревле посвящено богу грома Перуну. У сербовъ дубъ прямо называется *грмов*. См. также въ Нар. рус. лег., стр. 109 и 201, о высокомъ дубѣ, простиравшемся до самого неба. Блистая золотистой молніей, преломляя въ себѣ солнечные и лунные лучи и окрашиваясь различными блестящими красками, тучи-деревья породили сказанія о металлическихъ лѣсахъ и золотыхъ, молодильныхъ яблокахъ (см. примѣч. къ вып. VII, № 5).

Не повторяя извѣстныхъ свидѣтельствъ о связи драконовъ съ металлами, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ источникахъ, текущихъ мѣдью, серебромъ и золотомъ и претворяющихъ все, что ни коснется ихъ, въ свои блестящіе цвѣта. Подобныя представленія легко могли возникнуть изъ той близости, какую древнѣйшее воззрѣніе допустило между понятіями *воды* и *свѣта*. На основаніи общаго производимаго ими впечатлѣнія, и свѣтъ и вода одинаково казались стихіями стремительно-текучими, всюду быстро-проникающими. Въ санскр. *вáри*—вода, у насъ *варъ* (жаръ), *варити*, *врѣти*, *время* (т. е. сначала жаркая часть года, а потомъ и вообще все годовое время, подобно тому, какъ слово *лѣто* въ выра-

женіи: «сколько лѣтъ?» также получаетъ болѣе широкой смыслъ); *пāта́* по санск. вода, *патйс* (греч. ποταμος, ποντος) —море и вмѣстѣ огонь, солнце (Буслаева: О вліяніи христіан. на славян. языкъ, стр. 14 и 16). Народная сербская загадка: «једна *чаша масла* свему свијету доста» означаетъ *солнце*; а малорусская загадка такъ выражается объ этомъ свѣтилѣ: «за лисами, за горами *золота дижа* (квашня) *кисне.*» Для мѣсяца существуетъ у насъ подобная-же метафора: «шелъ я мимо, видѣлъ диво: виситъ *котёлъ о девяносто ведеръ*» (Малорус. и Галицк. загадки, изд. Сементовскаго, стр. 5; Сахарова: Сказан. рус. народа, т. I, стр. 102, 107, 110). Такимъ образомъ небесныя свѣтила уподобляются сосудамъ, наполненнымъ золотою, свѣтящеюся жидкостью, и лампадамъ, въ которыхъ горитъ масло. Сверхъ того понятія блеска, чистоты, прозрачности на самомъ дѣлѣ неразлучны съ водою, которая потому обыкновенно и сравнивается съ кристаломъ. Эпитеты *быстрый* (у сербовъ *бистар*—свѣтлый) и *синій* одинаково придаются обѣимъ стихіямъ; наприм. синій Донъ, синё море и синія молніи (въ Словѣ о полку). Представляя дождевыя тучи мѣднымъ, серебренымъ и золотымъ царствами, отождествляя свѣтъ луны и солнца съ блескомъ серебра и золота, фантазія необходимо усвоила эти металлическія свойства и воднымъ потокамъ. Одна изъ свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ мною въ Москвѣ, разсказываетъ о кипучемъ колодцѣ, пѣна котораго есть чистое серебро и золото:

Ты кипи-кипи, колодецъ!
Ты кипи-кипи, студеной!
Ключевою водою
Со серебреной пѣной.
Тутъ Аннушка выходила,
Свѣтъ Ивановна выходила;
Она пѣну снимала,
Она ризу сливала
На икону Миколу,

А еще-то сливала
Золотое колечко,
А еще-то сливала
Два вѣнца золотые.

11. 12.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ-ЦАРЕВИЧѢ, ЖАРЪ-ПТИЦѢ И О СѢРОМЪ ВОЛКѢ.—ЖАРЪ-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА.

Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ, извѣстная въ лубочномъ изданіи, была напечатана въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» (М., 1819, въ типогр. Рѣшетникова); варіантъ см. у Худяк., вып. I, № I. Она существуетъ и между другими славянами и нѣмцами; въ хорутанскихъ редакціяхъ жаръ-птицу замѣняетъ попугай, о которомъ снилось слѣпому царю, «ako bi mu 'do donesel jednoga papagaja pa bi papagaja onda zaklal i želucem oči si namazal, nam bi zdrav postal» (въ сборн. Валявца, стр. 141—5); а вмѣсто золотыхъ яблокъ идетъ рѣчь о покражѣ виноградной лозы, которая на всякой часъ давала по ведру вина (стр. 146—8). См. также Walachische Märchen, von Arthur und Albert Schott, № 26: «Das goldene Meermädchen»; Kinder- und Hausmärchen, т. I, № 57: «Der goldene Vogel»; въ сборникѣ Гальтриха, № 7; Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 230—242: «Der Vogel Phönix» (птица Фениксъ, заступающая нашу жаръ-птицу; пѣніе ея исцѣляетъ болѣзни); Zeitschrift für Deutsche Mythol. und Sittenkunde, т. II, стр. 389—400: сказка, записанная въ Буковинѣ, въ которой любопытна слѣдующая подробность когда старшіе братья убили меньшаго и забрали себѣ и жаръ-птицу, и чуднаго коня, и царевну; то во все время, пока царевичъ лежалъ мертвой, царевна-красавица не промолвила

ни одного словечка и сидѣла во дворцѣ грустная, со слезами на глазахъ; золотой конь стоялъ, печально опустивъ голову, и не ѣлъ корму; жаръ-птица не пѣла своихъ пѣсней, и самая золотая клѣтка потеряла свой блескъ. Но какъ скоро царевичъ, окропленный живою водою, возсталъ отъ смертнаго сна, тотчасъ все измѣнилось: царевна повеселѣла, конь принялся за кормъ, жаръ-птица запѣла и золотая клѣтка ярко заблистала.—Интересъ сказки сосредоточенъ на томъ, какъ добывалъ Иванъ-царевичъ жаръ-птицу, коня златогриваго и Елену Прекрасную; въ этихъ подвигахъ помогаетъ ему сѣрой волкъ—зооморфическої образъ быстролетной тучи, почему въ одномъ варіантѣ онъ является крылатымъ (см. въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ» сказку о Любимѣ-царевичѣ и прекрасной царевнѣ, его супружницѣ, и о волкѣ крылатомъ). Сѣрой волкъ быстро переноситъ царевича изъ царства въ царство и потомъ достаетъ мертвой и живой воды для его оживленія. Ту-же роль играетъ волкъ и въ норвежской сказкѣ (ч. II, № 6); въ нѣмецкихъ же сказкахъ мѣсто его заступаетъ медвѣдь и лисица, которые подъ конецъ разсказа оказываются обращенными въ этихъ звѣрей царевичами. Въ лубочномъ изданіи волкъ превращается въ разные образы, и тѣмъ освобождаетъ Ивана-царевича отъ необходимости выдать въ чужія руки златогриваго коня и Елену Прекрасную; въ устахъ народа эта подробность иногда видоизмѣняется, и успѣхъ дѣла приписывается собственной хитрости и удали добраго молодца. Когда Иванъ-царевичъ пріѣхалъ къ царю, которому долженъ былъ уступить Елену Прекрасную въ обмѣнъ на златогриваго коня, онъ пожелалъ съ нею проститься; царь позволилъ, и царевичъ, сидя на златогривомъ конѣ, сталъ прощаться съ красной дѣвицею, ухватилъ ее за бѣлыя руки, мигомъ на сѣдло вскинулъ, ударилъ по лошади—и былъ таковъ: подымался доброй конь выше дерева стоячаго, ниже

облака ходячаго, и наскоро изъ глазъ пропадалъ! Пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ другому царю, которому долженъ былъ уступить коня златогриваго въ обмѣнъ на жаръ-птицу, и проситъ позволенія въ послѣдній разъ покататься на томъ конѣ хоть по двору; царь согласился, а Иванъ-царевичъ взялъ въ руки золотую клѣтку съ жаръ-птицею, сѣлъ на коня, ударилъ его подъ брюхо, и опять улетѣлъ. Сказка эта знакома читающей публикѣ по стихотворнымъ передѣлкамъ Жуковскаго и Языкова.

Другая редакція сказки, озаглавленная у насъ: «Жаръ-птица и Василиса-царевна», пользуется неменьшею извѣстностью: см. варіанты у Худяк., вып. III, №111; въ издан. Эрленвейна, № 8—«Струкъ (страусъ?)-перо»; Lud Ukraiński Новосельскаго (Марцинковскаго), т. I, стр 327—338—«сказка о царь-птицѣ и о Морской королевнѣ». Она встрѣчается и въ Slov. pohádky, стр. 619—633: «O ptáku Ohniváku a o morské panně», и въ изданіи хорутанскихъ приповѣдокъ Валявца, стр. 7—12, и въ Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 10 и 20: въ этомъ послѣднемъ сборникѣ богатырской конь, помогающій королевичу, есть конь солнечный (Sonnenross), восьминогой. Въ малорусскомъ варіантѣ царевичъ, находясь на службѣ у короля, исполняетъ нѣсколько такихъ подвиговъ, о которыхъ ни слова не говорится въ напечатанныхъ нами спискахъ. Морская королевна объявила королю, что до тѣхъ поръ не пойдетъ за него замужъ, пока не добудутъ ей самогральныхъ гуслей съ моря. Царевичъ досталъ ей самогральныя гусли; тогда она сказала королю: «не возьму я иначе съ тобой слюбу, какъ съ тѣмъ уговоромъ, чтобы мой свадебный поѣздъ могла видѣть сестра съ моря!» А со стороны моря стала высокая каменная гора и заслонила собою весь видъ. Король приказалъ царевичу разбить эту гору, и тотъ исполняетъ задачу, съ помощію богатырскаго коня и рыбы,

которой еще прежде оказалъ услугу: конь началъ бить гору копытами, а рыба толкать съ-исподу, и въ короткое время сравняли ее съ земною поверхностью. Затѣмъ, по желанію королевны, царевичъ приводитъ морскихъ (въ хорутанской сказкѣ: вилиныхъ) кобылъ и доитъ ихъ; въ томъ молокѣ купается королевна и дѣлается еще краше и милѣе, а король, окунувшись въ кобылье молоко, тотчасъ-же умираетъ. Въ словацкой сказкѣ вмѣсто этого герой долженъ добыть живой и мертвой воды, и достаетъ ее съ помощію вороновъ; Морская панна заставляетъ стараго короля отрубить доброму молодцу голову и потомъ оживляетъ его живою водою, отчего тотъ дѣлается еще сильнѣе и краше. Увлеченный этимъ, и король подставляетъ свою голову подъ острый мечъ, но красавица и не подумала оживить его. Извѣстенъ еще другой малороссійской варіантъ, сокращенно переданный г. Максимовичемъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 г., т. III, стр. 100—102: сказочной герой (Катигорошекъ) разложилъ на морскомъ берегу много всякаго мелкаго товару, въ томъ числѣ и зеленые черевички (башмачки); прельстилась этими черевичками *Морская пани* красы неописанной, поднялась изъ волнъ, а доброй молодецъ изловилъ ее и привезъ въ свой домъ. Въ угоду красавицѣ онъ достаетъ со дна моря—съ каменнаго утеса ея завѣтную скрыню, полную жемчуговъ и коралловъ; потомъ пригоняетъ двѣнадцать морскихъ кобылицъ и жеребца, и наконецъ отправляется за тридевять земель—туда, *гдѣ ночуетъ Солнце*, чтобы развѣдать, отчего оно прежде всходило червоннымъ, а теперь стало блѣдно? Герой пришелъ до господы (дома), гдѣ ночуетъ Солнце, засталъ солнцеву мати и пересказалъ ей, зачѣмъ явился; она посадила его подъ золотое корыто и велѣла прислушиваться. Когда царь-Солнце, обойдя небесной сводъ, воротился на ночь домой, то мать стала его спрашивать: «сыне мой! отчего ты прежде вос-

ходилъ червоннымъ, а теперь восходишь блѣднымъ?»—Оттого, мати, что прежде при моемъ восходѣ я встрѣчалъ прекрасную Морскую пани, и какъ бывало взгляну на нее, такъ и покраснѣю; а теперь не вижу ее на морѣ! Г. Костомаровъ (Славян. миѳологія, стр. 29) передаетъ эпизодъ изъ той-же южнорусской сказки о томъ, какъ ѣздилъ Ивась въ теремъ Солнца, построенный надъ синимъ моремъ, и спрашивалъ: зачѣмъ оно три раза въ день перемѣняется? Солнце отвѣчало: «есть въ морѣ прекрасная Анастасія; когда восхожу я утромъ, она брызгнетъ на меня водою — я застыжусь и покраснѣю; потомъ поднявшись на высоту, я посмотрю на весь божій свѣтъ—и мнѣ станетъ весело; а вечеромъ, когда захожу, Анастасія снова брызгнетъ на меня морскою волною—и я опять покраснѣю.» Сравни со сказкою о Трёмсынѣ, рожденномъ отъ щучьяго пера, который при помощи коня, родившагося отъ луски той-же рыбы, добылъ прекрасную Анастасію; Анастасія, плавая въ лодьѣ по морю, плескала водой въ влюбленное въ нее Солнце (см. также въ Народн. славян. разсказахъ Боричевскаго, стр. 108—116: «Трое-сыне»). Морская царевна, какъ указано выше (см. примѣч. къ №6), есть само восходящее солнце. Издревле оно олицетворялось то въ мужскомъ, то въ женскомъ полѣ; изъ колебанія этихъ представленій возникъ поэтической миѳъ, раздвоившій единое свѣтило на влюбленную чету, при чемъ прекрасный образъ дѣвы-Солнца слился съ олицетвореніемъ утренней и вечерней зори. *Зеленые черевички*, которыми прельстилась Морская царевна, по объясненію г. Максимовича, есть символъ майской зелени и еще ближе той красивой травы изъ семейства любковыхъ (орхидей), которая цвѣтетъ въ маѣ и на Украйнѣ извѣстна подъ именемъ *черевичекъ*, да и у ботаниковъ издавна зовется calceolus; Линней придалъ ей родовое названіе, по имени Киприды, Cyrripedium.

Общераспространенное сказаніе о яблонѣ, на которой каждую ночь зрѣютъ золотыя яблоки, срываемыя жаръ-птицею, встрѣчается и въ иной обстановкѣ. Въ хорутанской сказкѣ (Narodne pripovjedke Валявца, стр. 31—32), вмѣсто жаръ-птицы, каждую ночь являются девять вилъ и рвутъ дорогіе плоды; меньшой сынъ подстерегаетъ ихъ, и получаетъ въ подарокъ три золотыхъ яблока. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправляется искать вилъ; одинъ пастухъ объявилъ ему, что въ такомъ-то мѣстѣ вилы купаются въ полдень. Два раза доброй мо̀лодецъ проспалъ урочное время, а въ третій такѝ подсмотрѣлъ, какъ онѣ купались. Вилы взяли его къ себѣ въ дупло, держали тамъ девять лѣтъ и кормили его сахарными яствами. То-же содержаніе развито въ двухъ другихъ хорутанскихъ сказкахъ (стр. 21—24, 29—30) и въ одной сербской. Въ сербской редакціи прилетаютъ за яблоками девять золотыхъ павъ. Меньшой изъ трехъ царевичей, отправившись караулить яблоню, поставилъ подъ нею кроватку и лёгъ на постель. Ночью прилетѣли павы; восемь сѣли на дерево, а девятая пала къ царевичу на кроватъ и превратилась въ красную дѣвицу; съ тѣхъ поръ вдвоёмъ они проводили сладостныя ночи. Однажды подстерегла ихъ колдунья; золотая пава улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ идетъ искать свою невѣсту, и приходитъ къ озеру, въ которомъ девять павъ любили купаться. Три дня сряду дожидается онъ ихъ возлѣ озера, сидя на конѣ; но всякой разъ засыпаетъ непробуднымъ сномъ. Прилетая, восемь павъ бросались купаться, а девятая садилась къ царевичу на коня, миловала-обнимала его, но не могла добудиться. Послѣ того павы не являлись уже на озеро; долго-долго странствовалъ царевичъ и наконецъ нашелъ городъ золотыхъ павъ и женился на своей невѣстѣ, которая царствовала въ этомъ городѣ. Хорутанскія сказки сохранили болѣе древнія черты преданія: вила прилетаетъ къ юношѣ бѣлой лебедью,

оборачивается прекрасною дѣвою, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ золотыми косами до земли, и ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ; отъ блеска ея волосъ вся левада кругомъ освѣщалася. Провѣдала про то мать добраго мòлодца, взяла ножницы и отрѣзала вилѣ золотыя косы; вотъ почему чудная дѣва покинула своего милаго, и онъ долженъ былъ идти ее отыскивать (см. примѣч. къ № 10).

14.

ГУСЛИ-САМОГУДЫ.

Музыкальные инструменты, звуки которыхъ имѣютъ такую чародѣйную силу, чтò, заслыша ихъ, волей-неволею пляшутъ и люди, и звѣри, и лѣса, и камни (вып. III, стр. 142; вып. VII, № 22; вып. VIII, № 23, а; у Худяк., вып. I, № 28; Матеріалы для изуч. нар. словесн., стр. 122), извѣстны въ преданіяхъ разныхъ народовъ. Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что если найдти въ дремучемъ бору зеленую иву, которая не слыхала ни шума воды, ни крика пѣтуха, и сдѣлать изъ этого дерева дудку, то выйдетъ не простая дудка: отъ ея звуковъ выступятъ изъ могилъ покойники и запляшутъ самыя лѣнивыя и неповоротливыя ноги (Повѣсти и предан. народ. слав. племени, стр. 34—38, 173). Нелегко добываются подобные инструменты, напоминающіе собой извѣстный миѳъ объ Орфеѣ; обладаніе ими народныя повѣрья обыкновенно приписываютъ нечистой силѣ. На Украйнѣ ходитъ разсказъ о чортѣ, который въ видѣ куцаго нѣмчика, во фракѣ и шляпѣ, съ тонкими козлиными ножками, съ острой бородкой и рогами, верхомъ на козлѣ выѣзжаетъ на майданъ (мѣсто, гдѣ гонятъ деготь) и наигрываетъ на дудкѣ козачка, и кругомъ его

пляшутъ березы и липовые пни (Lud Ukraiński, т. II, стр. 33). Словенцы разсказываютъ о лукавомъ и веселомъ бѣсѣ Курентѣ, который игрой своей на гусляхъ и дудкѣ исцѣляетъ болѣзни и заставляетъ всѣхъ плясать безъ отдыху (Русск. Бесѣда, 1857 г., кн. III, стр. 107).

Напечатанная нами сказка о гусляхъ-самогудахъ, подъ звуки которыхъ пускается въ плясъ все свиное стадо, составляетъ одинъ изъ менѣе полныхъ варіантовъ; въ устахъ поселянъ она бо̀льшею частію слышится съ такими подробностями, которыя трудно допустить въ печать. Г. Худяковъ (вып. III, № 95) пытался было передать эти характеристичныя подробности, но вынужденъ былъ сообщить ихъ съ значительными пропусками и умолчаніями. Подобная сказка есть у валаховъ (въ сборн. Шотта, стр. 226—232): дурень Бакала сожигаетъ цѣлой мѣшокъ ладону, и получаетъ за то въ награду отъ Бога волынку. Онъ нанимается къ попу пасти овецъ; выгоняя ихъ въ поле, пастухъ начинаетъ дудѣть, а овцы, заслыша музыку, пускаются плясать. Хозяинъ сталъ замѣчать, что овцы приходятъ домой голодныя, и вздумалъ посмотрѣть, что̀ бы это значило? Вышелъ въ поле и спрятался въ кустахъ терновника и дикихъ розъ. Какъ скоро заиграла волынка — заплясали всѣ овцы, заплясалъ и самъ хозяинъ: сильно онъ искололся и оборвался въ колючихъ кустахъ! Послѣ того пожелала послушать волынку хозяйка, и какъ услыхала, такъ и пустилась выплясывать, и до того истомилась, что тутъ-же умерла. — Интересными особенностями отличается нѣмецкая сказка: «Die Zwerchpfeife» (въ сборн. Вольфа, стр. 225—9): солдатъ, у котораго въ карманѣ всего-на̀всего было шесть крейцеровъ, повстрѣчался на дорогѣ съ двумя убогими странниками и раздѣлилъ съ ними послѣднія свои деньги. За такую доброту странники обѣщаютъ солдату исполнить три его желанія. Солдатъ пожелалъ медвѣжью гре-

40*

надерскую шапку, сапоги со шпорами и ружье. Все это было исполнено, и сверхъ того онъ получилъ въ придачу чудесную дудку. Солдатъ приходитъ къ королю и вызывается переночевать въ заклятомъ зàмкѣ. Ночью явился въ зàмокъ чортъ съ длиннымъ хвостомъ и огромными рогами. Солдатъ вынулъ дудку и сталъ насвистывать; чортъ плясалъ-плясалъ, уморился и запросилъ пощады, обѣщаясь навсегда покинуть тотъ зàмокъ. Въ награду за это король женилъ солдата на своей дочери. Когда пришло время умирать солдату, онъ попросилъ положить вмѣстѣ съ нимъ и дудку въ гробъ. Послѣ смерти является онъ къ небеснымъ вратамъ, но св. Петръ не пустилъ его: «когда тебѣ было обѣщано, сказалъ онъ, что будутъ исполнены три твои желанія, въ то время ты не захотѣлъ пожелать царства небеснаго!» Отправляется солдатъ въ адъ и начинаетъ играть на дудкѣ; плохо пришлось нечистымъ, хочешь-не хочешь — пляши! Чтобы избавиться отъ пляски и заставить солдата умолкнуть, они вынуждены были признать его своимъ полковникомъ.

Въ русской сказкѣ гусли-самогуды помогаютъ своему обладателю узнать тайную примѣту царевны, а это дало ему возможность жениться на ней. На такомъ отгадываньи дѣвичьей примѣты основанъ сербской разсказъ: «Лиjепе хаљине много коjешта учине» (у Вука Караджича, № 23). Царь объявилъ всенародно: кто отгадаетъ, какая примѣта у его дочери, за того отдастъ ее замужъ и въ приданое выдѣлитъ половину своего царства; а кто возьмется отгадывать, да не узнаетъ, тотъ или головой поплатится, или будетъ превращенъ въ барашка. Много было обезглавлено, много угодило въ ягнята. Не смотря на то, одинъ бѣднякъ захотѣлъ попытать счастья и пошелъ на царской дворъ; тамъ обступили его ягнята и жалостно блеяли, какъ-бы желая отвратить его отъ этого гибельнаго намѣренія; а отсѣченныя головы, чтò кругомъ

торчали на кольяхъ, пролили горькія слезы. «Зачѣмъ ты? спросила царевна; вѣрно за меня свататься.» — Нѣтъ, царевна! я пришелъ спросить: не надо-ль тебѣ какихъ нарядовъ для вѣнчанья? «А какіе у тебя есть?» Мòлодецъ назвалъ ей чудные наряды, и между прочимъ башмаки «од сухога злата ни ткате, ни ковате.» Царевна приказала принести ихъ на показъ; тотъ принёсъ — Богъ знаетъ, откуда и какъ добылъ онъ такія диковинки! Вотъ затворились они вдвоемъ въ комнатѣ; царевна стала примѣривать наряды, а доброй мòлодецъ приглядываться, нѣтъ ли у ней какой особой примѣты? и увидалъ на правомъ колѣнѣ золотую звѣзду. Послѣ явился онъ, посватался за царевну и женился на ней. «Выпусти мнѣ кровь изъ-подъ золотой звѣзды, сказала ему молодая жена; помажь ею всѣ отрубленныя головы и пусть каждой ягненокъ лизнетъ той-же крови.» Воля ея была исполнена — и тотчасъ всѣ убитые ожили, а ягнята обратились въ людей.

16.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА.

См. варіантъ въ Нар. сказкахъ, записан. сельскими учителями, №40. Заколдованная или очарованная царевна является героинею весьма многихъ сказокъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, и сказки эти, не смотря на обиліе сходныхъ сторонъ, представляютъ довольно - разнообразныя варіаціи одной и той-же главной темы. Царевна-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ нечистая сила, теряетъ свой бѣлоснѣжной цвѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, превращаются въ вороныхъ. По мѣрѣ того, какъ приближается срокъ ея избавленія, чернота

все болѣе и болѣе умаляется: и царевна, и кони ея становятся бѣлыми сначала до пояса, потомъ до колѣнъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ вліянія нечистой силы. Это то самое представленіе, на которомъ зиждется бо̀льшая часть народныхъ эпическихъ сказаній: дѣва-солнце, обезсиленная вѣдьмою-зимою или помраченная злымъ змѣемъ-тучею, утрачиваетъ на извѣстное время и свой блескъ и свою красоту. Подобныя сказки живутъ въ устахъ славянъ, венгровъ и нѣмцевъ; см. Ungarische Volksmärchen Штира, № 5 («Die schwarze Jungfrau») и 6; сборн. Вольфа, стр. 16—29, 40—53, 91—97, 127—133, 301—6, Slovenske pohádky, стр. 76—99 и Narodne pripovjedke Валявца, стр. 154—7. Хорутанская сказка выводитъ двѣнадцать братьевъ и заставляетъ ихъ идти въ заклятой городъ. Тамъ являются передъ ними двѣнадцать заколдованныхъ дѣвицъ—совершенно черныя: «чтобы насъ избавить, сказали онѣ мо̀лодцамъ, для этого нужно семь лѣтъ молчанія.» Братья согласились на этотъ трудной подвигъ; прошелъ одинъ годъ — у дѣвицъ лица стали бѣлыя, послѣ втораго года побѣлѣли шеи, послѣ третьяго—плечи, затѣмъ—руки и остальныя части тѣла до колѣнъ. На седьмое лѣто одиннадцать братьевъ не выдержали обѣта молчанія и были превращены въ камни, а дѣвицы снова сдѣлались черными. Двѣнадцатой братъ уцѣлѣлъ и рѣшается на новыя испытанія, чтобы только освободить ихъ отъ силы заклятія.

Кромѣ того, заколдованіе выражается еще въ измѣненіи человѣческаго образа на животненный, что̀ тѣсно связывается съ древнѣйшими представленіями силъ природы въ видѣ различныхъ птицъ и звѣрей. Представленія эти были единственнымъ источникомъ, изъ котораго возникло повсюду-распространенное вѣрованіе въ оборотней. Въ одномъ изъ напечатанныхъ нами варіантовъ очарованныя дѣвы прилетаютъ *голубками* и бьются съ тремя змѣями; въ другой русской

сказкѣ (вып. VII, № 26, вар.) обрѣчены на битву съ змѣемъ (тучею) *орелъ* и *ясёнъ-соколъ* (разносители Перуновыхъ стрѣлъ; см. примѣч. къ вып. VIII, № 8). Между норвежскими сказками есть слѣдующая (ч. II, № 3): Какъ-то ѣхала зимой королева, и пошла у ней йзъ носу кровь; красныя капли упали на свѣжій снѣгъ. Глядя на то, королева сказала: «есть у меня двѣнадцать сыновей и нѣтъ ни одной дочери... Ахъ, еслибы, вмѣсто этихъ мальчиковъ, да родилась у меня дочка —бѣлая какъ снѣгъ и румянная что̀ кровь; я право о сыновьяхъ и грустить бы не стала!» Только успѣла промолвить, какъ въ ту-же минуту явилася вѣдьма (Trollhexe). «Твое желаніе исполнится! сказала она королевѣ; у тебя будетъ дочь —бѣлая какъ снѣгъ и румянная что̀ кровь, но то̀тчасъ, какъ только она родится, твои сыновья должны быть моими.» Пришло время и королева родила дочь; окрестили ее и назвали Schneeweiss-Rosenroth. Въ ту-жъ минуту двѣнадцать королевичей превратились въ дикихъ утокъ и улетѣли. Бѣлоснѣжка выросла, и когда узнала, что ея рожденіе сдѣлало братьевъ несчастными, — отправилась ихъ отыскивать. Шла-шла, и очутилась въ дремучемъ лѣсу; увидала маленькую хижину и взошла въ нее. Въ хижинѣ не было ни души человѣческой; стояло тамъ двѣнадцать кроватокъ, накрытой столъ и двѣнадцать стульевъ, на столѣ было двѣнадцать приборовъ и столько-же ложекъ. Королевна прибрала комнату, постлала постели, развела огонь въ печкѣ, приготовила ужинъ, покушала, и оставивъ на столѣ свою ложку, легла на кроватку. Только что̀ засыпа̀ть стала, какъ послышался въ воздухѣ шумъ — прилетѣли въ комнату двѣнадцать дикихъ утокъ и превратились въ королевичей. «Ахъ, какъ все хорошо убрано! вотъ и ложка нашей сестрицы; вѣрно, она здѣсь!» заговорили братья. — Ее надо убить! сказалъ старшій; она причина нашего несчастія. «О нѣтъ! возразилъ меньшой, грѣшно убить ее за

чужую вину; всему причиною наша мать.» — Не убивайте меня! стала просить Бѣлоснѣжка; я много лѣтъ странствовала и все думала, какъ-бы найдти и избавить васъ. «Для того, чтобы избавить насъ, сказали братья, ты должна набрать пуху съ цвѣтовъ одуванчика, расчесать этотъ пухъ, выпрясть, выткать и сшить для насъ двѣнадцать сорочекъ и столько-же шапочекъ и шейныхъ платочковъ. Во все время этой долгой работы ты обязана ни говорить, ни плакать, ни смѣяться.» Бѣлоснѣжка согласилась и братья повели ее на широкой лугъ, на которомъ пестрѣли названные цвѣты. Всякой день собирала она мягкой пухъ и сидѣла за работой, дожидаясь братьевъ; сверхъ того варила имъ кушанье и стлала постели. Вечеромъ прилетали дикія утки и дѣлались принцами, а поутру они снова превращались въ птицъ и улетали. Однажды, когда прекрасная королевна собирала пухъ съ цвѣтовъ, вблизи того мѣста охотился молодой король. Онъ увидалъ Бѣлоснѣжку, и пораженный ея красотою, остановился и повелъ было рѣчь; но она упорно молчала. Не смотря на то, король такъ плѣнился дѣвушкой, что тотчасъ-же посадилъ ее на коня и увёзъ къ себѣ, вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ лежала ея работа. Онъ хотѣлъ на ней жениться; но его мачиха была противъ этого: «смотри, говорила она, чтобъ ни взять за себя вѣдьмы! Вѣдь не даромъ-же она все молчитъ, не плачетъ и не смѣется...» Король не послушался и женился. Бѣлоснѣжка и послѣ свадьбы продолжала шить братнины сорочки. До истеченія года она родила сына; но старая королева-ненавистница вошла ночью въ спальню, унесла ребёнка и бросила его въ змѣиную яму, потòмъ разрѣзала свой палецъ, обрызгала кровью губы спящей матери и сказала королю: «ступай-посмотри: твоя жена съѣла свое собственное дитя!» Король сильно запечалился, но любя жену, простилъ ее. На другой годъ Бѣлоснѣжка опять родила сына, а на

третій — дочь; старая королева выкрала и этихъ дѣтей. Тогда раздраженный отецъ отдалъ приказъ сжечь свою жену на кострѣ. Приготовили костёръ, зажгли и повели Бѣлоснѣжку; она захватила съ собой и свою работу: только сорочка младшаго брата была не дошита, все остальное было совсѣмъ готово. Вдругъ послышался шумъ въ воздухѣ — прилетѣло двѣнадцать дикихъ утокъ, всякая ухватила свое платье въ носикъ и накинула на себя, и въ ту-же минуту всѣ двѣнадцать превратились въ королевичей; только у меньшаго брата, вмѣсто лѣвой руки, осталось утиное крыло. Срокъ испытанія кончился; Бѣлоснѣжка могла говорить, и плакать, и смѣяться. Злоба мачихи была обнаружена и наказана: двѣнадцать сильныхъ жеребцовъ разорвали ее на части. Королевичи повели сестру и ея мужа къ змѣиной ямѣ: тамъ лежали три прекрасныхъ ребёнка, весело играя съ ящерицами и змѣями. Съ этой норвежскою сказкою совершенно тождественны помѣщенныя въ собраніи братьевъ Гриммовъ, т. I, №№ 9 («Die zwölf Brüder»), 25 («Die sieben Raben»), 49 («Die sechs Schwäne»): вѣдьма превращаетъ шестерыхъ королевичей въ лебедей; чтобы избавить ихъ, сестра должна шесть лѣтъ ни говорить, ни смѣяться, и приготовить шесть сорочекъ изъ цвѣтовъ Sternenblumen (астры); т. II, № 93 («Die Rabe»); въ изданіи Вольфа, стр. 217—224; Zeitschrift für Deut. Myth., т. I, стр. 310—5; Der Pentamerone (сказка о семи голубяхъ); Westslaw. Märchenschatz, стр. 112—6; Slov. pohádky, стр. 275—295: «O trech zhavranělych bratrich»; Narodne pripovjedke Валявца, стр. 218—221: «Mati zaklela sine na gavrane» (братья-вòроны требуютъ отъ сестры сшить для нихъ сорочки «iz samih perlov i dragih kamenov»).

Другія народныя сказки повѣствуютъ о превращеніи въ *медвѣдицу* (вып. VIII, № 12), *козла* (вып. VI, № 50), *собаку* (у Вольфа, стр. 9—15), *коней*, *свинью*, *змѣй* (вып.

VII, № 43; Kinder und Hausmärchen, т. II, № 92; въ сборн. Вольфа, стр. 206—216, 304) и разныхъ гадъ (см. примѣч. къ сказкѣ о царевнѣ-лягушкѣ). Жили да были, говоритъ норвежская сказка (ч. II, № 1), мужъ и жена; у нихъ было три сына: меньшой только и дѣлалъ, что̀ копался въ пеплѣ. Вздумалъ старшій сынъ и пошелъ въ королевской за̀мокъ проситься на службу. «Хорошо, сказалъ ему король; сторожи одинъ день моихъ семерыхъ жеребятъ, а ввечеру явись и доложи мнѣ, что̀ они ѣдятъ и пьютъ? Если добросовѣстно исполнишь эту обязанность, то получишь въ награду полцарства и мою дочь въ жены; а если нѣтъ—вырѣжу изъ твоей спины три ремня.» Какая легкая служба! подумалъ юноша и погналъ жеребятъ въ поле; тамъ на холму сидѣла старая баба съ веретеномъ въ рукахъ. Увидя мо̀лодца, баба изъявила желаніе поискать у него въ головѣ; онъ сейчасъ-же легъ къ ней на колѣна, провалялся цѣлой день и не видалъ, куда уходили жеребята и что̀ они пили и ѣли. Ворочается въ за̀мокъ; «что, спрашиваетъ король, стерёгъ, моихъ жеребятъ?»—Стерёгъ. «Что-жъ они пили и ѣли?» Пастухъ подалъ ему фляжку воды и клочекъ моху. Король разгнѣвался и велѣлъ вырѣзать у него три ремня изъ спины. Тоже случилось и со вторымъ братомъ. Наконецъ явился на службу въ королевской за̀мокъ меньшой братъ; выгнавши жеребятъ въ поле, онъ не захотѣлъ лечь къ бабѣ на колѣна, и чтобы не отстать отъ своего стада, ухватился за хвостъ одного жеребёнка. «Садись на меня!» сказалъ ему жеребёнокъ и привёзъ его къ большому березовому пню. Старшій изъ семи жеребятъ оттолкнулъ пень въ сторону; подъ нимъ открылася дверь, которая вела въ небольшую комнату. Въ той комнатѣ висѣлъ старой заржавленной мечъ. «Возьми этотъ мечъ, сказалъ жеребёнокъ; въ день твоей свадьбы ты долженъ отрубить намъ головы и снять кожи, начиная съ хвоста; тогда мы опять сдѣлаемся короле-

вичами, какъ прежде были. Мы—братья той прекрасной королевны, которая тебѣ обѣщана за твою службу; злой тролль (великанъ, драконъ = туча) набросилъ на насъ волшебную шкуру, и мы стали жеребятами.» Отсюда они пошли на церковной дворъ, гдѣ на короткое время жеребята превратились въ добрыхъ молодцевъ и приняли отъ священника хлѣбъ и вино: это и была ихъ пища. Какъ скоро удалились королевичи съ церковнаго двора, они снова утратили человѣческіе образы и стали по прежнему жеребятами. Конецъ разсказа очевиденъ и безъ поясненій.—Особенно интересна сказка, сообщенная Гальтрихомъ подъ заглавіемъ: «Das Borstenkind» (Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, № 43). Однажды сидѣла королева подъ тѣнистою липою и чистила яблоки; а возлѣ рѣзвился трехлѣтній малютка — ея сынъ, и такъ-какъ мать не хотѣла дать ему яблока, то онъ схватилъ обрѣзанную кожицу и съѣлъ. Увидя то, королева разгнѣвалась и съ сердцемъ сказала: «о, чтобъ ты поросёнкомъ былъ!» И въ то-же мгновеніе мальчикъ обратился въ поросёнка, захрюкалъ и убѣжалъ въ свиное стадо. На краю лѣса проживала одна бѣдная немолодая чета — мужъ съ женою; дѣтей у нихъ не было, и они сильно о томъ грустили. Вечеромъ, когда стадо ворочалось домой, оба они сидѣли на дворѣ, и жена промолвила мужу: «ахъ, еслибы Господь даровалъ намъ ребёнка—хоть такого щетинистаго, какъ свинка!» Не успѣла окончить, какъ прибѣжалъ поросёнокъ, началъ къ нимъ ласкаться и не хотѣлъ отойдти прочь. Старуха увидѣла, что Господь исполнилъ ея желаніе, взяла того поросёнка въ свою избу и стала заботиться о немъ, какъ о собственномъ дитяти: приготовляла для него мягкую постель и давала ему ѣсть бѣлой хлѣбъ и молоко. Раннимъ утромъ, когда раздавался рожокъ пастуха, поросёнокъ убѣгалъ изъ дому и слѣдовалъ за стадомъ, а вечеромъ возвращался назадъ. Но

что удивительнѣе: онъ могъ говорить, какъ настоящій человѣкъ! Долго росъ поросёнокъ, и наконецъ въ шестьнадцать лѣтъ сдѣлался большимъ боровомъ. Случилось—какъ-то старики разговаривали между собою, что король изъявилъ всенародно обѣщаніе выдать свою дочь замужъ за того, кто исполнитъ три его задачи; но что до сихъ поръ не нашлось такого счастливца. Borstenkind услыхалъ эти рѣчи и сказалъ: «отецъ! веди меня къ королю и посватай за меня его прекрасную дочь.» Послѣ долгихъ отговорокъ, старикъ вынужденъ былъ согласиться и отправился сватомъ; король приказалъ жениху выполнить слѣдующія три задачи: во первыхъ, чтобы зàмокъ, въ которомъ жила королевская семья, былъ къ слѣдующему утру весь изъ чистаго серебра; во 2-хъ, чтобы противъ этого зàмка, въ семи миляхъ разстоянія, былъ въ одну ночь построенъ дворецъ изъ чистаго золота; въ 3-хъ, чтобы между этимъ дворцемъ и королевскимъ зàмкомъ былъ алмазной мостъ. Желанія короля были исполнены, и Borstenkind женился на прекрасной королевнѣ. Ночью онъ являлся къ женѣ златовласымъ юношею изумительной красоты, а днемъ превращался въ щетинистаго борова. По совѣту матери, королевна воспользовалась сномъ своего мужа и сожгла на огнѣ его свиную шкурку (Borstenkleid), въ надеждѣ, что такимъ образомъ онъ освободится отъ заклятія. Но поутру королевичъ сказалъ ей: «ты не хотѣла выждать, и затруднила мое избавленіе; я теперь долженъ удалиться на край свѣта, и ни одна смертная душа не въ силахъ туда явиться, чтобы меня избавить!» Королевичъ исчезъ, а любящая жена пускается его отыскивать: сначала она идетъ къ вѣтру, потомъ на крылатомъ конѣ ѣдетъ къ мѣсяцу, затѣмъ къ солнцу, къ утренней и вечерней звѣздамъ, и наконецъ послѣ разныхъ трудностей находитъ своего мужа, соединяется съ нимъ и рождаетъ чуднаго ребёнка съ блестящимъ лицомъ, какъ мѣсяцъ, съ

золотыми кудрями, какъ солнце, и съ очами, подобными утренней и вечерней звѣздамъ. Смыслъ этого преданія тотъ-же, что̀ и русской сказки о *свиномъ кожушкѣ* (см. примѣч. къ вып. VI, № 28). Свинья, въ древнѣйшихъ миѳическихъ представленіяхъ, была символомъ зимы; удаляясь на̀ зиму, доброй мо̀лодецъ Солнце какъ-бы надѣваетъ на себя покровъ, подъ которымъ до поры-до времени таится его красота и его жгучіе лучи—золотыя кудри; говоря метафорическимъ языкомъ, онъ одѣвается въ свиную шкурку и дѣлается оборотнемъ. По народнымъ повѣрьямъ, занесеннымъ во многія сказки, превращеніе совершается набрасываніемъ на себя шкуры или кожи того животнаго, въ образъ котораго надо перекинуться; снятіе же этой шкурки влечетъ за собою возстановленіе естественнаго, первоначальнаго вида; въ устахъ поселянъ доселѣ живутъ разсказы о томъ, какъ иногда, застрѣливъ волка, подъ шкурою его находятъ человѣка, который за нѣсколько времени до того былъ превращенъ въ вовкулака. Самое слово *оборачиваться*, въ простонародномъ произношеніи *обворачиваться* (*обернуться*, *обвернуться*), указываетъ на переряживанье, покрытіе себя (обвертываніе) какимъ-нибудь одѣяніемъ. Подобно тому о солнцѣ, затемненномъ облаками, было представленіе, что оно рядилось въ шкуры тѣхъ животныхъ (преимущественно волка и коровы), въ о̀бразахъ которыхъ миѳъ олицетворялъ тучи; сравни слова: *облако, облечься, облаченіе*. Отсюда возникло преданіе о волшебной сорочкѣ, надѣляющей того, кто ее носитъ, необычайною силою (см. примѣч. къ № 26). Чтобы освободить оборотня, надо снять, совлечь съ него звѣриную шкуру, и для того обезглавить его чудодѣйственнымъ мечемъ (символъ молніи), или похитить снятую имъ на время кожурину и сжечь ее на огнѣ (вып. II, № 23; вып. VII, № 27); въ сербской пѣснѣ будинская королева сожигаетъ сорочку, превращавшую ея сына въ чудовище, въ

живомъ огнѣ. Живой огонь добывался чрезъ треніе дерева о дерево и при совершеніи языческихъ празднествъ служилъ символомъ небеснаго огня. Такимъ образомъ сожженіе звѣриной шкурки означало метафорически дѣйствіе молніеносныхъ стрѣлъ, разбивающихъ тучи, и возрожденіе съ весною жаркихъ солнечныхъ лучей.

20.

СЧАСТЛИВОЕ ДИТЯ.

См. варіантъ во II-мъ т. Пермскаго сборника, стр. 175—7, и литературную передѣлку В. И. Даля (Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго, ч. IV, стр. 195—214). Сказка эта отличается легендарнымъ тономъ: добродѣтельный купецъ молитъ Бога, чтобъ даровалъ ему дѣтище, и подкрѣпляя свою мольбу богоугоднымъ дѣломъ, строитъ длинной мостъ черезъ топи и болота, на пользу всего люда православнаго (сравни вып. VII, № 3; вып. VIII, № 24). Много денегъ потрачено, но дѣло исполнено, и вотъ идутъ по этому мосту три святыхъ старца и предсказываютъ, что родится у купца *счастливой* сынъ: все, чего ни попроситъ онъ, то и сотворитъ ему Господь. Иногда вмѣсто этихъ безымянныхъ старцевъ народные разскащики называютъ Спасителя, Николая-угодника и святителя Митрофана. — Подобное сказаніе извѣстно у чеховъ (Westslawischer Märchenschatz, стр. 82—86), хорутанъ (Narodne pripovjedke Валявца, стр. 201—4) и нѣмцевъ (Kinder- und Hausmärch., т. I, № 76 и т. III, стр. 125—6). Одна бездѣтная королева каждое утро приходила въ садъ и молилась, взирая на небо, чтобы Господь даровалъ ей сына или дочь. Явился къ ней ангелъ и сказалъ: «успокойся! у тебя будетъ

сынъ съ счастливыми мыслями: все, что̀ только онъ пожелаетъ, тотчасъ и совершится.» Королева родила мальчика и каждое утро носила его въ садъ мыть въ ключевой водѣ. Случилось однажды, что она заснула возлѣ колодца; мальчикъ лежалъ у ней на колѣняхъ. Пришелъ старой поваръ, который зналъ про счастливыя мысли ребёнка, и похитилъ его; а чтобы скрыть свое преступленіе, онъ зарѣзалъ курицу, кровью ея замаралъ передникъ и платье матери, и побѣжалъ къ королю съ жалобой, что королева не усмотрѣла и дикіе звѣри растерзали его первенца. Разгнѣванный король присудилъ замуровать ее въ башню. Тамъ она должна была высидѣть семь лѣтъ безъ питья и пищи; но милосердый Богъ не оставилъ страдалицу: онъ далъ ей двухъ ангеловъ, которые каждый день прилетали съ неба въ видѣ бѣлыхъ голубей и приносили королевѣ пищу. Спустя нѣсколько времени поваръ удалился изъ королевскаго за̀мка, и такъ-какъ мальчикъ уже выросъ и могъ говорить, то онъ заставилъ его пожелать, чтобы на извѣстномъ мѣстѣ явился великолѣпной дворецъ съ садомъ. Желанье исполнилось, и они поселились въ этомъ дворцѣ. «Не хорошо, что ты одинъ! сказалъ какъ-то поваръ мальчику; пожелай себѣ въ подруги прекрасную дѣвицу.» Королевичъ пожелалъ, и тотчасъ явилась передъ нимъ такая красавица, какой ни одинъ художникъ не могъ нарисовать. Они полюбили другъ друга и завсегда были вмѣстѣ; а поваръ ходилъ на охоту и жилъ, какъ знатной человѣкъ. Одно его смущало: ну, какъ мальчикъ пожелаетъ увидать своего отца—тогда бѣда! и вотъ онъ призываетъ дѣвицу и отдаетъ ей такой приказъ: «въ эту-же ночь зарѣжь соннаго мальчика и принеси ко мнѣ его языкъ и сердце; да помни: если не исполнишь моей воли, то сама прощайся съ жизнію!» Добрая дѣвушка зарѣзала маленькаго оленя, взяла изъ него сердце и языкъ и положила на тарелку; увидя, что идетъ поваръ, она приказала королевичу лечь въ по-

стель и закрыться. Злодѣй вошелъ и спросилъ: «гдѣ же языкъ и сердце мальчика?» Дѣвушка подала ему тарелку, а королевичъ всталъ съ постели и сказалъ: «за что ты, старой грѣшникъ, хотѣлъ меня убить? Слушай же свой приговоръ: ты долженъ быть чернымъ пуделемъ съ золотой цѣпью на шеѣ и жрать горячіе уголья!» Превращеніе совершилось: поваръ сталъ чернымъ пуделемъ и ѣлъ горячіе уголья, хоть они и жгли ему глотку. Вспомнилъ королевичъ о своей матери и сказалъ дѣвицѣ: «я думаю идти на мою родину; хочешь и ты со мною?» Она не хотѣла съ нимъ разставаться, и королевичъ пожелалъ, чтобъ она была гвоздикою, воткнулъ цвѣтокъ въ свое платье и пошелъ въ дорогу, а вслѣдъ за нимъ бѣжалъ пудель. Окончаніе извѣстное: король узнаетъ истину; поваръ, по возвращеніи ему человѣческаго вида, казненъ; королева освобождена изъ заточенія, но прожила не болѣе трехъ дней; когда ее схоронили, на новую могилу спустились два голубя. По желанью королевича, гвоздика превратилась въ прекрасную дѣвицу, на которой онъ и женился. Таково содержаніе нѣмецкой сказки. Не менѣе интересно начало хорутанскаго разсказа: однажды Господь и св. Петръ остановились на ночлегъ въ домѣ, гдѣ хозяйка была беременная. Ночью почувствовала она муки родовъ, но никакъ не могла разродиться и сильно кричала. «Господи! сказалъ Петръ, сотвори такъ, чтобы она не мучилась.»—Ступай, посмотри на небо! былъ ему отвѣтъ. Петръ вышелъ посмотрѣть и увидѣлъ, что по воздуху летали львы; воротясь, онъ разсказалъ свое видѣніе. «Если бы въ этотъ часъ родилось дитя, вымолвилъ Господь, изъ него вышелъ бы человѣкъ звѣрскихъ свойствъ». Въ другой и въ третій разъ выходитъ Петръ взглянуть на небо: послѣ львовъ въ воздухѣ носились дикіе звѣри, а потомъ ихъ смѣнили кроткія овечки. За третьимъ видѣніемъ Господь разрѣшилъ утробу матери; она родила младенца, и стала упрашивать странни-

ковъ, чтобъ они приняли его отъ купели. Странники согласились, окрестили ребёнка, и Господь его надѣлилъ такимъ даромъ, что «'se dojde pred njega, kaj si izmisli».

21.

ЦАРИЦА-ГУСЛЯРЪ.

Сличи въ Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 98—115 и Zeitschrift für Deutsche Mythol., т. II, стр. 377—384 («Die getreue Frau»). При разлукѣ съ мужемъ царевна даетъ ему бѣлоснѣжную сорочку, съ которой соединяется то чудное свойство, что до тѣхъ поръ, пока царевна не нарушитъ супружеской вѣрности, сорочка эта постоянно будетъ чистою: ни грязь, ни пыль къ ней не пристанутъ, и ни одно пятно не повредитъ ея бѣлизнѣ.

25.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА.

Сходныя сказки смотри въ Narodne pripovjedke Валявца, стр. 127—8, 154—7; въ собраніи Вольфа, стр. 82—90, и Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. II, стр. 384—5.

26.

ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА.

Приводимъ варіантъ, записанный въ соликамскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, г. Д. Пѣтуховымъ:

Служилъ въ полку бравой солдатъ, получилъ изъ дому сто рублей. Провѣдалъ про то фельдфебель, занялъ у него деньги; а когда пришло время разсчитываться, то вмѣсто всякой уплаты далъ ему сто палокъ въ спину: «я де твоихъ денегъ не видалъ, а всклепалъ ты на меня затѣйкою!» Солдатъ осердился и бѣжалъ въ темной лѣсъ; лёгъ было отдохнуть подъ дерево, глядь — летитъ шестиглавой змѣй. Прилетѣлъ, расспросилъ солдата про его житье-бытье, и говоритъ: «чѣмъ тебѣ по̀ лѣсу таскаться, наймись ко мнѣ на три года.» —Изволь! отвѣчаетъ солдатъ. «Ну, садись на меня.» Солдатъ сталъ навьючивать на змѣя весь свой скарбъ. «Эхъ, служивой, зачѣмъ берешь съ собою эту дрянь?» — Что ты, змѣй! солдата и за пуговицу больно бьютъ, такъ какъ-же ему свой скарбъ покинуть? Змѣй принёсъ солдата въ свои палаты и наложилъ на него такую службу: «сиди у котла три года, огонь разводи да кашу вари!» А самъ улетѣлъ на все это время по свѣту странствовать. Работа нетрудная: подложитъ солдатъ дровъ подъ котёлъ, и сидитъ себѣ—водочку попиваетъ да закусками заѣдаетъ, а водка у змѣя не то что̀ нашинская—изъ-подъ лодки (т. е. вода), а куда забористая! Черезъ три года прилетѣлъ змѣй: «что, служивой, готова ли каша?» — Должно быть, готова! огонь у меня во всѣ три года николи̇́ не погасалъ. Змѣй съѣлъ весь котёлъ за единой разъ, похвалилъ солдата за хорошую службу и нанялъ его на другіе три года. Прошло и это время; змѣй съѣлъ кашу и оставилъ солдата еще на три года. Два года варилъ солдатъ кашу, а на исходѣ третьяго вздумалъ: «что-же я живу у змѣя девятое лѣто, все ему кашу варю, а какова она? и не пробовалъ. Дай отвѣдаю!» Поднялъ крышку, а въ котлѣ фельдфебель сидитъ. «Хорошо-же! думаетъ, ужь я тебя, дружокъ, потѣшу; удружу за твои палки!» И ну таскать дрова да подъ котёлъ подкладывать, какъ можно больше; такой огонь развелъ, что не

только мясо, всѣ косточки разварилъ! Змѣй прилетѣлъ, съѣлъ кашу и похвалилъ солдата: «ну, служивой! прежде была хороша каша, а теперь и того лучше уварилася! Выбирай себѣ въ награду что̀ полюбится.» Солдатъ глянулъ туда-сюда и выбралъ богатырскаго коня и рубаху изъ толстаго холста. Рубаха была не простая, а волшебная: только надѣнь ее — богатырь будешь. Солдатъ ѣдетъ къ одному королю, помогаетъ ему въ тяжелой войнѣ и женится на его прекрасной дочери. Только королевнѣ было не по̀ сердцу, что выдали ее замужъ за простаго солдата; свела она шашни съ сосѣднимъ королевичемъ, и чтобы дознаться, въ чемъ заключается богатырская сила солдата, стала къ нему подольщаться; вывѣдала, улучила минуту, сняла съ соннаго мужа рубашку и отдала королевичу. Тотъ надѣлъ на себя волшебную рубаху, ухватилъ мечъ, изрубилъ солдата на мелкія части, поклалъ ихъ въ кулёкъ, и приказалъ конюхамъ: «возьмите вотъ этотъ кулёкъ, прицѣпите къ какой-нибудь клячѣ и гоните ее въ чистое поле!» Конюхи пошли приказъ выполнять, а солдатской богатырской конь обернулся клячею и самъ къ нимъ на глаза лѣзетъ. Взяли они-прицѣпили къ нему кулёкъ, и погнали коня въ чистое поле. Богатырской конь быстрѣй птицы пустился, прибѣжалъ къ змѣю, остановился у его дворца, и три дня-три ночи безъ устали ржалъ. На ту пору змѣй крѣпко-крѣпко спалъ, насилу проснулся отъ конскаго ржанья и топота, вышелъ изъ палатъ, заглянулъ въ кулёкъ и ахнулъ! Взялъ изрубленные куски, сложилъ вмѣстѣ, обмылъ мертвою водою — солдатское тѣло срослося; взбрызнулъ живою водою —и солдатъ ожилъ: «фу, говоритъ, какъ я долго спалъ!» — Долго бы спать тебѣ, еслибъ не доброй конь! отвѣчалъ змѣй, и выучилъ солдата хитрой наукѣ принимать на себя разные виды. Солдатъ обернулся голубемъ, полетѣлъ къ королевичу, съ которымъ его невѣрная жена стала вмѣстѣ

жить, и усѣлся на кухонное окошечко. Увидала его молодая стряпка: «ахъ, говоритъ, какой хорошенькой голубокъ!» Отворила окно и впустила его въ кухню. Голубокъ ударился ѝбъ полъ и сталъ добрымъ мо̀лодцемъ: «услужи мнѣ, красная дѣвица! я тебя замужъ возьму.»—Чѣмъ-же тебѣ услужить? «Добудь съ королевича толстаго холста рубашку.»—Да вѣдь онъ ее никогда не сымаетъ! развѣ тогда сымаетъ, когда въ морѣ купается. Солдатъ распросилъ: въ которое время королевичъ купается, вышелъ на дорогу и сдѣлался цвѣточкомъ. Вотъ идутъ королевичъ съ королевною на̀ море, а за ними стряпка съ чистымъ бѣльемъ. Увидалъ королевичъ цвѣтокъ и любуется, а королевна сейчасъ догадалася: «ахъ, вѣдь это проклятой солдатъ перекинулся!» Сорвала цвѣтокъ и давай его мять да листочки обрывать; цвѣтокъ обернулся малою мушкою, и спрятался незамѣтно у стряпки за пазуху. Какъ только королевичъ раздѣлся да полѣзъ въ воду, мушка вылетѣла и обернулась яснымъ соколомъ, соколъ подхватилъ-унёсъ рубашку, и сдѣлавшись добрымъ мо̀лодцемъ, надѣлъ ее на себя. Тутъ солдатъ взялся за мечъ, предалъ смерти и жену-измѣнщицу и ея любовника, а самъ женился на красной дѣвицѣ — молодой стряпкѣ. Другой варіантъ см. въ Нар. сказкахъ, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, стр. 25—29. Волшебная сорочка, съ обладаніемъ которой преданіе соединяетъ богатырскую силу, упоминается и въ нѣмецкихъ сказкахъ; см. у Вольфа, стр. 148: только тотъ въ состояніи владѣть мечемъ-кладенцомъ, кто надѣнетъ на себя волшебную сорочку.

28.

ЖАДНАЯ СТАРУХА.

Сказка эта въ одномъ изъ своихъ варіантовъ (вып. VIII, № 15: «Золотая рыбка») извѣстна всему читающему русскому

люду, благодаря стихотворной передѣлкѣ Пушкина. Ту-же роль, какую играетъ здѣсь золотая рыбка, въ другихъ варіантахъ исполняютъ: лиса, птичка-невеличка и дерево, что̀ конечно не чуждо связи съ древними миѳическими представленіями, олицетворявшими въ себѣ естественныя силы природы. Еще одинъ списокъ этой сказки см. у Худяк., вып. I, № 37.

29.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

Въ этотъ разсказъ занесено любопытное преданіе: изъ крови убитой дѣвицы выростаютъ цвѣты, а душа ея превращается въ соловья. Представленіе души птицею принадлежитъ глубокой старинѣ; египетскіе іероглифы обыкновенно изображали душу умершаго въ видѣ копчика съ человѣческой головкою (Zeitschrift für Deut. Mythol., т. IV, стр. 245; подробныя розысканія по этому предмету сообщены мною въ III т. Архива историко-юрид. свѣдѣній о Россіи, изд. Н. Калачовымъ).

30.

БАБА-ЯГА.

Сравни въ сборникѣ хорутанскихъ сказокъ Валявца, стр. 6—7, и въ изданіи Боричевскаго «Повѣсти и преданія народ. славян. племени», стр. 123—6. Рожденіе малчиковъ изъ яицъ напоминаетъ извѣстный миѳъ о Ледѣ.

32.

СОЛДАТЪ И ЦАРЬ ВЪ ЛѢСУ.

Подобная сказка извѣстна и у нѣмцевъ; см. въ изд. Вольфа, стр. 65—72.

34.

ЧОРТЪ И СОЛДАТЪ.

Сказка эта повѣствуетъ о превращеніи чортомъ царевны въ березу, а трехъ ея братьевъ въ соколовъ; сличи въ Kinder- und Hausmärchen, т. II, № 123—о подобномъ-же превращеніи вѣдьмою въ дерево.

35.

ИВАНЪ-КУПЕЧЕСКОЙ СЫНЪ ОТЧИТЫВАЕТЪ ЦАРЕВНУ.

Отчитыванье, т. е. чтеніе въ слухъ священной книги надъ красавицею, которою овладѣлъ нечистой духъ, и вообще надъ «заклятыми», признается въ народѣ вѣрнѣйшимъ средствомъ, противодѣйствующимъ демонской власти. Оно употребляется и надъ умершими вѣдьмами и колдунами, поѣдающими живыхъ людей, и обыкновенно сопровождается очерчиваніемъ круга и запретомъ оглядываться (см. вып. VII, № 34 и 36, b, c; Пермск. сборн., ч. II, стр. 173—4; Худяк.,

вып. I, № 11; Этногр. сборн., вып. V, статья о кашубахъ, стр. 129—130; Ungarische Volksmärch., № 10: «Die Princessin im Sarge» и Deutsche Hausmärch. Вольфа, стр. 258—262: «Die Leichenfresserin»). Напечатанная нами сказка, сходная въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ лубочной сказкою о Силѣ-царевичѣ, носитъ на себѣ слѣды позднѣйшей переработки; содержанію уже приданъ легендарной тонъ. Болѣе древніе черты сохранились въ редакціяхъ венгерской и нѣмецкой, гдѣ роль таинственнаго помощника выполняетъ старой карликъ (klein alt Männlein).

36.

РАСКАЗЫ О ВѢДЬМАХЪ.

Разсказъ подъ буквою *c*, повѣствующій о томъ, какъ вѣдьма, набрасывая на человѣка узду, превращаетъ его въ коня,—извѣстенъ также у хорутанъ и нѣмцевъ (Narodne pripov., стр. 59 и 245—6; сбор. Гальтриха, стр. 29); въ другихъ сказкахъ обращеніе это совершается черезъ ударъ плети (кнута-самобоя, см. вып. VIII, № 22 и 26). Разсказъ, напечатанный нами въ VIII вып., № 10, b, встрѣчается и въ книгѣ Новосельскаго «Lud Ukraiński», т. II, стр. 41—49. Другіе разсказы о вѣдьмахъ см. въ Запискахъ о южн. Руси, т. II, стр. 36—41, и у Худяк., вып. I, № 40.

39.

ДВА ИВАНА, ДВА СОЛДАТСКИХЪ СЫНА.

Эта любопытная сказка повѣствуетъ о борьбѣ двухъ богатырей съ чудовищными змѣями—мотивъ, такъ часто повторя-

емый въ эпическихъ сказаніяхъ арійскихъ племенъ (см. сказки о трехъ царствахъ, Иванѣ Быковичѣ и многія другія; у Худ., вып. III, № 81, 117; Litauische Märch., стр. 4—6; въ собр. Вольфа, стр. 369—376) и въ миѳическихъ образахъ живописующій весеннія грозы. Сказочные герои, противники змѣевъ, добываютъ себѣ изъ горы (тучи) по несокрушимой саблѣ (мечъ-самосѣкъ = молнія) и богатырскому коню. Кони эти суть олицетворенія быстролетныхъ, гонимыхъ вѣтрами тучъ, и потому къ сѣдламъ ихъ привѣшены пузырьки съ цѣлющей и живой водою. Интересный варіантъ означенной сказки находимъ въ изданіи Lud Ukraiński, т. I, стр. 305—327, подъ заглавіемъ: «Bajka o biednej dziewczynie i o odcisku stopy na skale». Былъ когда-то человѣкъ и была у него наймичка красная дѣвица. Разъ, когда ворочалась она съ поля, напала на нее сильная жажда; увидала она на дорогѣ двѣ ступни, полныя воды, напилась и тотчасъ-же почувствовала, что въ скоромъ времени будетъ матерью. «Były to stopy boże», т. е. тѣ живые ключи, которые бьютъ изъ-подъ копытъ Пегаса и нашихъ богатырскихъ коней, или попросту: дождь, проливаемый тучами, дѣйствіемъ котораго чреватѣетъ мать-сыра земля и даетъ плодъ [1]). Родила наймичка двухъ сыновъ-соколо̀въ; быстро выросли они и семилѣтками поѣхали по свѣту странствовать. Долго̀ ли, коротко ли—въѣзжаютъ въ густой лѣсъ, бѣжитъ стадо зайцевъ. «Выстрѣлимъ по зайцамъ!» говоритъ младшій братъ. Только было̀ натянули луки, какъ выскочилъ наперёдъ одинъ заяцъ и провѣстился: «не стрѣляйте насъ! мы дадимъ вамъ по единому слугѣ»—и дали мо̀лодцамъ по зайцу. Тоже случилось пото̀мъ при встрѣчѣ съ лисицами, волками, медвѣдями и львами: У каждаго брата оказалось по

[1]) Какъ въ валахской сказкѣ о Флоріанѣ, такъ и въ русской объ Иванѣ Водовичѣ—оба эти герои зарождаются отъ воды, выпитой ихъ матерями.

пяти звѣриныхъ слугъ. Выѣхали мо̀лодцы въ чистое поле, прискакали къ высокому явору, отъ котораго шли двѣ разныхъ дороги, и рѣшились разстаться: одинъ задумалъ ѣхать направо, а другой налѣво. Закопали они подъ тѣмъ яворомъ вина красное и бѣлое: «если приключится мнѣ смерть, говоритъ старшій братъ младшему, то бѣлое вино покраснѣетъ; а если съ тобой будетъ эта бѣда, то красное вино побѣлѣетъ.» Распрощались и разъѣхались. Старшій братъ, съ помощію своихъ звѣрей, поражаетъ змѣя и освобождаетъ прекрасную царевну; вырѣзываетъ изъ змѣиныхъ головъ языки, кладетъ ихъ въ мѣшокъ, а туловище подъ камень, и затѣмъ засыпаетъ вмѣстѣ съ своими слугами крѣпкимъ сномъ. Цыганъ убиваетъ мо̀лодца и выдаетъ себя за царевнина избавителя. На девятой день пробудились звѣри отъ сна и заплакали по своемъ господинѣ. «Что-же мы сидимъ надъ нимъ и плачемъ, сказалъ наконецъ левъ; развѣ это поможетъ? Надо подумать, какъ-бы оживить его. Когда я еще былъ во львиномъ стадѣ и бродилъ по̀ свѣту, то далеко за морями, за горами видѣлъ двѣ криницы съ водою цѣлющею и живою; но мнѣ не достать той воды, я не въ силахъ быстро бѣгать—не тѣ ужь мои года! — и не уйду отъ во̀роновъ съ желѣзными носами, что̀ стерегутъ криницы, не подпуская къ нимъ ни птицъ, ни звѣрей, и побивая похитителей клювами.» Заяцъ и лиса вызвались помочь дѣлу, прибѣжали къ криницамъ, выждали время, и какъ только во̀роны полетѣли на зорѣ за добычею— набрали живой и цѣлющей воды и пустились назадъ. Дорогу охраняли толкучія горы; лиса счастливо проскользнула промежъ ихъ, а у зайца столкнувшіяся горы отбили хвостъ; отъ того-то онъ и куцой. Воротилась лиса съ зайцемъ, а ужь покойника давно черви ѣдятъ; окропили трупъ чудесной водою— и мо̀лодецъ ожилъ. Посылаетъ онъ къ царевнѣ быстроногаго зайца съ запискою; обманъ обнаруженъ, цыгана привязыва-

ютъ къ лошадиному хвосту, а доброй мòлодецъ женится на царевнѣ. Недалеко отъ дворца стояла избушка, и въ ней по цѣлымъ ночамъ огонь свѣтился. Запримѣтилъ то доброй мòлодецъ и сталъ распрашивать у жены. «Тамъ живетъ старая змѣя!» сказала царевна. Онъ велѣлъ осѣдлать коня, забралъ своихъ звѣрей, и сказавшись, что ѣдетъ на охоту, пустился къ дому змѣи; пріѣхалъ на дворъ—на дворѣ столбъ стоитъ съ двумя кольцами золотымъ и серебренымъ, привязалъ коня къ золотому кольцу и вошелъ въ избушку. Глядь—ѣдетъ баба въ желѣзной ступѣ, желѣзнымъ толкачомъ подпирается: «доселева, говоритъ, про царевича слыхомъ было не слыхать, а теперь очами вижу; что по волѣ, аль по неволѣ?» — Доброму мòлодцу всегда воля! «Возьми-ка, сынокъ, два прутика, чтò на печкѣ лежатъ, и махни ими на своихъ звѣрей; не ровёнъ часъ—укусятъ меня!» Царевичъ взялъ прутики, махнулъ на своихъ вѣрныхъ слугъ — и въ ту-же минуту звѣри окаменѣли, а вмѣстѣ съ ними и самъ мòлодецъ и его доброй конь превратились въ камни. Ждетъ царевна мужа и дождаться не можетъ, только слезами обливается. А другой братъ ѣздилъ-ѣздилъ по свѣту, воротился къ явору, посмотрѣлъ —а бѣлое вино покраснѣло; отправился въ розыски, и добрался до того государства, гдѣ все разсказанное случилось. Весь народъ и сама царевна приняли его за царевича: такъ близнецы были сходны! Желая развѣдать про судьбу погибшаго брата, онъ поддерживаетъ невольный обманъ, три ночи ложится съ царевною спать на братнино ложе и кладетъ между собой и ею острой мечъ: «если я до тебя дотронусь — пусть меня мечъ убьетъ!» [1]) Онъ также замѣтилъ огонь въ избушкѣ старой

[1]) Этотъ эпической пріемъ для обозначенія неприкосновенности женской чести встрѣчается въ Нибелунгахъ и во многихъ народныхъ сказкахъ (см. Ungarische Volksmärch., стр. 124; Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 168—170; Тысяча и одна ночь, т. X, стр. 22).

змѣи и поѣхалъ въ ту сторону; прискакалъ на дворъ—у столба стоитъ каменной конь, къ золотому кольцу привязанъ; привязалъ своего коня къ серебреному кольцу и вошелъ въ избушку. Пріѣзжаетъ баба въ желѣзной ступѣ и проситъ нежданнаго гостя махнуть на своихъ звѣрей прутиками. «А, дьявольская баба! отвѣчалъ гость, ты и меня хочешь превратить въ камень, какъ моего брата... Эй, крикнулъ онъ на своихъ слугъ, хватайте ее!» Звѣри схватили ее и начали рвать; баба смирилася и указала ему живую воду; доброй мо̀лодецъ окропилъ той водой своего брата и его звѣрей — и всѣ они ожили. Стали собираться домой; младшій братъ, садясь на коня, усмѣхнулся и сказалъ: «не сердись на меня, братецъ! я съ твоей женой три ночи спалъ.» Какъ услышалъ это старшій, тотчасъ-же выхватилъ мечъ изъ ножо̀нъ и отрубилъ ему голову. Смутный и гнѣвный пріѣзжаетъ онъ домой; вечеромъ, войдя въ спальню, онъ снялъ съ себя мечъ и повѣсилъ на стѣнѣ. Царевна бросилась ему на шею: «милой! сказала она для чего ты въ прошлыя три ночи клалъ всегда мечъ между мной и собою?» Отъ тѣхъ словъ точно ножемъ кольнуло его въ сердце: «братъ меня оживилъ, подумалъ мо̀лодецъ, а я у него жизнь отнялъ!» Раннимъ утромъ поѣхалъ онъ къ мертвому брату; около его трупа лежали вѣрные звѣри и плакали. Царевичъ взялъ голову убитаго, приставилъ къ туловищу, взбрызнулъ цѣлющей и живой водою—тотъ ожилъ, и все кончилось счастливо.

Сказка эта извѣстна у сербовъ (Српске нар. приповиj. Караджича, № 29), хорутанъ (у Валявца, стр. 120 — 7) и нѣмцевъ (Kinder - und Hausmärch., т. I, № 60: «Die zwei Brüder»). Въ сербской сказкѣ (хорутанская почти тождественна съ нею) рыбакъ поймалъ три угря, разрѣзалъ одного изъ нихъ на̀четверо и далъ одинъ кусокъ съѣсть женѣ, другой сукѣ, а третій кобылѣ. Жена родила двухъ близнецовъ, ко-

торые такъ были похожи другъ на друга, какъ похожи двѣ половинки одного разрѣзаннаго яблока; сука принесла двухъ щенковъ, а кобыла двухъ жеребятъ; изъ четвертаго куска рыбы сдѣлались двѣ золотыя сабли. Вмѣсто угря хорутанская редакція говоритъ о золотой рыбкѣ. Одинъ изъ братьевъ-близнецовъ женился на царевнѣ, увидѣлъ ночью огонь на горѣ и поѣхалъ туда; смотритъ — на горѣ костёръ горитъ, на рожнѣ жаба печется, а возлѣ сидитъ на деревѣ баба и кричитъ: «уй, какъ я озябла!» — Слѣзь погрѣться, сказалъ ей молодецъ. «Боюсь твоего коня и твоей собаки; ударь-ка ихъ прежде!» отвѣчала баба и кинула ему три прута; недогадливой молодецъ ударилъ коня и собаку, и въ тотъ-же мигъ окаменѣли и самъ хозяинъ, и его конь и пёсъ. Дальнѣйшее содержаніе сказки то-же, что̀ и въ малороссійскомъ варіантѣ; возвращеніе окамененныхъ къ жизни совершается силою чудесной травы.

40.

ВѢЩІЙ СОНЪ.

Въ основѣ этой сказки лежитъ вѣрованіе въ вѣщее значеніе сновъ; разсказъ о сватовствѣ за Елену Прекрасную сходенъ отчасти съ содержаніемъ, передаваемымъ сказкою о богатыряхъ слѣпомъ и безногомъ (вып. V, № 35). Варіантъ см. у г. Худяк., вып. III, № 120: «Двѣнадцать Микитъ». По другимъ имѣвшимся въ моихъ рукахъ спискамъ особенности встрѣчаются только въ началѣ разсказа; такъ въ одномъ спискѣ, вмѣсто вѣщаго сновидѣнія, будущая судьба предсказывается птицами. Ѣхали старикъ съ сыномъ въ телегѣ; вдругъ налетѣлъ ястребъ и сталъ долбить старику голову—едва отъ него

отдѣлался. «Я знаю, что̀ вѣщуетъ ястребъ!» сказалъ сынъ. —А что? спросилъ старикъ. «Онъ вѣщуетъ, что придетъ время — будетъ матушка мнѣ на̀ руки воды подавать, а ты, батюшка, будешь съ полотенцемъ стоять.» Старикъ разсердился, доѣхалъ до синя̀ моря и бросилъ сына въ воду: тутъ его и сглотнула огромная щука. Долго ли, коротко ли—попала щука на мель и обсохла (издохла); налетѣли во̀роны, проклевали ей бокъ, доброй мо̀лодецъ вылѣзъ изъ рыбы [1]) и пошелъ на большую дорогу. Попа̀дается ему на встрѣчу коляска, въ той коляскѣ ѣхалъ царь ихней стороны, расспросилъ: кто онъ таковъ? и взялъ его къ себѣ на службу. Доброй мо̀лодецъ помогаетъ царю жениться и дѣлается знатнымъ человѣкомъ; а отецъ его съ матерью переѣхали жить въ иное мѣсто. Случайно заѣхалъ къ нимъ сынъ ночевать, и не узнали ни старики его, ни онъ ихъ. На утро подаетъ ему мать умываться,

[1]) *Варіантъ:* Былъ у мужика мальчикъ-семилѣтокъ—такой силачъ, какого нигдѣ не видано и не слыхано! Послалъ его отецъ дрова рубить, а онъ повалялъ цѣлыя деревья, взялъ ихъ словно вязанку дровъ и понёсъ домой. Сталъ черезъ мостъ переправляться, увидала его морская рыба-китъ, разинула пасть и сглотнула мо̀лодца совсѣмъ какъ есть—и съ топоромъ, и съ деревьями. Мальчикъ и тамъ не унываетъ, взялъ топоръ, нарубилъ дровъ, досталъ изъ кармана кремень и огниво, высѣкъ огня и зажо̀гъ костёръ. Не въ моготу пришлось рыбѣ: жжетъ и палитъ ей нутро страшнымъ пламенемъ! Стала она бѣгать по синю морю, во всѣ стороны такъ и кидается, изъ пасти дымъ столбомъ—точно изъ печи валитъ; поднялись на̀ морѣ высокія волны и много потопили кораблей и барокъ, много потопили товаровъ и грѣшнаго люду торговаго; наконецъ прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берегъ да тутъ и издохла. Четверо сутокъ работалъ мальчикъ топоромъ, пока прорубилъ у ней въ боку отверстіе и вылѣзъ на вольной бѣлой свѣтъ. Вылѣзъ онъ изъ рыбы нагишомъ, какъ мать родила: вся одёжа давно расползлася. Тутъ его увидалъ царь, взялъ къ себѣ и прозвалъ Иваномъ Голымъ. Снится Ивану Голому вѣщій сонъ, говоритъ онъ царю: «мнѣ де вѣщій сонъ приснился!» а какой?—не сказываетъ, и попадаетъ за то въ темницу... (Сличи въ Зап. о южн. Руси, т. II, стр. 60—61 и съ разсказомъ Калевалы о пребываніи кузнеца Вейнемейнена въ брюхѣ великана—примѣч. къ вып. VII, № 8).

а отецъ полотенце держитъ; тутъ вспомнилъ сынъ—про что вѣщалъ ястребъ, распросилъ хозяина съ хозяйкою, узналъ въ нихъ своихъ родителей, и самъ имъ открылся.

У валаховъ (см. сборн. Шотта, № 9) есть подобная-же сказка: У одного строгаго отца былъ сынъ Петръ, которому приснилось, что онъ сдѣлается знатнѣе всѣхъ своихъ родичей и будетъ современемъ царемъ. Мальчикъ не могъ скрыть своей радости. «Отчего ты такъ веселъ?» пристаетъ къ нему отецъ, и Петръ, чтобы избѣжать распросовъ, покидаетъ родительской домъ. Утомленный долгимъ странствованіемъ, онъ сѣлъ подъ кустомъ и заплакалъ; вдругъ поднялась по дорогѣ пыль и подъѣхала колесница, запряженная бѣлыми какъ молоко лошадьми, въ которой сидѣлъ царь; на немъ была бѣлоснѣжная одежда и на головѣ корона. Распросивши мальчика— о чемъ онъ плачетъ, царь взялъ его съ собою: «я, сказалъ онъ, Бѣлой царь и могу тебя сдѣлать знатнымъ человѣкомъ.» Случилось однажды—за царскимъ столомъ зашелъ разговоръ о сновидѣніяхъ; царь потребовалъ при этомъ, чтобы Петръ разсказалъ свой сонъ, но тотъ, опасаясь возбудить противъ себя подозрѣніе, отказался. Царь, разгнѣванный такимъ упорствомъ, приказалъ заточить его въ развалинахъ зàмка и уморить голодомъ. Къ счастію, его полюбила царевна; она тайно являлась по ночамъ къ заключеннику и приносила ему и питье и пищу. Впослѣдствіи, когда настала въ немъ нужда, Петръ былъ освобожденъ; онъ помогъ Бѣлому царю разрѣшить три загадки, заданныя ему враждебнымъ королемъ (Краснымъ); побѣдилъ этого послѣдняго, занялъ его престолъ и женился на прекрасной царевнѣ, дочери Бѣлаго-царя (сличи Narodne pripov. Валявца, стр. 54, 131—6).

41.

ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ.

Варіантъ, сообщенный у Худ., вып. II, № 63, записанъ весьма слабо.—Сказка эта пользуется мотивомъ, какой нерѣдко встрѣчается въ произведеніяхъ народнаго эпоса, именно: герой, сватающійся за прекрасную царевну, долженъ трижды прятаться, и если будетъ найденъ ею—то лишается жизни, а если нѣтъ—то достигаетъ своей цѣли, т. е. женится на премудрой красавицѣ. На этомъ мотивѣ основана и пѣсня о Ванькѣ-вдовьинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ (т. е. волшебникѣ). Говоритъ Иванъ-вдовьинъ сынъ царю Волшану: «есть у тебя любимая дочь Марья Волшановна, отдай ее за меня замужъ. А бьюсь я съ тобой о великъ закладъ: стану я отъ тебя *обряжатися* (прятаться), и буде не обряжусь — сѣки мою буйну голову, а если да спрячуся — отдавай любимую дочь за меня!» Царь узнаетъ по своей волшебной книгѣ, гдѣ прячется доброй молодецъ; наконецъ Ивану-вдовьину сыну помогаетъ баснословная Могуль-птица. Онъ прикрылъ ея птенцовъ отъ дождя и холода, а она вырвала изъ праваго крыла три пёрушка и отдала ихъ Ивану вмѣстѣ съ огнивцемъ: «иди, говоритъ, въ царскую палату, помазуй моими пёрушками царя Волшана и сѣки надъ нимъ огнивцемъ, а самъ выговаривай: помазую я, засѣкаю я, заклинаю всѣ твои книги волшанскія и слова твои проклятыя!» Иванъ такъ и дѣлаетъ, затѣмъ прячется подъ кровать — и царь его не находитъ (Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 443—452).

Подобныя сказанія не чужды и другимъ народамъ: а) см. Narodne pripovjedke Валявца, стр. 191—2; b) Walachische Märchen, № 13: «Царевна и свинопасъ». Жилъ-былъ царь, у

него была дочь, которой не хотѣлось выходить замужъ. Уступая настоятельнымъ просьбамъ отца, она объявила по всей землѣ, что только за того выйдетъ замужъ, кто съумѣетъ отъ нея спрятаться и тѣмъ докажетъ свой хитрой умъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было положено, что тотъ, кто трижды будетъ найденъ, долженъ непремѣнно погибнуть: благородный — отъ меча, а простолюдинъ — на висѣлицѣ. У царевны было волшебное зеркало, въ которомъ она могла видѣть все — и самое далекое, и самое сокровенное, но не могла видѣть самой себя. Еще въ колыбели получила она это зеркальцо въ даръ отъ одной могучей феи, но царь про то ничего не вѣдалъ. Много соискателей погибло безвременною смертію! Наконецъ вздумалъ попытать счастія свинопасъ: «мнѣ, думалъ онъ, близка вся природа—и птицы и рыбы, и горы и долы, и добрые и злые духи; не остается ли орелъ спокойно на своемъ мѣстѣ, когда я иду со стадомъ въ рощу? не играютъ ли при мнѣ довѣрчиво рыбы, когда въ полдень я стерегу свиней на берегу моря? развѣ я не знаю всѣ пещеры въ горахъ и долинахъ?» Заявивъ свое желаніе, онъ пошелъ искать мѣсто, гдѣ-бы лучше спрятаться, и на пути увидалъ большаго орла. Свинопасъ тотчасъ-же замѣтилъ, что чьи-то сильные когти ранили могучую птицу, и долго не думая, оторвалъ лоскутъ отъ своей собственной рубахи и перевязалъ орлу поврежденное крыло. Орелъ поблагодарилъ его, распросилъ, куда онъ идетъ? и сказалъ: «если ты не боишься, то я подыму тебя и скрою такъ высоко, что ни одинъ смертный глазъ тебя не увидитъ.» И вотъ орелъ распустилъ свои крылья, пастухъ сѣлъ на него, и они поднялись въ поднебесье и исчезли въ темныхъ облакахъ. Съ помощію волшебнаго зеркала царевна скоро отыскала смѣлаго юношу и заставила его спуститься на землю. На другой день шелъ свинопасъ по морскому берегу, глядь—мечется на пескѣ большая рыба, взялъ ее и бросилъ

въ воду. Благодарная рыба унесла его въ глубину моря, но царевна и тутъ нашла. На третій день отправился свинопасъ въ вѣчно-мрачную и туманную долину; здѣсь горѣлъ огонь, у огня грѣлся великанъ: «я, сказалъ онъ,—лѣсной духъ, владыка всѣхъ цвѣтовъ, кустарниковъ и деревьевъ. Хочешь, я превращу тебя въ прекрасную розу и скрою такъ, что царевна ни за что тебя не найдетъ?» Превративши пастуха въ розу, онъ пошелъ и сталъ у церковныхъ воротъ. Увидала царевна, прельстилась роскошнымъ цвѣткомъ и пожелала его купить. «Прекрасная царевна! сказалъ лѣшій, я охотно тебѣ подарю его; позволь мнѣ самому воткнуть цвѣтокъ въ твои косы.» Царевна согласилась и съ розою на головѣ явилась къ своему зеркалу; но что ни дѣлала, какъ ни присматривалась — зеркало ей не помогало больше, и она вынуждена была признаться, что не можетъ найдти скрывшагося пастуха. Счастливой юноша принялъ свой настоящій образъ и женился на прекрасной царевнѣ. Въ другой валахской сказкѣ (№ 17) герой прячется отъ поисковъ короля: сначала въ облакахъ, уносясь въ поднебесье на чудномъ, огонь-пожирающемъ конѣ; потомъ въ морской глубинѣ, превращаясь рыбою, и наконецъ въ головѣ короля, превращаясь вошью. c) Deutsche Volksmärchen Гальтриха, № 30: «Von der Königstochter, die aus ihrem Schlosse Alles in ihrem Reich sah». Юноша, рѣшившійся на опасное сватовство, отправляется на охоту, чтобы хоть немного разсѣять свои грустныя мысли; увидалъ ворона и хочетъ стрѣлять въ него. «Не стрѣляй въ меня, провѣщалъ воронъ, я тебѣ самъ пригожуся!» Тоже обѣщали ему и лиса и морская рыба, и они исполнили свои обѣщанія. Воронъ досталъ изъ своего гнѣзда яйцо, разломилъ его надвое, посадилъ молодца въ скорлупу, сложилъ обѣ половины—и яйцо сдѣлалось цѣлымъ; затѣмъ оно снова положено въ гнѣздо, а сверху сѣлъ воронъ и прикрылъ его своими крыльями. Не смотря на то, ко-

ролевна нашла добраго мо̀лодца; нашла его и въ другой разъ, когда онъ скрылся на днѣ глубокаго моря въ брюхѣ огромной рыбы. Наконецъ помогла ему лиса; она привела мо̀лодца къ источнику, окунула его въ воду и оборотила морскимъ зайчикомъ (Meerhäschen), а сама сдѣлалась торговцемъ. Зайчикъ понравился королевнѣ, и она купила его. Слѣдуя совѣтамъ лисы, зайчикъ заползаетъ ей въ косы, и сколько ни смотрѣла королевна въ окно своего за̀мка—она не могла отгадать, гдѣ спрятался доброй мо̀лодецъ. d) Въ норвежской сказкѣ (ч. II, № 7) женихъ и невѣста прячутся другъ отъ друга. Сначала прячется королевна, два раза она превращается въ утку и плаваетъ въ быстринѣ, а мо̀лодецъ цѣлитъ въ нее изъ ружья. «Не стрѣляй, это я!» отзывается королевна. Въ третій разъ она оборачивается хлѣбомъ и является на столѣ между четырьмя другими хлѣбами, совершенно-сходными по виду. Мо̀лодецъ берется за ножъ; «не рѣжь меня, это я!» говоритъ королевна (сличи съ содержаніемъ чешской сказки, указанной нами въ примѣчаніи къ VI вып., № 27). Потомъ прячется женихъ: онъ обращается комаромъ — и залѣзаетъ въ лѣвую ноздрю своего волшебнаго коня, дѣлается комомъ грязи — и ложится подъ копытомъ его передней ноги; красная дѣвица приходитъ искать, но конь начинаетъ такъ рваться и бить задними ногами, что она удаляется, ничего не узнавши. Подобнымъ-же образомъ въ хорутанской сказкѣ (сборн. Валявца, стр. 77—78) доброй мо̀лодецъ укрывается въ хвостѣ, гривѣ и подъ ногой бурой кобылы: это былъ не простой конь, а конь-вихрь или буря.

Преданіе, сохранившееся въ приведенныхъ нами сказкахъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ миѳовъ. Въ одной старинной пѣснѣ дѣйствующими лицами являются боги Одинъ, Гёниръ и Локи; они прячутъ мальчика отъ исполина: первый — въ поляхъ, второй — въ воздухѣ, а послѣдній на днѣ морскомъ

(Русск. Бесѣда 1857 г., кн. IV, стр. 83, письма Эрбена). Смыслъ преданія легко объяснится, какъ скоро на мѣсто метафорическихъ образовъ народнаго эпоса мы поставимъ тѣ естественныя явленія, которыя въ нихъ воплощены. Доброй мо̀лодецъ (Перунъ, молнія) прячется отъ взоровъ красавицы-невѣсты— въ облакахъ, уносясь туда на крыльяхъ во̀рона или орла, и въ глубокомъ морѣ, будучи поглощо̀нъ рыбою[1]), или, подобно мальчику-съ пальчикъ, залѣзаетъ въ ноздрю, хвостъ, гриву и подъ копыто своего миѳическаго коня. Всѣ эти сказочные образы: воронъ, орелъ, морская рыба и конь суть олицетворенія дождевой тучи, въ нѣдрахъ которой таится малютка-молнія. Но всевидящая красавица (всемірное око=солнце) видитъ изъ своего высокаго терема всю вселенную и до тѣхъ поръ находитъ мо̀лодца, пока онъ ни скроется въ ея собственныхъ косахъ, т. е. пока тучи ни заволокутъ самое солнце и ни лишатъ его зоркости (свѣта); о древнемъ метафорическомъ уподобленіи черныхъ тучъ волосамъ смотри въ примѣчан. къ вып. VII, № 8. Такое затемнѣніе дневнаго свѣтила громоносными тучами на миѳическомъ языкѣ называлось вступленіемъ дѣвы-Солнца въ брачной союзъ съ вѣчно-юнымъ богомъ грозы[2]).

43.

ЦАРЕВНА-ЗМѢЯ.

Царевна-змѣя встрѣчается и въ другихъ сказкахъ; см. въ вып. VI, № 47; вып. VII, № 38; въ изд. Эрленвейна, стр.

[1]) См. примѣч. къ вып. VII, № 40—о щукѣ и мальчикѣ-семилѣткѣ.

[2]) Любопытна подробность, сообщаемая нѣмецкою сказкою: доброй мо̀лодецъ прячется въ косахъ невѣсты въ образѣ *морскаго зайчика;* до сихъ поръ у насъ *зайчикомъ* называется блестящее отраженіе солнечныхъ лучей отъ воды или зеркала, а дѣтское слово *зая* значитъ: огонь.

23—24; Deutsche Hausmärch, Вольфа, стр. 263—8 и 390—6; см. примѣчаніе къ вып. VII, № 16—о заклятой царевнѣ.

44.

БѢГЛОЙ СОЛДАТЪ И ЧОРТЪ.

Солдатъ, взявшись выучить чорта на скрипкѣ, совѣтуетъ ему напередъ выправить кривые пальцы, схватываетъ его въ клещи и бичуетъ желѣзными прутьями; тоже достается въ валахской сказкѣ (№ 10) драконамъ, а въ литовской (Шлейхера, стр. 143) злой лаумѣ; см. также Deutsche Hausmärchen Вольфа, стр. 414; Kinder- und Hausmärchen, т. II, стр. 171—2.

48.

ДОРОГАЯ КОЖА.

Сходные разсказы см. въ «Основѣ» 1862 года, іюль, стр. 56 — 64 (въ отдѣлѣ: з' народныхъ устъ), въ Slov. pohádky, стр. 433—443, и въ сборникѣ литовск. сказокъ Шлейхера, стр. 121—4.

51.

ЛУБОКЪ.

Въ старые годы, говоритъ валахская сказка (№ 12), былъ обычай убивать стариковъ, какъ совершенно безполезныхъ

членовъ общества. Одинъ доброй юноша спряталъ своего престарѣлаго отца въ пустую бочку, поилъ его и кормилъ. Когда собралось войско въ походъ противъ страшнаго чудовища, старикъ далъ своему сыну мудрый совѣтъ. Чудовище скрывалось въ пещерѣ, гдѣ было столько переходовъ, закоулковъ и перекрестковъ, что̀ всякой, кто только входилъ туда, непремѣнно долженъ былъ заплутаться. Совѣтъ былъ таковъ: «возьми кобылу и жеребёнка; жеребёнка убей и зарой при входѣ, а кобылу веди съ собой въ пещеру; когда поразите чудовище—она найдетъ вамъ выходъ. А иначе вы всѣ погибнете!» Какъ научилъ отецъ, такъ сынъ и сдѣлалъ. Послѣ этого событія обычай убивать стариковъ былъ отмѣнёнъ; ибо всѣ ясно увидѣли, что и старцы полезны своими мудрыми совѣтами.

F) КЪ VIII му ВЫПУСКУ.

8.

МАРЬЯ МОРЕВНА.

Варіанты см. у Худ., вып. I, № 20; вып. II, № 62; въ сборн. Эрленвейна, № 31 и стр. 119 — 122; въ сѣромъ московскомъ изданіи 1838 года, въ типогр. Евреинова, и въ Малорус. литерат. сборн. Мордовцева, стр. 372—6. Содержаніе сказки таково: прилетаютъ Соколъ, Орелъ и Воронъ, сватаются за трехъ прекрасныхъ царевенъ и уносятъ ихъ въ свои далекія царства. Эти птицы олицетворяютъ въ себѣ естественныя явленія природы, неразлучныя съ лѣтними грòзами;

самой прилётъ ихъ сопровождается темными тучами, вихремъ и молніей. Въ нашей сказкѣ Орелъ воздымаетъ бурю и съ помощію своихъ товарищей оживляетъ убитаго царевича: Воронъ приноситъ цѣлющей, а Соколъ живой воды (т. е. дождя). Въ другихъ подобныхъ сказкахъ, вмѣсто этихъ чудесныхъ птицъ, оборачивающихся добрыми мо̀лодцами, прямо выведены силы природы подъ собственными своими названіями; такъ въ сказкѣ о Өедорѣ Тугаринѣ (вып. I, № 14) сватаются за красавицъ и уносятъ ихъ съ собою *Вѣтеръ*, *Градъ* и *Громъ*. Тѣхъ-же миѳическихъ героевъ, только съ замѣною Града— *Дождемъ*, встрѣчаемъ и въ сказкѣ объ Иванѣ Бѣломъ (Лѣт. рус. литерат., кн. V, стр. 8—15); женившись на трехъ сестрахъ-царевнахъ, они учатъ брата ихъ царевича великой премудрости: Громъ научаетъ его грохотать въ поднебесьи, Дождь—лить потоки и топить города и села, а Вѣтеръ— дуть, царства раздувать да хаты перевертàть. Во̀рона Во̀роновича народный эпосъ ставитъ наряду съ Солнцемъ и Мѣсяцемъ; такъ въ одной сказкѣ всѣ они трое женятся на родныхъ сестрахъ (вып. IV, № 39; сличи Ungarische Märch., № 13, Narodne pripov. Валявца, стр. 1, и Slov. pohádky, стр. 414—432: «O slunečku, měsičnicu, větrniku, o krásnè Uliané a dvou Tatošikách» — три сестры выходятъ замужъ за царя-Солнце, царя-Мѣсяцъ и царя вѣтровъ; первый увозитъ невѣсту на солнцевой колесницѣ, второй уводитъ ее по серебреному мосту, а послѣдній уноситъ дѣвицу на своихъ крыльяхъ); въ трудныхъ случаяхъ жизни сказочные герои обращаются съ вопросами не только къ Солнцу, Мѣсяцу и Вѣтру, но и къ Во̀рону (Zeitschrift fur Deutsche Mythol., т. I, стр. 312). Орелъ, Соколъ и Воронъ сидятъ на дубахъ передъ своими дворцами (о миѳическомъ значеніи *дуба* см. въ примѣч. къ вып. VII, № 10); красныя дѣвицы, которыхъ они сватаютъ и уносятъ, суть небесныя свѣтила. Закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца

темными облаками на языкѣ метафорическомъ называлось похищеніемъ ненаглядныхъ красавицъ драконами, великанами, добрыми молодцами: Орломъ, Соколомъ и Ворономъ, и вступленіемъ съ ними въ насильственный или добровольный брачный союзъ [1]). Въ одной изъ русскихъ сказокъ похищаемыя дѣвицы названы *Луной* и *Звѣздою*; передаемъ эту любопытную сказку по лубочному изданію, съ очень незначительными сокращеніями:

СКАЗКА

О СИЛЬНОМЪ И ХРАБРОМЪ НЕПОБѢДИМОМЪ БОГАТЫРѢ ИВАНѢ-ЦАРЕВИЧѢ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУЖНИЦѢ ЦАРЬ-ДѢВИЦѢ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ царь по имени Ахридей, и тотъ царь жилъ съ своею супругою Дарьею много лѣтъ, а дѣтей не имѣлъ. Уже приходили они къ старости, и начали Богу молиться, чтобы даровалъ имъ дѣтище. Скоро послѣ того царица Дарья обеременѣла, и чрезъ обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую назвали Луною; чрезъ годъ родила она другую дочь — еще краше и лучше первой: назвали ее Звѣздою. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятьнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то въ нѣкое время пошли онѣ въ зеленой садъ гулять съ своими нянюшками и мамушками, и гуляли тамъ долгое время. Вдругъ поднялся превеликой

[1]) Иногда, въ замѣнъ этихъ представленій, тучи олицетворяются въ образѣ дѣвъ, и тогда Солнце и Мѣсяцъ являются добрыми молодцами и заключаютъ съ ними брачной союзъ.

вихрь и унёсъ обѣихъ царевенъ. Нянюшки и мамушки испугались, побѣжали къ царицѣ Дарьѣ и сказали ей про ту бѣду. Царица Дарья чуть не умерла съ той горькой вѣдомости, а царь Ахридей началъ кличъ кликать: кто сыщетъ царевенъ, за того отдамъ любую изъ нихъ замужъ. Ни одинъ богатырь не вызвался. Царь собралъ волхвовъ, сталъ у нихъ выспрашивать: не знаютъ ли гдѣ его дочери? Но и тѣ отреклись отъ этого дѣла. Вотъ царь Ахридей потужилъ немалое время, и напослѣдокъ началъ опять просить Бога, чтобы даровалъ ему при старости наслѣдника, и роздалъ великія и щедрыя милостыни на бѣдныхъ и по церквамъ и по монастырямъ. Богъ услышалъ молитву, даровалъ ему сына Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ росъ не по годамъ, а по часамъ, такъ какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ, и когда пришли его совершенныя лѣта, то обучился разнымъ наукамъ. И провѣдалъ Иванъ-царевичъ, что были у него двѣ сестры родныя, да безъ вѣсти пропали, и вздумалъ проситься у отца своего-у матери, чтобъ позволили ему идти въ дальнія государства и провѣдать о сестрахъ; пришелъ къ своему родителю и поклонился до земли и сталъ говорить: «милостивой батюшка! я пришелъ къ тебѣ не пиръ пировать, не совѣтъ совѣтовать, не крѣпкую думу думать, а пришелъ просить у тебя благословенія; хочу я идти въ дальнія государства и провѣдать о моихъ любезныхъ сестрицахъ, что̀ безъ вѣсти пропали!»
—Охъ, ты гой еси младой юноша Иванъ-царевичъ! сказалъ ему царь Ахридей, куда тебя Богъ несетъ и въ какую пойдешь ты сторону? Вѣдь ты еще младъ и къ дорожнымъ трудамъ непривыченъ. Но Иванъ-царевичъ просилъ такъ неотступно и со слезами, что отецъ не выдержалъ—отпустилъ его. Царевичъ Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, съ отцомъ-съ матерью попрощался, и пошелъ одинъ, какъ перстъ, безъ провожатаго.

Идетъ царевичъ путемъ-дорогою нѣсколько мѣсяцевъ, и (с)лучилось ему въ нѣкое время идти чрезъ густой, дремучій лѣсъ. Услыхалъ онъ въ сторонѣ большой шумъ, направился на тотъ шумъ съ великимъ тòропомъ, и увидѣлъ, что дерут-

ся промежъ себя два лѣшія. Подошелъ къ нимъ: «послушайте, спрашиваетъ, за что вы деретесь? Скажите-ка мнѣ, я васъ помирю.» Отвѣчалъ ему одинъ лѣшій: «доброй человѣкъ! разсуди пожалуй нашу ссору; вотъ посмотри, шли мы двое дорòгою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: стòитъ только развернуть скатерть, тотчасъ выпрыгнутъ изъ нея двѣнадцать добрыхъ мòлодцевъ да двѣнадцать красныхъ дѣвицъ, принесутъ разныхъ кушаньевъ и напитковъ, и начнутъ подчивать. Изъ этой находки сапоги да шляпу беру я себѣ, а скатерть отдаю моему товарищу; а онъ хочетъ всѣмъ овладѣть, и для того вступилъ со мной въ драку.» — Хорошо, сказалъ Иванъ-царевичъ, я ваше дѣло разберу, только дайте и мнѣ долю. Лѣшіе согласились. Тогда Иванъ-царевичъ сказалъ имъ: «бѣгите по этой дорогѣ

изо всей мочи, и кто кого на трехъ верстахъ опередитъ, тому и достанется вся находка.» Оба лѣшіе съ радостью побѣжали по указанной дорогѣ, и скоро совсѣмъ изъ виду скрылись; Иванъ-царевичъ надѣлъ на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взялъ подъ мышку, и пошелъ дальше. Когда лѣшіе воротились назадъ, то не нашли ни Ивана-царевича, ни своихъ находокъ, и бросились искать его по̀ лѣсу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видѣть, потому что на немъ была надѣта шляпа-невидимка. Избѣгавши по̀пусту весь лѣсъ, они напослѣдокъ разошлись по своимъ мѣстамъ; а Иванъ-царевичъ шелъ нѣсколько дней и увидѣлъ: стоитъ на дорогѣ малая избушка къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ; подошелъ къ ней и молвилъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ обернись передомъ.» Вдругъ избушка обернулась къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ. Царевичъ вошелъ въ избушку; тамъ на полу сидѣла баба-яга, ноги въ потолокъ упёрши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала: «Фу-фу-фу! какъ доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, а нынче русской духъ въ-очью совершается. Зачѣмъ ты, доброй мо̀лодецъ Иванъ-царевичъ, сюда зашелъ? волею или неволею? Я здѣсь живу уже сорокъ лѣтъ, а никакой человѣкъ мимо меня не прохаживалъ-не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролётывала; а ты какъ сюда забрёлъ?» — Охъ ты, глупая, старая баба! въ отвѣтъ сказалъ Иванъ-царевичъ, ты прежде меня, добраго мо̀лодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай. Яга-баба тотчасъ вскочила, собрала на столъ, напоила, накормила царевича и въ банѣ выпарила, и стала опять спрашивать: «какъ ты сюда зашелъ, доброй мо̀лодецъ, волею или неволею?» Отвѣтъ держалъ Иванъ-царевичъ: «сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моихъ родныхъ сестрицъ Луну и Звѣзду; а гдѣ ихъ

сыскать?—самъ не вѣдаю.»—Добро, Иванъ-царевичъ! молвила баба-яга, молись Богу и ложись спать; утро вечера мудренѣе. Царевичъ легъ спать, и отъ дорожнаго труда заснулъ крѣпко. Поутру, чуть только на дворѣ разсвѣтать стало, яга-баба начала его будить: «доброй мо̀лодецъ! пора тебѣ въ путь идти.» Всталъ царевичъ, умылся, одѣлся, помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился и началъ съ ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала: «что-жъ ты, царевичъ, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебѣ надобно—въ какую сторонушку? Ступай-ка ты, доброй мо̀лодецъ, вотъ по этой дороженькѣ, и увидишь въ чистомъ полѣ палаты бѣлокаменныя; въ тѣхъ палатахъ живетъ твоя большая сестра Луна. Только трудно тебѣ взять ее, потому что живетъ съ нею нечистой духъ; приходитъ онъ въ палаты медвѣдемъ, а какъ войдетъ—тотчасъ оборачивается человѣкомъ.»

Царевичъ простился съ ягою, надѣлъ на себя сапоги-самоходы и пошелъ въ путь. На третій день увидѣлъ онъ въ чистомъ полѣ бѣлокаменныя палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступилъ въ спальню къ любезной своей сестрицѣ, прекрасной царевнѣ Лунѣ. Въ то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крѣпкимъ сномъ. Царевичъ подошелъ къ кровати, началъ ее будить и скинулъ съ себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась: «кто ты таковъ и зачѣмъ сюда пришелъ?» — Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! отвѣчалъ царевичъ, я твой братъ единоутробный Иванъ-царевичъ; принёсъ тебѣ челобитье отъ батюшки твоего царя Ахридея и отъ матушки твоей Дарьи: они превельми по тебѣ и по сестрицѣ Звѣздѣ сокрушаются. Прекрасная царевна Луна тотчасъ вскочила съ постели и во слезахъ начала обнимать царевича; долгое время они цѣловалися, миловалися, а послѣ того царевна сказала: «любезной мой братецъ! я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаюсь,

чтобъ не пришелъ Медвѣдь и не съѣлъ бы тебя.» — Не крушись о томъ, молвилъ ей царевичъ, я этого не боюсь!

Скоро поднялся сильной вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу въ великомъ страхѣ: «любезной братецъ Иванъ-царевичъ! скоро Медвѣдь прибѣжитъ; спрячься куда-нибудь, не то съѣстъ тебя.» — Не бойся! сказалъ ей царевичъ; потòмъ надѣлъ на себя шляпу-невидимку и сѣлъ на стулъ. Медвѣдь вошелъ въ комнату и закричалъ человѣчьимъ голосомъ: «фу-фу-фу! доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынче и здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ.» — Ахъ, мой свѣтъ! сказала Луна, тебѣ стыдно о томъ и говорить; откуда здѣсь быть русскому духу? Ты по Руси бѣгаешь, и тамъ русскаго духу набрался; такъ тебѣ и здѣсь тоже чудится. «Да не пришелъ ли братъ твой Иванъ-царевичъ? спросилъ Медвѣдь; вѣдь онъ давно ужь родился.» — Я съ роду брата не видѣла, и того: есть ли у меня братъ? — не вѣдаю. А что еслибы братъ пришелъ, вѣдь ты бы съѣлъ его? «Нѣтъ, отвѣчалъ Медвѣдь, я никогда того не сдѣлаю. Вѣдь я знаю, что онъ тебѣ милъ; а по тебѣ и мнѣ милъ.» — Поклянись прежде! «Изволь! клянусь тебѣ, чѣмъ сама хочешь.» — Когда такъ, сказала царевна Луна, то братъ мой здѣсь и сидитъ возлѣ тебя. «Что ты! какъ-же я его не вижу?» сказалъ Медвѣдь, всталъ, ударился о сырую землю и сдѣлался такой молодецъ, что̀ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать, и молвилъ: «Иванъ-царевичъ! не прячься отъ меня; я для тебя не злодѣй, ничего тебѣ худаго не сдѣлаю.» Тутъ царевичъ скинулъ съ себя шляпу-невидимку и показался Медвѣдю. Медвѣдь разговаривалъ съ царевичемъ ласково, подчивалъ его всякими кушаньями и напитками. Иванъ-царевичъ попробовалъ того-другаго, и говоритъ Медвѣдю: «не хочешь ли моего дорожнаго кушанья и моихъ напитковъ отвѣдать?» Развернулъ скатерть самобранку — и тот-

часъ двѣнадцать молодцевъ и двѣнадцать дѣвицъ наставили на ту скатерть разныхъ кушаньевъ и напитковъ, и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медвѣдя подчивать. Медвѣдь удивился такому чудному дѣлу, и спрашивалъ у Ивана-царевича: откуда онъ взялъ такую скатерть? Онъ про все ему разсказалъ. Вотъ такимъ-то образомъ жилъ царевичъ у Медвѣдя три мѣсяца, а потòмъ собрался въ путь и сталъ спрашивать про меньшую свою сестру царевну Звѣзду: гдѣ она проживаетъ? «Она живетъ не очень далеко, сказала царевна Луна; только, братецъ, не чаю, чтобъ ты ее увидалъ, потому что живетъ она съ Морскимъ Чудовищемъ въ мѣдномъ зàмкѣ, а вокругъ того зàмка стоитъ стража великая — все водяные черти; они тебя убьютъ дò смерти.» — Что дѣлать! хоть самъ помру, а сестрицу увижу. Простился Иванъ-царевичъ съ прекрасною царевною Луною и съ Медвѣдемъ, и пошелъ въ путь.

На другой день увидѣлъ онъ мѣдной зàмокъ, подошелъ къ воротамъ; у воротъ стоятъ два водяныхъ чорта, на плечахъ пушки держатъ, никого въ зàмокъ не пропускаютъ. «Пропустите меня, сказалъ царевичъ; вѣдь я нарочно пришелъ всѣхъ васъ съ караула смѣнить.» — Нѣтъ, братъ, обманываешь! если хочешь, полѣзай черезъ каменную стѣну, а въ ворота ходить не приказано. Да смотри, полѣзай осторожнѣе: по ту сторону стѣны̀ подведены стру̀ны; если чуть-чуть до струны̀ дотронешься, то пойдетъ громъ по всему зàмку и пò морю. Морское Чудовище услышитъ, выйдетъ изъ моря и тебя жива не оставитъ! Царевичъ ничего не устрашился и полѣзъ въ сапогахъ-самоходахъ чрезъ каменную стѣну; не задѣлъ за стру̀ны ни рукою - ни ногою, только платьемъ слегка зацѣпилъ — и въ ту-жъ минуту раздался великой громъ по всему зàмку. Царевичъ вошелъ съ тòропомъ въ палаты, нашелъ прекрасную царевну Звѣзду въ постелѣ, и разбудилъ ее отъ

крѣпкаго сна. Она проснулась и закричала: «кто ты и зачѣмъ пришелъ?»—Любезная сестрица, прекрасная царевна Звѣзда! отвѣчалъ царевичъ, я твой братъ родной Иванъ-царевичъ, принёсъ тебѣ челобитье отъ батюшки твоего царя Ахридея и отъ матушки твоей царицы Дарьи; они вельми по тебѣ сокрушаются. Прекрасная царевна Звѣзда вскочила съ постели, начала его цѣловать, миловать, и потòмъ говоритъ: «любезной братецъ! спрячься куда-нибудь. Скоро пріидетъ сюда Морское Чудовище, и какъ тебя увидитъ—тотчасъ съѣстъ.» —Не крушись, молвилъ царевичъ, я не боюся!» Надѣлъ на себя шляпу-невидимку и сѣлъ на стулъ. Вошелъ Морское Чудовище и закричалъ человѣческимъ голосомъ: «фу-фу-фу! доселева русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынче и здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ. Кто у тебя, царевна, въ гостяхъ?»—Ахъ, мой свѣтъ! отвѣчала царевна Звѣзда, кому у меня быть? да русской и зайдти сюда не можетъ. Самъ ты по Руси бѣгаешь, набрался тамъ русскаго духу, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится! «Полно, не пришелъ ли братъ твой Иванъ-царевичъ? вѣдь онъ давно ужь родился.»—Я съ роду никакого брата не видала, и есть ли у меня братъ?—и того не вѣдаю. А что еслибъ Ивану-царевичу случилось зайдти сюда, вѣдь ты бы съѣлъ его? «Нѣтъ, отвѣчалъ Чудовище, я никогда того не сдѣлаю. За что я его съѣмъ? вѣдь онъ мнѣ ничего худаго не сдѣлалъ. Знаю и то, что онъ тебѣ милъ; а по тебѣ и мнѣ милъ.» —Нѣтъ, я по тѣхъ поръ не повѣрю, покуда ты клятвы не дашь. «Изволь! клянусь тебѣ всѣмъ, чѣмъ сама хочешь.» — Когда такъ, молвила царевна Звѣзда, то братъ мой здѣсь, и сидитъ противъ тебя. «Что ты врёшь? сказалъ Морское Чудо, какъ-же я его не вижу?» — Онъ право здѣсь! отвѣчала Звѣзда. Тогда Чудовище ударился о сырую землю и сталъ такой молодецъ, что̀ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать,

и закричалъ: «Иванъ-царевичъ, не прячься! я тебѣ не злодѣй, ничего худаго не сдѣлаю, и завсегда радъ тебя гостемъ видѣть.» Царевичъ скинулъ съ себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривалъ съ нимъ ласково, подчивалъ всякими питьями и кушаньями. Царевичъ попробовалъ того-другаго и говоритъ Чудовищу: «не хочешь ли ты моего дорожнаго кушанья и моихъ напитковъ отвѣдать?» Развернулъ скатерть-самобранку—и тотчасъ двѣнадцать молодцевъ и двѣнадцать дѣвицъ наставили на ту скатерть разныхъ кушаньевъ и напитковъ, и начали Ивана-царевича, царевну Звѣзду и Морское Чудо подчивать. Чудо подивился той скатерти, и спрашивалъ у Ивана-царевича: гдѣ онъ взялъ ее? Иванъ-царевичъ обо всемъ ему разсказалъ, и когда они напились и наѣлись, то царевичъ свернулъ свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потѣшаться. Прожилъ царевичъ у меньшой сестры своей близь года. Когда Чудовища не было дома, сталъ онъ говорить царевнѣ Звѣздѣ, чтобъ она ушла съ нимъ къ отцу-къ матери. «Что ты, братецъ! отвѣчала она, Морское Чудо нагонитъ насъ, лютой смерти предастъ.» — Какъ-же мнѣ тебя и сестру нашу выручить? «Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, въ тридесятое государство. Тамъ есть широкая рѣка, черезъ рѣку калиновой мостъ, подъ тѣмъ мостомъ живетъ двѣнадцатиглавой змѣй; не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго, всѣхъ пожираетъ. Кому удастся убить двѣнадцатиглаваго змѣя, за того Царь-дѣвица замужъ выйдетъ; а съ ея помочью можно и меня и сестру выручить.» Царевичъ выслушалъ эти рѣчи, простился съ сестрою и пошелъ за тридевять земель.

Онъ надѣлъ сапоги-самоходы, и въ три дня поспѣлъ къ калиновому мосту. Зашелъ въ кузницу и велѣлъ сковать себѣ мечъ-кладенецъ и палицу боевую въ сорокъ пудъ; кузнецы

сковали ему и мечъ и палицу. Царевичъ заплатилъ за работу и пошелъ къ мòсту со змѣемъ биться. Змѣй тòтчасъ выбѣжалъ, бросился на царевича—хочетъ совсѣмъ проглотить его; но царевичъ пріостерёгся, махнулъ палицей и за одинъ разъ отсѣкъ змѣю три головы. Змѣй опять на него бросился, царевичъ вторично ударилъ его палицею и сшибъ шесть головъ. Тутъ змѣй испустилъ изъ себя пламя огненное — хочетъ сжечь царевича; царевичъ быстро увернулся, ударилъ змѣя мечемъ и разсѣкъ его на двое, потòмъ наклалъ костёръ дровъ, зажòгъ и положилъ всѣ змѣиныя головы и туловище на огонь, а самъ пошелъ черезъ мостъ на другую сторону.

Видитъ онъ—вылетѣло изъ градскихъ воротъ двѣнадцать голубицъ; прилетѣли онѣ къ калиновому мосту, ударились о сырую землю и сдѣлались красными дѣвицами. Раздѣлись красныя дѣвицы дòнага и стали купаться; а царевичъ надѣлъ шляпу-невидимку, любуется на ихъ красоту и ждетъ, что послѣ будетъ. Дѣвицы выкупались и одѣлись; Иванъ-царевичъ скинулъ съ себя шляпу, подошелъ къ нимъ, поклонился и сказалъ: «честныя дѣвицы! скажите мнѣ, кто этимъ царствомъ владѣетъ?»—Этимъ царствомъ владѣетъ прекрасная Царь-дѣвица; а ты, доброй мòлодецъ, какъ сюда зашелъ? «Я пришелъ чрезъ калиновой мостъ, отвѣчалъ царевичъ, и по ту сторону убилъ змѣя о двѣнадцати головахъ.» Только выговорилъ онъ эти слова, какъ двѣнадцать дѣвицъ подхватили его пòдъ руки и сказали: «если ты убилъ двѣнадцатиглаваго змѣя, то долженъ быть нашимъ государемъ!» и повели его къ Царь-дѣвицѣ. Царь-дѣвица вышла встрѣчать царевича, принимала его за бѣлыя руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браныя, и разговаривала полюбовно; въ тотъ-же день царевичъ на ней и женился.

Прошло нѣсколько дней послѣ сватьбы, началъ царевичъ просить свою супругу, чтобъ освободил[illegible]го сестеръ царе-

венъ Луну и Звѣзду. Царь-дѣвица закричала громкимъ голосомъ: «приведите ко мнѣ проклятаго духа, что сидитъ въ темномъ погребѣ.» Приводятъ къ ней того заключенника — ростомъ превеликой, собой страшной! Говоритъ ему Царь-дѣвица: «достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звѣзду; если сослужишь мнѣ эту службу—на волю тебя выпущу, а не сослужишь—навѣкъ тебя заключу въ темномъ погребѣ.» Проклятой духъ тотчасъ помчался буйнымъ вихремъ и въ скоромъ времени принёсъ обѣихъ царевенъ; Царь-дѣвица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звѣзду отправила къ отцу-къ матери, а сама стала жить съ Иваномъ-царевичемъ въ любви и совѣтѣ.

Кромѣ лубочнаго изданія, сказка эта напечатана еще въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости и безсонницы» (Москва, 1819, въ типогр. Рѣшетникова) и отдѣльно въ Москвѣ 1838 г., типогр. инстит. восточн. языковъ; Н. Полевой передалъ ее въ Иллюстраціи (первой годъ, стр. 87—102), но медвѣдь въ его спискѣ замѣненъ Лѣснымъ Чудомъ; другой варіантъ см. у Худяк., вып. III, № 108. Въ лубочномъ изданіи царевенъ Луну и Звѣзду похищаютъ баснословный медвѣдь и Морское Чудо, а освобождаются онѣ по приказу Царь-дѣвицы великаномъ; въ спискѣ г. Худякова похищаютъ ихъ Вихри, а освобожденіе приписывается двѣнадцатиглавому змѣю, спущенному Царь-дѣвицею съ цѣпей. Словацкая сказка (Slov. pohádky a povĕsti, стр. 523—550) повѣствуетъ о трехъ сестрахъ, выданныхъ замужъ за медвѣдя, орла и огромную рыбу, которые приносятъ своимъ невѣстамъ въ даръ много серебра и золота. Медвѣдь, по извѣстной любви его къ мёду, поставленъ народными преданьями въ близкую связь съ древнѣйшимъ представленіемъ божества грозы, проливающаго на землю благотворный дождь; въ гимнахъ Ригъ-Веды дождь называется *медомъ* (см. примѣч. къ вып. VII, № 8); Морское Чудо (Морской Царь) — лицо, пер-

воначально-тождественное съ дождящимъ Перуномъ; великанъ и змѣй, освобождающіе царевенъ, суть олицетворенія тѣхъ-же громовыхъ тучъ, какъ и ихъ похитители. Кажущаяся борьба тучъ, съ страшными раскатами грома и ударами молніи, влечетъ за собою проливной дождь, послѣ чего небо проясняется и свѣтила выходятъ изъ подъ завѣсы разсѣянныхъ облаковъ.

Выдавъ своихъ сестеръ за Орла, Сокола и Вѳрона, царевичъ идетъ посмотрѣть на ихъ житье-бытье, и на пути женится на Марьѣ Моревнѣ, прекрасной королевнѣ. Ея воинственный характеръ, неописанная красота и эпитетъ *Моревна* (дочь моря) указываютъ, что въ ней надо видѣть весеннее солнце (см. примѣч. къ вып. VII, № 6); необходимо замѣтить, что дѣва-Солнце, выходящая утромъ изъ волнъ океана и погружающаяся туда вечеромъ, въ народныхъ преданіяхъ часто смѣшивается съ морскими дѣвами, въ образѣ которыхъ миѳъ олицетворилъ весеннія тучи. Но бракъ царевича съ красавицей не продолжителенъ; Марью Моревну уноситъ змѣй или, по другимъ спискамъ, Кощей Безсмертной, оба равно враждебные сказочнымъ героямъ и одинаково опасные похитители прекрасныхъ царевенъ. Змѣй — извѣстный демоническій образъ громоносной тучи; сказка представляетъ его заключеннымъ и скованнымъ: въ запертой комнатѣ дворца онъ виситъ на желѣзныхъ крюкахъ и цѣпяхъ (что̀ означаетъ тучу, окованную зимнимъ холодомъ; въ Slov. pohádky, стр. 360—6, вмѣсто Кощея выведенъ Železny mnich, обитающій, подобно бабѣ-ягѣ, въ за̀мкѣ на курьихъ ножкахъ), и только тогда срывается съ нихъ, когда вдоволь напьется воды т. е. весною. Вода, надѣляющая змѣя такою великою силою, что̀ ему ни по-чо̀мъ разорвать желѣзныя (ледяныя) оковы, есть дождь; въ одной сказкѣ она прямо названа «живою водою» (Westslaw. Märchenschatz, стр. 73—81). Сорвавшись съ цѣпей, змѣй овладѣва-

етъ красавицей т. е. закрываетъ ея свѣтлый ликъ своимъ мрачнымъ покровомъ. Въ хорутанскихъ сказкахъ (стр. 1—5, 24—29) царевичъ женится на воинственной царицѣ вилъ; она совѣтуетъ своему милому не входить въ запретную комнату, но царевичъ ослушался — и увидѣлъ тамъ старика, изъ устъ котораго выходило пламя. Это былъ огненный царь (тоже, что́ змѣй); онъ попросилъ напиться, и когда царевичъ подалъ ему воды (или вина)—съ старика тотчасъ-же слетѣли сковывавшіе его обручи, и освобожденный онъ унёсъ царицу вилъ на огненную *гору*: тамъ сидѣла она *въ потокѣ* и ждала избавителя. Въ сербской сказкѣ (В. Карадж., стр. 24—33) царевичу было запрещено входить въ двѣнадцатой погребъ; но онъ отворяетъ туда двери, видитъ огромную бочку, обитую тремя желѣзными обручами, и слышитъ изъ нея голосъ: «ради Бога, брате! дай мнѣ чашку воды, я умираю отъ жажды.» Царевичъ плеснулъ въ бочку чашку воды — и вслѣдъ за тѣмъ лопнулъ одинъ обручъ; за второю чашкою — лопнулъ другой обручъ, а за третьею — и послѣдній распался; изъ бочки вылетѣлъ змѣй и увлёкъ красную дѣвицу въ змѣиной градъ (см. также у Гальтриха, стр. 123—4, и примѣч. къ вып. VI, № 27). Итакъ змѣй заключаетъ похищенную красавицу въ своемъ *городѣ* или уноситъ ее въ *гору*, т. е. тучу. Связь змѣя (дракона) и бога-громовника съ горами общеизвѣстна. Миѳы всѣхъ арійскихъ племенъ согласно утверждаютъ, что божество грома, дождя и молніи признавалось сыномъ тучи, выходящимъ изъ мрачныхъ горныхъ пещеръ. Индѣйской Шива родился въ пещерѣ горы Меру; точно также греческой Вакхъ рождается въ пещерѣ острова Наксосъ—въ то время, какъ мать его Семела гибнетъ при появленіи Зевса во всей его грозной славѣ, т. е. туча, разбитая громомъ и молніями, исчезаетъ, а изъ нѣдръ ея исходитъ Вакхъ (вино=дождь). Самъ Зевсъ, скрытно отъ отца своего, воспитывался въ пещерѣ острова Крита.

Персидской Деміургъ Митрасъ почитался сыномъ священной горы Алборда; въ темной пещерѣ убилъ онъ быка Абудада, хранителя сѣмянъ всего сущаго, (т. е. тучу) и кровію его (дождемъ) оплодотворилъ землю. Наши сказочные змѣи носятъ прозваніе *Горынычей*, т. е. буквально принимаются за дѣтей горы.—Царевичъ идетъ искать свою жену, унесенную змѣемъ; ему удается увезти ее изъ заключенія, но змѣй быстро нагоняетъ ихъ на своемъ славномъ конѣ, отнимаетъ бѣглянку и снова запираетъ ее въ неволю. Тогда царевичъ рѣшается добыть себѣ такого коня, который былъ бы сильнѣй и быстрѣе змѣинаго, и за трудную службу у бабы-яги ему удается достигнуть своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью Моревну; змѣй бросается въ погоню, но богатырской конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Царевичъ есть самъ Перунъ, разбивающій тучи и чрезъ то выводящій солнце изъ-за темныхъ змѣиныхъ горъ; конь его соотвѣтствуетъ греческому Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ новые живые источники воды, такъ этотъ убиваетъ копытомъ змѣя, т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться на землю обильнымъ дождемъ. Въ одномъ варіантѣ (у Худ., вып. I, стр. 88) разсказывается, что, получивъ коня, царевичъ кормилъ его шесть зорь — и вотъ у добраго коня выросли крылья въ два аршина. У словаковъ это — крылатой конь Татошъ, питающійся вѣтромъ и огнемъ (Slov. pohádky, стр. 396 и 414). Въ хорутанскихъ приповѣдкахъ подобные кони, изъ-за которыхъ царевичъ служитъ у бабы-яги, называются дочерьми этой вѣдьмы, и молодецъ, искупавшись въ ихъ молокѣ, дѣлается силачомъ и красавцемъ (стр. 4—5); а по свидѣтельству нѣмецкой сказки (Гальтр., стр. 125—6) кони эти свободно могутъ носиться въ облакахъ и спускаться въ горныя пещеры и въ морскую глубину.—Въ Литвѣ сохранилось народное преданіе, какъ одинъ царь, въ гнѣвѣ своемъ на

солнце, приказалъ заключить его въ башню, нарочно для того выстроенную. Приказъ былъ исполненъ и солнце перестало свѣтить. Тогда двѣнадцать планетъ, лишенныя его свѣта, заказали огромный *молотъ* (орудіе Тора), пробили отверстіе въ башнѣ и освободили солнце.

Миѳъ похищенія царевны-Солнца змѣемъ-тучею любопытно сличить съ сербскою сказкою (В. Караджъ., № 18), выражающею ту-же мысль, но въ формѣ уже значительно-подновленной: Когда нечистые отпали отъ Бога и бѣжали на землю, то похитили съ собой солнце. Демонской царь (сатана) воткнулъ его на копье и носилъ на своихъ плечахъ. Господь Богъ послалъ святаго архангела отнять у сатаны солнце. Архангелъ пришелъ къ демонскому царю и сталъ всюду ходить вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ захотѣли они купаться въ морѣ, и сатана оставилъ копье съ солнцемъ на берегу. «Станемъ нырять, сказалъ архангелъ, кто опустится глубже?» — Опустись сперва ты! отвѣчалъ сатана. Архангелъ нырнулъ на самое дно и принёсъ въ зубахъ морскаго песку. Пришла очередь нырять сатанѣ; опасаясь, чтобы архангелъ ни унёсъ тѣмъ временемъ солнца, онъ плюнулъ на землю, создалъ изъ своей слюны сороку и приказалъ ей стеречь солнце. Какъ только чортъ погрузился въ море, архангелъ сотворилъ надъ моремъ крестное знаменіе — и море замерзло на девять аршинъ толщины; потомъ схватилъ солнце и поспѣшилъ на небо. Сатана услыхалъ крикъ сороки, кинулся назадъ, но видя, что ему не пробиться сквозь ледъ, снова опустился на дно моря, досталъ большой камень, раздробилъ ледъ и побѣжалъ догонять архангела. Онъ настигъ его въ то время, какъ тотъ уже ступилъ одною ногою на небо, и выхватилъ у него своими когтями изъ подошвы другой ноги кусокъ мяса. Архангелъ явился передъ Богомъ и заплакалъ; въ утѣшеніе ему Господь сказалъ: «не печалься! я сдѣлаю такъ у всѣхъ людей.» Отъ того-то у вся-

каго человѣка на ступнѣ ноги есть выемъ (сличи съ сербск. пѣснею о царѣ Діоклитіанѣ и Иванѣ-крестителѣ—у Караджича, т. II, стр. 81—84, а переводъ въ Каликахъ перехож., ч. I, стр. 601—5). Какъ въ вышеприведенныхъ сказкахъ змѣй сдерживается желѣзными обручами, такъ здѣсь сатана сдерживается льдомъ (сравни *Eis* и *Eisen*; см. примѣчан. къ вып. VI, № 27).

22.

ДИВО.

Сказка говоритъ о превращеніи мужика чародѣйкой-женою (или ея любовникомъ) въ кобеля, дятла, воробья и чернаго вòрона, а потомъ о превращеніи невѣрной жены въ кобылицу (или козу), а любовника ея въ жеребца. Извѣстна еще другая варіація этой сказки, но съ подробностями и обстановкою, неудобными для печати. Подобный разсказъ встрѣчается и въ хорутанскомъ сборникѣ Валявца (стр. 257—9); а въ Тысячѣ и одной ночи можно указать на два такихъ разсказа: а) Жена изъ ревности превращаетъ сына своего мужа, рожденнаго отъ невольницы, въ телёнка; а самую невольницу —въ корову, и отдаетъ ихъ одному крестьянину. На праздникъ байрама надо было заклать жертву, и выборъ палъ именно на эту корову и ея телёнка. Оба животныя такъ жалостно мычали и проливали такія горькія слезы, что хозяинъ рѣшился пощадить телёнка и оставилъ ему жизнь. Дочь крестьянина узнала въ этомъ телёнкѣ обращеннаго юношу, взяла тазъ, наполнила водою, пошептала надъ нею, и обратясь къ телёнку, сказала: «если всемогущій Богъ создалъ тебя такимъ, каковъ ты теперь, то оставайся телёнкомъ; но если ты превращенъ

волшебствомъ, то пріими снова свой природный видъ!» При этихъ словахъ она плеснула на него водою—и телёнокъ обратился въ человѣка. Въ благодарность за свое избавленіе, юноша женился на крестьянской дочери; а ревнивая жена сама была превращена въ лань (т. I, стр. 75—86). Ь) Другой разсказъ —«Исторія Сиди-Нумана» (т. X, стр. 208—234): Жена-колдунья, пожирающая мертвецовъ, беретъ кувшинъ съ водою, брызгаетъ въ лицо своему мужу и превращаетъ его въ собаку. Мудрая дѣвица возвращаетъ ему прежній образъ, и научаетъ—какъ отомстить колдуньѣ; въ свою очередь мужъ брызгаетъ на жену—и она дѣлается кобылою. Итакъ, по свидѣтельству арабскихъ сказокъ, превращенія совершаются чрезъ окропленіе *водою*, а по нашимъ сказкамъ—чрезъ ударъ *прутомъ* (*вѣткою* или *плетью*). Этотъ волшебный прутъ извѣстенъ у нѣмцевъ подъ именемъ *Wunschruthe* (см. примѣч. къ вып. V, № 40 и вып. VII, № 4).

24.

СКОРОЙ ГОНЕЦЪ.

См. варіантъ у Худяк., вып. I, № 3: Шелъ по морскому берегу купеческой сынъ, видитъ — чей-то домъ загорѣлся, скинулъ съ себя зипунъ, намочилъ въ водѣ и загасилъ пожаръ. Немного спустя явился туда царь-левъ да прилетѣли орелъ съ соколомъ, ударились всѣ трое ὸбъ полъ, обернулись мὸлодцами, и за услугу, оказанную купеческимъ сыномъ одарили его способностью превращаться въ льва, орла и сокола. Точно также въ сообщенномъ нами спискѣ соколъ, вὸронъ и медвѣдь, избавленные сказочнымъ героемъ отъ змѣя, научаютъ добраго мὸлодца принимать на себя свои собствен-

ные образы, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣляютъ его даромъ чрезвычайно-быстраго бѣга и полёта. Это древнее сказаніе, въ нѣкоторыхъ варіантахъ, подновлено подробностями, созданными въ духѣ христіанскаго ученія: вмѣсто миѳическихъ птицъ и звѣрей, олицетворявшихъ собою вѣтры, бурю и быстролетныя тучи, выведены святые старцы, которые научаютъ юношу, въ награду за его доброе сердце, летать птичкою и бѣгать зайцемъ и быстроногимъ оленемъ. Въ хорутанской редакціи (у Валявца, стр. 199—201) безыменные старцы замѣнены Спасителемъ и апостоломъ Петромъ. Литовская сказка (у Шлейхера, стр. 100—5) повѣствуетъ объ одномъ королѣ, построившемъ черезъ рѣку золотой мостъ; всякой, кто хотѣлъ перейдти пò мосту, обязанъ былъ платить десять талеровъ. У короля было три сына, которые поочередно должны были оберегать мостъ, чтобы никто не ходилъ по немъ даромъ. Въ первую ночь, когда сторожилъ старшій сынъ, явился Господь въ видѣ убогаго старца и просилъ пропустить его черезъ мостъ; но тотъ потребовалъ съ него десять талеровъ. Въ свою очередь и средній сынъ заявилъ то-же требованіе. На третью ночь былъ на караулѣ младшій королевичъ-дурень; онъ имѣлъ доброе сердце, сжалился надъ бѣднякомъ, но не желая нарушать отцовскаго запрету — поднялъ старика и на своихъ плечахъ перенёсъ его пò мосту на другую сторону. Убогой трижды обращается конемъ, орломъ и щукою, приказываетъ королевичу взять отъ коня клокъ шерсти, отъ орла перо, отъ щуки—луску, и надѣляетъ его способностью превращаться въ означенные три образа.—Послѣ того доброй мòлодецъ поступаетъ на службу къ царю, который долженъ сражаться съ страшнымъ непріятелемъ; обращаясь быстроногимъ оленемъ, зайцемъ и пташкою, онъ нàскоро приноситъ царю мечъ-самосѣкъ, и сильное вражее войско терпитъ пораженіе; самъ-же мòлодецъ попадаетъ въ глубокія воды во власть

Морскаго Царя и только тогда освобождается изъ этой неволи, когда осіяло его свѣтлыми лучами солнца. Затѣмъ слѣдуетъ бракъ его съ прекрасной царевною. См. также польскую сказку «Duch pogrzebanego» въ Slov. čitanka, стр. 117—119; Повѣсти и предан. народовъ слав. плем., стр. 147—152 (мòлодецъ превращается ворономъ, зайцемъ и серною). Смыслъ сказанія довольно-ясенъ: воинственный богъ весенней грозы, погруженный въ дождевое море (тучу), несется по небу на крыльяхъ бурнаго вѣтра, разбиваетъ несокрушимымъ мечемъ-самосѣкомъ (т. е. молніею) враждебныя темныя тучи, освобождаетъ изъ-за нихъ блестящее солнце и вступаетъ въ торжественный бракъ съ земною природою, уже оплодотворенною живымъ сѣменемъ дождя.

27.

МУДРАЯ ДѢВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Сказка — заимствованная изъ Тысячи и одной ночи (см. т. XI, стр. 51—128: «Исторія о Али-бабѣ и сорокà разбойникахъ, умерщвленныхъ одною невольницею» и въ III-мъ вып., стр. 125—6); варіантъ—у Худ., вып. III, № 100. Сказка эта извѣстна и у другихъ славянъ (Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, zebrał L. Siemieński, стр. 104—7: «Pieczary w Czarnéj górze»; Narodne pripov. Валявца, стр. 204—6) и у нѣмцевъ (сборн. братьевъ Гриммовъ, т. II, № 142). Было, говоритъ, нѣмецкая сказка, два брата: богатой и бѣдной. Случилось бѣдному идти лѣсомъ мимо большой горы; смотритъ—а къ ней подошли двѣнадцать великановъ и промолвили: «гора Семси, гора Семси, отворись!» И она тотчасъ-же раздѣлилась нàдвое; великаны вступили въ отверстіе, и немного погодя вышли

изъ горы, каждой неся на своей спинѣ по тяжелому мѣшку. «Гора Семси, гора Семси, затворись!» закричали они—и гора затворилась. Бѣдной братъ дождался ихъ ухода, проговорилъ тѣ-же слова и вошелъ въ просторную пещеру, которая вся была наполнена серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями; набралъ себѣ всякаго добра и разбогатѣлъ. Богатой братъ ему позавидовалъ, разузналъ—какъ было дѣло, и отправился въ ту-же пещеру. Набравши огромный запасъ сокровищъ, онъ хотѣлъ было уйдти, да позабылъ названіе горы и сталъ приказывать: «гора Симели, гора Симели, отворись!» — а гора не слушается. Къ вечеру пришли великаны и отрубили ему голову. Эта гора, наполненная сокровищами и охраняемая великанами, есть древняя поэтическая метафора тучи, закрывающей собою золотое солнце, серебреной мѣсяцъ и блестящія звѣзды; въ позднѣйшихъ подновленныхъ передѣлкахъ сказанія роль великановъ играютъ разбойники.

КОНЕЦЪ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Выпуск VII

	Стран.
1. Перушко Финиста-ясна сокола	1
2. Буря-богатырь, Иванъ-коровій сынъ	9
3. Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что: a	25
b	32
4. Моложавыя яблоки и живая вода: a	41
b	45
c	52
d	62
e	66
5. Кощей Безсмертной	69
6. Медвѣдко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри: a	79
b	88
7. Три царства	91
8. Марья-Моревна	98
9. Иванъ-крестьянской сынъ и мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь верстъ	109
10. Незнайко	115
11. Купленная жена	129
12. Заколдованная королевна	138
13. Царь-дѣвица	147
14. Оклеветанная купеческая дочь	155
15. Золотая рыбка	160
16. Разсказы о вѣдьмахъ: a	164
b	165
17. Царевна-сѣра утица	167
18. Королевичъ и дядька	170
19. Неосторожное слово	176
20. Три копѣечки	179
21. Доброе слово	181
22. Диво: a	184
b	188

	Стран.
23. Безногой и слѣпой богатыри: a	191
b	202
24. Скорой гонецъ	206
25. Рога: a	214
b	220
26. Чудесная курица	223
27. Мудрая дѣвица и семь разбойниковъ	230
28. Безстрашной: a	238
b	241
29. Вѣщій сонъ	247
Примѣчанія: 1) къ III-му выпуску	251
2) къ IV-му	271
3) къ V-му	280
4) къ VI-му	482
5) къ VII-му	563
6) къ VIII-му	661

Afanas■ev, Aleksandr Nikolaevič,

Narodnûja Russkija skaski

Bd.: 8

Moskwa (1863)

P.o.rel. 2857-8
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036160-1